В.В. ШЕВЦОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ
ПЕЧАТЬ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВЕКА)

СЕРИЯ

**ТРАНССИБИРСКИЙ
НАУЧНЫЙ ПУТЬ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В.В. ШЕВЦОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВЕКА)

Издательство Томского университета
2016

ББК 76.02 (253)

УДК 070 (571.1/5) (091) <18/19>

Ш 378

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Э.В. Летенков (СПбГУ)

д-р ист. наук, профессор С.А. Красильников
(Институт истории СО РАН)

д-р ист. наук, профессор В.Н. Владимиров (АлтГУ)

д-р ист. наук, профессор Л.М. Дамешек (ИГУ)

Редактор – профессор В.П. Зиновьев (ТГУ)

Шевцов В.В.

Ш 378 Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 622 с.

ISBN 978-5-7511-2394-9

DOI: 10.17223/9785751123949

Исследуется история правительственной периодической печати Сибири – «Томских», «Тобольских», «Иркутских» и «Енисейских» губернских ведомостей в общем контексте истории официальной губернской прессы и общественно-политической жизни России. Охарактеризованы основные направления изучения губернских ведомостей в дореволюционной, советской и современной отечественной историографии. Показаны основные изменения в правовой базе издания губернских ведомостей, рассмотрены правительственные проекты их реформирования. Определены условия возникновения и функционирования, редакторский и авторский состав, читательская аудитория официальной газетной периодики. Раскрыто ее значение в системе государственного управления, развитии провинциальной периодической печати, самоидентификации сибирского социума, научном исследовании региона. Проанализированы тематическое наполнение неофициальных частей сибирских губернских ведомостей, причины изменения их содержания, источники информации, формы подачи газетных материалов. Приведены факты, опровергающие устоявшееся в исследовательской литературе мнение о нежизнеспособности и бессодержательности губернских ведомостей, которые на протяжении всей своей истории развивались, видоизменялись и образовывали региональные варианты.

Для историков, журналистов, политологов, социальных антропологов и всех интересующихся историей России, Сибири, периодической печати, взаимоотношениями власти и общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 No 14.B25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»). Использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «История изучения и освоения Сибири» исследовательского центра ТГУ «Транссибирский научный путь»

ISBN 978-5-7511-2394-9

© Томский государственный университет, 2016

© В.В. Шевцов, 2016

V.V. SHEVTSOV

GOVERNMENTAL PERIODICALS
IN SIBERIA
(THE SECOND HALF OF THE 19TH
CENTURY AND BEGINNING OF THE
20TH CENTURY)

Tomsk state university publishing house
2016

Reviewers:

Prof. E.V. Letenkov (Saint Petersburg State University),

Prof. S.A. Krasilnikov (Institute of History of SB RAS)

Prof. L.M. Dameshek (Irkutsk State University),

Prof. V.N. Vladimirov (Altai State University)

Editor – Prof. V.P. Zinoviev (Tomsk State University)

Shevtsov V.V.

Governmental Periodicals in Siberia (the second half of the 19th century and beginning of the 20th century). – Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2016. – 622 p.

ISBN 978-5-7511-2394-9

DOI: 10.17223/978-5-7511-2394-9

The study is devoted to the history of government-owned periodicals in Siberia (the Tomsk Provincial Gazette, Tobolsk Provincial Gazette, Irkutsk Provincial Gazette and Yenisei Provincial Gazette) in the context of the history of the official provincial press and the social-political life in Russia. The main directions in the study of provincial gazettes in pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historiography are characterized. The book shows the main changes in the legal framework of provincial sheet publishing and reviews government projects for their reform. This research describes the conditions of emergence and functioning of provincial government-owned periodicals, the main stages of their history, their editorial boards, authors and readership. The monograph highlights their role in the state administrative system, the development of provincial periodicals, self-identification of the Siberian society and academic study of the region. The author analyzes the thematic content of the non-official parts of Siberian provincial gazettes, reasons behinds their changing, information sources, and forms in which the material of newspapers was presented. This study contains facts that argue against the established opinion that provincial gazettes were insignificant and non-viable. It shows that provincial gazettes were in constant development, changing and forming regional variants.

This monograph will be of interest to historian, journalists, political scientists, social anthropologists and for everyone who is interested in Russian or Siberian history, the history of periodicals, and state and society relations.

Written within the framework of the project “Man in a Changing World. Problems of identity and social adaptation in history and at present” (the RF Government grant II 220 No. 14.B25.31.0009). The results obtained while conducting project “History of studying and development of Siberia” of the scientific center “Transsiberian Scientific Way”, TSU.

ISBN 978-5-7511-2394-9

© National Research Tomsk State University, 2016

© V.V. Shevtsov, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на распространение электронных средств массовой информации, «бумажная пресса» по-прежнему сохраняет свой универсальный характер, продолжая играть ведущую роль в системе управления и формирования общественного мнения. Законодательные акты вступают в силу после публикации их в «Российской газете». Это издание современного российского государства, имеющее филиалы в крупных городах страны и содержащее региональные вклады, можно считать преемницей дореволюционного «Правительственного вестника» как головного печатного органа в общеперской сети губернских и областных ведомостей. При МВД РФ действует «Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации», в функции которого входит информационное сопровождение деятельности министерства, взаимодействие с журналистами и общественными организациями. Исторически периодическая печать в России возникла по инициативе верховной власти и развивалась под ее непосредственным управлением или опосредованным контролем. Длительное время в провинции круг изданий ограничивался единственной официальной газетой, а говорить о частных, относительно независимых, центральных изданиях возможно только с конца 50-х гг. XIX в. Начатый «Временными правилами о печати» 1865 г. эволюционный путь русского общества к свободе печати и действительную реализацию этого принципа в период социальных катаклизмов 1905–1907 и 1917 гг. в советский период сменила партийно-государственная модель ее развития, при декларативном характере свободы слова и использовании для нужд новой классовой идеологии прежних императивных форм коммуникации власть – общество. В современных условиях эти обстоятельства можно воспринимать как некий исторический груз, приводящий к устойчивому воспроизведению в на-

шей стране определенных особенностей ее развития, так и в качестве отправной точки в осмыслении возможностей, пределов и перспектив влияния государственного аппарата на информационную сферу. «Если бы пришлось выбирать: иметь правительство без газет или газеты без правительства, – я бы не раздумывая выбрал второе», – говорил Томас Джефферсон. Однако исторический опыт российского общества и задачи, встающие на его пути, не предполагают подобного выбора (в рамках афористического суждения применительно к собственной стране остались и слова идеолога западной демократии), а скорее соответствуют высказыванию Шарля де Голля: «Министр не должен жаловаться на газеты и даже читать их. Он должен их писать».

В истории России организатором модернизационных процессов всегда выступает государство, преобразующее социальные и экономические отношения, политическую систему, изменяющее международный статус страны и весь облик российской цивилизации. Одно из звеньев информационного, правового и идеологического обеспечения этой деятельности – периодическая печать, востребованная регулярным имперским государством в качестве одной из рациональных европейских форм повышения эффективности и законности в сфере администрирования. История творит свою печать и в то же время отражается в ней. Развиваясь в силу своего происхождения и назначения как внутри системы государственной печати, так и, ввиду своей структуры (наличия неофициальной части), в составе печати провинциальной, губернские ведомости обнаруживают типологическое сходство и ряд локальных особенностей, связанных с социокультурной самоидентификацией различных регионов – Центральной России, Северного Кавказа, Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Содержащиеся в губернских ведомостях материалы являются ценным, зачастую уникальным источником по истории, этнографии, экономике, журналистике, типографскому делу, общественной и повседневной жизни провинциальной России. Губернские ведомости просуществовали восемьдесят лет в ее европейской части и шесть десятилетий в Сибири, их выход не прерывался цензурными соображениями, сменой редакторов, финансовыми затруднениями или изменениями во внутренней политике. Между тем их история как в масштабах всей Российской империи, так и ее отдельных больших регионов еще не написана.

Значительная роль Сибири в экономическом и геополитическом настоящем и будущем России определяет исследовательский интерес к историческому прошлому этого региона, его экономико-географическим, историко-культурным и политико-административным особенностям. Огромная протяженность территории и ее удаленность от политического центра, окраинный тип управления, этнически разнородный состав населения, наличие в нем переселенческого и ссыльного элемента, слабое развитие социальной инфраструктуры выступали в качестве факторов, детерминирующих особенности имперского управления в Сибири и места в ней официальной печати. Ряд авторитетных суждений, относящихся еще к периоду выхода губернских ведомостей, придал исследовательскому вниманию к этому источнику односторонний и ограниченный характер. В то же время официальные газеты Сибири на всем протяжении своего существования являлись неотъемлемой частью системы периодической печати региона и всей общероссийской печати. Обращение к их содержанию вносит вклад в изучение развития общественного самосознания, формирования субкультуры сибирской интеллигенции, процессов хозяйственного и научного освоения края, особенностей и тематики «сибирского текста», что, в конечном итоге, способствует расширению и детализации картины истории и культуры Сибири.

Глава 1

ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

1.1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Интерес к губернским ведомостям как провинциальной прессе и публикуемым в них материалам возник в среде ведомственных официальных изданий. Уже спустя семь лет после начала массового выхода губернских ведомостей, в 1845 г., «Русский инвалид» сообщал своим читателям: «Отдавая почти ежемесячно отчет о том, что замечательного представляют своим читателям наши столичные журналы, мы до сих пор ничего не говорили об их меньших братьях, губернских периодических изданиях, еще мало развившихся, еще мало известных, но могущих со временем сделаться центрами местной провинциальной литературы. <...> Мы виноваты перед ними, потому что сами нередко пользуемся сообщаемыми ими сведениями»¹. За высокий уровень полиграфического исполнения отмечались «Псковские губернские ведомости», а в качестве лучших по содержанию неофициальной части – «Саратовские» и «Орловские», а также «Нижегородские», редактором которых в 1845 г. стал будущий автор знаменитой дилогии П.И. Мельников. Бедное содержание других ведомостей объяснялось тем, что провинциальные литераторы из авторского самолюбия не публикуются в них и при этом «не дают покоя столичным журналистам и заваливают их кабинеты горами своих статей ... один редактор не в силах дать широкий ход своему изданию, и оно, бедное средствами, является в жалком виде, на серой оберточной бумаге, печатается неуклюжими буквами, какими печатал Гуттенберг, – и местные читатели смотрят на него с пренебрежением»².

¹ Журнальные отметки // Русский инвалид. 1845. № 82. 12 апр. С. 325.

² Там же.

В 1848–1851³ и 1852–1855 гг.⁴ в «Журнале Министерства народного просвещения» выходило «Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 г.» и «Обозрение губернских ведомостей с 1848 по 1850 г.» чиновника Главного управления путей сообщения И.П. Боричевского, занимавшегося учеными разысканиями в области истории, этнографии и археологии. В «Обозрении» по названиям, авторам и номерам ведомостей, имевшим неофициальный отдел, были систематизированы статьи, касающиеся истории Русской православной церкви, археологических находок, языкознания, биографий выдающихся исторических лиц, архивных документов, географии, статистики и этнографии. «Напечатанные в губернских ведомостях статьи, заключающие в себе историческо-географические сведения, географию и статистику, должны быть отнесены к числу материалов, драгоценных для науки: они составлены большею частью людьми, живущими в тех самых местах, которые описывают, и притом по имеющимся там документам, хроникам, народной памяти и т.п.»⁵. В этом высказывании видны озабоченность автора сохранностью материалов официальных губернских газет и соответствующий эпохе подход к определению их источниковедческой значимости, когда письменная фиксация и литературная обработка какого-либо свидетельства полагались достаточным основанием для признания его достоверности: «Этнографические статьи, помещенные в губернских ведомостях, имеют особенно важное значение: будучи списаны с натуры, они носят характер несомненной истины, и многие из них знакомят с такими предметами, которых до сих пор не касалось ничье перо»⁶.

³ *Боричевский И.П.* Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848. Ч. 58. Отд. 6. С. 265–312; Ч. 59. Отд. 6. С. 207–250; 1849. Ч. 61. Отд. 6. С. 279–326; Ч. 63. Отд. 6. С. 324–362; 1850. Ч. 65. Отд. 6. С. 133–164; Ч. 67. Отд. 6. С. 79–116; Ч. 68. Отд. 6. С. 1–27; 1851. Ч. 69. Отд. 6. С. 116–146; Ч. 72. Отд. 6. С. 1–16.

⁴ *Боричевский И.П.* Обозрение губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852. Ч. 75. Отд. 6. С. 1–28; Ч. 76. Отд. 6. С. 129–172; 1853. Ч. 80. Отд. 6. С. 1–27; 1854. Ч. 83. Отд. 6. С. 232–246; 1855. Ч. 85. Отд. 6. С. 133–158.

⁵ *Боричевский И.П.* Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 г. Статья восьмая. Историческо-географические сведения, география и статистика // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 69. Отд. 6. С. 116.

⁶ *Боричевский И.П.* Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 г. Статья девятая и последняя. Этнография // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 72. Отд. 6. С. 1.

Работа И.П. Боричевского была продолжена историком русской литературы и библиографом Г.Н. Геннади – в «Вестнике Императорского Русского Географического общества» в 1852–1859 гг. печатался «Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях» 1851–1856 гг.⁷ Автор пытался раскрыть «богатую и малоизвестную область провинциальной литературно-ученой деятельности»⁸. Некоторые из статей предварялись небольшими аннотациями. Применительно к 1857 г. появились списки статей, опубликованных в неофициальных частях «Иркутских», «Тобольских» и «Томских» ведомостей⁹. В сборе этнографических и фольклорных сведений Г.Н. Геннади, для усиления «местного значения» ведомостей, рекомендовал им придерживаться программы Русского географического общества, составленной в 1848 г. Наконец, другим членом Русского географического общества – этнографом и археологом А.И. Пискаревым – к 1860 г. был завершен масштабный труд по составлению «Алфавитно-синтетического указателя сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей», с 1838 по 1851 г.¹⁰

Более пространными характеристиками губернских ведомостей с кратким воспроизведением содержания опубликованных в них материалов отличались обзоры в частных литературно-публицистических журналах – «Современнике»¹¹, «Русском вестни-

⁷ Геннади Г.Н. Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1851–59 гг. // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1852. Ч. 5, кн. 3. Раздел IV. С. 1–47; 1853. Ч. 8, кн. 3. Раздел IV. С. 1–46; 1854. Ч. 11, кн. 3. Раздел IV. С. 1–41; 1855. Ч. 14, кн. 4. Раздел IV. С. 1–60; 1856. Ч. 18, кн. 5. Раздел IV. С. 1–28; 1858. Ч. 23, кн. 5. Раздел IV. С. 1–22; 1859. Ч. 25, кн. 3. Раздел IV. С. 17–51.

⁸ Геннади Г.Н. Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1851 года // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1852. Ч. 5, кн. 1. Раздел IV. С. 1.

⁹ Геннади Г.Н. Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1857 года // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1859. Ч. 25, кн. 3. Раздел IV. С. 24–25, 39–43.

¹⁰ Пискарев А.И. Алфавитно-синтетический указатель сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1857. Ч. 18, кн. 3. Раздел IV. С. 1–40; 1857. Ч. 20, кн. 4. Раздел IV. С. 41–72; 1860. Ч. 29, кн. 6. Раздел IV. С. 1–34; 1860. Ч. 29, кн. 7. Раздел IV. С. 35–59.

¹¹ Афанасьев А.Н. Обзорение русской литературы за 1849 год // Современник. СПб., 1850. Т. 19. С. 13–36; Афанасьев А.Н. Обзорение русской литературы за 1850 год // Современник. СПб., 1851. Т. 26. С. 3–45.

ке»¹² и «Отечественных записках»¹³. В «Обозрении русской литературы» А.Н. Афанасьева к «наиболее замечательным» ведомостям, выходившим в 1849 г., относились «Новгородские», «Архангельские», «Казанские», «Оренбургские» и «Саратовские», публиковавшие местные материалы, которые в силу своего характера и «излишней скромности» авторов могли не вызвать интереса у центральных изданий, но представляли ценность для науки: «Отечественная история, этнография, археология, география, статистика и филология сделались бы яснее и полнее, если бы каждая скольконибудь замечательная местность обследована была до мельчайших подробностей. Но многие ли из наших ученых могут посетить все замечательные места обширной Российской империи. <...> Вот здесь и являются нам на помощь губернские газеты»¹⁴.

В 1850 г. топ ведомостей расширился до 23 наименований из 45 издаваемых губернскими правлениями: «Архангельские», «Астраханские», «Виленские», «Владимирские», «Вологодские», «Воронежские», «Казанские», «Калужские», «Киевские», «Ковенские», «Курские», «Минские», «Могилевские», «Нижегородские», «Новгородские», «Олонецкие», «Оренбургские», «Полтавские», «Саратовские», «Ставропольские», «Тверские», «Черниговские» и «Ярославские». «Обозрение» предыдущего года вызвало интерес к «этому источнику провинциальной литературы» у читателей «Современника», которые, по словам А.Н. Афанасьева (имевшим вид скрытого призыва к участию местной интеллигенции в наполнении неофициальной части газеты), «откровенно сознавались, что до тех пор едва знали о существовании губернских ведомостей; другие – если и знали, то не думали найти в них столько интересного»¹⁵.

А.Н. Егунов в «Русском вестнике» и «Отечественных записках» анализировал содержание «Владимирских», «Волынских», «Киевских», «Пермских», «Симбирских» и других ведомостей 1855–1856 г. с точки зрения публикации в них исторических документов,

¹² Егунов А.Н. Обзорение губернских ведомостей // Русский вестник. Журнал литературный и политический. М., 1856. Т. 1, кн. 2. С. 222–229; Т. 2, кн. 1. С. 51–63; Т. 3, кн. 2. С. 132–143.

¹³ Егунов А.Н. Обзорение губернских ведомостей // Отечественные записки. Ученолитературный журнал. СПб., 1856. Т. 108, кн. 10. С. 137–148; Т. 109, кн. 11. С. 25–38; Т. 111, кн. 3. С. 25–44.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Обзорение русской литературы за 1849 год // Современник. СПб., 1850. Т. 19. С. 15.

¹⁵ Афанасьев А.Н. Обзорение русской литературы за 1850 год // Современник. СПб., 1851. Т. 26. С. 3.

статистических данных и этнографических очерков. Автор отмечал значение местных правительственных газет как «сокровищницы важнейших статистических материалов, тем более что материалы эти черпаются обыкновенно из официальных, наиболее достоверных источников»¹⁶. Вместе с тем А.Н. Егунов указывал на то, что приводившиеся в ведомостях описания губерний, уездов, отдельных городов и сел носили лишь локальный фактографический характер, без полноценного самостоятельного осмысления и общих выводов. Новые пореформенные условия существования печати, обстановка общественного подъема и «пробуждения провинции» давали основания для определенных надежд в отношении тематики и содержания официальных провинциальных газет со стороны «старших коллег», готовых взять на себя «шефство» над ведомостями: «... Внимание [столичной журналистики] не пропало бы даром и, вероятно, оно поставило бы губернскую литературу на лучшую степень, нежели на какой она теперь стоит: журналы могли бы указать путь, по которому должна следовать она, ибо не каждому пишущему известно, о чем именно писать и что более необходимо...»¹⁷.

Либерализация политического режима и появление у прессы новых возможностей влияния на власть и общество привели к дополнению библиографических обзоров губернских ведомостей интересом к ним как одному из основных видов местной периодики. В столичных изданиях начался обмен мнениями по поводу направления ведомостей, их роли в общественной жизни и места в складывающейся системе российской печати. Началом этой дискуссии можно считать ряд публикаций в 1859 г. в «Русском дневнике», издателем-редактором которого был П.И. Мельников-Печерский¹⁸.

«Московские ведомости» откликнулись статьей из Казани, объясняя, что местные ведомости «задавлены» статьями «о благосостоянии края, о благотворительных распоряжениях местного начальства и благосклонными отзывами об эфемерных удовольствиях провинции»¹⁹, потому что в их распоряжении имеются только очень скудные материальные средства, а редактор находится в зависимом от

¹⁶ Егунов А.Н. Обзорение губернских ведомостей (ноября и декабрь 1855 г.) // Русский вестник. М., 1856. Т. 2, кн. 1. С. 51.

¹⁷ Егунов А.Н. Обзорение губернских ведомостей (ноябрь и декабрь 1855 г.) // Русский вестник. Журнал литературный и политический. М., 1856. Т. 1, кн. 2. С. 44.

¹⁸ Провинциал Т. Нечто о губернских ведомостях // Русский дневник. 1859. № 112. 29 мая; № 113. 30 мая; № 114. 31 мая; № 115. 3 июня; № 116. 4 июня; № 117. 5 июня.

¹⁹ Н.П. [Н.А. Попов – ?] Казанские письма. «Губернские ведомости» вообще и «Казанские» в особенности // Московские ведомости. 1859. № 28. 1 февр. С. 215.

начальства положении. Улучшить содержание неофициальной части в этих условиях могло бы размещение в них поясняющих и руководящих статей к публикациям в части официальной. «Все, изучающие настоящее и прошлое России, сознают необходимость знакомства со статьями местного интереса, помещающимися в наших губернских ведомостях»²⁰, – писали далее «Московские ведомости», приводя в последующих номерах этнографические сведения из «Вологодских», «Черниговских», «Ярославских», «Казанских», «Харьковских», «Калужских», «Оренбургских», «Саратовских» и «Томских» ведомостей²¹. По мнению газеты, редактором ведомостей должен был быть учитель гимназии или лицо, имеющее университетское образование. Обзор современных вопросов, затрагиваемый в губернских ведомостях, – деятельность крестьянских комитетов, женское образование, устройство телеграфных линий, организация публичных библиотек – в этом же, 1859 году, делал журнал «Семейный круг»²², объясняя недостаточное внимание к этим вопросам тем, что чиновники, позволившие себе «печатано открыть завесу провинциальной жизни», могут повредить своей карьере и иметь неприятности от высшего начальства²³. В целом, солидаризируясь с «Московскими ведомостями» в отношении того, что в ведомостях «могли бы высказываться местные потребности, средства к исправлению общественных недостатков», автор считал, что этого не происходит не по организационным причинам: «Многие думают, что губернские ведомости не достигают своей цели потому, что издаются при губернском правлении, и что если бы редакцию неофициальной их части поручить местным гимназиям, они бы переменили свой характер, – едва ли так»²⁴. Включившийся в дискуссию «Московский вестник» также считал, что ведомости должны освещать «проявления народ-

²⁰ Б. [Бабст И.К. – ?] Литературные заметки. Этнографические и исторические статьи губернских ведомостей // *Московские ведомости*. 1859. № 56. 6 марта. С. 41.

²¹ III. [Щепкин М.П. – ?] Обзорение губернских ведомостей // *Московские ведомости*. 1859. № 255. 27 окт. С. 1832–1833; III. Обзорение губернских ведомостей // *Московские ведомости*. 1859. № 256. 28 окт. С. 1838–1840; В последнем случае «Московские ведомости» обратили внимание на статью О.П. – О.Г. Павлова «Описание присоединения к российским владениям южной части Западной Сибири» (*Томские губернские ведомости*. 1859. № 2, 3, 5, 6, 12, 13, 19, 20, 24).

²² Л-ский И. [С.А. Ладыженский – ?] Обзор «Губернских ведомостей» // *Семейный круг*. Журнал литературы, искусства, наук, технологии, промышленности, хозяйства, домоводства, охоты и мод. СПб., 1859. № 5. С. 214–288; № 6. С. 198–209; № 7. С. 224–233.

²³ Л-ский И. Обзор «Губернских ведомостей» // *Семейный круг*. СПб., 1859. № 5. С. 215.

²⁴ Там же. С. 216.

ной жизни, быта и нравов народа, его нужд и потребностей»²⁵. Среди таких провинциальных газет выделялись «Калужские», «Самарские», «Оренбургские» и «Иркутские» ведомости. Объясняя степень использования 54 местных литературных органов в качестве источника для внутреннего обозрения, «Московские ведомости» в 1860 г. выделяли среди них «лучшие органы провинциальной жизни», которые сообщали «прекрасный материал для истории, статистики и этнографии России» или отдавали большее предпочтение текущим известиям, «стараясь быть отголоском важнейших нужд и потребностей своего края»²⁶. Это «Калужские», «Саратовские», «Оренбургские», «Самарские», «Ярославские», «Владимирские», «Вологодские», «Нижегородские», «Черниговские», «Рязанские» и «Орловские» ведомости («Иркутских губернских ведомостей» среди этого списка уже не было). Большая же часть ведомостей ограничивалась лишь перепечатками или «очень плохими» фельетонами. Совет, который давали «Московские ведомости» своим провинциальным коллегам и который многими из них уже воплощался, – печатать на своих страницах статистические, этнографические и исторические материалы, собираемые местными губернскими статистическими комитетами.

Историк и журналист Р.Г. Игнатьев, работавший в «Новгородских», а затем в «Оренбургских» губернских ведомостях, в журнале «Иллюстрация» в 1860 г. также выносил суровый приговор тем местным казенным газетам, которые увлекались перепечатками, пренебрегая интересами местной жизни. Он предлагал допустить на страницы неофициальной части беллетристику и издавать ее отдельно под руководством частного лица «вне всякого влияния губернских властей»²⁷. Статья вызвала выговор цензору и предупреждение редактору, поскольку была напечатана без предварительного согласования с Министерством внутренних дел, в ведении которого находились губернские ведомости²⁸. По поводу статьи Р.Г. Игнатьева «Московские ведомости» в 1862 г. опубликовали мнение из села Берестова, в котором большее или меньшее значение ведомостей и отношение к ним чиновного общества целиком и полностью связыва-

²⁵ [Плецев А.Н. – ?] Заметка кое о чем // Московский вестник. 1860. № 27. С. 432–435.

²⁶ Внутренняя корреспонденция. «Губернские ведомости» и губернные статистические комитеты // Московские ведомости. 1861. № 3. 4 янв. С. 19.

²⁷ Игнатьев Р.Г. Вопрос о преобразовании губернских ведомостей // Иллюстрация. СПб., 1860. № 146. 24 нояб. С. 326–327.

²⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5510. 1860 г. Л. 11–12.

лось с фигурой губернатора, в убеждениях которого «заключается развитие или совершенное уничтожение деятельности редактора неофициальной части губернских ведомостей». Автор предлагал сохранить должность редактора в составе губернского чиновного аппарата и соединить ее с должностью секретаря статистического комитета, с жалованьем в 1600 руб. в год и суммой в 600 руб. для выплаты авторских гонораров. Назначенная законом программа газеты «могла бы быть расширена дозволением помещать в ней повести, рассказы и вообще статьи, имеющие по своему содержанию литературно-общественный интерес»²⁹. В продолжение дальнейших шагов по реформированию «отживших» и «немых» губернских ведомостей Р.Г. Игнатьев предлагал передать ведомости и губернские типографии в аренду частным лицам и упразднить газетный стол, открыть в ведомостях юридический отдел, отдел критики и библиографии, допускать в неофициальной части «беллетристику, рассказы, стихотворения, ученые статьи преимущественно местного интереса, иметь постоянный политический отдел и телеграфные депеши»³⁰. Аналогичное мнение высказал С.Н. Терпигорев, отправив в 1862 г. в «Голос» статью «Губернские ведомости» о передаче их «литературным каторжникам» из петербургских редакций. Однако по цензурным соображениям эта публикация не состоялась³¹.

В 1861 г. в газете либерального направления «Русское слово» появились два новых раздела – «Современная летопись» и «Дневник темного человека», – которые вели Г.Е. Благосветлов и Д.Д. Минаев, извлекая из ведомостей информацию о «мерзостях и пакостях», совершаемых по всей России (например, формируя из хроники происшествий «хронику побоев»), и отпуская острые замечания по поводу творчества провинциальных литераторов. Например, в «Симбирских губернских ведомостях» 1862 г. «какой-то провинциальный “афтор”» извещал своих земляков о том, что «в Петербурге по улицам ходят какие-то турки в масках и режут всех, кто под руку ни подвернется». В этой же статье объявлялась новость, что ни одно русское имя не начинается с буквы «Ж» – «открытие это до такой степени замечательное, что оно, вероятно, будет перепечатано во всех газе-

²⁹ *Н-ов* (Село Берестово, 17 декабря 1860 г.) О губернских ведомостях // Московские ведомости. 1861. № 38. 16 февр. С. 310–311.

³⁰ *Игнатьев Р.* Еще о губернских ведомостях (с. Тунгатарово Оренбургской губернии, 2 апреля) // Московские ведомости. 1861. № 155. 15 июля. С. 1249.

³¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 26. Д. 27. 1863 г. Л. 1–3.

тах»³². Обращаясь к местным корреспондентам, «темный человек» иронизировал: «Вам ли воспевать природу с ее таинствами в ущерб таинствам провинциальных судов, канцелярий и пр. и. пр.? Или уже окружающая вас среда обратилась в счастливую Аркадию?»³³. «Современный летописец» призывал губернские ведомости разрабатывать местные вопросы, в особенности касающиеся крестьянской реформы, как это делали «Ярославские губернские ведомости», и быть тем самым «хорошим подспорьем для внутренней хроники столичных газет и журналов»³⁴.

В использовании публикаций в ведомостях в качестве заслуживающего доверия официального источника дальше всего, в интересах «освободительного движения», пошли издания революционно-демократического направления. С 1860 г. в «Современнике» выходило «Внутреннее обозрение» – «постоянная хроника внутренней жизни нашего отчества», которую вел С.Т. Славутинский³⁵. В одном из писем к нему Н.А. Добролюбов призывал «группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений», чтобы «колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху»³⁶. Несмотря на то, что Н.А. Добролюбов в предисловии к рецензии на «Пермский сборник» (Москва, 1859) считал, что выходящие ведомости «до того сухие, что иногда в них целый год ничего не помещается, кроме перепечатки объявлений вновь выходящих книжек петербургских и московских журналов»³⁷, в своей статье «Опыт отлучения людей от пищи» (направленной против деятельности одного из откупщиков) он основывался на статье «Небывалое возмущение», напечатанной в «Самарских губернских ведомостях» их редактором Д.Л. Мордовцевым³⁸. Материалы «Оренбургских губернских ведомостей» Н.А. Добролюбов использовал для обнародования фактов взяточничества и спекуляции местных чиновников, а «Самарские губернские ведомости» – вновь в статье «О распространении трезво-

³² *Дневник темного человека* // Русское слово. 1862. Март. Отд. 3. С. 18–19.

³³ Там же. Май. Отд. 3. С. 37.

³⁴ *Современная летопись* // Русское слово. 1862. Март. Отд. 3. С. 19.

³⁵ *Добролюбов Н.А., Славутинский С.Т. Внутреннее обозрение* // Современник. 1860. № 3. С. 231–235; *Добролюбов Н.А. Собрание сочинений* : В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 150–154.

³⁶ *Переписка Н.А. Добролюбова с С.Г. Славутинским* // Огни: История. Литература. Пг., 1916. Кн. 1. С. 67–68.

³⁷ *Добролюбов Н.А. Новые книги* // Современник. 1859. № 10. Отд. 2. С. 358.

³⁸ *Добролюбов Н.А. Опыт отлучения людей от пищи* // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 438–460.

сти в России». К фактам из «Киевских губернских ведомостей» и газеты «Кавказ» обращался также и Н.Г. Чернышевский³⁹.

Всероссийскую огласку получали сведения из губернских ведомостей в «Колоколе» А.И. Герцена, в случае если их возможно было интерпретировать как очередное «злодейство» правительства или помещиков⁴⁰. Свой первый опыт редакторской и публицистической деятельности Герцен приобрел во Владимире, когда в 1838 г., после перевода из вятской ссылки, он был зачислен в канцелярию губернатора и стал редактором «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям». Об этой работе «дворянский революционер» оставил саркастическую характеристику, соответствующую его взглядам на самодержавие и деятельность его аппарата: «У нас правительство, презирая всякую грамотность, имеет большие притязания на литературу, и в то время как в Англии, например, совсем нет казенных журналов, у нас каждое министерство издает свой, академия и университеты – свои. <...> Взявши все монополии, правительство взяло и монополию болтовни, оно велело всем молчать и стало говорить без умолку»⁴¹.

«Губернские ведомости» и их авторы стали предметом сатиры у М.Е. Салтыкова-Щедрина, в ведении которого в период работы рязанским вице-губернатором в 1858–1860 гг. находились «Рязанские губернские ведомости». В фельетоне «Литераторы-обыватели» (1861) он вывел фигуру провинциального обличителя Корытникова, который многословно, со смешением высокого стиля общих рассуждений с фактами мелких административных правонарушений рассуждал об умственном и гражданском развитии: «В то время как ты мучишься в потугах рождения, чтоб бросить миру какую-нибудь высокопарную мысль о человечестве и постепенном поступании его

³⁹ Ковалева М.М. Русская провинциальная печать в оценке журнала революционной демократии «Современник» // Становление и развитие местной печати России : Межвузовский сборник трудов. Воронеж, 1985. С. 29.

⁴⁰ См.: Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985. С. 30–32.

⁴¹ Герцен А.И. Былое и думы. Куйбышев, 1975. С. 319–320. С легкой руки Герцена вошло в литературу утверждение, что «Блудов выдумал “Губернские ведомости”» (см., например: Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. М., 1971. С. 21; Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. С. 28). Хотя министром внутренних Д.Н. Блудов стал в 1832 г., а законопроект 1830 г. об издании губернских ведомостей вышел в период управления министерством А.А. Закревским (Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3, кн. 1. С. 10).

на пути совершенствования, трезвая и неподкупная действительность силой приковывает тебя к тесной твоей раковине, к родному твоему Глупову! И выходит тут нечто нелепое: Глупов – и человечество, судья Лапушников – и вечные законы правды...»⁴². В фельетоне «Наша общественная жизнь» (1863) губернские ведомости в своей благонамеренности и трафаретности описаний официальных торжеств ставились в один ряд с «Голосом» («Куриным эхом») и «Русским листком» («Убогим листком») как примеры «картонной литературы»: «“Из Рязани пишут, что выборы произведены в совершеннейшем порядке”; “Из Саратова пишут, что по случаю упразднения откупов ожидали некоторых беспорядков, однако все обошлось смирно: народ пил дешевку и похваливал”; “Из Калуги пишут, что там, по случаю назначения нового губернатора, дворяне решились дать бал”; “Из Костромы пишут, что там дворяне решились дать бал без всякого случая”. <...> Такого рода сплошным благородством давно уже с величайшим успехом занимаются все губернские ведомости обширной Российской империи. Неужели же наша литература осуждена превратиться в губернские ведомости? ужели общество, для которого литература все-таки служит органом, допустит такое нелепое превращение?»⁴³. В продолжение темы, перепечатку из «Тверских губернских ведомостей» в газете «День» – «Описания двух дней праздника по случаю поднесения дворянами и крестьянами Кашинского уезда Тверской губернии, IV мирового участка, кубка своему мировому посреднику Петру Николаевичу Головину», написанную в соответствии со стилем «теории официальной народности», Салтыков-Щедрин определил как жанр «балетной этнографии»⁴⁴.

Коллеги классика русской сатиры по революционно-демократическому лагерю были с ним солидарны в отношении к губернским ведомостям. Публицист Н.В. Шелгунов в статье-очерке «Гражданские элементы Иркутского края» (1863)⁴⁵ писал, что

⁴² Салтыков-Щедрин М.Е. Литераторы-обыватели // Современник. 1861. № 2. С. 371–408.

⁴³ Салтыков-Щедрин М.Е. Наша общественная жизнь // Современник. 1863. № 3. С. 175–202.

⁴⁴ Там же. № 12. С. 197–242.

⁴⁵ Статья была написана по результатам поездки Н.В. Шелгунова в Сибирь к М.Л. Михайлову, сосланному на каторгу по делу о распространении революционных прокламаций. В сентябре 1862 г. после прибытия на Казаковский прииск, где содержался Михайлов, Шелгунов был арестован. Полтора года он содержался в Петропавловской крепости, а в конце 1864 г. выслан в Вологодскую губернию (*Русские писатели. Биобиблиографический словарь* / под ред. П.А. Николаева. М., 1990. Т. 2. С. 401). Таким образом, радикально-революционное

«Ведомости» «стали кидаться в литературность; от этого в них относительно убавилось дела и прибавилось лишних слов», между тем они должны быть справочником-хроникой провинциальных событий и происшествий, «складом фактов» для частных, более серьезных и идейных газет: «Пусть публикуют они все, что случится в губернии – грабежи, убийства, кражи, банкротства, пусть дают статистические сведения об экономическом быте сельских и городских сословий, о людях бедных и богатых, о том, как живут чиновники, о том, как наживаются купцы, о том, как существуют крестьяне и мещане»⁴⁶. В.А. Слепцов, высмеявший «попытки народной журналистики» в виде журналов «Мирской вестник» и «Мирское слово»⁴⁷, в статье «Губернская пресса» (1865), напечатанной в «Современнике», определил губернские ведомости как «мертворожденные детища разных губернских правлений», которые пишут «не публицисты, а канцелярские служители, сшивают сторожа и печать наклеивают они же»⁴⁸. Категоричность и выразительность этой формулировки так полюбилась некоторым историкам печати, что она стала приводиться при случае, когда необходимо было кратко и хлестко выразить свое отношение к губернским ведомостям вообще или к отдельным их наименованиям в частности⁴⁹. С иронией пройдясь по содержанию и «прогрессивных органов провинциальной журналистики», носящих подражательный характер столичным московским газетам, Слепцов заключал свою статью выводом, что «чего-нибудь особенно нового в пределах провинциальной журналистики и совсем никогда не бывает»⁵⁰.

«Русское слово» (журнал закрыт в 1866 г.) размещало на своих страницах статью не просто неблагонадежного автора, а политического заключенного.

⁴⁶ Шелгунов Н.В. Гражданские элементы Иркутского края // Русское слово. 1863. Сентябрь. С. 21–22.

⁴⁷ Слепцов В.А. Попытки народной журналистики // Современник. 1863. № 3. С. 131–144.

⁴⁸ Слепцов В.А. Губернская пресса // Современник. 1865. № 9. С. 43.

⁴⁹ См.: Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 305; Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Д, 1969. С. 108; Булачев Х.С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981. С. 4; Мандрика Ю.Л. «Голодниковский период» созвучен с «ледниковым»... // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. Кн. 1. С. 4.

⁵⁰ Слепцов В.А. Указ. соч. С. 53.

В статистике русских периодических изданий, которую приводила газета «Голос» (1865), из 325 наименований (без Польши и Финляндии) 127 принадлежали правительственным учреждениям (из них 55 – издания губернских правлений), 40 – различным обществам и 161 – частным лицам. Вывод в отношении провинциальных газет и места в них губернских ведомостей носил безапелляционный характер: «За исключением ... “Одесского вестника”, “Киевлянина”, “Кронштадтского вестника”, “Николаевского вестника”, пользующихся большею известностью, прочие из провинциальных изданий, выходящих на русском языке, к сожалению, представляют весьма мало интереса. Особенно погрешают в этом отношении губернские ведомости, из которых некоторые представляют не более, как макулатурную бумагу»⁵¹.

Известный библиограф В.И. Межов (1870), называя лучшими среди ведомостей «Архангельские», «Бессарабские», «Олонецкие», «Пермские», «Таврические», «Терские», «Харьковские» и «Ярославские», а «Виленские», «Ковенские», «Екатеринославские», «Московские», «С.-Петербургские», «Смоленские» и «Тульские», представляющие из себя «степь Сахару», так же как и Р.Г. Игнатьев, предлагал передать официальные газеты в аренду частным лицам: «Правительство перестало бы тратить деньги большею частью непроизводительно; общество имело бы несколькими десятками занимательных и полезных газет более... а что в каждом губернском городе достаточно хватило бы интеллектуальных сил на издание серьезного органа отечествоведения, то в этом не может быть никакого сомнения. <...> И так, даже и при настоящем порядке вещей, едва обеспечивающем существование местных казенных органов печати, находятся люди бескорыстно преданные делу исследования и описания известного края»⁵².

В 70-х гг. в дискуссию о соотношении центрального и регионального секторов российской печати включились бывшие сотрудники губернских официальных изданий – Д.Л. Мордовцев (в 1856–1862 гг. редактор «Саратовских губернских ведомостей») и А.С. Гацисский (секретарь нижегородского губернского статистического комитета). В 1869 г. на страницах «Нижегородских губернских ведомостей» А.С. Гацисский определял задачи провин-

⁵¹ *Статистика русских периодических изданий в 1865 году // Голос. Газета политическая и литературная. 1866. № 21. 21 янв. С. 1–2.*

⁵² *Межов В.И. Краткий статистический и библиографический обзор русского отечествоведения за 1859–1868 гг. СПб., 1870. С. 14–15.*

циальной печати как разработку местных «строго-исторических, статистических, этнографических, земских и т.д. интересов», а не создание «доморощенной публицистики» в подражание петербургской⁵³. Свое убеждение он подкреплял конкретной деятельностью, начав издание продолжающегося «Нижегородского сборника» (в 1867–1890 гг. вышло 10 томов), посвященного положению и быту крестьян, экономическому развитию губернии, состоянию в ней системы образования и здравоохранения. Д.Л. Мордовцев, напротив, предсказывал, что рост столиц – «вселенских спрутов», сосредоточивающих в себе все лучшие духовные и экономические силы страны, приведет к окончательной централизации печати, обрекая провинциальных «соработников» столичных изданий на «измельчание» и «духовное убожество»⁵⁴ (сам Мордовцев в 1872 г. окончательно перебрался из Саратова в Петербург, где начал серию исторических романов, составивших ему известность у современников⁵⁵). В то же время в своих рассуждениях Мордовцев противоречил себе, приводя мнение Гацисского как «самого видного представителя» провинциальной печати о том, что печать провинции может рассказать об историческом прошлом каждой отдельной территории во всех мельчайших подробностях, недоступных или безынтересных историку-централисту. Гацисский в открытом письме Мордовцеву высказался против монополии столичной журналистики, находящейся в неведении о том, что делается в провинции, газеты которой в середине 70-х гг. стали разрабатывать темы, немыслимые 10–15 лет назад, переставая быть «кабальной батрачкой» петербургской печати. В отношении места губернских ведомостей среди провинциальных изданий Гацисский писал, что их существование вовсе не мешает развитию частной прессы: «Была бы газета хороша, а подписчики ее поддержат. ... “Губернские ведомости” пусть их будут “Губернскими ведомостями”»; уничтожение же их искусственной монополии именно с целью создания или поддержания другой искусственной монополии частных газет, по меньшей мере непоследовательно»⁵⁶. В этой полемике приняли участие «Камско-Волжская газета», «Сибирь»

⁵³ Гацисский А. С. О местной печати и о «Нижегородских губернских ведомостях» в особенности // Нижегородские губернские ведомости. 1869. № 3. 15 янв. С. 18.

⁵⁴ Мордовцев Д.Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 9. С. 44–70; № 10. С. 1–32.

⁵⁵ Даниил Лукич Мордовцев (Некролог) // Исторический вестник. СПб., 1905. Т. 101, кн. 7. С. 210–214.

⁵⁶ Гацисский А.С. Смерть провинции или нет. Открытые письма Д.Л. Мордовцеву. Н. Новгород, 1876. С. 16–17.

и «Тифлисский вестник». Дискуссия не завершилась примирением⁵⁷ – в 1877 г. Д.Л. Мордовцев в ответ на письмо А.С. Гацисского «Вашу руку, товарищ!» в «Неделе» ответил, что он «не уступил» и «не отступил» от того, что говорил в «Деле». Каждая из сторон, делал вывод Х.С. Булацев, «после долгих споров и “объяснений” осталась на исходных позициях»⁵⁸.

В 1896 г. в журнале «Новое слово» появилась оценка, аналогичная мнению В.А. Слепцова, «изгоняющая», по словам редактора «Пермских губернских ведомостей», губернские ведомости из «общей семьи русской печати»: «Губернские ведомости, за малым исключением, не в силах идти в уровень с ростом нашей общественной жизни ... Песенка их спета, если только они когда-либо пели ее. Они не могут заменить местных частных органов, что и доказали своей полувековой дремотой и жалким бесцветным прозябанием»⁵⁹. Хотя сам автор, рассматривавший губернские ведомости как «презервативный» орган местной администрации против частных изданий, признавал, что в их ряду есть и те, которые «занились беспристрастным изучением местных и общегосударственных нужд, стараясь отвечать на вопросы, которые ставит наша жизнь» (как, например, «Пермские», «Тамбовские», «Нижегородские», «Вятские» и другие губернские ведомости).

Сами ведомости стали заявлять о себе по мере накопления материалов в их неофициальных частях, что приводило к необходимости составления тематических и хронологических указателей. Действующие редакторы или лица, когда-либо исполнявшие эту должность, смотрители типографий или секретари губернских статистических комитетов (часто эти должности совмещались) становились первыми авторами очерков истории губернских ведомостей, содержащих в себе имена их сотрудников, сведения о тираже, периодичности, тематике разделов, взаимоотношениях с властью и частными изданиями. Для составления указателей проделывалась титаническая работа. Так, И.И. Васильевым было просмотрено более пяти тысяч номеров «Пензенских губернских ведомостей» за 50 лет их издания,

⁵⁷ Сундиева А.А. Культурный и общественный смысл дискуссии о провинциальной печати (70-е гг. XIX в.) // Провинциальный город: культурные традиции и современность. М., 2000. С. 120.

⁵⁸ Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981. С. 133–134.

⁵⁹ М. К-ий. Провинциальная печать. Губернская пресса // Новое слово. Журнал научно-литературный и политический. СПб., 1896. № 12. С. 168.

выделено 3 тысячи публикаций, распределенных по 25 рубрикам. Д.Д. Смышляев расположил по тематическому принципу 1 885 публикаций неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» за 1838–1885 гг., а именной указатель содержал 494 фамилии авторов⁶⁰. Составители избирали различные способы упорядочивания материала – по хронологическому, предметному, авторскому и географическому принципам. К концу XIX в. вышло 120 указателей по 32 губернским ведомостям из 40 издававшихся на территории Российской Федерации⁶¹. Они публиковались в виде отдельных работ, в самих ведомостях и других местных изданиях – «Трудах» и «Ежегодниках» губернских статистических комитетов, «Памятных книжках», «Трудах» архивных комиссий.

Всплеск интереса к ведомостям пришелся на 1888 г., когда большинство из них отмечало свое пятидесятилетие и у местных литературных сил появилась возможность подвести определенные итоги развития газеты, выделить этапы ее истории, представить ретроспективу статей неофициальной части. Таковы работы Н.Е. Ермилова об «Архангельских губернских ведомостях» (1888)⁶², В.В. Соловского о «Тамбовских губернских ведомостях» (1888)⁶³, П.А. Альбицкого о «Нижегородских губернских ведомостях» (1888)⁶⁴, И.И. Васильева о «Пензенских губернских ведомостях» (1889)⁶⁵, Н.В. Воскресенского о «Воронежских губернских ведомостях» (1888–1890)⁶⁶ и др. Столетие губернской типографии также

⁶⁰ Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости» с 1838 по 1917 гг. (Краеведческий очерк) // Языки и ономастика Прикамья: Сборник статей. Пермь, 1973. С. 117.

⁶¹ Озерова Г.А. Источники краеведческой библиографии (губернские ведомости и указатели их содержания) // Труды ГПИБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 3(6). С. 133.

⁶² Ермилов Н.Е. 1838–1888. Пятидесятилетие издания «Архангельских губернских ведомостей». Архангельск, [б.г.]; Ермилов Н.Е. Полный систематический указатель статей, помещенных в неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» за 1882–1887 гг. Архангельск, 1888.

⁶³ Соловский В.В. Указатель статей, помещенных в «Тамбовских губернских ведомостях» с 1838 по 1888 год. Тамбов, 1888.

⁶⁴ Альбицкий П. Из истории местной печати. Историко-литературный очерк (по поводу пятидесятилетия «Губернских ведомостей») // Нижегородские губернские ведомости. 1888. № 6. 10 февр. С. 2–3; № 7. 17 февр. С. 2–3; № 8. 24 февр. С. 2–3; № 10. 9 марта. С. 2–3; № 11. 16 марта. С. 2–4; № 12. С. 2–3; № 13. 30 марта. С. 2; № 15. 13 апр. С. 5; № 19. 11 мая. С. 2; № 21. 25 мая. С. 4; № 22. 1 июня. С. 5; № 23. 8 июня. С. 3.

⁶⁵ Васильев И. И. «Пензенские губернские ведомости». Первое пятидесятилетие. 1839–1888. Отдел неофициальный: систематический свод статей, относящихся к Пензенскому краю, хронологический и алфавитный указатели. Пенза, 1889.

⁶⁶ Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888.

становилось поводом для обращения к истории издаваемой в ней газеты. В.А. Скрипичин (1895) не без гордости писал о «Саратовских губернских ведомостях» после изменения программы их издания в 1888 г.: «Не велик наш огонек, но и слабый блеск мерцающего вдали огонька выводит заблудившегося путника на дорогу»⁶⁷. Его коллега, В.М. Хороманский (1895), подробно рассказал об истории саратовской губернской типографии, состоянии и обновлении ее оборудования, условиях работы и квалификации типографских рабочих⁶⁸. Ведомости, которые начали выходить после 1838 г., отметили свое пятидесятилетие аналогичными публикациями позднее, например статья Б.М. Городецкого о «Кубанских областных ведомостях» (1913)⁶⁹.

Благодаря указателям губернских ведомостей их содержание включалось в общероссийское информационное и научное пространство, делалось доступным для развития «родиноведения» и «отечествоведения», что отмечалось рецензентами в центральных изданиях: «Неофициальный отдел наших “Губернских Ведомостей” составляет до сих пор для каждого исследования нашей провинциальной жизни совершенный лес дремучий. Среди ужаснейшего хлама, в массе материала, печатаемого в “Неофициальном отделе”, попадают драгоценности, которые пропадают почти бесследно»⁷⁰. Развитие русской истории и этнографии повышало ценность неофициальных частей губернских ведомостей в качестве источника⁷¹.

⁶⁷ Скрипичин В.А. «Саратовские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1838–1894 гг. Очерк составлен ко дню празднования столетия губернской типографии. Саратов, 1895. С. 20.

⁶⁸ Хороманский В.М. Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894 гг. Саратов, 1895.

⁶⁹ Городецкий Б.М. По поводу 50-летия издания «Кубанских областных ведомостей» (1863–1913): Библиографический набросок // Кубанский сборник на 1914 г. Екатеринодар, 1914. Вып. 19. С. 623–644.

⁷⁰ П. Памятная книжка редакции неофициального отдела «Тамбовских губернских ведомостей» по поводу их пятидесятилетия (1838–1888 гг.). Составил В.В. Соловский. Тамбов, 1888 // Исторический вестник. 1888. Т. 34. Декабрь. С. 779. Аналогичную положительную рецензию встречаем в другом номере журнала: *Тр-в С. Пензенские губернские ведомости*. Первое пятидесятилетие. 1839–1888. Отдел неофициальный: систематический свод статей, относящихся к Пензенскому краю, хронологический и алфавитный указатели. Составил И.И. Васильев. Пенза, 1889 // Исторический вестник. 1890. Т. 39. Январь. С. 206–207.

⁷¹ См., например: Барсов Е.В. Обзор этнографических данных, помещенных в разных губернских ведомостях за 1873 г. // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13, вып. 1. Труды этнографического отдела. Кн. 3, вып. 1: Протоколы заседаний Отдела (с 22 декабря 1867 по 23 апреля 1874 г.). М., 1874. С. 77–83.

и ставило задачу его «обследования» в масштабах всей страны. Историк и этнограф Н.Ф. Сумцов отмечал, что «в общей громадной массе областных ведомостей встречаются весьма ценные номера», «эти скромные издания вносили в провинциальную глушь кое-какие сведения о мире и людях», и пятидесятилетний юбилей их издания в 1888 г. должен ознаменоваться составлением общего и подробного указателя их содержания»⁷².

На необходимость сохранения и изучения губернских ведомостей Сибири «для пользы науки и в видах содействия местным исследователям» указывал И.В. Щеглов (1883). По мнению создателя первой сибирской хроники, ведомости сохранили на своих страницах множество любопытных материалов для местной истории, этнографии, статистики, лингвистики, метеорологии и пр. Как внимательный к каждому факту и событию прошлого историк, И.В. Щеглов отмечал, что «эти издания уже сделались библиографическою редкостью» и необходимо издавать указатели содержащихся в них статей, а наиболее ценные и интересные из них обобщить в сборнике⁷³.

В первом обобщающем исследовании, посвященном истории Иркутска (1891), написанном Н.Н. Бахметьевым и отредактированным иркутским городским головой В.П.Сукачевым, статьи «Иркутских губернских ведомостей» использовались в качестве источника по истории общественной жизни, развитию образования, состоянию экономики Восточной Сибири⁷⁴. Историк В.С. Иконников в своем «Опыте русской историографии» (1891) включил губернские и епархиальные ведомости в разряд источников по русской истории и представил краткий обзор отдельных региональных сборников, перепечатававших их статьи⁷⁵.

В конце XIX – начале XX в. издатели, газетные работники, журналисты, библиографы подводили некоторые итоги развития российской печати, которой в 1903 г. исполнилось 200 лет. Публицист и издатель Б.Б. Глинский в очерке об истории и современном положении провинциальной периодики (1898) заключал, что к концу

⁷² Сумцов Н.Ф. Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии. Оттиск из февральской книжки журнала «Киевская старина». Киев, 1888. С. 2, 7–8.

⁷³ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882). Сургут, 1993. Репринт. воспр. изд. 1883, под ред. А.А. Преображенского. С. 348.

⁷⁴ Сукачев В.П. Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891.

⁷⁵ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. С. 329.

ХІХ в. «мечта наших областников сбылась: провинциальная печать во всех губернских центрах завоевала себе право гражданства и является действительной руководительницей местного общества»⁷⁶. В отношении же губернских ведомостей Б.Б. Глинский делал вывод, что «правительству, сосредоточившему в своих руках губернскую прессу, несмотря, может быть, на самые благие побудительные намерения, не удалось сделать из них влиятельных и руководящих органов печати, и вся их роль сошла на роль справочных изданий по части официальных объявлений, полицейских распоряжений и казенных объявлений на разные торги»⁷⁷.

Известный русский писатель В.Г. Короленко в статье «Из истории областной печати» (1897), посвященной памяти А.С. Гацисского, представил процесс «оживления» губернских ведомостей как трагикомедию, действующие лица которой – просвещенный администратор, покровительствующий печатному слову, и представители губернской интеллигенции, «с жаром и пылками надеждами» принимающиеся за неофициальную часть. «В первом действии – общее благоволение и призывы “к совместному труду на пользу края”. Во втором – появление первого обновленного и “оживленного” номера, знаменующего начало процветания местной прессы. Потом – первые тучи на ясном небе. Одной стороне казалось, что достаточно доброго желания, чтобы все процвело во “вверенном крае”, и что теперь “темные стороны” могут существовать разве только в соседних губерниях. Другая ждала, что ей позволено будет раскрывать “бедность и несовершенства нашей жизни” и призывать лучшее будущее. На этой почве взаимные недоразумения растут, как грибы, “оживление” вскоре кончается среди обоюдного охлаждения и недовольства, неофициальный отдел исчезает или принимает чисто канцелярский характер...»⁷⁸. Однако в каждом губернском городе есть свой Гацисский «больших или меньших размеров»⁷⁹, заключал В.Г. Короленко свою характеристику этого одного из выдающихся деятелей провинциальной печати. «Работа в “Губернских ведомостях” в ту пору (60–70-е годы) имела совершенно специфическое значение как важный вид общественного служения и привлекала

⁷⁶ Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1898. № 1. С. 320.

⁷⁷ Там же. С. 305.

⁷⁸ Короленко В.Г. Из истории областной печати (памяти А.С. Гацисского) // Сборник в память Александра Серафимовича Гацисского. Н. Новгород, 1897. С. 10–11.

⁷⁹ Городецкий Б.М. Указ. соч. С. 27.

лучших представителей местной прогрессивной и демократической интеллигенции»⁸⁰, – такое суждение В.Г. Короленко приводил в «Истории русской фольклористики» М.К. Азадовский. Редакторы же, вступавшие в должность не по призванию, а лишь по воле губернатора, по мнению другого представителя провинциальной прессы М. Туринского, относились к своему делу лишь как подчиненные чиновники: «только бы кого не прогнать! <...> И вот из-за таких чисто соображений редакторы охотно давали место историческим очеркам, описаниям местных древностей, обычаев, народных преданий и т.п.»⁸¹.

В сборнике статей, приуроченном к юбилею русской периодической печати (1903), празднование которого «вылилось в разговор о бесправном, угнетенном положении прессы в России»⁸², Н.М. Лисовский определял губернские ведомости лишь как «столбцы официальных сведений и казенных объявлений»⁸³. С точки зрения расстояния, пройденного печатью к началу XX в. и вставших перед ней к этому времени общественно-политических задач ведомости (как и вся пресса дореформенного периода) казались малозначительными по содержанию и значению. «Да, очень, очень ничтожна была ежедневная пресса 1848–1855 гг., ничтожна, начиная с формата, – писал С.А. Венгеров, – а на каждый день газеты довольствовались заимствованиями из “Губернских ведомостей” о том, что в таком-то городе стала река, найден клад, пролетел метеор, прибыл преосвященный, родился теленок о шести ногах и т.д. <...> “Губернские ведомости”, состоявшие и состоящие поднесь из распоряжений губернского правления и этнографических сведений, мы, конечно, не включаем в число газет»⁸⁴. Редакция печатала в неофициальной части «все, что ни попадалось на глаза», писал Н.Н. Столпянский о неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей». «Попалась статья “о вреде табака”, и она помещалась, предложил какой-нибудь из представителей местного бомонда напечатать стихи – и они появля-

⁸⁰ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 215.

⁸¹ Туринский М. Газеты в провинции (Воспоминания и наблюдения) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб., 1912. № 4. С. 154–155.

⁸² Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 17.

⁸³ Лисовский Н.М. Периодическая печать в России 1703–1903. Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий (с диаграммами) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. СПб., 1903. С. 18–19.

⁸⁴ Венгеров С.А. Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. СПб., 1903. С. 101–102, 105.

лись на столбцах губернского органа, наконец, отозвался из глуши работник по истории, географии, этнографии и пр. края – и его работа принималась с подобным же радушием»⁸⁵.

Первый обзор истории сибирской печати появился в 1885 г. и принадлежал Н.М. Ядринцеву – публицисту, общественному деятелю, ученому и одному из идеологов сибирского областничества. В приложении к «Восточному обозрению» – «Сибирском сборнике» – была помещена статья «Начало печати в Сибири», в которой второй раздел был посвящен «Губернским ведомостям»⁸⁶. «Крайне убогими и неприглядными являются эти представители печати в виде сереньких листиков и с не менее убогим материалом»⁸⁷, – так открывалась характеристика «Тобольских губернских ведомостей». «Томские губернские ведомости» возникли «при еще более скудных силах» и высоко оценивались в связи с публикациями в них Г.Н. Потанина и самого Н.М. Ядринцева: «...в 1858 г. появляется статья в ведомостях даже Г.Н. Потанина...»; «В 1865 г., во время редакции Д.Л. Кузнецова, на смену прежних литераторов являются в “Губернских ведомостях” первые силы сибирской университетской молодежи и пробуют сделать газету литературной, но попытка эта является кратковременной...»⁸⁸. Более высокой оценки удостоились «Иркутские губернские ведомости» благодаря привлечению генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым к работе в ней ссыльных М.В. Петрашевского и Н.А. Спешнева. Н.М. Ядринцев приводил мнение В.И. Вагина: «Газетка [“Иркутские губернские ведомости”] приняла обличительный характер и притом до такой степени живой и смелый, что в этом отношении едва ли могло равняться с ней какое-нибудь другое издание того времени в России. <...> Публика скоро поняла дух губернских ведомостей, и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков»⁸⁹. «Упадок» ведомостей наступил с 1860 г. для «Иркутских» (в связи с началом издания «Амура»), с 1866 г. –

⁸⁵ Столянский Н.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. 12, т. 12: К 200-летию юбилею русской прессы. С. 1–63.

⁸⁶ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885. С. 367–375.

⁸⁷ Там же. С. 367.

⁸⁸ Там же. С. 369–370.

⁸⁹ Там же. С. 372.

для «Томских» (ареста областников)⁹⁰, с 1868 г. – для «Тобольских» (с уходом с поста губернатора А.И. Деспот-Зеновича) ведомостей. Ведомости Енисейской губернии, Забайкальской, Акмолинской и Семипалатинской областей вовсе не представляли никакого интереса: «некоторые не идут дальше одного листика с обыкновенными местными распоряжениями»⁹¹. В целом, Н.М. Ядринцев обращал внимание на ценность губернских ведомостей в качестве источника по истории и этнографии Сибири и роль, которую они сыграли в общественной и научной жизни края в конце 50-х – начале 60-х гг.: «Во все время своего существования до возникновения частной литературной деятельности в Сибири и ученых обществ губернские ведомости были единственным прибежищем пишущих образованных людей Сибири»⁹². Настоящее и будущее губернских ведомостей виделось Н.М. Ядринцеву лишь в качестве официального органа: «Всякая попытка конкурировать с частными изданиями по части литературного материала, да еще вести с ними полемику, обыкновенно и до последнего времени кончается плачевно. ... “Губернские Ведомости” должны получить более тесное официальное значение, а все, что касается литературы и научных исследований, выделилось из них»⁹³.

Данный очерк полностью вошел в главу о зарождении и развитии местной периодики во втором расширенном издании книги Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1892)⁹⁴. В первом издании (1882), приуроченном к 300-летию присоединения Сибири к России, в главе об образовании в Сибири в одном абзаце был намечен план-конспект очерка (в котором не было места «Губернским ведомостям») – иркутская газета «Амур», «Сибирский вестник» Б.А. Ми-

⁹⁰ После 1866 г. Н.М. Ядринцев отмечал значительный вклад в наполнение неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Н.А. Кострова, В.И. Вербицкого и С.И. Гуляева, но в это «пилотное» описание истории газеты вкралась одна фактическая ошибка, не влияющая на содержание и логику изложения, однако, видимо, в силу авторитета автора повторяемая в некоторых современных исследованиях (см.: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. С. 18). Н.А. Костров хотя и был главным сотрудником неофициальной части, но не был ее редактором. Эту должность в больший период работы в газете Кострова занимал Н.И. Стефанов (с № 12–13 1866 г. по № 30 1873 г. и с № 20 1877 г. по № 25 1880 г.).

⁹¹ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири... С. 371.

⁹² Там же. С. 373.

⁹³ Там же. С. 374.

⁹⁴ Ядринцев Н.М. Литература о Сибири и зарождение местной печати // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 662–697.

лютина, «Кяхтинский листок» и, наконец, «Сибирь», которая, «привлекши лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу»⁹⁵. «Губернским ведомостям» было уделено более подробное внимание в 1885 г. не только по причине того, что они исторически предшествовали частной газетной периодике, но и ввиду необходимости расставить желаемые приоритеты и все точки над «і» в споре ядринцевского «Восточного обозрения» со своими конкурентами — «Томскими губернскими ведомостями» периода редактирования их неофициальной части Е.В. Коршем в 1882–1883 гг. и «Сибирским вестником» В.П. Картамышева, начавшим выходить с 1885 г.: «По смерти князя Кострова “Томские губернские ведомости” совершенно падают. Ведомости редактировались в это время каким-то сосланным за подлоги адвокатом Евг. Коршем, который заправлял губернской типографией и официальной газетой. В 1883 г. является попытка вступить в борьбу с местной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитирует официальный орган и приводит к уничтожению всякой неофициальной части. Губернские ведомости не могли уже соперничать с возникшею в Томске частною печатью»⁹⁶; «Только благодаря усилиям и последовательности иркутской газеты [«Сибири»] элемент ссыльных мошенников не получил такого значения и не завладел общественной жизнью в Иркутске, как это случилось в Томске»⁹⁷; «Но орган этот [«Сибирский вестник»] составил, по своему направлению, исключение из местной сибирской печати. Хотя в несколько лет добился значительного распространения»⁹⁸. В последнем случае Н.М. Ядринцев все же проговаривался, поскольку «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» в ряду немногочисленных сибирских газет был не менее популярен, чем «Сибирская газета» и «Восточное обозрение», но данные им оценки сформировали

⁹⁵ Ядринцев Н.М. Образование в Сибири // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 396.

⁹⁶ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири... С. 370–371; Во втором издании «Сибирь как колония» имя редактора неофициальной части официальной газеты уже не удостоивалось упоминания: «“Ведомости” редактировались в это время каким-то сосланным на подлоги адвокатом, который заправлял губернской типографией...» (Ядринцев Н.М. Литература о Сибири и зарождение местной печати // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 670).

⁹⁷ Ядринцев Н.М. Литература о Сибири и зарождение местной печати... С. 683.

⁹⁸ Там же. С. 685.

представление об авторах и редакторах «Сибирского вестника» как организаторах «продажного рептильного органа»⁹⁹, хотя в настоящее время наметилась тенденция к преодолению этой точки зрения¹⁰⁰.

Мнение о губернских ведомостях Н.М. Ядринцева было подкреплено воспоминаниями другого лидера областнического движения – Г.Н. Потанина, который писал, что «настоящая сибирская пресса начинается только с Ядринцева»¹⁰¹, и упоминал лишь окрашенные обличительным или областническим содержанием статьи ведомостей: «В первых же номерах [“Иркутских губернских ведомостей”], которые редактировал петрашевец Спешнев, появилась статья о винных откупах. Она тотчас же была отмечена в петроградских газетах и перепечатана. Это был первый удар, нанесенный системе печатью, вероятно, с благословения иркутского генерал-губернатора Муравьева-Амурского. <...> Мы с Ядринцевым на столбцах “Томских ведомостей” помещали статьи по университетскому вопросу в Сибири, о равновесии областного бюджета с государственным, о вредном влиянии ссылки на сибирские нравы и т.п. Конечно, такой литературе не место в официальных органах»¹⁰².

В последующих характеристиках губернских ведомостей «Начало печати в Сибири» (1885) Н.М. Ядринцева бралось за основу, дополняясь сведениями о современном их положении и видоизменяясь в некоторых частях, если автор имел свое особое мнение. Так, «Тобольск» (возможно, редактор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» К.М. Голодников¹⁰³), пересказывая текст

⁹⁹ «Вот эта тройца [В.П. Картамышев, П.М. Полянский, Е.В. Корш] при поддержке губернатора [И.И. Красовского] создала первый продажный рептильный орган – газету “Сибирский вестник”. Ее содержание было насквозь пронизано духом преданности самодержавию и яркой враждебности к демократическому лагерю. “Сибирский вестник” стал шпионом и доносчиком реакционера Каткова в Сибири. Злобная клевета на “Сибирскую газету”, иркутскую “Сибирь” и “Восточное обозрение” стала главным содержанием его бесславной деятельности» (Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 77).

¹⁰⁰ Ю.Л. Мандрика в своих работах показывает, что в сравнении с «Сибирской газетой» «Сибирский вестник» по форме и разнообразию подачи информации переигрывал своих конкурентов, кроме того, также испытывал серьезные проблемы во взаимоотношении с властью (см.: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная газета. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007; Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009. С. 121–149).

¹⁰¹ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 279.

¹⁰² Там же. С. 280.

¹⁰³ Мандрика Ю.Л. Цокольный этаж истории печати Сибири постепенно строится... Рецензия : История сибирской печати XVIII – нач. XX в. Хрестоматия в 5 кн. / сост.

Н.М. Ядринцева в статье «Столетие сибирской печати» (1889) в «Сибирском вестнике», отмечал, что в «Томских губернских ведомостях» в период работы в них Е.В. Корша «мы находим несколько дельных статей и корреспонденции из Западной и Восточной Сибири. Кроме того, в газете иногда появлялись интересные статистические и этнографические статьи, как, например, Н.П. Григоровского. В “Ведомостях” за это время даже печатались передовые статьи, и нужно отдать справедливость – довольно содержательные и дельные»¹⁰⁴. В качестве причин «оскудения внутреннего содержания» ведомостей, в особенности в 80-е гг., «Тобояк» называл узость их программы, неподготовленность редакторов к литературной деятельности и появление частных, а также научных органов печати, в которых стал публиковаться прежний «насущенный хлеб» ведомостей – этнографический и исторический материал.

Вывод Н.М. Ядринцева о том, что «до возникновения частной литературной деятельности в Сибири и ученых обществ губернские ведомости служили прибежищем пишущих образованных людей Сибири», повторил историк А.И. Дмитриев-Мамонов в работе с аналогичным названием «Начало печати в Сибири» (1900)¹⁰⁵. 40-летие сибирской печати было отмечено статьей историка и географа П.М. Головачева «Судьбы “Губернских ведомостей” в Сибири» (1897), а в связи с общерусским ее юбилеем в «Восточном обозрении» им была опубликована большая статья «Прошлое и настоящее сибирской печати» (1903). Следуя известной канве, в описании ранней истории ведомостей, с упоминанием классических и знаковых ядринцевских высказываний о том, что первый номер «Тобольских губернских ведомостей» начинался с «рецепта чернил», а с 1866 г. «Томские губернские ведомости» «опускаются до прежнего уровня и наполняются одним сырым этнографическим и историческим материалом»¹⁰⁶, П.М. Головачев сообщал о попытках «оживления» «Енисейских губернских ведомостей» в 1891 г. губернатором Л.К. Теляковским¹⁰⁷, о «борьбе за литературное существование»

Л.С. Любимов // Информационное пространство Тюменской области : Сб. науч.-практ. тр. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 155.

¹⁰⁴ Тобояк. Столетие сибирской печати (1889) // Российская провинциальная частная газета / под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 2004. С. 374.

¹⁰⁵ Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. СПб., 1900. С. 68.

¹⁰⁶ Головачев П.М. Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. 1903. № 17. 21 янв. С. 2–3.

¹⁰⁷ Возможно, это внимание было обусловлено тем, что сам П.М. Головачев в 1892 г. печатался в «Енисейских губернских ведомостях».

«Тобольских губернских ведомостей» в 1893–1897 гг. и о расширении программы неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1900 г. при губернаторе И.П. Моллериусе. Общий вывод П.М. Головачева исключал ведомости из числа «литературных» изданий: «Они должны существовать исключительно как сборники циркуляров центрального правительства и приказов губернской администрации»¹⁰⁸. Аналогичная мысль была высказана народовольцем В.В. Леоновичем в статье «Из текущей жизни. Несколько слов о казенной печати в Сибири» (1897): «... гг. бюрократам следовало бы лишь отказаться от взглядов на “Ведомости” как на газету и затем признать их за орган для печатания материалов и статей по истории края, его этнографии, географии, археологии, статистике и т.п.»¹⁰⁹.

Едва ли не единственные сведения об изменениях, произошедших с губернскими ведомостями в начале XX в. и в период первой русской революции, содержатся в юбилейной статье сибирского журналиста и общественного деятеля К.В. Дубровского (1907)¹¹⁰. Кроме краткого пересказа статьи П.М. Головачева, автор упомянул о деятельности редактора неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1900–1905 гг. А.И. Виноградове и о повороте газеты «вправо», который связывался с вступлением в должность иркутского губернатора вице-губернатора В.А. Мишина, сменившего И.П. Моллериуса. Эти сведения из «новейшей» истории «Иркутских губернских ведомостей» были воспроизведены в очерке «Периодическая печать города Иркутска» (1916) историка и библиографа Н.С. Романова¹¹¹. В период управления Забайкальской областью Е.О. Мациевским, а затем И.П. Надаровым была расширена программа «Забайкальских областных ведомостей», о чем благожелательно сообщали редактор частной газеты «Забайкалье» П.М. Мартынов (1904)¹¹² и сам редактор «Забайкальских областных ведомостей» в 1902–1905 гг. Н.Д. Карамышев (1909)¹¹³. «Голос Си-

¹⁰⁸ Г. [Головачев П.М.] Судьбы губернских ведомостей в Сибири // Сибирь. 1897. № 150. 21 дек. С. 2–3.

¹⁰⁹ В. Ан-ский. Из текущей жизни. Несколько слов о казенной печати в Сибири // Сибирь. 1897. № 121. 15 окт. С. 4.

¹¹⁰ Дубровский К.В. Страничка из истории сибирской печати (К 50-летию «Иркутских губернских ведомостей») // Сибирь. 1907. № 186. 3 июня. С. 2; № 188. 6 июня. С. 2.

¹¹¹ Романов Н.С. Периодическая печать в г. Иркутске // Сибирская летопись. 1916. № 9–10. С. 400–401.

¹¹² П.М. Материалы для будущей истории газетного дела в Забайкалье // Забайкалье. 1904. № 66, 67, 68.

¹¹³ Карамышев Н.Д. К истории газетного дела в Чите // Даурская волна. 1909. № 88.

бири» (1911), с заботой о будущем историке сибирской печати, определил оба органа следующим образом: «... как “Забайкалье”, так и неофициальная часть “Областных ведомостей”, были бездейными уличными листками с сильным черносотенным пошибом»¹¹⁴.

В очерке «Периодическая печать в Томске» Вс.М. Крутовского (1912) значительная часть данных по истории губернских ведомостей вновь была заимствована из статьи «Начало печати в Сибири» Н.М. Ядринцева. Только по причине работы в первой томской газете Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и Д.Л. Кузнецова автору «неизбежно» пришлось «сказать несколько слов» о «Томских губернских ведомостях» 1863–65 гг.: «ни до этого, ни после не было такого блестящего состава сотрудников», превративших “затхлые” ведомости в «выдающуюся для своего времени по содержанию и направлению газету»¹¹⁵. Видимо, по аналогии дискуссии между «Восточным обозрением» и «Сибирским вестником» В.П. Картамышева в работе Вс. М. Крутовского возникла «дискуссия» между «Сибирским вестником» Б.А. Милютина и «Томскими губернскими ведомостями»: «На страницах “неофициального отдела” Н.М. Ядринцев дебатировал огромной важности вопрос: “Сибирь, та ли же Русь?” в ответ на вызов, как мы уже говорили, Б.А. Милютина в “Сибирском вестнике”»¹¹⁶. В действительности статья «Сибирь – та же Русь» была напечатана в «Амуре» в 1861 г.¹¹⁷, перепечатана в 1862 г. в «Иркутских губернских ведомостях»¹¹⁸ и содержала в себе всего лишь рассуждения о необходимости перенесения в Сибирь тех общественных учреждений, которые получали распространение в Европейской России. Под ответной статьей Н.М. Ядринцева «Сибирь, та ли же Русь?» Вс. М. Крутовский, видимо, имел в виду статью «Сибирь перед судом русской литературы»¹¹⁹.

¹¹⁴ Z. К истории забайкальской печати // Голос Сибири. 1911. № 262. 23 нояб.

¹¹⁵ Крутовский Вс.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 286; Товарищи Вс.М. Крутовского по «освободительному движению» вообще отказывали ведомостям в праве именоваться газетой. Так, С.Л. Чудновский в статье «Первая газета в Томске» писал о «Сибирской газете» (Чудновский С.Л. Первая газета в Томске. Из воспоминаний ссыльного // Утро Сибири. 1912. № 58. С. 2–3).

¹¹⁶ Крутовский Вс.М. Периодическая печать в Томске... С. 286.

¹¹⁷ – й. Сибирь – та же Русь // Амур. 1861. № 84. 28 окт. С. 797–798.

¹¹⁸ Иркутские губернские ведомости. 1862. № 47. 24 нояб.

¹¹⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. 5 марта. Возможно, путаница произошла и из-за появления статьи с аналогичным названием в 1863 г. – Шелгунов Н.В. Сибирь – та ли же Русь? (Русское Слово. 1863. Сентябрь. С. 25–40).

Заключает дореволюционную историографию губернских ведомостей Сибири работа «Периодическая печать в Сибири» (1919) А.В. Адрианова – этнографа и просветителя, последнего представителя сибирского областничества. Еще раньше А.В. Адрианов писал о деятельности Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и Д.Л. Кузнецова в «Томских губернских ведомостях», приводил сведения о подписке и тиражах томских газет¹²⁰. В краткой «Истории повременной печати Сибири», призванной показать путь и характер ее развития к 1919 г., была представлена все та же областническая концепция сибирской периодики, в которой ведомости рассматривались как первичный этап «умственного роста» местной интеллигенции. При этом сама концепция извлекала «факты» уже сама из себя – ошибочное утверждение Вс.М. Крутовского о «дебатах» между «Томскими губернскими ведомостями» и «Сибирским вестником» было подано уже в виде «политических статей» Н.М. Ядринцева против Б.А. Милютина, «доказывавшего, что “Сибирь – та же Русь”»¹²¹. Среди ведущих и постоянных сотрудников неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» А.В. Адрианов называл фамилии Щукина и Шешунова¹²². Н.С. Щукин – основной обвиняемый по делу о сибирских сепаратистах, составитель литературного сборника «Сибирские рассказы» и организатор литературно-публицистического журнала «Сибиряк», выпуск которого не состоялся¹²³. Н.Г. Шешунов с 1893 г. был временным редактором «Восточного обозрения»¹²⁴. Но они оба никогда не публиковались в «Иркутских губернских ведомостях»¹²⁵. Свою работу А.В. Адрианов завершал в условиях, когда «типичные советские газеты сошли со сцены в Сибири по мере освобождения ее территории от большевиков и их засилья»¹²⁶. Однако

¹²⁰ Адрианов А.В. Что читает Томск в 1889 г. // Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 81–82; Адрианов А.В. Местная печать // Там же. С. 116–119; Адрианов А.В. Сибирская интеллигенция в Томске // Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. С. 43–52.

¹²¹ Адрианов А.Г. Периодическая печать в Сибири : с указателем изданий в 1918 году. Томск, 1919. С. 3.

¹²² Адрианов А.Г. Периодическая печать... С. 3.

¹²³ Шиловский М.В. Демулен из Иркутска (Н. С. Щукин) // Сибирь в составе России XIX – нач. XX вв.: Сборник научных трудов. Томск, 1999. С. 79–86.

¹²⁴ Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. С. 88.

¹²⁵ Статья «Смертность в Иркутске», напечатанная в № 10 «Иркутских губернских ведомостей» от 6 марта 1858 г. и подписанная как «Н. Щукин. С.П.Б. 11 дек. 1857 г.», судя по ее содержанию и стилю, принадлежит дяде и полному тезке идеолога сибирского областничества – писателю и краеведу Николаю Семеновичу Щукину (1792–1883).

¹²⁶ Адрианов А.Г. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 24.

этого не случилось. Некогда оппозиционная самодержавию либеральная «Сибирская жизнь» для новой власти стала «черносотенно-провокационной»¹²⁷. В марте 1920 г. ее последний редактор был расстрелян по приговору Томской ЧК (реабилитирован в декабре 1991 г.)¹²⁸.

Итак, исследовательский интерес к губернским ведомостям в дореволюционный период был представлен следующими направлениями:

1. *Составление в научно-справочных целях библиографических обзоров содержания губернских ведомостей* в ведомственных, научных и литературно-публицистических периодических изданиях, а затем самих губернских ведомостях. Ведомости при этом дифференцировались по научной значимости публикуемых в них материалов. Опыт составления общих указателей за определенные периоды был недолгим – 40–50-е гг. (работы И.П. Боричевского, Г.Н. Геннадиди, А.И. Пискарева, А.Н. Афанасьева, А.Н. Егунова) – им на смену пришли указатели региональные, которые составлялись бывшими или действующими сотрудниками губернских ведомостей, секретарями статистических комитетов. Они стремились в общеисторических и краеведческих целях сохранить библиографические сведения о статьях по истории, географии, этнографии и статистике края, избирая для их описания и группировки различные принципы и потому учитывая далеко не все публикуемые в неофициальных частях губернских ведомостей материалы. В конце 80-х гг. перед историками, этнографами и библиографами стояла задача создания общего для всех ведомостей указателя или указателя для указателей, которая в дальнейшем приобретала все больше активных сторонников, но так и не была решена.

2. *Использование материалов губернских ведомостей в качестве источника для «внутренних обзоров» в центральных изданиях.* В этом случае подход к ведомостям был сугубо утилитарным, из просмотренных газет отбирался лишь нужный, с точки зрения редакции, материал, а все остальное шло в «отбой» как существенное и важное лишь для серой провинциальной действительности. Ведомости дифференцировались, но уже по степени отражения ими «действительных фактов» общественной жизни – среди них

¹²⁷ Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин: Последний энциклопедист Сибири. Томск, 2004. С. 198.

¹²⁸ Амелянчик Н.А. Адрианов Александр Васильевич // Томск от А до Я : Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 7; Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №1 (21). С. 88–96.

(по классификации А.Н. Плещеева) выделялись «безгласные», «сдержанные» и «сочувствующие новым идеям». Революционно-демократические издания – «Современник», «Русское слово», «Колокол» – обращались к ним как надежному официальному источнику в политических целях и призывали местных редакторов работать в ведомостях именно в этом ключе, быть их своеобразными «региональными представителями» в разработке «местных вопросов».

3. *Дискуссия конца 50-х – начала 70-х гг. по поводу содержания и направления губернских ведомостей* в среде общественных деятелей, публицистов, журналистов, многие из которых были причастны к изданию ведомостей. В этой дискуссии ряд авторов (Р.Г. Игнатьев, С.Н. Терпигорев, В.И. Межов) в связи с развитием частной прессы отказывали первенцам провинциальной печати в жизнеспособности и считали необходимым их реформирование, главным образом, путем привлечения к работе в ведомостях независимых интеллектуальных сил, претендующих на расширение поля своей литературной и общественной деятельности, участвуя в государственной печати. Снисходительно-ироничное отношение к «губернской литературе» выразил М.Е. Салтыков-Щедрин, о ее местечковости и подражательности писали Н.В. Шелгунов, В.А. Слепцов и Д.Л. Мордовцев. Против монополии частных газет выступил А.С. Гацисский, который своим примером доказывал возможность существования полноценной провинциальной прессы. По его мнению, «свой путь» для губернских ведомостей заключался в научном изучении локальной истории в соизмерении ее с современностью, что даст представление обо всех разнообразных местностях России. Съезд представителей губернских ведомостей, организованный Главным управлением по делам печати в 1901 г., вновь оживил дискуссию о прошлом и будущем губернских ведомостей между столичными изданиями, которые, в большинстве своем, не считали ведомости газетой (вкладывая в это понятие прежде всего общественно-политический смысл), и самими ведомостями, редакторы которых отстаивали свое право на освещение местной жизни и выражение местных интересов в официальном «внепартийном» издании.

4. *Определение места губернских ведомостей в истории провинциальной периодической печати.* В 1888 г. 50-летний юбилей большей части губернских ведомостей России стал поводом появления ряда очерков, посвященных истории их возникновения, развития и роли в изучении края. Сами редакторы и сотрудники ведомостей,

сосредоточиваясь на мельчайших подробностях существования газеты, считали, что она занимает достойное место в ряду провинциальных изданий и, несмотря на критику, продолжает вносить свой вклад в историю российской печати. В юмористическом ключе к «оживлению» ведомостей подошел В.Г. Короленко, хотя он скорее подтвердил волнообразный характер их развития, зависящий от местного губернатора и редактора. В общих обзорах печати ведомости типизировались как не соответствующие критерию общественно-политической значимости и в целом определялись как казенные справочные периодические издания (Б.Б. Глинский, Н.М. Лисовский, С.А. Венгеров). Именно голос последних сформировал неизменное и авторитетное мнение в отношении губернских ведомостей как не игравших никакой роли в «освободительном движении», которое было воспринято и генерализировано в последующей советской историографии.

Очень определенно влияние авторитетного мнения в формировании отношения к губернским ведомостям прослеживается в Сибири. В 1885 г. в приложении к «Восточному обозрению» Н.М. Ядринцева вышла его статья «Начало печати в Сибири», которая создала губернским ведомостям как ретроспективную, так и перспективную, на весь период их существования, репутацию. В 1864–1865 гг., как и другой идеолог областничества и будущий мэтр сибиреведения Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев принимал участие в наполнении неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Именно этот короткий период (а для «Иркутских губернских ведомостей» период 1857–1859 гг., когда в них работали ссыльные петрашевцы) стал оцениваться как пик развития газеты, после чего она вступила в период «упадка». Место и значение ведомостей в истории сибирской печати определялись Н.М. Ядринцевым с точки зрения начального этапа возникновения независимых и оппозиционных властям частных изданий («подлинной местной печати»). Предшествующие годы существования неофициальных частей губернских ведомостей, как и последующие после «дела областников», оценивались с точки зрения их соответствия (вернее, несоответствия) задачам местного печатного органа, поэтому не заслуживали пристального исследовательского внимания. Последующие авторы – «Тоболяк», А.И. Дмитриев-Мамонов, П.М. Головачев, К.В. Дубровский, Н.С. Романов – воспроизводили и дополняли точку зрения первопроходца частной сибирской журналистики, иногда искажая ее в деталях

(Вс.М. Крутовский, А.В. Адрианов), но не в раз и навсегда данных в 1885 г. оценках. Период выхода реформированных правительством губернских ведомостей во время первой русской революции и время, предшествующее Октябрьской революции, вообще выпали из поля зрения историков печати либерального и областнического направления, а писать об этом после установления советской власти уже было некому, незачем, да и небезопасно. Так, областническая концепция истории губернских ведомостей, нарастившая историографический авторитет, и до настоящего времени в своей фактологической и теоретической частях продолжает быть основой для освещения ранней истории сибирской периодической печати¹²⁹. Мнения первых авторов истории сибирской печати и ее непосредственных участников важны и, безусловно, заслуживают внимания, но, как исходящие от представителей конкурирующей частной прессы и носителей иных политических взглядов, они не могут претендовать на доброжелательность, взвешенность и внимательное отношение ко всем обстоятельствам биографии местных правительственных газет за столь длительный отрезок времени.

1.2. СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Для дальнейшего анализа работ, посвященных губернским ведомостям как самостоятельному предмету изучения, так и в качестве источника информации, необходимо отойти от ставшего привычным деления на советский и постсоветский периоды. Изыскания советских авторов, хотя и отличались определенной теоретической и методологической спецификой и были связаны с разработкой какого-либо одного сюжета, связанного с ведомостями, в постсоветское время были продолжены и детализированы в условиях методологического плюрализма и междисциплинарности, стали основой для возникновения новых исследовательских направлений и использования источникового потенциала ведомостей при раскрытии новых тем. Можно выделить следующие проблемно-тематические направления этого изучения:

- история провинциальной печати;
- общественное движение;
- система правительственных периодических изданий;

¹²⁹ См., например: *Жиликова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. С. 23–33.

- взаимоотношения печати и местных губернских властей;
- губернские ведомости как источник для изучения локальной истории;
- этнографические публикации в губернских ведомостях;
- региональное литературоведение;
- история типографско-издательского дела;
- источниковедение и библиография губернских ведомостей.

Данные направления не могут не быть взаимосвязаны между собой¹³⁰. Так, например, при характеристике неофициальной части газеты в общественной жизни или для освещения с помощью ее материалов какого-либо сюжета местной истории нельзя не обратиться, пусть даже в самом общем виде, ко времени и обстоятельствам возникновения издания, ее редакторскому составу, жанровому своеобразию статей, отношений с цензурным ведомством. В свою очередь, развитие русской печати невозможно изучать вне связи с общественно-политической мыслью. Работы, посвященные выявлению источниковедческого потенциала губернских ведомостей, могут содержать анализ конкретных публикаций, касавшихся этнографии, экономики, системы образования, других вопросов культурной и общественной жизни региона. Рассмотрение литературных публикаций на страницах ведомостей, как правило, предваряет обращение автора к программе газеты, которая регламентировала ее содержание. Синтетический характер материалов губернских ведомостей приводит к тому, что диссертационные исследования на их основе выполняются как по специальности «Отечественная история», так и по специальности «Журналистика». Так, например, работы, посвященные коренному населению Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» (Г.А. Казарина) и идеологии областничества в печати дореволюционного Томска (Н.В. Жиликова), защищены по этой специальности, хотя заявленные темы в равной степени могут быть осмыслены в сфере исторического знания. Несмотря на то, что в ведомостях было запрещено размещать повести и рассказы, на различных этапах своего развития они могли приобретать характер

¹³⁰ Вариативность исследовательских подходов к периодической печати в качестве источника и разнообразие социальных, политических, экономических, культурных и иных исторических сюжетов, рассмотренных на их основе, продемонстрировали участники конференции, посвященной юбилею сибирской печати (*150 лет периодической печати в Сибири* : материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. 294 с.).

литературно-публицистического издания, отражавшего культурную жизнь образованных слоев провинциального города. «В регионе периодическая печать – в большей степени литературное явление, нежели средство массовой информации, потому можно сказать, что литературный процесс в провинции тесно связан с историей становления и развития местной периодической печати», – так определила возможность привлечения газетных материалов для исследования культурно-литературной жизни Новгорода Е.В. Иванова¹³¹. Так, очерки и фельетоны «Кубанских областных ведомостей» (1893–1902) сделали возможным их анализ с точки зрения синтеза художественной и народной лексики (диссертация Н.Н. Петровой, выполненная по специальностям «Русский язык» и «Журналистика»). Относящиеся к региональной литературной жизни публикации «Ярославских» и «Костромских» (1850–1880), «Тобольских» (1857–1860), «Тверских» (1854–1880), «Новгородских» (1845–1863) и «Пермских» (1890–1910) ведомостей позволили проанализировать их в рамках специальности «Русская литература» (диссертации Л.Л. Смирновой, Е.В. Костецкой, Е.В. Ивановой, И.В. Мироновой, Т.Н. Масальцевой). Кроме того, следует отметить и появление статей, которые привлекают материалы губернских ведомостей для историко-правовых исследований¹³².

История провинциальной печати ее советскими исследователями выстраивалась в соответствии со взглядами В.И. Ленина на «освободительное движение», согласно которым развитие периодической печати связывалось с принципом партийности и тремя этапами общественно-политической жизни страны: дворянским (1825–1861 гг.), буржуазно-демократическим (1861–1895 гг.) и пролетарским (1895–1917 гг.)¹³³. Ценность каждого из этапов определялась по мере приближения к завершающему этапу развития всей системы дооктябрьской печати – пролетарскому. Предыдущий этап либо

¹³¹ Иванова Е.В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838–1917 годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. С. 3.

¹³² Гаджиева Д.К. Отражение в губернской печати влияния модернизации на развитие гражданско-правовых отношений в России конца XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 86. С. 310–317; Боршевский А., Сосна А. «Бессарабские областные (губернские) ведомости» как ценный источник исследования деятельности мировой юстиции Бессарабии (60–70-е гг. XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 6. С. 2–4.

¹³³ См., например: Антюхин Г.В. Ленинское учение о печати и развитие типологической системы местной журналистики по основным этапам ее истории (на материалах дооктябрьских изданий Центрально-Черноземного региона) // Становление и развитие местной печати России: Межвузовский сборник трудов. Воронеж, 1985. С. 5–30.

«отмирал», либо занимал враждебную позицию к последующему (как и классы, сыгравшие свою историческую роль). Возникновение большевистских органов периодики становилось главным явлением ее местной истории, освещение которой происходило в категориях «значительный» – «незначительный», «магистральный» – «второстепенный», «передовой» – «реакционный». Для определения «лица» издания необходимо было обозначить его идейную направленность и поместить в соответствующую классовую группу. Можно было говорить лишь о неких региональных особенностях и специфике «внутри» общероссийских закономерностей. Так, губернские ведомости вписывались в первый, дворянский, этап освободительного движения, главными изданием которого был «Колокол» А.И. Герцена, который редактировал прибавление к «Владимирским губернским ведомостям» (что стало «знаменательным» фактом и основным примером для характеристики участия «передовых сил дворянства» в издании официального органа). На буржуазно-демократическом этапе освободительного движения отмечалось участие в неофициальных частях губернских ведомостей (или внимание к ним) представителей разночинного демократического лагеря, передовых литераторов и деятелей науки. На пролетарском этапе ведомостям уже не было места, они либо вовсе не упоминались, либо относились к органам реакционно-охранительного лагеря.

Ограниченность таких теоретических построений осознавалась уже в период их возникновения. Выход из положения находился путем определения подходящих признаков в качестве типологических или в завуалированном отходе от классовых оснований классификации. Например, «Памятные книжки» губернских правлений 60-х гг. трактовались как тип издания, соответствующий буржуазно-демократическому этапу, поскольку в них содержался материал о состоянии промышленности, сельского хозяйства и торговли, что отвечало задачам развития капитализма. «Епархиальные ведомости», появление которых также выпадало на этот период и не было связано с обслуживанием интересов развивающейся буржуазии, приходилось определять по отношению к издателям – церковные органы печати, принадлежащие духовенству¹³⁴. На Дальнем Востоке рабочей печати не было до первой русской революции, поэтому на мнение классика приводилась ссылка для обоснования хронологиче-

¹³⁴ Антюхин Г.В. Ленинское учение о печати... С. 11–13.

ских рамок выбранной темы, а дальнейшее изложение фактического материала шло вне всякой связи с ней¹³⁵.

Конфронтационная марксистская парадигма в сочетании с областнической оценкой органов печати стала идеологической основой для статьи «Газеты» в незавершенной «Сибирской советской энциклопедии» (1929)¹³⁶. История дореволюционной местной периодики описывалась в контексте репрессивных мер царизма в отношении оппозиционных изданий, борьбы деятелей печати с цензурным и административным гнетом. Об «Иркутских губернских ведомостях» упоминалось лишь в связи с работой в них ссыльных петрашевцев, о «Томских» – в связи с областниками и деятельностью губернатора В.И. Мерцалова по расширению неофициальной части ведомостей в противовес «Сибирской газете». В «Энциклопедии» отмечались ценность краеведческих статей, публикаций архивных документов, экспедиционных, статистических и археологических материалов. Отдельную статью о ведомостях заключал вывод: «Позднее, с появлением частных газет, “Г.В.” владели жалкое существование, печатая официальный материал; все попытки оживления этих изданий успеха не имели»¹³⁷.

Хронологические рамки томов общего справочного издания по дореволюционной печати и последовательность их выхода также соответствовали освободительному вектору развития русской периодики, задающему ее истории классовый динамизм¹³⁸. В статье Е.П. Прохорова (1958), посвященной губернским ведомостям, они оценивались как выражавшие официальную точку зрения и выступавшие проводниками правительственной политики и идеологии. «Известное положительное значение имели исторические, географические, топографические и статистические материалы. В некоторых “губернских ведомостях”, когда руководителями неофициальной части становились прогрессивно настроенные деятели, печатались материалы, в той или иной мере шедшие вразрез с официальной

¹³⁵ *Сквирская Л.М.* Возникновение и развитие периодической печати на Дальнем Востоке во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 7.

¹³⁶ *Турунов А.Н.* Газеты, период дореволюционный (1857–1916) // *Сибирская советская энциклопедия*. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 591–600.

¹³⁷ *А.Т. [Турунов А.Н.] Губернские и областные ведомости* // Там же. С. 755–756. В статье ошибочно указана дата выхода первого номера «Томских губернских ведомостей» – 16 августа вместо 15 августа 1857 г.

¹³⁸ *Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917) : справочник* / Черепанов М.С., Фингерит М.Е. М., 1957; *Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник* / Дементьева А.Г., Западов А.В., Черепанова М.С. М., 1959.

точной зрения»¹³⁹. По причине официального характера губернских ведомостей даже в 1860-е гг., когда в них публиковались «актуальные экономические материалы, в том числе статьи и заметки об освобождении крестьян», «статьи политического характера», они не стали «серьезной общественной силой»¹⁴⁰.

О факте издания губернских ведомостей (как импульсе к развитию газетного дела в провинции) без внимания к изменениям, произошедшим с ними в дальнейшем, сообщалось в «Истории русской журналистики» А.В. Западова (1963)¹⁴¹. В справочной статье А.М. Разгона в «Советской исторической энциклопедии» (1963) проект местной правительственной печати получал идеологическую нагрузку: «Введение губернских ведомостей на местах совпало с репрессивными мерами против передовой печати»¹⁴². Программа ведомостей «дополнялась и изменялась в основном в сторону дальнейшей регламентации и бюрократического ограничения их прав», хотя в действительности правительство постепенно расширяло программу неофициальной части.

О сотрудничестве с «Иркутскими губернскими ведомостями» политических ссыльных и местной разночинной интеллигенции упоминалось в обобщающем академическом издании по истории Сибири (1965, 1968)¹⁴³. Отмечался уникальный характер многих публикаций в неофициальной части ведомостей, поскольку «местным авторам удавалось уловить и зафиксировать то, что по разным причинам, в том числе и политического характера, ускользало от внимания приезжих собирателей и даже целых научных экспедиций»¹⁴⁴. Несколько слов о губернских ведомостях, в связи с характеристикой провинциальных газет 60-х гг., было сказано в очерке

¹³⁹ Прохоров Е.П. Губернские ведомости // Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959. С. 256.

¹⁴⁰ Прохоров Е. П. Губернские ведомости... С. 258. В справочнике часто неточно указывалась периодичность выхода ведомостей. Например, «Енисейские губернские ведомости» с 1900 г. выходили не два, а три раза в неделю, с 1901 – четыре, а с 1902 г. вновь вернулись к двум номерам в неделю.

¹⁴¹ История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. А.В. Западова. М., 1963. С. 151–152.

¹⁴² Разгон А.М. Губернские ведомости // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 869–871.

¹⁴³ История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Новосибирск, 1965. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма (1861–1917). С. 195–210; История Сибири. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. Т. 3. С. 390–400.

¹⁴⁴ История Сибири. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. Т. 3. С. 133.

В.Г. Березиной (1969)¹⁴⁵. Идеологическое назначение неофициальной части ведомостей подчеркивал А.И. Станько (1969): «Под прикрытием официальной гласности воздействовать на умы провинциальных читателей в монархическом духе», и сам же противоречил этому утверждению: «Большинство ведомостей превратилось в сборники постановлений и распоряжений властей и не пользовались особенной популярностью у читателей»¹⁴⁶.

Ряд работ о губернских ведомостях как о первых газетах на национальных окраинах появился в 1966 г. О переводе на казахский язык газеты «Туркестанские ведомости», выходившей в 1870–1882 гг., и прибавлении к «Акмолинским областным ведомостям» – «Киргизской степной газете» (1888–1902) – писал З. Турарбеков¹⁴⁷. Краткая информация о «Терских ведомостях» (1868–1917), выполнявших роль «собираательницы истории народов, населяющих Терскую область», содержится в справочной работе Ю.В. Хоружева¹⁴⁸. В диссертационном исследовании автор отмечал, что газету русского правительства на Северном Кавказе возглавил представитель коренного народа – адыгеец Адиль-Гирей Кешев, который «привлек к участию в газете горскую интеллигенцию, ее лучшие творческие силы»¹⁴⁹. Первой русской официальной газете на Кавказе – «Тифлисским ведомостям» (1828–1832) – посвящены работы грузинских историков Д.Л. Ватейшвили (1973)¹⁵⁰ и Н.А. Махарадзе (1975)¹⁵¹, которые почему-то исключаются из историографических обзоров русской провинциальной печати и губернских ведомостей, хотя «Тифлиссские ведомости» были организованы по их типу и первыми из провинциальных газет носили наименование ведомостей. Н.А. Махарадзе (1982) была подготовлена отдельная работа о «Закавказском вестнике» (1838–1851) – грузинском варианте губернских ведомостей, присоединенных в 1851 г. к частному официозу –

¹⁴⁵ Березина В.Г. Газеты 1860-х гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1969. С. 51–52.

¹⁴⁶ Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Д, 1969. С. 108.

¹⁴⁷ Турарбеков З. Из опыта перевода дореволюционной казахской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966. 30 л.

¹⁴⁸ Хоружев Ю.В. 109 голосов: Справочник периодических изданий на Тереке (1863–1917 гг.). Орджоникидзе, 1966. С. 15–17.

¹⁴⁹ Хоружев Ю.В. История печати на Тереке (1863–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С. 7.

¹⁵⁰ Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. 460 с.

¹⁵¹ Махарадзе Н.А. Первая русская газета на Кавказе (1828–1832). Тбилиси, 1975. 164 с.

газете «Кавказ»¹⁵². «Бессарабские областные ведомости» (с 1873 – губернские), возникшие под влиянием Крымской войны 1853–1856 гг., стали предметом монографии Б.А. Трубецкого об истории периодической печати Бессарабии (1989)¹⁵³. Газеты национальных окраин выполняли функцию двусторонней коммуникации – с одной стороны, русские читатели узнавали об истории, хозяйстве, быте, фольклоре коренного населения, с другой – местные жители знакомились с разнообразной информацией исторического, образовательного, литературного, научного характера о России и мире.

В общей характеристике дореволюционной периодической печати на Дальнем Востоке, где частная печать – газета «Владивосток» – возникла раньше официальной, Л.М. Сквирская (1971), оценивая «Забайкальские областные ведомости», «Камчатские епархиальные ведомости» и «Приамурские ведомости», сделала неожиданный для своего времени вывод: «Официальная газета, получающая государственные субсидии и поэтому менее стесненная в средствах, имеющая официальные (военные) каналы связи, договоры об обмене известиями с другими газетами (так, “Приамурские ведомости” имели такие договоры с 45 русскими изданиями), становилась самым надежным и в большинстве случаев единственным источником всероссийской и зарубежной информации не только для населения, но и для частных изданий»¹⁵⁴.

В кратком очерке истории дореволюционной журналистики Б.И. Есина (1971), написанном прежде всего в учебных целях, история провинциальных газет начиналась с губернских ведомостей, которые, сыграв свою роль, «так и остались сухими казенными листками». Это были «очень убогие издания» и даже «участие в некоторых газетах демократических журналистов вроде А.И. Герцена было бессильно их изменить, оживить»¹⁵⁵. В другой своей работе, посвященной теоретическим и методологическим задачам изучения периодической печати (1981), Б.И. Есин констатировал, что «история газет и газетного дела в России остается наименее изучен-

¹⁵² Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40–50-е годы XIX века («Закавказский вестник» и «Кавказ» в 1845–1856 гг.). Тбилиси, 1984. 233 с.

¹⁵³ Трубецкой Б.А. Из истории периодической печати Бессарабии (1854–1916 гг.). 2-е изд. Кишинев, 1989. С. 14–23.

¹⁵⁴ Сквирская Л.М. Возникновение и развитие периодической печати на Дальнем Востоке во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 17.

¹⁵⁵ Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. М., 1971. С. 22, 42.

ной проблемой прошлого отечественной печати»¹⁵⁶, и среди главных причин такого положения называл неизученность реального содержания газет. Б.И. Есиным предложена «Примерная программа изучения газет», которая была призвана стимулировать дальнейшее изучение форм, содержания и условий функционирования дореволюционных печатных изданий.

Обобщающей работой по истории сибирской печати, охватывающей период с 1789 г. (начало издания «Иртыша, превращающегося в Ипокрену») до 1888 г. (закрытие «Сибирской газеты»), стало учебное пособие Л.С. Любимова (1982), которое до настоящего времени актуально в образовательной и научной практике. Согласно областнической концепции сибирской периодики, выборочное освещение получили лишь те страницы истории «Иркутских» и «Томских» губернских ведомостей, которым возможно было придать политическую окраску. Деятельность Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в Томске в 1864–1865 гг. расширена до масштабов «кружка», развернувшего «большую устную и пропагандистскую работу» и использовавшего «Томские губернские ведомости» в своих целях. В этом «кружке» состояли также Н.С. Щукин, Ф.Н. Усов и Д.Л. Кузнецов¹⁵⁷, хотя первый находился в Иркутске, второй – в Омске, что же касается редактора неофициальной части Д.Л. Кузнецова, то он скорее был знаком со взглядами областников, чем развивал и пропагандировал их. После дела о «сибирских сепаратистах» газета «уже никогда не смогла оправиться, и вся ее последующая история развивалась под знаком непрерывного угасания»¹⁵⁸. Иркутский «Амур», определяемый как независимая частная газета, принял эстафету «передового органа» у «Иркутских губернских ведомостей», которые после этого «утратили всякое общественное значение»¹⁵⁹. Общий вывод Л.С. Любимова в отношении «Иркутских губернских ведомостей» после 1860 г. созвучен сформировавшемуся мнению в отношении всей губернской официальной прессы: «Подобно другим провинциальным казенным изданиям, они стали заполняться в основном различными отчетами, циркулярами, распоряжениями, извлечениями из местных архивов и объявлениями. Не-

¹⁵⁶ Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981. С. 10.

¹⁵⁷ Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 36.

¹⁵⁸ Там же. С. 39.

¹⁵⁹ Там же. С. 44.

официальная часть была сведена к нулю, и никакие попытки редакторов в последующем не изменили положения»¹⁶⁰.

О «недолгом периоде подъема» ведомостей Томской и Иркутской губерний, которые после этого «обращены были снова в сухие служебные бюллетени, лишенные общественного интереса и значимости», писал Л.Л. Ермолинский (1985). По мнению автора, губернские ведомости в стране «имели негласное назначение – препятствовать появлению новых периферийных изданий»¹⁶¹. В кратком стереотипном обзоре истории сибирской печати Е.А. Куклиной (1989) круг сотрудников «Томских губернских ведомостей» пополнился С.С. Шашковым¹⁶², хотя на страницах томской газеты не было ни одной статьи, принадлежавшей этому автору.

Обобщающие выводы советской историографии в отношении губернских ведомостей представлены в московских и петербургских университетских учебниках по истории русской дореволюционной журналистики. Анонсированная в предисловии как «одна из замечательных книг, изданных в серии “Классический университетский учебник”» работа Б.И. Есина (2008) по структуре и в своей фактологической и концептуальной частях представляет собой воспроизведение аналогичного издания 1989 г. Третьему, «исправленному», варианту давали оценку те же рецензенты, что и в 1989 г. – А.И. Станько и ушедший из жизни Г.В. Антюхин¹⁶³. Изданиям, подчиненным канцеляриям губернаторов, уделено несколько строк, а «Тобольские» ведомости вновь ошибочно названы «Тюменскими»¹⁶⁴. Новому поколению студентов, не имеющих марксистско-ленинской «прививки», для создания «систематического и универсального изложения истории отечественной журналистики» предлагаются прежние безапелляционные и даже не отретушированные формулировки, имевшие еще более ранние истоки¹⁶⁵: «Это [“Московские ведомости”] типично монархическое издание проводило

¹⁶⁰ Любимов Л.С. История сибирской печати... С. 44.

¹⁶¹ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX века. Иркутск, 1985. С. 4–5.

¹⁶² Куклина Е.А. Летопись сибирской периодики 1875–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С. 215.

¹⁶³ Есин Б.И. История русской журналистики XIX века : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». 3-е изд., испр. М., 2008. 304 с.

¹⁶⁴ Есин Б.И. История русской журналистики XIX века : учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика». М., 1989. С. 116; Есин Б.И. История русской журналистики XIX века : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». 3-е изд., испр. М., 2008. С. 148.

¹⁶⁵ Есин Б.И. Русская журналистика 70–80-х гг. XIX века. М., 1963. С. 157.

взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. <...> В 70–80-е гг. выходила еще одна газета, не менее реакционная и верноподданническая, – “Гражданин”. Издавал ее князь В.П. Мещерский, монархист, еще более злобный, чем Катков. <...> Некоторое время Суворин вел “Новое время” в либерально-оппозиционном духе, что привлекало подписчиков и журналистов, но, постепенно разбогатев, изменил позицию и превратил газету в реакционный орган, который стал защищать интересы самодержавия и бюрократической знати, травить “инородцев”, рабочих и революционную интеллигенцию»¹⁶⁶.

В «Истории русской журналистики XVIII–XIX веков», вышедшей под редакцией Л.П. Громовой в 2003 и 2005 гг.¹⁶⁷, в подходе к истории губернских ведомостей заметны влияние новейших тенденций в изучении провинциальной печати и преемственность с прежними устоявшимися подходами к ее истории. Ведомости определены как «самая большая группа среди политических газет конца 1830-х годов»¹⁶⁸, которые проводили правительственный курс и привлекали к сотрудничеству с неофициальной частью местных литературных деятелей. В разделе «Провинциальная печать» отмечена эволюция официального органа в 80–90-е гг.: «Изменения в экономической, социальной, политической жизни страны, рост культурных сил и числа читателей в провинции, появление конкурентов в лице частных газет – все это заставило местные власти думать об улучшении своих изданий, а их редакционные коллективы толкало к творческому поиску. <...> Редакции добивались расширения программы газеты, что позволяло обогатить ее содержание и информацию. Это произошло с Пензенскими, Саратовскими, Терскими, Оренбургскими, Иркутскими и другими губернскими ведомостями»¹⁶⁹. Поскольку хронологические рамки учебника ограничены концом XIX в., в нем отмечается, что «по мере развития частной

¹⁶⁶ Есин Б.И. История русской журналистики XIX века : учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика». М., 1989. С. 200–203; Есин Б.И. История русской журналистики XIX века : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». 3-е изд., испр. М., 2008. С. 259, 261–262.

¹⁶⁷ История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / Д.А. Бадалян, Л.П. Громова, Г.В. Жирков и др.; под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2003. 669 с.; История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / Л.П. Громова, М.М. Ковалева, А.И. Станько, Ю.В. Стенник и др.; под ред. Л.П. Громовой. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. 600 с.

¹⁶⁸ История русской журналистики XVIII–XIX веков ... СПб., 2003. С. 251.

¹⁶⁹ Там же. СПб., 2003. С. 653–654.

прессе значение «Губернских ведомостей» пошло на убыль»¹⁷⁰. Основным примером провинциального редактора губернских ведомостей стал А.И. Герцен, который положил начало реорганизации газеты, «искусно» используя ее статистические материалы для демонстрации бедственного положения крестьянства¹⁷¹. В целом же А.И. Герцен следовал официальной программе, пунктам которой при творческом и умелом подходе возможно было придать расширенное толкование. Таких примеров можно обнаружить множество, но знаковый характер фамилии редактора «Прибавлений» «Владимирских губернских ведомостей» придал этой деятельности характер «программы» по «реорганизации неофициальной части», продолженной в 40-е гг. местной интеллигенцией¹⁷². Немецкий исследователь К. Бауц, менее вовлеченный в отечественный исторический дискурс, считал, что «деятельность Герцена и Протопопова [следующего редактора] еще нельзя считать свидетельством истинного местного самосознания, а скорее всего – занятием образованных людей на новом поприще в указанных правительством целях просвещения народных масс. Оба они покинули Владимирскую губернию при первой возможности попасть в одну из столиц, о большой привязанности к этому краю не может быть и речи»¹⁷³.

Из современных работ, посвященных теоретическому осмыслению истории провинциальной печати, у истоков которой стояли губернские ведомости, следует отметить монографию М.П. Мохначевой (1999)¹⁷⁴, в которой представлен опыт системного анализа «журнальной историографии» 1830–1870-х гг. Этот пятидесятилетний период развития журналистики определен автором в качестве «ведущей линии роста исторического и в еще большей степени историографического знания на основе идейных заимствований у западноевропейской научной мысли и саморазвития отечественной культуры»¹⁷⁵. «Ученые второго плана», в настоящее время извест-

¹⁷⁰ *История русской журналистики XVIII–XIX веков...* СПб., 2003. С. 480.

¹⁷¹ Там же. С. 252.

¹⁷² *Станько А.И.* Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Д, 1969. С. 109; *Павлов В.А.* Оренбургские и Пермские губернские ведомости // Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1992. Т. 1. С. 187–188.

¹⁷³ *Бауц К.* «Губернские ведомости» как источник по истории местного самосознания в губерниях Российской империи (по материалам «Владимирских губернских ведомостей», 1838–1888 гг.) // *Российская провинция XVIII–XIX вв.: реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф.* Пенза, 1996. Кн. 2. С. 15.

¹⁷⁴ *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука : в 2 кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. 511 с.

¹⁷⁵ *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука... Кн. 2. С. 350.

ные только узкому исследовательскому кругу историки, журналисты, литераторы, публицисты, критики, были такими же полноправными участниками «наукотворчества»¹⁷⁶ и формирования массового исторического сознания, как и те их коллеги, чьи имена образовали известный и авторитетный историографический ряд. Периодическая печать и входящие в ее структуру губернские ведомости представляют собой «полифункциональный историографический источник, фиксирующий наукотворческие процессы в наиболее подвижной публичной форме материализации авторского (коллективного) волеизъявления исторического сознания, моделирующего историю развития общества»¹⁷⁷. Неофициальные части губернских ведомостей, полный обзор которых, по замечанию М.П. Мохначевой, входит в «колоссальный объем работы» по выявлению науковедческого значения и культурологических масштабов журнальной историографии, уже при первом, самом общем «обследовании» позволили выявить «десятки неизвестных имен подвижников науки истории», которые зачастую совмещали свою творческую деятельность с исполнением обязанностей учителя, священника или чиновника. Рассмотрение неофициальных частей «Астраханских», «Воронежских», «Владимирских» и «Ярославских» губернских ведомостей как «текста-источника», констатировала М.П. Мохначева, разрушает сложившийся устойчивый стереотип о «вторичности и популизме содержащейся в нем информации по вопросам истории»¹⁷⁸. Перспективной в исследовательском отношении является и отмеченная автором необходимость изучения тех социальных механизмов, предметных полей и детерминант научного дискурса, которые позволяли одним авторам утвердиться в статусе «настоящего» ученого для последующих поколений, а другим – оказаться в роли общенаучного второстепенного фона и пополнить сомнительную категорию «ученого сословия».

За последние двадцать лет история отдельных губернских ведомостей стала предметом подробного изучения региональных исследователей. В «Очерках по истории журналистики Урала» В.А. Пав-

¹⁷⁶ Понятие «наукотворчество», как и «журнальная историография», введены М.П. Мохначевой в научный оборот впервые, «с помощью целой системы философских и лингвистических доказательств» (*Присенко Г.П.* Рецензия // Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1 : Журналистика в контексте наукотворчества России XVIII–XIX вв. М., 1998. // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 104).

¹⁷⁷ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. С. 9.

¹⁷⁸ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука... С. 86.

лова (1992) большой раздел посвящен «Оренбургским» и «Пермским» губернским ведомостям – техническому состоянию издающих их губернских типографий, структуре газет, их редакторам и сотрудникам¹⁷⁹. Неудавшийся Хивинский поход 1839–1840 гг., предпринятый оренбургским генерал-губернатором В.А. Перовским, по мнению В.А. Павлова, был освещен в «Оренбургских губернских ведомостях» участвовавшим в этой экспедиции В.И. Далем. В отношении содержания уральских ведомостей автор высказывает определенные противоречивые суждения, с одной стороны, он утверждает, что, «создавая собственные печатные рупоры в провинции, самодержавие заранее наклало на них узду в виде жесткой программы, от которой нельзя было отступать ни на йоту», с другой – пишет о том, что редакция «Оренбургских губернских ведомостей», опираясь на официально разрешенные рубрики газеты, в 1847 г. наметила существенные изменения в их содержании: «Оставаясь в рамках дозволенного, редакция предполагала сосредоточить внимание почти исключительно на местной жизни»¹⁸⁰. Изменения, которые происходили с официальной газетой, приводили к двойственному выводу в отношении их ценности как источника информации о крестьянском населении региона: ведомости «сознательно не могли отражать действительной жизни, тем более жизни народных масс, во всей ее полноте и правдивости», но в то же время в первой половине 1850-х гг. неофициальная часть «Оренбургских губернских ведомостей» стала «настоящим кладом научно-краеведческих материалов, которые могли украсить любое издание России»¹⁸¹.

С возникновения «Пермских губернских ведомостей» начинается исследование условий и закономерностей развития печати в Пермской губернии А.А. Вахрушев (1994)¹⁸². История «Уфимских губернских ведомостей», неофициальная часть которых с 1906 г. стала ежедневной «политико-общественной и литературной» газетой «Уфимский край», рассмотрена В.В. Пугачевым (2004)¹⁸³. В истории «Оренбургских губернских ведомостей», до выделения в 1865 г. Уфимской губернии из Оренбургской, А.Н. Лихтин (2005) опреде-

¹⁷⁹ Павлов В.А. Оренбургские и Пермские губернские ведомости // Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1992. Т. 1. С. 162–210.

¹⁸⁰ Там же. С. 166, 191.

¹⁸¹ Там же. С. 185, 194.

¹⁸² Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1994. 18 с.

¹⁸³ Пугачев В.В. Уфимская книжность. Эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 39 с.

лил три этапа: 1843–1853 гг., когда газета была «более похожа на сборник-«склад» самых разнообразных материалов»; 1854–1859 гг., «когда газета выглядела изданием статистического комитета»; 1859–1865 гг., когда «редакция стремилась придать неофициальному отделу вид частной провинциальной газеты»¹⁸⁴. Работа А.Н. Лихтина – редкий пример сквозного исследования печати, охватывающего ее историю в отдельном регионе в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. В диссертации А.В. Старых (2010) содержатся разделы, посвященные фельетону в неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей», имевшей черты не газетного жанра, а отдела, в котором помещались разнообразные материалы литературного, научного, биографического, новостного характера¹⁸⁵.

В контексте становления и развития печати Дона и Северного Кавказа о местных губернских ведомостях пишет А.И. Станько¹⁸⁶. К истории возникновения «Кубанских войсковых ведомостей» и деятельности первых редакторов газеты в 1863–1872 гг. обратился Ю.В. Лучинский (2003)¹⁸⁷. Закономерности развития жанра фельетона, его типологические признаки и тематическое наполнение по материалам газетной периодики Кубани (включая «Кубанские областные ведомости») стали предметом диссертационного исследования О.А. Болтуц (2006)¹⁸⁸.

Один из разделов в монографиях О.И. Лепилкиной (2005 и 2010) посвящен описанию типологических характеристик «Ставропольских губернских ведомостей»¹⁸⁹. В 2011 г. О.И. Ле-

¹⁸⁴ Лихтин А. Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти (на материалах Оренбургского края XIX–XXI веков) : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005. С. 23–24.

¹⁸⁵ Старых А.В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете : газета «Оренбургский листок» 1876–1879 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 17 с.

¹⁸⁶ Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1990. 122 с.; Станько А. И. Пресса южного региона России (XIX век). Краснодар, 1998. 114 с.; Станько А.И. История журналистики Дона и Северного Кавказа (XIX век). Ростов н/Д, 2006. 173 с.

¹⁸⁷ Лучинский Ю.В. «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст : сборник статей и материалов. Краснодар, 2003. Вып. 2. С. 9–21.

¹⁸⁸ Болтуц О.А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру (на материале кубанской периодики рубежа XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 20 с.

¹⁸⁹ Лепилкина О.И. История ставропольской журналистики. Ч. 1: XIX – начало XX вв. (дооктябрьский период). Ставрополь, 2005. 168 с.; Лепилкина О.И. Становление системы периодической печати на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Став-

пилкиной была защищена докторская диссертации по специальности «Журналистика», посвященная особенностям и закономерностям типологической трансформации системы русской провинциальной печати XVIII – начала XX в.¹⁹⁰ На основе структурно-типологических признаков провинциальной печати автором были выделены такие ее факторы, как «типообуславливающие» (правовое пространство, цензурная практика, личность редактора (издателя), программа издания, целевое назначение), «типоопределяющие» (формат издания, периодичность, область информационного внимания, характер информации, ее адресат) и «типозависимые» (функции, внутренняя структура, жанровые формы, авторский состав)¹⁹¹. В периодизации истории провинциальной печати с губернскими ведомостями связан этап 1838–1858 гг., когда они играли доминирующую роль, являясь основным источником информации для городского и сельского читателя и послужив типологической моделью для последующих местных периодических органов¹⁹².

Этапам и особенностям издательского дела в Ставропольской губернии, развитию которого способствовал выход с 1850 г. «Ставропольских губернских ведомостей», посвящена работа П.Г. Немашкалова (2006)¹⁹³. История «Ставропольских губернских ведомостей» в системе местной периодической печати была затронута в диссертации Г.И. Малявиной (2008)¹⁹⁴. На основе исследования напечатанного материала по истории края, его тематики и глубины анализа автором была предложена периодизация первой губернской газеты. Предметное исследование «Ставропольских губернских ведомостей» осуществила Ю.А. Клец (2009), выявив предпосылки их возникновения, типологические особенности и основные закономер-

рополь, 2010. 180 с.; См. также: *Лепилкина О.И.* Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестник Ставропольского государственного университета. 2005. № 41. С. 175–183.

¹⁹⁰ *Лепилкина О.И.* Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 37 с.; *Лепилкина О.И.* Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М., 2010. 364 с.

¹⁹¹ *Лепилкина О.И.* Структурно-типологическая трансформация ... С. 8.

¹⁹² *Лепилкина О.И.* Структурно-типологическая трансформация... С. 9.

¹⁹³ *Немашкалов П.Г.* Издательское дело российской провинции в XIX – начале XX вв. (на материалах Ставропольской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. 25 с.

¹⁹⁴ *Малявина Г.И.* Становление и развитие Ставропольской печати в Ставропольской губернии (XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.

ности развития¹⁹⁵. Дополнив материалы «Ставропольских губернских ведомостей» местными епархиальными ведомостями, И.В. Василенко (2010) рассмотрела эти органы региональной периодики в контексте общественно-культурной жизни Ставропольского края и с точки зрения жанровой принадлежности помещенных в газетах материалов¹⁹⁶.

В монографии Г.В. Антюхина (1973) об истории печати Воронежского края отдельный раздел посвящен «Воронежским губернским ведомостям», ставшим в первой половине 1850-х гг. «одной из лучших и прогрессивных газет, выходивших в губернских городах России»¹⁹⁷. Н.А. Гуторова в диссертационном исследовании, тема которого – печать Рязанской губернии (2009), сделала вывод, что опыт издания и модель «Рязанских губернских ведомостей» были восприняты другими изданиями, развитие которых сдерживалось близостью региона к Москве, удовлетворявшей информационные потребности местных читателей¹⁹⁸. По мнению С.А. Козлова (2011), в «Новгородских губернских ведомостях» в начале 1850-х гг. «проявились осознанно и системно элементы местной тематической журналистики и авторская, общественная позиция редактора»¹⁹⁹. Рубрика «Местная хроника» в 1853–1862 гг. представляла собой «редакторский дневник», в котором путем слияния различных жанров редактор формировал информационный ряд провинциальной жизни небогатого событиями Новгорода. По предположению автора,

¹⁹⁵ Клец Ю.А. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.): история издания и трансформация типологических признаков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009. 24 с. См. также: Клец Ю.А., Лепилкина О.И. Трансформация информационной политики официального местного издания в начале XX века (На материале «Ставропольских губернских ведомостей») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12, № 6. С. 82–86; Клец Ю.А., Лепилкина О.И. Ставропольские губернские ведомости (1850–1917 гг.) в разные периоды развития: изменения типологических характеристик // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 57. С. 101–106.

¹⁹⁶ Василенко И.В. Периодическая печать как элемент социокультурного пространства российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах «Ставропольских губернских ведомостей» и «Ставропольских епархиальных ведомостей») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. 26 с.

¹⁹⁷ Антюхин Г.В. Очерки истории печати Воронежского края (1798–1917). Воронеж, 1973. С. 54.

¹⁹⁸ Гуторова Н.А. Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 24 с.

¹⁹⁹ Козлов С.А. «Местная хроника» на страницах губернских ведомостей: поиск жанра и стиля («Новгородские губернские ведомости», 1853–1862 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232). С. 71.

«театральные публикации», вначале представлявшие собой «эстетические переживания частного лица», с выдвиганием в них фигуры начальника губернии как инициатора строительства здания городского театра приобрели характер «инструмента управления общественным мнением»²⁰⁰.

С точки зрения «начального этапа становления российской провинциальной печати» и «принципов региональных общественных воззрений» к публикациям неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» 1857–1860-х гг. подошла Н.Н. Александрова (1996)²⁰¹. По мнению автора, общественная атмосфера кануна великих реформ и принадлежность тобольского гражданского губернатора В.А. Арцимовича к «когорте энтузиастов-реформаторов» способствовали тому, что «Тобольские губернские ведомости» приобрели просветительское направление – «публикация научных материалов, относящихся к изучению своего края, освещение работы губернских комитетов и других государственно-общественных организаций»²⁰². Вывод автора о том, что «газета способствовала поднятию образованности в Западной Сибири, что содействовало мирному преобразованию российской жизни в целом»²⁰³, можно отнести лишь к биографиям членов авторского коллектива газеты. В период написания диссертации, когда для построения основ гражданского общества актуальной виделась возможность сотрудничества государственных органов с либеральной интеллигенцией, деятельность В.А. Арцимовича в Тобольске оценивалась как позитивный ретроспективный пример их совместной работы «в одном созидательном направлении», хотя, как пишет сама Н.Н. Александрова, участие в газете приняли не представители независимой частной общественности (таковой в середине XIX в. в Сибири просто не было), а те же чиновники или священники: советник Семипалатинского областного правления Н.А. Абрамов, чиновник особых поручений М.А. Смоленский, хорунжий Сибирского казачьего войска Г.Н. Потанин, советник губернского управления В.А. Ильин, протоиерей

²⁰⁰ Козлов С.А. Театральная журналистика «Новгородских губернских ведомостей» как инструмент формирования положительного имиджа региона (1850–1860-е гг.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 3 (92). С. 53.

²⁰¹ Александрова Н. Н. Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX века (по материалам «Тобольских губернских ведомостей») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 33 с.

²⁰² Там же. С. 24.

²⁰³ Там же. С. 25.

и преподаватель Тобольской духовной семинарии А.И. Сулоцкий. Когда «к концу 1858 г. редакция сформулировала программу неофициальной части»²⁰⁴, Арцимович уже не был тобольским губернатором – 16 марта 1858 г. он выехал в Петербург²⁰⁵, и, таким образом, его непосредственное влияние на подведомственную газету было ограничено лишь одним годом, но, безусловно, содержательные и организационные принципы при учреждении «Тобольских губернских ведомостей», сыграли важную роль в их последующей истории и определении места в ряду аналогичных органов сибирской печати. Н.Н. Александрова высказала предположение о том, что «редакторские обязанности до своего отъезда выполнял или В.А. Арцимович, или близкие ему люди», среди которых был П.П. Ершов. Ему принадлежала «решающая роль в определении общего идейного курса газеты», и он, по мнению автора, «несомненно, должен был писать материалы для столь близкой ему газеты»²⁰⁶ (это предположение в дальнейшем развили Т.П. Савченкова²⁰⁷ и Е.В. Костецкая²⁰⁸ и подверг сомнению Ю.Л. Мандрика²⁰⁹).

Если М.П. Мохначева рассмотрела творчество авторов неофициальной части губернских ведомостей с точки зрения их отношения к историческому знанию, то ее читинская коллега З.Я. Иванова (1997) обратилась к выявлению философских идей эпохи, с помощью которых ссыльные М.В. Петрашевский, Н.А. Спешнев, Ф.Н. Львов в «Иркутских губернских ведомостях» и «Амуре» описывали природные явления, состояние экономики, общественные

²⁰⁴ Александрова Н. Н. Указ. соч. С. 24.

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–6.

²⁰⁶ Александрова Н.Н. Становление первой государственной газеты в Сибири («Тобольские губернские ведомости» в 1857–1861 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. М., 1998. № 1. С. 106–107.

²⁰⁷ Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов и его корреспонденты на страницах газеты «Тобольские губернские ведомости» // Врата Сибири : литературно-художественный и историко-краеведческий альманах. Тюмень, 2008. № 1 (24). С. 221–229; Савченкова Т.П. Петр Петрович Ершов (1815–1869). Архивные находки и библиографические разыскания. Ишим, 2011. С. 145–159.

²⁰⁸ Костецкая Е.В. Черты ершовского стиля в статьях «Тобольских губернских ведомостей» о праздничной культуре в Тобольске // Актуальные проблемы филологии, истории и культурологии. Тобольск, 2009. Вып. 4. С. 155–161; Костецкая Е.В. П.П. Ершов – предполагаемый автор газеты «Тобольские губернские ведомости» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 32 (286). С. 62–67.

²⁰⁹ Мандрика Ю.Л. От Конька-Горбунка на коньке горбатым (еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 227–234.

отношения и жизненный уклад населения Сибири. Автором делается попытка атрибутировать ряд публикаций в первых восточносибирских газетах, чья принадлежность вызывает споры у исследователей сибирской журналистики. Для этой цели З.Я. Иванова привлекала статьи, присланные из Сибири в центральные газеты, переписку, опубликованные и сохранившиеся в черновиках произведения петрашевцев²¹⁰.

Истории «Енисейских губернских ведомостей» посвящено несколько страниц в диссертации А.П. Миханева (1998)²¹¹, поскольку в силу своего административного характера и жесткого цензурного контроля они, по мнению автора, «не могли участвовать в общественно-политической жизни губернии»²¹². Ценный материал по общественно-политическим условиям, в которых были вынуждены существовать красноярские издания, содержится в монографии Л.П. Бердникова (1995)²¹³. В дальнейшем к «Енисейским губернским ведомостям» красноярские авторы обращались в «юбилейных» статьях как к начальной точке отсчета истории периодической печати края²¹⁴, в докладах на научных конференциях при общей характеристике содержания выходивших в Енисейской губернии изданий и их типологии²¹⁵, в связи с публикациями в газете в 1900–1902 гг. статей и сообщений о

²¹⁰ Иванова З. Я. Истоки сибирской журналистики (Информация. Философия. Социология). Чита, 1997. 186 с.

²¹¹ Миханев А.П. Периодическая печать Красноярска в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998. 181 с.

²¹² Миханев А.П. Периодическая печать Красноярска в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998. С. 27.

²¹³ Бердников Л.П. Вся красноярская власть : Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916) : Факты, события, люди. Красноярск, 1995. 310 с.

²¹⁴ Броднева А.В. 150 лет со дня выхода в свет первого номера газеты «Енисейские губернские ведомости» // Край наш Красноярский : календарь знаменательных и памятных дат на 2007 год. Красноярск, 2006. С. 53–55; Картухин К. Первой красноярской газете – полтора века // Сегодняшняя газета. 2007. 14 июля. № 76. С. 4; Тюльканова Е.И. Красноярской прессе – 150 лет: страницы истории // V Юдинские чтения : материалы научно-практ. конф. (Красноярск, 9–12 октября 2007 г.). Красноярск, 2008. С. 158–165.

²¹⁵ Гонина Н.В. Периодическая печать Красноярска как исторический источник (1857–1917) // Духовно-исторические чтения: Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции 16 мая 1998 г. Красноярск, 1998. Вып. 3. С. 53–57; Костякова Ю.Б. Первые журналисты Енисейской губернии // История науки, образования и культуры в Сибири : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Красноярск, 23–24 октября 2007 г. Красноярск, 2008. С. 241–247.

внутренней и внешней политике Японии²¹⁶, выявлением в разделе «Объявления» материалов рекламного характера²¹⁷. В последнем случае автор идентифицировал казенные магазины для заготовки и хранения зерна с современными магазинами, а губернским ведомостям приписывал не свойственные их первоначальной программе цели – «освещение новостей политики» и «пропаганда культурных ценностей»²¹⁸.

Несколько слов о «Якутских областных ведомостях», начавших выходить с 1892 г., сказано в работе О.Д. Якимова, посвященной печати национальных окраин Сибири и Дальнего Востока (2000). Автор замечает, что «издание газеты администрация взяла в свои руки, установив жесткий порядок допуска материалов к опубликованию»²¹⁹, однако цензурирование официальной части вице-губернатором, а неофициальной – особым чиновником под губернаторским контролем вовсе не составляло исключения применительно к «Якутским областным ведомостям», а было законодательно прописанным общим порядком для всех ведомостей. Основные факты из истории возникновения «Забайкальских областных ведомостей» изложены в диссертации Т.С. Аверячкиной (2005), посвященной периодической печати Забайкальской области²²⁰ (предшественниками автора были краеведы Е.Д. Петряев (1954)²²¹ и Л.Г. Коптелов (1978)²²²). Очерк истории первой томской газеты представлен в монографии Н.В. Жияковой (2011)²²³. В ее диссертации (2012) об идеологии областничества в газетных и журнальных изданиях доре-

²¹⁶ *Хожяев А.С.* Енисейская пресса и Япония в конце XIX – начале XX века (на примере газеты «Енисейские губернские ведомости») // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края : материалы научно-практической конференции, 4–5 ноября 2003 года. Красноярск, 2004. С. 238.

²¹⁷ *Сотникова Л.Н.* Реклама как составляющая экономической и социальной жизни Енисейской губернии второй половины XIX в. (на примере газеты «Енисейские губернские ведомости») // Мартыановские краеведческие чтения. Красноярск, 2008. Вып. 5. С. 266–268.

²¹⁸ Там же. С. 266–267.

²¹⁹ *Якимов О.Д.* Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: От возникновения до наших дней. Новосибирск, 2000. С. 37.

²²⁰ *Аверячкина Т. С.* Периодическая печать Забайкальской области (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 34 с.

²²¹ *Петряев Е.Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 168–169.

²²² *Коптелов Л.Е.* Газета и время. Родословная Забайкальской периодики. Иркутск, 1978. С. 14–20.

²²³ *Жиякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. С. 38–99.

волюционного Томска исследование процессов формирования и пропагандирования областнических идей было начато с неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1864–1865 гг.²²⁴

С использованием (по собственному признанию автора) таких приемов из журналистского арсенала, как сенсация, разоблачение, провокация (для того, чтобы вызвать дискуссию и подтолкнуть к дальнейшему источниковедческому поиску), о губернских ведомостях пишет Ю.Л. Мандрика. Отдавая приоритет исключительно источниковому – газетному и архивному материалу (зачастую вводимому в научный оборот впервые), обосновывая креативные гипотезы и находя слабые места в устоявшихся представлениях, Ю.Л. Мандрика вместе с тем испытывает большую «слабость к негативу»²²⁵, создает атмосферу таинственности (там, где ее нет)²²⁶, в диатрибной форме упрекает современных сибиреведов в некритичном следовании советской исторической традиции, допуская в пылу борьбы с порожденными ею мифами не вполне аргументированные предположения и саркастические характеристики²²⁷. Позиция «независимого исследователя», пишущего в жанре возмутителя академического сообщества и очень ревниво относящегося к результатам работы своих коллег филологов и историков, привела, главным образом, к тому, что в большинстве историографических обзоров изучения сибирской печати присутствует лишь упоминание о диссертации Ю.Л. Мандрики (2004), в которой были рассмотрены типобразующие признаки неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей».

²²⁴ Жиликова Н.В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 48 с.

²²⁵ Мандрика Ю.Л. После года страусового яйца // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 36.

²²⁶ Мандрика Ю. Л. Тайна «Губернских ведомостей»: к истории первых повременных изданий российской провинции (1857–1917 гг.) // Библиосфера. 2012. № 2. С. 9–14.

²²⁷ Так, например, со ссылкой на «Бесконечный тупик» Д.Е. Галковского, Ю.Л. Мандрика утверждает, что М.В. Петрашевский и Н.А. Спешнев, работавшие в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» и в «Амуре», были сотрудниками III Отделения, «т.е. по меркам советского времени – провокаторами» (Мандрика Ю.Л. О печати Сибири и русле советской традиции // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2009. № 7. С. 202). В этой же рецензии встречаем такое высказывание, которое, хотя и сказано «по делу», имеет вид «красного словца»: «И пинок в адрес картамышевского “Сибирского вестника” можно встретить нередко в работах и других воспитанников кафедр истории КПСС» (Там же. С. 202). Речь идет о работе «Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности» (Новосибирск, 1991), авторы которой – А.М. Сагалаяв и В.М. Крюков, обучавшиеся на историко-филологическом факультете Томского государственного университета, никогда не были причастны к упомянутой кафедре.

мостей»²²⁸, и о составленной автором трехтомной «Антологии тобольской журналистики»²²⁹.

По убеждению автора, к концу 1890-х гг. произошло «отмирание» неофициальной части губернских ведомостей «как издания газетного типа на территории всей Восточной России»²³⁰, что определило верхнюю хронологическую границу исследовательского интереса к истории казенной губернской прессы как основания для последующего появления и развития прессы частной. В последующих статьях Ю.Л. Мандрики рассматривались полемика «Тобольских губернских ведомостей» с частными газетами²³¹, стратегия развития официальной прессы (на примере первых лет издания «Тобольских» и «Томских» ведомостей)²³², экономическое положение типографий губернского правления (объект исследования помогли определить томские архивные материалы)²³³, типоформирующие признаки ведомостей (в 1857–1865 гг. «Тобольские губернские ведомости» имели три титульных имени – «1-й отдел», «2-й отдел» и «Неофициальная часть»)²³⁴. Теоретическим кон-

²²⁸ Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 25 с.

²²⁹ Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. 648 с.; Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. Кн. 1. 624 с.; Кн. 2. 512 с.; Издание можно считать и антологией карикатур из «Искры» и «Маляра», которыми составитель щедро сопроводил публикации неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», видимо, не понадеявшись на интерес читателя к их содержанию.

²³⁰ Мандрика Ю.Л. Экономическое положение провинциальной казенной прессы (на материале «Томских губернских ведомостей» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 174.

²³¹ Мандрика Ю.Л. Государственная и частная печать: опыт чернильных войн (На материале «Тобольских губернских ведомостей») // Российская провинциальная частная газета. Тюмень, 2004. С. 236–250.

²³² Мандрика Ю.Л. Первые издания Сибири: генезис провинциальной прессы, ее региональная идентичность и стратегия развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 1. С. 187–196; Мандрика Ю.Л. Печать в Сибири: региональная идентичность провинциальной прессы // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное издание памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 421–438. Обе статьи практически идентичны.

²³³ Мандрика Ю.Л. Экономическое положение провинциальной казенной прессы (на материале «Томских губернских ведомостей» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2007. № 1. С. 168–175.

²³⁴ Мандрика Ю.Л. Губернские ведомости в научной парадигме // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3(78). С. 168–176.

струкциям марксистско-ленинской идеологии в истории печати была посвящена монография «Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири» (2007)²³⁵. Для изучения круга сибирских авторов ценны предположения Ю.Л. Мандрика о принадлежности В.И. Вагину ряда публикаций в «Сибирском вестнике»²³⁶, К.М. Голодникову – псевдонима «Тобояк» (им была подписана статья «Столетие сибирской печати»)²³⁷, Б.А. Милютину – псевдонима «Отпетый»²³⁸ и о невозможности работы цензора неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» П.П. Ершова в газете в качестве ее автора²³⁹. Также благодаря Ю.Л. Мандрике приблизилась реабилитация «Сибирского вестника политики, литературы и общественной жизни» В.П. Картамышева и Е.В. Корша, за которым неоправданно закрепилась репутация «продажного репутильного органа»²⁴⁰. Монография «Цензура поэтики и поэтика цензуры» (2013), написанная не только по материалам новых архивных документов, но и на основе личного журналистского, редакторского и издательского опыта автора, ставит перед исследователями дореволюционной печати задачу построения концептуального и свободного от идеологического ангажирования видения взаимоотношений провинциальной прессы и региональных представителей цензурного ведомства²⁴¹.

С некоторыми положениями, которые Ю.Л. Мандрика последовательно проводит в своих работах, можно поспорить²⁴². Так, на-

²³⁵ Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. 104 с.

²³⁶ Мандрика Ю.Л. О печати Сибири и русле советской традиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 198.

²³⁷ Мандрика Ю.Л. Цокольный этаж истории печати Сибири постепенно строится... Рецензия : История сибирской печати XVIII – нач. XX в.: Хрестоматия в 5 кн. / сост. Л.С. Любимов // Информационное пространство Тюменской области : сборник научно-практических трудов. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 155.

²³⁸ Мандрика Ю.Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (71). С. 87.

²³⁹ Мандрика Ю.Л. От Конька-Горбунка на коньке горбатым (еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 227–234.

²⁴⁰ Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная газета. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. С. 3–6, 57–72; Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009. С. 121–149.

²⁴¹ Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры. Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Ч. 1: Цензура поэтики и... Тюмень, 2013. 300 с.

²⁴² В более поздних статьях, в отношении некоторых предположений, высказанных в диссертации, автор предпочел прибегнуть к «фигуре умолчания». Например, о принад-

пример, массовое издание книжной продукции в Сибири связано с деятельностью частных типографий (1880-е гг.), а не с отдельными оттисками из неофициальной части ведомостей²⁴³, которые выходили небольшими тиражами, часто только в качестве вознаграждения для автора. Их газетное происхождение не требовало повторного прохождения цензуры и не носило коммерческого характера. Сложно согласиться с попыткой рассмотрения Ю.Л. Мандрикой губернских ведомостей как «системы сенатской периодики»²⁴⁴. Для издания губернских ведомостей были разработаны отдельные узаконения, касавшиеся их организации, содержания и структуры («Сенатские ведомости» не предусматривали неофициальной части). В них печатались распоряжения центрального правительства и губернского начальства, касавшиеся только данной губернии. В указанном параграфе «Правил для издания сенатских ведомостей» губернские ведомости становились их продолжением только в том смысле, что публикации в них узаконений и распоряжений, как и в «издании Сенатском», приобретали характер обнародования и вхождения в законную силу при решении различных дел в масштабах губернии. Наконец, не следует забывать, что в условиях различных губерний ведомости как в официальной, так и в неофициальной части имели свои особенности.

На основе исследовательских подходов В.Г. Березиной и А.И. Станько тип каждой из частей ведомостей определяется Ю.Л. Мандрикой отдельно: официальная часть и прибавления – как бюллетень, неофициальная часть – как эволюционировавшая от альманаха до издания журнального типа²⁴⁵. Бюллетень, согласно опре-

лежности псевдонима «Говорун» в «Тобольских губернских ведомостях» Н.М. Ядринцеву или Г.Н. Потанину, привычные образы которых стали предметом для «разоблачения» в статьях тюменского исследователя.

²⁴³ Мандрика Ю. Л. Тайна «Губернских ведомостей»: к истории первых повременных изданий российской провинции (1857–1917 гг.) // Библиосфера. 2012. № 2. С. 9–14.

²⁴⁴ Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: на материале «Тобольских губернских ведомостей» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 9.

²⁴⁵ Автора могло подвести к мысли об отдельном выходе этих частей то обстоятельство, что в Библиотеке Академии наук годовые подшивки «Тобольских губернских ведомостей» 1857–1860 гг. хранятся не по порядку номеров, а по отделам – отдел первый, отдел второй и отдел второй, часть неофициальная. Хотя в самом объявлении об издании газеты сказано, что «Тобольские губернские ведомости», так же как и все прочие ведомости, состоят их двух частей официальной и неофициальной (*Объявление об издании Тобольских губернских ведомостей в 1860 году* // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 50. 12 дек. С. 579).

делению, может иметь как периодический, так и продолжающийся, т.е. нерегулярный, характер и печатается в виде самостоятельного издания. По «Учреждению губернских правлений» 1845 г. официальная и неофициальная части выходили вместе, составляя полный номер ведомостей, имеющих регулярную периодичность²⁴⁶. Согласно указу 20 марта 1865 г. для сокращения издержек на издание газеты неофициальная часть перестала начинаться с нового листа и была вписана в общую композицию номера с общей нумерацией. К тому же публикация официальных материалов входит в задачи не только бюллетеня, но и газетного издания. Альманах подразумевает объединение по какому-либо признаку литературно-художественных произведений (или их фрагментов), публикуемых впервые. В отличие от газеты или журнала, выходящих через определенные промежутки времени с постоянным числом номеров, альманах имеет непериодический характер и продается без предварительной подписки. Журналы в России второй половины XIX в., как правило, имели ежемесячную периодичность, в то время как ведомости – еженедельную или два раза в неделю. Публикуемые на страницах журналов статьи литературного и политического характера не должны были печататься в ведомостях, согласно их первоначальной программе. По форме журнал имеет вид издания, скрепленного в корешке с мягкой или твердой обложкой, ведомости же были листовым изданием, приобретающим форму книжки только в случае брошюровки отдельного номера газеты или сшивки годового комплекта. В неофициальной части губернских ведомостей печатались новости, корреспонденции, передовые статьи, рекламные объявления, отвечающие требованиям газетного жанра. Наконец, газетой называли ведомости современники – авторы, читатели, а также редакторы и чиновники, работавшие в газетном, а не журнальном столе.

Изучение *общественного движения* по материалам губернских ведомостей впервые было предпринято Л.П. Бурмистровой (1968). В рамках концепции о первой революционной ситуации в России Л.П. Бурмистрова показала, каким образом путем группировки и комментирования информационных заметок и частных фактов, сообщаемых губернскими ведомостями Казани, Самары и Саратова, революционно-демократическая печать («Современник» и «Коло-

²⁴⁶ *Высочайше* утвержденное учреждение губернских правлений. 2.01.1845. Ст. 151 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. № 18580.

кол») получала возможность дистанционно, из С.-Петербурга и Лондона, критиковать различные стороны российской провинциальной жизни, делать акцент на бедственном положении пореформенной деревни. Редакторы местных легальных изданий пополняли революционно-демократический лагерь и включались в число сторонников «других путей» преобразования окружающей действительности (хотя самого подходящего на эту роль редактора «Самарских губернских ведомостей» Д.Л. Мордовцева Л.П. Бурмистрова не могла с полной уверенностью поставить в один ряд с теми, кто верил в возможность и готовил крестьянскую революцию²⁴⁷). В диссертационном исследовании, посвященном губернским ведомостям Казани, Самары, Саратова, Нижнего Новгорода и Перми как источнику для изучения антикрепостнических взглядов местной разночинной интеллигенции, Л.П. Бурмистрова определила редакторов и ряд корреспондентов неофициальной части рубежа 50–60-х гг. как разночинцев-просветителей, стоявших, сообразно классовой трактовке, на либерально-реформистских или революционно-демократических позициях. Отдельные разделы диссертации были посвящены выявлению содержащихся в губернских ведомостях материалов для изучения взглядов и материального положения разночинцев, отношений между помещиками и крестьянами, особенностей культурной жизни провинции²⁴⁸. В более поздней и обобщающей монографии «Провинциальная газета в эпоху русских просветителей. Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.» (1985) тема значения губернских ведомостей в общественной жизни страны периода «нарастания первой революционной ситуации» получила дальнейшее развитие. Автор соотносит периоды их «оживления» или «упадка» с «подъемами» или «спадами» общественной жизни второй половины XIX в., а также обращает внимание на «классовые позиции обозревателя» в обзорах материалов неофициальных частей губернских ведомостей. Разнообразие газетного и архивного материала, его тщательный анализ позволили Л.П. Бурмистровой взглянуть на губернские ведомости значительно шире – не только с точки зрения возможности

²⁴⁷ Бурмистрова Л.П. Использование «губернских ведомостей» на страницах «Современника» и «Колокола» в эпоху падения крепостного права // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1967. Вып. 1. С. 125–198.

²⁴⁸ Бурмистрова Л.П. «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права (на материале Поволжья и Урала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968; См. также: Бурмистрова Л.П. К изучению корреспондентского состава «губернских ведомостей» Поволжья и Урала (конец 50-х – начало 60-х гг.) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1968. Вып. 2–3. С. 102–125.

легальной пропагандистской и просветительской деятельности разночинной интеллигенции, но и как ценного источника для изучения экономической и культурной жизни народов Волго-Уральского региона. В качестве отдельных самостоятельных сюжетов были рассмотрены условия издания и цензурирование губернских ведомостей, их редакторский и корреспондентский состав, дискуссия в печати по поводу направления неофициальной части казенной газеты²⁴⁹.

В соответствии с концепцией о расширении содержания неофициальной части в период первой революционной ситуации И.И. Попов (1976) рассмотрел статьи о сфере образования, библиотечном деле, распространении трезвости в народной среде в «Рязанских», «Тверских», «Калужских» и «Нижегородских» ведомостях как отражение подъема общественного движения в этих губерниях. В отношении «Рязанских губернских ведомостей» автор несколько скорректировал вывод С.А. Макашина²⁵⁰ о том, что содержание и направление газеты в период цензурства вице-губернатора М.Е. Салтыкова-Щедрина не изменилось. В жалобе рязанскому губернатору губернского предводителя дворянства указывалось на то, что губернские ведомости, перепечатывая статьи из центральных газет о предстоящей крестьянской реформе, принимаются местным крестьянством за «официальный отголосок правительства», что может вызвать среди них волнения²⁵¹.

С точки зрения приучения провинциального населения к чтению и получения литературного опыта будущими сотрудниками частных изданий дана оценка губернским ведомостям Х.С. Булацевым (1981). Исследовательский интерес автора сосредоточен на более ярких «первенцах прогрессивной местной печати» – иркутском «Амуре» (1860–1862), астраханской «Волге» (1862–1865), казанской «Камско-Волжской газете» (1872–1874), которые охарактеризованы с точки зрения их общественно-политической позиции²⁵². При ха-

²⁴⁹ Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985.

²⁵⁰ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972. С. 239–244.

²⁵¹ Попов И.П. Местная официальная периодика в годы первой русской революционной ситуации (по материалам центральных губерний) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 155–165.

²⁵² Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981. 141 с.; Булацев Х.С. Революционное движение в России второй половины XIX в. – начала XX века и местная демократическая печать : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982. 32 с.

рактистике содержания губернской официальной прессы за весь период их существования Х.С. Булацев ограничился определением «Современника» о «безмолвном ряде гробов», добавив к этому, что они, «будучи органами административной власти ... верно служили самодержавному строю и эксплуататорским классам» и к 70-м гг. полностью были оттеснены на второй план частными газетами²⁵³.

Статья Л.В. Чекурина (1984)²⁵⁴ посвящена отражению общественного движения в «Рязанских губернских ведомостях», на страницах которых «сквозь цензурные преграды проглядывала борьба либеральных и демократических сил с монархическими элементами и крепостничеством»²⁵⁵ (речь шла о перепечатках ведомостями статей из центральных изданий по крестьянскому вопросу, статьях об образовании и экономическом положении губернии, правительственном сообщении о выступлении крестьян в с. Бездна Казанской губернии).

Обширная группа работ посвящена политическим ссыльным как сотрудникам первых восточносибирских газет, чья деятельность рассматривалась в контексте истории революционного движения в России и его влияния на сибирское общество. В работах Б.Г. Кубалова, В.Г. Карцева, А.В. Дулова (конец 1950-х – середина 1960-х гг.) пребывание Н.А. Спешнева, Ф.Н. Львова и М.В. Петрашевского в Иркутске рассмотрено с точки зрения деятельности организованного ими революционного кружка, распространявшего прогрессивные общественно-политические взгляды (либеральные, демократические и даже социалистические) и возглавившего борьбу местной интеллигенции, прогрессивного купечества и чиновничества с административным произволом (исходящим в том числе и от «скинувшего личину либерализма» Н.Н. Муравьева). Петрашевцам отводилась роль «организаторов» и «руководящих сотрудников» неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», а затем «Амура», с их помощью газеты приняли «обличительное направление»²⁵⁶. Как

²⁵³ Булацев Х. С. Пионеры провинциальной печати... С. 7–9.

²⁵⁴ Чекурин Л.В. Отражение общественного движения на страницах «Рязанских губернских ведомостей» // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX вв. : межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 1984. С. 71–90.

²⁵⁵ Там же. С. 71–72.

²⁵⁶ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958; Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862 гг.) // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1961. Вып. 2. С. 55–87; Кар-

одно из проявлений обличительной деятельности декабристов рассмотрена Ф.А. Кудрявцевым (1975)²⁵⁷ напечатанная в «Иркутских губернских ведомостях» 1859 г. статья В.Ф. Раевского «Сельские сцены». Из современных авторов роль публицистики декабристов и петрашевцев в истории общественного движения и сибирской журналистики продолжает исследовать А.К. Бобков²⁵⁸.

Тему общественного подъема в период революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. на материалах неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» развила Н.П. Матханова²⁵⁹. Статья «Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири» (1978) с момента выхода и до настоящего времени сохраняет актуальный характер, без ссылки на нее не обходится практически ни одно исследование, посвященное губернским ведомостям Сибири. По мнению автора, неофициальная часть первой иркутской газеты в 1857–1860-х гг. приняла либеральное «обличительное» направление не только по причине того, что Н.Н. Муравьев привлек к работе политических ссыльных – М.В. Петрашевского, Ф.Н. Львова и Н.А. Спешнева (о чем писали Б.Г. Кубалов и А.В. Дулов), но и благодаря представителям местной разночинной «прогрессивной» интеллигенции, среди которых – М.В. Загоскин (ставший редактором неофициальной части после Н.А. Спешнева), С.С. Шашков, Н.С. Щукин, М.П. Шестунов,

цев В.Г. М.В. Бутаевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850-х – начала 1860-х годов // Ученые записки Калининского государственного педагогического института. Калинин, 1963. Т. 35. С. 137–169; *Дулов А.В.* Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1965. 23 с.

²⁵⁷ *Кудрявцев Ф.А.* Декабристы – сотрудники сибирских газет // Памяти декабристов: к 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 145–154.

²⁵⁸ *Бобков А.К.* Публицистика декабристов в сибирской журналистике // Страницы истории российской журналистики: от Николая Полевого до наших дней : материалы международной научной конференции к 210-летию Николая Полевого (Иркутск, 4 окт. 2006 г.). Иркутск, 2007. С. 22–26; *Бобков А.К.* Влияние сибирской публицистики декабристов и петрашевцев на сибирское общество (к историографии вопроса) // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года : материалы. Иркутск, 2008. С. 390–395; *Бобков А.К.* Публицистика петрашевцев в газетах «Иркутские губернские ведомости» и «Амур» // Литера. Вестник факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Иркутск, 2008. Вып. 3. С. 97–105; *Бобков А.К.* Сибирская публицистика декабристов и петрашевцев 1856–1861 гг. // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 39–45.

²⁵⁹ *Матханова Н.П.* Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 205–223.

И.С. Сельский, П.И. Пежемский²⁶⁰. Несмотря на свойственные времени написания статьи идеологические ограничения, когда революционному пути переустройства общества отдавалось предпочтение перед правительственным реформизмом, Н.П. Матханова сделала важный вывод о том, что, «помимо той конкретной помощи, которую могла оказать газета обличительного направления в борьбе с мошенничеством купцов и злоупотреблениями мелких чиновников, не менее важным, а может быть, и главным, для умного генерал-губернатора было стремление укрепить авторитет власти»²⁶¹.

Изменение содержания неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в статье Н.П. Матхановой, как и в работах Б.Г. Кубалова и А.В. Дулова, связывается с «иркутской дуэлью», ставшей причиной ухудшения отношений ссыльной и местной интеллигенции (образовавшей в Иркутске «либерально-демократический блок»²⁶²) с генерал-губернатором, ее «выхода» из ведомостей и «основанием» в 1860 г. новой частной газеты «Амур». В то же время «Амур», хотя и не был полностью муравьевским проектом и в силу своей программы обладал большей тематической вариативностью, в административном, финансовом и идейном отношении был скорее официозным, чем «независимым» изданием²⁶³. Критическое направление неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» прослеживается только с конца 1858 г. (именно в 1859 г. на критику из Иркутска стали отвечать «Енисейские губернские ведомости»). Основной массив публикаций газеты в период редакторства Н.А. Спешнева нес в себе экономическую, краеведческую и развлекательную информацию (полемика между читателями также часто разворачивалась по чисто обывательским вопросам), а целый ряд статей был выдержан в верноподданническом духе (таким образом, «неумеренные восторги в адрес Муравьева»²⁶⁴ появились в газете не с 1860 г., когда он уже уехал из Сибири, а с самого первого

²⁶⁰ Следует отметить, что вклад упомянутых авторов в наполнение неофициальной части был различен как в количественном, так и в качественном отношении, а на страницах газеты в этот период публиковались (некоторые не единожды) еще не менее 25 человек различного социального происхождения и взглядов, а о более чем 60 известны только инициалы и псевдонимы).

²⁶¹ Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных... С. 209.

²⁶² Там же. С. 217.

²⁶³ С 1861 г. «Амур», который стал выходить два раза в неделю, получил громкий подзаголовок «Газета Восточной Сибири», что можно понимать и как газета Восточно-сибирского генерал-губернаторства.

²⁶⁴ Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных... С. 223.

года выхода газеты). Как показала в своем недавнем исследовании литературовед Л.И. Сараскина, Н.А. Спешнев в сибирской ссылке расстался со своими радикальными взглядами и, для того чтобы вернуться на родину, стремился заручиться благожелательным отношением не только Муравьева, но и «гонителя» его товарища (Петрашевского) – М.С. Корсакова²⁶⁵.

Ставший с марта 1859 г. редактором неофициальной части М.В. Загоскин, обладавший чистой в политическом отношении биографией и не скованный необходимостью «примерного поведения», повел газету более решительно (при этом количество публикаций против «туземцев» заметно превышало критические статьи против «навозных» – «муравьевцев»). Изменения в направлении «Иркутских губернских ведомостей» произошли не после ухода М.В. Загоскина в начале 1860 г. с поста редактора и назначения на эту должность М.Н. Масловского, как об этом пишет Н.П. Матханова, а в середине 1860 г., когда временно исполнять эти обязанности стал С.П. Щапов, а Корсаков принял решение о субсидировании «Амура» как местного официоза, под редакторством уже проверенного его предшественником М.В. Загоскина. Ответ М.Н. Масловского автору из Читы²⁶⁶ как открытое заявление редакции «о своем отказе от прежней линии и о новом направлении газеты»²⁶⁷ вовсе не содержал в себе такого утверждения. Напротив, новый редактор подчеркивал, что газета по-прежнему является органом гласности. Критику «Амура» со стороны «Иркутских губернских ведомостей» также можно поставить под сомнение. Отрицательный отзыв²⁶⁸ на местное обозрение в первом номере «Амура» (автором обозрения, по мнению, Н.П. Матхановой, был М.В. Петрашевский) мог принадлежать ... самому М.В. Петрашевскому, который писал под псевдонимом «Праздношатающийся»²⁶⁹ и, таким образом, продолжал сотрудничество с губернскими ведомостями (З.Я. Иванова полагает, что под этим псевдонимом скрывался участник петербургского «тайного общества» 1848 г., сосланный в Петрозаводск, А.П. Баласогло. Он

²⁶⁵ Сараскина Л.И. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. М., 2000. С. 264, 495–496, 500–504.

²⁶⁶ *Необходимое объяснение редакции* // Иркутские губернские ведомости. 1860. № 11. 12 марта. С. 10–13.

²⁶⁷ Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных... С. 223.

²⁶⁸ *Впечатление от первого номера газеты «Амур», из заметок «Праздношатающегося»* // Иркутские губернские ведомости. 1860. № 4. 23 янв. С. 1–2.

²⁶⁹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1957. Т. 2. С. 376.

же был автором фельетонов в «Амуре», подписанных псевдонимом «Отпетый»²⁷⁰).

Неожиданное звучание приобретают приведенные в статье Н.П. Матхановой слова кяхтинского пограничного комиссара В.Д. Карпова, который после публикации фельетона В.Ф. Раевского «Сельские сцены»²⁷¹ высказался следующим образом: «С каждым номером губернских ведомостей ведут кого-нибудь из нас на распятие, а мы рукоплещем – доберутся, наконец, и до всех»²⁷². В 1864 г. за подписью Карпова в «Иркутских губернских ведомостях» вышла статья, в которой он оценивал правление Муравьева как эпоху «борьбы с монополией, эксплуатацией чужого труда, казнокрадством и взяточничеством», которая «привела к очищению нравственных понятий общества»²⁷³. Таким образом, приведенное высказывание можно рассматривать как иронию, а не как испуг за чиновников своего ведомства и свое собственное положение. Так по меньшей мере лояльный Муравьеву служащий превратился в «одного из лиходеев в его окружении»²⁷⁴.

Н.П. Матханова в статье «Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания» (1991) расширила характеристику содержания и направления губернских ведомостей Сибири на примере «Томских», «Тобольских» и «Енисейских» губернских ведомостей²⁷⁵. В масштабном труде, посвященном деятельности генерал-губернаторской власти Восточной

²⁷⁰ Иванова З.Я. Истоки сибирской журналистики (Информация. Философия. Социология). Чита, 1997. С. 8–9, 12. Стремление связать авторство провинциальной публикации, выходящей по своему содержанию из их общего ряда, с известной личностью не всегда оправдано. Так, например, перевод сочинения немецкого литератора Г. Кенинга «Очерки русской литературы» (СПб., 1862), выполненный учителем русского языка и словесности иркутской гимназии Н.И. Поповым (об этом сообщалось в «Иркутских губернских ведомостях» в № 4 от 26 января 1863 г.), был скромно подписан инициалами «Н.П.», что ввело в заблуждение современных литературоведов, идентифицирующих перевод «Literarische Bilder aus Rusland» (1837) Г. Кенинга как принадлежавший московскому литератору Н.Ф. Павлову (см.: Кузовкина Т.Д. Роль книги Г. Кенинга в развенчании булгаринского мифа // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту, 2005. С. 125).

²⁷¹ Сельские сцены. Предисловие // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 18. 30 апр. С. 5–7.

²⁷² Литературное наследство. Герцен и Огарев. М., 1956. Т. 63. С. 236.

²⁷³ Карпов В. Ответ на корреспонденции из Иркутска // Иркутские губернские ведомости. 1864. № 13. 28 марта. С. 5.

²⁷⁴ См.: Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 275.

²⁷⁵ Матханова Н.П. Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1991. С. 49–58.

Сибири в середине XIX в., автор также обращалась к сюжету использования Н.Н. Муравьевым «Иркутских губернских ведомостей» и «Амура» в качестве инструментов для «пропаганды успехов своих начинаний и новых проектов»²⁷⁶.

Местная историческая и этнографическая тематика в ведомостях, оказавшихся за пределами российского научного пространства, была переосмыслена с точки зрения формирования национального самосознания. Так, в кандидатской диссертации С.М. Сороко (2001), защищенной по специальности «Журналистика», «Витебские губернские ведомости» оценены с точки зрения общественно-политического содержания, причем в 60-е гг. даже отличного от официальной идеологии. На протяжении 80 лет газета проводила идею «самостоятельного пути исторического развития Белоруссии», способствовала формированию идеологии западнорусизма, а в конце XIX в. «утвердила право белорусского языка на самостоятельное существование»²⁷⁷. Публикации в «Витебских губернских ведомостях», заключает В.М. Сороко, позволяют предположить, что «формировавшееся в XIX в. течение общественно-политической мысли на Беларуси выражалось в эклектическом соединении основ государственной политики Российской империи, национальных интересов белорусов и прогрессивных европейских социал-демократических идей»²⁷⁸.

Рядом исследователей отмечена работа в губернских ведомостях выдающихся представителей русской общественной мысли, литературы и науки. Н.Н. Баландина (1958) рассмотрела те изменения в содержании и направлении «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям», которые связаны с их редактированием в 1838–1839 гг. А.И. Герценом. Спорные в вопросе авторства публикации определены как принадлежащие Герцену, который руководствовался своими принципами в отборе и подаче информации в официальном издании²⁷⁹. Отдельная глава, посвященная редактированию Герценом первой владимирской газеты и его вкладу в раз-

²⁷⁶ Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 205.

²⁷⁷ Сороко С.М. «Витебские губернские ведомости» в системе белорусской дореволюционной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2001. С. 12.

²⁷⁸ Там же. С. 13.

²⁷⁹ Баландина Н.Н. А.И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости» // Ученые записки Владимирского педагогического института. Ковров, 1958. С. 133–166.

витие местного краеведения, содержится в монографии Р.Ф. Савиновой (1982)²⁸⁰.

Деятельность профессора Ярославского Демидовского лицея, будущего видного русского педагога К.Д. Ушинского в качестве редактора неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» в марте – мае 1848 г. проанализирована в работе А.Н. Иванова (1963)²⁸¹. За непродолжительное время своего участия в газете К.Д. Ушинский опубликовал девять статей экономического, исторического и географического характера, посвященных главным образом Поволжскому краю. В отличие от редакторов «Тверских», «Ставропольских», «Новгородских» и других ведомостей, которые, публикуя стихи местных авторов, нарушали правила о наполнении неофициальной части, К.Д. Ушинский обратился со страниц газеты со следующим разъяснением: «За присылаемые стихи для помещения в газету наша редакция чувствительно благодарит присылающих, высоко ценит достоинства их произведений, но помещать не может, потому что пределы нашей газеты тесно определены законом»²⁸².

М.Е. Салтыков-Щедрин, который в 1858–1860 гг. был рязанским вице-губернатором и боролся с произволом местных чиновников и помещиков, как показал С.А. Макашин (1972), не прибегал к помощи цензурируемых им «Рязанских губернских ведомостей». Их характер, в целом, не изменился, автору «Губернских очерков» принадлежали лишь три безответных обращения к читателям с призывами принять участие в неофициальной части (с предложением гонорара в 12 руб. сер. за печатный лист)²⁸³. На посту тверского вице-губернатора в 1860–1862 гг. Салтыков-Щедрин также ничего не писал в ведомости, но прочитывал их как цензор. О содержании «Тверских губернских ведомостей» в этот период есть статья В. Ерохина и М. Кораблева (1996), которые путем обращения к газетным публикациям сделали попытку отобразить жизнь провинциального города, в котором работал писатель в чиновной должности²⁸⁴.

²⁸⁰ Савинова Р.Ф. А.И. Герцен во Владимире. 1838–1840. Ярославль, 1982. 143 с.

²⁸¹ Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль, 1963. С. 339–427.

²⁸² Там же. С. 346.

²⁸³ Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972. С. 239–244.

²⁸⁴ Ерохин В., Кораблев М. Тверская общественная жизнь 1860–1862 гг.: по материалам губернских ведомостей // М.Е. Салтыков-Щедрин: Тверские страницы жизни. Тверь, 1996. С. 71–84.

Л.М. Руднева (1996) в своей диссертации о раннем творчестве П.И. Мельникова-Печерского сделала вывод о том, что период редакторства неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» в 1845–1850 гг. способствовал творческому и карьерному росту писателя – в газете он опубликовал значительную часть своих исследовательских работ и объединил вокруг нее местные научно-литературные силы, что обратило на себя внимание вышестоящего начальства; Мельников-Печерский был причислен на службу в Министерство внутренних дел²⁸⁵. Некоторые сведения о редактировании газеты П.И. Мельниковым-Печерским также содержатся в статьях А.В. Гриневицкой (1937)²⁸⁶ и Ф.Н. Боронина (1981)²⁸⁷.

Воспоминания Н.И. Костомарова и архивные документы позволили Т.П. Чалой (2006) дать общую характеристику работы историка в «Саратовских губернских ведомостях». Отправленный в 1848 г. в Саратов по обвинению в участии в Кирилло-Мефодиевском обществе Костомаров был назначен в 1849 г. местным губернатором на должность начальника газетного стола и редактора губернских ведомостей. К своей должности он относился «прохладно», «сам писал мало и, по мнению современников, не особо старался привлекать к сотрудничеству местные таланты»²⁸⁸. В 1851 г. был отставлен с поста редактора «за неспособность» после опубликования объявления о продаже «подчалков» – прицепных грузовых судов, которые можно было видеть в губернском правлении «во всякое время». Публикация Костомаровым (без указания своего имени) в неофициальной части газеты народных песен Саратовской губернии была приостановлена в 1854 г. петербургским цензором, который усмотрел в них безнравственность и сделал замечание пропустившему их в печать директору гимназии²⁸⁹. В 1857 г., уже после освобождения от полицейского надзора, Костомаров опубликовал в «Сара-

²⁸⁵ Руднева Л.М. П.И. Мельников-Печерский в 1830–1860-е годы: Вопросы биографии и творчества : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1996. 21 с.

²⁸⁶ Гриневицкая А. В. «Нижегородские губернские ведомости» // Горьковская область. Ежемесячный журнал Исполкома Областного Совета депутатов трудящихся. Горький. 1938. № 9. С. 110–116.

²⁸⁷ Боронин Ф.Н. Первая губернская газета (из истории нижегородской печати) // Записки краеведов. Горький, 1981. С. 74–81.

²⁸⁸ Чалай Т.П. Н.И. Костомаров (1817–1885 гг.): общественно-политические взгляды и деятельность : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 137.

²⁸⁹ Чалай Т.П. Н.И. Костомаров... С. 141; Костомаров Н.И. Литературное наследие. Автобиография. Стихотворения. Сцены. Исторические отрывки. Малорусская народная поэзия. Последние работы. СПб., 1890. С. 75.

товских губернских ведомостях» статистическое описание уездного города Вольска²⁹⁰.

Немногочисленную группу составляют работы об изменении направления и содержания губернских ведомостей в период первой русской революции. С.В. Савенков (2005) в диссертационном исследовании о роли губернской прессы в формировании общественного мнения в Орловской губернии в 1865–1905 гг. определил местные губернские и епархиальные ведомости как «наиболее устойчивые в своих взглядах, содержании и в периодичности», что не помешало им в период нарастания революции вслед за столичной прессой приобрести обличительное направление²⁹¹. П.О. Ковтуненко в небольшой статье (2008) использовал материалы «Пермских губернских ведомостей» для доказательства связи уголовного террора с экспроприациями и покушениями как формами революционно-политической борьбы в период 1905–1907 гг.²⁹² О переходе «Кубанских областных ведомостей» в «политико-пропагандистскую подсистему» периодической печати писала Ю.Л. Хохлач (2011)²⁹³.

В исследованиях, посвященных печати периода Революции 1917 г. и Гражданской войны, ведомости затерялись среди разнообразных партийных органов, хотя газеты продолжали выходить под своим прежним или измененным названием. Можно назвать лишь несколько работ, авторы которых рассматривают ведомости в ряду других изданий Временного правительства и антибольшевистских правительств. О.Д. Якимов (2005) относил официальные «Известия» и «Ведомости» сибирского региона к изданиям коалиционных органов власти, создаваемых после марта 1917 г. кадетами и правосо-

²⁹⁰ Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров. Очерк жизни и творчества // Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 29.

²⁹¹ Савенков С.В. Орловская губернская пресса (1865–1905 гг.) в формировании общественного мнения губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 26 с.

²⁹² Ковтуненко П.О. Уголовный террор в Прикамье накануне революции 1905–1907 гг. (по материалам неофициальной части «Пермских губернских ведомостей») // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 63. С. 151–155.

²⁹³ Хохлач Ю.Л. Политическая трансформация «Кубанских областных ведомостей» в период первой русской революции // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4 (38). С. 111–112; Хохлач Ю.Л. Об авторах монархистской и либеральной направленности на страницах кубанской печати: их публикации и судьбы // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 3 (41). С. 76–78.

циалистическими партиями²⁹⁴. В диссертации Н.А. Скориковой (2004), посвященной иркутской губернской администрации в период «демократической контрреволюции» и колчаковского режима, содержатся ценные сведения о программе, редакторах и последних номерах «Иркутских губернских ведомостей», ставших печатным органом иркутского губернского комиссара (при А.В. Колчаке – управляющего губерний) П.Д. Яковлева²⁹⁵.

В *системе правительственных периодических изданий* губернские и областные ведомости представляли собой низовое региональное звено, трансформировавшееся в связи с изменениями политики самодержавия в отношении принадлежащих ей печатных органов. В советской историографии эта тема была поднята С.И. Стыкалиным (1973), который ввел в научный оборот архивные документы МВД по реорганизации сегмента официальной и официозной прессы в 1905 г.²⁹⁶ Э.В. Летенков (1973) рассмотрел деятельность правительственных информационных учреждений, организованных и субсидируемых МВД, – Осведомительного бюро, Санкт-Петербургского телеграфного агентства и Бюро русских журналистов²⁹⁷. В работе С.В. Смирнова (1981) о губернских ведомостях упоминалось как о провинциальном сегменте правительственной печати, реорганизованные центральные органы которой были призваны держать народ «истерзанной и измученной России» в «религиозно-христианской, самодержавно-полицейской узде», убеждать его в «неприкосновенности земельной и всякой иной частной собственности, сословно-дворянских и помещичье-чиновных классовых интересов и привилегий»²⁹⁸. О деятельности правительства в противовес революционным организациям по распространению книг для

²⁹⁴ Якимов О.Д. Периодическая печать Восточной Сибири в 1917 году // Вестник Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова. 2005. Т. 2, № 4. С. 23–31.

²⁹⁵ Скорикова Н.А. Организация и деятельность Иркутской губернской администрации (июль 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 246 с.; Скорикова Н.А. Организация и деятельность Иркутской губернской администрации (июль 1918 – декабрь 1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 27 с.

²⁹⁶ Стыкалин С.И. Русское самодержавие и легальная печать 1905 года (К вопросу о проектах создания официозной прессы) // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в. М., 1973. С. 67–98.

²⁹⁷ Летенков Э.В. К истории правительственных информационных центров в России (1906–1917 гг.) // Вестник Ленинградского университета. Серия «История, язык, литература». 1973. № 20. С. 80–88.

²⁹⁸ Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 24, 29.

народного чтения и охранительных периодических изданий, а также о численности и социальном составе читательской аудитории в дореволюционной России рассказывается в статьях А.В. Блюма, В.Е. Кельнера, Н.Г. Патрушевой и А.И. Рейтблата в заключительном третьем томе монографии «Книга в России» (1991)²⁹⁹. Уделяя, главным образом, внимание проектам преобразования сектора центральной официальной и официозной печати в годы первой русской революции, о положении губернских ведомостей в структуре провинциальной печати писала С.Я. Махонина (1991)³⁰⁰.

В диссертационной работе А.В. Лихоманова (1995), а также в его монографии (1997)³⁰¹, рассмотрена деятельность премьер-министров С.Ю. Витте и П.А. Столыпина по реорганизации газет МВД («Правительственного вестника» и «Сельского вестника») и открытию новых изданий – официальной газеты «Русское государство» и частного официоза «Россия». Кризис идеологии самодержавия и приверженность власти к силовым методам воздействия, по мнению автора, привели к тому, что «правительственная печать в 1905–1907 гг. не смогла выполнить возложенную на нее задачу создания благоприятного для власти общественного мнения, и отчуждение между царизмом и подданными продолжало нарастать»³⁰².

Проблемно-тематическому содержанию, структуре и редакторскому составу «Правительственного вестника» как центральному органу в системе государственной печати посвящена диссертация М.Е. Апон (1997)³⁰³. Процессы развития и правового регулирования правительственной печати в конце XIX – начале XX в. подробно рассмотрены Е.В. Ахмадулиным (2000)³⁰⁴.

²⁹⁹ Блюм А.В., Кельнер В.Е., Патрушева Н.Г. Издание «книг для народа» // Книга в России. 1861–1881 : в 3 т. / под общ. ред. И.И. Фроловой. М., 1991. Т. 3. С. 7–28; Рейтблат А.И. Читательская аудитория // Там же. С. 69–86.

³⁰⁰ Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991. С. 30–31, 145–174; См. также: Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2008. С. 48.

³⁰¹ Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. 133 с.

³⁰² Лихоманов А.В. Самодержавие в борьбе за общественное мнение в годы первой русской революции (Правительственная печать в 1905–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 17.

³⁰³ Апон М.Е. Государственная служба в России и газета «Правительственный вестник» (1869–1881 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

³⁰⁴ Ахмадулин Е. В. Правительственная печать России (кон. XIX в. – февр. 1917 г.). Ростов н/Д, 2000. 77 с.

Тему нормативно-правовой базы, организационной структуры, функций и роли в государственном механизме Главного управления по делам печати и созданного при нем Осведомительного бюро (с 1915 г. – Бюро печати) продолжает А.В. Амбросьев³⁰⁵. В диссертации, защищенной по специальности «Теория и история права и государства» (2012), автор заключал, что «в начале второй половины XIX века власть стала рассматривать печать как важный фактор в формировании общественного мнения. Контроль за печатью, цензурные функции были переданы из ведения Министерства народного просвещения в МВД, прежде всего потому, что цензура перестала рассматриваться как часть процесса идеологического воспитания и стала важной частью его внутренней политики»³⁰⁶.

Взаимоотношения печати и местных губернских властей, которые в советский период однозначно определялись как сдерживающий развитие местной прессы административный контроль и поддержка «репильных» органов, в настоящее время стали предметом отдельного внимания исследователей, формирующих новое видение этой проблемы. Уже в 1990 г. Н.Г. Патрушева в работе о цензурной реформе в России 1865 г. (определявшей положение русской печати до 1905 г.) сделала важный в методологическом отношении вывод о том, что «положение печати в стране определялось в основном не содержанием действующего закона, а той внутриполитической обстановкой, в условиях которой этот закон применялся»³⁰⁷. М.А. Пшеничная (2002) рассмотрела практику цензурного контроля применительно к газетам Ставропольской губернии и Ку-

³⁰⁵ Амбросьев А.В. Деятельность Главного управления по делам печати по контролю за средствами массовой информации и распространению печатной продукции // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 282–284; Амбросьев А.В. Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи: структура и организация деятельности // История государства и права. 2011. № 17. С. 30–35; Амбросьев А. В. Нормативно-правовое регулирование деятельности Главного управления по делам печати МВД Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2012. № 5. С. 26–30.

³⁰⁶ Амбросьев А. В. Организационно-правовые основы деятельности главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 22. В оценке цензурной практики дореволюционной России автор считает «использование и обобщение» опыта деятельности Главного управления по делам печати «одним из условий совершенствования деятельности структурных подразделений системы МВД Российской Федерации, отвечающих за связь с общественностью, участвующих в учете и формировании общественного мнения» (Амбросьев А. В. Указ. соч. С. 3).

³⁰⁷ Патрушева Н. Г. Цензурная реформа в России 1865 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 17.

банской области, среди которых «Кубанские областные ведомости» (несмотря на свой официальный статус) за размещение критических и злободневных публикаций в 1901–03 гг. получили ряд замечаний от Главного управления по делам печати³⁰⁸. Н.Н. Морозова (2009) обратилась к «Томским» и «Тобольским» ведомостям в контексте политики губернских властей по их использованию «для работы с обществом»³⁰⁹ и принятия управленческих решений. Автор делает вывод, что администрация Западной Сибири сыграла решающую роль в возникновении губернских ведомостей, а местные чиновники выступали в качестве авторов ее неофициальной части (что расценивается как показатель влияния высшей администрации Западной Сибири на издаваемые ими газеты)³¹⁰. Один из тезисов Н.Н. Морозовой о том, что общественное значение губернских ведомостей зависело от либеральных взглядов губернатора и его покровительственного отношения к прессе, не подтверждается ситуацией с «Томскими губернскими ведомостями» середины 60-х гг., когда в условиях отсутствия у местных властей таких качеств газета стала пропагандировать областнические взгляды.

В докторской диссертации Е.В. Курбаковой (2009), посвященной выявлению закономерностей и форм взаимовлияния губернских властей и местной печати (на примере Казанской и Нижегородской губерний), небольшой раздел посвящен обстоятельствам выхода (вер-

³⁰⁸ Пшеничная М. А. Государственная политика в области цензуры печати в России XIX – начала XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002. С. 146–148.

³⁰⁹ Морозова Н.Н. Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 23 с.

³¹⁰ Работа Н.Н. Морозовой не свободна от некоторых незначительных, но досадных фактических ошибок, которые в дальнейшем могут тиражироваться при обращении к данному тексту. Так, неверно указана конечная дата редакторства над неофициальной частью «Томских губернских ведомостей» Д.Л. Кузнецова – 1866 г. (16 сентября 1865 г. Д.Л. Кузнецов был арестован по делу областников и редактором назначен А.Р. Николаев, приступивший к своим обязанностям с № 36 от 17 сентября 1865 г.). В тексте также утверждается, что неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» начала выходить с 1858 г. (в 1857 г. выходила в количестве нескольких разрозненных номеров, хранящихся в РНБ), газета выпускалась в количестве 51 номера в году (количество номеров разнилось от 50 до 52), в 1866 г. выход неофициальной части был непостоянным (в 1866 г. неофициальная часть продолжала выходить наряду с официальной, с № 17 от 6 мая 1866 г. обе части печатались совместно, а номера газеты с неофициальной частью, отсутствующие в НБ ТГУ и НГО НБ – №№ 9, 41, 43–47, представлены в газетном фонде БАН). Дело «О поручении цензурирования неофициальной части губернских ведомостей Тобольской и Томской губерний директорам училищ этих губерний», 21 мая – 21 июня 1857 г. (Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4149. 1857 г. 3 л.) по оплошности датировано 1851 г., и на этом основании делается предположение о связи этого документа с ревизией Западной Сибири Н.Н. Анненковым 1851 г.

нее, невыхода) «Казанских» и «Нижегородских» губернских ведомостей в 1830 г.³¹¹ «Нижегородские губернские ведомости» в 1890 г., наравне с частными газетами, приняли участие в «деструктивной критике» местных властей, обусловленной «нежеланием представителей журналистского цеха способствовать конструктивному преобразованию повседневной реальности»³¹². Выводы, сделанные автором, позволяют говорить о некоем «парадигматическом сдвиге» в оценках консервативно-охранительных и революционных изданий, которые получают новые наименования – «пресса конструктивного подхода», настраивавшая читателя на «повседневную мирную работу», и «пресса деструктивного подхода», призывавшая «на борьбу с “властью” и “угнетателями”», внедрявшая в массовое сознание «легковесные, но нагнетающие напряженность идеи», привлекавшая «новых деятелей в ряды экстремистов». Революционное движение начала XX в. также осовременивается и получает соответствующую инверсивную оценку в определении «экстремистское движение». Интересен также поворот в оценке привычных догматов об административном и цензурном давлении местных властей на частную печать – казанские и нижегородские губернаторы «не только не чинили препятствий для возникновения новых изданий, но стремились активно внедрять периодику в массы», наличие же цензора – «третьего лица», посредника между читателем и журналистом – «развращало» последнего «личной юридической безнаказанностью и возможностью оправдывать свой непрофессионализм так называемым “произволом цензуры”». «Будущий историк теперешней смуты справедливо оценит даже малейшие наши усилия к спасению Родины, к восстановлению ее силы, цельности и энергии или сурово заклеймит нашу вялость, равнодушие и лень, при виде того, как гибнут тысячелетние труды и заботы наших предков, создававших великое целое – Россию», – так цитатой из «Обновления» (1906, № 1, 10 янв.) – печатного органа казанских октябристов (которые, по замечанию самого автора, были идейно близки «правым», т.е. черно-

³¹¹ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н. Новгород, 2008. С. 13–17; Курбакова Е.В. Губернская власть и пресса российской провинции в 1811–1917 гг. (на материалах Казанской и Нижегородской губерний) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. 55 с.

³¹² Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг. ... С. 185, 189–190.

сотенцам) – торжественно завершается работа о взаимоотношениях власти и провинциальной печати³¹³.

Тему взаимоотношений цензурных учреждений и администрации различных уровней с «периферийной периодикой» в масштабах всей Российской империи в 1830–1905 гг. продолжил В.Ф. Блохин (2011)³¹⁴. Цензурное ведомство рассмотрено автором не только с точки зрения сдерживания развития провинциальной печати (которая создавала губернским властям и цензорам только дополнительные проблемы), но и в качестве «партнера», хотя и невольного, но способного варьировать между параграфами цензурных уставов в соответствии с общественными настроениями, политикой верховной власти, тематическими предпочтениями самой прессы: «Газетные материалы длительное время выступали своеобразным результатом сотворчества редакций и института предварительной цензуры, отражавшей взгляды правительства и местных властей на происходившие в стране события»³¹⁵. «Голосом государства» в формировании общественного мнения и воздействии на «низших исполнителей» должны были стать губернские ведомости, но «далеко не все из них сумели в условиях точного исполнения законов об их издании, жесткой зависимости от губернского начальства выступать достойными конкурентами частной провинциальной прессы»³¹⁶. Функцию проведения правительственной политики также выполняли полуофициальные органы, открыто или негласно финансируемые местными властями – официозы или пресловутые «рептилии», которые В.Ф. Блохин в рамках наметившегося «парадигматического сдвига» изящно определяет как «провинциальную субсидированную печать»³¹⁷. Из сибирских газет к таковым можно отнести «Амур», который автор все же помещает в раздел «Первые частные массовые провинциальные газеты в России». В качестве одной из причин появления в Сибири в 1860-е гг. газет негосударственной формы собственности В.Ф. Блохин называет «отсутствие в Министерстве внутренних дел свободных средств на создание правительствен-

³¹³ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 г. ... С. 231–235, 285.

³¹⁴ Блохин В. Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX – начало XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 33 с.

³¹⁵ Там же. Указ. соч. С. 14.

³¹⁶ Там же. С. 18–19.

³¹⁷ Там же. С. 19.

ных органов печати в этом регионе страны»³¹⁸, хотя эти средства, по новым штатам для сибирских губерний, утвержденным 6 декабря 1856 г., как раз и послужили основанием для учреждения в 1857 г. губернских ведомостей в Тобольске, Иркутске, Красноярске и Томске.

К изучению губернских ведомостей и их отношений с государственными органами власти обращаются и зарубежные исследователи. Роль ведомостей в формировании гражданского общества стала предметом исследования Сюзан Смит-Петер «Русская провинциальная газета и ее читатели, 1788–1864 гг.» (2008). На примере, главным образом, «Ярославских» и «Владимирских» ведомостей автор приходит к выводу, что развитие газеты не сдерживалось контролем со стороны властей, на ее эволюцию влияли разнообразные местные условия, взаимоотношения редактора с губернатором, инициативы представителей образованной общественности³¹⁹. К аналогичному выводу приходит Конрад Бауц (1996): «Программа же содержания этой части [неофициальной] представляла рамки, из которых выйти не допускалось, но внутри которых редактор мог дать газете даже явно одностороннее направление. Ценность газеты зависела от редактора, а не от губернатора и его мнимого произвола»³²⁰.

Губернские ведомости как источник для изучения локальной истории характеризовались с точки зрения их источниковедческого потенциала или использовались в освещении ряда конкретных исторических сюжетов. Ф.А. Литвина (1969) обратилась к ведомостям конца 1850-х – начала 1860-х гг. как источнику для изучения состава участников и программ литературных вечеров, организуемых «прогрессивной интеллигенцией» в период подготовки и реализации крестьянской реформы³²¹. В.А. Кустов (1973) сделал вывод о том, что не-

³¹⁸ Блохин В. Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России... С. 22.

³¹⁹ Susan Smith-Peter. The Russian Provincial Newspaper and its Public, 1788–1864. Pittsburgh, 2008; Смит-Петер С. Истоки губернских ведомостей: 1831 – начало 1850-х гг. // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в. Петрозаводск, 2008. С. 23–51; Большакова О.В. Смит-Петер С. Русская провинциальная газета и ее читатели, 1788–1864 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2010. № 2. С. 65–69.

³²⁰ Бауц К. «Губернские ведомости» как источник по истории местного самосознания в губерниях Российской империи (по материалам «Владимирских губернских ведомостей», 1838–1888 гг.) // Российская провинция XVIII – XIX вв.: реалии культурной жизни: материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 19.

³²¹ Литвина Ф.А. «Губернские ведомости» как источник для изучения литературных вечеров эпохи падения крепостного права // Очерки истории Поволжья и Приуралья: сборник статей. Казань, 1969. Вып. 2–3. С. 130–133; Литвина Ф.А. Литературные вечера

официальная часть «Пермских губернских ведомостей» является одним из «важных исторических источников, из которого можно почерпнуть разнообразные – а подчас и единственные в своем роде – сведения из истории Среднего Урала, его экономики, культуры, этнографии, фольклора и т.п.»³²². Г.Ф. Чудова (1981) установила авторство статей, посвященных Вятке и Вятской губернии, публиковавшихся в первое десятилетие выхода «Вятских губернских ведомостей»³²³, а А.А. Хохлов (1995) классифицировал их по 19 разделам³²⁴.

Предметом диссертационного исследования В.В. Дементьевой (1985) стал процесс организации губернских ведомостей в Ярославле, Владимире, Костроме, Твери, содержание публикаций официальной и неофициальных частей в качестве источника по социально-экономическому развитию России³²⁵. Публикации в губернских ведомостях Верхнего Поволжья были проанализированы автором по следующим группам: кризис помещичьего хозяйства, история торговли и крестьянского хозяйства, развитие промышленности и элементов капитализма в деревне. Содержательная ценность данных материалов различна: «являющиеся основным и самостоятельным источником для характеристики отдельных социально-экономических процессов», «публикации, позволяющие корректировать и существенно дополнять данные других источников», «публикации, служащие вспомогательным источником для изучения определенной темы»³²⁶. Утверждение об «оживлении» ведомостей как общей для всех них тенденции в 50-е гг. XIX в. В.В. Дементьева дополнила очень ценным выводом о том, что «периоды оживления и подъема неофициальной части являются таковыми только по от-

эпохи падения крепостного права: из истории общественного движения и культурной жизни России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1970. 21 с.

³²² Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости» с 1838 по 1917 гг. (Краеведческий очерк) // Языки и ономастика Прикамья : сборник статей. Пермь, 1973. С. 113–128.

³²³ Чудова Г. Ф. В те далёкие годы : Очерки по истории краеведения Вятской губернии. Киров, 1981. 160 с.

³²⁴ Хохлов А.А. «Вятские губернские ведомости» как источник изучения Вятского края // Вятская земля в прошлом и настоящем: материалы III научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Киров, 1995. С. 53–56.

³²⁵ Дементьева В.В. Губернские ведомости Верхнего Поволжья 1831–1861 гг. как источник по социально-экономической истории России : дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 251 с. Заявленный во введении тезис автора о том, что в ведомостях «политические и общественно-идеологические вопросы нашли отражение ... в минимальном объеме» (с. 3), опровергается политикой центральных и местных властей по приданию газете общественно-политического характера в период первой русской революции.

³²⁶ Там же. С. 190–191.

ношению к содержанию ведомостей одной отдельно взятой губернии»³²⁷. Понятия «упадок» и «подъем» также условны – по наблюдению автора, «Владимирские губернские ведомости» в период «упадка» были гораздо более разносторонними и информационно насыщенными, чем «Тверские» в период их «подъема». Для начальной истории губернских ведомостей, которая обычно связывается с их массовым появлением в 1838 г., важно обращение В.В. Дементьевой к факту выхода «Ярославских губернских ведомостей» с 1831 г., в соответствии с «Положением об издании губернских ведомостей» 1830 г.³²⁸

М.А. Витухновская (1992) рассмотрела содержание и круг авторов «Олонецких губернских ведомостей», которые, «поступательно развиваясь и совершенствуясь», к концу XIX в. «стали содержательным краеведческим органом»³²⁹. Широкая тематическая панорама публикаций «Тверских губернских ведомостей» – от исторических источников XVII в. до сообщений о ходе освобождения крепостных крестьян – представлена в статье Л.И. Деминой и М.П. Мохначевой (1994)³³⁰. Содержание «Тверских» и «Орловских» ведомостей применительно к местной истории кратко затронуто в статьях В.З. Исакова (1997)³³¹ и А.И. Кондратенко (1999)³³². Диссертация Т.В. Прудкогляд (2000) посвящена роли печати Дальнего Востока в социально-

³²⁷ Дементьева В.В. Губернские ведомости Верхнего Поволжья ... С. 54.

³²⁸ Этому важному «микрооткрытию» посвящена отдельная статья: Дементьева В.В. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 43–45. Но факт выхода «Ярославских губернских ведомостей» с 1831 г. фиксировал уже один из первых указателей газеты (см.: Липинский М.А. Указатель к неофициальному отделу «Ярославских губернских ведомостей» с 1831 по 1881 гг. // Труды Ярославского губернского статистического комитета. М., 1885. Т. 9. 357 с.) В 1963 г. А.Н. Иванов также указывал верную дату начала издания газеты (Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле // Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль, 1963. С. 339). В 1971 г. на круглую дату в истории «Ярославских губернских ведомостей» обращалось внимание местных культурно-просветительских работников (Иванов А.Н. «Ярославские губернские ведомости» (к 140-летию со дня выхода первого номера газеты. 18 марта 1831 г.) // В помощь краеведческой работе библиотек. Ярославль, 1971. С. 19–21).

³²⁹ Витухновская М.А. Из истории российской провинциальной печати (Олонецкие губернские ведомости в конце XIX века) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М.; СПб., 1992. С. 115.

³³⁰ Демина Л.И., Мохначева М.П. Страницы истории Тверского края в освещении «Тверских губернских ведомостей» середины XIX в. // Тверская земля в прошлом и настоящем: сборник статей. Тверь, 1994. С. 48–56.

³³¹ Исаков В.З. «Тверские губернские ведомости» – первая тверская газеты // Вестник архивиста. № 1(37). М., 1997. С. 36–41.

³³² Кондратенко А.И. Возникновение и развитие периодической печати в Орловской губернии // Краеведческие записки. Сборник. Вып. 3: Материалы научной конференции. Орел, 1999. С. 50–58.

экономическом и культурном развитии региона³³³. Статистические материалы «Томских губернских ведомостей» были привлечены для характеристики экономической жизни дореволюционного Томска в монографии Н.М. Дмитриенко (2000)³³⁴. На основе публикаций в «Ярославских губернских ведомостях» о деятельности Ярославской городской думы писали П.Г. Агафонов, И.В. Волкова, О.В. Суслова (2001)³³⁵. Материалам, отражающим российско-скандинавские торговые отношения, и рекламным объявлениям «Архангельских губернских ведомостей» посвящены статьи М.А. Смирновой³³⁶.

Различные стороны культурной жизни Костромской губернии – образование и просвещение, религия и благотворительность, повседневный быт и праздники – на материалах местной периодической печати (включая «Костромские губернские ведомости») были рассмотрены О.В. Бердовой (2002)³³⁷. А.С. Верещагин (2003) установил, что «Уфимские губернские ведомости», выходившие в 1867–1917 гг. (с 1906 г. неофициальная часть издавалась отдельно как «Уфимский край»), содержат богатый материал (в том числе имеющий характер первоисточника) по экономическому положению отдельных слоев населения губернии, сведения об урожае и ценах на продукты, очерки по истории и этнографии края, сообщения губернского статистического комитета, театральную хронику³³⁸. Е.Е. Шурупова (2005) рассмотрела тематику и жанровое своеобразие материалов по истории Русского Севера, опубликованных в «Архангельских губернских ведомостях», как фактор консолидации провинциальной интеллигенции, осуществлявшей

³³³ Прудкогляд Т.В. Периодическая печать и ее роль в социально-экономическом и культурном развитии Дальнего Востока России (1865–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. 29 с.

³³⁴ Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века : управление, экономика, население. Томск, 2000. 284 с.

³³⁵ Агафонов П.Г., Волкова И.В., Суслова О.В. Роль и функции городского головы Ярославля во второй половине XIX века (по материалам газеты «Ярославские губернские ведомости») // Власть и город: история и современность. Ярославль, 2001. С. 26–30.

³³⁶ Смирнова М.А. Отражение связей северных стран с Российским Севером на страницах «Архангельских губернских ведомостей» (1839–1859) // Архангельск и северные страны конца XIV – начала XX века. Архангельск, 1999. С. 125–128; Смирнова М.А. Рекламные объявления в дореволюционной местной печати как источник информации (по материалам «Архангельских губернских ведомостей») // Массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв. Архангельск, 2002. С. 272–276.

³³⁷ Бердова О.В. Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. Кострома, 2002. 360 с.

³³⁸ Верещагин А.С. История края в газете «Уфимские губернские ведомости». Уфа, 2003. 52 с.

историко-краеведческие изыскания, в рамках своей профессиональной деятельности и по личным мотивам³³⁹. А.Ю. Питерова (2005) использовала материалы «Пензенских губернских ведомостей» 1864–1915 гг. для изучения проводимых местным земством мероприятий в экономической и социальной сферах³⁴⁰. Н.Н. Четверткова (2007) также на основе данного источника сделала вывод о том, что чиновники, органы самоуправления и частные лица совместными и разнонаправленными усилиями способствовали увеличению количества образовательных учреждений в Пензенской губернии в начале XX в.³⁴¹ Е.Д. Выжимов (2007) обратился к содержанию «Тамбовских губернских ведомостей» с целью выявления отношения жителей губернии к событиям Крымской войны и сделал вывод об ограниченных возможностях данного источника, поскольку правительство ввело запрет на публикацию статей о ходе военных действий³⁴². О роли исторических, этнографических и экономических материалов «Олонецких губернских ведомостей» в конструировании «губернского патриотизма» пишет А.В. Голубев (2008)³⁴³.

В общественно-культурной жизни Астраханской губернии местные губернские ведомости, по мнению М.Е. Михайловой (2006), занимали различное место: в 1838–1857 гг. в них публиковались «просветительские» статьи по истории, этнографии, географии и статистике края; в 1858–1904 гг. основной тематикой стала современная экономическая и культурная жизнь губернии; в 1905–1907 гг. и 1914–1917 гг. газета выполняла политические агитационные функ-

³³⁹ Шурупова Е.Е. «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 26 с.

³⁴⁰ Питерова А.Ю. Пензенская губернская печать о деятельности земства в период с 1864 по 1917 г. (на примере «Пензенских губернских ведомостей» и «Вестника Пензенского земства»): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 22 с.

³⁴¹ Четверткова Н.Н. Народное образование Пензенской губернии в начале XX века (1900–1905 гг.). По материалам «Пензенских губернских ведомостей» // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2007. № 3(3). С. 140–143.

³⁴² Выжимов Е.Д. «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–56 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. Вып. 2 (46). С. 129–131.

³⁴³ Голубев А.В. Роль местной прессы в становлении региональной идентичности в Олонецкой губернии в середине XIX в. (по материалам «Олонецких губернских ведомостей») // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в. Петрозаводск, 2008. С. 114–128.

ции³⁴⁴. Автор пишет о высокой эффективности идеологического влияния газеты на население в период правления Николая I³⁴⁵, однако представляется, что основой для такого вывода являются не столько газетные публикации ведомостей, сколько общая социально-политическая ситуация конца 30-х – начала 50-х гг., когда даже столичные официозы не выходили за пределы оглашения фактов деятельности правительства, без каких-либо объяснений и комментариев, а в аполитичной и неграмотной в своей массе провинции не было как оппозиционных настроений, так и альтернативных правительственным газет. В отношении всего корпуса губернских и областных ведомостей интересен вывод М.Е. Михайловой о том, что «как только в содержании газеты намечались либеральные тенденции, вступавшие в противоречие с идеологией монархизма, властями принимались меры к приведению газеты в рамки официоза (назначение другого редактора, публикация материалов, выдержанных в верноподданническом духе)»³⁴⁶.

Выявлению источников формирования и содержательных характеристик образа Сибири в общественно-политических и отраслевых ежемесячных журналах второй половины XIX – начала XX в. посвящена докторская диссертация Н.Н. Родигиной (2006). Хотя работа выполнена на ином источниковом материале, но вывод о том, что правительственные мероприятия в отношении Сибири выступали в качестве фактора актуализации сибирской темы, а идейно-политическая направленность издания приводила к различной интерпретации и оценке «сибирских тематизмов», применителен и к содержанию неофициальных частей губернских и областных ведомостей, авторы которых также вносили свой вклад в разработку «сибирского сюжета». Выявленные автором такие компоненты образа Сибири, как малоизвестный характер региона; территория притяжения амбициозной молодежи; отсталая в культурном смысле провинция, нуждающаяся в просвещении и европеизации; место чиновничьего произвола; страна каторги и изгнания; холодная страна, населенная другими / чужими народами; богатейшая кладовая империи; крестьянское Эльдорадо и, наконец, представление о Сибири как другой России, были характерны не только для столичного жур-

³⁴⁴ Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. 31 с.

³⁴⁵ Там же. С. 13.

³⁴⁶ Там же. С. 29.

нального дискурса, но и для сибирской провинциальной печати, формировавшей «автообраз региона»³⁴⁷.

Масштабное исследование о повседневной жизни Томска, хозяйственных занятиях его жителей, сфере благоустройства и развитии образования на материалах «Томских губернских ведомостей» и других периодических изданий выполнено А.Н. Жеравиной (2010)³⁴⁸. «В газетных материалах оказался сконцентрированным исторический опыт городской жизни, имеющий сегодня не только научную значимость»³⁴⁹, – пишет А.Н. Жеравина в заключение своей работы. В предшествующих статьях автором рассмотрены и обозначены перспективы исследования на основе газетных материалов таких тем, как сфера образования и сотрудничество с первой томской газетой учителей губернской гимназии³⁵⁰, повседневная жизнь дореволюционного студенчества³⁵¹, история сибирского предпринимательства³⁵².

В 2013 г. Р.В. Митиной была защищена диссертация, посвященная источниковедческому потенциалу «Пермских губернских ведомостей» с точки зрения реконструкции экономической, социальной и культурной истории региона. Став в 1894 г. самостоятельным изданием, неофициальная часть ведомостей вступила в период расцвета и активного участия в общественной жизни, который продолжался до 1910 г. (в 1903 г. у газеты было 9 тыс. подписчиков). Тем самым опровергается устоявшаяся в литературе точка зрения, что с началом XX в. ведомости вступили в период неизбежного угасания³⁵³.

³⁴⁷ Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006. 39 с.

³⁴⁸ Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010. 402 с.

³⁴⁹ Там же. С. 390.

³⁵⁰ Жеравина А.Н. Из истории гимназического образования в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 195–204; Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 158–167.

³⁵¹ Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX веков // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–215.

³⁵² Жеравина А.Н. Периодическая печать дореволюционного Томска как источник для изучения частного предпринимательства в Сибири // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 121–123.

³⁵³ Митина Р.В. Газета «Пермские губернские ведомости» (1838–1917 гг.) как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. С. 99; См. также: Митина Р.В. Официальная газета «Пермские губернские ведомости» XIX – начала XX века: историо-

Также следует отметить ряд работ, посвященных отдельным редакторам и авторам губернских ведомостей и их вкладу в изучение истории региона: редактору неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей» в 1865–1867 гг. Г.М. Веселовскому³⁵⁴, помощнику редактора «Ярославских губернских ведомостей» в 1856–1866 гг. Л.Н. Трефолеву³⁵⁵, сотрудникам «Томских губернских ведомостей» в 1864–1865 гг. Г.Н. Потанину³⁵⁶ и Н.М. Ядринцеву³⁵⁷, редактору ее неофициальной части Д.Л. Кузнецову³⁵⁸.

Этнографические публикации в губернских ведомостях. По мнению выдающегося фольклориста и литературоведа М.К. Азадовского (1963), «местные губернские ведомости явились как бы неким резервуаром местных интересов и сохранили на своих страницах ценнейшие материалы, сообщенные местными собирателями и бытописателями, тем более ценные, что часто имели уникальный характер»³⁵⁹. В монографии «Русская фольклористика Сибири (XIX – начало XX в.)» Я.Р. Кошелевой (1962) дана характеристика деятельности Н.А. Абрамова, М.Ф. Кривошапкина, Н.И. Кашина, В.И. Вербицкого, Н.А. Кострова, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева по сбору и публикации в губернских ведомостях фольклорно-этнографических материалов, позволявших развивать тему самобытности устного творчества и обрядности у русского населения Сибири, обосновывать «сибирефилам» тезис о культурной и (в перспективе) политической автономии для «русско-сибирской народности»³⁶⁰.

графические аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. № 7 (261). С. 142–146.

³⁵⁴ Солодовченко С.А. Г.М. Веселовский – краевед, общественный деятель и редактор // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 1 (69). С. 196–201.

³⁵⁵ Сырцов А.В. Публицистический аспект культурного наследия Л.Н. Трефолева // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 45–48.

³⁵⁶ Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 228 с.; Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004. 208 с.

³⁵⁷ Чередниченко И.Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999. 179 с.

³⁵⁸ Дмитриенко Н.М. К нему стремилось все хорошее и светлое // Сибирская старина : краеведческий альманах. Томск, 1995. № 10 (15). С. 30–33.

³⁵⁹ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 215.

³⁶⁰ Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX – начала XX вв.). Томск, 1962. С. 90–129.

Об исторических песнях, собранных Н.И. Костомаровым и опубликованных в 1854 г. в «Саратовских губернских ведомостях», писала О.Б. Алексеева (1961)³⁶¹; о фольклорных материалах в «Пермских губернских ведомостях» – М.А. Ганина (1966)³⁶². Претензии «Комитета 2 апреля 1848 года» к редакторам губернских ведомостей, публиковавших устные предания о «волжских разбойниках» или «неприличные» пословицы и поговорки, рассмотрены в статье А.В. Блюма (1971)³⁶³. О фольклорно-этнографических публикациях в «Тверских губернских ведомостях» как ведущем жанре неофициальной части пишет И.Е. Иванова (2005)³⁶⁴. В другой своей работе (2006) на примере очерка «Несколько слов из жизни болгар», появившегося на страницах газеты в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автор делает вывод, что это была не простая информационно-этнографическая зарисовка; «внутренне она нацелена на обнаружение общности и разности двух славянских культур, на утверждение в связи с этим патриотической идеи о том, что болгарский народ нуждается в поддержке братского славянского народа»³⁶⁵. Апелляцию к русскому национальному мировосприятию И.Е. Иванова (2006) обнаруживает и в ряде рекламных текстов, помещенных в «Тверских губернских ведомостях». Так, например, жанр балаганных призывов в текстах объявлений обеспечивал воздействие на культурное подсознание читателя и потенциального покупателя. Объявление от редакции газеты «Новости» было призвано вызвать жалость (высокие затраты на увеличение формата и тиража газеты, покупка дорогих заграничных машин, сохранение прежней

³⁶¹ Алексеева О.Б. Исторические песни в публикациях Н.И. Костомарова и А.Н. Мордовцева // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 329–343; Алексеева О.Б. Из цензурных материалов о народных песнях // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 7. С. 374–376.

³⁶² Ганина М.А. Фольклор Пермской губернии в журналистике и публицистике 1860-х гг. // Вестник Ленинградского университета. 1966. № 2, вып. 1. С. 99–110.

³⁶³ Блюм А.В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (По документам «Комитета 2 апреля 1848 г.») // Советская этнография. 1971. № 1. С. 111–114.

³⁶⁴ Иванова И.Е. Фольклорно-этнографические публикации в «Тверских губернских ведомостях» 1850–1860-х гг. // Межкультурная коммуникация в современном славянском мире : материалы Первой международной научной конференции. Тверь, 2005. Т. 1. С. 191–195.

³⁶⁵ Иванова И.Е. К проблеме национальной специфичности (по материалам «Тверских губернских ведомостей» второй половины XIX века) // Объединенный научный журнал. М., 2006. № 18. С. 50.

стоимости издания) и, соответственно, стремление помочь газете своей подпиской³⁶⁶.

Этнографические статьи «Ярославских губернских ведомостей» в качестве источника изучения ярославских говоров рассмотрела Ж.К. Гапонова (2007)³⁶⁷. Об основных тенденциях в развитии фольклористики Русского Севера на материалах, опубликованных в «Архангельских» губернских и епархиальных ведомостях, пишет О.Н. Болгова (2009)³⁶⁸. Жанру этнографического очерка о коренных народах Сибири в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1858–1883 гг. посвящена диссертация Г.А. Казариной (2009)³⁶⁹. Публикации по «инородческому вопросу» в основном носили описательный и некритичный характер, преследуя цель исследования и просвещения, – к такому выводу приходит автор. Необходимо добавить, что не следует совмещать взгляды на инородческий вопрос лидеров областничества во второй половине XIX в. с материалами тех статей, которые они публиковали в «Томских губернских ведомостях» в 1864–1865 гг. За исключением некоторых публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения» Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев не обращались к инородческому вопросу на страницах первой томской газеты, не упоминали саму эту категорию в ее проблемных, а не этнокультурных характеристиках.

Региональное литературоведение обращается к неофициальной части губернских ведомостей как к «площадке», где реализовывались художественные опыты провинциальных авторов, не попавших на страницы «большой» литературы и публицистики. На значение неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в «общественно-культурном и литературном движении Сибири»³⁷⁰ обратил внимание Г.Ф. Кунгуров (1965). Литературные жанры статей «Том-

³⁶⁶ Иванова И.Е. Отражение российской ментальности в рекламном тексте: реклама в провинциальной периодике 1880-х гг. (по материалам газеты «Тверские губернские ведомости») // Объединенный научный журнал. М., 2006. № 17. С. 16–27.

³⁶⁷ Гапонова Ж.К. «Ярославские губернские ведомости» как источник изучения местных говоров XIX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13, № 3. С. 85–89.

³⁶⁸ Болгова О.Н. Вопросы традиционной культуры на страницах архангельской периодической печати XIX века // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 73–79.

³⁶⁹ Казарина Г.А. Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX в.: авторы, проблематика, жанры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.

³⁷⁰ Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. С. 103.

ских» и «Иркутских» губернских ведомостей, в основном в опоре на статью Н.М. Ядринцева «Начало печати в Сибири», рассмотрены Ф.А. Кудрявцевым (1974)³⁷¹. «Очерки русской литературы Сибири» (1982) упоминали о неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1864–1865 гг. в контексте деятельности кружка «молодых патриотов Сибири»³⁷², а также сообщали о публикациях И.И. Завалишина (И.И. Прикамского) в «Тобольских губернских ведомостях» в 1863 г. и статье С.С. Шашкова о быте и нравах бурят в «Иркутских губернских ведомостях» 1858 г.³⁷³

В 1976 г. в сборнике «Из истории литературы Сибири» вышла статья Б.А. Чмыхало о начальном этапе становления печати в Енисейской губернии, который открывали «Енисейские губернские ведомости»³⁷⁴. Автор подробно останавливался на содержании, художественных достоинствах и недостатках двух рассказов, перепечатанных в «Енисейских губернских ведомостях» в 1861 г. из «Русского мира» – Ипполита Прикамского (И.И. Завалишина) и Ф. Губанова. Политический капитал сибирского золотопромышленника Р.А. Черносвитова, как и многих других осужденных по причине посещения петербургских «пятниц» М.В. Петрашевского, способствовал подробному рассмотрению его статьи об «американском» способе добычи золота – «методе Пакулева» – и отнесению ее к жанру «памфлета». Одним из авторов газеты, для которого «характерно глубокое проникновение в сущность предметов, о которых он берется писать»³⁷⁵, был Н.А. Костров, начинавший свой творческий путь в «Енисейских губернских ведомостях»³⁷⁶. Другой автор – М.Ф. Кривошапкин – выступал со страниц «Енисейских губернских ведомостей» как этнограф и бытописатель жизни Енисейского округа 60-х гг. XIX века. В общей оценке содержания «Енисейских губернских

³⁷¹ Кудрявцев Ф.А. Печать в 50–60-х гг. // История русской литературы Сибири : в 2 т. (Макет). Новосибирск: б.и., 1974. Т. 1. Раздел 4: Литература Сибири второй половины XIX века. С. 18–25.

³⁷² Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т.1 : Дореволюционный период. С. 343–344.

³⁷³ Там же. С. 362, 371.

³⁷⁴ Чмыхало Б.А. К истории становления печати Енисейской губернии // Из истории литературы Сибири. Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 45–59.

³⁷⁵ Там же. С. 48.

³⁷⁶ Однако оценка Н.А. Кострова как «известного в то время этнографа» выглядит несколько преждевременно – об этом возможно говорить лишь применительно к концу 70-х гг., когда его этнографические статьи были обобщены в отдельных печатных работах, а их автор был отмечен медалью Русского географического общества; не был Костров и редактором «Томских губернских ведомостей».

ведомостей» Б.А. Чмыхало следовал за мнением о «незадачливом казенном собрате» частных газет Н.М. Ядринцева, изложенным в статье «Начало печати в Сибири» (1885). В дискуссии красноярской и иркутской газеты в 1859 г. по поводу задач гласности автор невольно занимал сторону последней, сожалея, что «Енисейские губернские ведомости», в отличие от «Иркутских», «не торопились накинуть “узду” на “худых” людей губернии»³⁷⁷ (сама такая возможность для официальной газеты применительно к середине XIX в. не подвергалась сомнению по причине того, что мнение об «Иркутских губернских ведомостях» периода редакторства Н.А. Спешнева, как способных «резко критиковать государственные порядки», стало общим местом в исследовательской литературе).

С середины 1990-х гг. губернские ведомости начали рассматриваться в литературоведческих диссертационных работах. Провинциальная поэзия и этнографический очерк на страницах «Ярославских» и «Костромских» губернских ведомостей стали предметом исследования Л.Л. Смирновой (1996)³⁷⁸. По мнению автора, жанровое своеобразие ведомостей иллюстрирует особенности распространения литературных ориентиров в провинции: «Губернские ведомости представляют собой причудливый монтаж, например, уже ушедших из “большой” литературы романтических тенденций в поэзии и уже наметившихся исканий натуральной школы»³⁷⁹. Интересен обнаруженный Л.Л. Смирновой факт обращения А.Ф. Писемского к материалам официальной части местных ведомостей при выборе имен героев и событий из их чиновной биографии в романе «Тысяча душ». Н.Н. Петрова (1997) выявила такие языковые и стилистические особенности «Кубанских областных ведомостей» конца XIX – начала XX в., как использование стандартных лаконичных формул в хроникальных публикациях, опора на канцеляризмы в официальной части, шаблонность рецензий на театральные постановки и книги, смешение народно-разговорного и художественного стилей в очерках, стилиевой контраст и применение фразеологизмов в фелье-

³⁷⁷ Чмыхало Б.А. К истории становления печати Енисейской губернии... С. 51.

³⁷⁸ Смирнова Л.Л. Провинциальная периодика как источник материала для изучения литературной жизни Верхневолжья в XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 1996. 15 с.; Смирнова Л.Л. «Ярославские губернские ведомости» в 1870–1880-е гг. // Ка- рабиха. Ярославль, 2009. Вып. 6. С. 333–343.

³⁷⁹ Смирнова Л.Л. О характере литературных публикаций на страницах «Губернских ведомостей» Верхневолжья в 1850–1880-х гг. // Некрасов в контексте русской культуры : материалы научной конференции. Ярославль, 2008. С. 80.

тонах³⁸⁰. Поэтические произведения местных авторов «Новгородских губернских ведомостей» 1845–1863 гг., по мнению Е.В. Ивановой (2004), характеризуются как подражательностью авторитетным образцам классицизма и романтизма, так и региональной самобытностью, связанной с историческим прошлым колыбели русской государственности³⁸¹.

Т.Н. Масальцева (2006) провела анализ оригинальных авторских литературно-критических статей неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» в отношении новинок русской литературы, формировавших литературный вкус и интерес у провинциального читателя к произведениям, написанным в жанре реализма и модернизма³⁸². Исследование И.В. Мироновой (2006), в котором в качестве одного из источников выступают «Тверские губернские ведомости», позволило расширить современные знания о культурной жизни Тверской губернии и обнаружить три не вошедших в собрания сочинений произведения Ф.Н. Глинки³⁸³. Весьма скромный, практически единичный литературно-художественный материал «Ставропольских губернских ведомостей» 1850–1870-х гг. привлекла для изучения литературных процессов на Ставрополье О.А. Лоткова (2007)³⁸⁴. Е.В. Костецкая (2013) рассмотрела очерки неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» 1857–1860-х гг. как обладающие признаками литературного творчества: авторским стилем, образностью, поэтикой описания сибирского историко-культурного пространства, направленностью на эстетическое восприятие газетного материала³⁸⁵.

История типографско-издательского дела до настоящего времени является недостаточно изученной. О первом русском ру-

³⁸⁰ Петрова Н.Н. Исторические основы становления метаязыковой субстанциональности публицистики на Кубани (на материалах газеты «Кубанские областные ведомости») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 25 с.

³⁸¹ Иванова Е.В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838–1917 годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 16 с.

³⁸² Масальцева Т. Н. Литературная критика газеты «Пермские губернские ведомости»: 1890–1917 годы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 24 с.

³⁸³ Миронова И.В. Литературная жизнь Тверской губернии второй половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 19 с.

³⁸⁴ Лоткова О.А. Становление литературного процесса на Ставрополье в XIX – начале XX в. (по материалам региональной периодической печати) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 18 с.

³⁸⁵ Костецкая Е.В. «Тобольские губернские ведомости» и литературная жизнь Тобольской губернии 1850–1860-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2013. 26 с.

ководстве по печатному делу – «Подробном описании типографских должностей, с приложением о правописании объяснения, каким образом через короткое время оному научиться можно» – писал А.В. Блюм (1962). В этом оригинальном тексте, напечатанном в 1796 г. управляющим пермской губернской типографией Петром Филиповым, содержится информация о должностных обязанностях типографских служащих и основных технологических процессах при работе на ручном печатном станке³⁸⁶. Публикации на страницах губернских ведомостей работ местных краеведов о первых провинциальных типографиях стали одним из источников диссертации А.В. Блюма (1966), посвященной истории провинциального книгопечатания в дореформенный период. Несмотря на необходимый в работе постулат о царизме, который всеми силами сдерживал развитие провинциального типографского дела, 1838 г. определялся в качестве новой точки отсчета в его развитии: издание губернских ведомостей оказало «значительное влияние и на развитие книгоиздательства, и на укрепление местной полиграфической базы», позволило «при постепенном расширении программ казенных органов печати предоставить известную возможность для публикации сообщений и исследований местных краеведов»³⁸⁷.

Исследователем истории оформления и техники русской дореволюционной газеты А.П. Киселевым (1990) рассмотрены тематические и жанровые характеристики, структура отделов, виды верстки и шрифтов «С.-Петербургских» и «Московских» ведомостей, полуофициальной «Северной пчелы», одной из первых перенявшей оформительские особенности европейской прессы³⁸⁸. Именно эти газеты стали образцами для организуемой правительством сети губернских ведомостей, внешняя схожесть которых между собой и с центральными изданиями должна была подчеркнуть их принадлежность к общему типологическому ряду изданий государственного назначения.

³⁸⁶ Блюм А.В. Первая русская книга по типографскому делу // Книга. Исследования и материалы. М., 1962. Т. 7. С. 343–353.

³⁸⁷ Блюм А.В. Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 12.

³⁸⁸ Киселев А.П. Эволюция формы русской газеты (1702–1917 гг.). Основные этапы и факторы формообразования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 50 с.; Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702–1917 гг.). М., 1990. 192 с.

О техническом оснащении сибирских губернских типографий, их финансировании, номенклатуре выпускаемой продукции писали В.В. Баторов (1969)³⁸⁹, А.Ф. Володкевич (1986)³⁹⁰, Н.М. Дмитриенко (1991)³⁹¹, Е.Н. Косых (1994)³⁹². В диссертации Е.Н. Коноваловой (1996) подробно рассмотрена история типографии Тобольского губернского правления. Выход «Тобольских губернских ведомостей», по мнению автора, способствовал ее техническому переоснащению и активизации издательской деятельности. Модернизация оборудования продолжилась и в период появления частных типографий (1970–1990 гг.), в результате чего стал возможным выход приложений к ведомостям: «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» (1896–1906) и «Школьный отдел» (1907–1917)³⁹³.

О распространении периодических печатных изданий в сибирской деревне на основании материалов анкет правительственных, научных и общественных учреждений писали В.А. и К.Е. Зверевы (1991)³⁹⁴ и Г.В. Оглезнева (1999, 2001)³⁹⁵. В контексте создания и распространения книжной продукции как включающей в себя все виды печатных материалов о деятельности губернских типографий рассказывается в «Очерках истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» (2000)³⁹⁶. Вопросы издательской деятельности типографий томских общественных организаций, ведомств и частных газет рассматривают в своих работах Т.П. Карташова (2008,

³⁸⁹ Баторов В.В. У истоков книжного дела в Томске (1819–1876 гг.) // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 27–35.

³⁹⁰ Володкевич А.Ф. Организация и начало деятельности первой томской типографии // Книжное дело в Сибири и Дальнего Востока в XIX – XX вв. Новосибирск, 1986. С. 34–39.

³⁹¹ Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска (первая половина XIX – начало XX в.) // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., Томск). Томск, 1991. С. 29–32.

³⁹² Косых Е.Н. Полиграфическая промышленность Сибири (конец XIX – 1919 г.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири XVIII–XX вв. Томск, 1994. С. 83–96.

³⁹³ Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. 21 с.

³⁹⁴ Зверев В.А., Зверева К.Е. Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861–1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1991. С. 118–139.

³⁹⁵ Оглезнева Г.В. Распространение периодической печати в деревне Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы «История и общество в панораме веков», 19–24 июня 1990 г. Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 167–170; Оглезнева Г.В. Читательская аудитория Иркутска во второй половине XIX – начале XX веков // Земля Иркутская. 2001. № 17. С. 68–72.

³⁹⁶ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1: Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 112–114.

2011)³⁹⁷ и В.А. Есипова (2012)³⁹⁸. Отдельный раздел о развитии полиграфии и издательского дела содержится в коллективной монографии «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)» (2014)³⁹⁹.

Сведения об обстоятельствах открытия Якутской областной типографии в 1859 г. и финансовом положении енисейской и иркутской губернских типографий в 60-х гг. XIX в. содержатся в исследовании С.И. Гольдфарба (2002), посвященного более широкой и малоисследованной теме – газетному делу в Сибири как объединяющему коммерческую, техническую, интеллектуальную, кадровую и правовую сферы существования сибирской газеты⁴⁰⁰. По мнению автора, ограничения, действовавшие в сфере цензуры, не сдерживали процесса капитализации прессы в европейской части России и в Сибири, превращения газеты в объект извлечения прибыли, а журналистского труда – в профессию. В отношении же правительственного сегмента периодики С.И. Гольдфарб делает следующий вывод: «Все попытки создать мощный издательский комплекс, основу которого составили бы государственные издания, не привели к успеху. Самыми читаемыми были крупные частные газеты»⁴⁰¹. При характеристике группы официальных изданий в Сибири в монографии использованы такие ценные архивные источники, как замечания цензуры на материалы, опубликованные в 1901–1902 гг. в «Забайкальских», «Иркутских» и «Енисейских» ведомостях, а также сведения о программах официальных газет Российской империи, представленные Главным управлением по делам печати в «Комиссию для пересмотра действующих правил об издании губернских

³⁹⁷ *Карташова Т.П.* Издательская и книготорговая деятельность Общества попечения о начальном образовании в г. Томске // Региональное книговедение: Сибирь и Дальний Восток : сборник научных статей. Новосибирск, 2008. С. 142–155; *Карташова Т.П.* К вопросу о репертуаре томских типографий конца XIX – начала XX в. (По материалам коллекции томских изданий ОРКП) // Материалы научно-практического семинара «Человек и книга в современном мире (социальная археография)», посвященного 65-летию отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ и 25-летию томской археографической экспедиции, Томск, 13–15 сентября 2011 года. URL: <http://www.lib.tsu.ru/win/dokument/orok/4.pdf> (дата обращения 28.12.13).

³⁹⁸ *Есипова В.А.* Малая полиграфия в Томске в конце XIX – начале XX в. (по материалам ОРКП НБ ТГУ) // Документ: история, теория, практика: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск, 2012. С. 227–232.

³⁹⁹ *Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)* / Айзикова И.А., Воробьева Т.Л., Гнюсова И.Ф., Есипова В.А., Ивановская Е.В., Карташова Т.П., Макарова Е.А. Томск, 2014. С. 13–87.

⁴⁰⁰ *Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002. С. 66–76.

⁴⁰¹ Там же. С. 283.

и областных ведомостей», действовавшую в 1901 г. (правда, выпущены интересные комментарии на полях документа, и вместо 73 наименований газет присутствуют только 67)⁴⁰².

В диссертации А.П. Шинкаревой «Становление и развитие издательского дела в Иркутске (XIX – начало XX в.)» (2011) рассмотрена деятельность официальных и частных типографий в Иркутске. В истории иркутской губернской типографии автор выделяет два периода – «догазетный» и «газетный». Выход «Иркутских губернских ведомостей» способствовал развитию материально-технической базы типографии и росту профессионального уровня ее работников. В дальнейшем, с развитием частного издательского дела, губернская типография сохранила свои позиции на печатном рынке края⁴⁰³.

Источниковедение и библиография губернских ведомостей.

Общие принципы изучения дореволюционной периодической печати и краткие обзоры содержания основных изданий приводятся в учебниках по источниковедению⁴⁰⁴. Специальных работ, посвященных информационному потенциалу губернских ведомостей, немного. При обращении к этой обширной группе источников до настоящего времени сохранил свою актуальность справочно-библиографический обзор, выполненный Г.А. Озеровой (1957)⁴⁰⁵. В нем подчеркнута общее значение губернских ведомостей как «местных летописей XIX века», сохранивших «множество мелких фактов, характерных для своего места и времени»⁴⁰⁶, не отложившихся или не сохранившихся в губернских архивах. Автором проанализированы критерии отбора материала и особенности построения указателей губернских ведомостей, приводятся их основные наименования. «Минские», «Гродненские» и «Могилевские» губернские ведомости с точки зрения содержащихся в них уникальных материалов были рассмотрены Н.Н. Улащиком (1957): «Ценность ведомостей разных губерний как источника

⁴⁰² Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири... С. 214–220, 223–227.

⁴⁰³ Шинкарева А.П. Становление и развитие издательского дела в Иркутске (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. С. 18.

⁴⁰⁴ См., например: Федосеев И.А. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX века. М., 1970. С. 254–267; Ковальченко И.Д. Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 257–273, 373–392; *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории* : учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 451–465.

⁴⁰⁵ Озерова Г.А. Источники краеведческой библиографии (губернские ведомости и указатели их содержания) // Труды ГПИБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 3(6). С. 123–141.

⁴⁰⁶ Там же. С. 129, 131.

очень неодинакова, но при всем своем различии они содержат огромное количество данных о местном крае, тем более важных, что нередко подобный материал ни в каких других источниках не встречается»⁴⁰⁷. На недостаточную исследованность в историко-ведческом плане губернских ведомостей и ценность их материалов для изучения нерусских народов Среднего Поволжья обращал внимание Г.Н. Айплатов (1968): «В газетах было напечатано огромное количество заметок, статей и очерков по истории, этнографии, археологии, статистике, экономике, метеорологии местного края, не потерявших своего значения и в настоящее время»⁴⁰⁸. О культурно-историческом значении губернских ведомостей как первых местных периодических органах, приучавших к чтению российскую провинцию и объединявших вокруг себя местные краеведческие силы, писала А.В. Суворова (1975)⁴⁰⁹. В отдельной статье (1978) ею были выделены основные черты дореволюционных указателей периодической печати: непоследовательность и неполнота учета выходявших изданий, отсутствие единообразия в их описании, обусловленность выхода указателей интересами местных исследователей, смешение библиографических обзоров с очерками об истории провинциальной прессы⁴¹⁰.

В 1978 г. в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины» была опубликована статья Г.М. Дейча, открывавшаяся тезисом о том, что «губернские ведомости являются одним из ценных, многогранных и малоисследованных источников по истории СССР»⁴¹¹, применительно не только ко времени выхода ведомостей, но и к XIII–XVIII вв., поскольку в них публиковались акты, грамоты, мемуары, литературные памятники и другие источники по этому периоду. Далее констатировался факт недостат-

⁴⁰⁷ Улащик Н.Н. «Минские губернские ведомости» как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1957. Вып. 7. С. 149.

⁴⁰⁸ Айплатов Г.Н. Губернские ведомости как исторический источник (по материалам неофициальной части «Казанских ведомостей» // XXI Герценовские чтения (Межвузовская конференция). Исторические науки. Краткое содержание докладов. 5–26 апреля 1968 г. Л., 1968. С. 43.

⁴⁰⁹ Суворова А.В. Краеведческий характер местной периодической печати // Вопросы краеведческой библиографии : сборник научных трудов. Новосибирск, 1975. Вып. 24. С. 61–77.

⁴¹⁰ Суворова А.В. Указатели местной периодической печати (обзор изданий за 1848–1917 гг.) // Вопросы истории советской книги и библиографии : сборник трудов. Л., 1978. С. 139–165.

⁴¹¹ Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1978. Т. 9. С. 236.

ка исследований, посвященных специально губернским ведомостям или использующих их материалы, в то время как «виднейшие историки XIX – начала XX в. понимали и оценили значение этих газет как важнейшего источника по истории нашей страны»⁴¹². В статье содержится характеристика архивных материалов ЦГИА (в настоящее время – РГИА) о проекте создания губернских ведомостей, распоряжениях МВД, касавшихся их содержания, деятельности «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г. и съезда представителей губернских и областных ведомостей 1916 г. В конце своего краткого историографического и источниковедческого обзора Г.М. Дейч сформулировал исследовательскую задачу, актуальную до настоящего времени, – «систематизировать и обобщить все то, что уже было сделано исследователями» и «разработать специальную программу обследования и исследования губернских ведомостей как исторического источника» в условиях отсутствия полных комплектов ведомостей даже в центральных библиотеках страны⁴¹³.

Сведения о месте хранения и комплектности губернских ведомостей Сибири, их периодичности, редакторах и выходивших приложениях представлены в библиографических указателях Л.Н. Беляевой, М.К. Зиновьева и М.М. Никифорова⁴¹⁴; А.В. Лебедевой⁴¹⁵; Д.С. Сироты и А.В. Суворовой⁴¹⁶; Е.Н. Косых⁴¹⁷. Указатель офи-

⁴¹² Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник... С. 244.

⁴¹³ Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник... С. 252–253.

⁴¹⁴ Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916 / под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л., 1958. Т. 1; 1959. Т. 2; 1960. Т. 3.

⁴¹⁵ Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959 гг.) / сост. А.В. Лебедева. Ч. 2: Газеты (1857–1959). Вып. 1: Акмолинск-Новосибирская область. Новосибирск, 1974. 252 с.; Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959 гг.) / сост. А.В. Лебедева. Ч. 2: Газеты (1857–1959). Вып. 2: Омская область – Ямало-Ненецкий национальный округ. Новосибирск, 1974. С. 253–518.

⁴¹⁶ Периодические издания Западной Сибири 1789–1955 гг.: предварительный список / сост. Д.С. Сирота, А.В. Суворова. Новосибирск, 1961. Ч. 1–2. 329 с.

⁴¹⁷ Косых Е.Н., Мосина И.Г. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): учеб. пособие. Томск, 1991. 96 с.; Косых Е.Н., Мосина И.Г. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов : учеб. пособие. Изд. 2-е. Томск, 2001. 94 с.; Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск, 2011. 376 с.; Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журналов : пособие для студентов. Томск, 1989. 85 с.; Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журна-

циальных газет Российской империи, составленный Э.В. Летенковым (2005)⁴¹⁸, с небольшими поправками Ю.Л. Мандрики⁴¹⁹, может выполнять функцию путеводителя и первичного знакомства с историей и содержанием казенных дореволюционных изданий. Работа по составлению подробных указателей для отдельных ведомостей ведется в настоящее время на базе научных библиотек и отдельными исследователями. Таковы, например, указатель статей краеведческого содержания неофициальной части «Калужских губернских ведомостей» за 1900–1910 гг.⁴²⁰, указатель статей неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» с 1868 по 1897 г.⁴²¹, указатель статей неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1857–1917 гг.⁴²²

На материалах «Пермских губернских ведомостей» источниковедческими и методологическими проблемами разработки полнотек-

лов : пособие для студентов. Изд. 2-е. Томск, 1990. 85 с.; *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : указатель газет и журналов. Томск, 2009. 144 с.

⁴¹⁸ *Летенков Э.В.* Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости 1837–1917. СПб., 2005. 148 с.

⁴¹⁹ История губернских ведомостей начинается не с «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г. (с 1838 г. газетой обзавелись 42 губернии и области), а с 1831 г., когда стали выходить «Ярославские губернские ведомости», издание которых было предусмотрено «Положением об издании губернских ведомостей» 1830 г. (о выходе губернских ведомостей с 1831 г. в других пяти губерниях – Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской и Слободско-Украинской – сведений не найдено). «Акмолинские областные ведомости», издаваемые в Омске, отнесены в указателе к Средней Азии – в действительности Акмолинская область была составной частью Западно-Сибирского генерал-губернаторства, центром которого был Омск. Кроме того, Ю.Л. Мандрика указал на необходимость перепроверки «de visu» сведений о периодичности ведомостей и времени выхода их приложений, зафиксированных в справочно-библиографической литературе, использованной Э.В. Летенковым при составлении указателя (*Мандрика Ю.Л.* Путеводитель в иную эпоху // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 3–4 (66–67). С. 117–118). 1917 год как конечная дата в истории губернских ведомостей весьма условна. Например, «Таврические губернские ведомости» выходили до 1920 г., когда Крым оказался в руках Красной Армии (*Филимонов С.Б.* Последний редактор «Таврических губернских ведомостей» (Дело Н.П. Чогакова) // Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков: документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. Симферополь, 2003. С. 153–155). «Новгородские губернские ведомости» издавались до 1 (14) февраля 1918 г. (*Иванова Е.В.* Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838–1917 годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. С. 10).

⁴²⁰ *Калужские губернские ведомости* / Калуж. обл. науч. б-ка им. В.Г. Белинского. III выпуск. Хронологическая роспись статей краеведческого содержания за 1900–1910 гг. / сост. Г.М. Морозова. Калуга, 2000. 109 с.

⁴²¹ *Тобольские губернские ведомости*. Сотрудники и авторы / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. Кн. 1. С. 544–597; Кн. 2. С. 190–245.

⁴²² *Указатель* неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1857–1917 гг. 1 электрон. опт. диск // Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012.

стовой базы данных с сохранением внешнего облика, содержания, структуры и маргиналий источника, но с возможностями современного предметно-тематического поиска занимается группа исследователей лаборатории исторической и политической информатики Пермского государственного университета – С.И. Корниенко, С.В. Пигалева, Н.Г. Горбачева, Р.В. Митина и другие⁴²³. Обращение к информационным технологиям позволяет извлечь из большого массива текстов скрытую информацию, осуществлять разнообразные поисковые запросы и тематическую группировку публикаций, подняться до уровня более широких выводов, чем при применении лишь методов традиционного источниковедческого анализа.

Итак, изучение губернских ведомостей в советской исторической науке началось с середины 60-х гг. XX в., оно шло и идет, главным образом, по месту выхода издания (Урал, Поволжье, Юг России, Русский Север и Сибирь). Ведомости использовались в качестве источника для краеведческих и этнографических исследований, для иллюстрации развития освободительного движения, в контексте изучения общественно-культурной жизни провинции, в источниковедении была обозначена проблема недостаточной изученности и использования правительственных газет в качестве исторического источника. Обращение только к какой-то одной проблематике, наиболее выраженной на каком-либо из этапов существования ведомостей, далеко не исчерпывало разнообразие их содержания и за редким исключением сопровождалось полным и подробным исследованием всего исторического пути газеты и происходивших с нею изменений. Сформировавшийся в советский период идеологически обусловленный подход к истории печати, в соответствии с которым выстраивался источниковый материал и определялись

⁴²³ Волгирева Г.Л., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // Вестник Пермского государственного университета. Серия «История и политология». 2007. № 3. С. 79–88; Корниенко С.И., Газарина Д.А., Горбачева Н.Г., Пигалева С.В. Газета «Пермские губернские ведомости» 1838–1844 гг.: проблемы источниковедческого исследования и сохранения историко-культурного памятника // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» № 35. Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы. Москва: Барнаул, 2008. С. 134–136; Пигалева С.В., Корниенко С.И., Газарина Д.А., Горбачева Н.Г. Газета «Пермские губернские ведомости» (1838–1844 гг.): традиционный источниковедческий анализ и информационные технологии // Вестник Пермского государственного университета. 2008. № 7 (23). С. 72–76; Митина (Салыхиева) Р.В. Структурный и содержательный анализ исторического источника (на примере информационной системы «Газета «Пермские губернские ведомости» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 36: Материалы XII конференции ассоциации «История и компьютер». Октябрь 2010 г. М., 2010. С. 120–121.

исследовательские предпочтения, приводил в отношении ведомостей к тенденциозным заданным выводам (передававшимся от автора к автору и переносимых с одной газеты на другую) и избирательному обращению к их материалам (или их полному игнорированию).

С 1990-х гг. губернские ведомости отдельных регионов стали выступать в качестве самостоятельного предмета исследования, как обладающие определенными типологическими характеристиками, организационными и содержательными особенностями в системе правительственной и провинциальной печати, как уникальный источник по общественной и повседневной жизни российской провинции. Материалы неофициальных частей губернских ведомостей стали использоваться для изучения литературных процессов в провинции, информационной политики местной администрации, развития типографско-издательского и книжного дела. Мало работ, освещающих историю местной официальной прессы в начале XX в., попытки ее реформирования, изменение содержания и направления ведомостей в период революций и Гражданской войны. Фрагментарно и изолированно представлена история губернских ведомостей Сибири, которые в значительной степени продолжают нести на себе печать областнической историографии. Дальнейшие перспективы изучения губернских ведомостей и использования их источниковедческого потенциала связаны с введением в научный оборот новых источников центральных и местных архивов, переводом газетных коллекций ведомостей в электронную форму, созданием полных указателей и баз данных их содержания, выработкой новых исследовательских подходов к анализу газетных текстов, сохранением дискуссионного характера теоретических построений и выводов в отношении истории региональной печати, с объединением исследовательских усилий авторов, изучающих губернские ведомости различных регионов страны.

Глава 2

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПРЕССЫ В СИСТЕМЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1. ПРЕДЫСТОРИЯ, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ В 1830–1854 гг.

Периодическая печать в России изначально возникла как печать официальная – в целях обеспечения интересов государственного управления страной. В конце 1702 г. в период неудач в Северной войне Петр I начал издавать «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах»¹. Известия с театра военных действий и «внутренних фронтов» небывалых преобразований, размещаемые под контролем самого царя, должны были убедить жителей России и Европы в скором поражении шведской армии, успехах русской торговли и промышленности, мощи возводимого флота. Невыгодная для чести и славы страны деморализующая информация не публиковалась. С легкой руки Петра слово, переведенное с голландского («...Куранты, по-нашему Ведомости...»), стало употребляться в смысле «газета», что тоже очень показательное. Не понятия «куранты» (фр. *courant* – «текущий» или *courantes* – «слухи»), «газета» (ит. *gazza* – «сорока» или *gazzetta* – «мелкая монета»), употреблявшиеся в значении «торговый листок», и даже не вполне русские слова «вести» или «известия», а именно «ведомости» (древнерус. *ведать* –

¹ Заголовок с 1704 г. См.: *Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник* / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черпахова. М., 1959. С. 13. О выходе первого номера петровской газеты не с 1703 г, а с декабря 1702 г. см.: *Громова Л.П.* У истоков российской журналистики (из опыта изучения «Ведомостей») // *Невский наблюдатель*. СПб., 2002. № 1. С. 90–94.

«знать», «управлять») стали обозначать первое печатное периодическое издание. Тем самым Петр подчеркивал, что читателю будут сообщаться открыто (а не тайно, как в случае с «Курантами» московских царей) и от лица государства самые правдивые факты, знания, серьезная, а не развлекательная информация. В 1728 г. издание «Ведомостей» было передано Академии наук, и они начали выходить под названием «Санкт-Петербургские ведомости», продолжая информировать о правительственных распоряжениях и внешнеполитических событиях. В качестве приложения к ним издавались «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», целью которых было объяснение терминов и имен, встречавшихся в основной газете. «Примечания» считаются первым отечественным журналом, но, как отмечала Э.А. Лазаревич, по своему облику, объему (восемь страниц), периодичности (два раза в неделю) и содержанию «Примечания» первых лет оставались близки газете и только позднее стали научно-популярным «журнальным изданием»². С 1756 г. при Московском университете стали издаваться «Московские ведомости», в которых наряду с освещением внутренней жизни страны значительное внимание уделялось деятельности университета и академических учреждений³.

В 50-х гг. XVIII в. в России появились научные и литературные журналы. В соответствии с проводимой ею политикой просвещенного абсолютизма Екатерина II ликвидировала государственную монополию на типографский станок и способствовала возникновению частной журналистики, надеясь на поддержку своих преобразований и увековечивание их в печатном слове. Однако неожиданно для себя императрица получила в ее лице не поддержку, а оппозиционную силу: группа журналов начала полемику со своей «прабабкой». Как в итоге сложилась судьба одного из главных участников этой полемики – известно, как известна и судьба книги, изданной в одной из «вольных типографий». Верховная власть, встав на путь допущения свободы печатного слова, сама же начала контролировать и регулировать ее, чтобы ограничить поток критики в свой адрес. Так появилась цензура, которая законодательно и организационно оформилась в 1804 г.

² См.: Лазаревич Э.А. Как началась российская журналистика // Природа. Ежемесячный популярный естественнонаучный журнал АН СССР. М., 1974. № 4. С. 56–63.

³ См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 108–115.

В первой половине XIX в. столичные ведомости продолжали оставаться ведущими официальными изданиями. Как установил А.П. Киселев, формы подачи материала и тематический состав в обеих газетах были схожи – рубрики «Внутренние известия», «Иностранные известия», «Смесь», казенные и частные объявления. В «Московских ведомостях», в отличие от «Санкт-Петербургских», также печатались уездные новости, научные статьи, отчеты Московского университета⁴.

В 1809–1819 гг. почтовым департаментом Министерства внутренних дел выпускалась «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» как официальное общероссийское издание, ориентированное преимущественно на сообщение «внутренних известий и происшествий, до нашего отечества касающихся», включая известия из провинциальных губернских и уездных городов⁵. С 1809 г. для принятия к исполнению именных указов и постановлений Сената стали издаваться «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», адресованные главным образом обязательным подписчикам – чиновникам присутственных мест. Влиятельной частной газетой, проводившей официальную идеологию, стала «Северная пчела» (1825–1864). Ее основатель Ф.В. Булгарин очень ясно сформулировал необходимость проправительственной печати как для проведения определенного политического курса, так и для получения субсидий для своей газеты. В 1826 г. в записке на имя начальника Главного штаба И.И. Дибича он писал: «Чтобы управлять общим мнением, надо знать его стихии и элементы. Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие; гласность же, вдохновленная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна. Составив общее мнение, весьма легко управлять им, как собственным делом, которого мы знаем все тайные пружины»⁶.

В российской провинции первая газета появилась в Тамбовской губернии в 1788 г. по инициативе Г.Р. Державина – одного из самых образованных губернаторов екатерининской эпохи, зарекомендо-

⁴ Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702–1917). М., 1990. С. 46–53.

⁵ Киселев А.П. Указ. соч. С. 45. Выпуск «Северной почты» прекратился со смертью в 1819 г. ее основателя и руководителя О.П. Козодавлева, занимавшего с 1808 г. должность заместителя, а с 1811 г. – министра внутренних дел (В.Н. Правительственная периодическая печать в России. Исторический очерк (1702–1894) // Всемирный вестник. СПб., 1903. № 2. Февраль. С. 70).

⁶ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 46.

вавшего себя ревностным служителем закона⁷. «Губернские ведомости», как называл их Г.Р. Державин в своих «Записках», не сохранились до нашего времени в оригинальном виде. Известны лишь копии нескольких статей из «Тамбовских известий 1788 года», два десятка номеров которых случайно были обнаружены в одной из городских книжных лавок⁸. Основная цель «Тамбовских известий» состояла в сокращении бумажной переписки и донесении до чиновников и заинтересованных лиц центральных и местных распоряжений. Газета содержала в себе те же административные и экономические сведения, которые найдут свое место в отделах губернских ведомостей, – о назначениях и проезжающих, о подрядах и откупках, об урожае и торговых ценах, о беглых рекрутах. С помощью местной хроники и корреспонденций из уездных городов обывателя информировали о деятельности официальных лиц и учреждений. Существовал в «Тамбовских известиях» и неофициальный отдел – в «Прибавлении» к № 39 «Тамбовских известий» было напечатано поучительное слово епископа Тамбовского и Пензенского Феофила. Для издания газеты был учрежден отдельный стол со столоначальником и двумя писцами, которые готовили номер («еженедельный реестр»), утверждаемый советником губернского правления резолюцией «публиковать». Отпечатанные в субботу и воскресенье листы в понедельник рассылались городничим, которые распространяли их по присутственным местам и в нижний земский суд, далее газета расходилась по всему уезду⁹. После отъезда Державина из Тамбова газета перестала выпускаться, не найдя поддержки ни среди местного чиновничества, ни у вышестоящего начальства – генерал-губернатору и наместнику Рязанской и Тамбовской губерний И.В. Гудовичу не понравились статьи о разбойничьей шайке и об упущениях чиновников по службе. Он потребовал, чтобы к нему «в копиях для сведения» доставлялись бы «все известия, какие печат-

⁷ Екатерининский «Наказ» Уложенной комиссии Державин воспринял как политическую программу самой императрицы, его статьи стали для него руководством к действию, правилами в борьбе с несправедливой чиновной системой. «Простое слово Закон в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. Закон стал как бы новой его религией, в его поэзии слово Закон, как Бог, стало окружено любовью и страхом» (Ходасевич В.С. Державин. М., 1989. С. 102).

⁸ Семенников В.П. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных // Русский библиофил. 1913. № 7. С. 65–68.

⁹ Державин Г.Р. Записки 1743–1812 гг. М., 1860. С. 269, 284–285.

таться будут». Как писал исследователь жизни и творчества Державина Я.К. Грот, «Гудович желал видеть в печати только известия о том, что все по губернии обстоит благополучно, и присваивал себе право цензуры над публикациями губернатора»¹⁰.

Первыми провинциальными газетами с более длительной историей и региональной спецификой стали «Казанские известия», издаваемые в 1811–1820 гг. при Казанском университете, «Восточные известия», выходившие в 1813–1816 гг. в Астрахани, и «Грузинская газета», учрежденная в 1819 г. главноуправляющим Грузией А.П. Ермоловым и просуществовавшая до 1822 г.¹¹ Эти печатные органы публиковали официальную информацию, статьи по этнографии, экономике и общественной жизни. Газеты обращались не только к русскоязычным читателям – «Восточные известия» в 1816 г. печатались с переводом на армянский язык, «Казанские известия» помещали объявления на татарском языке, «Грузинская газета» полностью выходила на родном языке. Подражая структуре столичных изданий, «Казанские известия» имели и свои отличительные черты – некоторые номера открывались передовой статьей на местную тему с заголовком «Казань, дата»¹². Так, «специфическое, областное все заметнее брало верх над подражательским, общим, формируя тип местной газеты»¹³.

Первым опытом издания региональной русской правительственной газеты следует считать «Тифлиссские ведомости», с ходатайством об издании которых 31 июля 1827 г. И.Ф. Паскевич обратился к начальнику Главного штаба И.И. Дибичу: «... Учредить в Тифлисе периодическое издание, которое, быв удалено от всякой политической цели, вмещало бы только: официальные известия, разные объявления, главные общие новости, для края любопытнейшие, и вообще всякие сведения, согласные с видами правительства»¹⁴. С помощью печатного слова новый наместник Кавказа планировал сообщать о ходе военных действий с Турцией, удовлетворить растущий интерес к Кавказу со стороны русских читателей, а также популяризировать собственную личность среди местного населения

¹⁰ Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 477.

¹¹ См.: Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. С. 86–100.

¹² Русская периодическая печать (1702–1894)... С. 136–137, 145; Киселев А.П. История оформления русской газеты... С. 71–72.

¹³ Киселев А.П. История оформления русской газеты... С. 72.

¹⁴ Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль... С. 120.

и в столицах России¹⁵. В конце апреля 1828 г. последовало «высочайшее соизволение» на издание газеты, и «Тифлиссские ведомости», с переводами на грузинский, а затем персидский язык, с 4 июля 1828 г. стали выходить еженедельно (с 1830 г. два раза в неделю) за подписью тифлиссского военного губернатора. В первый год издания тираж газеты составил 1200 экземпляров на русском и 400 на грузинском языке¹⁶. Тематическое и жанровое своеобразие «Тифлиссских ведомостей», вступивших в полемику с охранительной столичной журналистикой, было отмечено А.С. Пушкиным, который считал тифлиссскую газету, несмотря на ее официальный профиль, «единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес»¹⁷. Этому способствовали менее стесненные цензурными ограничениями условия военной обстановки и авторский коллектив, среди которых были ссыльные декабристы, образованные офицеры и местная грузинская интеллигенция. Тем не менее издание было убыточным (даже при постоянном повышении цены на него – с 3 до 6 руб. сер. в 1829 г. и до 7 руб. сер. в 1830 г.) и нуждалось в постоянной поддержке со стороны местной администрации. С кончиной ее деятельного редактора П.С. Санковского, взявшего на себя аренду газеты и ее типографии, но так и не решившего вопроса о получении очередной казенной субсидии, «Тифлиссские ведомости» прекратились (в 1832 г. некоторое время вместо них выходили «Тифлиссские ведомости. Отделение литературное»). Собственно, в рамках проекта губернских ведомостей в Тифлисе с 1838 г. начал издаваться «Закавказский вестник», который в 1851 г. был присоединен как официальное приложение к частному офицеру газете «Кавказ».

Опыт издания «Тифлиссских ведомостей», возможно, был использован при разработке проекта губернских правительственных изданий, который стал обсуждаться в правительственных кругах после начала выхода кавказской официальной газеты. Министр финансов Е.Ф. Канкрин 31 декабря 1828 г. обратился в Комитет министров с предложением издавать официальные газеты при каждом губернском правлении с оказанием пособий для улучшения положе-

¹⁵ Махарадзе Н.А. Первая русская газета на Кавказе (1828–1832). Тбилиси, 1975. С. 4–9; Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль... С. 114–124.

¹⁶ Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль... С. 139, 203.

¹⁷ Махарадзе Н.А. Первая русская газета... С. 24.

ния губернских типографий¹⁸. С помощью официальных газет предполагалось сократить расходы по делопроизводственной части и содействовать развитию местной торговли и промышленности (что сулило дополнительные сборы в казну). 5 января 1829 г. Комитет министров одобрил предложение Е.Ф. Канкрин, и 19 января при Министерстве внутренних дел был образован комитет для разработки законопроекта о местных официальных изданиях¹⁹. Так Николай I, избравший примером для подражания первого российского императора, расширил проект издания «Ведомостей» до масштабов всей страны. Параллельно с разработкой этого проекта были приняты шаги по расширению сектора центральных правительственных изданий, которые должны были доводить до сведения мест и лиц свои распоряжения. 12 ноября 1828 г. Николай I «признал полезным» издание «Журнала Министерства внутренних дел» и утвердил его программу²⁰. В его царствование также возникли такие ведомственные издания, как «Журнал Путей Сообщения» (1826), «Инженерные записки» (1826), «Военный журнал» (1827), «Записки Ученого комитета Морского штаба» (1828), «Лесной журнал» (1833), «Земледельческая газета» (1834), «Записки Гидрографического депо» (1835), «Записки Военно-топографического депо» (1837)²¹.

27 октября 1830 г. вышло «Положение об издании губернских ведомостей», состоявшее из 7 разделов и 65 параграфов²². В нем регламентировались процесс издания, содержание и структура ведо-

¹⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 1–2.

¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 3.

²⁰ Редактор нового издания Н.И. Греч, так же как Ф.В. Булгарин, намеревался не выходить за рамки «видов» правительства и следовать курсу регулируемой гласности. Он сообщал читателям, что издание будет стараться «содействовать исполнению благих намерений высшего начальства, имевшего в виду ускорить распространение общепользных сведений и дать своим соображениям возможную гласность, споспешествующую к исполнению мер государственных и к удостоверению подданных, что их безопасность, спокойствие, благоденствие и нравственность составляют главный предмет попечения монарха» (*В.Н.* Правительственная периодическая печать в России... С. 75, 77). В 1862 г. «Журнал МВД» был реорганизован в газету «Северная почта», принадлежавшую тому же министерству (*Анон М.Е.* Государственная служба в России и газета «Правительственный вестник» (1869–1881 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 12).

²¹ *Лисовский Н.М.* Периодическая печать в России 1703–1903: Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий с диаграммами // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. СПб., 1903. С. 18.

²² *Высочайше* утвержденное положение об издании губернских ведомостей. 27.10.1830 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 5. Отд. 2. № 4036.

мостей, условия подписки на газету, порядок исполнения опубликованных в ней распоряжений. Издание предполагалось осуществить только в шести губерниях Европейской России: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской, с тем чтобы, если «успех оправдывает ожидание правительства», начать издание губернских ведомостей постепенно и в других губерниях.

Основные задачи официальной местной газеты заключались в сокращении канцелярской переписки и получении присутственными местами и частными лицами сведений к исполнению или соображению («никакое из мест и лиц не может отговариваться неведением того, что объявлено было официально через губернские ведомости»). До появления официальной газеты указы и распоряжения печатались в местных типографиях и «обнародовались» или устно, путем их прочтения полицейскими чинами, или путем вывешивания на столбе их копий (которые могли быть сняты или закрыты другими объявлениями)²³. Губернские типографии, использующиеся для набора и тиражирования различных приказов, постановлений, объявлений и пр., производили продукцию в различном количестве, неодинакового формата, без всякой нумерации и систематизированного хранения. Меры по уменьшению объемов исходящих и входящих бумаг, введению новых правил и форм по упорядочению делопроизводства были предприняты в 1831 г. и в отношении министерств²⁴.

На высшем уровне руководство губернскими ведомостями осуществлял министр внутренних дел, на местном – губернатор и чиновник губернского правления – «управляющий редакцией». Он определял редактора газеты и других ее сотрудников. В штатном отношении газета планировалась как «довесок» к уже имеющейся номенклатуре – новые должности для обеспечения выхода ведомостей не вводились, их занимали чиновники губернского правления или служащие по «части ученой», получая прибавку к жалованью по основному месту работы. Издание ведомостей осуществлялось губернской типографией из своих ресурсов, можно было также рассчитывать на пособие из казначейства.

²³ *Устав благочиния, или полицейский*. 8 апреля 1782 г. Ст. 51–52, 143, 192, 233 // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5.

²⁴ *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3, кн. 1. С. 42, 303–304.

По «Положению» 1830 г. губернские ведомости имели 4 отделения: «1) Постановления и предписания, 2) Объявления казенные, 3) Известия, 4) Объявления частные». Образцами для структуры и содержания отделов послужили «Санкт-Петербургские» и «Московские» ведомости²⁵.

В первом отделении должны были помещаться общегосударственные законы и распоряжения местных властей: императорские манифесты и указы; сенатские указы и предписания министерств, касающиеся данной губернии; распоряжения губернаторов, губернского правления и казенной палаты. Местные постановления и предписания могли касаться самых разнообразных сторон административной, общественной и хозяйственной жизни губернии: учреждение новых присутственных мест; определение и вызов к должностям чиновников; сроки и участники дворянских выборов; производство в чины; награждение, увольнение или удаление с должности; штрафы и выговоры начальства; предание суду; опека имений; раскладка податей, земских повинностей и недоимки по ним; предписания к исполнению или сведению полиции и казенной палаты; таксы сборов за переезд через мосты и переправы; отправление рекрутской повинности; приглашения к каким-либо пожертвованиям или участию в разрешенных обществах; повреждение посевов саранчой и средства к ее истреблению; сведения об эпидемиях и эпизоотиях с изложением способов их предотвращения.

Второе отделение было предназначено для размещения казенных объявлений следующего содержания: «запрещение и разрешение имений», вызов кредиторов и должников государственных учреждений, вызов к слушанию решений суда, решения присутственных мест по прошениям, продажа с публичного торга, вызовы на откупа и подряды, затраты на поставку рекрутов, сыск пропавших людей и вещей, ссылка на поселение, о нищих и бродягах, о банкротстве и выбытии из гильдии, вызовы наследников, о ябедниках и лишении чести, о потере паспортов и актов, о найденных убитых или умерших, почтовые объявления, объявления и вызовы различных учреждений (врачебной управы, училищ, казенных и частных хозяйственных заведений). Эти объявления размещались в ведомостях бесплатно (вызовы к торгам и откупам публиковались три раза). Однако же казенная палата должна была выделить ведомостям из своей канцелярской суммы 300 или более рублей в год в зависимости от количества публикаций своих объявлений.

²⁵ В.Н. Правительственная периодическая печать в России... С. 62–63.

Третье отделение предназначалось для известий, способствующих торговле, промышленности и вообще «достойных внимания жителей губернии»: проезд высочайших и знатных особ, происшествия, некрологи об известных людях, публичные акты и испытания в учебных заведениях, состояние и открытие казенных и частных предприятий, открытия в сфере промышленности, патенты на изобретения, способы к повышению производительности сельского хозяйства, время открытия и закрытия ярмарок, цены на товары, порядок судоходства, курс золота и серебра, метеорологические данные, статистические и исторические известия (об основании городов, постройке зданий, найденных древностях, числе жителей и их приросте, количестве браков, состоянии заведений приказа общественного призрения, сравнительные ведомости о посеве и урожае). Статьи третьего отделения могли печататься только с разрешения губернатора.

В четвертом отделении публиковались частные объявления, обязательно подписанные автором: о купле-продаже недвижимой и движимой собственности, о сдаче в наем домов и крепостных людей, об услугах, о побегах крепостных, о потерянных и украденных вещах, об уничтожении доверенностей и актов, о вызовах частными лицами кредиторов и должников, «вообще известия и объявления, не клонящиеся ни к какому вреду, и обо всех тех предметах, о коих дозволяется печатать в ведомостях обеих столиц»²⁶. За частные объявления устанавливалась плата от ¼ до ½ коп. за букву.

Порядок следования «отделений» расставлял приоритеты в пользу первых двух – «постановления и предписания» и «казенные объявления». Третий отдел и отдел частных объявлений печатались на оставшихся листах. Согласно «Положению», подписная плата и частные объявления должны были покрывать все издержки на из-

²⁶ Именно в «С.-Петербургские губернские ведомости» с объявлением о пропаже носа обритился гоголевский майор Ковалев, «с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший его, мог в ту же минуту его представить к нему или, по крайней мере, дать знать о месте пребывания». Но получил отказ, не согласившись на обязательное упоминание своей фамилии и по причине, что «газета может потерять репутацию». Номенклатура других принимаемых «газетной экспедицией» публикаций (приведенных Николаем Васильевичем не без смысла) была следующая: «В одном значилось, что отпускается в услужение кучер трезвого поведения; в другой – малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа; там отпускалась дворовая девка девятнадцати лет, упражнявшаяся в прачечном деле, годная и для других работ; прочие дрожки без одной рессоры; молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду; новые, полученные из Лондона, семена репы и редиса; дача со всеми угодьями: двумя стойлами для лошадей и местом, на котором можно развести превосходный березовый или еловый сад; там же находился вызов желающих купить старые подошвы, с приглашением явиться к переторжке каждый день от восьми до трех часов утра».

дание ведомостей, оплату труда управляющего редакцией, редактора и писцов. В случае недостаточности доходов предусматривалась финансовая помощь губернского правления.

Публикация статей на политические темы запрещалась. Очевидно, Николай I считал достаточным направление столичных газет как общероссийских, отвечающих за информационное обеспечение и поддержку правительственной политики.

Официальная газета должна была выходить один или два раза в неделю «на стольких листах, сколько каждый раз потребно», печататься хорошим шрифтом, на бумаге «лучшего качества», «в четверку в два столбца». В заглавии размещался губернский герб. Стоимость годового комплекта ведомостей предполагалась не выше 10 руб. Подписка могла приниматься как в самой редакции, так и по почте. Для должностных и частных лиц, не связанных с губернским управлением, устанавливалась плата за пересылку в размере 2 руб.

Подписчики разделялись на две категории – обязательные и необязательные. Все присутственные места и должностные лица губернии были обязаны выписывать газету, стоимость которой удерживалась казенной палатой из отпускаемых им на содержание канцелярских сумм. Обязательными подписчиками ведомостей являлись также городские думы, магистраты и ратуши, внося за нее деньги из городских сборов. Газета должна была доставляться всем волостям казенных крестьян, входя в счет волостных повинностей. Лица и места, не принадлежавшие к губернскому аппарату, но принадлежавшие к министерствам и управлениям (внутренних дел, финансов, военному, морскому, духовному, управлению путей сообщения, удельному ведомству), обязывались получать газету по распоряжению своего начальства. Бесплатно ведомости отсылались в министерства, почтовую губернскую контору и должностным лицам, которым не было назначено денег на канцелярские расходы. После исполнения предписаний ведомости в переплетенном виде передавались в губернское правление, составляя архив законодательства, касающегося губернии. Необязательными подписчиками могли быть частные лица, проживающие в данной или любой другой губернии.

Газету наполняли не только официальные материалы, возникающие «сами собой» по служебной необходимости, но и информационно-повестовательные статьи («обо всех тех предметах, о коих дозволяется печатать в ведомостях обеих столиц»), которые должны были быть кем-то написаны или хотя бы составлены, что доставляло

дополнительные заботы редактору издания. Новая нагрузка предполагалась для губернской типографии. Чтобы технически дать жизнь не одному экземпляру губернских ведомостей, на бумаге «лучшего качества», типография должна была «поделиться» доходами от частных заказов. Материальные затраты на подписку ложились на местные властные учреждения, которые должны были оплачивать ее из бюджетных сумм или местных сборов. Из этих же средств осуществлялась подписка на еще одно обязательное издание – «Санкт-Петербургские сенатские ведомости»²⁷.

Как уже упоминалось, проект издания однотипной правительственной газеты должен был быть апробирован в шести губерниях. Образец формы газеты, с идентичным текстом, был напечатан для Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской и Слободско-Украинской губерний²⁸. Обращает на себя внимание, что это были многонаселенные и развитые в экономическом отношении территории, имевшие длительную, в том числе и национальную, историю. Кроме того, в Казани и Астрахани уже имелся опыт издания газет. Министерство финансов поручило экспедиции заготовления государственных бумаг (предшественнику современного Госзнака) изготовить к 1 января 1831 г. необходимое количество шрифтов (цицера и корпуса), орлов и гербов губерний. В течение двух недель заказ был выполнен, и ящики весом почти в 41 пуд своевременно получены местными властями. Однако в 1831 г. увидели свет только «Ярославские губернские ведомости», которые с апреля 1831 г. стали высылаться министру финансов²⁹. В остальных пяти губерниях выходу газеты помешали организационно-финансовые, административные и технические трудности³⁰. Так, в Астрахани, куда по ошибке были отправлены гербы Слободско-Украинской губернии и где была недополучена часть литер, губернская типография могла обеспечить печатать только трех страниц газеты, а при большем их количестве

²⁷ *Высочайше* утвержденное положение об издании губернских ведомостей. 27.10.1830 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 5. Отд. 2. № 4036.

²⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 47–50, 52.

²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 9, 19, 30, 44–46, 60–61, 83.

³⁰ Дементьева В.В. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 43–45; Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Нижний Новгород, 2008. С. 14–16; Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. С. 16.

прежний набор необходимо было разбирать для повторного использования³¹.

Некоторые губернаторы по собственной инициативе стремились расширить ограниченную правительством «экспериментальную площадку» по изданию губернских ведомостей. В конце 1830 г. оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен обратился в Министерство внутренних дел с просьбой начать издание «Оренбургских губернских ведомостей» с пособием от казны в 700 руб. для обновления типографского оборудования³². Будущий руководитель проведения крестьянской реформы костромской губернатор С.С. Ланской в декабре 1831 г. просил у Е.Ф. Канкрин разрешения издавать «Костромские губернские ведомости» и ходатайствовал о снабжении местной типографии новыми шрифтами. Однако ему, как и П.П. Сухтелену, в этом было отказано с объяснением, что к «общей мере будет приступлено не прежде, как по убеждению на самом опыте в пользу оной и удобства»³³.

3 июня 1837 г. Николаем I было утверждено «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях», которое подробно определяло права и обязанности начальников губерний, укрепляло их власть по отношению ко всем губернским, уездным и городским присутственным местам³⁴. Согласно «Положению», ведомости обязывались печатать все губернии и области Российской империи. Издание по-прежнему предполагалась «для облегчения и сокращения сношений губернского правления и доставления как присутственным местам и должностным лицам, так и вообще всем и каждому удобнейшего средства получать в надлежащее время сведения о постановлениях и распоряжениях губернского начальства, а равно и о других предметах, следующих к общему сведению»³⁵. Министром внутренних дел Д.Н. Блудовым еще в 1833 г., в продолжение мер своего предшественника А.А. Закревского по упрощению делопроизводства, было предложено заменить циркулярные предписания министерства губернским правлениям, полицейским чинам, судебным заседателям по отдельным

³¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 84, 91, 94об.

³² Лихтин А. Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти (на материалах Оренбургского края XIX–XXI веков) : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005. С. 18.

³³ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 53–54, 58–58об., 62–71об., 78.

³⁴ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3. Кн. 2. С. 275.

³⁵ Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях. 3.06.1837 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. № 10304. § 86–96.

губерниям одним общим циркуляром, в который бы входили предписания и отношения Министерства внутренних дел по всем губерниям: о розыске, о предъявлении судебных решений, об эпидемиях и эпизоотиях, о перемещениях чиновников, о наградах и т.д., т.е. все те сведения, которые составили содержание неофициальной части губернских ведомостей, но уже не только по ведомству МВД, но и другим министерствам³⁶.

В целом программа и содержание газеты соответствовали «Положению об издании губернских ведомостей» 1830 г., с небольшими структурными изменениями и уточнениями характера публикуемой информации. Так, газета разделялась на две части: официальную, вместившую два первых отделения, и неофициальную («Прибавления»), вместившую третье и четвертое. Предполагалось, что они могут издаваться отдельно, с самостоятельной нумерацией листов и возможностью отдельной подписки. Оплата газеты осуществлялась из канцелярских сумм, земских сборов, городских и волостных повинностей.

Официальная часть утверждалась подписью вице-губернатора и рассылалась должностным лицам, в Министерство внутренних дел, а также в другие губернии. Таким образом, ведомости приобретали черты обязательного регионально-циркулярного издания. Выговоры, распоряжения об удалении с должности и предании суду, объявления об эпидемиях и эпизоотиях могли появиться на страницах газеты, только если губернское начальство сочтет это необходимым. Разрешалось публиковать объявления «об отличных действиях кого-либо из чиновников или обывателей, на пользу службы и для блага общего». Ни в коем случае не разрешалось перепечатывать постановления и объявления из «Санкт-Петербургских сенатских ведомостей». Неофициальная часть по-прежнему содержала торгово-промышленные, сельскохозяйственные и историко-географические сведения, а также частные объявления³⁷. Пункт о высочайших и знатных особах исчез из перечня возможных тем, о чем еще в 1831 г. вышло особое узаконение³⁸.

³⁶ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3, кн. 1. С. 48–50.

³⁷ Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях. 3.06.1837 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. № 10304. §. 86–96.

³⁸ Именной, объявленный министру народного просвещения министром императорского двора, о запрещении печатать в публичных ведомостях известия, касающиеся до особы государя императора и членов императорской фамилии, без особого на то высочайшего разрешения. 2.01.1831 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 6. Отд. 1. № 4236.

В конце 1838 г. олонецким и подольским губернаторами была увеличена цена на годовое издание местных ведомостей больше определенных «Положением» 10 руб. Комитет министров постановил, что цена за ведомости должна быть «самая умеренная», чтобы «посредством сего способствовать распространению тех ведомостей и дать лицам всех сословий возможность получать оные». Не допускалось повышение стоимости газеты и для частных подписчиков. Для присутственных мест и должностных лиц стоимость могла быть увеличена до 20 руб. ввиду «недавнего усиления сумм присутственных мест на канцелярские расходы» и «для покрытия издержек губернских типографий»³⁹.

С 1838 г. губернские ведомости стали издаваться в 42 губерниях и областях Европейской России. В 1835 г. на усиление губернских правлений, канцелярий и типографий была выделена солидная сумма – 632 703 руб., а начальники губерний получили возможность отправлять учеников для губернских типографий в типографию МВД⁴⁰. Ведомости были увязаны с «Санкт-Петербургскими сенатскими ведомостями» и становились их продолжением как местного источника официальной информации⁴¹. «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» и «Правила для издания сенатских ведомостей» были продублированы в «Своде законов Российской империи» 1842 г.⁴² Однако эти законы не распространялись «на Сибирский и Остзейский край и области Кавказскую и Бессарабскую», а также на Грузию и Закавказье как имеющие «свои особые учреждения»⁴³. В то же время с 1838 г. в Тифлисе стала выходить по программе губернских ведомостей правительственная газета для всего Кавказа – «Закавказский вестник». В Варшаве в 1838 г. началось издание «Официальной газеты Царства Польского»⁴⁴.

³⁹ *Высочайше* утвержденное положение Комитета министров об установлении цены за годовое издание губернских ведомостей. 27.12.1838 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 2. № 11889.

⁴⁰ *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3, кн. 2. С. 52, 112–113.

⁴¹ *Высочайше* утвержденные правила обнародования печатными собраниями и листами узаконений и распоряжений правительства, и объявлений по судебным и правительственным делам. 16.02.1838 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 1. № 10978. § 22.

⁴² *Свод законов Российской империи.* Издание 1842 года. СПб., 1842. Т. 1, ч. 2. Ст. 753–763; Т. 1, ч. 1. Ст. 493. Прил. 1–22.

⁴³ *Высочайше* утвержденный общий наказ губернаторам. 3.06.1837 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., Т. 12. Отд. 1. № 10303. П. 2.

⁴⁴ *Махарадзе Н.А.* Русская газета на Кавказе в 40–50-е годы XIX века («Закавказский вестник» и «Кавказ» в 1845–1856 гг.). Тбилиси, 1984. С. 9; *Дейч Г.М.* Губернские ведомо-

Один экземпляр ведомостей обязательно должно было получать III Отделение Е.И.В. Канцелярии, за его своевременную доставку несли ответственность местные власти⁴⁵. В феврале 1838 г. цензор «Орловских губернских ведомостей», допустивший к печати информацию о пребывании в Орле членов императорской семьи (в нарушение указа 1831 г.⁴⁶), вынужден был давать по этому поводу объяснения министру внутренних дел Д.Н. Блудову. Впредь редакторы ведомостей обязывались согласовывать подобные публикации с А.Х. Бенкендорфом⁴⁷. Шеф жандармов призывал губернаторов обращать внимание, чтобы статьи о чрезвычайных происшествиях в губернских ведомостях «не заключали в себе известий о неповиновении крестьян помещикам, о покушениях их на жизнь своих господ или о жестоком обращении помещиков с крестьянами, ибо ... подобные сведения могут иметь вредное влияние и произвести напрасную тревогу в умах»⁴⁸.

Следующие изменения в программе губернских ведомостей произошли в 1845 г. в связи с изданием «Учреждения губернских правлений». Структура издания вновь менялась – газета разделялась на два отдела: общий, являвшийся полностью официальным, и местный, состоящий из официальной и неофициальной частей. Оба отдела должны были печататься вместе и составляли полный номер газеты. Объявления о сысках от имени правительства могли публиковаться в прибавлении к официальной части. Экземпляры, предназначенные для рассылки по другим губерниям, не включали в себя неофициальной части и высылались бесплатно. Число обязательных подписчиков увеличивалось путем добавления к ним городских и сельских церковных приходов, которые выписывали газету за счет городских и земских сборов⁴⁹.

сти как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1978. Т. 9. С. 238; *Русская периодическая печать (1702–1894)*... С. 263–270.

⁴⁵ *Именной*, объявленный гражданским губернаторам управляющим Министерством внутренних дел, о предоставлении в III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии по одному экземпляру всех печатаемых в типографиях газет, журналов и альманахов. 25.03.1831 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 6. Отд. 1. № 4451.

⁴⁶ *Именной*, объявленный министру народного просвещения министром императорского двора, о запрещении печатать в публичных ведомостях известия, касающиеся до особы государя императора и членов императорской фамилии, без особого на то высочайшего разрешения. 2.01.1831 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 6. Отд. 2. № 4236.

⁴⁷ Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. С. 37.

⁴⁸ Павлов В.А. Оренбургские и Пермские губернские ведомости // Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1992. Т. 1. С. 166–167.

⁴⁹ В 1862 г. городские, а с 1868 г. – сельские церковные приходы, уездная полиция и предводители дворянства были исключены из числа обязательных подписчиков губер-

Официальная часть местного отдела должна была содержать в себе предписания местной власти и казенные объявления: распоряжения губернского правления и губернатора; ежемесячные сведения о состоянии делопроизводства в присутственных местах; сроки созыва дворянства и городских обществ на выборы и чрезвычайные собрания; частные предписания и разрешения, которые в подобных случаях могли служить к руководству полиции других уездов; объявления о вакантных местах; об отказе в удовлетворении прошений; о решениях по прошениям, если место жительства просителей неизвестно; об учреждении новых мест и должностей; об определении, перемещении, увольнении и о наградах чиновников; об «отличных действиях» чиновников или обывателей; о различных таксах; о штрафах за обмер, обвес и другие торговые преступления; вызовы людей, место жительства которых неизвестно; объявления о пойманных и объявившихся бродягах, не помнящих родства; о найденных мертвых телах с описанием их примет; о потере паспортов и актов; объявления от полиции о найденных вещах и т.п.; объявления о вызове к торгам, поставкам, откупам и подрядам; о результатах торгов; о смете городских доходов и расходов; объявления о публичной продаже имущества; вызовы к торгам на исправление земских повинностей; «предохранительные объявления» городским и сельским обывателям о повальных болезнях и скотских падежах, с наставлениями от врачебной управы; «предостерегательные объявления» о появлении саранчи или других вредных насекомых или животных; вызовы, уведомления и объявления от всех прочих казенных мест; объявления о переходе населенных имений от одного лица к другому; объявления солдаткам о смерти их мужей; объявления о вызове к выслушиванию решений и к рукоприкладству (но только опубликованные в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях»); о вызове кредиторов, должников и наследников; о несостоятельности купцов; об открытии и прекращении конкурсов; о неплатеже апелляционных денег.

Программа неофициальной части подробно регламентировалась, но путем перечисления допускаемых тем возможно говорить о ее

ских ведомостей (*Алфавитный указатель к сборнику циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1858–1868 гг.* / Д. Чудновский. СПб., 1874. С. 26; *Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 6 июля, об отмене обязательной на счет земских сборов выписки сенатских и губернских ведомостей для уездной полиции, сельских церковных причтов и предводителей дворянства*, 24.06.1868 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1868. Т. 43, ч. 1. № 46029).

существенном расширении, в сравнении с первоначальным проектом газеты: «известия и статьи всякого рода, относящиеся, более или менее, до местности; сведения географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и проч.; о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии; о явлениях метеорологических; статьи и сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве, о рыночных и справочных ценах, состоявшихся торговых и других обществах, о выданных привилегиях на изобретения; некрологи известных в губернии лиц и проч.». Кроме того, в неофициальной части по-прежнему могли печататься частные объявления, о беглых и без вести пропавших, о потерях и кражах, об уничтожении доверенностей и других актов, вызовы кредиторов и должников и другие «приличные и уместные объявления частных людей»⁵⁰.

Ответственность за содержание официального отдела возлагалась на вице-губернатора, которому начальник газетного стола должен был предоставить полный отпечатанный экземпляр ведомостей для внесения изменений и утверждения. Только после того как вице-губернатор писал в заголовке «напечатать» и скреплял своей подписью номер по листам, он выходил в свет. По неофициальной части функции цензора выполнял губернатор. Стоимость ведомостей была установлена для должностных лиц в 3 руб. сер. на простой бумаге (эта сумма возникла при пересчете прежних 10 руб. ассигнациями на серебро⁵¹).

Так, в 1845 г. ведомости приобрели законченную структуру в соответствии с разделением материала, исходящего из центра и касающегося жизни региона. Создавалась специализированная штатная структура для подготовки газеты – газетный стол. Содержание издания регламентировалось и находилось под контролем местной администрации. Вероятно, на эти изменения повлиял и семилетний опыт подготовки и издания ведомостей. Важно отметить, что «Учреждение губернских правлений» 1845 г. в отличие от «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г. не содержало в себе ограничительных пунктов относительно издания ведомостей на национальных окраинах и в Сибири.

⁵⁰ Высочайше утвержденное учреждение губернских правлений. 2.01.1845. Ст. 142–175 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. № 18580.

⁵¹ Сенатский, о переложении на серебро разных сборов по сенатской типографии. 21.02.1840 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1841. Т. 15. Отд. 1. № 13198.

Революция 1848–1849 гг. в Европе привела к ужесточению цензуры в России, что затронуло и губернские ведомости. 2 апреля 1848 г. был создан «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений», получивший по фамилии своего первого председателя Д.П. Бутурлина название «Бутурлинский комитет». Им было запрещено пропускать в печать произведения, «могущие дать повод к ослаблению понятий о подчиненности или могущие возбуждать неприязнь и завистливое чувство одних сословий против других»⁵². По мнению М.Е. Михайловой, появлению этого распоряжения способствовала статья литовского историка О.Б. Ярошевича в «Гродненских губернских ведомостях», в которой говорилось о незаинтересованности крепостных крестьян губернии в результатах своего труда. В итоге губернаторам был разослан циркуляр МВД, предписывающий не допускать в ведомостях публикаций о жизни помещичьих крестьян⁵³. 21 марта 1848 г. последовало высочайшее повеление о том, чтобы «редактор по первому требованию правительства объявлял имя и место жительства автора», публиковавшегося в журналах и газетах анонимно⁵⁴. 15 мая 1848 г. МВД был разослан циркуляр о доставлении в Императорскую публичную библиотеку губернских ведомостей тотчас же по их выходе, чем отменялся прежний порядок доставки ведомостей по третям года⁵⁵.

Три чиновника «Комитета 2 апреля 1848 г.» регулярно, вплоть до его закрытия 6 декабря 1855 г., подготавливали сводки о содержании губернских ведомостей, запрещая публикации о народных обрядах, песнях, пословицах, поговорках и загадках, которые могли бы нарушить «добрые нравы» и дать повод «к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных»⁵⁶. Так, в список

⁵² Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 90.

⁵³ Михайлова М.Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. С. 40–41.

⁵⁴ Свод уставов о цензуре 1857 г. (цензурный устав 1828 года с дополнениями по 1857 г.) и четыре к нему продолжения // Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 328.

⁵⁵ Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль, 1963. С. 350.

⁵⁶ Блюм А.В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (По документам «Комитета 2 апреля 1848 г.») // Советская этнография. 1971. № 1. С. 112. Так, например, «Комитетом 2 апреля 1848 г.» было обращено внимание на недопустимость публикации в «Курских губернских ведомостях» в 1853 г. загадок, которые «нет никакой пользы сохранять в народной памяти через печать»: «1. Родился – не крестился, // Умер – не спас, // Богоносцем был (Осел). 2. На свете жил, //

запрещенных к печати в периодических изданиях попали все сочинения и статьи, касавшиеся восстаний Е.И. Пугачева и С.Т. Разина, как «неуместные и оскорбительные для народного чувства»⁵⁷. 27 апреля 1851 г. было опубликовано утвержденное Николаем I положение Комитета министров о подчинении неофициальной части общей цензуре – передаче цензуры неофициальной части губернских ведомостей от вице-губернаторов местным цензурным комитетам, а за их отсутствием – профессору или чиновнику училища, по представлению попечителей учебных округов и с утверждения министра народного просвещения⁵⁸. Это переподчинение было вызвано требованием Комитета 2 апреля 1848 г. в связи с опубликованными в «Курских губернских ведомостях» статьями врача В.К. Гутцейта «Об ископаемых Курской губернии»⁵⁹, в которых «миросоздание и образование нашей планеты и самое появление на свет человека изображаются и объясняются по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласным с космогонией Моисея и его книг Бытия»⁶⁰. С одной стороны, появление для неофициальной части специального цензора, подчиненного Главному управлению цензуры, можно расценивать как усиление цензуры, с другой – как ее профессионализацию.

На исходе николаевского царствования законодательный регламент для губернских ведомостей пополнился новыми разрешительными пунктами. В 1849 г. «простонародные ведомости» на эстонском и латышском языках, содержащие административно-хозяйственные сведения, касающиеся крестьян, учреждались в Лифляндии⁶¹. В 1852 г. «Учреждение губернских правлений» 1845 г. распространялось на всю Прибалтику, где разрешалось издание ведомо-

И Богу служил, // А умер ни в святых, ни в грешных (То же). 3. Вышел дед // Семьдесят лет, // Вынес внучку // Старше себя (Евангелие)» (*Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 288–289).

⁵⁷ *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 298.

⁵⁸ *Высочайше* утвержденное положение Комитета министров о подчинении неофициальной части губернских ведомостей общей цензуре. 27.02.1851 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 24979.

⁵⁹ *Гутцейт В.* Об ископаемых в Курской губернии // *Курские губернские ведомости*. 1850. № 16. 22 апр. С. 136–139; № 17. 29 апр. С. 145–148; *Гутцейт В.* О некоторых фосфорильных зубах, найденных в Курской губернии // *Курские губернские ведомости*. 1851. № 7. 17 февр. С. 64–66.

⁶⁰ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2451. Л. 1–1об.

⁶¹ *Высочайше* утвержденное лифляндское крестьянское поземельное уложение. 9.07.1849 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1849. Т. 24. № 23385. § 805.

мостей на немецком, латышском и эстонском языках⁶². В 1850 г. допускалось публиковать известия о перемещениях по стране членов императорской фамилии без «особого высочайшего разрешения»⁶³. Прибавления к ведомостям расширялись путем включения в них медицинских наставлений о предотвращении распространения эпидемий и эпизоотий (1851)⁶⁴ и объявлений о вызове к торгам по казенным подрядам (1852)⁶⁵. В 1852 г. в губернских ведомостях с разрешения духовных цензурных комитетов стало возможным размещать проповеди, слова и речи духовных лиц⁶⁶. Наконец, в 1853 г. в ведомостях западных губерний разрешалось публиковать сообщения о лишении должностей управляющих поместьями, превысивших свои полномочия⁶⁷.

В ходе Крымской войны правительство не использовало информационный ресурс губернских ведомостей для освещения боевых действий и политической ситуации в Европе. 15 декабря 1853 г. начальникам губерний был разослан циркуляр МВД, запрещавший печатать статьи о Восточной войне во всех местных изданиях, кроме «Одесского вестника». 30 мая 1854 г. было разрешено публиковать сообщения о боевых подвигах русских солдат, если они были подтверждены армейским командованием⁶⁸. Правом сообщать «новейшие известия о военных действиях» обладал «Русский инвалид», откуда другие издания могли перепечатывать их, но «не иначе, как

⁶² *Именной*, данный Сенату, об изменениях и дополнениях в учреждении губернских правлений 2 января 1845 года, и о штатах губернских правлений и канцелярий гражданских губернаторов остзейских губерний. 13.05.1852 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 27. № 26269. Ст. 140.

⁶³ *Именной*, объявленный Сенату министром императорского двора, о печатании известий о членах императорской фамилии. 5.09.1850 // ПСЗ. СПб., 1850. Т. 25. № 24460.

⁶⁴ *Именной*, объявленный Сенату управляющим Министерством внутренних дел, о повсеместном распространении медицинских наставлений касательно мер при появлении эпидемических болезней и скотских падежах. 15.08.1851 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 25500.

⁶⁵ *Высочайше* утвержденное мнение Государственного совета, опубликованное 12 февраля, о сокращении делопроизводства и переписки по гражданскому управлению. 28.01.1852 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 27. № 25944.

⁶⁶ *Сборник* распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 479.

⁶⁷ *Высочайше* утвержденное положение Комитета министров о правилах для определения частных лиц к управлению помещичьими имениями в губерниях: Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской, Витебской и Могилевской, 30.06.1853 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1853. Т. 28. № 27405. Ст. 5.

⁶⁸ *Выжимов Е.Д.* «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–56 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. Вып. 2 (46). С. 129.

слово в слово, без малейших изменений». Распоряжением 6 октября 1855 г. в правительственной газете «Кавказ» и провинциальных ведомостях допускалась публикация реляций о действиях русских войск, но их перепечатка столичными газетами могла происходить только с одобрения военно-цензурным комитетом⁶⁹.

Итак, газетная и журнальная периодика возникли в России по инициативе государства для идеологического и информационного обеспечения проводимой им политики. Ее развитие шло по пути расширения круга правительственных, ведомственных и частных изданий, которые освещали и разрабатывали различные темы, составлявшие круг государственного управления и общественной жизни (политика, экономика, наука, история, литература, образование, развлечение читающей публики). В первой половине XIX в. основными официальными газетами, печатавшими узаконения высшего правительства, хроники текущих событий и тематические статьи, являлись «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Сектор крупных газет дополняли частные и ведомственные столичные издания – «Северная пчела», «Коммерческая газета», «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции», «Русский инвалид». Содержание этих газет также в той или иной степени контролировалось государством, что обеспечивало их «благонамеренный» и полуофициальный характер.

Прообразом губернских ведомостей по структуре, содержанию и порядку подготовки можно считать «Тамбовские известия», издававшиеся в 1788 г. Г.Р. Державиным. Их необходимость была вызвана самой жизнью – обнародование касающихся губернии распоряжений, сокращение бумажного и письменного делопроизводства, пресечение завышения цен при казенных поставках. История этого первенца провинциальной казенной печати была недолгой. Для того чтобы местное чиновничество поддержало и обеспечило новую печатную практику информационного обмена, необходимо было или «высочайшее повеление», или наличие достаточной прослойки образованных и заинтересованных людей (как при издании в 1811 г. «Казанских известий», поддержанных Казанским университетом). Удачным опытом издания газеты, отвечавшей «видам правительства», в пограничном регионе стали «Тифлиские ведомости» (1828–1832). Идея организации периодических изданий в провинции имела

⁶⁹ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 303.

своих сторонников и участников, но преобладающими по информационной наполненности и значению продолжали оставаться центральные правительственные и проправительственные печатные органы. Преодолеть доминирование в информационном пространстве столичных газет не удавалось в силу многих обстоятельств (отношение верховной власти к подобным инициативам, состояние типографского дела, круг потенциальных читателей, отсутствие местных журналистских сил).

Появление в 30-х гг. XIX в. сети единообразных по форме и содержанию официальных правительственных изданий было определено курсом Николая I на упрочение законности в управлении, упорядочивание документооборота в губерниях, создание унифицированной информационной системы в различных регионах и усиление государственной опеки над общественно-политической жизнью страны. Ведомости учреждались как, главным образом, административно-информационное издание, организационно, юридически и финансово входившее в систему губернского управления. Открытая и доступная публикация распоряжений центральных и местных властей означала обязательное принятие их к сведению или исполнению (для соответствующих отметок предназначались широкие поля). Кроме того, гласной и открытой становилась некоторая часть внутреннего чиновного делопроизводства и делопроизводства по гражданским делам. Государство стремилось обеспечить широкое распространение своего издания и усилить его материальную базу за счет оплаты казенных объявлений и обязательных подписчиков (фактически это можно рассматривать как косвенное финансирование, поскольку подписка осуществлялась на государственные же средства).

2.2. ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОГРАММЕ И СОДЕРЖАНИИ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ В 1855–1881 гг.

Во внутренней политике Александра II и его либеральных министров – С.С. Ланского (1855–1861) и П.А. Валуева (1861–1868) – гласность стала одним из инструментов воздействия на общественное мнение, повышения эффективности системы управления путем привлечения интеллектуальных сил как из находящихся внутри самой государственной системы, так и из числа наиболее образованных и активных представителей общественности (сам П.А. Валуев начал свой путь к должности министра внутренних дел с записки «Дума русского», отправленной великому князю Константину Ни-

колаевичу). Соответствующие распоряжения всегда сопровождались дополнительными разъяснениями и ограничениями с целью придания гласности контролируемого и направляемого характера. В 1856 г., после заключения Парижского мира, было разрешено печатать в «особых листках» или прибавлениях к ведомостям статьи на политические темы, но только те из них, которые были разрешены цензурой Министерства иностранных дел к напечатанию в печатном органе самого министерства – «Journal de St. Petersburg»⁷⁰.

22 февраля 1855 г. Александр II утвердил Положение Комитета министров, вводившее более четкую формулировку программы неофициальной части (строка «... известия и статьи всякого рода, относящиеся, более или менее, до местности...» была заменена на «... относящиеся до местности сведения и материалы...»), с примечанием, ограничивающим газету рамками документального повествования: «Сообщаемые в неофициальной части известия, сведения и материалы не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел или не принадлежащая к самому предмету обстановка, каковы повести, рассказы и т.п.»⁷¹. Эти изменения вошли в новый «Свод законов Российской империи» 1857 г.⁷²

В 1858 г. МВД распорядилось публиковать статистические сведения в официальных и частных газетах с целью «возбудить критический разбор, особенно ближайший местный, и тем значительно способствовать как к исправлению, пополнению и усовершенствованию означенных списков и статей, так и к предварительному ознакомлению с ними местных жителей и публики вообще»⁷³. Именным указом 1858 г. Александр II повелел перепечатывать во всех губернских ведомостях высочайшие рескрипты, министерские отношения и постановления дворянских комитетов по устройству быта помещичьих крестьян⁷⁴. В 1859 г. Совет министров признал, что «огла-

⁷⁰ *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 305.

⁷¹ *Высочайшее утвержденное положение Комитета министров, опубликованное 22 марта, об изменении программы губернских ведомостей, 22.02.1855 // ПСЗ. Собр. 2-е.* СПб., 1855. Т. 30. № 29059; *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 390.

⁷² *Свод законов Российской империи.* Издание 1857 г. СПб., 1857. Т. 2, ч. 1. Ст. 853–889.

⁷³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

⁷⁴ *Именной, объявленный начальникам губерний министром внутренних дел, о разрешении перепечатывать во всех губернских ведомостях высочайшие рескрипты по устройству быта помещичьих крестьян, со следующими к ним министерскими отношениями*

шение в печатных сочинениях и журнальных статьях о существующих беспорядках и злоупотреблениях может быть полезным в том отношении, что этим способом предоставляется правительству возможность получать сведения независимо от официальных источников, и некоторые из этих сведений могут служить поводом к проверке сведений официальных и к принятию надлежащих по усмотрению мер»⁷⁵. 8 марта 1860 г. появился специальный циркуляр Департамента полиции исполнительной, касавшийся именно губернских ведомостей, в котором утверждалась возможность и даже необходимость помещать в них статьи, «имеющие не только местный, но и общий интерес», и вместе с тем губернаторам предписывалось «не допускать в печати статей, не согласных с направлением, указанным для губернских ведомостей в законах»⁷⁶. Цензура ведомостей смягчалась – за март 1859 – апрель 1862 г. в отчетах, направляемых в Министерство народного просвещения особым чиновником, просматривающим среди прочих изданий, 19 губернских ведомостей Европейской России, не сообщалось ни об одном нарушении ими цензурных правил⁷⁷.

Посредством ведомостей обнародовался Манифест 19 февраля 1861 г., «со строгим соблюдением, чтобы при этом не было сделано никаких ошибок и не было допущено никаких в печати неисправностей»⁷⁸. В 1861 г., по представлениям местных властей, было разрешено публиковать в губернских ведомостях постановления губернского по крестьянским делам присутствия, касавшихся крестьянской реформы, но под ответственность губернатора и с предоставлением в МВД десяти оттисков напечатанного⁷⁹. В этом же году цензурное ведомство распространило циркуляр, запрещавший включать комментарии в текст обнародуемых в газетах правительственных распо-

и постановлениями дворян по сему предмету. 3.02.1858 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. № 32737а.

⁷⁵ *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 479.

⁷⁶ *Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати.* СПб., 1878. С. 212.

⁷⁷ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4841. 1859 г. 51 л.

⁷⁸ *Именной, объявленный начальникам губерний в циркуляре Министерства внутренних дел, о порядке рассылки высочайшего манифеста и прочих законоположений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.* 21.02.1861 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. № 36685.

⁷⁹ *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 458; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5681. 1861 г. Л. 1–4

ряжений⁸⁰. В начале 1862 г. для того, чтобы «оказать благотворное влияние на мирный и нравственный ход крестьянского дела», в ведомостях, с одобрения епископа и без обращения к центральным духовным цензурным комитетам, было разрешено печатать проповеди, произнесенные духовными лицами в местных церквях⁸¹.

С 1 января 1862 г. поставщиком информации, комментариев и соответствующих настроению власти оценок стал официальный печатный орган МВД – «Северная почта». «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», хотя и имели официальный характер, не являлись в прямом смысле государственной собственностью и издавались соответственно Академией наук и Московским университетом с правом передачи в аренду частным лицам. В 1869 г. «Северная почта» была реорганизована в «Правительственный вестник», имевший право первенства в публикации всех правительственных распоряжений и ставший головным органом в системе губернских официальных газет.

Записка министра внутренних дел П.А. Валуева «О внутреннем состоянии России» (1862) позволяет увидеть, как за недолгое время в условиях либерализации политического режима изменилось значение прессы и какие новые задачи встали перед ней как проводником правительственного влияния: «Органы прессы являются или открытыми и непримиримыми врагами, или очень слабыми и недоброжелательными друзьями, которые идут дальше целей, какие ставит себе правительство. Его собственные органы неспособны и парализованы. <...> Для того, чтобы правительственная пресса могла говорить, нужна и программа, и некоторая свобода слова. Мы не имеем ни того, ни другого. <...> Но официальные органы не в состоянии говорить, даже если бы они получили разрешение высказываться. Они не найдут способных и активных сотрудников до тех пор, пока политика правительства сохранит свой нынешний нерешительный и изменчивый характер»⁸². В докладе П.А. Валуева «О мерах для противодействия путем печати нынешнему направлению литературы» (1862) мысль об оппозиционной правительству

⁸⁰ Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г. С. 93.

⁸¹ Лесков Н.С. Меры духовного начальства к нравственному образованию народа. С.-Петербург, среда, 25-го апреля 1862 года // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М., 1996. Т. 3: Сочинения 1862–1864 гг. С. 519–520.

⁸² Предложения и проекты П.А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866 гг.). О внутреннем состоянии России. 26 июня 1862 г. // Исторический архив. 1958. № 1. Январь – февраль. С. 142.

прессе повторялась и развивалась следующим образом: «Все недостатки, беспорядки или злоупотребления систематически выводятся на первый план и обращаются в предмет непрерывных суждений, с явной целью раздражения умов. <...> Коль скоро допускается в литературе обсуждение некоторых общественных и административных вопросов, правительство не может бездейственно оставаться в стороне и довольствоваться цензурными предосторожностями. Нужно употреблять то самое оружие, которое употребляется против правительства его недоброжелателями, и противопоставить печатному слову печатное же слово»⁸³. Рукою Александра II на докладе было написано: «Мысль эта совершенно согласна с тем, что я давно желал»⁸⁴.

В ряду прочих мер по практическому воплощению этой мысли необходимо было повысить значение губернских ведомостей. В записке П.А. Валуева 7 сентября 1863 г. к главноуправляющему II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии барону М.А. Корфу «О расширении программы губернских ведомостей» признавалось, что их чтение мало распространено между частными лицами по причине низкого уровня публикуемых материалов: «Местные сведения и материалы статистического, исторического и этнографического характера, которые разрешено печатать, нуждаются и обработке специалистами, недостаток которых ощутителен даже и в лучших столичных журналах»⁸⁵. Для придания ведомостям большей популярности в записке предлагалось или передать их в арендное содержание, но тогда правительство «вдруг создало бы множество органов, которые могли бы идти совершенно вразрез с его стремлениями, а при удобном случае сделаться бы даже враждебными ему»⁸⁶, или расширить программу издания путем разрешения перепечаток политических известий и руководящих статей из официальных «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg». В этом случае провинциальное население, не имеющее средств выписывать дорогостоящие столичные газеты, получит возможность «за дешевую цену иметь раз или два в неделю сведения о важнейших внутренних событиях с их краткою критикою»⁸⁷.

М.А. Корф, бывший последним председателем «Комитета 2 апреля 1848 года» и ходатайствовавший перед императором о его за-

⁸³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1940. 1862 г. Л. 2–4.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1940. 1862 г. Л. 1.

⁸⁵ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 1–1об.

⁸⁶ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 2об.

⁸⁷ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 4.

крытии, дал согласие на расширение программы губернских ведомостей, но только для двух-трех губерний, чтобы на «опыте убедиться в пользе от сего для предназначенной цели и не поставить себя в необходимость потом снова стеснять эту программу»⁸⁸, как это было после высочайше утвержденного положения Комитета министров 22 февраля 1855 г. Невысокий образовательный уровень местного общества, его пассивность и поглощенность обыденными интересами, по мнению Корфа, обуславливали слабый и случайный интерес к газетному слову и, следовательно, снижали возможность влиять на умонастроения провинциальной публики. «Большая часть губернских ведомостей извела на опыте, до какой степени простирается равнодушие провинциального общества к чтению даже того, что непосредственно касается его материального благосостояния. Так, например ... распоряжения Главного комитета по крестьянскому делу и протоколы губернских присутствий и мировых съездов почти не увеличили числа подписчиков. То же самое будет, без сомнения, и впредь, пока не возбудится в большинстве провинциального общества сочувствия к науке, политике и литературе, или, другими словами, не возвысится в нем уровень образованности. До тех пор едва ли какое-либо расширение программы губернских ведомостей увлечет это большинство к их выписке, и оно в обыкновенное время еще долго будет довольствоваться, как теперь, изустными рассказами о всех более крупных явлениях внешней и внутренней нашей жизни, или запоздалым чтением разрозненных номеров газет, выпрошенных у соседа»⁸⁹. Те же лица, чьи интересы и устремления выходят за пределы повседневности, будут смотреть на казенное издание с предубеждением как на явную попытку правительства «наставлять и руководить», «парализовать в губернии всякое журнальное предприятие» и «оставить за собою одним монополию взгляда на факты и их оценки»⁹⁰.

Интерес к местным государственным изданиям в пореформенное время проявляли и оппозиционные правительству силы. Соратник А.И. Герцена, поэт и публицист Н.П. Огарев предлагал членам местных революционных организаций делать выписки из губернских ведомостей и пересылать их в Лондон издателям «Ко-

⁸⁸ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 16.

⁸⁹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 13об–14об.

⁹⁰ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. Л. 15об.

локола»⁹¹. Как показала в своем исследовании Л.П. Бурмистрова, «передовая разночинная интеллигенция охотно откликнулась на этот призыв и понесла свои материалы в местные ведомости, проводила там свои взгляды, несмотря на цензуру»⁹². Масштабный проект реформирования губернских ведомостей на выгодных (по мнению его автора) для правительства условиях предложил С.Н. Терпигорев – бывший студент юридического факультета С.-Петербургского университета, исключенный за участие в беспорядках (в будущем столичный фельетонист и беллетрист, автор очерков «Оскудение», принесших автору литературную известность). В конце 1862 г. С.Н. Терпигорев отправил в «Голос» большую статью «Губернские ведомости», в которой от лица «литературного сословия» предлагал правительству «крепкий союз» на основе передачи неофициальной части ведомостей в 60 губерниях способным «литературным каторжникам» из петербургских редакций. Этот десант из столицы должен был поднять ведомости до уровня местного литературного органа. Новый редактор, он же цензор неофициальной части, должен быть независимым от местной власти, получать жалованье не менее 1,5 тыс. руб. в год, отдельный гонорар за свои статьи и остаток сумм от издания губернских ведомостей. Выгоды же правительства заключались в получении непредвзятой информации с мест, разработке местных вопросов, сообщениях мнений жителей о распоряжениях местной администрации. В неофициальном отделе «должна выражаться жизнь народная, жизнь со всеми ее особенностями, достоинствами, недостатками». Всего слово «народ» и образуемые от него производные («народные потребности», «народная нравственность» и др.) употреблялись 29 раз. Обращение автора к правительству и его печатному органу с позиции долженствования («должно», «только в таком случае», «крайне необходимо» и т.д.) встречается в тексте 21 раз. Были намеки и на возможность через реформированные губернские ведомости противостоять идеям социализма и удерживать от оппозиционности местных либеральных публицистов⁹³. Иными словами, под предлогом (хотя и обоснованным) правительственной

⁹¹ Бурмистрова Л.П. «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права (на материале Поволжья и Урала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968. С. 1.

⁹² Там же. С. 3.

⁹³ РГИА. Ф. 777. Оп. 26. Д. 27. 1863 г. Л. 1–3.

пользы предлагался вывод казенной прессы из-под государственного контроля и преобразование сети уже существующих провинциальных правительственных газет в пока еще не существующую сеть провинциальных газет частного коммерческого характера. Слияние должности редактора и цензора означало де-факто проведение в их отношении принципа неподцензурности и приобретение газетами независимости в отношении местных властей. Ситуация первых пореформенных лет и без того была напряженной, поэтому не было ясно, какие «разъяснения всех явлений нашей внутренней, общественной жизни» будут давать «честные люди», вставшие во главе 60 газет империи, и в каком направлении пойдет «развитие» их читателей. Вероятно, по этой причине статья С.Н. Терпигорева не только не была принята во внимание, но и не была допущена санкт-петербургским цензурным комитетом к публикации.

10 марта 1862 г. Главное управление цензуры упразднилось, а функции светской цензуры разделялись между Министерством народного просвещения, в ведении которого оставалось наблюдение за изданиями, подлежащими общей цензуре, деятельность местных цензурных комитетов и отдельных цензоров, и Министерством внутренних дел, на которое возлагалось наблюдение за содержанием печатных изданий государственных учреждений. Губернские ведомости, как и все государственные издания, освобождались от общей цензуры, но над ними сохранялся правительственно-административный контроль. Губернаторы могли поручать исполнение цензорских функций «лицам по своему выбору, с тем чтобы в сомнительных только случаях лица сии обращались к цензорам Министерства народного просвещения, а где оных не полагается – к директорам училищ»⁹⁴. «Во временных правилах по цензуре» 12 мая 1862 г. перечислялись темы, запрещенные к печати, и сохранявшие свою силу предшествовавшие распоряжения по цензуре⁹⁵. 14 января 1863 г. цензурные комитеты и отдельные цензоры были переданы из

⁹⁴ Именной, данный Сенату, опубликованный 19 марта, о преобразовании цензурного управления и упразднении канцелярии Министра народного просвещения. 10.03.1862 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1865. Т. 37. № 38040. П. 5; *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 466–468; РГИФ. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. 1881 г. Л. 1–5 об.

⁹⁵ *Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. С. 469–482.

ведения Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел⁹⁶, а «Временными правилами о печати 1865 года» при МВД создавалось Главное управление по делам печати, ставшее основным учреждением цензурного ведомства Российской империи до 1917 года. Предварительная цензура столичных и всех правительственных изданий отменялась. В случае нарушения ими законов они подвергались судебному преследованию, а в случае «замеченного в них вредного направления» – административным взысканиям (что оставляло за государством возможность внесудебного воздействия на печать)⁹⁷.

В рамках реформы печати и цензуры П.А. Валуевым были реализованы предлагаемые им меры к расширению программы губернских ведомостей. 15 ноября 1863 г. Александр II утвердил соответствующее положение Комитета министров: в ведомостях, «в видах большего распространения их в народе и для возмещения издержек на их издание», было разрешено перепечатывать «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления» из официальных изданий – «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg». Заимствование статей из центральных правительственных органов избавляло их от цензуры на местах, предусматривалось лишь «наблюдение» за такими перепечатками со стороны вице-губернатора. Доходы от издания ведомостей по расширенной программе могли использоваться для вознаграждения редактора газеты⁹⁸. Согласно предложению II Отделения Е.И.В. Канцелярии, расширение программы губернских ведомостей осуществлялось «в виде опыта» и касалось только Костромской, Саратовской, Тамбовской, Курской и Черниговской губерний, но в дальнейшем, по ходатайствам губернаторов, в 1864 г. это положение было распространено на

⁹⁶ *Именной*, данный Сенату, о передаче цензурных комитетов и отдельных цензоров из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. 14.01.1863 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38. № 39162.

⁹⁷ *Именной*, данный Сенату, о даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати. 6.04.1865 ПСЗ. СПб., 1867. Собр. 2-е. Т. 40. № 41988; *Высочайшее* утвержденное мнение Государственного совета, о некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях. 6.04.1865 // ПСЗ. СПб., 1867. Собр. 2-е. Т. 40. № 41990.

⁹⁸ *Высочайшее* утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел, о расширении программы некоторых губернских ведомостей. 15.11.1863 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38. № 40271.

Вятскую, Пермскую, Олонецкую, Саратовскую, Тверскую, а в августе 1865 г. – на Томскую губернию⁹⁹.

С появлением новых пореформенных учреждений губернские ведомости стали публиковать информационные материалы, касающиеся их деятельности, – сметы, раскладки, годовые отчеты земских управ (по Положению о земских учреждениях 1 января 1864 г.); определения городских дум, отчеты городских управ о движении городских сумм, думские постановления по проблемам городского благоустройства, сметы городских доходов и расходов (по Городовому положению 16 июня 1870 г.)¹⁰⁰. 27 декабря 1866 г. Министерство внутренних дел по согласованию с Министерством юстиции удовлетворило ходатайства некоторых начальников губерний об открытии в губернских ведомостях «юридических отделов» для публикации стенографических отчетов о ходе судебных заседаний¹⁰¹.

Освобождение ведомостей от общей цензуры, допущение в них руководящих статей и статей на политические темы, общие либеральные настроения во власти и обществе привели к тому, что губернские ведомости де-факто стали развиваться вне пунктов разрешенной правительством программы, не ограничиваясь перепечатками из петербургских официальных газет¹⁰². В ведомственном секретном обзоре отечественной журналистики за 1863–1864 гг. отмечалось, что она отклонилась от задуманного правительством направления «благодетельной гласности» в сторону «одностороннего служения временным политическим, гражданским и общественным вопросам» и приобрела «одностороннюю наклонность к обличению, к самобичеванию»¹⁰³. Это касалось и губернских ведомостей, среди

⁹⁹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 38–39об., 40–42, 43–44об., 45–49об., 59–60, 73–74об.

¹⁰⁰ *Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати*. СПб., 1878. С. 206.

¹⁰¹ *Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 г., для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати*. Административные распоряжения. Часть вторая. СПб., 1870. С. 197; РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 370. Л. 1–3.

¹⁰² Например, в силу важности и остроты для центральных губерний в «Саратовских», «Казанских», «Нижегородских» и других ведомостях размещались критические материалы по крестьянскому вопросу (*Бурмистрова Л.П.* Указ. соч. С. 17–18; *Вульфсон Г.Н., Бурмистрова Л.П.* «Губернские ведомости» как источник для изучения антифеодальных взглядов просветителей эпохи падения крепостного права // *Очерки истории народов Поволжья и Приуралья*. Казань, 1967. Вып. 1. С. 200–217).

¹⁰³ *Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие в отечественной журналистике за 1863 и 1864 гг.* СПб., 1865. С. I, 208.

которых отличились «Пермские», публиковавшие сведения о безуспешных попытках миссионеров обратить раскольников в православие; «Владимирские», организовавшие полемику между частным и должностным лицами о злоупотреблениях в распределении квартирной повинности, и «Нижегородские», высказавшие мнение «о некоторой даже пользе коммунистических и социалистических учений»¹⁰⁴. Редакции «Воронежских» и «Московских» ведомостей, по наблюдениям МВД, вовсе «устраились от своего официального характера», пытаясь и по содержанию, и по способу изложения статей сравняться с частными столичными изданиями.

В июле 1863 г. губернаторы были предупреждены о недопущении оглашения в неофициальной части известий, которые заключают в себе «как нападки на администрацию вообще, так и критику деятельности местных учреждений или описания злоупотреблений губернских и уездных должностных лиц». Такие публикации определялись как «неуместные в правительственном издании местной администрации, предназначенном для служения интересам губернского и уездного управления, но отнюдь не для указаний на его несостоятельность». Об «упущениях» местной власти можно было писать только с ее же санкции, с указанием «принятых уже к уничтожению их мер и без всякой затем дальнейшей полемики по сему предмету...»¹⁰⁵. В августе 1864 г. последовало циркулярное предписание МВД начальникам губерний о недопущении полемики «между служащими лицами и правительственными учреждениями» в губернских официальных органах печати¹⁰⁶. В марте 1865 г. П.А. Валуев писал к своему заместителю А.Г. Тройницкому: «Вы бы много меня одолжили составлением циркулярного письма к губернаторам, чтобы обратить их внимание на “Губернские ведомости”. Они совсем не наблюдают за окраскою этих изданий! А между тем они, безусловно, обязаны ими заниматься. Они, например, допускают нападки на классические гимназии, появление всяких статей по крестьянскому делу и по земским учреждениям, не согласных с действиями министерства, и описание всяких провинциальных сканда-

¹⁰⁴ *Собрание материалов и направлении различных отраслей русской словесности...* С. 295–296.

¹⁰⁵ *Конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губерний, 31 июля, № 3.144 (Дело Совета министра по делам книгопечатания, 1863, № 13) // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1 сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 13–14.*

¹⁰⁶ *Циркулярное предложение министра внутренних дел начальникам губерний, 20 августа 1864 г. № 150 // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1-е сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 34.*

лов, с цензурной точки зрения более чем сомнительных. Надо положить конец всему этому»¹⁰⁷. Результатом этой просьбы стал секретный циркуляр МВД от 24 марта 1865 г., в котором обращалось внимание, что ведомости, в нарушение своей программы публикуют «мелочные сведения о разных местных беспорядках, неверные слухи, соблазнительные или скандальные рассказы о местных происшествиях ... толки о недостатках, неправильных или неосторожных действиях местной администрации или городской и земской полиции и т.п. сведения о действительных происшествиях, случившихся в губернии, часто облекаются в форму юмористических, насмешливых и полувывмышленных рассказов». При обнародовании правительственных постановлений и местных распоряжений ведомости «пускаются иногда в совершенно неуместные истолкования и дозволяют себе не только обсуждение, но и прямое осуждение мероприятий правительства». В одной губернии неофициальная часть выходила с заголовком «Газета земских и думных дел, общественная, политическая и литературная». Такая ситуация определялась как недопустимая, подчеркивалось, что органы правительства и местной администрации должны «существенно отличаться от частных изданий, предпринимаемых разными лицами с целью литературною, ученою, промышленною или просто спекулятивною»¹⁰⁸.

27 июля 1865 г. последовало второе конфиденциальное предложение МВД губернаторам с призывом «навести порядок» в деле издания ведомостей, которые, несмотря на неоднократные «подтверждения о неуклонном исполнении предписанной по закону для этих изданий программы», продолжают отступления от нее. При нарушениях «редакторами и цензурующими губернские ведомости чиновниками постановленных правил» губернаторы должны были прибегнуть «к немедленной их замене другими, более благонадежными лицами»¹⁰⁹. На протяжении 1866 г. Главное управление по делам печати накопило целое дело о выходе за рамки официальной

¹⁰⁷ Письмо П.А. Валуева к А.Г. Тройницкому, 15 марта 1865 г. // Русская старина. 1899. Сентябрь. С. 696.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 13. Л. 31–32 об; Ф. 776. Оп. 34. Д. 14. Л. 23–24 об; Циркулярное конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губерний, 24 марта, № 551 (Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1865 г., № 1) // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1-е сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 42–48.

¹⁰⁹ Конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губерний, объявленное циркулярно, 27 июля 1865 г., № 137 // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1-е сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 52.

программы губернских ведомостей Калуги, Перми, Вятки, Костромы, Смоленска и других городов¹¹⁰.

7 ноября 1865 г. Главное управление по делам печати относительно губернских ведомостей распространило разъяснение, что для них сохраняется цензорский просмотр «на основании прежде изданных по сему предмету правил» с обязательным обозначением на каждом экземпляре «цензорского дозволения»¹¹¹, т.е. ведомости не получали статуса полностью бесцензурных изданий и над ними сохранялся предварительный административный контроль. Если общая цензура (до ее отмены в столицах) могла допустить к печати обличительную статью или статью, содержащую вымысел, то цензура административная не могла их даже принимать к рассмотрению, как изначально входившие в противоречие с программой местной правительственной газеты¹¹².

В 1870 г. Министерством внутренних дел было дано согласие на печатание в одиннадцати ведомостях телеграмм, политических известий, хроники и т.д. Десяти ведомостям были даны разрешения на публикацию передовых статей, статей по общественным, научным и литературным вопросам¹¹³. Это можно расценивать как уступку со стороны цензурного ведомства, признавшего, что неофициальные части ведомостей продолжают развиваться вне рамок разрешенной законом программы как местные провинциальные общественные издания. В 1871 г. Главное управление, на основании наблюдения за 52 губернскими изданиями, вновь отмечало, что в ведомостях как по форме, так и по содержанию «в последнее время замечаются весьма часто отступления от правил» (например, сенатские указы и министерские циркуляры печатались после распоряжений местного начальства, неофициальная часть размещалась «в подвале» официальной части), в том числе допускаются публикации статей, которые «по характеру своему вовсе не уместны в официальных изданиях, как, например: слухи о разных действиях или предположениях правительства, статьи

¹¹⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 372. 1866 г. 28 л.

¹¹¹ По Главному Управлению по делам печати. 7 ноября 1865 г. № 453. Об обозначении цензорского дозволения на неофициальной части губернских ведомостей // Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 255.

¹¹² Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878. С. 191–193.

¹¹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 62об.

полемические и разного другого содержания...»¹¹⁴. В 1870–1871 гг. «Харьковские губернские ведомости» получили четыре замечания – за помещение в неофициальной части гласной жалобы и ответа на нее, передовую статью о внешней политике России с мнением редакции, статью о еврейском погроме в Одессе и статью «Что такое коммуна». В последнем случае неизвестный автор оправдывал происходившие во Франции революционные события, утверждая, что «для одних коммуна сделалась синонимом пугала, кровавого призрака террора, для других же – знаменем чести и свободы, святым словом любви и прогресса». «Саратовские губернские ведомости» за отчетный период заработали два замечания – по причине перепечатки из столичных бесцензурных изданий слухов о действиях правительства и за статью «Охота за обидами» – о появлении в Саратове со времени введения новых судебных учреждений «целого полчища адвокатов и поверенных по делам». Строгое взыскание за статью «Темные отношения», обличавшую местное земство в потворстве распространению холеры, получили цензор и редактор неофициальной части «Самарских губернских ведомостей». Допускались статьи полемического характера, литературного содержания и перепечатки из бесцензурных изданий в «Херсонских», «Ярославских», «Семипалатинских», «Владимирских», «Олонецких», «Донских» ведомостях¹¹⁵. Только те ведомости не дали «повода к особым замечаниям», которые ограничились «весьма скудным содержанием своей неофициальной части»¹¹⁶.

В 1871 г. член совета Главного управления по делам печати П.А. Вакар в своем докладе отмечал, что в связи с Франко-прусской войной и революционными событиями во Франции «Харьковские губернские ведомости» печатают передовые политические статьи, подробные известия о военных действиях, эпизоды из жизни и анекдоты о Наполеоне III и Бисмарке, перепечатывая их напрямую, с переводом, из французских, английских и немецких изданий. Кроме того, на страницах газеты допускались полемические статьи от лица

¹¹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 9. 1871 г. Л. 600об.–603об.; Ф. 776. Оп. 39. Д. 14. Л. 4–4об; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 385.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 16. 1872 г. Л. 22–25.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 16. 1872 г. Л. 25. Это губернские ведомости «Симбирские», «Тамбовские», «Черниговские», «Варшавские», «Калужские», «Келецкие», «Ломжинские», «Люблинские», «Петроковские», «Полоцкие», «Радомские», «Сувацкие» и «Седлецкие».

самой редакции и между различными частными лицами и обществами. «Симбирские губернские ведомости» в поисках заграничного материала, который мог заинтересовать читателя, обращались к «Московским ведомостям» и «Народной иллюстрации», «Саратовские» – к «Санкт-Петербургским ведомостям» и «Биржевым ведомостям», т.е. к изданиям, не входившим в короткий список постановления Комитета министров 1863 г. Мнение П.А. Вакара о том, что только «Правительственный вестник» может быть источником заимствования для губернских ведомостей, было в итоговой резолюции Главного управления смягчено – перепечатки могли быть и из других изданий, но при условии, «чтобы выбор и изложение таковых статей и известий строго соотнобразовывались с духом и направлением этой официальной газеты»¹¹⁷. «Харьковские губернские ведомости», перепечатавшие историческую статью о войне 1812 г. из «Московских ведомостей», вновь вызвали замечание со стороны П.А. Вакара в 1872 г., и в результате совет Главного управления по делам печати разрешил как «Харьковским», так и другим ведомостям перепечатывать исторические и археологические материалы из других газет, способствующие ознакомлению с историческим прошлым губернии¹¹⁸.

Стремление редакций ведомостей к расширению неофициальных частей своих изданий, в нарушение программы и в ущерб части официальной, привело к образованию в 1878 г. в Министерстве внутренних дел «Комиссии для пересмотра узаконений об издании губернских и областных ведомостей». Поводом к ее созданию стала инициатива с мест – письмо из Витебска с проектом «О замене губернских ведомостей более целесообразным провинциальным периодическим изданием и об упразднении губернских типографий», автором которого был коллежский ассессор А.И. Иверсен¹¹⁹. Вначале неприменимый председатель витебского уездного полицейского управления попытался обратиться в МВД через губернатора, но, получив отказ¹²⁰, направил свое мнение напрямую Л.С. Макову, обосновывая его не только необходимостью совершенствования информационного обеспечения полицейской части, но и опытом «прежних редакторских и типографских занятий»¹²¹. «Всем известно, – писал А.И. Иверсен, – что губернские ведомости везде составляют самое

¹¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 7. 1870 г. Л. 478–481об., 483.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 10. 1872 г. Л. 461–463.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 5–11об., 32–45об.

¹²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 3.

¹²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 49а.

незначительное, непопулярное и скучное периодическое издание. Поэтому публика не выписывает и не читает этих газет <...> Ключки губернских ведомостей встречаются везде, где только бывает нужны обертки, оклейки и обшивки»¹²². Главной причиной этого была несовременность их программы, однако, по мнению Иверсена, усиливать и расширять необходимо было не неофициальную часть, которая только снижала авторитет местного казенного органа¹²³, а, напротив, официальную, для придания ему строгого и обширного «хронологического сборника правительственных распоряжений, циркуляров, уведомлений, сведений и объявлений всех без исключения властей и мест целой губернии»¹²⁴. Такая программа по своему духу была близка первоначальному, преимущественно служебному характеру ведомостей как вместилищу правовой информации, но в новых условиях пореформенного управления. Неофициальная часть должна была приобрести необязательный характер в виде возможного приложения к ведомостям, редакция которых из упраздняемого газетного стола переходила в коллегиальный редакционный комитет, состоящий из местных представителей всех правительственных ведомств. Круг обязательных подписчиков расширялся за счет едва ли не всех хозяйствующих и правовых субъектов в губернии: промышленные и торговые заведения, трактиры и увеселительные места, аптеки, землевладельцы, домохозяева, негосударственные общественные организации и т.д., при этом «подписная цена на издание должна быть сколь возможно общедоступна и бедным классам людей»¹²⁵. Для экономии средств на издание губернские типографии должны были быть переданы в аренду частным лицам под именем «частных губернских типографий»¹²⁶.

Мнение Иверсена совпадало с мнением члена совета Главного управления по делам печати Н.В. Варадинова, который, исходя из своего двадцатилетнего служебного опыта, также утверждал, что в ведомостях «официальная часть помещается лишь ради одной фор-

¹²² РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 5–5об.

¹²³ «На задних столбцах каждого выпуска стали во множестве появляться разные беллетристические безделушки, мелкие рассказы, анекдоты, описания разным предметам и происшествиям, заимствуемые в столичных периодических изданиях, наконец, политические телеграммы и клочки политических рассуждений, выхваченных без толку и последовательности из “Правительственного вестника” наудачу...» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 7 об.)

¹²⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 8об.

¹²⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 10.

¹²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 11об.

мальности, во избежание явного нарушения предписаний о ней закона; вся же деятельность редакций этих изданий направлена на неофициальную часть, которая издается, однако, так, что Главное управление по делам печати было поставляемо в необходимость указывать на отступления этой части губернских и областных ведомостей от установленной для нее законом программы»¹²⁷. Согласно заключению совета Главного управления по делам печати, министр внутренних дел признал проект Иверсена «заслуживающим полного внимания» и благодарил за его сообщение¹²⁸. 18 августа 1878 г. МВД утвердило «Комиссию для пересмотра узаконений об издании губернских и областных ведомостей» в составе чиновников – от Главного управления по делам печати (Н.В. Варадинов, П.Д. Стремоухов), департамента общих дел (В.О. Игнатъев), полиции исполнительной (Д.Н. Чудовский), хозяйственного (А.И. Безперчий) и земского (В.В. Авилов) отделов¹²⁹. Для участия в работе «Комиссии» был вызван в Петербург и сам А.И. Иверсен. Из сохранившегося архивного дела не ясно, какие вопросы обсуждала «Комиссия» и какие предложения ее были выработаны. Общая внутриполитическая ситуация в стране менялась очень быстро. Л.С. Макова на его посту сменил М.Л. Лорис-Меликов, а министром нового правительства стал Н.П. Игнатъев. А.И. Иверсен вступил с министерством в настоящую переписку, отправив восемь записок и писем, расширявших и уточнявших проект переустройства ведомостей и губернских типографий, не забывая упоминать в них факт вынесенной ему в первый раз министерской благодарности. 7 февраля 1881 г. Варадинов отдельными письмами уведомлял всех членов «Комиссии» прибыть на заседание 12 февраля 1881 г., однако накануне, 11 февраля, уже предупредил, что заседание не состоится¹³⁰. Возможно, Александру II не удалось подписать не только первую российскую конституцию, но

¹²⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 18. 1878 г. Л. 316–316об.

¹²⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 15об. В черновом варианте письма была вычеркнута фраза о том, что министр «поручил Главному управлению по делам печати подробную разработку возбужденного вопроса». Очевидно, чтобы приоритет в этом деле принадлежал самому правительству, а не провинциальным прожекторам. Смелость своей инициативы при неравном иерархическом положении понимал и сам Иверсен, прибегая к разнообразным уважительным канцеляризмам: «...осчастливленный вниманием вашего высокопревосходительства к моему труду...» (л. 26об); «Один из мелких провинциальных чиновников позволяет себе, помимо губернского своего начальства, утруждать особу вашу настоящей почтительнейшей просьбой» (л. 48); «Позволяю себе повергнуть при сем на благоусмотрение вашего превосходительства при сем записку, прося о благосклонном вашем к этому труду внимании и о вашей ко мне милостивой благосклонности» (л. 57об).

¹²⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 16–21, 47.

¹³⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 49об–50.

и внести изменения в программу ведомостей (как это было сделано им в 1857 и 1863 гг.). Если сторонник «диктатуры сердца» М.Л. Лорис-Меликов посоветовал придать выраженные А.И. Иверсеном мысли «гласному обсуждению путем печати», то консервативно настроенный Н.П. Игнатьев ограничился отпиской о том, что в настоящее время происходит общий пересмотр положений о губернских и уездных управлениях. На последнем письме Иверсена в конце 1881 г. в Главное управление по делам печати была наложена недоуменная резолюция его нового начальника П.А. Вяземского: «Прошу объяснить, какая это комиссия?»¹³¹, а в 1884 г. департамент общих дел МВД запрашивал Главное управление, «в каком положении находится дело особой комиссии по пересмотру узаконений губернских и областных ведомостей?»¹³². Очевидно, что изменения в общем политическом курсе и смена состава правительства не могли не повлиять на отношение к этому вопросу, и деятельность «Комиссии для пересмотра узаконений об издании губернских и областных ведомостей» или постепенно сошла на нет, или прекратилась одномоментно. Игра в либерализм с вызовами в столицу из провинциальных городов закончилась, но губернские ведомости все-таки затронули изменения, касавшиеся порядка их цензурирования.

В начале своего правления, 30 сентября 1881 г., Александр III по докладу Н.П. Игнатьева освободил губернские и областные ведомости от предварительной цензуры как правительственные издания, «с тем, чтобы они издавались под ответственностью губернского начальства»¹³³. Причинами этого было не только формальное противоречие «Временных правил о печати 1865 года» уже отменявших предварительную цензуру всех правительственных изданий, с продолжившим существование порядком их предварительного просмотра губернаторами и вице-губернаторами (на это МВД обращало внимание II Отделения Е.И.В.), но и необходимость направить средства, выделяемые на вознаграждение чиновников, в действительности (а не по букве закона) осуществлявших такой просмотр, на цели цензурирования печати частной¹³⁴. В провинциальных городах, не имевших штатных цензурных учреждений, появлялись «весьма солидные органы печати, с широкими программами и богатым материалом для изучения мест-

¹³¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 60

¹³² РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 55. 1878 г. Л. 61.

¹³³ ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1. № 420; РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. 1871 г. Л. 11–11об.

¹³⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. 1881 г. Л. 1–3об.

ных условий быта и нужд населения»¹³⁵. В 1865 г., по подсчетам Главного управления по делам печати, таких органов было 19, а в 1881 г. – уже 81, в 49 городах, причем 20 изданий имели периодичность более трех раз в неделю¹³⁶. Высвободившихся, таким образом, средств все равно в итоге не хватило, и губернаторы в 80–90-х гг. ходатайствовали об учреждении должности отдельно оплачиваемого цензора. Так, например, в 1887 г. саратовский губернатор сообщал в МВД о том, что цензурирование «Саратовского листка» и «Саратовского дневника» осуществлялось отдельными советниками губернского правления, которые в возмещение потери времени и труда получали сверх ежегодно отпускаемых Главным управлением по делам печати 100 руб. в год, еще по 720 руб. от самих газет. Такой «установившийся годами практики порядок» губернатор признавал ненормальным – цензоры, находившиеся фактически на содержании у редакций, делали различные послабления и пропускали в печать статьи и известия, которые «при более правильной постановке цензуры не могли бы быть терпимы»¹³⁷.

Законодательная отмена предварительной цензуры для губернских ведомостей в 1881 г. вновь не освобождала их от контроля со стороны губернской власти. Главное управление по делам печати (как и при освобождении ведомостей от общей цензуры в 1862 г.) 29 октября 1881 г. распространило дополнительное разъяснение, что губернаторы и начальники областей должны принять «все зависящие от них меры к тому, чтобы придать местным официальным органам то значение и тот характер, которые требуют от них достоинство правительства и пользы дела», и вновь напоминало о том, чтобы в неофициальной части ведомостей не появлялись «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические перепечатки из частных изданий, известия и слухи о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания»¹³⁸. Циркуляр 30 апреля 1882 г. вновь воспроизводил формулировку о запрещении печатать в ведомостях «слухи о разных действиях или предположениях правительства»¹³⁹, а вслед за этим, с учреждением

¹³⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. 1881 г. Л. 4.

¹³⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. 1881 г. Л. 4об.

¹³⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 412. 1881 г. Л. 110–110об.

¹³⁸ Главное управление по делам печати. 29 октября 1881 г. № 4279. Об освобождении губернских ведомостей от просмотра предварительной цензуры // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 256.

¹³⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 14. Л. 128.

в С.-Петербурге 23 мая 1882 г. «Северного телеграфного агентства», МВД циркуляром от 5 декабря 1882 г. выдало разрешение на использование в ведомостях его сведений о внутренней и иностранной политике, общественной и экономической жизни¹⁴⁰.

В связи с распространением с конца 70-х гг. революционных брошюр (в том числе стилизованных по форме под лубочные издания) новое консервативное правительство от попыток направить губернские ведомости в нужное для себя русло перешло к созданию нового центрального охранительного органа для народа – «Сельского вестника». Кроме того, была активизирована работа по выпуску литературы религиозно-нравственного и патриотического содержания. В докладной записке В.П. Мещерского «Особому совещанию по вопросу об издании газеты для народа», созданному 30 июня 1881 г. по инициативе Н.П. Игнатьева¹⁴¹, выражалась тревога, что, «если сегодня правительство не позаботится о том, чтобы крестьяне размышляли правильно и ясно, завтра позаботятся о противоположном враги правительства, и почва крестьянского умственного мира может очень скоро уйти из-под влияния правительства, как ушла почва интеллигентов»¹⁴². «Сельский вестник» стал выходить с 1 сентября 1881 г. еженедельно и рассылался бесплатно начальникам губерний, волостным правлениям, исправникам, становым и другим представителям местной администрации. В 1882 г. тираж газеты достиг 24000 экземпляров, из которых почти 13,5 тысяч рассылались бесплатно. На издание газеты правительство тратило 15 500 руб. в год¹⁴³.

Итак, дав жизнь местной периодической печати, правительство взяло на себя функции контроля за собственной прессой, регламентируя те официальные и неофициальные сюжеты, которых могла касаться газета, и исключая распространение ненужных толков и слухов на основании прочитанного. Ведомости как сеть казенных изданий находились в ведении Министерства внутренних дел, структура и программа газеты, их изменение, порядок цензурного контроля регламентировались отдельными законоположениями и циркулярными предписаниями. В «Полном собрании законов Российской империи» за 1830–1881 гг. содержится более 30 узаконений, касавшихся ведомостей. Более 20 ос-

¹⁴⁰ М. К-ий. Провинциальная печать. Губернская пресса // Новое слово. Журнал научно-литературный и политический. СПб., 1896. № 12. С.11.

¹⁴¹ Блюм А.В., Кельнер В.Е., Патрушева Н.Г. Издание «книг для народа» // Книга в России. 1861–1881 : в 3 т. / под общей ред. И.И. Фроловой. М., 1991. Т. 3. С. 7–28.

¹⁴² РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 18. 1881 г. Л. 371об.

¹⁴³ Блюм А.В., Кельнер В.Е., Патрушева Н.Г. Издание «книг для народа» ... С. 21–22.

новых циркуляров цензурного ведомства за этот период разъясняли, дополняли и корректировали законодательный статус ведомостей.

Губернаторы и редакторы ведомостей могли получать замечания и наставления от цензурного ведомства, наравне с издателями и редакторами частных изданий, если газета выходила за рамки программы и нарушала цензурный устав, но губернские ведомости развивались в особых условиях – при законодательно обусловленном существовании Министерство внутренних дел не могло приостановить или запретить ведомости, имея возможность только административного влияния на редактора, вплоть до его замены. При бюджетном финансировании не был для ведомостей, как для частного издания, так жизненно важен вопрос тиража. Предложение о передаче губернских типографий (обремененных обязательными заказами) и губернских ведомостей (испытывавших хронический кризис неплатежей со стороны обязательных подписчиков) в частные руки не могло найти поддержки. Сомнительным это было и с точки зрения государственной пользы – если смотритель типографии, он же начальник газетного стола, входил в систему губернского управления, был лицом зависимым и подконтрольным, не имеющим права отказать в высылке ведомостей и публикации начальственных распоряжений, несмотря на имеющиеся долги, то рассчитывать на то, что частное лицо будет постоянно входить в затруднительные материальные положения чиновников, не приходилось. Такой рычаг внеэкономического воздействия, как взыскание по службе, оказывался недействительным.

Разнообразие и степень разработанности «относящихся до местности сведений», отношение к газете губернской власти, личность редактора, активность провинциальной образованной общественности приводили к тому, что неофициальные части губернских ведомостей опережали юридические рамки своей программы, в которые с завидным постоянством в 60–70-е гг. пытались ее вернуть циркуляры Главного управления по делам печати. Следует также отметить, что и сама эта программа, содержащая разнообразные и общие пункты, могла трактоваться расширительно и задавала довольно подвижные границы для наполнения. Получив «выговор из Петербурга», губернские ведомости вновь возвращались в прежние пределы, но как только инцидент забывался, а власть менялась, появлялась возможность, что называется, замесить новое тесто, которому становилось тесно в законодательно определенной «кадке»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Так, например, в 1871 г. «Саратовские губернские ведомости» за статью о «немце, надувшем русского» лишились своего редактора Вишневого и от публикации местной

2.3. ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ В 1901–1916 гг.

В начале XX в. губернские и областные ведомости как составные части системы правительственной периодики вновь обратили на себя внимание властей. В январе 1901 г. при Главном управлении по делам печати, возглавляемом князем Н.В. Шаховским, была создана «Комиссия для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» под председательством главного редактора «Правительственного вестника», поэта и писателя К.К. Случевского. Основное назначение «Комиссии» – обновление программы ведомостей в соответствии с новыми общественно-политическими условиями, приведение их к единообразию и установление информационного взаимодействия как между ведомостями, так и с «Правительственным вестником» как головным органом¹⁴⁵. Для ознакомления с положением на местах с 9 по 19 апреля 1901 г. в столице был проведен съезд редакторов провинциальных правительственных газет. Прибыло 16 человек – из Витебска, Гродно, Калуги, Екатеринодара, Нижнего Новгорода, Олонца, Перми, Ярославля, Полтавы, Тамбова, Тулы, Харькова, Могилева, Митавы, Владикавказа, Ташкента. Заочно (в виде писем в «Комиссию») были представлены «Саратовские», «Екатеринославские» и «Вятские» губернские ведомости. Делегатов от Сибири не было, азиатскую часть России

корреспонденции, фельетонов и рецензий возвратились вновь к объявлениям, но с 1879 г., когда редактором стал председатель статистического комитета А.И. Соколов, на страницах газеты стали помещаться статьи по истории, археологии и этнографии, а в 1888 г. саратовский губернатор А.И. Косич поставил перед новым редактором Н.Ф. Хованским задачу сделать «Саратовские губернские ведомости» изданием для народного чтения (*Скрипичин В.А.* «Саратовские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1838–1894 гг. Саратов, 1895. С. 6–9); Аналогичный пример находим в отношении «Кубанских областных ведомостей», на страницах которых в 1881 г. начальник Кубанской области Н.Н. Кармалин (как в 1858 г. Н.Н. Муравьев в Иркутске) призвал всех желающих «обличать все темное, изучать и поучать». В результате в 1883 г. редактор «Кубанских областных ведомостей» Е.Д. Фелицин решением суда был приговорен к штрафу по обвинению в диффамации за помещенные в газете корреспонденции. После чего кубанская официальная газета «значительно как-то поублекла», но с 1889 г. ее программа вновь стала расширяться, а с 1893 г. она вступила в «период преобразований или живого слова», продолжавшийся до 1902 г. (*Городецкий Б.М.* По поводу 50-летия издания «Кубанских областных ведомостей» (1863–1913): Библиографический набросок // Кубанский сборник на 1914 г. Екатеринодар, 1914. Вып. 19. С. 631–644).

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 1–4.

представляли только «Туркестанские ведомости», выходившие под редакторством капитана С.А. Геппенера¹⁴⁶.

Программы 73 губернских и областных ведомостей были сведены помощником правителя дел Главного управления по делам печати Н.А. Агаповым в таблицу и демонстрировали совершенное разнообразие по содержанию, подписной цене и периодичности. Шестнадцать изданий выходили ежедневно, от двух до четырех раз в неделю – 43, еженедельно – 14. Более высокий уровень периодичности, по замечанию С.И. Гольдфарба, свидетельствовал о том, что газета «имела неплохое экономическое положение и могла печататься в таком напряженном режиме, обладала достаточным составом редакционных работников»¹⁴⁷. Подписная цена колебалась от 2 (неофициальная часть «Саратовских губернских ведомостей») до 10 руб. («Харьковские губернские ведомости»). По содержанию официальные газеты разделялись на три группы – «ничем не отличающиеся как по формату, так и по содержанию от частных изданий» («Харьковские», «Пермские» и «Витебские» губернские ведомости); специализированные как «народная газета» («Саратовские») или как сельскохозяйственная («Вятские») и, наконец, строго придерживающиеся установленной законом программы¹⁴⁸.

Участникам съезда было предложено ответить на 29 вопросов относительно текущего положения вверенных им газет. В результате выяснилось, что в большей части ведомостей было два редактора – один для официальной, другой для неофициальной части. Редактор официальной части, со штатным окладом 750 руб., был одновременно начальником газетного стола, а иногда и смотрителем губернской типографии. Редакторы неофициальной части, как правило, работали в одиночку и находились в «исключительно хороших условиях» лишь в Витебске, Перми, Тамбове и Харькове. Достаточное вознаграждение получали редакторы неофициальных частей «Кубанских», «Терских» и «Туркестанских» ведомостей. Редактор «Люблинских губернских ведомостей» вовсе ничего не получал за свой труд, а «Архангельских губернских ведомостей» – 25 руб. в месяц за редактирование, коррекмирование и на гонорар сотрудникам. Оплата корреспондентам существовала в «Пермских», «Витебских», «Пол-

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 136–136об.; Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 5–6, 19–19об., 20, 21, 52.

¹⁴⁷ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002. С. 220.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 62, 65.

тавских», «Олонецких», и «Тульских» ведомостях. На вопрос о том, имеется ли возможность привлечения местных литературных сил, большинство вызванных редакторов отвечали, что их «почти везде достаточно и что все дело в материальных средствах»¹⁴⁹.

Вице-губернатор Херсонской губернии В.П. Урусов предложил издавать ведомости не менее трех раз в неделю, поскольку это увеличит количество объявлений и сделает их публикацию более оперативной для заинтересованных лиц. Кроме того, он предлагал обязать все коммерческие организации, находящиеся в данной губернии, публиковать свои отчеты и балансы только в губернских ведомостях, а не в частных изданиях¹⁵⁰. В этом отношении «Комиссия» приняла решение совместно с «Правительственным вестником» (в котором также около 1/3 учреждений не печатали своих обязательных объявлений) подготовить список «уклоняющихся» коммерческих структур.

Редактор неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» А.В. Ивановский, аттестовавший себя как «газетный труженик с далекого Севера», на основании списка причин, не позволявших вывести руководимое им издание «на надлежащую высоту», предлагал следующее: придать ведомостям повсеместно ежедневный характер; печатать в неофициальной части не только руководящие статьи по местным вопросам, но и общегосударственного характера¹⁵¹, в соответствии с положениями теории официальной народности¹⁵²; предоставить редактору и корреспондентам возмож-

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 63–64.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 51–52об.

¹⁵¹ «Один местный элемент уже не в состоянии удовлетворить современного читателя губернских ведомостей, и пример лучших из них показывает (таковы ведомости “Харьковские”, “Пермские”, “Витебские”, “Енисейские”, бывшие “Подольские”, “Иркутские”, бывшие “Ярославские”, “Полтавские”, “Бессарабские”, “Вятские”, “Гродненские”, “Кубанские”, “Саратовские”, “Нижегородские”, “Тульские”, “Олонецкие”, “Калужские”, “Тверские”, “Бакинские”, “Могилевские” и др.), чем должны быть губернские ведомости, а именно: опрятной, хорошей газетой, свободной от узкой партийности и тенденциозности, свойственной частным изданиям, в которой отводилось бы достаточно места для служения насущным интересам и для выяснения местных нужд и польз, но отнюдь не исключительно местной газетой» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 60).

¹⁵² «...желательно, чтобы газета во всех отношениях служила верным и возможно полным отражением и истолкователем жизни местной, отечественной и заграничной, придерживаясь направления, усвоенного “Правительственным вестником” и лучшими из губернских ведомостей других губерний и имея девизом полную преданность основным началам, на которых зиждется могущество, величие и слава России, именно Православию, Самодержавию и Русской Самобытности, не рабски преклоняющейся пред всем инозем-

ность критиковать деятельность местных властей¹⁵³; освободить губернские типографии с оборотом менее 25 тыс. руб. от сборов и налогов и выплачивать им государственные субсидии за бесплатные типографские работы; увеличить вознаграждение редактору неофициальной части за счет 15–20 % отчислений от подписной платы и 15 % от платы за объявления; предоставить редактору неофициальной части права государственной службы; предусмотреть гонорар местным корреспондентам (минимум по 1 коп. за строчку); смягчить положения закона о литературной собственности, т.е. расширить возможности перепечаток статей из неофициальных частей других ведомостей; обращаться напрямую в Главное управление по делам печати с рукописями, не пропущенными местной цензурой; возложить ответственность за статьи в неофициальной части на редактора, а не на цензора, чтобы последний не мог иметь права на изменение их содержания; предоставить редакции право бесплатной пересылки почтовой корреспонденции и бесплатного получения «Правительственного вестника»; сделать возможным выпуск некоторых номеров губернских ведомостей с иллюстрациями, планами и картами¹⁵⁴.

Ничего конкретно не предлагая, но с пространным и проникновенным письмом «Как погибли “Екатеринославские губернские ведомости”», обратился к «Комиссии» их редактор П. Соляный (Южный). Из этого текста узнаем, что в Екатеринославле с появлением частных изданий в 80-х гг. губернские ведомости уже «не могли, как прежде, замыкаться в узкие рамки мертвенной казенщины и, постепенно освобождаясь от оков рутины исключительно формального отношения к делу бывших канцеляристов, точно в насмешку обзываемых “редакторами”, превратились, наконец, из чахлах “ведомостей” в довольно обстоятельную с разнохарактерным содержанием бойкую “газету”». Тем не менее «Екатеринославские губернские ведомости» не смогли выдержать конкуренции с частными газетами и к началу века «погибли»¹⁵⁵.

ным, а сознательно выбирающей лишь одно хорошее, полезное и в научном смысле бесспорное» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 62).

¹⁵³ «...согласно с видами Правительства, для укрепления в народе добросовестности и правосознания предоставить губернским ведомостям более свободы в борьбе с хищничеством и неправдой всякого рода, в искоренении злоупотреблений, в обличении и раскрытии всевозможных язв и недугов текущей действительности» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 62об.).

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 55–63об.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 94–106.

С точки зрения окупаемости издания все участники съезда удостоверили факт, что это дело «никогда не дает убытка», но прибыль колебалась в зависимости от подписки, количества объявлений и розничной продажи. Наибольшее число подписчиков было у «Пермских» (1 507 обязательных и 3 090 необязательных) и «Харьковских губернских ведомостей» (500 обязательных и 3 800 необязательных). Розничная продажа была значительна у тех изданий, которым был разрешен выход по расширенной программе. Наибольший доход от объявлений получили в 1900 г. «Харьковские губернские ведомости» – 27 тыс. руб., «Пермские» – 20 тыс. руб., «Полтавские» – 15 тыс. руб. и «Витебские» – 12 тыс. руб. Однако в большинстве случаев (10 из 16) доходы от издания газеты и частных заказов шли не на улучшение издания и развитие типографии, а на пособия и награды чиновникам губернского правления. Единогласно было отмечено, что губернские правления «оказывают тягостное как нравственное, так и материальное влияние на развитие неофициальной части ведомостей».

При обсуждении желательных изменений в программе ведомостей «Комиссия» единогласно высказалась за одного редактора как официальной, так и неофициальной частей с жалованьем от 300 до 1 200 руб. в год и помощником, получающим от 600 до 1 500 руб. (в этом случае должность начальника газетного стола упразднялась за ненадобностью). Редактор должен был находиться в прямом подчинении у губернатора и назначаться им с уведомления Главного управления по делам печати. Также было признано желательным «ходатайствовать о возможно быстром сообщении в ведомостях известий от представителей местной администрации о текущих событиях в их ведомствах».

Организационно и финансово ведомости должны были быть отделены от губернской типографии, в ведении которой оставались только исполнение заказа на набор и тиражирование. Минимальный бюджет издания на основании собственных доходов оценивался в 20 тыс. руб., без отпуска каких-либо сумм из государственного казначейства. Предусматривалось издание обеих частей ведомостей – официальной и неофициальной – совместно на одном листе, с периодичностью 6 раз в неделю. Особое мнение на этот счет высказал редактор неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» В.А. Скрипицын, который в своем письме указал, что необязательные подписчики в этом случае могут предпочесть частную газе-

ту, свободную от лишнего официального «балласта». Редактор «Туркестанских ведомостей» С.А. Геппенер ввиду недостатка средств на оплату авторских материалов призвал «не форсировать, вопреки местным условиям, газету, вынуждая ее выходить ежедневно, а предоставить вопрос о сроке выхода решению на месте»¹⁵⁶.

Разнообразные мнения были высказаны в отношении пунктов о содержании неофициальной части губернских ведомостей, которые должны были быть положены в основу для изменения программы всех официальных изданий. Дискуссию вызвал вопрос, что должны сообщать ведомости – оценку событий и, значит, личные взгляды редактора или исключительно факты? Должна ли газета освещать исключительно местные вопросы или касаться и общегосударственных?

Н.А. Озеров, редактор неофициальной части «Вятских губернских ведомостей», в письме к К.К. Случевскому предлагал прежде всего освещать не общие вопросы, находящиеся в ведении столичной прессы, а развивать отделы местной хроники и корреспонденций, «чтобы дать верное описание жизни всех уголков губернии». Редакция газеты должна быть расширена до 5–6 человек, «тогда только возможно будет разобраться во всем материале, выбрать интересное для печати и дать в каждом номере несколько самостоятельных статей и заметок». Для постановки дела на новых основаниях возможна была сдача газеты в аренду частным лицам. В качестве доказательства того, что, несмотря на обилие дешевых частных изданий, потребность в губернских ведомостях существует, Озеров приводил факт, ставший возможным благодаря его собственной деятельности: увеличение платных подписчиков газеты с 32 до 1 500¹⁵⁷.

Вопрос об усилении через губернские ведомости определенной общегосударственной правительственной линии остро ощущался в северо-западных губерниях. По мнению гродненского губернатора Н.П. Урусова, в целях контрпропаганды идеям польского национализма ведомости должны представлять русские интересы, внушать мысли о превосходстве православного вероисповедания и преданности самодержавию¹⁵⁸. В записке Урусова затронут был и еврейский

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 65–71об.; Ф. 785. Оп. 1. Д. 55. 1901. Л. 190.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 109–112.

¹⁵⁸ «...неофициальный отдел газеты должен быть расширен предоставлением права помещать в нем самостоятельные руководящие и другие статьи соответствующего видам Правительства направления, что особенно важно ввиду пропаганды, поддерживаемой

вопрос – через ведомости необходимо было проводить идеи устройства ссудно-сберегательных касс и потребительских кооперативов для противодействия «захвату евреями» местной промышленности и торговли¹⁵⁹.

В результате публикация в ведомостях «статей общего характера» была признана необходимой, но преимущество отдавалось все же местным вопросам. При этом подчеркивалось, что при освещении и тех и других следует руководствоваться «строго проверенными данными». При наличии частных газет, имеющих определенную «партийную» окраску, оценки, даваемые через правительственный орган событиям местной жизни, могли пониматься читателем как беспристрастные и объективные, «стоящие вне всяких партийных интересов». В то же время было признано необходимым оставить внешнеполитический отдел только в виде фактических обозрений, без личных рассуждений автора или редактора.

При обсуждении такого непростого вопроса, как «соответствует ли характеру ведомостей критическое отношение к правительственным и административным мероприятиям и распоряжениям», большинство мнений склонилось к допущению такого обсуждения, «но в тоне почтительном и дружелюбном». «Комиссией» была даже выработана формулировка, которая могла войти в новое законоположение о губернских ведомостях: «В губернских ведомостях могут быть обсуждаемы правительственные и административные мероприятия, но отнюдь не в отрицательном смысле». Схожая формулировка, не умаляющая значения и влияния ведомостей, была принята и в отношении полемики с частными печатными органами: «Пolemика в губернских ведомостях допускается только по вопросам местным или для восстановления фактической стороны вопроса, но отнюдь не по вопросам личным и непременно в спокойном тоне». Совершенно непригодными жанрами для ответа возможным оппонентам были признаны шарж, памфлет и сатира. Другие самоограничения в программе касались беллетристических произведений. Они могли публиковаться только в том случае, если они не направлялись на оскорбление религиозных чувств, не посягали на «добрую нравственность» или не подрывали уважение к закону, государствен-

в Западном крае, посредством распространения в народе убеждений, вредных в интересах русского дела. В них, между прочим, проводится мысль, что губернии этого края искони составляли часть бывшей Великой Польши, что в бывшее время население края исповедовало католицизм...» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 104об.–105).

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 104–105об.

ному порядку и властям. Судебная хроника приводилась без обсуждения судебных решений и без отчетов «о пикантных процессах».

Порядок цензурного просмотра ведомостей должен был соответствовать «высочайшему повелению» 1881 г., освобождавшему их от предварительной цензуры как издания правительственные. В то же время последовавший в этом же году циркуляр Главного управления по делам печати предусматривал «непосредственное наблюдение» за содержанием неофициальной части со стороны начальников губерний, что давало им основание требовать газету к себе на цензуру. Поскольку, по мнению «Комиссии», редакторами ведомостей являются лица, «облеченные личным доверием губернатора и получающие непосредственно от него указания», то приоритетным является указ 1881 г., а не разъяснение Главного управления по делам печати¹⁶⁰.

Деятельность «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г. широко освещалась на страницах столичных и провинциальных газет. Мнения разделились практически поровну: в 16 публикациях авторы высказывали критические суждения относительно целесообразности и перспектив реформы губернских ведомостей¹⁶¹, в 17, напротив,

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 73об.–77.

¹⁶¹ «Нет, не могут быть “Губернские Ведомости” проводниками *всякой* культурной идеи, не могут они даже хотя бы только и просто отражать местную жизнь с необходимой правдивостью» (Далин. Чем они не могут быть... // Россия. № 696); «... в их существовании есть серьезное зло; прежде всего они, несомненно, тормозят развитие частной периодической печати...» (Свой. Губернские ведомости // Русское слово. № 92); «Могут ли они обсуждать с известной прямоотой какой-нибудь вопрос в духе, несогласном с взглядами на это вопрос центрального ведомства, могут ли они свободно разбирать и освещать новое мероприятие, законодательный акт?» (Свой. Еще о “Губернских Ведомостях” // Русское слово. № 94); «... реформа “Губернских Ведомостей” сильно задержала бы рост провинциальной печати и создала бы нежелательную монополию печатного слова» (Свой. О “Губернских Ведомостях” // Русское слово. № 95); «... пусть лучше “Губернские Ведомости” будут только “Губернскими Ведомостями”, а газеты пусть издаются не губернским начальством, пусть и редактируются, и составляются не чиновниками (хотя бы и по вольному найму), а свободными писателями» (Далин. Чем они должны быть... // Россия. № 701); «... местная печать представлена “Ведомостями”, которые, конечно, следует отнести к суррогатам гласности» (Новое время. № 9022); перепечатки из статьи «Нового времени», «К вопросу о преобразовании губернских ведомостей» («Приднепровский край». № 1163); «... скучно, очень скучно и даже для здоровья не безопасно читать постоянно и подолгу “Губернские Ведомости”» (Среди обывателей // Новости. № 98); «... не полезнее бы было создать условия, при которых частная печать могла бы выполнить эту культурную миссию; а непроизводительные затраты, какие вызвало бы издание “Губернских Ведомостей”, употребить на содержание отдельных цензоров» (Бессарабев. № 94); «“Губернским Ведомостям” лучше всего оставаться тем же официальным органом для печатания распоряжений, циркуляров и движений по службе, каковым они и были до сих пор» (Южанин. № 93); «Искусственное развитие неофициального отдела губернских ве-

одобряли возможные преобразования и формулировали свои предложения по улучшению положения местной правительственной газеты¹⁶². В «большой прессе» («Россия», «Русское слово», «Санкт-

домостей может сослужить лишь очень дурную службу серьезному делу насаждения провинциальной печати...» (Бывший редактор. К реформе губернских ведомостей // Биржевые ведомости. № 97); «Пока “Губернские Ведомости” будут оставаться казенным органом, руководимым губернскими чиновниками, больше помышляющими о типографских суммах, чем об интересах их подневольных подписчиков, – надежды на их прогресс не много» (Южный край. № 6990); «... “Ведомости” ни на шаг не подвинулись вперед в смысле своего внутреннего содержания, которое по-прежнему почти целиком исчерпывается правительственными распоряжениями, объявлениями о перемещении чиновников, сообщениями о пожарах по губернии и т.п.» (Александр Коротнев. По предполагаемой реформе «Губернских ведомостей» // Санкт-Петербургские ведомости. № 105); «Издание губернских ведомостей, будучи вполне обеспечено в материальном отношении казенными объявлениями, тормозит местные газеты всевозможными путями...» («Ни газета, ни приказ» // Новое время. № 9047); «... они служат прекрасным средством для самовосхваления разных губернских деятелей из “начальства” их подчиненными, и случается, что такие рекламы способствуют даже повышению в служебной карьере» (В. Исполатов. Казенная газета и губернская типография // Биржевые ведомости. № 134); «Губернским ведомостям их неофициальная часть совершенно не нужна, они не знают, что с ней делать? И отлично, – отдайте эту часть земским работникам» (Провинциал. Губернские земские ведомости // Санкт-Петербургские ведомости. № 178).

¹⁶² «Ведомости, если их надлежало поставить, должны явиться примером спокойной, справедливой в своих суждениях и отзывах газеты, ставящей себе одну цель – выяснение всего специального значения местных интересов в согласии с интересами общегосударственными» (В. В-нь. Интересы дня // Новости дня. № 6391); «... мы с глубокой признательностью вспоминаем ... наших почтенных корреспондентов, являвшихся выразителями местных нужд и сделавших “Могилевские губернские ведомости” местным органом. Им мы обязаны авторитетным признанием полезности наших “Ведомостей”...» (Могилевские губернские ведомости. № 22); «Задача “Губ. Вед.” – служить местным губернским органом для изучения губернии, органом для местного статистического комитета, который, по идее его учреждения, должен составлять как бы местное *ученое* общество губернии...» (N.N. «Губернские ведомости» и губернские статистические комитеты // Россия. № 705); «Сознательно относящийся к делу редактор “Губ. Вед.” смотрит на свои обязанности гораздо шире, в особенности, если он знает свой край: пред его кругозором встает такая масса серьезных вопросов по выяснению духовных и материальных нужд населения, что критика – может быть, и не всегда удачных, но во всяком случае временных и скоропреходящих – распоряжений местной администрации, при наличности вопросов первой важности, совсем не входит в его программу» (Могилевские губернские ведомости. № 23); «... “Губернские Ведомости” и губернские типографии далеко не составляют тормоза частным издательским или типографским предприятиям в провинции» (Губернские ведомости // Волгарь. № 97); «Харьковские, вятские, полтавские, кубанские, ломжинские и еще некоторые другие ведомости насчитывают своих подписчиков тысячами только потому, что увеличили свои неофициальные отделы» (Б. Богданович. Еще по вопросу о реформе «Губернских ведомостей» // Бессарабские губернские ведомости. № 81); «... никто и не говорит о том, что среди “губернских” литераторов сидят какие-нибудь гении, какие-нибудь выдающиеся мудрецы. Нужно лишь, чтобы оказались самые простые, честные люди, умеющие грамотно выражать свои мысли и понимающие местные нужды» (С. О., «Новости дня». № 6406; перепечатка из «Новостей дня» «К вопросу о реформе “Губернских ведомостей”» // «Пермские губернские ведомости». № 89); «Собравшейся

Петербургские ведомости», «Новое время», «Биржевые ведомости») высказывалось опасение, что поддержка государством губернских ведомостей и расширение их программы повредят развитию местных частных изданий, приведут к монополизации печатного слова в руках администрации. Делая акцент на необходимости развития свободной, критически настроенной частной печати, неофициальной части ведомостей в их современном и будущем реформированном виде отказывалось в наименовании «газета» как органе, способном отражать и выражать какие-либо общественные идеи. Так же, как в 1862 г. С.Н. Терпигорев, авторы заметок предлагали поставить во главе неофициальных частей частных независимых лиц или передать их в распоряжение земств, что фактически означало свертывание проекта региональных государственных изданий. Немногочисленные центральные издания («Новости дня», «Курьер»), а также сами губернские ведомости, вставшие на свою защиту («Могилев-

комиссии, следовательно, предстоит обсудить прежде всего именно вопрос об условиях, тормозящих развитие "Губернских ведомостей". При устранении этих условий они явятся столь же желанным гостем читателя, как и всякая частная газета...» (Реформа «Губернских ведомостей» // Курьер. № 109); «Хорошо поставленная губернская газета делается необходимою для каждого грамотного жителя губернии и послужит целям самообразования, а с ним и росту губернии и подъему сил и способностей населения» (Н. Озеров. «Реформа губернских ведомостей» // Приложение к «Вятским губернским ведомостям». № 43); «... некоторым губернским ведомостям удастся по интересу и количеству материала несколько не уступать даже более или менее солидным частным провинциальным органам» (Г. Хмаров // Приазовский край. № 103); «... частная печать, так нестесняемо сама и все себе без всяких исключений выдающая похвальный лист, приговаривая в то же время официозную к смертной казни, разве в силах доказать, что слово частный равнозначнее слову – *честный*...» (Старый провинциальный журналист. Ведают ли что творят? // Пермские губернские ведомости. № 88); «Нет, не уничтожения "Губернских ведомостей" следует желать, а допущения сдачи их в аренду частным лицам, хотя бы и с казенными типографиями вместе» (Еще к вопросу нужны ли губернские ведомости // Приложение к «Вятским губернским ведомостям». № 46); «Эта комиссия оставит, несомненно, большой след в истории Губернских Ведомостей. Имевшие счастье участвовать в ней редакторы Ведомостей увезли с собою, в свои провинциальные углы, самые радужные надежды относительно будущего того дорого дела, которому они служат...» (Комиссия по пересмотру действующих правил об издании Губернских Ведомостей // Олонецкие губернские ведомости. № 46); «Пора бы уже понять, что дело не в чиновнике, а в *человеке*, что и не чиновник-литератор может быть великая бездарность, дрянь и пустомеля и что, наоборот, литератор-чиновник может оказаться на высоте писательского звания, и с большим талантом и умением вести газету» (О Губернских Ведомостях // «Саратовские губернские ведомости». № 31; «Газета [губернские ведомости] должна быть проводником в местную жизнь *здоровых, трезвых и честных* взглядов, заботиться о разных сторонах *общего блага и порядка* в жизни» (Еще о «Губернских ведомостях» // Саратовские губернские ведомости. № 38); «Выработанные комиссией правила имеют в виду создание в провинции таких печатных органов, которые являлись бы чуждыми всякой тенденциозности и служили бы целям народно-просветительным» (Уфимские губернские ведомости. № 135).

ские», «Бессарабские», «Вятские», «Пермские», «Олонецкие», «Терские», «Саратовские», «Уфимские»), напротив, утверждали, что при отсутствии или неразвитости провинциальной частной прессы обновленные губернские ведомости с уже имеющейся материальной базой и привлечением местных интеллектуальных сил смогут выполнять функции освещения местной жизни и выражения местных интересов, а их официальный характер уберезит газету от ангажированности и служения партийным интересам. Редакторы ведомостей резонно возражали, что чиновник-литератор ничуть не хуже свободного журналиста (слово «частный» не равнозначно слову «честный»), и его деятельность на посту редактора свободна от внешних влияний в той же степени, как и в частной газете, где редактор зависит от учредителя и издателя. Если же ведомости, по мысли столичных газет, могут препятствовать развитию частной печати, то, стало быть, они не стояли на месте в своем развитии и представляют интерес для своих подписчиков. Наличие независимого органа губернской администрации нарушает монополию «взгляда на факты» самой частной прессы и может только способствовать конкурентным с нею отношениям, от чего в конечном итоге выигрывал только читатель, получающий возможность выбирать и сравнивать.

На заключительном, восьмом, заседании «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» была сформулирована новая редакция программы газеты, которая должна была войти в «Учреждение губернских правлений» (Т. 2, ч. 1, ст. 453, 460, 532–594) Свода законов Российской империи¹⁶³. Вносились существенные изменения в сами основные цели издания: «1) для скорейшего обнародования распоряжений губернского начальства и других известий, следующих к всеобщему сведению или исполнению; 2) для выяснения как общих, так и преимущественно местных вопросов на основании строго проверенных данных и 3) для просветительных целей вообще»¹⁶⁴.

В 1903 г. цензор А.В. Верещагин представил новому начальнику Главного управления по делам печати Н.А. Звереву докладную записку о реформировании губернских ведомостей, составленную на основе положений, выработанных «Комиссией». Газета должна быть сориентирована на широкую крестьянскую среду с целью «проведения в жизнь начал правды и добра», поддержания «непо-

¹⁶³ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 77об.–80; РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 55. Л. 186.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 55. Л. 189–189об.

колебимого сознания национальной русской мощи в тесной связи с существующими у нас основаниями народной жизни»¹⁶⁵. Однако несмотря на большой объем проделанной работы и общественный резонанс, сформулированные на основе личного редакторского опыта конкретные и весьма умеренные верноподданнические предложения с мест, торжественные формулировки целей обновленного издания со стороны самого цензурного ведомства, никаких изменений в существующие законоположения о программе губернских ведомостей внесено не было. Не было предпринято со стороны Министерства внутренних дел и каких-либо шагов по узакониванию положения тех ведомостей, в которых неофициальная часть была расширена де-факто, и распространения их практического опыта на другие издания. Действовать в этом направлении пришлось уже в условиях революции. Причины этого видятся в общем консервативном курсе николаевского правительства, опасении каких-либо даже самых незначительных перемен в положении печати. Проект, предусматривающий издание 73 губернских и областных ведомостей по единообразной программе, изменения организационных и материальных условий редакторской работы, придание газете самостоятельного характера, требовал от центральных и местных властей первоначальных вложений, затрагивал сложившиеся финансовые отношения между губернскими ведомостями, губернской типографией и губернским правлением, изменял существующее расписание штатов и окладов, ставил проблему подбора способных и идеологически надежных кадров. Кроме того, сохранялись надежды воздействовать в интересах правительства на провинциальную частную печать, а в лице обновленных официальных органов, получивших право обсуждать правительственные и административные мероприятия, власть могла получить не союзника, а противника. В результате деятельность «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» имела только информационное значение для выяснения положения и нужд местных казенных изданий, которые в итоге продолжили свое «свободное плавание».

В период революции 1905–1907 гг. уже существовавшие и вновь открытые издания в большой или меньшей степени, в зависимости от политической окраски, выступили против правительства и призы-

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 55. Л. 56об., 57.

вали народ к неповиновению¹⁶⁶. Имеющиеся дореволюционные методы цензурного давления (штрафы, запрет розничной продажи, предупреждения, запретительные циркуляры, закрытие) уже не могли дать должного эффекта. Редакторский коллектив начинал работу под другим названием, указывались заведомо неверные выходные данные, рабочие-печатники препятствовали конфискации запрещенных номеров или утаивали их, возрастал поток нелегальных изданий. Появилась и «цензура снизу», когда статьи, не соответствующие идеям «освободительного движения», не выходили в печать по решению редакции, типографии или под давлением представителей радикальных партий.

В экстремальном и быстротекущем историческом времени революции государственную цензуру в том патерналистско-ортодоксальном облике, в котором она существовала в предыдущем веке, в облике К.П. Победоносцева, считавшего периодическую печать одним из «самых лживых учреждений нашего времени»¹⁶⁷, можно уподобить Дон-Кихоту, сражающемуся с полчищами ветряных мельниц. Небольшое по штату Главное управление по делам печати просто не могло отследить процесс возникновения новых газет, ознакомиться с их содержанием, определить основания для административного (затем судебного) преследования. Та же самая ситуация наблюдалась и в провинции, где цензоры (затем инспекторы) не могли справиться с резко возросшими объемами работы.

Провозглашение Манифестом 17 октября свободы слова и отмена «Временными правилами о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г. предварительной цензуры создали новые условия функционирования информационной сферы – издание могло быть закрыто только по решению суда. Власть должна была действовать по законам, установленным ею самой, но законные средства «обуздания» оппозиционной печати оказывались малоэффективными. Использование внесудебных административных санкций получало широкую огласку с соответствующими комментариями, что подрывало и без того невеликий кредит общественного доверия к власти. Эмансипи-

¹⁶⁶ Даже официальные местные газеты вслед за столичной прессой приобрели обличительный характер. Так, «Орловские епархиальные ведомости» и «Орловские губернские ведомости» «за один год превратились в почти либеральные издания», «осенью 1905 г. они клеймили “старый” политический порядок, совсем недавно восхвалявшийся ими» (Савенков С.В. Орловская губернская пресса (1865–1905 гг.) в формировании общественного мнения губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. С. 25–26).

¹⁶⁷ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 124.

рованная пресса стала мощным и неподконтрольным средством формулирования и распространения альтернативных правительству общественных взглядов, инструментом борьбы за изменение существовавшей общественно-политической системы. В этих условиях для правительства становился актуальным такой метод, как контрпропаганда в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии. Материальной и интеллектуальной базой для этого должны были стать центральные и региональные типографии и правительственные издания.

24 декабря 1904 г. член Совета Главного управления по делам печати историк и дипломат в отставке С.С. Татищев в записке об организации правительственной повременной печати отмечал: «Наше правительство всегда относилось к печати только отрицательно. Не мудрено, что вся русская повременная печать мало-помалу перешла на сторону его ненавистников и заклятых врагов. В настоящее время нет положительно ни одной газеты в России, которая убежденно и убедительно отстаивала бы наш исторический исконный государственный строй». Накануне революции в ряду немногих наиболее дальновидных царских чиновников Татищев понимал, что «искусство влиять на общественное мнение через печать составляет насущную потребность, но мысль эта туго или вовсе не прививается в бюрократических сферах, признающих инструмент негодным только потому, что не умеют на нем играть»¹⁶⁸.

В Министерство внутренних дел поступали предложения и от частных лиц, предлагавших свои услуги по реорганизации правительственной печати и не стеснявшихся в выражениях по поводу частной прессы. Так, камергер С.А. Семенов направил в марте 1905 г. А.Г. Булыгину записку о внесении изменений в порядок издания губернских ведомостей «с целью образовать из них деятельное и надежное орудие для борьбы с растлевающим влиянием либерально-еврейской прессы»¹⁶⁹. Губернские ведомости, «будучи умело направляемы, могли бы действовать успокаивающим образом на общество и вместе с тем будить в нем сознание опасности от внутренней смуты»¹⁷⁰.

Реформа правительственной печати началась с реорганизации «Сельского вестника». С 8 июня 1905 г. он был отделен от «Прави-

¹⁶⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 597. Оп. 1. Д. 952. Л. 27–28.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 84.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 86об.

тельствственного вестника» и стал выходить три раза в неделю (с 1906 г. – ежедневно) как популярный орган, ориентирующийся на крестьянство. Укрепить материально-финансовое положение газеты должна была субсидия в размере 150 тыс. руб.¹⁷¹ 20 октября 1905 г., по поручению первого премьер-министра России С.Ю. Витте, С.С. Татищевым был подготовлен «Проект организации правительственной печати», в котором говорилось о том, что новые исторические условия требуют от правительства объяснения подданным действий и распоряжений министерств и ведомств, опровержения неправильных толкований деятельности правительства, возможности публиковать статьи и опровержения депутатам Государственной Думы, занимающим проправительственную и антиреволюционную позицию. С.С. Татищев предлагал отказаться от финансирования официозных изданий под видом частных (так называемых «рептилий») и создать группу официальных газет и журналов, выходящих без предварительной цензуры, «под государственным гербом, с подлежащей государственному контролю отчетностью и с назначенным правительством редактором»¹⁷². В этой «группе» губернским ведомостям отводилась роль проводников правительственного влияния в провинциальном обществе. Насчитывая их около 75, Татищев предлагал обязать губернаторов отремонтировать и обновить типографское оборудование, пригласить в газету «талантливого, знающего и строго консервативных взглядов редактора, который, в свою очередь, найдет даровитых сотрудников»¹⁷³. После этого необходимо было собрать в Петербурге съезд представителей правительственной печати для выработки общей программы действий¹⁷⁴.

¹⁷¹ *Стыкалин С.И.* Русское самодержавие и легальная печать 1905 г. (к вопросу о проектах создания официальной прессы) // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX вв. М., 1973. С. 86.

¹⁷² Цит. по: *Лихоманов А.В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. С. 33–34.

¹⁷³ Цит. по: *Стыкалин С.И.* Русское самодержавие и легальная печать 1905 г. ... С. 86. Цитирование содержания «Проекта организации правительственной печати» С.С. Татищева по работам С.И. Стыкалина и А.В. Лихоманова обусловлено тем, что архивное дело, на которое ссылались данные авторы (Ф. 1326. Оп. 7. Д. 10), ныне отсутствует в РГИА.

¹⁷⁴ Информация о «Проекте организации правительственной печати» просочилась в печать, но в несколько искаженном виде – «Книжный вестник» (1906. № 37. С. 847–848), приводя основные мысли С.С. Татищева, сообщал, что для реформирования губернских ведомостей требуется 4 млн руб., в то время как в «Проекте» эта цифра обозначала общую

26 октября Татищев направил С.Ю. Витте письмо, содержавшее конкретные предложения по реорганизации Главного управления по делам печати, которое в условиях отмены цензуры должно было освоить новую сферу деятельности и служить новым целям. Татищев предлагал организовать в Главном управлении три новых отдела: наблюдательный, справочный и исполнительный. Наблюдательный отдел должен был составлять ежедневные извлечения из отечественных и зарубежных периодических изданий и представлять их министру внутренних дел (в наиболее важных случаях – председателю Совета министров), следить за соответствием содержания статей законам Российской империи и ходатайствовать о наказании их нарушителей (но уже не в административном, а в судебном порядке). В ведении справочного отдела предполагалось сообщать органам печати точных и верных сведений о событиях и происшествиях, объяснение действий и распоряжений правительства по текущим вопросам государственной жизни. Справочный отдел через руководителя Главного управления по делам печати должен был снабжаться точной и верной информацией и соответствующими комментариями непосредственно из ведомств, министерств и от председателя Совета министров. На исполнительный отдел С.С. Татищев предполагал возложить проведение правительственной мысли в сознание русского общества. Такими проводниками должны были стать не только «Правительственный вестник» и губернские ведомости, взаимосвязь между которыми должна была усилиться, но и оба российских телеграфных агентства – Российское телеграфное агентство и С.-Петербургское телеграфное агентство, которые объединялись в правительственное телеграфное агентство¹⁷⁵.

Очевидно, что реализация проекта С.С. Татищева в полном объеме требовала значительных финансовых расходов, поиска необходимых кадров в столице и на местах, а следовательно, и значительного количества времени. Кроме того, он встретил противодействие самого Главного управления, имевшего свои административно-финансовые интересы. Исходя из этих соображений, начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард не поддержал реформирования вверенного ему учреждения на столь широких основаниях. В преддверии открытия работы первого российского пар-

стоимость оборудования 51 губернской типографии (Стыкалин С.И. Русское самодержавие и легальная печать 1905 г. ... С. 92).

¹⁷⁵ Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. С. 35–38.

ламента необходимы были быстрые результаты, и в бой с революцией вводились уже имевшиеся силы. Проект С.С. Татищева стал реализовываться очень усеченно, только в направлении реорганизации «Правительственного вестника». 1 декабря 1905 г. Татищев, по просьбе и рекомендации Витте, занял пост главного редактора газеты¹⁷⁶.

17 декабря 1905 г. С.С. Татищев представил министру внутренних дел П.Н. Дурново основания, которые в сокращенном виде являли собой уже высказанные им принципиальные положения реформирования правительственной печати. Если не обновленное Главное управление, то «Правительственный вестник» должен был стать оперативным и эффективным рупором правительства, получить большую организационную и финансовую самостоятельность. По предложению С.С. Татищева «Вестник» изымался из ведения Главного управления по делам печати, его редактору предоставлялись права прямого обращения ко всем министерствам и ведомствам, включая и главу правительства, относительно разъяснений их действий и распоряжений, предоставления полных и точных сведений для подготовки передовых статей вечернего выпуска газеты. Публикация официальной информации должна была быть исключительной преференцией «Правительственного вестника». Телеграфные агентства могли сообщать их только после появления в «Вестнике».

Для вознаграждения внештатных сотрудников в распоряжение редактора предоставлялась дополнительная сумма, в расходовании которой он был ограничен только необходимостью каждые три месяца отчитываться перед министром внутренних дел. Редактору предоставлялось право принимать и увольнять сотрудников газеты, определять размеры их вознаграждений. Только в этом случае, считал С.С. Татищев (а следовательно, и С.Ю. Витте), возможно было «путем разумного и убедительного слова, широко распространенного, влиять на общественное мнение в России»¹⁷⁷. Однако П.Н. Дурново отверг возможность выхода «Вестника» из ведения Главного управления по делам печати и превращения его в надминистерский орган при Председателе Совета министров, с монопольным правом на официальные сведения.

В «совершенно доверительном» письме С.Ю. Витте от 24 декабря 1905 г. С.С. Татищев сообщал, что позиция Дурново означает не-

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1063.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 966. Л. 2–2об.

возможность полного и действительного обновления «Вестника». Он с сожалением отмечал, что «в нашем устарелом и заржавленном арсенале» нет таких средств и орудий, давно испытанных на Западе. Называя себя «передовым застрельщиком» на пути реформы правительственной печати, Татищев считал, что именно с ее помощью возможно «установление в стране прочного правительственного авторитета, основанного не на грубой силе, не на нагайках и тюрьмах, на штыках и виселицах, а на доводах разума, права и правды»¹⁷⁸.

21 декабря 1905 г. датируется подробнейшая записка С.С. Татищева о преобразовании «Правительственного вестника», который еще в момент своего создания был призван к «информированию общества о том пути, которым идет правительство по мысли и воле государя императора»¹⁷⁹. Газета разделялась на отдельно издаваемые «официальный бюллетень» (собственно «Правительственный вестник») и официальную газету, имеющую публицистическую форму и значение политического органа власти. Эта ежедневная вечерняя официальная газета по предложению С.Ю. Витте была названа «Русское государство». Вечерний характер издания должен был обеспечить ее оперативное реагирование на события текущего дня и, следовательно, повысить конкурентоспособность с частными центральными и провинциальными изданиями. Этому же должны были способствовать отдельная и недорогая подписка – 3 руб. 60 коп. в год; цена за издание в комплекте с «Правительственным вестником» устанавливалась с 12 руб. в год. В розницу цена «Русского государства» определялась в 1 коп. (газетчикам 3 коп.), вместе с «Вестником» – 5 коп. (газетчикам – 3 коп.). Предполагалось также «частое и близкое общение главного редактора с Советом министров вообще и с отдельными членами его в частности»¹⁸⁰. Каждое министерство должно было доставлять в редакцию предназначенные для обнародования сведения ранее, чем в частные издания или телеграфные агентства.

Однако исполнение этого проекта было поручено другому исторiku и чиновнику из ближайшего окружения Витте – А.Н. Гурьеву (хотя поста редактора «Вестника» он не занимал). 12 января 1906 г. С.С. Татищев отправил сразу два письма с просьбой об освобождении его от занимаемой должности – министру внутренних дел П.Н. Дурново и министру императорского двора В.Б. Фредериксу.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 971. Л. 1–2об.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. 1868 г. Л. 64.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 971. Л. 3–17.

Татищев жаловался на болезнь сердца¹⁸¹. Он выехал в Австрию, где 7 августа в м. Эггенберг близ Граца скончался¹⁸², не дожив месяца до своего шестидесятилетия. Отставка Татищева, вероятно, была вызвана не только этими печальными обстоятельствами, но и его принципиальной позицией в отношении преобразования правительственной печати. Правительственная газета так и не была выведена из ведения Главного управления по делам печати, а само оно реорганизовано не было.

23 января 1906 г. С.Ю. Витте докладывал Николаю II, что подготовка преобразования «Правительственного вестника» идет весьма успешно. Для поддержки «Сельского вестника» Витте указывал на необходимость дополнительных расходов в несколько сот тысяч рублей и поиска талантливого и трудоспособного лица. Николай дал положительную резолюцию: «Усиьте средства, уменьшите плату и сделайте Вестник [Сельский] ежедневным изданием»¹⁸³. На авантюристическое предложение Витте о распространении правительственных сообщений посредством солдатских писем своим родственникам царь ответил отказом, подчеркнув, что это дело обоюдоострое.

С 1 января 1906 г. «Сельский вестник» стал ежедневной газетой¹⁸⁴, а с 1 февраля 1906 г. первый номер «Русского государства» увидел свет. Однако несмотря на готовность издания объяснять деятельность правительства «доводами логики» и предоставить «свои столбцы для выражения свободного общественного мнения»¹⁸⁵, газета не пользовалась широкой популярностью. 3 февраля 1906 г. Гурьев докладывал Бельгарду, что «за первым номером газеты никто от газетчиков не явился, несмотря на неоднократные предупреждения о предстоящем выходе. Несомненная злоумышленность явствует уже из того, что газетчики не брали издания даже даром, ссылаясь на отсутствие разрешения со стороны своих контор и старост»¹⁸⁶. Газета рассматривалась как рупор председателя Совета министров и встречала недоверие и в среде правительственных чиновников.

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 974, 975.

¹⁸² РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 39. 1906 г. Л. 3.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 234.

¹⁸⁴ Смирнов С.В. Легальная печать в году первой русской революции. Л., 1991. С. 28.

¹⁸⁵ Русское государство. СПб., 1906. 1 февр. № 1.

¹⁸⁶ Цит. по: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. ... С. 46.

После отставки С.Ю. Витте, 25 апреля 1906 г. «Русское государство» было преобразовано в строго официальное издание. 15 мая выпуск газеты был прекращен, а вместо нее стало выходить «Вечернее прибавление к Правительственному вестнику»¹⁸⁷. Убедительная победа партии кадетов на выборах в I Думу и провал правых партий показывали, что проект Витте не смог выполнить своих антиреволюционных пропагандистских функций. Антиправительственная риторика депутатов I Думы и призывы к продолжению революции широко публиковались в прессе. «Временными правилами» 24 ноября правительство само связало себе руки. Николай II в одном из своих писем матери отмечал, что «все было бы хорошо, если бы то, что говорится в Думе, оставалось в ее стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает»¹⁸⁸.

Новый поход против революционной прессы возглавил П.А. Столыпин. Понимая, что кредит общественного доверия к власти минимален и правительственная газета изначально обладает репутацией реакционной и процаристской, он решил возложить эти функции на газету частную. Естественно, что поддержка со стороны государства должна была быть негласной. Такой частной официозной газетой стала «Россия», выходявшая со 2 ноября 1905 г. С 8 июня 1906 г. она стала издаваться под руководством отдела повременной печати, образованного при Главном управлении по делам печати. «Россия» (как «Правительственный вестник», «Сельский вестник» и ранее «Русское государство») была освобождена от почтовых расходов и рассылалась бесплатно¹⁸⁹. Однако тайное финансирование газеты правительством очень скоро стало известно широкой общественности. «Столыпин наивно воображал, что таким образом он введет в заблуждение общественное мнение, но, конечно, эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела, вся Россия отлично знает, что газета “Россия” есть правительственный орган, содержащийся за счет правительства, секретных фондов и доходов “Правительственного вестника”, имеющего большие доходы вследствие массы обязательных объявлений», — с немалой долей яда писал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте¹⁹⁰. По-

¹⁸⁷ Смирнов С.В. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁸⁸ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. Л., 1932. № 50–51. С. 180.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 39. 1906 г. Л. 2–2об.

¹⁹⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 317.

пулярность и влияние газеты «Россия», вероятно, не выходили за пределы столиц. Среднее количество проданных экземпляров в июле – сентябре 1906 г. было относительно невелико – 7 217¹⁹¹. Правая печать, как и в случае с «Русским государством», не считала формально частную столыпинскую газету «своим», истинно патриотическим монархическим изданием.

Столыпин также предпринял шаги по созданию особой правительственной информационной службы. 1 сентября 1906 г. по его распоряжению при Главном управлении по делам печати было образовано «Осведомительное бюро», которое должно было снабжать печать достоверными сведениями, касающимися действий и предположений правительства. «Осведомительное бюро» выпускало специальные бюллетени, выходившие два раза в сутки, и составляло обзоры печати в виде ежедневных докладов Председателю Совета министров, министру внутренних дел и начальнику Главного управления по делам печати со сводками мнений столичных газет по наиболее важным вопросам. Оно же снабжало местные ведомости вырезками из газет по заявленным им темам. «Осведомительное бюро» действовало до 1917 г.¹⁹²

Губернские ведомости как местные правительственные органы выполняли функцию антиреволюционной пропаганды в различной степени, в зависимости от отношения к газете губернатора, политических взглядов ее редактора, накала революционной борьбы, наличия специализированной партийной монархической прессы. Однако на правовое положение губернских ведомостей не повлияли ни результаты работы «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г., ни мнения относительно их новой роли в высших правительственных кругах, ни практический опыт деятельности губернских ведомостей во враждебном информационном окружении. В «Своде законов Российской империи» (по продолжению 1906 г.) находим лишь формулировку, обобщающую предшествовавшие законодательные уточнения:

¹⁹¹ Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. ... С. 111.

¹⁹² Полянская Л. Архивный фонд Главного управления по делам печати. Обзор // Литературное наследство. 1935. № 22–24. С. 603–634; Амбросьев А.В. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 16–17; Кельнер В.Е. Создание и деятельность Осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати : 1906–1917 гг. // Цензура в России : история и современность: сборник научных трудов. СПб., 2011. Вып. 5. С. 237–243.

«В губернских ведомостях некоторых губерний разрешено перепечатывать из всех существующих у нас официальных изданий политические известия и вообще правительственные распоряжения, равно как заимствовать из них руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления, причем: 1) наблюдение за таковыми перепечатками возложено на ближайшее попечение вице-губернаторов; 2) подписная цена на губернские ведомости оставлена и в новом их виде в прежнем размере; 3) из доходов, какие может доставлять издание губернских ведомостей по расширенной программе, предоставлено подлежащим губернским начальствам, с разрешения министра внутренних дел, давать особое вознаграждение лицам, занимающимся редакцией ведомостей»¹⁹³.

П.А. Столыпин уделял большее внимание субсидированию местных частных проправительственных изданий и центральных, общих для всей империи официозов – «России» и «Сельского вестника», – бесплатная рассылка которых во время предвыборной кампании и в период работы законодательных учреждений, по мнению премьер-министра, способствовала ознакомлению «со взглядами и предположениями правительства как должностных лиц местного управления, так и широких слоев населения»¹⁹⁴. В качестве приложений к «Сельскому вестнику» выпускались календари, для подписчиков распространявшиеся бесплатно, а в розницу – по минимальной цене (50 коп.), включавшие в себя краткое изложение действующих законов о государственных учреждениях, новейшее законодательство по крестьянской реформе, правила о переселении, объяснения приемов перехода от общинного землепользования к индивидуальному¹⁹⁵. В докладе Николаю II в феврале 1908 г. П.А. Столыпин подчеркивал, что «ассигнованный в прошлом году кредит на поддержание частных изданий дал возможность основания во многих провинциальных городах газет правого направления, которых ранее почти не было», однако им «все еще очень трудно конкурировать с газетами левого направления, из которых очень многие издаются на деньги, жертвуемые в партийных целях»¹⁹⁶.

¹⁹³ Свод законов Российской империи. Все 16 томов, исправленные по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и дополненные позднейшими узаконениями, в четырех книгах. М., 1910. Т. 2: Свод губернских учреждений. Ст. 541. Прим. 2.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 41. 1911 г. Л. 3.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 41. 1911 г. Л. 1–2.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 41. 1911 г. Л. 3об.

В 1907–1912 гг. на бюджет «России» и «пособия» газетам консервативного направления государственная казна тратила по 350 тыс. руб. в год. Эти средства позволили также расширить деятельность книжного склада при «Сельском вестнике», издать и распространить среди сельского населения ряд «полезных» брошюр, оказать поддержку возникшему в 1910 г., в Петербурге, журналу «Revue Contemporaine» (издавался до 1917 г.) и выходившему в 1910–12 гг. «Дальневосточному обозрению». 100-летний юбилей Отечественной войны ознаменовался выпуском 30 брошюр и 700 тыс. портретов и картин, посвященных героям и событиям 1812 г., а к 300-летию Дома Романовых было подготовлено 40 народных изданий. В 1913 г. ассигнования увеличились до 826 300 руб. Новыми статьями расходов стали содержание «особого отдела, обследующего иностранную и инородческую печать» и «Бюро русских журналистов», обслуживающего провинциальную прессу. В 1916 г. расходы по субсидированию составляли уже 1,7 млн руб., и такая же сумма запрашивалась на 1917 г., но выделено было лишь 1,1 млн руб.¹⁹⁷.

В условиях недофинансирования из центра неофициальные части губернских ведомостей в период после первой русской революции стали уменьшаться, возвращаться к прежнему положению справочно-информационных приложений, в зависимости от их собственных доходов и по усмотрению губернских властей. Материальное положение ведомостей ухудшил закон 16 июня 1905 г., вводивший с 1 января 1906 г. обязательную оплату пересылки казенных периодических изданий – 1 руб. 20 коп. для газет периодичностью более двух раз в неделю и 1 руб. для газет, выходивших не более двух раз в неделю¹⁹⁸. Например, в 1909 г. Тобольское губернское правление должно было заплатить почтовому ведомству 317 руб. 73 коп. за пересылку «Тобольских губернских ведомостей» присутственным местам и должностным лицам одной только Тобольской губернии¹⁹⁹. Между губернскими правлениями и Главным управлением по делам печати началась обширная переписка о том, что обязательные подписчики, согласно Положению о губернских ведомостях, должны получать их по цене в 3 руб. с доставкой и пересылкой. Правительственные учреждения также не являлись подписчиками, а получали ведомости бесплатно по делопроизводственной необходимости. Од-

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 42. 1912 г. Л. 5, 11–11об, 14, 50.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 59. 1906 г. Л. 2, 14.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 59. 1906 г. Л. 37.

нако в ответ на это МВД распространяло разъяснения, что «пересылка по почте каких-либо экземпляров губернских ведомостей бесплатно не может быть допущена»²⁰⁰, они «приравнены к изданиям частного характера вне всякой зависимости от того, пересылаются ли эти ведомости подписчикам частным или же обязательным»²⁰¹.

Не раз в прессу проникали сообщения о готовящейся всеобъемлющей реформе губернских ведомостей. «Сибирская жизнь» в феврале 1910 г. писала, что «в самом непродолжительном времени по предложению Министерства внутренних дел предстоит изменение программы местных “Губернских ведомостей”. Упраздняется неофициальная часть этого издания, причем объявления частного характера также не будут приниматься. Упразднение неофициальной части вызвано желанием министерства отстранить своих чиновников от политики партийности, указывая им тем самым, что они должны поступать во всем согласно воле закона, не справляясь со своими личными взглядами»²⁰². В июне 1910 г. «Кубанские областные ведомости» сообщали читателям следующее: «Министерство внутренних дел созывает осенью съезд советников губернских правлений вице-губернаторов для обсуждения вопроса об издании “Губернских ведомостей”. Решено в принципе изменить эти газеты и наполнять их циркулярно материалом из “России”, так что “литературная” часть “Губернских ведомостей” будет сводиться к простой перепечатке из “частного” издания»²⁰³. Однако эти новости оказывались не более чем слухами. Ведомости продолжали издаваться с неофициальной частью, частными объявлениями и по прежней устаревшей программе.

Съезд редакторов и представлявших провинциальные казенные издания чиновников был организован Главным управлением по делам печати (во главе с сенатором В.Т. Судейкиным) уже в условиях

²⁰⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 59. 1906 г. Л. 40.

²⁰¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 59. 1906 г. Л. 51. Единственным послаблением стал переход с 1 января 1907 г. с минимальной таксы почтового сбора на процентный, но только для ведомостей, стоимость подписки на которые не превышала 4 руб. в год. В этом случае с газет, выходивших более двух раз в неделю, взимался 18 % сбор (с подписной платы в 3 руб. он составлял 54 коп., в 4 руб. – 72 коп., вместо прежних 1 руб. 20 коп.), а с газет, с периодичностью не более двух раз в неделю, – 16 % (при стоимости подписки в 3 руб. – 48 коп., а в 4 руб. – 64 коп., вместо прежнего 1 руб.).

²⁰² *Томская жизнь*. Изменение программы губернских ведомостей // *Сибирская жизнь*. 1910. № 33. 11 февр. 1910. С. 3.

²⁰³ *Болтуц О.А.* Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру (на материале кубанской периодики рубежа XIX–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. С. 58.

Первой мировой войны – 3–5 февраля 1916 г. в Петрограде. Председательствующим на съезде был главный редактор «Правительственного вестника» князь С.П. Урусов. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов в своем обращении к участникам съезда определял печать как «уши, глаза и щупальца жизни» и отмечал два главных преимущества перед частной прессой – «непартийность» и «достоверная осведомленность из первых источников».

Как и в 1901 г., основным был вопрос о расширении неофициальной части ведомостей как издания, способного на равных с частными газетами освещать местные интересы и нужды; в этой связи ожидалась материальная поддержка со стороны государства. В условиях войны новыми проблемами, ослаблявшими местный правительственный орган, стали дефицит бумаги и призыв в армию редакторов и типографских рабочих. Присоединяясь к мнению «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г., съезд выработал и два новых принципиальных положения для местного правительственного органа: издание его на местных языках на национальных окраинах и создание при «Правительственном вестнике» «осведомительно-литературного учреждения» для снабжения ведомостей, объединенных в несколько региональных групп, информацией и статьями. Кроме того, все средства, получаемые за объявления и подписку, должны были предназначаться для развития неофициальной части, без каких-либо перечислений в Министерство внутренних дел. При недостаточности средств планировалось запрашивать пособия и ссуды у государственного казначейства и у «Правительственного вестника»²⁰⁴.

Итоговый протокол съезда 1916 г. даже не был перепечатан на белом и содержал рукописные правки на полях. Недостаток финансов, нежелание предоставить официальным органам большую самостоятельность вновь послужили препятствием к решительным изменениям в облике правительственной печати.

После Февральской революции, 9 марта 1917 г., Временное правительство ликвидировало Главное управление по делам печати²⁰⁵. «Правительственный вестник» сменился «Вестником Временного правительства», в котором публиковались его обращения, отчеты о заседаниях, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, информация с фронтов. Губернские ведомости, с преж-

²⁰⁴ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 4–13 об.

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 35. 5 л.

ним или новым названием, по-прежнему исполняли функцию местных правительственных органов, а в условиях Гражданской войны их материально-техническая база перешла в руки антибольшевистских правительств или советской власти. Последним печатным органом, сохранявшим преемственность и в названии, и в назначении с царскими ведомостями, были «Таврические губернские ведомости», выходившие до падения Правительства Юга России в 1920 г.²⁰⁶

Итак, изначально создаваемые как стройная и строгая система региональных правительственных изданий ведомости ввиду местных условий, отдельных допущений в программе, частных ходатайств губернаторов постепенно отходили от предписанных ограничений, развивались и видоизменялись – иногда до такой степени, что в своей неофициальной части выполняли функции, совсем не связанные с целями поддержания имперской государственности. В итоге, когда в 1901 г. редакторы ведомостей были вызваны в Петербург, те газеты, которые систематически нарушали установленную законом программу, были отмечены как интересные и содержательные. В период социальных катаклизмов под огнем критики как слева, так и справа самодержавная власть стремилась использовать, реорганизовать и усовершенствовать имеющиеся в ее распоряжении центральные и местные органы печати для стабилизации ситуации и проведения контрполитики в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии. Необходимость соблюдения провозглашенного самим же правительством права свободы печати снижала возможности применения привычных административно-карательных мер в отношении неугодных изданий. В рамках реформы правительственной печати самостоятельным и ежедневным изданием с увеличенным тиражом стал «Сельский вестник»; в период февраля – мая 1906 г. выходила официальная правительственная газета «Русское государство» как публицистическая часть «Правительственного вестника»; с июня 1906 г. ее функции были возложены на частную, под руководством Министерства внутренних дел, газету «Россия». Более решительный реформаторский проект С.С. Татищева, подразумевавший создание разветвленной сети правительственной периодики во главе с общественно-политическим изданием, переоборудование губернских типографий, учреждение

²⁰⁶ Филимонов С.Б. Последний редактор «Таврических губернских ведомостей» (Дело Н.П. Чоглакова) // Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков: документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е года. Симферополь, 2003. С. 153–155.

при Совете министров на основе Главного управления по делам печати самостоятельного информационного пресс-центра, не был реализован ввиду необходимости существенных государственных вливаний, недостатка времени, в силу ригидности бюрократического сознания. Некоторые положения проекта С.С. Татищева реализовал П.А. Столыпин, в частности, идею создания особого информационно-справочного отдела при Главном управлении по делам печати в виде «Осведомительного бюро», соединение С.-Петербургского телеграфного агентства с «Правительственным вестником».

Процесс усиления правительственной печати виделся власти не только в публицистической и аналитической трансляции идей «умиротворения, обновления и спасения России» в противовес «великим потрясениям» революции, но и в закреплении за официальным изданием монопольного права на всю правительственную информацию и в государственном контроле за русским сектором мировой информационной телеграфной сети. В быстро меняющихся социально-политических условиях такой подход выглядел явным анахронизмом и не мог быть осуществлен в полном объеме.

В кругу высших чиновников не было единства относительно структуры и основных функций официальной правительственной газеты, ее реорганизация не носила последовательного характера, каждый из премьер-министров имел свое мнение: С.Ю. Витте считал газету значимым средством для пропаганды идей Манифеста 17 октября и для собственного, выражаясь современным языком, «пиара»; И.Л. Горемыкин отрицал необходимость правительственной газеты, носящей общественно-политический характер; П.А. Столыпин также отказывал газете, открыто декларируя свою принадлежность правительству, в эффективности, но возлагал надежды на частное издание со скрытым государственным управлением и субсидированием.

Работа по реорганизации правительственного издания была возложена правительством на наиболее способных чиновников, которые действовали не только по идейным, но и по материальным и карьерным соображениям. Однако лагерь правых сил, из представителей которого могли рекрутироваться сотрудники газеты, оставался или равнодушен, или враждебен к ее содержанию (отваживаясь даже кусать руку, кормящую их самих). Газеты «Русское государство» и «Россия», как и соответствующие главы кабинетов, критиковались правыми за недостаточную жесткость по отношению к революционному движению и за отстаивание курса на сохранение «об-

новленного» конституционного строя. Российская интеллигенция не стремилась к сотрудничеству с правительственной печатью, определяя подобную работу как бессмысленную и связанную даже в некотором роде с позором. Л.А. Тихомиров, сознательно перешедший из революционного в правительственный лагерь, на предложение Столыпина в конце 1907 г. войти в редакцию «России» ответил отказом. «Боже мой, как не стыдно думать о таком вздоре, как чья-нибудь работа для абсолютно не читаемой официозной газеты!», – записал Тихомиров в своем дневнике²⁰⁷. Провал избирательной кампании во II Думу приводил правительство к мысли о неэффективности прессы в борьбе за общественное мнение и пониманию необходимости применения более радикальных мер в борьбе с революцией, с восстановлением контроля над частной периодикой. Власть перешла в успешное контрнаступление, но в ее «заржавленном арсенале» (по меткому высказыванию С.С. Татищева) интеллектуальным мерам воздействия была отведена далеко не первая роль.

В целом, государственную политику в отношении губернских ведомостей, изменение их правового положения во второй четверти XIX – начале XX в. можно представить в следующей периодизации:

1828–1830 гг. – подготовка проекта издания губернских ведомостей с участием Министерства финансов и Министерства внутренних дел; определение основных целей и задач издания, материальных и технических ресурсов для его организации.

1830–1837 гг. – начальный период издания губернских ведомостей – законодательное определение их структуры, содержания, состава и функций редакции, порядка выхода, финансового обеспечения, цензурирования и распространения ведомостей; пилотное издание газеты в Ярославской губернии.

1838–1845 гг. – массовое издание губернских и областных ведомостей как неотъемлемой составляющей деятельности губернских и областных правлений; первые опыты организации неофициальной части и цензурные уточнения относительно ее содержания.

1845–1855 гг. – расширение программы неофициальной части официальных ведомостей путем ее законодательной регламентации, усиление цензурного контроля, начало формирования региональных вариантов губернских ведомостей.

²⁰⁷ Из дневника Льва Тихомирова (период столыпинщины) // Красный архив. Л., 1935. Т. 72. С. 133.

1855–1863 – использование правительством ведомостей в политике «управляемой гласности», а либерально-реформистскими и революционно-демократическими силами – в собственных идеологических целях; освобождение ведомостей от общей цензуры (с сохранением предварительной административной цензуры); разрешение в ведомостях статей на общественно-политические темы.

1864–1881 гг. – тенденция к приобретению ведомостями (в своих неофициальных частях) характера самостоятельного регионального издания, вне рамок законодательно определенной программы и противодействие этой тенденции со стороны Министерства внутренних дел.

1881–1900 гг. – развитие губернских ведомостей в условиях отмены предварительной административной цензуры (с сохранением контроля со стороны губернаторской власти) и активного развития частной провинциальной печати; утрата государством интереса к собственным местным изданиям.

1901–1904 гг. – попытка выработки новой редакции программы издания ведомостей в соответствии с изменившимися общественно-политическими условиями и фактическим расширением содержания неофициальных частей газет, предложения с мест о предоставлении ведомостям большей тематической, организационной и экономической свободы; обсуждение будущего губернских ведомостей в печати; дальнейшее разновекторное и разноуровневое развитие ведомостей (в зависимости от местных условий), без изменения законодательных оснований и выработки общего направления.

1905–1907 гг. – реорганизация сектора правительственной печати, проект усиления правительственного влияния в провинции через губернские ведомости; участие губернских ведомостей в антиреволюционной пропаганде и выполнение ими функций консервативных промонархических изданий (до появления местных партийных правых газет).

1908–1916 гг. – сокращение государственного финансирования и постепенная деполитизация губернских ведомостей; последнее обсуждение возможности их реформирования в условиях приближающейся революции.

Глава 3

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИБИРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ В 60–90-е гг. XIX в.

3.1. НАЧАЛО ВЫХОДА ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ В СИБИРИ (1857 г.) И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ИХ ИЗДАНИЯ

История периодической печати Сибири открывается литературными журналами, издаваемыми в тобольской типографии купца В.Я. Корнильева П.П. Сумароковым в 1789–1794 гг. – «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Журнал исторический, выбранный из разных книг» и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная». В первой четверти XIX в. об истории, этнографии и географии своего края сибиряки писали в изданиях Европейской России – «Казанских известиях», «Сибирском вестнике», «Азиатском вестнике», «Московском телеграфе».

В 1827 г. в Иркутске чиновником и литератором М.А. Александровым, купцами В.Н. Басниным и С.С. Дудоровским была предпринята попытка основать литературную газету «Ангарский вестник»¹. Вопрос об открытии местной газеты поднимали в 1828 и 1833 гг. сами иркутские власти, но ходатайства перед Министерством внутренних дел так и остались без последствий². Несмотря на то, что «Положение об издании губернских ведомостей» 1830 г. касалось

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 675–676; Головачев П.М. Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. 1903. № 21. 25 янв. С. 2–3; Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 28; Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 7.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 11. Д. 645. 1849 г. Л. 2об.; По поводу 35-летия издания Иркутских губернских ведомостей // Иркутские губернские ведомости. 1892. № 21. 20 мая. С. 5.

только шести губерний Европейской России, а «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г. не распространялось на Сибирь, в 1834 г. до нее дошел циркуляр, запрашивавший сведения о состоянии губернских типографий для осуществления «безостановочного» выпуска ведомостей. В результате выявилось их неудовлетворительное состояние. Так, начальник Тобольской губернии дважды, в 1834 и 1836 гг., представил в МВД ответ, что «при настоящем положении типографии печатание губернских ведомостей совершенно невозможно, ибо в успехе действий типографии встречается медленность и, при исполнении того, что до обязанности ее относится, неисправность»³. Для приведения ее в «надлежащее устройство» требовалось к 2 тыс. руб. ассигнациями, отпускаемых на ее содержание, прибавить еще такую же сумму. На этом переписка министерства и Тобольского губернского правления прекратилась⁴. Когда в Тобольском губернском правлении стало известно об «Учреждении губернских правлений» 1845 г., то оно высказало мнение о необходимости по аналогии с другими губерниями учредить штатный газетный стол, поскольку печатание в губернской типографии предписаний и отношений к каждому месту и лицу «не только затруднительно, но и отнимает возможность своевременно обнародовать указы, постановления начальства и прочее»⁵. Сходная ситуация была в Томске. В 1847 г. губернатор П.П. Аносов, при вступлении в должность, запросил Томское губернское правление о возможности издавать губернские ведомости согласно «Учреждению губернских правлений» 1845 г., на что получил ответ, что средств для покупки бумаги, нового оборудования, печатания 250 обязательных экземпляров и для содержания необходимых работников (редактора, двух наборщиков и двух «тараторщиков»⁶) недостаточно. Сумма, отпускаемая типографии томским казначейством (1342 руб. 50 коп.), была более чем в 1,5 раза ниже типографских расходов в 1846 г. (2 219 руб. 65 ½ коп.), которые возмещались средствами от частных заказов. Типография размещалась в трех тесных и темных комнатах нижнего этажа здания губернского правления. Три механических печатных станка (два деревянных и один чугунный), проработавших почти три десятка

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 400. 1852 г. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4–4об.

⁶ Видимо, в тексте имеется в виду «тередорщик» – тискальщик, печатник.

лет, были не готовы к новой нагрузке⁷ (тем не менее в 1848 г. в помещении, где размещалась типография, был начат ремонт⁸).

В 1849 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, также руководствуясь «Учреждением губернских правлений» 1845 г., не содержащим ограничительных пунктов в отношении издания губернских ведомостей в Сибири, представил министру внутренних дел Л.А. Перовскому от имени иркутского губернатора В.Н. Зарина подробную записку о необходимости издания в Иркутске губернских ведомостей для обеспечения обширных пространств губернии правительственными и местными распоряжениями, содействия развитию золотопромышленности, распространения «общеполезных сведений по разным предметам» и известий «о здешнем крае, столько интересном во многих отношениях и так мало еще известном»⁹. Источниками для обеспечения выпуска газеты должны были стать обязательные подписчики среди присутственных мест, церковных приходов, волостных правлений, казенных и частных заводов. Однако ответ получен не был. На записке осталась резолюция министра – «Почему мы не отвечали? Нужно»¹⁰. В 1850 г. Н.Н. Муравьев вновь повторил свое ходатайство, и на этот раз Л.А. Перовский сообщал, что «движение сего дела» приостановлено необходимостью утвердить Министерством финансов новые штаты Иркутской и Енисейской губерний, предусматривающие открытие в них газетных столов¹¹.

В 1851 г., в ходе ревизии Западной Сибири, член Государственного совета, генерал-адъютант Н.Н. Анненков признал необходимым предоставить обсуждению тобольского и томского губернских советов введение губернских ведомостей в виду того, что «в великороссийских губерниях издаются губернские ведомости в видах распространения по губернии сведений о всех распоряжениях губернского начальства, а также уменьшения переписки с уездными городскими и волостными правлениями». К тому же, по замечанию ревизора, через ведомости, согласно закону, необходимо было обнародовать «порядок извещения золотопромышленников о новых заявках приисков»¹². Вопрос обсуждался в Тобольске 7 марта, а в Томске 18 ап-

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 1–3; РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 400. Л. 4об–5об.

⁸ ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 562; Д. 752. Л. 146–150.

⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 645. 1849 г. Л. 3–4об.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 13–14.

¹² Там же. Оп. 13. Д. 400. 1852 г. Л. 2.

реля 1851 г. В результате Главное управление Западной Сибири, возглавляемое генерал-губернатором Г.Х. Гасфордом, 14 февраля 1852 г. уверенно сообщало из Омска в Петербург, что нет никаких затруднений в отношении учреждения ведомостей в Томской и Тобольской губерниях согласно правилам, касающимся внутренних губерний России, а также и «в пополнении расходов на необходимое по этому случаю усиление средств губернских типографий, так как, при приблизительном соображении, сбор, определенный за рассылку газеты в присутственные места и во все городские и сельские управления, может покрыть с избытком потребные на увеличение состава и помещений типографии издержки»¹³. На списке с журнала Совета рукою, видимо, самого Л.А. Перовского было написано: «Удобно ли будет отдельно от Учреждений [видимо, – губернских правлений] и для одной Западной Сибири? Испросить генерал-губернатора Восточной Сибири»¹⁴. В конечном итоге, вопрос об основании губернских ведомостей как для Восточной, так и для Западной Сибири был объединен с вопросом об учреждении новых штатов и направлен 2 декабря 1853 г. во Второй Сибирский комитет¹⁵, открытый в 1852 г. по итогам ревизии Н.Н. Анненкова.

Несмотря на неясность судьбы проекта о губернских ведомостях в Сибири в высших властных кругах, в Томске подготовка к их изданию продолжилась в 1854 г., при новом губернаторе В.А. Бекмане. «Закавказский вестник», выходивший с 1838 г., издававшиеся с 1853 г. на немецком языке «Лифляндские губернские ведомости» и «Курляндские губернские ведомости», а с 1854 г. «Бессарабские областные ведомости» начали поступать в Томское губернское правление. Это означало, что ограничения «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г. уже не действуют и можно руководствоваться «Учреждением губернских правлений» 1845 г., которое обязывало все губернские правления издавать свою газету. По поручению губернатора подготовкой к открытию газеты в конце 1854 г. занялся директор томской мужской гимназии и директор училищ Томской губернии

¹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 400. 1852 г. Л. 7об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 400. 1852 г. Л. 1.

¹⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 645. 1849 г. Л. 13–17об; РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 400. 1852 г. Л. 8–9. О ревизии Н.Н. Анненкова и работе Второго Сибирского комитета см. подробнее: Волчек В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006.

Ф.С. Мещерин¹⁶, который запросил губернское правление о юридических, материальных и технических основаниях к открытию издания. Через месяц, 18 января 1855 г., был получен ответ в виде справки, подписанной председателем губернского правления А.В. Виноградским и секретарем правления А.И. Лалетиным. В ней, по аналогии с ведомостями российских губерний, был представлен макет будущей газеты, разбитый на рубрики с гипотетическими текстами и датированный 12 февраля 1855 г.

В предисловии-обосновании к проекту содержались мысли, сходные с теми, которые ранее высказывала сибирская администрация: «Необходимость и польза издания губернских ведомостей признана уже правительством. Не распространяясь об этом, довольно только сказать, что и в Томской губернии, составляющей, так сказать, средоточие обеих частей Сибири, совершенно ощутительна потребность в издании губернских ведомостей, тем более что этим самым достигается цель правительства к сокращению канцелярского делопроизводства. Обнародование распоряжений высшего и местного начальства на огромном пространстве губернии, в различных слоях общества при значительности населения и при развитии золотопромышленности так необходимо чрез губернские ведомости, что польза от них незаменима и неисчислима. Не менее этого и неофициальная часть ведомостей, возбуждая к трудам по части просвещения доставлением сведений по губернии географических, статистических, этнографических и т.п., будет иметь влияние на интерес ведомостей и на общее соревнование»¹⁷.

Губернское правление также сообщало, что ожидается прибытие из Москвы 40 пудов новых шрифтов и литер, а типография может обеспечить одним из трех станков печатание газеты в 3–4 листа требуемого формата («в четверку») в количестве 500 экземпляров в день. Оплата бумаги должна была производиться за счет доходов от частных заказов и продажи самих ведомостей. Срок выхода пер-

¹⁶ Федор Семенович Мещерин по окончании Московской духовной академии со степенью магистра богословия работал учителем Рязанского училища для канцелярских служителей, чиновником в Министерстве путей сообщения, а затем юстиции. В 1846 г. он переехал в Томск, где занял должность директора томских училищ, пробыв в ней 13 лет, до 1859 г. (дольше всех последующих директоров). Мещерину уже приходилось выполнять поручения губернского начальства – в 1849 г. он собрал статистические сведения о состоянии частной промышленности и торговли в Томской губернии (Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие его существования (1838–1888). Приложения. Томск, 1894. С. 14, 18, 20).

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 5–7.

вой томской газеты в свет определялся вторым полугодием 1855 г. или началом 1856 г. Обязательным условием была организация новой структуры губернского правления – газетного стола: чиновники опасались, что новые обязанности могут переложить на старые штаты. Коммерческий успех издания должны были обеспечить обязательные подписчики. Присутственных мест и должностных лиц в губернии набиралось 125; церковные приходы, также обязанные получать газету, и пожелавшие ее выписывать частные лица могли увеличить число экземпляров до 300. Подписка для частных лиц принималась на год или полгода в почтовых конторах или должностными лицами (губернским правлением, полицмейстером, городничими, исправниками, заседателями, волостными правлениями). Вместо положенных по закону 3 руб. сер., «по уважению местных обстоятельств и по новости этого дела в Сибири, а также по интересу статей, относящихся до малоизвестной еще для многих Сибири», годовая подписка на ведомости устанавливалась в 4 руб. сер. и 3 руб. сер. при получении только официальной части. Пересылка и доставка на дом удорожала подписную цену на 1 руб. При средней стоимости 1 экз. газеты 4 руб. сер. за тираж 300 экз. губернское правление предполагало выручить 1 200 руб. Эта сумма должна была покрыть расходы на бумагу (600 руб.) и другие издержки (400 руб.). Получалось, что даже при 300 подписчиках (а выпускать можно было и 500 экз.) газета могла приносить прибыль, учитывая, что содержание типографии в год (по данным 1846 г.) обходилось городскому казначейству в 1 342 руб. 50 коп. В качестве важной статьи дохода рассматривались частные объявления, за которые предполагалось взимать плату по ¼ коп. сер. с десяти печатных знаков¹⁸.

Оплата литературных трудов по наполнению неофициальной части не предусматривалась. Более того, полагалось, что будущие авторы будут исходить из «соревновательности» и их статьи будут печататься бесплатно, только «в видах поощрения». Вопрос о создании профессионального коллектива «по новости этого дела» мыслился в соответствии с формальными положениями законодательства. При губернском правлении открывался газетный стол и вводилась должность корректора, который заведовал сортировкой поступающих статей, их размещением по рубрикам, порядком набо-

¹⁸ Вероятно, эта цифра появилась путем пересчета на серебро, с учетом инфляции, тарифа от ¼ до ½ коп. за букву, установленного «Положением об издании губернских ведомостей» 1830 г.

ра и печатания. Редакцию неофициальной части должен был осуществлять один из учителей томской гимназии под контролем ее директора. Подготовленный экземпляр просматривался и утверждался к печати вышестоящим советником губернского правления. После набора и оттиска корректурного листа он поступал для правок и утверждения редактору неофициальной части. Последнюю визу «Печатать дозволяется» накладывали председатель губернского правления и директор гимназии. Наконец, советник правления вновь получал завизированный экземпляр и заключал: «Набрать и отпечатать». Все корректурные листы хранились под надзором корректора¹⁹.

Однако издание «Томских губернских ведомостей» в 1855–1856 гг. так и не началось. Открытие газетного стола требовало увеличения штатов. На заседании Томского губернского правления 21 июля 1855 г. был сделан вывод, что средства к изданию ведомостей и необходимые на это издержки рассчитаны примерно. Резкой критике правлением были подвергнуты макет и содержание газеты, поскольку выявились нарушения 28 из 36 статей порядка обнародования распоряжений высшего и местного начальства через губернские ведомости. В самой разработке такой «заготовки» для «Томских губернских ведомостей» на основе российских аналогов не было необходимости, поскольку форма была утверждена Министерством внутренних дел еще в 1837 г., а содержание и темы четко прописаны в законе²⁰. Шрифты, выписанные и уже оплаченные, из Москвы так и не прибыли. Новый типографский станок и пять касс шрифтов (в дополнение к уже истершимся десяти) были приобретены только в 1857 г.²¹

6 декабря 1856 г. по представлению западно-сибирского и восточно-сибирского генерал-губернаторов и рассмотрению Сибирского комитета был принят закон «О некоторых изменениях по управлению в Восточной Сибири и Западной Сибири», изменявший территориальное устройство внутри сибирских губерний, увеличивавший содержание чиновников и вводивший новые штаты. В системе губернского управления появлялась новая должность – «редактор губернских ведомостей, он же начальник газетного стола и начальник типографии» – с годовым окладом в 400 руб.²² Цензура

¹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 8–16.

²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 25–26.

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 36.

²² *Именной*, данный Сенату, опубликованный 10 января 1857 г., о некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири. 6.12.1856 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1856. Т. 31. № 31222.

неофициальной части ведомостей 8 августа 1858 г. была предоставлена Сибирским комитетом местным начальникам губерний²³, при возникновении «сомнений» им необходимо было обращаться к местным генерал-губернаторам как высшей цензурной инстанции²⁴.

Таким образом, в конце 1856 г. законодательно было разрешено приступить к изданию губернских ведомостей в Сибири, обеспеченных государством организационно и финансово. На восточной периферии Российской империи они появились на двадцать лет позже, чем в центральной части²⁵, в качестве шага нового правительства к распространению на всю территорию страны единообразных принципов управления и расширения масштабов единой информационной системы казенных изданий. Смена верховной власти привела к логическому перенесению проекта по изданию ведомостей на сибирские губернии. По своему замыслу, структуре и содержанию они являлись продолжением ведомостей российских, тенденции к некоторой демократизации которых наметились еще в конце николаевского царствования. Необходимость и сложность в организации какого-либо нового дела в сибирской провинции всегда уравнивались и необходимым формально-юридическим обоснованием, и наличием образованных и ответственных исполнителей. Местная администрация вполне осознавала необходимость издания официальной газеты и проявляла соответствующую инициативу, исходя как из ее социально-экономической и общественной значимости, так и из необходимости улучшения делопроизводства в губерниях.

На всем протяжении своего существования губернские ведомости финансово и организационно были связаны с губернской типографией. Обе эти структуры подчинялись губернскому правлению и возглавлялись, согласно штатному расписанию, чиновником, со-

²³ *Высочайше* утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату министром внутренних дел, о предоставлении местным начальникам губерний цензуры неофициальной части губернских ведомостей, издаваемых в Сибири. 8.08.1858 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 2. № 33459. В качестве юридического основания для этого решения Комитет избрал прил. 167 к ст. 648 «Свода законов», но без поправки, введенной положением Комитета министров 27 апреля 1851 г. о возможности цензурирования неофициальной части профессором или чиновником училища.

²⁴ По *Высочайше* утвержденному положению Сибирского комитета. Распоряжение 2 сентября 1858 г. // Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г. С. 64.

²⁵ В сходной ситуации была не только Сибирь, но и южные и прибалтийский территории. Так, «Ставропольские губернские ведомости» начали выходить с 1850 г., «Курляндские» – с 1852 г., «Лифляндские» и «Эстляндские» – с 1853 г., «Бессарабские областные ведомости» – с 1854 г., а «Кубанские» и «Терские» даже позже сибирских – в 1863 и 1868 гг.

единающим в себе функции начальника газетного стола, смотрителя типографии и редактора губернских ведомостей²⁶. Ведение неофициальной части могло быть поручено отдельному лицу, но эта должность также была неофициальной, не предусматривала оплаты и не предоставляла прав государственной службы. Только 8 июня 1865 г. такая возможность была прописана законодательно, как и выделены штатные единицы смотрителя типографии и корректора – «в случае надобности» и «на счет типографских сумм»²⁷.

Состояние губернских типографий Сибири, открытых в 1819 г., к началу выхода губернских ведомостей в 1857 г. было, в целом, неудовлетворительным, как в отношении состояния типографского оборудования, так и финансового обеспечения для покрытия всех расходов по изданию газет губернских правлений²⁸. Для того, чтобы привести в исполнение закон «О некоторых изменениях по управлению в Восточной Сибири и Западной Сибири» 6 декабря 1856 г., предписывавший издавать ведомости, губернаторы предпринимали шаги по обновлению типографского оборудования. В 1857 г. в петербургской словолитне Ж. Ревильона для Тобольска был заказан один печатный немецкий станок (стоимостью 350 руб.) и литеры (1249 руб.)²⁹, новый типографский станок и пять касс шрифтов были приобретены в Томске³⁰.

²⁶ *Свод законов Российской империи*. Издание 1857 г. СПб., 1857. Т. 2, ч. 1. Ст. 863.

²⁷ «На счет типографских сумм могут быть определяемы, в случае надобности: 1) особый редактор неофициальной части ведомостей, без предоставления, однако же, ему по сему званию, прав государственной службы, почему он и может быть назначаем из лиц постороннего ведомства или вовсе не служащих; 2) особый смотритель типографии с правами службы наравне с делопроизводителем, или же смотритель типографии под названием фактора, без прав государственной службы, и 3) корректор или с правами службы наравне с помощником делопроизводителя, или же из лиц, вовсе не служащих» (*Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗ). Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42180. Ст. 10).

²⁸ В центральных губерниях ведомости выходили тоже в условиях невысокого уровня типографского дела. Так, в 1837 г. в распоряжении саратовской губернской типографии находилось три устаревших станка и только 30 пудов годного к употреблению шрифта. Потребовалось 5 тыс. руб. правительственного пособия, чтобы начать выпуск «Саратовских губернских ведомостей» (*Хороманский В.М. Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894 гг. Саратов, 1895. С. 18–19*). В типографии Оренбургского губернского правления было два ручных станка, и текст «Оренбургских губернских ведомостей» первоначально печатался только на одной стороне листа (*Столянский Н.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. 12, т. 12. С. 1–2*).

²⁹ По причине загруженности другими заказами Ж. Ревильон уведомил Тобольск о получении им денег, высланных в марте 1857 г., только через восемь месяцев, поэтому типография продолжила работу на старом оборудовании (*Местные известия // Тобольские*

Материально-технические основания издания губернских ведомостей и развитие казенного типографского дела позволяют подробнейшим образом осветить дошедший до нашего времени, в хорошей степени сохранности и полноты, томский архивный материал. Основные статьи доходов томской губернской типографии составляли: сумма штатного содержания (1 200 руб.), подписная плата с обязательных и частных подписчиков «Томских губернских ведомостей», публикация частных и казенных объявлений в газете, типографские работы (частные заказы выполнялись с разрешения губернского правления и в соответствии с расценкой, определенной губернатором). В отношении размещения объявлений от присутственных мест действовали те же правила, что и для «Сенатских ведомостей». За трехкратное напечатание казенного объявления в официальной или неофициальной частях и частного объявления в официальной части, не превышающего 50 строк и помещающегося на одной странице, взималась плата 1 руб. 50 коп. сер. (в 1878 г. плата за публикации по судебным делам увеличена до 3 руб.³¹). Стоимость частного объявления, размещаемого в неофициальной части, утверждалась губернатором и составляла 3 руб. В долг могли размещаться объявления о продаже земли, описанной за казенные взыскания (объявления оплачивались после продажи); об отстранении неисправных содержателей питейных и соляных откупов, о розыске незаконных водочных производителей (деньги взыскивались с виновных); о найденных вещах и скоте (оплачивались их владельцами); вызовы для получения патентов и других документов (оплачивались получателями); о вызове по судебным делам (оплачивались вызываемыми).

Официальная информация, как было задумано еще в проекте ведомостей 1830 г., разделялась на предписания и распоряжения (императорские и сенатские указы, министерские циркуляры, распоряжения генерал-губернатора и губернатора), которые публиковались бесплатно, и казенные объявления и известия, за которые взималась плата из сумм, предназначаемых присутствиям и должностным лицам на канцелярские расходы. Бесплатно размещались объявления по судебным делам, в которых принимали участие казна или воспи-

губернские ведомости. 1857. 14 № 34. 14 дек. С. 356; *Маленькая оговорка* // *Тобольские губернские ведомости*. 1858. № 5. 1 февр. С. 79).

³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 36.

³¹ *Сенатский*, по делу о размере платы в казенные и частные объявления, помещаемые в губернских ведомостях, 28.06.1878 // *ПСЗ. Собр.* 2-е. СПб., 1880. Т. 53, ч. 1. № 58668.

тательные дома; объявления, исходящие от судебной власти; по уголовным делам, рассматриваемым в Сенате; по вызовам в уголовные палаты для выслушивания приговора и о высылке лиц к следствию; «по жалобам людей, отыскивающих свободу»³².

Относительно сообщений, исходящих от губернатора и губернского правления, по-видимому, действовало правило их разделения на распоряжения, размещаемые бесплатно, и объявления, за которые взималась плата. Во всяком случае, исходя из сохранившейся делопроизводственной документации «Томских губернских ведомостей», графа «Доходы от публикаций» распространялась и на эти высшие должностные лица.

Как показала практика, формулировка «для скорейшего обнародования распоряжений губернского начальства и других известий, следующих ко всеобщему сведению или исполнению», которая определяла содержание официальной части ведомостей, оказалась довольно размытой и на всем протяжении существования газеты вносила неясность относительно оплаты печатных площадей. Так, возникали запросы губернаторов о разъяснении, требовать или не требовать оплаты за публикацию объявлений о переводе пенсий из одной губернии в другую (пенсии находились в ведении правительственного учреждения – Министерства финансов)³³, о помещении росписей по водочной торговле³⁴ и о печатании постановлений земств³⁵ (они следовали к всеобщему сведению и исполнению). В первых двух случаях было принято решение о бесплатном размещении. В случае с известиями, отчетами, сметами и другими документами новообразованных земских учреждений губернаторы про-

³² Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. СПб., 1857. Т. 1, ч. 1. Ст. 472. Прил. 14. П. 3–5.

³³ По департаменту общих дел. 18 мая 1866 г. № 9208. О бесплатном помещении в губернских ведомостях объявлений, принадлежащих к категории правительственных распоряжений // Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 250.

³⁴ Циркуляр департамента полиции. 26 января 1891 г. № 350. О бесплатном помещении в официальной части губернских ведомостей составленных присутствиями по питейным делам росписей местностей на разряды по взиманию патентного сбора с заведений для раздробительной продажи питей // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 252.

³⁵ Циркуляр по департаменту полиции. 25 мая 1871 г. № 113. О бесплатном печатании в губернских ведомостях постановлений земских учреждений // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 251.

сили об оплате земствами этих публикаций ввиду резкого возрастания нагрузки на типографии при недостатке ее доходов³⁶. Однако по изданию «Свода законов» 1876 г. эта информация завершала перечень распоряжений и известий, которые публиковались бесплатно (далее следовал перечень казенных объявлений)³⁷.

Основными расходными статьями типографии являлись: оплата труда штатных служащих и наемных рабочих; приобретение типографского оборудования и его ремонт; покупка шрифтов, бумаги и красок; рассылка отдельных изданий типографии и «Томских губернских ведомостей»³⁸; отопление и освещение помещения. Кроме того, значительная часть типографских доходов предназначалась для «усиления средств губернского правления» и на выдачу премий чиновникам³⁹ (табл. 1).

Таблица 1

Общие доходы и расходы томской губернской типографии в 1859–1866 гг.⁴⁰

Год	Доход (включая сумму штатного содержания и остаток за прошлый год)	Расход	Остаток
1859	8 312 руб. 88 $\frac{3}{4}$ коп.	5 743 руб. 41 коп.	2 569 руб. 47 $\frac{3}{4}$ коп.
1860	7 268 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп.	6 185 руб. 99 коп.	1 082 руб. 45 $\frac{3}{4}$ коп.
1861	7 129 руб. 58 $\frac{1}{2}$ коп.	5 710 руб. 92 коп.	1 418 руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп.
1862	6 779 руб. 2 $\frac{3}{4}$ коп.	5 903 руб. 67 $\frac{1}{4}$ коп.	875 руб. 35 $\frac{1}{2}$ коп.
1863	5 792 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп.	5 530 руб. 53 $\frac{1}{4}$ коп.	261 руб. 89 $\frac{1}{2}$ коп.
1864	5 489 руб. 37 коп.	5 330 руб. 73 $\frac{3}{4}$ коп.	158 руб. 63 $\frac{1}{4}$ коп.
1865	3 702 руб. 72 $\frac{1}{2}$ коп.	3 508 руб. 93 коп.	193 руб. 79 $\frac{1}{2}$ коп.
1866	3 386 руб. 5 $\frac{1}{4}$ коп.	2 647 руб. 63 $\frac{1}{2}$ коп.	738 руб. 41 $\frac{3}{4}$ коп.

Таким образом, годовой оборот типографии и ее доходность характеризовались тенденцией к снижению. Частные заказы сокращались ввиду невысокого качества исполнения. Шрифты, которыми

³⁶ Циркуляр департамента полиции исполнительной. 16 марта 1872 г. № 55. О доставлении сведений, насколько расходы по бесплатному печатанию в губернских ведомостях постановлений земских учреждений могут быть без затруднения покрываемы настоящими доходами губернских типографий // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 251.

³⁷ Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. Ст. 766.

³⁸ В количестве двух экземпляров ведомости должны были доставляться в Императорскую публичную библиотеку, в одном экземпляре – в Московский публичный музей, Центральный статистический комитет, Русское археологическое общество, Академию наук, Александровский университет в Гельсингфорсе, Санкт-Петербургский цензурный комитет (с 1865 г. – в Главное управление по делам печати).

³⁹ Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. СПб., 1857. Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. Гл. 11: Часть казначейская. Ст. 994.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 95–96; Д. 1916. Л. 37.

в течение 10 лет печаталась газета, не заменялись новыми, из имеющихся станков только два чугунных были в исправном состоянии, а два деревянных проработали уже 45 лет⁴¹. Такая ситуация была, в целом, характерна для правительственных учреждений печати во многих российских губерниях.

8 апреля 1865 г. Министерство внутренних дел констатировало, что ведомости не приносят той существенной пользы, которой следовало бы от них ожидать как для центрального управления, так и для местного населения, а типографии, составляя довольно обильный источник дохода для улучшенного издания ведомостей и для усиления средств губернских правлений, находятся в совершенном застое и в отношении производительности своей далеко отстают от частного типографского производства. Министр внутренних дел П.А. Валуев также обращал внимание на рост недоимок по услугам типографии и призывал к их ликвидации. Причинами этого назывались «запущенное состояние типографских снарядов» и ограниченность вознаграждения редактору газеты. На основании «опыта» и заимствований «из коммерческой практики» МВД предлагало ряд «правил» для улучшения типографского дела: улучшение издания губернских ведомостей по форме и по содержанию, усиление контроля за получаемыми и расходуемыми средствами, расширение круга частных заказчиков, сокращение издержек на бумагу и верстку путем нераздельного печатания официальной и неофициальной частей в формате *in folio* («в лист»). Рекомендовалось увеличить периодичность газеты; планировать доходы и расходы типографии на будущий год (доходно-расходная смета составлялась только по итогам года); предоставлять в министерство не только годовые, но и полугодовые отчеты о состоянии типографских сумм; повысить материальную заинтересованность редактора процентами от сумм, вырученных за объявления (25%) и подписку (20%) частных лиц (в расходных статьях типографии дополнительные процентные вознаграждения, что называется, «с продаж» ни для редактора, ни для других сотрудников не значились). Особое внимание в министерском циркуляре обращалось на необходимость приобретения часто употребляемых шрифтов (№ 12, 11, 10, 8), замены ручных печатных машин скоропечатными, открытия при типографии собственных словолитен. В 1866 г. губернаторам рекомендовалось размещать за-

⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 104, 105об.

казы на изготовление шрифтов в типографии Министерства внутренних дел, а не в частных заведениях, чтобы сократить расходы⁴².

Томское губернское правление первоначально попыталось переложить все сложности и расходы по улучшению типографского дела на частное лицо – было подготовлено два варианта проекта о передаче казенной типографии в аренду на пять или на семь лет. Арендатор должен был в течение года (во втором варианте – в первые 4 месяца) «улучшить настоящий шрифт», печатать на своей бумаге губернские ведомости, на своей же бумаге (с получением за нее платы) или на бумаге губернского правления печатать в срок все официальные документы (при этом «печать должна быть чистая, черная и четкая»), оплачивать труд типографских служащих, а также отопление и освещение помещений. Вознаграждением арендатору должны были стать подписная плата за ведомости, которую также надо было взыскивать самостоятельно, плата за тиражирование губернских ведомостей в размере 2 руб. сер. за 100 экземпляров (этот пункт появился только во втором варианте), частные и казенные заказы, которые все присутственные места и должностные лица обязывались размещать в губернской типографии⁴³.

Графа «Арендная плата» осталась незаполненной, но и без того ясно, что охотников взять на себя исполнение всех пунктов предлагаемых «кондиций» не нашлось. Техническое состояние, в котором находилась томская типография, требовало больших первоначальных вложений и последующей постоянной борьбы с неплатежами со стороны обязательных подписчиков и официальных клиентов. При желании открыть издательское дело или организовать издание газеты было проще с нуля. С другой стороны, в двойственном положении могли оказаться и губернское правление, и губернатор, лишаясь административного контроля над частным содержанием типографии. Если относительно бесперебойная работа типографии при ее казенном характере основывалась на небольшом, но фиксированном бюджетном содержании (1 200 руб.) и возможности заимствования средств из капиталов других правительственных учреждений, то арендатор мог обеспечить ее работу только в случае своевременной оплаты подписки и выполнения заказов. Отсутствие свободных

⁴² *Циркуляр* Департамента полиции. 8 апреля 1865 г. № 41. О ведении дел в губернских типографиях // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 238–241; *Циркуляр* Департамента общих дел. 14 августа 1866 г. № 14615 // Там же. С. 257; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 1–8об.

⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 89–93об., 98–105об.

средств для закупки бумаги, оплаты труда рабочих и погашения других расходных статей могло привести к остановке печатания губернских ведомостей и официальных документов, а это уже означало нарушение закона и сулило губернскому начальству немалые неприятности.

В конечном итоге предписание Министерства внутренних дел пришлось выполнять в расчете только на собственные ресурсы. С № 17 от 6 мая 1866 г. «Томские губернские ведомости» стали выходить в формате *in folio*; неофициальная часть перестала начинаться с нового листа, следуя сразу за частью официальной (аналогичные изменения произошли с большинством ведомостей). Это существенно уменьшало расход бумаги и сокращало количество оттисков. С 1866 г. для необязательных подписчиков повышалась подписная плата – с 3 руб. до 4 руб. 50 коп.⁴⁴ Номер на белой бумаге оценивался в 5 руб. 50 коп., отдельный экземпляр газеты мог продаваться по 20 коп.⁴⁵ По причине износа оборудования и отсутствия бумаги работа типографии часто останавливалась, но предложение о подсчете платы наборщикам по количеству набранных строк было отвергнуто, поскольку в этом случае «ни один из них не останется служить» и типография лишится работников, «служащих в типографии уже несколько лет»⁴⁶.

В 1867 г. из типографии Министерства внутренних дел были получены новые шрифты на сумму 722 руб. 73 коп.⁴⁷ Вместо покупки двух новых механических станков в столичном заведении Франца Марка в 1868 г. в рассрочку были приобретены словолитня для изготовления шрифтов и скоропечатная машина вюрцбургской системы, с производительностью 2 400 оттисков в час⁴⁸ (ручной станок печатал 300 оттисков). Томский губернатор Н.В. Родзянко выделил на приобретение машины и словолитни 2 340 и 550 руб. соответственно и лично телеграфировал Францу Марку о заключении сделки. Средства на эти цели пошли из типографских сумм (в заимствовании из ссыльнопоселенческого капитала было отказано министерством). В июне 1868 г. смотритель типографии и редактор ведомостей Н.И. Стефанов был командирован в Петербург на три месяца (на это

⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 34.

⁴⁵ Там же. Л. 289.

⁴⁶ Там же. Л. 87об.

⁴⁷ Один из ящиков с шрифтами, подписанный «В Т. Губерн. Правл.», был по ошибке отправлен в Тамбов (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 273).

⁴⁸ Такое количество экземпляров предусматривалось при формате 9 ¼ на 12 ½ вершков (41,07 на 55,5 см). Форматом 12 ½ на 19 вершков (55,5 на 84,36 см) можно было печатать 1 200 оттисков в час (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 222об.).

было затрачено еще 420 руб.) для изучения механизма машины, установки ее на месте и «вообще для изучения типографского дела»⁴⁹. В сентябре того же года Стефанов возвратился в Томск, собрал и запустил новое оборудование, на приобретение и доставку которого было затрачено 4013 руб. 49 коп.⁵⁰

Для пополнения доходов и усиления коммерческой составляющей правительственной газеты были понижены расценки на типографские работы, губернатор также задействовал административный ресурс – все окружные суды, полицейские управления и волостные правления губернии обязывались размещать в губернской типографии заказы на изготовление делопроизводственных книг и бланков⁵¹. При отсутствии альтернативы чиновники вынуждены были следовать этому предписанию. В результате в 1869–1870 гг. доходы типографии повысились в сравнении с 1866 г. более чем в 3,5 раза (табл. 2). Новая техника помогла расширить ассортимент и качество печатной продукции – в конце 1870 г. через газету было объявлено об открытии при томской типографии литографии для изготовления ярлыков, визитных карточек, бланков, поздравительных писем, наклеек и т.д.⁵² В 1871 г. был издан «Альбом видов г. Томска и его окрестностей» стоимостью 4 руб. сер.⁵³

Таблица 2

Общие доходы и расходы томской губернской типографии в 1869–1876 гг.⁵⁴

Год	Доход	Расход	Остаток
1869	11 618 руб. 26 $\frac{3}{4}$ коп.	7 567 руб. 65 коп.	4 050 руб. 61 $\frac{3}{4}$ коп.
1870	13 288 руб. 63 коп.	7 750 руб. 9 коп.	5 538 руб. 54 коп.
1871	8 776 руб. 33 $\frac{1}{4}$ коп.	8 678 руб. 87 $\frac{3}{4}$ коп.	97 руб. 45 $\frac{1}{2}$ коп.
1872	8 434 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп.	7 382 руб. 24 $\frac{1}{2}$ коп.	1 052 руб. 23 коп.
1873	10 383 руб. 42 $\frac{1}{2}$ коп.	9 590 руб. 49 $\frac{1}{2}$ коп.	792 руб. 93 коп.
1874	9 006 руб. 16 $\frac{1}{2}$ коп.	8 194 руб. 82 коп.	811 руб. 34 $\frac{1}{2}$ коп.
1875	9 902 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп.	9 209 руб. 85 $\frac{1}{2}$ коп.	692 руб. 62 коп.
1876	7 504 руб. 47 коп.	6 935 руб. 22 коп.	569 руб. 25 коп.

13 октября 1876 г. на томском и общесибирском рынке полиграфических услуг появилось новое действующее лицо – в городе открылась первая частная типографии В.В. Михайлова и П.И. Маку-

⁴⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1378. Л. 10об.–11; Оп. 2. Д. 1108. Л. 34, 234.

⁵⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 37–38об.

⁵¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 12; Д. 1108. Л. 116–121.

⁵² Томские губернские ведомости. 1870. № 48. 5 дек. С. 17.

⁵³ Томские губернские ведомости. 1871. № 32. 14 авг. С. 5.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 39.

шина⁵⁵. Через объявление в «Томских губернских ведомостях» она приглашала заказчиков к печатанию книг, счетов, расчетных листов, визиток, объявлений, этикеток и других малых форм печатной продукции, всегда востребованной торговой средой⁵⁶. Частная типография исполняла заказы быстрее, качественнее и дешевле. Доходы губернской типографии, не выдерживающей конкуренции, стали неуклонно снижаться (в сравнении с тремя предшествующими годами в среднем на 1 800 руб. в год) (табл. 3, 4).

Таблица 3

Общие доходы и расходы томской губернской типографии в 1877–1879 гг.⁵⁷

Год	Доход	Расход	Остаток
1877	6 129 руб. 57 коп.	5 772 руб. 22 коп.	358 руб. 11 коп.
1878	7 839 руб. 61 коп.	6 764 руб. 87 коп.	1 074 руб. 74 коп.
1879	7 051 руб. 64 коп.	5 767 руб. 86 коп.	1 283 руб. 78 коп.

В 1878 г. губернское правление вновь предписало полиции и волостным правлениям размещать заказы только в губернской типографии, но мера эта не достигла своей цели. Более того, правление само иной раз было вынуждено заказывать необходимую для своей деятельности печатную продукцию у В.В. Михайлова и П.И. Макушина. Постоянным клиентом частной типографии стала Томская духовная консистория, до этого размещавшая заказы в губернской типографии⁵⁸.

Материальные обстоятельства губернской типографии и газеты ухудшил указ от 9 марта 1876 г., на основании которого изымалась «прибыль типографии из ведения губернаторов и обращалась с 1 января 1878 г. в доход казны»⁵⁹. Губернская власть лишилась одного из источников дохода, которым могла распоряжаться по собственному усмотрению. Указом от 30 мая 1878 г. правительственные типографии обеспечивались на три года дотациями в размере

⁵⁵ Вторым полиграфическим предприятием Томска в 1884 г. стала типография «Сибирской газеты» (в 1888 г. продана А.В. Адриановым Е.Ф. Кудрявцеву). С 1887 г. начала действовать типография В.П. Картамышева, проданная в 1894 г. после смерти ее владельца товариществу «Г.П. Прейсман и Н.Я. Беляев», в 1900–1917 гг. ею владел К.А. Орлов (Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост. публ. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. С. 56; Карташова Т.П. Некоторые аспекты изучения регионального книжного дела (На примере библиотеки Г.К. Тюменцева) // Библиотечное партнерство для информационного развития : материалы VI Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2004 г. Томск, 2005. С. 184).

⁵⁶ *Томские губернские ведомости*. 1876. № 41. 16 окт. С. 4.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 39.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 599, 1789, 2554, 2648; Ф. 107. Оп. 2. Д. 1292.

⁵⁹ Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. Ст. 821.

135 тыс. руб., которые между губернскими правлениями распределял министр внутренних дел⁶⁰.

В конце 1879 г. департамент государственной экономии при рассмотрении финансовой сметы на 1880 г. вновь указал на необходимость увеличения доходов от деятельности губернских типографий и устранения оказавшегося в 1878 г. значительного в этих доходах недобора (из запланированных по смете 305 459 руб. поступило только 61 670 руб.). 29 января 1880 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр, который ставил перед губернаторами задачу обеспечить самоокупаемость типографий, а по возможности превратить типографскую деятельность в источник казенного дохода⁶¹.

Таблица 4

Доходы томской губернской типографии за 1878–1879 гг.⁶²

Статья дохода	К 1 января 1878 г. в недоимке	Поступило			К 1 января 1880 г. в недоимке
		1878 г.	1879 г.	1878–1879 гг.	
Губернские ведомости	1 925 руб.	989 руб. 31 коп.	934 руб. 47 коп.	1 923 руб. 78 коп.	1 498 руб. 74 коп.
Публикация объявлений	1 706 руб. 47 коп.	1 636 руб. 72 коп.	2 069 руб. 72 коп.	3 706 руб. 44 коп.	1 630 руб. 82 коп.
Частные типографские и литографские работы	3 259 руб. 3 коп.	2 394 руб. 10 коп.	1 304 руб. 63 коп.	3 698 руб. 73 коп.	2 958 руб. 48 коп.
Недоимки за прошлые годы		2 464 руб. 37 коп.	1 668 руб. 8 коп.	4 132 руб. 45 коп.	
Итого	6 890 руб. 50 коп.	7 484 руб. 50 коп.	5 976 руб. 90 коп.	13 461 руб. 70 коп.	6 088 руб. 4 коп.

Необходимость определения объемов финансирования казной расходов губернской типографии привела к необходимости составления ее смотрителем постатейных годовых отчетов 1878–1880 гг. о доходах (5 статей) и расходах (13 статей). До этого в шнуровых книгах фиксировались только общие суммы доходов и расходов. Отчеты подготавливались по представленной Министерством внутренних дел форме и предназначались для департамента полиции исполнительной, который с 1819 г. контролировал деятельность местных типографий (табл. 5).

⁶⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 27.

⁶¹ Там же. Л. 3.

⁶² Там же. Л. 32.

Таблица 5

Расходы томской губернской типографии за 1878–1879 гг.⁶³

Статья расходов	Годы		
	1878	1879	1878–1879
Содержание штатных служащих	3 058 руб. 38 коп.	3 228 руб. 72 коп.	6 287 руб. 10 коп.
Наем рабочих и других лиц			
Пособия и вознаграждения служащим	75 руб.		75 руб.
Приобретение шрифтов, машин и другого типографского имущества	832 руб. 67 коп.	75 руб.	867 руб. 67 коп.
Ремонт типографского имущества	16 руб. 16 коп.	15 руб. 53 коп.	31 руб. 69 коп.
Покупка бумаги, красок и других принадлежностей для печати	1 625 руб. 2 коп.	752 руб. 70 коп.	2 377 руб. 72 коп.
Издержки по отдельным изданиям типографии	295 руб. 73 коп.	580 руб. 58 коп.	876 руб. 31 коп.
Расходы по рассылке типографских произведений	87 руб. 51 коп.	104 руб. 99 коп.	192 руб. 50 коп.
Наем помещения для типографии			
Расходы на отопление и освещение типографских помещений	114 руб. 90 коп.	166 руб. 34 коп.	281 руб. 24 коп.
Получение промыслового свидетельства и оценочный сбор в пользу города	19 руб. 50 коп.	19 руб. 50 коп.	39 руб.
Уплата долгов, сделанных типографией в предыдущие годы		857 руб. 47 коп.	857 руб. 47 коп.
Перечисление в Государственное казначейство	650 руб.		650 руб.
Итого:	6 774 руб. 87 коп.	5 760 руб. 83 коп.	12 535 руб. 70 коп.
К 1 января 1880 г. осталось за типографией долгов 1 089 руб. 42 коп.			

Таким образом, мы видим, что типография в 1878–1879 гг. недополучила четвертую часть своих доходов: услуг было оказано на общую сумму 12 659 руб. 24 коп., из них получено 9 328 руб. 95 коп. (74 %), а 3 329 руб. 99 коп. (26 %) осталось в недоимке. Недоимка с прошлых лет погашалась (4 132 руб. 45 коп.), но возобновлялась вновь (сумма в 2 758 руб. 05 коп. осталась невыплаченной, к ней добавилось еще 3 329 руб. 99 коп.), поскольку чиновники, являвшиеся обязательными подписчиками, печатавшие бланки и объявления по делам службы, получали издания и услуги в кредит. Расходы типографии за этот же период обеспечивали, главным образом, содержание штатных служащих (50 %), приобретение бумаги и красок (19 %) и покрывали издержки только при взимании недоимок с прошлых лет.

⁶³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 32.

Проблема оплаты казенных объявлений возникла уже в первый год существования газеты, когда между Томским губернским правлением и генерал-губернатором Западной Сибири возникла переписка относительно помещения в газете объявлений Семипалатинского областного правления, не имеющего типографии и располагающего небольшими средствами на канцелярские расходы⁶⁴. «Томские губернские ведомости» оказались в ситуации, аналогичной той, в которой были правительственные издания с обязательной подпиской. В 1844 г. за получение сенатских собраний узаконений было определено сразу же вычитать причитающиеся сенатской типографии суммы в момент отпуска казенных, городских или земских средств на канцелярские расходы присутственных мест⁶⁵ (с 1860 г. с присутствий стали взимать и страховые взносы на пересылку денег через почту⁶⁶). Начавший издаваться при Главном управлении по делам печати с 1869 г. «Правительственный вестник» также несвоевременно получал деньги от обязательных подписчиков⁶⁷. «Санкт-Петербургские ведомости», утратившие оппозиционный либеральный характер после их передачи в 1875 г. Министерству народного просвещения, оказались в «крайне затруднительном положении» ввиду «медленного поступления денег» за печатание объявлений от различных учреждений⁶⁸. Средства, выделяемые на канцелярские расходы, не всегда были достаточны для своевременной оплаты правительственных изданий. Например, в 1840 г. должностные лица Кавказской области были освобождены от выплаты 5 руб. сер. за получение «Кавказского вестника», поскольку «определенная за получение помянутого вестника плата стесняет кавказские присутственные места и должностные лица по недостаточности предоставленных в распоряжение им канцелярских сумм, из которых плата сия производится»⁶⁹.

⁶⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 55–58.

⁶⁵ Сборник циркуляров и инструкций МВД. 23 декабря 1844 г. О порядке удержания денег за сенатские издания // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 244.

⁶⁶ Циркуляр департамента полиции исполнительной. 28 октября 1860 г. № 143. Относительно платы за сенатские издания // Сборник циркуляров и распоряжений МВД. С. 244–245.

⁶⁷ Циркуляр МВД. 28 марта 1880 г. № 1260. О порядке удержания подписных денег за газету «Правительственный вестник» // Сборник циркуляров и распоряжений МВД. С. 245–246.

⁶⁸ Циркуляр Департамента общих дел. 27 апреля 1885 г. № 5. О принятии мер к своевременной уплате денег, следующих за объявления, печатаемые в прибавлениях к газете «С.-Петербургские ведомости» // Сборник циркуляров и распоряжений МВД. С. 246.

⁶⁹ Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное управляющим Министерством внутренних дел, об освобождении присутственных мест

Из отчета томской типографии за первое полугодие 1880 г. (табл. 6) также очевидно, что текущая полугодовая прибыль едва покрывала издержки на содержание типографии, а положительное сальдо (2 153 руб. 49 коп.) достигалось за счет взимания прошлых долгов и добавления остатка с прошлого года. Кроме того, отчет не содержал в себе общей суммы к началу года.

Таблица 6

Доходы и расходы томской губернской типографии в январе – июне 1880 г.⁷⁰

Статья доходов		Статья расходов	
Губернские ведомости	686 руб. 30 коп.	Содержание штатных служащих	1 717 руб. 36 коп.
Частные типографские и литографские работы	1 182 руб. 20 коп.	Аванс смотрителю типографии на мелочные расходы	400 руб.
Недоимки за типографские работы	1 091 руб. 12 коп.	Ю. Нарбут за переплет книг	42 руб. 20 коп.
		В доход сенатской типографии	3 руб.
Итого	3 032 руб. 27 коп.	Итого	2 162 руб. 56 коп.
Остаток к 1 января 1880 г.	1 283 руб. 78 коп.		
Итого	4 316 руб. 5 коп.		
К 1 июля в остатке 2 153 руб. 49 коп.			

Остаток за 1879 г. в размере 1 283 руб. 78 коп. вместо перечисления в доход казны постановлением губернского правления от 29 декабря 1879 г. был оставлен в специальных средствах типографии. Тем самым были нарушены не только указ 1878 г. о перечислении доходов в распоряжение казны, но и статья Свода законов, согласно которой доходы типографии могут быть расходованы только с разрешения губернаторов и только на ее нужды⁷¹. Это нарушение новый смотритель типографии Н.И. Сухопаров объяснил тем обстоятельством, что «в январе и феврале 1880 г., вследствие конкуренции частной типографии, не предвидится доходов даже на покрытие необходимых в этих месяцах типографских издержек, в то время как типография должна немедленно уплатить долги 1879 г.». Долги за бумагу, шрифты и другие типографские принадлежности

и должностных лиц Кавказской области от платы за получение Закавказского вестника, 29.10.1840 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1841. Т. 15. Отд. 1. № 13902.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 21.

⁷¹ Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Т. 2. Ч. 1. Общее губернское учреждение. Гл. 10: Части экзекуторская, счетная и архивная. Ст. 821.

составляли 669 руб., более 600 руб. предназначались на выплату жалования типографским служащим за первые два месяца 1880 г.⁷²

Исполняющий должность томского губернатора В.И. Мерцалов 18 марта 1880 г., через 4 дня после окончательного назначения⁷³, просил губернское правление принять «самые деятельные меры к возможному увеличению типографского дохода»⁷⁴. Позже в своих воспоминаниях Мерцалов писал: «Губернская типография при переходе в мое распоряжение была в полном расстройстве: долгов на ней частных было 2 ½ тыс., казенных 6 тыс., машины испорчены, шрифты переломаны, бумаги ни листа»⁷⁵. 5 апреля 1880 г. губернское правление ответствовало, что типография, «несмотря на имеющуюся в оной скоропечатную машину, едва отрабатывает расходы на материалы и незначительное число служащих. Конкуренция частной типографии, имеющей гораздо больше шрифтов, две скоропечатные машины и свою литографию, положительно убила дело губернской типографии». Более того, при наличии более состоятельного и оборотистого конкурента губернская типография, не имеющая денег «даже на приобретение поперечных линеек для книг», не только не будет «давать пособие государственному казначейству, но сама должна будет ходатайствовать о пособии от казны»⁷⁶. В качестве мер к повышению доходов предлагалось применение административного ресурса (подобно предписаниям 1869 и 1878 гг.). Однако новый губернатор счел «неудобным» обязывать подведомственные учреждения делать заказы книг и бланков в губернской типографии и лишь рекомендовал им обращаться к ее услугам.

18 октября 1880 г. Н.И. Сухопаров написал губернатору представление относительно увеличения доходов типографии и улучшения газетного дела. Вступление, практически слово в слово, он позаимствовал из статьи председателя Томского губернского правления М.Н. Берестова «Состояние томской губернской типографии», который в 1867–1868 гг. поспособствовал обновлению типографского оборудования⁷⁷: «Состоящая при Томском губернском правлении типография с правительственной стороны есть не что иное, как

⁷² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 60.

⁷³ *Томские губернские ведомости*. 1880. № 15. 12 апр. С. 1.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 3–4.

⁷⁵ *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*. 1917. № 4–6. С. 27.

⁷⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 12–13 об.

⁷⁷ *Берестов Михаил*. Состояние томской губернской типографии // *Томские губернские ведомости*. 1871. № 11. 13 марта. С. 4–5.

средство для успешного сообщения постановлений и объявлений губернского и предписаний высшего начальства... Но кроме этого официального значения, губернская типография принимает на себя и исполнение частных, неофициальных заказов при условии, если на отпечатание заказа дано надлежащее разрешение. Здесь руководством для взыскания платы служит составленная в губернском правлении и утвержденная г. начальником губернии такса, из которой, как из рамки, не может выйти типография. Таким образом, при казенном характере типография принадлежит вместе с тем к торговым учреждениям и в этом последнем случае повинуетя всем законам рынка, т.е. чем дешевле она берет за свои работы, сравнительно с частными типографиями, чем чище, красивее и быстрее выполняет заказы, чем более имеет заказчиков, тем доходы ее значительнее, тем положение ее обеспеченнее и тем более у ней средств к исправности»⁷⁸.

В качестве возможностей увеличения доходов от издательской деятельности Сухопаров называл необходимость снижения расценок на частные заказы, замены часто меняющихся наборщиков опытными мастерами, расширения набора шрифтов и типографских принадлежностей, продажи 100 пудов негодного к употреблению шрифта, оцениваемого в 200 руб. сер. Губернское правление присовокупило к этим предложениям вновь просьбу «о предписании всем присутственным местам и должностным лицам в губернии обращаться с заказами в губернскую типографию, так как при теперешних условиях типографского дела это предписание уже никаким образом не будет насильствием чужой воли, а принесет истинную пользу как заказчикам, относительно дешевизны пред частными типографиями, так и самой типографии, увеличив ее доходы, что поставит типографию в возможность передавать в казну остатки, тем более, что мера эта была уже применяема в 1869 г. и дала блестящие результаты, возвысив доход типографии сразу на несколько тысяч»⁷⁹. 22 и 29 ноября 1880 г. Сухопаров попытался пополнить доходы типографии продажей старого типографского шрифта по 2 руб. за пуд, дважды опубликовав объявление во вверенной ему газете⁸⁰, но желающих его приобрести не нашлось. Таким образом, губернская типография, несущая на себе обременительные казенные обязанности, но вынужденная действовать в условиях конкуренции и рыночных от-

⁷⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 36.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 40–41.

⁸⁰ *Томские губернские ведомости*. 1880. № 46. 22 нояб. С. 4; № 47. 29 нояб. С. 4.

ношений, должна была, по мнению руководства, получать бюджетные дотации и располагать административной поддержкой.

Губернатор уменьшил плату на заказы в губернской типографии и 13 ноября 1880 г. поручил губернскому правлению, «чтобы все подведомственные чины и волостные правления заказывали книги и бланки в томской губернской типографии, которая при теперешних условиях типографского дела будет исполнять заказы аккуратно и дешевле (зачеркнуто и написано «не хуже») частной типографии»⁸¹.

Как и в 1879 г., чистый доход типографии в 880 руб. 29 коп. (табл. 7) не был перечислен государству, а оставлен в специальных средствах типографии постановлением губернского правления от 30 декабря 1880 г. по тем же самым причинам: «Перечисления этого не представлялось возможным сделать ввиду того, что в январь и февраль 1881 г., вследствие конкуренции частной типографии, не представляется доходов даже на покрытие необходимых в этих месяцах типографских издержек». Кроме того, за типографией числилось 1 438 руб. 29 коп. неотложных долгов за шрифты, бумагу и переплет⁸².

Таблица 7

**Доходы и расходы томской губернской типографии
с 1 ноября 1880 г. по 1 января 1881 г.**⁸³

Статья доходов	Статья расходов		
Губернские ведомости	282 руб. 22 коп.	Содержание штатных служащих	2 004 руб. 86 коп.
Частные типографские и литографские работы	1 954 руб. 9 коп.	Приобретение и доставка шрифтов и бумаги	1 492 руб. 37 коп.
Недоимки за типографские работы	394 руб. 82 коп.	Выдано вдове редактора «Томских губернских ведомостей» Стефановой на погребение мужа	50 руб.
Недоимки за губернские ведомости	75 руб. 90 коп.	Аванс смотрителю типографии	430 руб.
		На депозит полицейского управления	3 руб.
Итого	2 707 руб. 3 коп.	Итого	3 980 руб. 23 коп.
Остаток к 1 июля 1880 г.	2 153 руб. 49 коп.		
Итого	4 860 руб. 52 коп.		
Затем к 1 января 1881 г. в остатке: 880 руб. 29 коп.			

⁸¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 48.

⁸² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 56.

⁸³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 55об.–56.

23 февраля 1881 г. силами четырех чиновников губернского правления в помещении типографии была проведена ревизия наличных денег и делопроизводственной документации. Выяснилось, что «бумаги о делаемых заказах находятся в беспорядке, так что нет возможности определить действительную цифру заказов, из каких многие на приход не записаны». Заказы были записаны карандашом на обычном листе, хаотически, не по форме и без всякой системы. Многие из них не значились по приходным книгам или значились неоплаченными, хотя, по словам наборщиков, они были отпечатаны и казенная бумага на них была употреблена. Квитанции об оплате за годовые комплекты «Томских губернских ведомостей» и просьбы о высылке газеты частным лицам и присутственным местам имелись (стандартных листов подписки не существовало), но в доход эти сборы (3 руб. в Томской губернии и 5 руб. 50 коп. за ее пределами) внесены не были, а сами ведомости не высылались⁸⁴. В графе «Приход» не значилось 832 руб. 25 коп., не было представлено отчетов на сумму 65 руб. 78 коп. по наличным типографским материалам и на 63 руб. 58 коп. по хозяйственному авансу. Таким образом, типографии был причинен ущерб в 961 руб. 61 коп.⁸⁵ 25 февраля 1881 г. Сухопаров был отстранен от должности и на время расследования причислен к Томскому губернскому правлению. Смотрителем типографии был назначен проводивший ревизию казначей и экзекутор Н.Е. Васильев, редактором ведомостей – столоначальник, канцелярский служащий О. Вольский⁸⁶, а с 4 марта обе должности занял чиновник по особым поручениям К.К. Горт-де-Гротт. Ему же было поручено вести дело о недостатке типографских сумм.

В рапорте от 10 апреля 1881 г. Сухопаров объяснял беспорядки в документации следующим образом: «С ноября месяца 1880 г. я был одержим болезнью, состоящею в излишнем употреблении спиртных напитков, вследствие чего в конце февраля месяца томским губернским правлением был отправлен в томскую городскую больницу на излечение, откуда, излечившись, вышел. По выходе из больницы я нашел у себя в квартире несколько заказов по типографии и полученных за исполнение денег. Болезнь моя, состоявшая в последнее время в продолжительном беспамятстве, не позволяет

⁸⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 4а.

⁸⁵ Там же. Л. 8.

⁸⁶ *Томские губернские ведомости*. 1881. № 9. 28 февр. С. 2. Вольский редактировал только № 9–10 1881 г. В этой должности он работал и во время болезни Н.И. Стефанова (1880. № 13–17).

мне утвердительно сказать, были ли эти заказы записаны в книгу заказов, а потому, прилагая при этом самые заказы и девятьсот пятьдесят пять рублей денег, имею честь покорнейше просить губернское правление делать распоряжение – проверить типографские книги с имеющимися налицо документами и из представленных мною денег вычесть то количество, какое будет причитаться по книгам...»⁸⁷.

Выполнение заказов было проверено по напечатанным экземплярам «Томских губернских ведомостей», корректурам для тиражирования и опросам типографских служащих. За период конца 1880 – начала 1881 г. типографией был исполнен такой акцидентный набор: 7 афиш посетившего Томск комика Страуса, в количестве 2 000 экземпляров каждое (что для провинциального города составляло значительное количество), гимназические дневники (400 экземпляров), ярлыки для спичек купцу Овечкину (10 стоп), бланки для конторы купцов Н.Н. Тюфина (150 экземпляров) и Н.И. Минского (5 форм), гарантийные обязательства для часового мастера (200 экземпляров), ротная книга для томской конвойной команды (80 листов), бланки для уездного волостного начальника (9 форм)⁸⁸.

Следствие установило, что смотритель типографии действовал не в корыстных целях, а под влиянием «ненормального состояния», вследствие «излишнего употребления горячих напитков». Деньги, поступившие за заказы (955 руб.), фактически наличествовали (6 руб. 61 коп. были внесены Сухопаровым позже). После смерти смотрителя типографии Н.И. Стефанова имущество типографии проверено не было, поэтому следствие заключало, что «не обнаружено никаких данных, чтобы эти материалы растрочены были именно им, а также не обнаружено и виновных в растрате материалов». По сложившейся традиции многие из заказов частных лиц и присутственных мест были исполнены в долг, что еще более запутывало ситуацию. Так, например, ведомости высылались томскому публичному маклеру, за которым значился долг в 5 руб. 50 коп., мещанам Григорию Кудрину (80 коп.) и Александру Иванову (1 руб.), смотрителю тюремного замка и его помощнику, за что следовало взыскать по 2 руб. с каждого, и т.д.⁸⁹

Несмотря на бедность (на вопрос следователя о движимом имуществе Сухопаров с иронией отвечал, что «оно заключается в но-

⁸⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 40.

⁸⁸ Там же. Л. 30об.–31.

⁸⁹ Там же. Л. 29.

шенном платье и кабинетных принадлежностях стоимостью приблизительно на 50 руб.»⁹⁰), отстраненный от дел смотритель типографии настаивал, что он не имел потребности в казенных деньгах, поскольку получал материальную помощь от отца. Губернатор В.И. Мерцалов считал тем не менее невозможным приостановить следствие⁹¹. Только при новом губернаторе И.И. Красовском 21 ноября 1883 г. следствие, которое длилось 2,5 года, было прекращено, обвинение в растрате снято и заменено строгим выговором за беспорядки в делопроизводстве⁹².

Эта история, правда, в искаженном виде и с характерными для публицистики обобщениями, была донесена до читателей «Восточного обозрения». Ведение дел в томской типографии оценивалось как «поставленное самым нелепым образом», при котором ведомости «вытягивают вместе с типографиями тысячи казенных денег». Их редактором «назначается какой-нибудь чиновник, не только не получивший образования, а не всегда даже и хорошо грамотный» (Н.И. Стефанов окончил томскую гимназию, Н.И. Сухопаров вышел на службу с третьего курса Казанского университета). Должность редактора называлась «синекурой» (это при жалованьи в 393 руб. 50 коп. в год), а занимающий ее чиновник еще и «всеми способами обворовывает типографию». Далее «Сибиряк»⁹³ указывал на «факты» – Сухопаров (правда, без упоминания фамилии) назывался ворм, который «привел все дело в страшный беспорядок и запущение» и растратил 995 руб. типографских денег, которые «внес его отец, состоятельный человек» (священник!). Следующий редактор ведомостей, который «хозяйничал» в типографии «до марта 1882 г.» (в этот период газету подписывал К.К. Горт-де-Гротт), также обвинялся в сокрытии истинных сумм типографских заказов и приписках. Заканчивалась статья утверждением, что «многолетний опыт подобного ведения дел» требует реформирования губернской официальной газеты – передачи ведения неофициальной части сибиряку с университетским образованием, в соединении этой должности с обязанностями секретаря статистического комитета, т.е. по сути

⁹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 480–480об.

⁹¹ Там же. Л. 25.

⁹² Там же. Л. 8–9об.

⁹³ Под псевдонимом «Сибиряк» в печати выступал сам Ядринцев (*Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев*. СПб., 1904. С. 209). А.В. Адрианов, рассказывая о сибирской интеллигенции в Томске, указывает на свое авторство данной статьи (*Адрианов А.В.* Томская старина. Томск, 1912. С. 48).

вспоминалась ситуация 1864–1865 гг.⁹⁴ В своем труде «Сибирь как колония» Н.М. Ядринцев вскользь упоминал об этой ситуации, придав ей характер общесибирской: «Самое существование их [губернских типографий] было плачевное, хозяйство убыточное и большею частью ознаменовывавшееся переходом казенных денег в карманы управлявших типографией чиновников (истории эти повторяются до последнего времени в Сибири)»⁹⁵.

Дела томской губернской типографии и в самом деле шли неважно. В 1883 г. долги за типографские услуги, накопившиеся за 15 предшествующих лет, достигли значительной суммы – 7 079 руб. 89 коп.⁹⁶: 2 705 руб. 98 коп. – за публикации объявлений в ведомостях, 950 руб. 36 коп. – за сами ведомости, 3 423 руб. 55 коп. – за заказы в типографии. 168 должностных лиц и присутственных мест – подписчиков томской и других сибирских губерний и областей – было указано в списке должников, составленном по требованию нового губернатора И.И. Красовского в 1884 г. На первом месте значилась должность самого томского губернатора с долгом в 229 руб. 40 коп. за публикации и 278 руб. 80 коп. за заказы, долга по выписке ведомостей не значилось. «До чего они докатились!» – такую пометку по этому случаю оставил Красовский на полях доку-

⁹⁴ *Сибиряк*. Исследования Сибири и губернские ведомости (Письмо из Сибири) // Восточное обозрение. 1882. № 6. С. 9–11.

⁹⁵ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 667. Известно, что сила слова русского интеллигента ориентирована прежде всего на критику существующих порядков (благо, недостатка в объектах для критики в нашем отечестве никогда не ощущалось), а «главный вопрос для российских СМИ – не вопрос отношения с читателем, а вопрос отношения с властью» (300 лет российской печати. М., 2003. С. 5). Г.Н. Потанин вспоминал такую «остроумную шалость» Н.М. Ядринцева. И.Я. Словцов, преподававший в 1879 г. в кадетском корпусе в Омске, напечатал в «Акмолинских областных ведомостях» статью, в которой описал, как живут раки в реке Оми. «Ядринцев прочел ее и начал убеждать своих знакомых, что это чистая публицистика, что это едкая сатира на самых видных омских чиновников, пасквиль на них. Ядринцев очень метко подобрал к фразам Словцова параллели из жизни омских чиновников. И это ядринцевское толкование вскоре распространилось по всему Омску. Параллели были так метки, что поверили, что это не ученая статья, а пасквиль, и задетые чиновники напали на Словцова» (*Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 37). Сам Ядринцев описал этот случай следующим образом: «Сибирское общество не понимает ещё сатиры и принимает ее за чистую монету. Это напоминает нам, как жители Омутинска, подстрекаемые одним насмешником, приняли несколько лет назад статью о раках, напечатанную в “Губернских Ведомостях” одним натуралистом, за обличение их собственной жизни и нравов» (*Ядринцев Н.М.* Из страны чудес и курьезов // Восточное обозрение. 1884. № 24. 14 июня. С. 12–14).

⁹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 4.

мента. Среди наиболее злостных неплательщиков по подписке на газету были полицейские управления Томска (252 руб. 15 коп.), Бийска (201 руб.) и Каинска (121 руб. 85 коп.)⁹⁷.

Таблица 8

Доходы и расходы томской губернской типографии в 1883 г.⁹⁸

Статья доходов		Статья расходов	
Обязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	827 руб.	Содержание штатных и наемных рабочих	6 994 руб. 96 коп.
Необязательная подписка на Томские губернские ведомости»	633 руб. 57 коп.	В доход казны и на содержание редактора и его помощников	400 руб.
Частные типографские и литографские работы	6 820 руб. 98 коп.	Приобретение и доставка шрифтов, бумаги, красок	2 932 руб.
Объявления в официальной части	2 349 руб.	Процентное вознаграждение	200 руб.
Объявления в неофициальной части	315 руб. 75 коп.	Ремонт типографского имущества	198 руб. 18 коп.
Недоимки за частные типографские работы	1 034 руб. 74 коп.	Выписка журналов, газет, телеграмм	246 руб.
Недоимки за объявления	187 руб. 25 коп.	Рассылка ведомостей и типографских произведений	262 руб. 21 коп.
Недоимки за губернские ведомости	129 руб. 88 коп.	Отопление и освещение	398 руб. 70 коп.
Итого	12 298 руб. 17 коп.	Мелочные расходы	310 руб. 37 коп.
		Итого	11 942 руб. 42 коп.
Остаток к 1 января 1883 г.	1 807 руб. 51 коп.	Жалованье писцам губернского правления	1 495 руб. 76 коп.
Итого	14 105 руб. 68 коп.	Итого	13 438 руб. 18 коп.

На оборотной стороне отчета (табл. 8) И.И. Красовский провел свои расчеты на основании чистых доходов и расходов типографии за 1883 г. Сумма в 1 495 руб. 76 коп., пошедшая на выплату писцам губернского правления, была вычтена из остатка за 1882 г. (1 807 руб. 51 коп.). Расходы типографии, таким образом, «снизились» до 11 942 руб. 42 коп. При доходе в 12 298 руб. 17 коп. прибыль типографии составила 355 руб. 75 коп., а остаток с прошлого года – 311 руб. 75 коп. Эти правки были внесены в отчет, отправлен-

⁹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 10–11.

⁹⁸ Там же. Л. 14–16.

ный в Министерство внутренних дел. Несмотря на этот вполне законный арифметический прием, действительные материальные обстоятельства типографии не улучшились. Недополученные типографией средства за отчетный 1883 г. составили 3 191 руб. 6 коп., за предыдущие годы – 5 312 руб. 44 коп. Таким образом, недоимка за услуги типографии возросла с 7 079 руб. 89 коп. в 1883 г. до 8 503 руб. 50 коп. к 1884 г. За самой типографией значился долг в 5 390 руб. 38 коп.⁹⁹ В 1884 г., чтобы выплачивать жалованье служащим губернского правления, были сокращены издержки на зарплату рабочим (возможно, уменьшилась численность рабочих) и содержание основных фондов (табл. 9).

Таблица 9

Доходы и расходы томской губернской типографии в 1884 г.¹⁰⁰

Статья доходов		Статья расходов	
Обязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	702 руб.	Содержание штатных и наемных рабочих	5 970 руб. 72 коп.
Необязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	360 руб. 28 коп.	В доход казны на возмещение издержек, определенных повелением 12 мая 1861 г., и на содержание редакторов и их помощников	400 руб.
Частные типографские и литографские работы	4 775 руб. 50 коп.	Приобретение и доставка шрифтов, бумаги, красок	2 899 руб. 49 коп.
Объявления в официальной части	2 322 руб.	Процентное вознаграждение	75 руб.
Объявления в неофициальной части	530 руб. 56 коп.	Ремонт типографского имущества	14 руб. 28 коп.
Недоимки за частные типографские работы	2 579 руб. 5 коп.	Выписка журналов, газет, телеграмм	180 руб.
Недоимки за объявления	309 руб. 40 коп.	Рассылка «Томских губернских ведомостей» и типографской продукции	212 руб. 26 коп.
Недоимки за губернские ведомости	45 руб.	Отопление и освещение	238 руб. 52 коп.
Остаток к 1 января 1884 г.	667 руб. 50 коп.	Жалованье писцам губернского правления	10 338 руб.
Итого	12 291 руб. 29 коп.	Итого	1 008 руб. 76 коп.
			11 346 руб. 90 коп.

⁹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 150б.¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 30–31.

Таким образом, прибыль в 276 руб. 89 коп. достигалась тем же приемом – добавлением остатка с прошлого года в 667 руб. 50 коп. Неполученные типографией средства за отчетный 1884 г., в сравнении с 1883 г., выросли на 184 руб. 49 коп. и составили 3 191 руб. 6 коп. С недоимкой за предыдущие годы в 5 570 руб. 5 коп. общая недоимка за услуги типографии к 1885 г. возросла до 8 945 руб. 60 коп. Долги самой типографии незначительно сократились – до 5 212 руб. 99 коп.¹⁰¹

5 марта 1885 г. Красовский отписывал губернскому правлению: «Я усматриваю крайнее несоответствие расходов с текущим приходом типографии, а из годовых отчетов за 1883 и 1884 годы оказывается, что недоимки по типографии ежегодно увеличиваются и долги самой типографии не уменьшаются»¹⁰². Для исправления ситуации он требовал представления списка должников типографии и списка долгов самой типографии, использования доходов типографии исключительно на погашение собственных долгов, улучшения «исправности» и дешевизны в исполнении заказов, указания в ежемесячных отчетах суммы реальных поступлений средств от заказчиков, и, наконец, не ограничиваясь административными мерами, Красовский предлагал печатать губернские ведомости для обязательных подписчиков на более дешевой и, соответственно, менее качественной бумаге. Эта последняя мера была исполнена, что видно из сохранившихся экземпляров «Томских губернских ведомостей» второй половины 1885–1886 г. По представленной правлением ведомости типография была должна различным частным фирмам за шрифты, бумагу и другие типографские принадлежности 4 572 руб. 40 коп.: 1 361 руб. 25 коп. – купцу М.Г. Кувшинову за газетную, александрийскую и альбомную бумагу; 1 304 руб. – в словолитное заведение Франца Марка и К^о за шрифты с разными принадлежностями, визитные карточки и бронзироваальные порошки; 641 руб. 80 коп. – в словолитню Гольдберга за шрифты и краску; 387 руб. 83 коп. – в словолитню Лемана; 373 руб. – в словолитню Гербека; 213 руб. 68 коп. – в контору В.Н. Бахарева, за доставку выписанных в 1884 г. шрифтов и бумаги; 180 руб. 84 коп. – в словолитню Вольфа за шрифты с принадлежностями; 110 руб. – в агентство Эд. Гоппе и К^о за краску и вальцевую массу¹⁰³. Энергичная деятельность

¹⁰¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 31об.

¹⁰² Там же. Л. 33–34.

¹⁰³ Там же. Л. 41.

И.И. Красовского по оптимизации казенного газетного дела в Томске была прервана скоропостижной кончиной губернатора 28 июня 1885 г., о чем в опекаемой им газете был опубликован некролог¹⁰⁴.

В дальнейшем, в конце XIX – начале XX в., томские власти как прибегали к внеэкономическим методам ограждения от конкуренции губернской типографии, препятствуя открытию частных типографских заведений¹⁰⁵, так и способствовали модернизации ее оборудования. В 1898 г. в одной из статей «Сибирской жизни» сообщалось, что в губернской типографии имелось две скоропечатные машины «в два наклада» (т.е. обеспечивающие печать листа одновременно с двух сторон)¹⁰⁶. С этого же года помещение губернской типографии перешло в аренду московской издательской фирмы С.П. Яковлева, которая выполняла все ее заказы (в 1901 г. она переехала в собственное здание)¹⁰⁷. В 1907 г. в губернской типографии числилось 48 человек (в ведущем частном издательстве – Сибирском товариществе печатного дела – 108 человек)¹⁰⁸. Однако, исходя из сообщения той же «Сибирской жизни», она по-прежнему продолжала работать со значительным дефицитом – в 1912 г. ее доходы составляли 28 049 руб. (1 776 руб. – подписная плата, 6 388 руб. за размещаемые объявления, 19 885 руб. за частные типографские и литографские работы), а расходы – 38 604 руб. (из них 26 тыс. – закупка бумаги, красок и наем рабочих)¹⁰⁹. В 1912 г. губернская типография обзавелась собственным двухэтажным зданием, рядом с губернским правлением, где она ранее находилась¹¹⁰. 27 мая 1914 г. датируется контракт между томской губернской типографией и Технико-

¹⁰⁴ *Томские губернские ведомости*. 1885. № 26. 4 июля. С. 18–20.

¹⁰⁵ *Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)* / Айзикова И.А., Воробьева Т.Л., Гнюсова И.Ф., Есипова В.А., Ивановская Е.В., Карташова Т.П., Макарова Е.А. Томск, 2014. С. 13–87.

¹⁰⁶ *Макушин П.И.* Откровенно и... беззастенчиво // *Сибирская жизнь*. 1898. № 33. 11 февр. С. 3.

¹⁰⁷ *Карташова Т.П.* Некоторые аспекты изучения регионального книжного дела (На примере библиотеки Г.К. Тюменцева) // Библиотечное партнерство для информационного развития : материалы VI Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2004 г. Томск, 2005. С. 184.

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3581. Л. 3.

¹⁰⁹ *Сибирская жизнь*. 1911. № 260. 25 нояб. С. 4.

¹¹⁰ *Сибирская жизнь*. 1912. № 52. 4 марта. С. 5. «... Губернская типография помещается в собственном доме, построенном на сбережения от доходности типографии...» (ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 95–96).

промышленным бюро об устройстве электростанции и парового отопления (стоимость контракта 14 тыс. руб.). Работы должны были быть закончены 1 октября 1914 г.¹¹¹

В аналогичном томской губернской типографии положении находилась типография Иркутского губернского правления. Открывшаяся в 1865 г. в Иркутске первая частная типолитография Н.Н. Синицына составила ей серьезную конкуренцию на рынке полиграфических услуг. Согласно отчету иркутского губернатора К.Н. Шалашникова губернской типографией было выручено в 1866 г. «менее, чем в предшествующем году, на 977 руб. 85 ½ коп.»¹¹². Доход губернской типографии был нестабилен, расходы же постоянно росли, даже при сокращении тиража губернских ведомостей, и покрывались, так же как и в Томске, за счет остатка средств с прошлого года, который играл роль своеобразного основного капитала (табл. 10).

Таблица 10

Общие доходы и расходы иркутской губернской типографии в 1866–69 гг.¹¹³.

Год	Доход	Расход	Остаток средств от прошлого года	Тираж «Иркутских губернских ведомостей»
1866	5 015 руб. 50 ½ коп.	5 121 руб. 79 ¾ коп.	835 руб. 97 ¾ коп.	495
1867	4 925 руб. 5 коп.	5 262 руб. 98 ¾ коп.	729 руб. 68 ½ коп.	500
1868	5 729 руб. 27 ¾ коп.	5 325 руб. 61 ¾ коп.	391 руб. 74 ¾ коп.	500
1869	5 612 руб. 69 ¼ коп.	6 000 руб. 31 ¾ коп.	792 руб. 96 ¾ коп.	400

В 1869 г. в связи с увеличением издания различных сочинений, брошюр, календарей, бланков, отчетов генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков обратился в Министерство внутренних дел с просьбой об учреждении в Иркутске должности отдельного цензора для просмотра светских сочинений за счет штатов цензурного ведомства. Главное управление Восточной Сибири навело справки относительно оплаты цензорского труда в европейских губерниях – в Ревеле, Дерпте, Митаве и Казани

¹¹¹ ГАТО. Р. 1362. Оп. 1. Д. 582. Л. 1–2.

¹¹² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1735. Д. 45. Л. 34.

¹¹³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1900. Д. 77. Л. 20об.–21; К. 1901. Д. 102. Л. 16об.–17; К. 1901. Д. 119. Л. 16об.–17; К. 1904. Д. 140. Л. 123–123об.

занимающий эту должность получал 686 руб. жалованья и 495 руб. столовых, всего – 1 181 руб. в год. В Риге, Киеве, Вильно и Одессе – 980 руб. жалованья, столовых – 990 руб., всего – 1 970 руб. На хозяйственные расходы и прочее полагалась сумма от 100 до 200 руб. Иркутскому цензору «в уважение существующей здесь на все дороговизны» предполагалось установить содержание наравне с рижским цензором – 980 руб. жалованья, 990 руб. столовых, 200 руб. на хозяйственные расходы, а всего 2 070 руб. в год. Кроме местной прессы и изданий, цензор должен был просматривать содержание присылаемых из-за границы книг, картин и другой печатной продукции. На него же, от вице-губернатора, Корсаков планировал переложить обязанности по просмотру неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей». Однако Министерство внутренних дел отказалось взять на себя расходы по содержанию отдельного местного цензора¹¹⁴.

Мы видим (табл. 11), что, только не погашая полностью своих расходных статей, губернская типография могла компенсировать недополучение своих собственных доходных сумм и иметь положительное сальдо в отчете. Кроме того, как и Томское губернское правление, иркутские власти вынуждены были нарушать указ 9 марта 1878 г. об обращении прибыли типографии в доход МВД¹¹⁵, что вызывало вопросы со стороны казенной палаты, несущей ответственность за обеспечение министерских интересов. За 1886–1888 г. Иркутское губернское правление должно было перечислить казне 2 104 руб. 50 коп. типографских прибылей, но долги самой типографии (к 1888 г. – 6 201 руб. 99 коп., в том числе 866 руб. 25 коп. – неоплаченные заказы самого правления и губернатора) позволяли губернскому правлению только обещать иркутскому губернатору В.З. Коленко, что полностью погасит недоимку «как только будет возможным», а в отношении взыскания долгов типографии с различных лиц и учреждений примет «самые решительные меры»¹¹⁶.

¹¹⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2030. Д. 43. Л. 9–10об., Л. 24.

¹¹⁵ Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. Ст. 821.

¹¹⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2451. Л. 8–8об., 15–15об.

Таблица 11

Доходы и расходы иркутской губернской типографии за 1889 г.¹¹⁷

Статья доходов		Статья расходов	
Остаток к 1 января 1889 г.	1 454 руб. 98 коп.	Содержание штатных служащих	9 600 руб. 31 коп.
Губернские ведомости с обязательных подписчиков с необязательных подписчиков	1 141 руб. 50 коп.	Приобретение шрифтов, машин, красок и других принадлежностей	3 806 руб. 71 коп.
	1 638 руб. 10 коп.		
Публикация объявлений в официальной части в неофициальной части	5 386 руб. 26 коп. 335 руб. 1 коп.	Ремонт типографского имущества	60 руб.
Частные типографские заказы	1 678 руб. 92 коп.	Расходы по рассылке ведомостей и другой типографской продукции	286 руб. 40 коп.
Недоимки за прошлые годы за губернские ведомости за объявления за типографские заказы	148 руб. 55 коп. 484 руб. 81 коп. 2 470 руб. 43 коп.	Расходы на отопление и освещение	209 руб. 46 коп.
За рассылку объявлений при губернских ведомостях	12 руб. 20 коп.		
Случайные поступления (от продажи старого шрифта, дефекта и др.)		Возвращенные суммы за неправильно поданные объявления и публикации	88 руб. 98 коп.
Итого	14 750 руб. 76 коп.		14 079 руб. 74 коп.
К 1 января 1890 г. осталось за типографией	671 руб. 2 коп.		
Недополученные типографией доходы к 1 января 1890 г.	Неоплаченные типографией расходы к 1 января 1890 г.		
за предыдущие годы	2 364 руб. 58 коп.	за предыдущие годы	1 250 руб.
за отчетный год	4 192 руб. 10 коп.	за отчетный год	3 751 руб. 97 коп.

В 90-е гг. иркутская губернская типография существенным образом была модернизирована. В ней действовало две скоропечатные

¹¹⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2451. Л. 57об.–58об.

машины (в 1893 г., в дополнение к закупленной в 1880 г., была приобретена еще одна¹¹⁸), клиентам предлагался большой выбор различных шрифтов и украшений, что позволяло «исполнять заказы быстро и изящно по очень умеренным ценам», печатать как одной краской, так и несколькими, а также «под золото и серебро»¹¹⁹. Кроме снабжения волостных, сельских и инородческих учреждений, учебных заведений, частных магазинов и золотопромышленных компаний необходимой для их деятельности акцидентной продукцией, иркутская губернская типография печатала отдельные руководства, наставления, правила, положения. В 1894–95 г. из иркутской губернской типографии вышло 12 таких изданий, в то время как в 1885–86 гг. только 5¹²⁰. В 1894 г. в «Иркутских губернских ведомостях» было помещено объявление о приеме типографией новых «опытных и трезвых» печатников и наборщиков, «по случаю расширения ее деятельности»¹²¹. С намеком на частную типографию П.И. Макушина и В.М. Посохина «Иркутские губернские ведомости» обращали внимание своих заказчиков, что ни одна из иркутских типографий не имеет монополии на печатание книг и бланков для управления золотыми приисками, такое право «предоставлено всем типографиям, а в том числе и губернской типографии, которая по обилию в ней машин, шрифтов и проч. является одной из самых обширных в Восточной Сибири, почему имеет возможность исполнять все заказы для приисков без замедления, по весьма умеренным ценам и по последним изданным формам»¹²².

Об общем финансовом положении сибирских типографий узнаем из сметы специальных средств Министерства внутренних дел, которая в 1911 г. впервые обсуждалась в бюджетной комиссии III Государственной Думы (табл. 12). Общая сумма доходов 74 губернских типографий России составила 3 194 223 руб., а расходов 3 360 545 руб. Дефицит бюджета усиливался регулярными отчислениями в пользу губернских правлений, на что обращали внимание представители казенных изданий в 1901 г., в ходе деятельности «Комиссии по пересмотру правил об издании ведомо-

¹¹⁸ Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 105.

¹¹⁹ Иркутские губернские ведомости. 1894. № 46. 16 нояб.

¹²⁰ Подсчитано по: Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг.: в 3 т. Т. 1: 1790–1900 / сост. Р. Е. Павлова и др.; науч. ред. Е. Б. Соболева. Новосибирск, 2004.

¹²¹ Иркутские губернские ведомости. 1894. № 35. 31 авг.

¹²² Иркутские губернские ведомости. 1897. № 10, 5 марта.

стей». Депутат от сибирской парламентской группы Н.Л. Скалозубов, бывший в 1896–1906 гг. редактором «Отдела сельского хозяйства и кустарной промышленности» (приложения к «Тобольским губернским ведомостям»), высказал мнение, что реальные доходы типографий гораздо выше приводимых в отчетах, как и суммы, изымаемые у них губернскими правлениями. Так, по официальным сведениям, валовой доход тобольский типографии (12 990 руб.) был в почти в четыре раза меньше расходов на ее содержание (48 151 руб.), а томской – почти в два раза (28 198 руб. против 46 883 руб.). Хорошо оборудованная типография обширной Тобольской губернии (277 волостей) по доходам от частных заказов (7 600 руб.) стояла на предпоследнем месте (не намного опережая Якутскую область (5 700 руб.)), а в рубрике «Прочие расходы» значилась цифра 8 тыс. руб., никак не объясняемая и сопоставимая с содержанием типографских служащих (7 259 руб.). В результате был поднят вопрос об отмене права губернских правлений обращать часть типографских сумм в свой доход и об общественном (читай – со стороны частного издательского бизнеса) контроле смет и расходных статей губернских типографий, но по тем же причинам, что и в 1901 г., МВД не дало хода этому делу.

Таблица 12

Доходы и расходы губернских и областных типографий Сибири в 1911 г. (руб.)¹²³

	Енисей- ская	Иркут- ская	Тоболь- ская	Том- ская	Якут- ская	Забай- каль- ская
1	2	3	4	5	6	7
Валовые доходы на 1911 год						
Подписка на ведомости	1 000	3 512	1 990	1 500	500	3 000
Объявления	6 000	15 799	3 200	5 573	300	10 300
Частные заказы	33 000	28 141	7 600	21 125	5 700	12 300
Продажа старого имущества			200		20	2 000
Итого	40 000	47 452	12 990	28 198	6 520	27 600
Расходы на 1911 год						
Содержание личного состава	4 380	10 581	7 259	5 600	500	4 350
Рабочая плата	14 000	18 486	8 352	13 002	3 400	13 900
Награды личному составу	600		1 540	895	50	440

¹²³ Скалозубов Н. Губернские типографии и отношение к их доходам губернской администрации // Сибирские вопросы. 1911. № 9–10. С. 15–19.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Награды рабочим	1 600		1 660	1 000	100	400
Усиление средств губернских управлений	1 320	1 550	1 000	9 000		
Покупка шрифта			6 000	2 850	40	3 000
Ремонты	100	50	150	100	20	135
Бумага, краски и пр.	13 000	9 979	11 800	11 285	1 000	6 300
Отдельные издания типографии				600	300	
Рассылка типографской продукции	470	2 459	1 200	546		1 500
Наем помещений			240	300		
Отопление и освещение	130	847	200	1 003	200	550
Городские налоги	400		750	136		82
Прочее	2 000	1 500	8 000	566	300	2 400
Итого	38 000	45 452	48 151	46 883	5 910	33 057
Долги к 1 января 1911 года						
	22 780	25 925	36 721	23 475	3 000	11 078

Итак, губернские ведомости и губернские типографии, с одной стороны, имели официальное значение, а с другой – являлись коммерческими предприятиями, исполняя заказы и печатая информацию от частных лиц и казенных учреждений. В такой ситуации были сильные и слабые стороны. Правительственный характер издания обеспечивал бюджетное финансирование и административное содействие, выделение средств на модернизацию типографского оборудования, но ограничивал характер публикуемой информации, бюрократизировал систему управления газетой, сокращал возможности самостоятельной коммерческой деятельности. Часть прибыли изымалась губернскими правлениями и Министерством внутренних дел. Публикация специфической служебной информации создавала круг постоянной и расширяющейся казенной подписки, но чиновники, включая самых высших должностных лиц, часто не оплачивали свои объявления и саму подписку на ведомости. Типография обязана была оказывать свои услуги в долг, поскольку сама идея ведомостей заключала в себе регулярное, ни при каких условиях не прекращающееся правительственное издание, орган местного губернского на-

чества. Таким образом, ведомости не могли окупить своего существования, как это замысливалось в их проекте¹²⁴. Увеличение служебной информации в связи с дальнейшим развитием системы государственного управления приводило к увеличению официальной части, в результате увеличивались издержки на издание газеты и уменьшалась площадь части неофициальной. Это делало губернские ведомости менее привлекательными для подписчиков, хотя для частных газет тоже были характерны материальные затруднения. Даже такое крупное и популярное издание, как «Восточное обозрение» с его «разнообразной литературно-коммерческой деятельностью», едва сводило концы с концами и зависело от внешней финансовой помощи¹²⁵.

3.2. «ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

В Томской губернии к исполнению Положения Сибирского комитета 6 декабря 1856 г. приступил новый губернатор и главный начальник Алтайских горных заводов А.Д. Озерский. Губернское правление было ограничено в средствах. С открытием губернской газеты параллельно шла кадровая и организационная подготовка работы томского статистического комитета, основанного в 1835 г., но фактически начавшего действовать с 1854 г. Согласно Положению о статистических комитетах и рекомендациям Министерства внутренних дел, финансирование этого учреждения предполагалось из средств губернской типографии¹²⁶. Двое учителей томской гимназии – Я.Г. Андреев и Ф.В. Рудаков – изъявили желание принять на себя должность главного редактора неофициальной части, с выпла-

¹²⁴ Такая ситуация была характерна для большинства губернских ведомостей. Н.В. Воскресенский, который в 1882–1884 гг. редактировал неофициальную часть «Воронежских губернских ведомостей», писал, что «подписная плата, три рубля в год за экземпляр губернских ведомостей, не окупает даже расходов по изданию». По доходам от подписки в 1884–1886 гг. он разделял ведомости на 4 группы: менее 1 тыс. руб. в год (Виленская и Енисейская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Терская и Забайкальская области), от 1 до 2 тыс. руб. (32 губернии), от 2 до 3 тыс. руб. (17 губерний, в том числе Воронежская), от 4 до 9 тыс. руб. (Калужская, Бессарабская, Вятская, Курляндская, Пермская, Саратовская, Казанская, Лифляндская, Тамбовская, Пензенская губернии). Исключение составляли «Харьковские губернские ведомости», выходившие ежедневно и имевшие характер большой общественно-политической газеты. Сумма подписки на них превышала 20 тыс. руб. (Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888. С. 12–13).

¹²⁵ Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. С. 80–85.

¹²⁶ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 69, 178–180.

той ежегодного жалованья; первый потребовал 200, второй – 300 руб. сер. Эти суммы были соотносимы с жалованьем учителей – по штатному расписанию 1828 г. старшему учителю оно устанавливалось в 536 руб. 2 коп. сер., младшему – 343 руб. 10 коп. сер. в год¹²⁷.

В начале мая 1857 г. директор томской мужской гимназии и директор училищ Томской губернии Ф. С. Мещерин провел собрание учителей, на котором был поставлен вопрос об их участии в подготовке неофициальной части. Большинством голосов коллектив гимназии заявил о своей готовности к безвозмездному сотрудничеству с открывающейся газетой. Из двенадцати присутствовавших двое полностью отказались от всякого участия в издании газеты, шестеро заняли неопределенную позицию, двое изъявили готовность участвовать в издании только в первый год и лишь двое обязались обеспечивать газету статьями постоянно. Таким образом обеспечивался выпуск 47 номеров неофициальной части, в дальнейшем же, по словам Ф.С. Мещерина, мог возникнуть «недочет в статьях», если постоянные участники не найдут возможности удвоить количество своих трудов.

Кроме того, коллектив гимназии выдвинул восемь условий своей работы в газете:

«1-е, цензура статей не должна выходить из пределов, определенных правилами цензуры вообще, так, что она не отвечает за достоинство статей по содержанию их и изложению; 2-е, публика есть единственный судья редакторов в литературном отношении, и потому имя составителя статьи должно быть отпечатываемо в конце оной. Этим способом определится мера участия каждого из чиновников в издании ведомостей; 3-е, фамилии сторонних сотрудников, которые доставят статьи, стройно обработанные и не требующие новой редакции, также должны быть отпечатываемы <...>; 4-е, если, по прошествии первого года, издание перейдет к одному лицу, то за достоинство статей отвечает это лицо как официальный редактор <...>; 5-е, издание этой [неофициальной] части ведомостей начинать не ранее 1-го января 1858 г., дабы сотрудникам иметь время на собрание материалов и заготовление запасных статей <...>; 6-е, необходимо начальственное распоряжение и дозволение редакторам беспрепятственно пользоваться: а) Полным Собранием Законов, в котором по историческому отделу содержатся самые верные данные о переменах в устройстве администрации края и о постепенном

¹²⁷ Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие его существования (1838–1888). Приложения. Томск, 1894. С. 4.

покорении его аборигенов; б) губернским архивом; в) по части статистики – отчетами всех присутственных мест для извлечения тех сведений, в которых, по программе издания, встретится необходимость, и по части географии и топографии – делами и планами губернской чертежной. Без этих пособий и без искреннего содействия этих мест означенные отделы газеты почти неосуществимы, тем более что редакторы сами лично не путешествовали по губернии и средств к тому не имеют; 7-е, чтобы известные местному начальству по своей любознательности и усердию к общепользным трудам священники и чиновники приглашены были чрез свои начальства доставлению в дирекцию училищ описаний тех достопримечательностей по части физической географии и метеорологии <...>; 8-е, корректура неофициальной части должна быть возложена на корректора губернского правления...»¹²⁸.

Наиболее активным участником собрания был старший учитель законоведения Ф.В. Рудаков, потребовавший годового оклада в 300 руб. сер., единоличного права редактировать неофициальную часть, корректора из штата типографии, доступа к материалам канцелярий и архивов, ограничение цензуры только лишь правилами цензурного устава, возможность отклонять присылаемые в ведомости статьи, возможность покинуть пост редактора в течение трех месяцев после объявления об этом решении (а в случае представления статей на 12 номеров газеты вперед, то немедленно; «разумеется, вознаграждение за эти три месяца должно поступить в мою пользу»). В случае же безвозмездного характера должности редактора он, «вполне сознавая обязанность каждого гражданина по мере возможности содействовать всякому доброму делу», обещал безвозмездно доставить редакции 10 статей, не принимая на себя обязанностей редактора¹²⁹. Ф.С. Мещерин, исходя из переписки, понимал и разделял прагматический подход Рудакова, но губернское начальство к выстраиванию отношений на таком уровне было не готово. Высокая сумма оплаты (300 руб. сер.) и множество требований привели к тому, что решением губернского правления 31 мая 1857 г. должность редактора неофициальной части ведомостей была первоначально предоставлена учителю латинского языка Я.Г. Андрееву с вознаграждением в 200 руб. Окончательное решение вопроса ожидалось от вышестоящего начальства – генерал-губернатора Западной

¹²⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 30–33.

¹²⁹ ГАТО. Ф.3. Оп. 2. Д. 643. Л. 24–24, 36–36об.

Сибири. Г.Х. Гасфорд 5 июля 1857 г. постановил, что «к выдаче одному из учителей гимназии, за составление для неофициального отдела литературных статей, особого вознаграждения в виде постоянной обязательной платы не представляется никакого основания, с одной стороны, по неимению на подобный расход разрешения законом, а с другой – и потому, что в случае затруднения в безвозмездном приобретении для томских губернских ведомостей статей литературных и ученого содержания, по недостатку имеющих участвовать в оных своими трудами из одного лишь соревнования к успехам просвещения и общей пользе, неофициальный отдел сих ведомостей может быть пополняем статьями, заимствуемыми из других периодических изданий»¹³⁰.

Согласно указу 1851 г. о передаче цензуры неофициальной части от вице-губернатора к одному из училищных чиновников (вошедшему в «Свод законов» 1842 г. как примечание к прил. 167 к ст. 648¹³¹) и запросу, сделанному Г.Х. Гасфордом в Министерство народного просвещения¹³², цензурировать неофициальную часть ведомостей было поручено наиболее активному и деятельному участнику их организации – директору училищ Ф.С. Мешерину. Аналогичное распоряжение было отдано по Тобольской губернии, где цензором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» стал директор гимназии П.П. Ершов¹³³. Кроме того, Г.Х. Гасфорд пресек самодеятельность относительно стоимости ведомостей – она была установлена в 3 руб. сер. в точном соответствии с прил. 172 к ст. 648 «Учреждения губернских правлений» 1845 г. Небольшое увеличение этой суммы могло быть только для частных подписчиков, пожелавших получать ведомости на бумаге лучшего качества (цена установлена в 3 руб. 50 коп.). Стоимость частных объявлений, также согласно букве закона, устанавливалась губернатором (установлена в 1 руб. сер.).

15 августа 1857 г. первый номер «Томских губернских ведомостей» увидел свет. Газета печаталась еженедельно по пятницам. Первым начальником газетного стола, смотрителем губернской типографии и редактором официальной части губернских ведомостей

¹³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 43.

¹³¹ Высочайше утвержденное положение Комитета министров о подчинении неофициальной части губернских ведомостей общей цензуре. 27.02.1851 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 24979.

¹³² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4149. 1857 г. Л. 1.

¹³³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4149. 1857 г. Л. 1об.

стал 26-летний столоначальник уголовного стола томского губернского правления, губернский секретарь Михаил Степанович Праволамский, занимавший эти должности с 1 августа по 12 ноября 1857 г. Он окончил Тамбовскую семинарию со званием студента и в 1849 г. поступил на службу в Тобольское губернское правление, а в 1852 г. перевелся в Томск¹³⁴. В ведении М.С. Праволамского находились составление официального отдела, а также техническая сторона дела – рассылка ведомостей, регистрация входящих статей и объявлений, учет расходов и доходов издания. За ведение, редактирование и цензурирование неофициальной части отвечал Ф.С. Мешерин¹³⁵.

В фондах Научной библиотеки Томского государственного университета сохранился редакторский вариант «Томских губернских ведомостей» за 1857 г. – в рукописном виде, с многочисленными правками различными почерками и резолюциями «печатать» и «набрать» в конце номера. Советник губернского правления О.Г. Павлов накладывал резолюцию: «По докладу начальника газетного стола набрать». С № 5 в качестве редактора официальной части указывался М.С. Праволамский. № 6 вышел с неофициальной частью и с резолюцией редактора неофициальной части: «Печатать дозволяется. Томск. 21 сентября 1857 г. Директор училищ Ф. Мешерин».

Вопреки мнению о том, что в 1857 г. «Томские губернские ведомости» не имели неофициальной части, возникшему под влиянием объявления, помещенного в самой газете¹³⁶, неофициальная часть все-таки выходила в виде нескольких разрозненных номеров – она хранится в подшивке газеты за 1857 г. в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург)¹³⁷, и о ней сообщает «Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1857 г.»¹³⁸.

¹³⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 964. Л. 304–309.

¹³⁵ В отличие от редактора официальной части, должность редактора части неофициальной не предоставляла прав государственной службы и поэтому не указывалась в адрес-календарях. В Томской губернии общим редактором как официальной, так и неофициальной части стал, начиная с № 12–13 от 25 марта – 8 апреля 1866 г., Н.И. Стефанов.

¹³⁶ *Томские губернские ведомости*. 1857. 15 авг. № 1.

¹³⁷ *Необычайное явление* [Об Онуфриевском прииске барона Мершейд фон Гильзена и разливе р. Чалы] // *Томские губернские ведомости*. 1857. № 6; *О необыкновенных происшествиях в губернии; О средстве против веснушек* // *Томские губернские ведомости*. 1857. № 6; *Письмо из Омска* [О балах в доме генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда] // *Томские губернские ведомости*. 1857. № 13.

¹³⁸ *Геннади Г.Н.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1857 года // *Вестник Императорского Русского Географического общества*. СПб., 1859. Ч. 25, кн. 3. Раздел IV. С. 43.

Через 2,5 месяца издания с газетой произошел неприятный инцидент. В № 12 от 1 ноября сообщалось об очередном пожертвовании золотопромышленника И.Д. Асташева в размере 3 тыс. руб. на открытие в Омске детского приюта и школы для девочек. По этому поводу было опубликовано следующее: «Господин генерал-губернатор Западной Сибири... изволил выразить г. Асташеву, за таковое его пожертвование на пользу общую, искреннейшую признательность. О чем, в исполнение предложения г. исправляющего должность томского гражданского губернатора, от 23 октября сего 1857 г., за № 4418, и публикуется повсеместно»¹³⁹. Последнее предложение оказалось неверным, и губернатор А.Д. Озерский в резкой записке обращал внимание губернского правления на нарушение субординации: «Означенное опубликование предложено было отнюдь не по моему распоряжению, а по воле г. генерал-губернатора, — о чем ясно было сказано и в предложении моем за № 4418»¹⁴⁰. Возможно, это привело к тому, что М.С. Праволамский 12 ноября был переведен на должность частного пристава Юрточной части г. Томска¹⁴¹. Вместо него с № 15 от 22 ноября весь номер газеты стал подписывать Ф.С. Мещерин.

После постановления Сибирского комитета 8 августа 1858 г. о передаче цензуры неофициальной части губернаторам 24 октября 1858 г. томский губернатор уведомил об этом решении губернское правление и уже с 31 октября стал лично подписывать номера газеты, хотя фактически обязанности редактора неофициальной части до своего выхода на пенсию в 1859 г. продолжал исполнять Ф.С. Мещерин¹⁴². В «Адрес-календаре» в штате чиновников губернии с 28 ноября 1858 г. редактором официальной части значился титулярный советник Анатолий Иванович Лалетин, принимавший участие в подготовке проекта газеты¹⁴³.

В 1858 г. подготовленные и присланные сообщения, заметки и статьи позволили сформировать уже полноценную неофициальную часть и выполнить данное редакцией в 1857 г. обещание «употребить все от нее зависящее сделать губернские ведомости, сколько возможно, не скучными и небесполезными для любознательных чи-

¹³⁹ *Томские губернские ведомости*. 1857. № 12. 23 авг. С. 1.

¹⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 65об.–66.

¹⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 964. Л. 908.

¹⁴² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 67–70.

¹⁴³ *Адрес-календарь*. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. СПб. Ч. 2. С. 451.

тателей»¹⁴⁴. Даже авторские стихи, пусть и далекие от литературного совершенства, украсили страницы первой томской газеты¹⁴⁵. Всего в «Томских губернских ведомостях» 1858 г. было размещено 110 публикаций (из них 17 продолжающихся). Свои подписи и псевдонимы оставили 29 авторов. Появились постоянные рубрики – метеорологические наблюдения за погодой в Томске (с № 16 от 25 апреля 1858 г.) и «Ведомости о происшествиях в Томской губернии» (с № 13 от 27 марта 1859 г.).

С первого года выхода «Томских губернских ведомостей» в них стали помещаться информационные сообщения, постепенно становящиеся все более оперативными, применительными к практической жизни и приближающимися по форме и содержанию к новостям (что отличает именно газетный текст от всех прочих). Так, в № 4 неофициальной части за 6 сентября 1857 г. сообщалось о разливе реки Чалы на Онуфриевском прииске барона Мершейд фон Гильзена, произошедшем 9 июля. В № 35 от 5 сентября 1858 г. в отдельной рубрике «Местные известия» говорилось о частичном затмении Луны 12 августа, грозе в Томске 25 августа и праздновании в городе 26 августа коронации Александра II. В № 22 от 8 июня 1862 г. рубрика «Местные известия» впервые выносилась в начало неофициальной части и содержала краткие, в один абзац, отделенные друг от друга знаками-маркерами сообщения о посещении Томска 5 июня 1862 г. генерал-губернатором Западной Сибири А.О. Дюгамелем, об открытии навигации на р. Томи, о движении через Томск арестантских партий, о ходе работ по городскому благоустройству.

Добровольные корреспонденты также отправляли в редакцию свои впечатления от новых мест. Так, переведенный в начале октября 1858 г. из кузнецкого в семипалатинское приходское училище учитель Н.Б. Вергунов буквально сразу же написал заметку «Кое-что о Семипалатинске», вышедшую в № 42 от 24 октября 1858 г. «Не всякий может побывать везде, видеть все иному не позволяют обстоятельства, а многим и самые средства. Если вы, читатель мой, человек любознательный, любите ходить, – удо-

¹⁴⁴ *Томские губернские ведомости*. 1857. № 1. 15 авг.

¹⁴⁵ *Пашинька Я.* Чары // *Томские губернские ведомости*. 1858. № 15. 18 апр. С. 120; *Пашинька Я.* Жизнь // *Томские губернские ведомости*. 1858. № 28. 28 июня. С. 226. Под этим псевдонимом публиковался учитель словесности томской гимназии Я.С. Сергиев (*Наумов Н.И.* Н.М. Ядринцев в томской гимназии // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 333; *Ядринцев Н.М.* Воспоминания о томской гимназии // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1979. С. 272).

стойте прогулкой вашей и наш городок», – так начинал Н.Б. Вергунов свое описание Семипалатинска, его жителей и немногих достопримечательностей¹⁴⁶.

В 1858–1859 гг. наиболее деятельными авторами неофициальной части были Николай Ильич Виноградский¹⁴⁷, опубликовавший под псевдонимом «За Ангарский Сибиряк» и с инициалами «Н.В.» 41 статью, и О.Г. Павлов – автор 21 статьи, подписанных инициалами «О.П.»¹⁴⁸. Скоропостижная кончина от «горловой чахотки» в начале 1859 г. прервала журналистскую и литературную деятельность Н.И. Виноградского, который очень трепетно относился к томской газете. Коренной сибиряк, окончивший иркутскую гимназию в 1831 г., он поступил на службу и находил время писать статьи и стихи, некоторые из которых отсылал для печати в центральные периодические издания. В 1830–1834 гг. он выпускал в Иркутске рукописный литературный журнал «Домашний собеседник»¹⁴⁹. В некрологе, автором которого был хорошо знавший его по службе О.Г. Павлов, говорилось о «потере незаменимого сотрудника Томской губернской газеты, не уставшего дарить её с самого начала издания многими более или менее дельными и интересными статьями». С переходом на службу в Томскую казенную палату Н.И. Виноградский принял в издании губернских ведомостей «теплое участие и с полной охотой составил из своего домашнего архива и из памяти разные статьи», не требуя за это вознаграждения, «из одного совершения к успехам просвещения»¹⁵⁰. Это были публикации об истории города Томска, городских праздниках, коренном на-

¹⁴⁶ Вергунов Н. Кое-что о Семипалатинске // Томские губернские ведомости. 1858. № 42. 24 окт. С. 337–339. Николай Борисович Вергунов, опубликовавший в «Томских губернских ведомостях» только одну эту заметку, вошел в историю как соперник Ф.М. Достоевского (отбывавшего ссылку в Семипалатинске) в получении руки М.Д. Исаевой. Перевод в Семипалатинск Вергунов выхлопотал, чтобы последовать за обрученной четой Достоевских (см.: Кушникова М., Тогулев В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. Книга вторая. Кемерово, 2007).

¹⁴⁷ Н.И. Виноградский в чине надворного советника служил в отделении питейных сборов казенной палаты. Умер 14 января 1859 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 814. Л. 71).

¹⁴⁸ Олимпиан Гаврилович Павлов – коллежский советник, занимавший должность советника Томского губернского правления (*Адрес-календарь*. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. СПб. Ч. 2. С. 451). Он же визировал, допуская в тираж, первые номера «Томских губернских ведомостей».

¹⁴⁹ Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 29.

¹⁵⁰ О.П. Некролог // Томские губернские ведомости. 1859. № 6. 6 февр. С. 54–55; Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске // Литературный сборник. 1885. С. 262–263; Записки В.Н. Виноградского // Русская старина. Пг., 1916. № 9. С. 441–474; № 10. С. 123–131.

селении края, самих губернских ведомостях, стихи «На новый 1858 год», воспоминания и заметки о П.А. Словцове, А.В. Шидловском, М.М. Сперанском.

В рубрике «Современные заметки» Н.И. Виноградский организовал обзор общероссийских и международных новостей, чтобы держать в курсе тех читателей, «которые не в состоянии жертвовать на выпуск столичных ведомостей». Этот обзор представлял собой не просто извлечения из столичных газет, а избирательный рассказ с авторскими комментариями. Так, например, в первом обзоре сообщалось о предстоящей крестьянской реформе, о ходе Парижского конгресса и об открытии судоходства на Амуре¹⁵¹. Однако в 1858 г. вышло всего три выпуска обзора¹⁵², и только в 1870 г. отдел иностранных известий вновь появился в «Томских губернских ведомостях», в связи с начавшейся Франко-прусской войной.

Публикацией исторических документов и наблюдений за природными явлениями занимался с первых номеров газеты учитель русской словесности, а затем латинского языка Я.Г. Андреев. В конце 1860 г. он по состоянию здоровья вышел в отставку, продолжая, однако, направлять статьи в газету вплоть до 1862 г. Этнографическую тему в «Томских губернских ведомостях» начал со второй половины 1858 г. священник Кузнецкого отделения Алтайской православной миссии Василий Иванович Вербицкий (1827–1890), из-под пера которого вышла целая серия продолжавшихся публикаций о языке, хозяйстве, быте, мифологии алтайцев и сибирских татар. В общей сложности В.И. Вербицким было опубликовано в 1858–1883 гг. 57 статей и сообщений.

Сбором и публикацией исторических сведений о коренных народах Сибири, в особенности киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей, занимался Илья Федорович Русанов – уроженец Воронежской губернии, происходивший из семьи священника. Он вышел из Горыгорецкого земледельческого института в Могилевской губернии, не окончив курса, затем в 1859–1860 гг. служил чиновником Баян-Аульского окружного приказа¹⁵³. С 1861 г. Русанов стал

¹⁵¹ Н.В. Современные заметки // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. 29 авг. С. 275–276.

¹⁵² Томские губернские ведомости. 1858. № 34. 29 авг. С. 275–276; № 38. 26 сент. С. 305; № 39. 3 окт. С. 315–316.

¹⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 814. Л. 1414–1420.

столоначальником томской экспедиции о ссыльных¹⁵⁴, а с 1862 г. взял на себя обязанности редактора неофициальной части газеты¹⁵⁵. Автором первой газетной публикации о Томской писанице – памятнике наскального первобытного искусства – был коллежский асессор, чиновник особых поручений при томском губернаторе (по даным на 1866 г.) Автоном Лукич Юрченко¹⁵⁶.

Об одном из авторов газеты – отставном смотрителе томского училища, секретаре томского статистического комитета¹⁵⁷ Николае Ивановиче Ананьине, опубликовавшем в 1859–1860 гг. статьи о фольклоре сибирских татар, исторические документы, статью о сибирских кедре и липе, – оставил воспоминания Г.Н. Потанин: «Он был старый холостяк, страдал запоем, тучный человек, в свободное от служебных занятий время немного занимавшийся наукой. Писал статьи, между прочим, он первый познакомил ученых с фактом существования липы в Кузнецком уезде. <...> Записывал сказания алтайских инородцев, это был ученик Словцова, автора книги “Историческое обозрение Сибири”, хотя сам научными изысканиями не занимался, но оказывал содействие разным ученым-путешественникам...»¹⁵⁸. Н.М. Ядринцев писал, что находящийся в Томске М.А. Бакунин¹⁵⁹ был знаком с Ананьиным – это была «замечательная личность, энциклопедист, философ-самоучка, он интересовался всем, начиная от пчеловодства до последних выводов

¹⁵⁴ *Адрес-календарь*. Общая роспись всех начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по Главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1862–1863 г. СПб. Ч. 2. С. 404.

¹⁵⁵ Обязанности редактора неофициальной части не подразумевали дополнительного вознаграждения и были трудом вне основной должности. Три статьи в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1862 г. подписаны им как «Редактор И. Русанов» (№ 28, 37, 44). Согласно «Адрес-календарю на 1861–62 гг.» редактором официальной части был титулярный советник Александр Фадеевич Мещерин, сменивший на этом посту А.И. Лалетина (*Адрес-календарь*. Общая роспись всех начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по Главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 гг. СПб. Ч. 2. С. 387).

¹⁵⁶ *Юрченко Ав.* Об иероглифах по реке Томи // Томские губернские ведомости. 1858. № 18. 9 мая. С. 142–143; *Памятная книжка* лицам, служащим по разным ведомствам Томской губернии. Томск, 1866. С. 3.

¹⁵⁷ Должность секретаря губернского статистического комитета Н.И. Ананьин занял с октября 1860 г. (ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 289, 303об., 305).

¹⁵⁸ *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири... Т. 6. С. 103–104.

¹⁵⁹ М.А. Бакунин, живший в 1857–1859 гг. в Томске и нашедший здесь свое семейное счастье, никак не отреагировал и не прокомментировал выход в Томске первой газеты, хотя очевидно, что в провинциальном городе, не богатом на события, это обстоятельство не могло пройти мимо него.

философии»¹⁶⁰. По поводу опубликованных этнографических зарисовок на страницах губернских ведомостей развертывалась дискуссия относительно их точности. Например, В.И. Вербицкий выступил с «Замечаниями на статью об Алтае» в № 13 за 1859 г. по поводу статьи Н.И. Ананьина «Татарские песни», помещенной в № 2 за 1859 г., которая, в свою очередь, также была ответом на статью Я. Попова из Барнаула «Алтай», помещенную в № 41 за 1858 г.

В соответствии с программой отдельными темами на страницах «Томских губернских ведомостей» стали здравоохранение и образование края. Местными авторами, среди которых выделялся врач Алтайских казенных золотых промыслов Иван Феоктистов, публиковались медико-топографические описания алтайских рудников, результаты проверок их госпиталей и лазаретов, меры к сохранению здоровья рабочих, сведения о порядке и ходе оспопрививания, отчеты открывшейся в 1862 г. в Томске благотворительной лечебницы для приходящих больных. Личный опыт, а также статьи из других губернских ведомостей и центральных газет («Блюстителю здравия и хозяйства», «Сельский листок», «Военно-медицинский журнал» и др.) давали материал для публикаций по народной и общедоступной медицине, которые имели вид практических рекомендаций читателям (в 1862 г. было особенно много таких публикаций – 24).

Экономическое развитие Томской губернии, Сибири и всей России было постоянной темой газеты. Затрагивались история золото-промышленности и новшества в этой области. Отдельные номера содержали информацию о количестве добытых драгоценных металлов. В.И. Вагин целой серией статей поднял актуальную для Сибири тему путей сообщения и строительства железной дороги от Нижнего Новгорода до Иркутска¹⁶¹. «Облегчение сообщений – дело первой важности для Сибири. Все мы, кому дорого благосостояние нашей родины, должны подать голос в этом деле»¹⁶². Отдельные публикации посвящались состоянию земледелия, це-

¹⁶⁰ Ядринцев Н.М. Литература о Сибири и зарождение местной печати // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 670.

¹⁶¹ Вагин В. О сибирских дорогах // Томские губернские ведомости. 1858. № 19. 16 мая. С. 148–151; № 20. 23 мая. С. 153–159; № 21. 30 мая. С. 161–167; Вагин В. По поводу статьи о сибирской железной дороге // Томские губернские ведомости. 1859. № 16. 24 апр. С. 132–137.

¹⁶² Вагин В. О сибирских дорогах // Томские губернские ведомости. 1858. № 21. 30 мая. С. 167.

нам на хлеб, развитию овцеводства и коневодства, традиционным промыслам коренных народов.

Участие в подготовке губернских ведомостей учителей и два крупных события в сфере образования – 20-летие томской гимназии в 1858 г. и открытие в Томске в 1860 г. женского училища – предоставили разнообразный материал для развития и обсуждения в газете соответствующей темы. Уже в № 29 от 25 июля 1858 г. была поднята тема расширения сферы образования. Читателя информировали, что «о крестьянской грамотности началось прение в ученом свете по вопросу: нужно ли русскому земледельцу быть грамотным? Иные говорят не нужно; другие опровергают это возражение целыми диссертациями. Это слова. Станем ожидать конца, на чьей стороне будет победа»¹⁶³. Победа оказалась на стороне правительства, которое распорядилось открывать на благотворительные средства воскресные школы и женские училища. Об исполнении этих распоряжений оперативно сообщала первая томская газета. В № 46 от 18 ноября 1860 г. учащиеся и учителя приглашались прийти 27 ноября в дом надворной советницы Ф.М. Гуляевой, где размещались классы томской гимназии и открывалась для желающих всех возрастов воскресная школа. В начале статьи неизвестный автор высказывал довольно очевидную, но опасную в прежние времена мысль: «А что у нас между простым народом мало грамотеев, в том он не виноват, как не виноват в своей бедности при огромных средствах своего раздольного отечества»¹⁶⁴.

О круглой дате в истории томской гимназии сообщали директор училищ Томской губернии Ф.С. Мещерин¹⁶⁵ и пришедший ему на смену после выхода на пенсию в апреле 1859 г. старший учитель тобольской гимназии М.Л. Попов¹⁶⁶. Возможно, он сменил Ф.С. Мещерина и на посту редактора неофициальной части газеты. Именно с 1860 г. М.Л. Попов начал публиковаться в ве-

¹⁶³ *О грамотности и нравственном образовании* (перепечатано: Экон. зап. 1858 г. № 3) // Томские губернские ведомости. 1858. № 29. 25 июля. С. 236.

¹⁶⁴ *О томской воскресной школе* // Томские губернские ведомости. 1860. № 46. 18 нояб. С. 343–344.

¹⁶⁵ *Мещерин Ф.С.* Историческая записка о состоянии народных учебных заведений Томской губернии, читанная на торжественном акте в томской губернской гимназии 10 декабря 1858 г. // Томские губернские ведомости. 1859. № 7. 13 фев. С. 57–64; № 8. 20 фев. С. 65–67.

¹⁶⁶ *Попов М.Л.* О публичном акте в Томской гимназии, бывшем 12 декабря 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 13. 25 марта. С. 88–89.

домостях¹⁶⁷. Теме женского образования в 1858–1860 гг. были посвящены четыре публикации: об открытии женской гимназии в Тобольске, статьи О.Г. Павлова и В.И. Вагина о необходимости женского учебного заведения в Томске и, наконец, статья М.Л. Попова о подготовке и открытии в Томске 1 марта 1860 г. женского училища¹⁶⁸. Старший учитель законоведения Ф.В. Рудаков подготовил отчет о состоянии образования в 1858/59 учебном году, прочитанный 12 декабря 1859 г. во время торжественного акта в томской губернской гимназии. Этот отчет содержал не только сведения о числе и успеваемости учащихся, о подготовке к открытию новых учебных заведений, их материальном и финансовом положении, но и рассуждения о причинах, препятствующих лучшему состоянию сферы образования в губернии. «Мы были бы слишком неискренни и слишком надменны, если бы сказали, что сделано все, чего можно было бы требовать; но мы были бы и несправедливы, если бы скрыли и от себя и от вас те причины, какие препятствовали лучшему состоянию учебных заведений», – писал Ф.В. Рудаков¹⁶⁹. По его мнению, такими причинами являлись недостаточная первоначальная подготовка учеников гимназии (упоминались случаи, что поступавшие не знали даже кратких повседневных молитв, названий дней недели и названия своей страны), отсутствие домашнего надзора за детьми, бесполезное препровождение ими свободного от учебы времени и, наконец, неперспективность карьеры учителя и недостаточное жалование.

Следует отметить, что сам Филолог Васильевич Рудаков, который еще при организации томского статистического комитета и «Томских губернских ведомостей» был готов исполнить должность секретаря комитета или редактора газеты, являл собой пример быстрого продвижения по службе. В числе первых шести выпускников томской гимназии он на «казенный кошт» получил возможность

¹⁶⁷ Возможно, должность редактора неофициальной части исполняли чиновники губернского правления А.И. Лалетин и А.Ф. Мещерин, бывшие в 1858–1862 гг. редакторами официальной части «Томских губернских ведомостей».

¹⁶⁸ *Несколько слов о Тобольской Марининской женской школе* // Томские губернские ведомости. 1858. № 26. 4 июля. С. 206–211; *Н.В. О женской гимназии в Томске* // Томские губернские ведомости. 1858. № 45. 14 нояб. С. 364–366; *Вагин В. Еще о женской гимназии* // Томские губернские ведомости. 1859. № 4. 23 янв. С. 36–38; *Попов М.Л.* Томск. Мая 5 дня 1860 г. // Томские губернские ведомости. 1860. № 25. 24 июня. С. 179–183.

¹⁶⁹ *Рудаков Ф.В.* Отчет о состоянии учебных заведений Томской Дирекции училищ с 1 августа 1858 по 1 августа 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 16. 22 апр. С. 112.

обучаться в Казанском университете, после чего, согласно положению о возвращении студентов-сибиряков на родину для службы по учебному ведомству, вернулся в Томск, заняв в 1848 г. в гимназии должность учителя законоведения. В 1852 г. Ф.С. Рудаков в дополнение к своим учительским обязанностям стал секретарем губернского тюремного комитета. Женитьба обязывала к поиску дополнительного заработка, поэтому так настойчиво было требование об оплате своих трудов. В 1857 г. Ф.С. Рудаков получил чин коллежского асессора, а в 1860 г. – надворного советника. В 1862 г. он был переведен в Тобольск на должность директора гимназии и училищ губернии и, наконец, стал главным инспектором училищ Восточной Сибири¹⁷⁰. На новом месте службы Рудаков продолжил свою писательскую деятельность, но уже в «Тобольских губернских ведомостях».

Отчет за 1859/60 учебный год, подготовленный уже самим М.Л. Поповым, также был опубликован на страницах губернских ведомостей. Наряду с прочей информацией читателям предлагался анализ мер по улучшению и расширению сферы образования. Например, относительно распространения грамотности среди простого народа Попов высказывался в пользу женских училищ: «Образуйте вы грамотного отца – в семействе его не прибавится грамотных; образуйте грамотную мать – у такой матери ни одно дитя не останется безграмотным»¹⁷¹. Приводилось критическое мнение главного инспектора училищ Западной Сибири А.В. Попова, ревизия которого «обнаружила много недостатков не только в уездных и приходских училищах, но и в самой нашей гимназии»¹⁷². В продолжение этой темы и для демонстрации, что педагогический совет гимназии работает над исправлением отмеченных недостатков, в последующих шести номерах ведомостей была размещена записка Ф.В. Рудакова «О результатах наблюдений его за поведением учеников и о мерах к исправлению их»¹⁷³.

¹⁷⁰ Мисюров А.А. Томская губернская гимназия... С. 13–14; Прил. С. 20; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 156–159.

¹⁷¹ Попов М.Л. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 16. 21 апр. С. 120.

¹⁷² Попов М.Л. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 19. 19 мая. С. 141.

¹⁷³ Записка старшего учителя гимназии Рудакова о результатах наблюдений его за поведением учеников и о мерах к исправлению их // Томские губернские ведомости. 1861. № 20. 26 мая. С. 149–155; № 21. 2 июня. С. 157–163; № 22. 9 июля. С. 164–167; № 23. 16 июня. С. 172–174; № 24. 23 июня. С. 180–183; № 25. 30 июня. С. 188–189.

М.Л. Попов отмечал, что средние и низшие учебные заведения переживают самое трудное для них время: «Со всех сторон слышатся жалобы на недостатки их, с каким-то особенным удовольствием малейшую их закулисную нечистоту и малейший сор выметают наружу. И если бы все статьи, в которых обличались средние и высшие учебные заведения, собрать в одно целое, у нас составилась бы роман не хуже “Парижских тайн” – “Тайны училищные”»¹⁷⁴. Место для такой статьи, представлявшей собой критику извне, нашлось в № 42 от 26 октября 1862 г. Священник И. Федоров писал, что дело не в недостатке первоначальной подготовки учеников и слабом финансировании школы, а в том, что она развивается по старому пути. Все предлагаемые и обсуждаемые в печати проекты реформы образования не содержат в себе ничего нового и приносят пользу только типографиям и журналам. Ученик по-прежнему идет в класс «с такою же охотой, как невольник негр на работу: у него иногда 5 уроков, каждый по 2 листа, часто содержащих в себе одни сухие формулы, смысл которых он большею частью не понимает». Учителя стремятся преподавать так, как им удобно, по строгой форме, а «каждый ученик занят в это время прошлым уроком, думая “авось либо спросит учитель”, и потому боится развлечь себя слушанием объяснения нового урока». «Наши гимназии – это цейхгауз для склада вещей; дом, куда родители стараются сбыть своих детей, чтобы избавить их от домашних сцен», – такой суровый приговор выносил Федоров гимназическому образованию. Являясь сторонником педагогики Л.Н. Толстого (Федоров выписывал издававшийся в 1862 г. журнал «Ясная Поляна»), он предлагал предоставить ученику свободу выбора в проявлении своих способностей: «Дело педагога – только поощрить это направление и таким образом развить в воспитанниках уважение к науке»¹⁷⁵.

Необходимо отметить, что некоторые известные воспитанники томской гимназии оставили совсем нелестные воспоминания о своих учителях. Так, например, Н.И. Наумов писал: «Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые, как я думаю, и сами-то ничего не знали ... ни один воспитанник, кончивший курс Томской гимназии в те времена, не имел никакого понятия о правописании, о составлении речи, о знаках

¹⁷⁴ Попов М.Л. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 16. 21 апр. С. 119.

¹⁷⁵ (О.В.) Ив. Федоров. Несколько слов о воспитании // Томские губернские ведомости. 1862. № 42. 20 окт. С. 321–322.

препинания и т.п.»¹⁷⁶. Аналогичного мнения придерживался Н.М. Ядринцев: «Одна часть опускалась и пила горькую, некоторые, как Э. [С.И. Эльснер], сходили с ума; оставались люди, примирившиеся с обыденной обстановкой, они переженились на кухарках или простых бабах и погрузились в довольно прозаическую жизнь»¹⁷⁷. Действительно, в условиях провинциального города не каждый мог противостоять «опрощению» и поддерживать в себе качества, соответствующие званию педагога (ведь далеко не все призваны и способны идти к великим целям). Повседневная жизнь и пристрастия учителей дореформенной гимназии не раз становились предметом для сатиры (например, фигуры Медузина и Капернаумова в романе «Кто виноват?» А.И. Герцена), тем важнее была возможность литературного труда в местной газете, как своеобразная «отдушина», не средство получения гонорара, но средство, поддерживающее от окончательного поглощения личности интересами и потребностями рутинной среды. Даже само чтение газетного текста, несущего исключительно служебную информацию, могло воодушевить и дать ощущение течения жизни. Служивший окружным начальником в Таре в середине 50-х гг., будущий известный публицист, сотрудник «Отечественных записок» Г.З. Елисеев так описывал свои ощущения от получения ведомостей: «С каким наслаждением перечитываешь и предписания губернатора, и указы губернского правления, и указы казенной палаты, и других присутственных мест. Точно будто отцы родные пишут тебе, хотя, бывало, иные указы и предписания звучат вовсе не родственно»¹⁷⁸. Об учителе томской гимназии Я.Г. Андрееве Н.И. Наумов и Н.М. Ядринцев писали, что он «периодически предавался страшным запоям»¹⁷⁹, был «горький пьяница»¹⁸⁰, что и стало причиной его смерти. Однако именно Андреева Потанин рекомендовал Наумову как «человека благородного и занимающегося наукой»¹⁸¹. В своих воспоминаниях он писал, что Андреев был самый лучший из учителей, единствен-

¹⁷⁶ Наумов Н.И. Н.М. Ядринцев в томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 327.

¹⁷⁷ Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 275.

¹⁷⁸ О Сибири (по поводу статей г. Колмогорова, преимущественно же статьи его «Собственность и община», помещенной в 10-й книжке «Отечественных записок» 1858 г.) // Современник. 1858. № 12. С. 167–168.

¹⁷⁹ Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии... С. 275.

¹⁸⁰ Наумов Н.И. Н.М. Ядринцев в томской гимназии... С. 328.

¹⁸¹ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 1. С. 38.

ный среди них уроженец Сибири и «человек с сибирскими инстинктами»¹⁸². Еще одного из авторов неофициальной части, бывшего смотрителя томского уездного училища Н.И. Ананьина, страдавшего аналогичным пороком, Потанин называл «единственным либералом в целом Томске»¹⁸³. Именно Ананьин помог Потанину выехать из Сибири для учебы в Петербургском университете.

Высшая губернская власть также выступала в качестве инициатора и автора публикаций. Так, например, в № 49 от 12 декабря 1858 г. было помещено распоряжение губернатора А.Д. Озерского о мерах по благоустройству Томска, найденного им при вступлении в должность «относительно внешнего устройства и чистоты в состоянии недостаточно удовлетворительном»¹⁸⁴. Для этой цели создавался специальный комитет, отчеты о деятельности которого также публиковались на страницах губернской газеты¹⁸⁵. В № 10 от 4 марта 1860 г. в заметке к статье «Медико-топографическое описание киргизской степи» было представлено разъяснение от Главного Управления Западной Сибири по поводу судьбы построенных на казенные средства дома и мечети вдовы хана средней орды Валия, о чем губернские ведомости писали 11 сентября 1859 г. в № 36¹⁸⁶. Через губернские ведомости ответ давался и центральным газетам: в № 19 за 1859 г. по поручению главного начальника Алтайских горных заводов и томского губернатора А.Д. Озерского аудитором Алтайского горного правления П.Д. Тихобаевым, на основании следственных документов, была подготовлена статья о пожарах, бывших в 1858 г. в Алтайском округе, как реакция на статью, помещенную в № 33 за 1859 г. «Санкт-Петербургских ведомостей» и содержащую неверное описание происшествия¹⁸⁷. В 1861 г. в трех номерах губернских ведомостей томским полицмейстером Я.А. Мануйловым на основании

¹⁸² Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 86.

¹⁸³ Письма Г.Н. Потанина... С. 38.

¹⁸⁴ Об устройстве города Томска // Томские губернские ведомости. 1858. № 49. 12 дек. С. 393–396.

¹⁸⁵ О работах по устройству города Томска в 1859 году // Томские губернские ведомости. 1860. № 10. 4 марта. С. 64–67; Отчет Комитета по устройству города Томска – о работах, произведенных в 1860 году, и об употребленных на оные денежных суммах // Томские губернские ведомости. 1861. № 43. 4 нояб. С. 327–329; Извлечение из отчета Комитета по устройству г. Томска за 1861 год // Томские губернские ведомости. 1862. № 16. 27 апр. С. 116–117.

¹⁸⁶ Заметка к статье «Медико-топографическое описание киргизской степи» // Томские губернские ведомости. 1860. № 10. 4 марта. С. 69–70.

¹⁸⁷ О пожарах, бывших в 1858 году в Алтайском округе // Томские губернские ведомости. 1859. № 19. 13 мая. С. 157–161.

действующих законов была подготовлена и опубликована подробная «Инструкция приставам и вообще чиновникам Томской градской полиции». Так, этот, по сути, внутренний документ стал известен не только полиции, чтобы «удерживать от неправильных распоряжений или незаконных действий», но и рядовым горожанам, чтобы служить к «устранению и ослаблению тех несправедливых жалоб на полицию, которые нередко возникают по одному незнанию частными лицами обязанностей, возлагаемых на чиновников ее законом и правительственными распоряжениями»¹⁸⁸. В № 24 от 22 июня 1862 г. была напечатана статья о незаконных поборах, взимаемых с крестьян и ссыльнопоселенцев, нанимающихся на золотые промыслы. В статье содержалось распоряжение А.Д. Озерского напечатать крупным шрифтом и разместить на видных местах объявления о законных размерах оплаты паспортного бланка¹⁸⁹.

На всеобщее обозрение также была вынесена проблема организации и деятельности томского губернского статистического комитета, который со страниц газеты обратился ко всем образованным людям с просьбой о сотрудничестве в деле всестороннего исследования Томской губернии¹⁹⁰. Содержание нового учреждения, которое с 1835 г. существовало лишь номинально, с 1859 г. было возложено на томскую губернскую типографию, выделявшую из своих средств по 700 руб. ежегодно¹⁹¹. Необходимые для деятельности комитета бланки также должны были печататься бесплатно. Однако написание и публикация статей для неофициальной части губернской газеты членами-корреспондентами комитета также не предусматривали никакого вознаграждения. С ведомостями сотрудничали секретарь статистического комитета Н.И. Ананьин, окружной начальник г. Каинска В.И. Вагин, священник В.И. Вербицкий и учитель русской словесности томской гимназии Д.Л. Кузнецов, сменивший в 1863 г. И.Ф. Русанова в должности редактора неофициальной части.

¹⁸⁸ Инструкция приставам и вообще чиновникам Томской градской полиции // Томские губернские ведомости. 1861. № 25. 30 июня. С. 187–191. № 26. 7 июля. С. 196–201. № 27. 14 июля. С. 205–207.

¹⁸⁹ О злоупотреблениях при найме на золотые промыслы // Томские губернские ведомости. 1862. № 24. 22 июня. С. 179–180.

¹⁹⁰ Список с протокола томского губернского статистического комитета. 24 августа 1861 года // Томские губернские ведомости. 1861. № 44. 8 нояб. С. 340–343; № 45. 15 нояб. С. 340–343.

¹⁹¹ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 302об.

Гласность, используемая центральным правительством для совершенствования государственного аппарата, освещения различных злоупотреблений и их последующего исправления, была допущена и при введении суда волостных расправ в Западной Сибири. В.И. Вагин, имевший практический опыт в этой сфере, доказывал преимущества существовавшего мирского крестьянского суда, обеспечивавшего скорое и понятное крестьянину судопроизводство, в отличие от суда волостных расправ, который удорожал и усложнял его по причине своей удаленности и формализма чиновников. В.И. Вагин предлагал наделить мирской суд полномочиями сельской расправы (введенной для государственных крестьян Европейской России) с сохранением его общинного начала: «Один – публичный суд всего селения, а правильность решения этого суда обеспечивается его коллективностью и гласностью; другой – суд трех лиц, притом негласный, и потому в нем не всегда можно ожидать полного беспристрастия. Сверх того, для сельской расправы нужно учреждение новых должностных лиц (добросовестных), а для крестьян всякая служба обременительна. В мирском суде этого не нужно»¹⁹². Возражая М.В. Загоскину, который в «Иркутских губернских ведомостях» высказывал сходные мысли, но обращал внимание, что на мирском суде в определении правого и виноватого большую роль играют «подношения», оставляя в соборной избе одних «записных пьяниц»¹⁹³, В.И. Вагин писал, что «нужно уничтожить причины, разрушающие народную нравственность, и особенно причины и поводы к пьянству». Оставить за крестьянами возможность выбора присяжных судей из своей среды по жребию (как предлагал М.В. Загоскин) В.И. Вагин считал менее целесообразным, чем осуществление открытого суда всей мирской сходкой, при которой, по мнению автора, был менее вероятен подкуп и больше возможностей к достижению равновесия мнений¹⁹⁴.

Не вступая в дискуссию по поводу крестьянского самоуправления, отметим сам ее факт, выходявший за рамки программы официальной газеты и цензурных ограничений, поскольку допускались открытое обсуждение устройства местных государственных учреждений, оценка их целесообразности и специфики введения в Сибири

¹⁹² Вагин В. Мирской суд // Томские губернские ведомости. 1858. № 48. 5 дек. С. 386.

¹⁹³ Загоскин М.В. О суде крестьян между собой // Иркутские губернские ведомости. 1858. № 46. 13 нояб. С. 5.

¹⁹⁴ В. Еще о крестьянском суде // Томские губернские ведомости. 1859. № 17. 1 мая. С. 142–145.

и, наконец, «снизу» предлагались отличные от мысли правительства проекты их реформирования (еще при существующей николаевской системе управления и крепостном праве). Выходя на более высокий уровень обобщений, В.И. Вагин обращал внимание на общее несоответствие существовавшей в России судебной системы «коренному юридическому началу», поскольку в ней нарушался принцип разделения судебных и полицейских обязанностей, совмещение которых «существует еще в нашем законодательстве единственно потому, что наше судопроизводство не достигло еще полного развития»¹⁹⁵.

Суждения В.И. Вагина и М.В. Загоскина можно расценивать как искреннее желание высказать свое заинтересованное и компетентное мнение относительно улучшения положения крестьянского населения в Сибири («Ныне не то время, чтобы прятаться за угол», – заключал Н.И. Виноградский одну из своих статей¹⁹⁶). Возможность публикации таких суждений в провинциальных губернских газетах обнаруживает знакомство и авторов и редакторов с направлением центральной прессы, которое можно было применить к местной сибирской жизни. Г.Н. Потанин, находясь на службе в Омске, писал, что после поражения России в Крымской войне «в воздухе веяло “новым духом”; журналы заговорили смелее, запрещение говорить о крепостном праве было снято; разоблачение злоупотреблений сыпалось как из рога изобилия; каждая новая месячная книжка производила переворот в наших взглядах»¹⁹⁷.

Н.И. Виноградский в статье «Современные заметки» отмечал, что «если есть что в направлении нашей литературы важного, то это весьма серьезные статьи в разных журналах по поводу крестьянского вопроса, о гласности судопроизводства, о полицейской власти, об устройстве путей сообщения, о женском воспитании и т.п. В таком губернском городе, как Томск, много людей и ученых, и любознательных, и просвещенных, и образованных. Все они следят за современными событиями и литературой. Быть может, некоторые и мало читают, но многое знают»¹⁹⁸. Священник И. Федоров, рассуждая о человеческом прогрессе, писал: «Весьма отраднo видеть,

¹⁹⁵ В. Еще о крестьянском суде // Томские губернские ведомости. 1859. № 17. 1 мая. С. 143.

¹⁹⁶ За Ангарский Сибиряк. Воспоминания о Шидловском // Томские губернские ведомости. 1858. № 30. 1 авг. С. 244.

¹⁹⁷ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 80.

¹⁹⁸ Н.В. Современные заметки // Томские губернские ведомости. 1858. № 37. 19 сент. С. 297.

слышать и читать, как в настоящее время, в нашем отечестве все встрепелунулось, ожило, закипело жизнью и деятельностью». И в то же время возмущался задержкой на почте выписываемых им книг, журналов и газет, вынося свое впечатление от работы почтмейстера на суд читателей: «Остается одно: во имя гласности предать гласности, на суд публики вынести весьма неутешительные факты, лишающие меня многого...»¹⁹⁹.

Если выделить в публикациях первых лет «Томских губернских ведомостей» образ губернаторской власти, то он будет исключительно положительным как единственно правомочная сила, от которой исходят всяческие блага²⁰⁰. Так, например, в стихах Н.И. Ананьина, посвященных бывшему томскому гражданскому губернатору и начальнику Алтайских заводов П.П. Аносову, речь шла о кузнеце, искусно ковавшем не только сталь и булат, но и людей, «да не простых, а чиновных, – начальников». Намек становился понятным, когда автор упоминал, что кузнец «сам лишь над всем надзирает, и где что разладится, – то поправляет»²⁰¹. О.Г. Павлов превозносил супругу другого губернатора – С.С. Озерскую, которая, «движимая чувствами милосердия к страждущим», организовала в начале 1859 г. благотворительную лотерею: «С каким непрерывным радушием главная виновница этого христианского торжества, её превосходительство Софья Семёновна, приветствовала всех участников оного! На лице её проглядывала живая радость о том, что в руках у неё находится порядочная возможность успокоить на некоторое время не одно бедное и беспомощное семейство»²⁰². В последующих выпусках газеты также размещались статьи, пригла-

¹⁹⁹ Федоров И. Заметка // Томские губернские ведомости. 1861. № 10. 10 марта. С. 76.

²⁰⁰ В действительности ситуация в Томской губернии была далека от благополучия. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель в своих воспоминаниях писал, что томский губернатор А.Д. Озерский «не мог иметь никакого нравственного влияния на своих подчиненных, так как всем было известно, что он участвовал вместе с другими в обирании казны, предоставляя себе, – само собою разумеется, – львиную долю. Оттого-то мне редко случалось встречать человека, который внушал бы такое общее презрение даже и в среде тех, кто действовал с ним сообща» (*Дюгамель А.О. Автобиография* // Русский архив. М., 1885. № 7. С. 423). Об узаконенных взятках, которые золотопромышленники должны были давать чиновникам горного правления для отвода золотоносных площадей, писал С.И. Гуляев (*Голубева И. С.И. Гуляев. Биографический очерк* // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 21).

²⁰¹ Ананьин Н. Разговор деревенского старика со внучатами // Томские губернские ведомости. 1859. № 1. 2 янв. С. 7–8.

²⁰² О.П. Дело благотворения // Томские губернские ведомости. 1859. № 7. 13 февр. С. 56–57.

шавшие к участию в лотерее, но уже без славословия в пользу высокопоставленной покровительницы²⁰³. Н.И. Виноградский в статье о необходимости женской гимназии в Томске в качестве аргумента приводил слова «Государя Отца нашего» в Манифесте 19 марта 1855 г.: «Да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности»²⁰⁴. Службу Г.Х. Гасфорда в должности генерал-губернатора Западной Сибири Н.И. Виноградский характеризовал с точки зрения «мирного и благотельного управления и разных преобразований, ко благу Западной Сибири совершенных и совершаемых». «Прозорливый» и «попечительный» начальник края «водворил порядок и на окраинах Киргизских степей юга и в снегах и тундрах Березовско-Обдорского неприступного севера»²⁰⁵. И. Федоров обращал внимание, что российская администрация, содействуя прогрессу, «старается во всем завести порядок, точность, совершенство; быстро раскидываются железные дороги от моря до моря, проводятся телеграфы, заводятся всевозможные школы и училища и проч., и проч.»²⁰⁶. В отчете за 1858/59 учебный год Ф.В. Рудаков писал, что учреждение в 1860 г. должности главного инспектора учебных заведений (к которому от губернатора перешли все обязанности по учебной части) «обещает много полезного для учебных заведений Западной Сибири». Однако перед этим счел необходимым упомянуть, что только «особенная привязанность и любовь к делу образования» позволяли находить время для содействия учебным заведениям «при тех многосложных, важных и безотлагательных делах, какие поступают на рассмотрение начальника губернии»²⁰⁷. М.Л. Попов в отчете за следующий учебный год сравнивал Сибирь с Америкой: «Там поселится на каком-нибудь месте 50 семейств – усердием жителей строится сперва церковь, потом школа. До того в этом народе разви-

²⁰³ *Отчет* о лотерее, разыгранной 3 февраля 1859 г., в пользу бедных города Томска // Томские губернские ведомости. 1859. № 11. 13 марта. С. 89–91; *Местное известие* // Томские губернские ведомости. 1862. № 9. 2 марта. С. 66; *Отчет* о лотерее в пользу бедных города Томска, разыгранной 2 февраля 1862 г., в доме Томского благородного собрания // Томские губернские ведомости. 1862. № 13. 30 марта. С. 93–94.

²⁰⁴ *Н.В.* О женской гимназии в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 45. 14 нояб. С. 366.

²⁰⁵ *За Ангарский Сибиряк.* Статейка для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. № 13. 4 апр. С. 103.

²⁰⁶ *Федоров И.* Заметка // Томские губернские ведомости. 1861. № 10. 10 марта. С. 75.

²⁰⁷ *Рудаков Ф.* Отчет о состоянии учебных заведений Томской Дирекции училищ, с 1 августа 1858 по 1 августа 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 16. 22 апр. С. 116–117.

та потребность образования! У нас новые училища открываются по ходатайству просвещенного местного начальства – самим правительством»²⁰⁸.

Эти примеры можно множить, но вряд ли авторы заслуживают упрека в угодничестве и в расчете на какие-то выгоды по службе. С одной стороны, это дань чиновному и литературному этикету эпохи, с другой стороны, таково было настроение конца 1850-х гг., когда страну охватил ветер перемен и началась открытая подготовка к масштабным социальным и экономическим преобразованиям. От местной администрации и направлений ее деятельности ожидалось нечто новое и отличное в сравнении с предшествующим николаевским временем, когда запрещалось не только критиковать государственный аппарат, но даже и высказывать похвалу в его адрес.

В отношении наполнения неофициальной части «Томских губернских ведомостей» редакторы и авторы статей отмечали пассивность томской общественности. Ф.С. Мещерин в объявлении, размещенном в последнем номере 1858 г., сетовал на «равнодушие публики», которая «несмотря на малозначительность определенной за ведомости годовой платы, столь мало обратила на них внимание, что по всей губернии оказалось не более ста подписчиков». В результате сумма, вырученная от подписки, «далеко не покрывала расходов, какие требуются на содержание типографии, принужденной все материалы, припасы и другие принадлежности выписывать из Москвы»²⁰⁹. Н.И. Виноградский также сожалел, что «мало охотников и любителей чтения местной газеты»²¹⁰, и находил причину недостатка интересных статей в «нежелании и лени» ее возможных авторов. «Слышишь иногда, с грустью, отзыв некоторых, что в ведомостях следовало бы поместить и *то*, и *это*, что есть у них подготовленные вчерне тетрадки, да лучше послать в столичные ведомости или в какой-нибудь специальный периодический журнал, или вот такое-то известие в губернских ведомостях, или очерк, или описание не совсем грамотно и даже бестолково. Просили и молили бы мы этих гг. указателей для общей пользы исправлять ошибки и пополнять недостатки сообщением интересных статей. От общего лишь соревнования и стремления поделиться сведениями в ка-

²⁰⁸ Попов М. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 16. 21 апреля. С. 120.

²⁰⁹ Томские губернские ведомости. 1858. № 51. 25 дек.

²¹⁰ Н.В. Корреспонденция // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. 29 авг. С. 275.

кой бы отрасли науки ни было зависит успех неофициальной части. Ждем по крайней мере от этих критико-указатель-писателей, в других газетах и журналах, превосходных их статей, да и там не находишь. Они сочиняют на словах, а не на бумаге», – писал Н.И. Виноградский в «Статейке для немногих», что также указывало на немногочисленность заинтересованных в местной газете лиц²¹¹.

М.Л. Попов, говоря о своих и учителя Я.Г. Андреева статьях в губернских ведомостях, писал: «О последних трудах совестно было бы и упоминать, если бы в нашем городе были достаточны средства для солидных литературных занятий. В нашей провинции, настолько удаленной от ученых центров, и то было бы хорошо, если бы все, кому только литературные вопросы не пустая забава, могли серьезно следить за ними». Для этой цели в 1860 г. был организован литературный кружок, однако «все, что говорилось и читалось в наших собраниях, оставалось без следа для публики». Для того чтобы информировать публику об этих беседах и в соответствии с ее мнением изменять их ход и направление, предполагалось публиковать отчеты о деятельности литературного кружка в губернских ведомостях²¹². Однако это так и не было осуществлено – не только по причине несоответствия таких отчетов программе официальной газеты, но и по недостаточности в Томске такой заинтересованной общественности, способной развлекать себя не только карточными и танцевальными вечерами, но и мыслью и словом.

Композиционно-графическая модель «Томских губернских ведомостей» соответствовала типу ведомостей других губерний и возможностям томской типографии. Все материалы имели прямоугольную форму и располагались в двух вертикальных колонках, разделенных жирными линиями. Публикации переходили из одной колонки в другую, с одной страницы на другую. Тем самым газета напоминала собой книжный разворот, что соответствовало распространенной практике газетного оформления, сближая газету с книгой и «толстым» журналом. Нумерация газеты также первоначально была «книжной» – сквозной для всех номеров, что облегчало поиск

²¹¹ За Ангарский Сибиряк. Статейка для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. № 13. 4 апр. С. 102.

²¹² Томские губернские ведомости. 1861. № 17. 5 мая. С. 130–131.

информации в годовых подшивках. С 1862 г. официальная и неофициальная части стали нумероваться раздельно.

Верхняя часть полосы номера представляла собой горизонтальный заголовок – название газеты, герб Томской губернии (что подчеркивало официальный характер издания) и редакционная информация – номер газеты (от 1 до 50–52), день, месяц и число ее выхода, подписная цена (3 руб. сер.), место приема подписных сумм (редакция газеты и почтовые конторы). Неофициальная часть начиналась с нового листа и имела собственный заголовок – название газеты (но без герба), ее номер, день и число выхода, подзаголовок «Часть неофициальная» и анонс содержания, в котором приводились заголовки статей, пронумерованные цифрами. В начале неофициальной части, как правило, печаталась самая большая по объему статья.

«Часть официальная» разделялась на «Отдел первый» и «Отдел второй». В первом отделе публиковались местные постановления и предписания, касающиеся административной, общественной и хозяйственной жизни губернии. Отдел второй содержал постановления и предписания центрального правительства, а также местные казенные объявления. Такое расположение материала несколько нарушало структуру издания, утвержденную «Учреждением губернских правлений» 1845 г., сохраняя ее по сути.

Количественное, тематическое и авторское разнообразие публикаций неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (табл. 13) можно условно разделить на восемь тематических групп, каждая из которых состоит из подгрупп: «История»²¹³; «Этнография»²¹⁴; «Экономика»²¹⁵; «География и природа Сиби-

²¹³ История Томска, городов и местностей Томской губернии, других городов Сибири; присоединение и освоение Сибири и Дальнего Востока; архивные исторические документы; управление, самоуправление и судопроизводство в Сибири; городское самоуправление; выдающиеся личности в истории Сибири; сибирская библиография; воинская повинность.

²¹⁴ Коренное и русское население Сибири; о сборе этнографических сведений.

²¹⁵ Золотопромышленность, полезные ископаемые и горнорудная промышленность; водные и сухопутные пути сообщения; железные дороги; земледелие; переселение в Сибирь и на Дальний Восток; животноводство; маслоделие; лесные угодья; винокурение; табачное производство; сахарная промышленность; солеварение; охота; рыболовство; пчеловодство; собирательство; торговля; финансы; экономические выставки; сфера услуг; подати и сборы; статистика и деятельность томского статистического комитета; государственные доходы и расходы по сибирским губерниям; томская губернская типография; средства связи; страховые общества; потребительские кооперативы.

ри»; «Духовная, общественная и повседневная жизнь»²¹⁶; «Образование и просвещение»²¹⁷; «Здравоохранение и медицина»²¹⁸; «Домоводство».

Многие публикации характеризуются смешением сведений по истории, этнографии, географии, медицине. Это вызвано стремлением к многостороннему и целостному описанию предмета, проявлением энциклопедического интереса к малоизученному в научном отношении региону. Возникшая проблема классификации может быть решена путем выделения основной предметной направленности статьи, цели ее написания, профессиональных знаний автора и ценности содержащихся в ней сведений для изучения отдельного сюжета региональной истории. При определении количества публикаций по темам каждая из них (включая продолжающиеся) принималась за единицу счета.

²¹⁶ Периодическая печать; письма в редакцию газеты и ответы редакции; праздники, развлечения, нравы; поздравления; о пребывании в Томске и Томской губернии лиц императорской фамилии; о проезде через Томск примечательных лиц; некрологи, панихиды, биографии выдающихся деятелей; обращения духовных лиц к прихожанам; положение духовенства; прибытие и отбытие духовных лиц в Томск и из Томска; православные святыни; церковные праздники; строительство и освящение православных храмов и духовных учебных заведений; духовные учебные заведения; пожертвования в пользу православных церквей, монастырей и общин; пожертвования в пользу пострадавших от пожаров, наводнений и землетрясений; оказание помощи пострадавшим от неурожая; пожертвования и пособия в пользу бедных, больных и нуждающихся; пожертвования и пособия в пользу солдат и раненых; отчеты, собрания и ревизии отделений Красного Креста; приюты для престарелых и инвалидов; детские приюты; детские сады; томский губернский попечительный о тюрьмах комитет; пожертвования и помощь заключенным и их детям; содержание и положение полиции; пожертвования в пользу учебных заведений и учащихся; пожертвования в пользу первого сибирского университета; пожертвования для строительства памятников; распространение христианства среди коренного населения Сибири; старообрядчество; выражение верноподданнических чувств; о покушениях на Александра II; ссылка, преступность и тюрьмы в Сибири; о прибытии, назначениях, перемещениях, командировках, награждениях и выездах; положение Сибири в составе России; литературные вечера; стихи; занимательные и познавательные сообщения; благородные и общественные собрания; театр; городское благоустройство; происшествия; эпизоотии; о повреждении посевов; пожары и борьба с ними.

²¹⁷ Начальное и среднее образование; высшее образование; строительство сибирского университета; женское образование; средние специальные учебные заведения и курсы; о распространении грамотности и чтения в народе; народные чтения; библиотеки; музеи; книжные магазины; публичные лекции.

²¹⁸ Медицинские описания, отчеты и сообщения; аптеки; положение врачей; благотворительные лечебные учреждения в Томске; медицинская помощь бедным; деятельность Томского приказа общественного призрения; родовспоможение; борьба с инфекционными заболеваниями; медицинское образование; лечебные воды и грязи; борьба с пьянством; народная и общедоступная медицина; ветеринария; здоровое питание; о вредных для здоровья веществах.

Таблица 13

**Тематика публикаций в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1870 гг.
(в скобках указаны продолжающиеся публикации)**

Тематика публикаций		1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	Итого
История	Город Томск	5 (2)	2 (1)	1		3	2	3 (1)	1 (1)	2 (2)	4 (1)				23 (8)
	Томская губерния	4 (4)	1 (1)	1	2 (1)		1		3 (1)	4 (3)	7 (4)	12 (1)	3		38 (15)
	Другое	10 (3)	2 (1)	2	1 (1)	3	3	2	20 (1)					6 (2)	49 (8)
Этно-графия	Коренное население	13 (1)	14 (2)	3	7 (2)	6 (3)	4 (1)	4	7 (1)	1	4 (3)	2 (1)	4 (2)	3 (3)	72 (19)
	Русское население	3	1 (1)			2 (1)	5 (1)		3 (2)				1 (1)		15 (6)
Экономика		19 (1)	13 (3)	8 (2)	8 (1)	22 (5)	12 (2)	14 (5)	14 (5)	1 (1)	2 (1)	5 (1)	4 (2)	5 (2)	127 (31)
География и природа		12 (1)	9	7	2	4 (1)	2 (1)	8 (3)	4 (1)	6 (1)	2	1	7 (3)	2	66 (11)
Духовная, общественная и повседневная жизнь		22 (1)	12 (2)	12 (3)	5 (1)	27 (3)	24 (2)	23 (4)	36 (6)	14 (3)	10	26 (6)	14 (4)	20 (5)	245 (40)
Образование и просвещение		3	4 (1)	5 (1)	5 (2)	5	5 (2)	7	26 (4)	1	1	2	1	2	67 (10)
Здравоохранение и медицина		12 (4)	9 (3)	7 (1)	3	24 (2)	3 (2)	5 (2)	2 (2)	2 (1)	3 (1)	2	7 (2)	6 (1)	85 (21)
Домоводство		7				19									26
Итого		110(17)	67(15)	46(7)	33(8)	115(15)	61(11)	66(15)	116(24)	31(11)	33(10)	50(9)	41(14)	44(13)	813(169)

Рис. 1. Распределение публикаций по годам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1870 гг.

Рис. 2. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1862 гг.

Рис. 3. Авторы и корреспонденты неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1862 гг.

Рис. 4. Социальное положение авторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1862 гг.²¹⁹

²¹⁹ В данной и последующих диаграммах представлены только те авторы, чью социальную принадлежность удалось установить точно – по собственным подписям, формулярным спискам Государственного архива Томской области и адрес-календарям. К категории военных отнесен Г.Н. Потанин, служивший в 1858 г. в чине хорунжего в Сибирском казачьем войске, к категории крестьян – представители сельской волостной администрации С. Екимбаров и П. Школкин.

Мы видим (рис. 1–4), что редакция газеты в соответствии с разрешенной программой и в опоре на местные интеллектуальные силы (чиновники, священники, врачи), прибегая к перепечаткам из других изданий лишь по необходимости, стремилась сделать «Томские губернские ведомости» газетой, освещающей различные стороны прошлой и современной жизни по преимуществу Томска и Томской губернии. Число публикаций в номере составляло от 2 до 6. Материалы характеризовались жанровым разнообразием: историко-краеведческие очерки, историко-статистические описания, архивные документы, отчеты, этнографические очерки, воспоминания, некрологи, новости, стихи. При всем уважении к авторитету Н.М. Ядринцева как сибирского историка и публициста никак нельзя согласиться с его мнением, что издание «Томских губернских ведомостей», в сравнении с ведомостями Тобольска, «зародилось при еще более скудных силах»²²⁰.

Архивные дела, рассказы старожилов, официальные статистические сведения, центральные газеты и журналы, личные впечатления и воспоминания, наблюдения за текущей городской жизнью и наблюдения, сделанные в результате служебных командировок, – вот те источники, на основании которых появлялись статьи. Многие в этом отношении зависело от автора – его осведомленности, любознательности, стремления поднять тот или иной вопрос, владения для этого литературным слогом и, наконец, самого главного – наличия времени и желания написать и направить статью в губернскую газету. Этими обстоятельствами объясняется распределение публикаций в долевым отношении и их абсолютное количественное уменьшение после 1858 г. Для подготовки исторических статей требовались соответствующие знания по истории России и Сибири, работа с архивными источниками, обращение к местным жителям. Этнографические и географические описания, как правило, возникали на основании поездок в описываемый край. Работа над такими статьями была более трудоемкой и тщательной. Материал для статей об общественной и духовной жизни томичей давали сами текущие события – светские и церковные праздники, благотворительные акции, благоустройство города. Сведения об экономической жизни можно было почерпнуть из официальных отчетов, ведомостей и таблиц. Размещение медицинских описаний и отчетов, а также стрем-

²²⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 669.

ление к практической пользе от различных советов народной и общедоступной медицины определили отнесение значительной части публикаций к сфере здравоохранения. Статьи об образовании и просвещении в Томской губернии, хотя и занимали в процентном отношении последнее место, но характеризовались значительным объемом и широким кругом затрагиваемых вопросов.

Необходимо отметить, что перепечатка статей из центральных изданий по домоводству, сельскому хозяйству, общедоступной медицине способствовала распространению этих сведений среди подписчиков и читателей церковных приходов и волостных правлений, не имевших средств на выпуск других изданий, кроме губернских ведомостей. Вообще, в дореволюционной печати перепечатки и ссылки на статьи из «дружественных» изданий были весьма распространены²²¹.

С уходом в 1859 г. таких плодovitых и равнодушных к судьбе газеты авторов, как Н.И. Виноградский и О.Г. Павлов (с этими инициалами только в 1863 г. появилась статья о винокурении), история Томска и Томской губернии, городские известия, полемичный и публицистический характер статей уступили место этнографическим и историко-статистическим материалам, разделяемым при этом на части (например, первые 12 номеров 1861 г. содержали «План историко-статистического описания Томской епархии»). С занятием в 1862 г. должности редактора неофициальной части И.Ф. Русановым число публикаций по экономике, духовной и общественной жизни, здравоохранению увеличилось. Изменилась и нумерация отделов газеты – она стала раздельной для официальной и неофициальной частей. И.Ф. Русанов, начав сотрудничество с газетой в 1861 г., как и Ф.С. Мещерин и впоследствии Д.Л. Кузнецов, был пишущим редактором. В 1862 г. он опубликовал 14 статей, заметок и обращений к читателям.

Несмотря на то, что газета организовывалась, чтобы удовлетворить практические и познавательные интересы всех образованных жителей губернии, она не нашла массового читателя (насколько это

²²¹ В 1865 г. «Сибирский вестник» Б.А. Милютин в ответ на упрек «юного собрата» (газеты «Восточное Поморье», издававшейся в 1865–66 г. в Николаевске-на-Амуре) в перепечатках отвечал: «Вероятно, он думает, что мы обладаем средствами лондонского Таймса и можем рассылать корреспондентов во все концы света, лишь была бы на то охота <...> Издание, имеющее определенную цель, должно пользоваться всем материалами, которые пригодны для этой цели; оно должно быть благодарно другим изданиям, которые ему помогают, а не пренебрегать ими» (*Восточному Поморью* // Сибирский вестник. 1865. № 55. 8 нояб. С. 2).

было возможным в условиях середины XIX в.). Незначительный круг частных подписчиков, высказывания по поводу пассивности томской общественности, отсутствие писем в газету по поводу вопросов, затронутых в ее статьях, позволяют утверждать, что круг основных читателей не намного превышал круг основных авторов. Гимназические учителя, преподаватели семинарии, чиновники, врачи и священники получили с помощью «Томских губернских ведомостей» возможность высказывать свои соображения в сфере профессиональных интересов, публиковать материалы по истории, экономике, здравоохранению и этнографии края. Газета сделала возможным объединение этих сил и их расширение за счет не только томских авторов, но и корреспондентов из других городов и сел губернии²²². Так, неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобретала просветительскую функцию, формируя общественный интерес к истории Сибири и проведению самостоятельных изысканий в этой области. Интересный пример находим в воспоминаниях товарища Н.М. Ядринцева по томской гимназии Д.А. Поникаровского: «Зимой этого года [1858] батюшка принес мне из губернского правления номер “Томских губернских ведомостей”, в котором была помещена статья о каменщиках, т.е. крестьянах-раскольниках, поселившихся в Алтае, потом бежавших в китайские пределы и оттуда китайским правительством возвращенных нашему правительству. Эта статья произвела на меня впечатление, я дал ее Н.М. [Ядринцеву], он пришел в восторг от нее и от каменщиков и все мечтал об них и желал их увидеть...»²²³.

Вознаграждения за статьи и редакторский труд не предполагалось, и наполнение неофициальной части воспринималось как добровольная, общественно значимая деятельность. На газету смотрели как на «младенца», «новорожденного»²²⁴, который должен со време-

²²² Люди, приславшие свои материалы в «Томские губернские ведомости», могли быть самого разного социального положения. Например, в № 25–27 за 1862 г. в качестве корреспондента из Омска (не имевшего своей газеты) выступил жандармский полковник В.П. Рыкачев, который в 1865 г. вел следствие по делу областников. Им были представлены сведения об образовании омского благотворительного общества, в котором состояли все крупные чиновники и их супруги, а сам В.П. Рыкачев был секретарем.

²²³ Поникаровский Д.А. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. С. 310. Речь шла о статье Даниловского «Описание Бухтарминского края» (Томские губернские ведомости. 1858. № 23. 13 июня. С. 177–183; № 24. С. 188–193).

²²⁴ За Ангарский Сибиряк. Очерки г. Томска // Томские губернские ведомости. 1858. № 1. 3 янв. С. 2; За Ангарский Сибиряк. Статейка для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. № 13. 4 апр. С. 101.

нем расти и развиваться. Немалую роль играл интерес к культурам коренных народов и русских-сибиряков, особенности и своеобразие которых вызывали необходимость их письменного фиксирования (любопытно, что одним из наиболее деятельных авторов в этом отношении был священник-миссионер В.И. Вербицкий, выступавший по сути как исследователь-тюрколог, очень мало писавший, собственно, о своей миссионерской работе). Этнографические и исторические очерки были своеобразным способом самоидентификации и проявления самосознания томской интеллигенции, для которой возможность писательской работы и печатного изложения своих мыслей была жизненно необходимой. Это обращение в века обрело своего благодарного читателя. Уже близкие современники по достоинству оценили «долгий текст» неофициальной части первой томской газеты как уникального источника по истории Томска и Сибири. И.Я. Словцов в письме к С.И. Гуляеву в 1876 г. спрашивал: «Нет ли у кого-нибудь в Барнауле “Томских губернских ведомостей” за 1858 год. <...> “Томских ведомостей” у нас с 1858 года нельзя достать нигде ни за какие деньги, а между тем для сибиряка в них можно найти весьма много интересных и важных сведений»²²⁵. Н.И. Виноградский, предвидя это обстоятельство, сожалел, что «мало охотников и любителей чтения местной газеты, которая должна служить зеркалом прошедшей и современной жизни Томской губернии. Созерцательный труженик соберет когда-нибудь, за несколько лет, неофициальную часть как единственный материал для создания истории Томской губернии, любопытной во всех отношениях»²²⁶.

В 1863 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей»²²⁷ по назначению вице-губернатора и председателя губернского правления П.И. Фризеля стал 28-летний учитель

²²⁵ Словцов Иван Яковлевич. Письма // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. Кн. 2. С. 344. «Тобольские губернские ведомости» Словцов собрал за все года – «теперь они большая редкость», а за годовой комплект «Пермских губернских ведомостей» И.Я. Словцов готов был заплатить 20 руб. сер. и опасался, «чтобы кто-нибудь не перебил» (Словцов Иван Яковлевич Письма... С. 344, 360).

²²⁶ Н.В. Корреспонденция // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. 29 авг. С. 275.

²²⁷ Фактический редактор неофициальной части ведомостей Д.Л. Кузнецов стал указываться с № 36 от 13 сентября 1863 г. Возможно, он начал исправлять эту должность с первого номера 1863 г. Под фамилией редактора располагалась надпись: «Напечатано с разрешения цензуры в Томской губернской типографии».

томской гимназии Д.Л. Кузнецов²²⁸. Г.Н. Потанин так писал о новом редакторе: «Приехав в Томск, Кузнецов выделился из среды других учителей; он не ограничился своей педагогической деятельностью, а принялся за розыски сибирской старины. Он сделал большие выписки из архива томского Алексеевского монастыря, которые потом были напечатаны в московском журнале “Чтение в обществе истории и древностей российских”, собирал старинные акты на базаре и печатал их в “Томских губернских ведомостях”. Нужно о нем сказать, что это не был сухой археолог, это был живой человек, интересовавшийся общественными делами. По его ходатайству библиотека гимназии была открыта для пользования публики; это была первая публичная библиотека в Томске. Вице-губернатор председатель губернского правления П.И. Фризель предложил ему место редактора неофициальной части “Томских губернских ведомостей”, вернее, может быть, сам Кузнецов, побуждаемый литературным зудом, навязался в редакторы. Газета сделалась предметом особенных его симпатий»²²⁹.

Действительно, при Кузнецове неофициальная часть томских ведомостей претерпела изменения. Она стала открываться передовой статьей с названием «Томск, дата», соответствующим дате выхода газеты. Первая такая публикация появилась 13 сентября 1863 г. и в жанре репортажа с места событий рассказывала об открытии

²²⁸ Дмитрий Львович Кузнецов (1835–1875) происходил из духовного сословия и после окончания Уфимской семинарии поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1858 г. со степенью кандидата. Одним из его учителей был историк А.П. Шапов. С 19 августа 1858 г. начал службу наставником по классу логики в открытой в Томске семинарии. В 1859 г. стал помощником ее ректора архимандрита о. Вениамина, который порекомендовал его томскому губернатору в качестве члена-корреспондента томского статистического комитета. Кузнецов принял это предложение, имея опыт подготовки статистических сведений по томской епархии. В 1861 г. женился на дочери статского советника – А.Я. Капустиной и перешел на службу в томскую губернскую гимназию, став с 30 марта старшим учителем русской словесности в чине титулярного советника. 11 августа 1866 г., в связи с делом областников, был уволен с должности и мнением Государственного Совета 1868 г. «оставлен в сильнейшем подозрении». И.Я. Словцов в письме к С.И. Гуляеву в апреле 1876 г. сообщал, что «Дмитрий Львович Кузнецов с году тому назад умер...» (ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 279–280; Ф. 99. Оп. 1. Д. 288. Л. 2об.; Ф. 99. Оп. 1. Д. 350. Л. 16об.; Ф. 99. Оп. 1. Д. 371. Л. 10; ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 450. Л. 122; *Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь* / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухов. М., 1928. Т. 1, ч. 2. С. 194; *Дмитриенко Н.М.* К нему стремилось все хорошее и светлое // *Сибирская старина* : краеведческий альманах. Томск, 1995. № 10 (15). С. 30–33; *Словцов Иван Яковлевич. Письма...* С. 346).

²²⁹ *Потанин Г.Н.* Воспоминания // *Литературное наследство Сибири.* Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 184.

в Томске Мариинской женской гимназии²³⁰. Для того чтобы дать место передовым статьям, все объемные объявления (о подписке, о пожертвованиях и т.д.) с № 37 от 20 сентября 1863 г. стали печататься в приложении к газете. Следующие передовые были посвящены благоустройству Томска²³¹, воскресным школам и необходимости наполнять губернские ведомости статьями о крестьянском населении²³², об открытии в Томске телеграфной связи²³³. Все сколько-нибудь значимые события прошедшей недели, накопившиеся за это время впечатления и размышления автора облекались в повествовательную форму: открытие справочного стола, празднование нового года, пожар, сбор средств на благоустройство, появление в городе бешеного волка, покусавшего 60 человек, с подробным перечислением нанесенных им ран. Прогулка по грязным томским улицам или посещение мясных рядов заканчивались написанием соответствующей критической статьи с предложениями об улучшении ситуации. Иногда автор даже начинал с высказывания, что очень сложно в провинциальном городе найти достойную тему для передовой, но она рождалась и развивалась по ходу размышлений и письма. Поэтому статьи Д.Л. Кузнецова выходили такими объемными и многословными, с пространными вступлениями, метафорами, переходами от одного предмета к другому, от бесхитростного бытового языка к замысловатым конструкциям языка «литературного». Автор мог начать с описания скромности провинциальной жизни, ограниченной «геркулесовыми столпами» губернского города, затем пройти по мелочным пересудам и пустякам, занимающим досуг необразованной публики, и закончить характеристикой лиц, которые «лучше и чище других могут понимать уровень нравственного развития своего общества» (под которыми, как выяснялось через несколько предложений, имелись в виду торговцы, промышленники и люди с образованием), и обращением к ним с предложением излагать свой практический опыт и наблюдения на страницах губернской газеты²³⁴.

²³⁰ Кузнецов Д. Томск. 13 сентября 1863 г. Об открытии в г. Томске Мариинской женской гимназии // Томские губернские ведомости. 1863. № 36. 13 сент. С. 224–233.

²³¹ Кузнецов Д. Томск. 20 сентября 1863 г. // Томские губернские ведомости. 1863. № 37. 20 сент. С. 234–236.

²³² Кузнецов Д. Томск. 27 сентября 1863 г. // Томские губернские ведомости. 1863. № 38. 27 сент. С. 242–246.

²³³ Кузнецов Д. Томск. 4 октября 1863 г. // Томские губернские ведомости. 1863. № 39. 4 окт. С. 251–252.

²³⁴ Кузнецов Д. Томск 11 октября // Томские губернские ведомости. 1863. № 40. 11 окт. С. 259–260.

Однако читать Кузнецова все-таки интересно. Течение и причудливые повороты мысли, эмоциональный равнодушный тон и самое подробное внимание к жизни города и его жителей составляют авторское своеобразие его материалов, что позволяет рассматривать Кузнецова как самобытного сибирского журналиста, а его статьи – как ценный источник сведений о бытовой повседневной жизни города Томска. Как и его предшественникам, молодому гимназическому учителю не доставало читателя, вернее, своего читателя – заинтересованного, способного к обратной связи с редакцией, отвечающего и пишущего. Так, в № 37 от 18 сентября 1864 г. Кузнецов с горькой иронией писал: «Нам уже хорошо известно то внимание, которым пользуются губернские ведомости среди местного общества, равно как и то положение, которое занимают они вообще перед судом всего русского читающего люда». Четырехмесячный летний перерыв в публикации передовых в 1864 г. Кузнецов объяснял возникшим у него впечатлением, что он впустую тратит время. Как и любой начинающий автор, Кузнецов рассчитывал на определенную известность и заметность, жаждал дискуссии с аудиторией, затрагивая, может быть, и не столь масштабные, но действительно актуальные для города темы: «Говорить без всяких последствий, без всякого отзыва со стороны общества о лучшем устройстве пожарной части, о необходимости уездной корреспонденции, о лучших порядках в торговле мясом, говорить как будто шутя, для собственного удовольствия, для нескучного препровождения времени, говорить, положим, и не всегда строго обдуманное, не всегда практически верные предположения и мысли, но все-таки говорить голосом вопиющего в пустыне и не встретить ни одного замечания, ни одного отклика, в котором бы кто-нибудь выразил свое сочувствие к поднятым общественным вопросам: – воля ваша! – это такое дело, после которого невольно посмотришь на себя, как на человека, “толкующего воду” или усердно “переливающего из пустого в порожнее”»²³⁵. Не скрывая своего раздражения, Кузнецов продолжал свою филиппику против равнодушной публики: «Может быть, вы думаете, господа, что губернские ведомости не стоят того, чтобы в них заявлять свои серьезные убеждения и стремления: ошибаетесь! В этом-то ложном взгляде и кроется причина того, что наши ведомости, при недостатке в них разнородных статей, мало расходятся

²³⁵ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. 28 сент. С. 236.

и мало читаются. Стало быть, ведомости не виноваты только тем, что они губерньские, а виноваты те, кто смотрит на них с пренебрежением...»²³⁶.

В этом же номере было опубликовано письмо в редакцию алтайского крестьянина С. Екимбарова о введении волостного суда и уменьшении податей. В верноподданническом стиле выражалось благодарение государю императору за эту милость²³⁷. Статья нашла долгожданный для редактора отклик. В № 1 от 8 января 1865 г. Е.Ф. Щепоткин, принимавший участие в организации палат и окружных управлений в Пермской губернии, писал, что в силу больших расстояний между населенными пунктами в Сибири волостной суд затягивает и усложняет судопроизводство, что выгодно только писарям, к числу которых, по его мнению, и принадлежал написавший статью «крестьянин»²³⁸.

Таким образом, дискуссия о волостном суде по типу европейских губерний и мирском судопроизводстве, начатая В.И. Вагиным в 1858 г., получила продолжение. В № 10 от 12 марта 1865 г. появился «Отзыв из города» (в противовес «Голосу из деревни» Е.Ф. Щепоткина), подписанный псевдонимом «Житель», в котором автор, опираясь на официальную статистику, усомнился в том, что алтайские приписные крестьяне платили до реформы податей и оброка до 30 руб. с души. В ответ на это Д.Л. Кузнецов в № 12 от 28 марта поместил заметку «От редакции», в которой написал, что не разделяет взглядов «Жителя» на значение введения в Алтайском горном округе мировых учреждений. В защиту Екимбарова в № 39 от 8 октября выступил А. Меркульев, который обращал внимание, что «суд, расправы и налоги» и в дореформенное время, и в настоящее зависят от «личностей, которым вверено управление», и для прекращения спора предлагал «сделать первому попавшемуся заводскому крестьянину вопрос: не желает ли он опять исполнять прежние повинности и быть под прежним управлением?»²³⁹.

Целая переписка развернулась и по поводу Устьянцевского озера, находящегося в 25 верстах от Каинска. О его водах, исцеляющих

²³⁶ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. 28 сент. С. 237, 239.

²³⁷ Екимбаров С. Письмо в редакцию // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. 28 сент. С. 240.

²³⁸ Щепоткин Е. Голос из деревни // Томские губернские ведомости. 1865. № 1. 8 янв. С. 4–7.

²³⁹ Что лучше для крестьян: оброк или заводские работы? // Томские губернские ведомости. 1865. № 39. 8 окт. С. 1–4.

от золотухи, написал статью 17-летний канцелярист Каинского окружного суда В. Нестеровский²⁴⁰. Н. Пестреченко указал на вкравшиеся, по его мнению, ошибки в описании площади и берегов озера²⁴¹, на что Нестеровский возражал, что произошла путаница в понятиях «у берега» и «на берегу», а лошади все же пьют соленую озерную воду, в чем он не раз имел возможность убедиться²⁴². Статьи о целебном озере привлекли внимание Русского географического общества, в «Известиях» которого в 1865 г. была опубликована о нем небольшая заметка²⁴³. Одним словом, призывы редактора неофициальной части возымели некоторое действие как относительно обсуждения действительных социальных проблем, так и совсем малозначительным поводам. Важно было, что страницы газеты были открыты для всех, кто готов был высказать свое мнение, вступить в дискуссию, поделиться впечатлениями. В примечании к статье «Пожары в городе Барнауле» Кузнецов высказывал благодарность ее автору за «доставленные сведения» и просил его «принять на себя обязанности постоянного корреспондента»²⁴⁴.

Д.Л. Кузнецов был автором 47 статей и передовых, жил и работал в Томске с 1858 г. и, безусловно, проникся местными сибирскими интересами, не выходя, однако, за рамки хозяйственных, бытовых и культурных вопросов. В то же время его статьи иногда затрагивали темы или содержали суждения более широкого свойства. Статья «Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги (Из подлинных записок бродяги)»²⁴⁵ представляла собой рассказ ссыльнопоселенца о «горьких страданиях приисковой работы». В «Мыслях об устройстве в Томске ремесленной школы» доказывалась необходимость ее открытия для повышения качества ремесленных изделий и нравственного развития детей городских обывателей, а купечество упрекалось в погоне только за прибылью

²⁴⁰ Нестеровский В. Устьянцевское целительное озеро // Томские губернские ведомости. 1864. № 42–43. 23–30 окт. С. 287; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 964. Л. 690–691.

²⁴¹ Пестреченко Н. Письмо в редакцию. По поводу статьи «Устьянцевское целительное озеро» // Томские губернские ведомости. 1864. № 45. 13 нояб. С. 307–308.

²⁴² Нестеровский В. Ответ г. Пестреченко на его замечания // Томские губернские ведомости. 1864. № 50. 18 дек. С. 344–345.

²⁴³ Озера с минеральными водами в Томской губернии // Известия Русского географического общества. СПб., 1865. Т. 1. Отд. 2. С. 142.

²⁴⁴ Н.Л. Пожары в городе Барнауле // Томские губернские ведомости. 1864. № 45. 13 нояб. С. 308–311.

²⁴⁵ Кузнецов Д. Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги // Томские губернские ведомости. 1863. № 45. 15 нояб. С. 315–319; № 47. 29 нояб. С. 330–335; № 48. 6 дек. С. 339–342.

в ущерб остальным жителям Сибири²⁴⁶. В публикации, по примеру «Тобольских губернских ведомостей», постановлений педагогического совета томской гимназии Кузнецов видел необходимость сделать гласными и доступными для обсуждения сведения об обучении детей, развитии их способностей, повышении дисциплины и успеваемости²⁴⁷.

В передовой с эпиграфом «На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома дворянин» Кузнецов высмеял афишу заезжего пианиста Э.Н. Цуханова, в которой среди прочего упоминалось, что музыкант – «потомственный дворянин»: «достоинство импровизатора нимало не уменьшается, не увеличивается от того, будет ли он плебей или аристократ по своему происхождению, будет ли крестьянин или из обер-офицерских детей, просто из почтенных или из сиятельных. Точно так же и наоборот: дар импровизации ничего не говорит ни в пользу, ни не в пользу дворянства. <...> Быть может, подобные заявления в нашем далеком крае делаются “для внушения кому следует надлежащего уважения”, но едва ли мы такие дикари, чтобы можно было играть с нами в наивные детские игры – побрякушками»²⁴⁸.

Кузнецов ратовал за развитие в Томске самостоятельного печатного слова, критикуя тех, кто игнорировал первую местную газету, предпочитая ей столичную прессу, которой только и предоставлялось «право разбирать наши домашние дела», в противовес стремлению «развивать областную жизнь и не поддерживать одной исключительной централизации»²⁴⁹. Кузнецов неоднократно выступал с просьбой присылать статьи в ведомости, чтобы «поддерживать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности». Именно гласность, по его мнению, могла бы способствовать равномерному распределению налогов с мещанского населения Томска²⁵⁰. В статье о сборе пожертвований для благоустройства томских улиц назначение губернских ведомостей сравнивалось

²⁴⁶ Кузнецов Д. Мысли об устройстве в Томске ремесленной школы // Томские губернские ведомости. 1865. № 14. 16 апр. С. 2–6; № 15. 23 апр. С. 5–12.

²⁴⁷ Кузнецов Д. Несколько слов о постановлениях педагогического совета томской гимназии, имеющих отношение к обществу // Томские губернские ведомости. 1864. № 40. 9 окт. С. 269–276.

²⁴⁸ Кузнецов Д. Томск. 20 декабря // Томские губернские ведомости. 1863. № 50. 20 дек. С. 350–352.

²⁴⁹ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. 28 сент. С. 237.

²⁵⁰ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. 28 сент. С. 237–238.

с обзорами В.Г. Белинского, разъяснявшими значение и сущность литературных произведений, имея в виду читателей газеты при приходских церквях и правлениях, «знакомых только с двумя-тремя книгами церковной печати и таким же количеством грошовых произведений лубочного изделия»²⁵¹.

В историю Сибири и общественного движения имя Д.Л. Кузнецова вошло в связи с так называемым делом об «отделении Сибири от России». Найденное в 1865 г. у одного из воспитанников Омского кадетского корпуса рукописное воззвание «Патриотам Сибири» повлекло за собой обыски, выяснившие причастность к делу бывших студентов Санкт-Петербургского университета, составлявших в столице сибирское землячество. Так полицейскими чиновниками в единое дело были связаны содержание анонимной прокламации и деятельность столоначальника по крестьянскому и инородческому вопросам Г.Н. Потанина и частнопрактикующих учителей Н.М. Ядринцева и Е.Я. Колосова. Нить следствия из Томска повела в Иркутск, где у учителя приходского училища Н.С. Щукина было обнаружено воззвание «Сибирским патриотам», и в Красноярск, где аресту подвергся учитель женского училища С.С. Шашков, автор «возмутительных лекций», прочитанных в Красноярске и Томске. Всего же по делу было арестовано 59 человек²⁵². Главный вопрос следствия о происхождении прокламации раскрыт не был. Предположительно ее автором мог быть иркутский купец С.С. Попов (являвшийся одновременно секретным агентом III Отделения²⁵³), который, живя в Петербурге и «увлекшись тогдашним движением, составил, может быть, самую циничную прокламацию в свете»²⁵⁴. Н.М. Ядринцев и С.С. Шашков, также находившиеся в это время в столице, были знакомы с текстом прокламации и выступили в качестве ее редакторов, Потанин же до своего ареста ничего о ней не знал²⁵⁵.

²⁵¹ Кузнецов Д. Томск. 27 ноября // Томские губернские ведомости. 1864. № 46–47. 20–27 окт. С. 313.

²⁵² Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Вып. 1 : Областники. Новосибирск, 1995. С. 32.

²⁵³ См.: Шиловский М.В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 98–110; *Литературное наследство*. М., 1959. Т. 67. С. 748.

²⁵⁴ Потанин Г.Н. Воспоминания (отрывки) // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2002. С. 45.

²⁵⁵ Шиловский М.В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам»... С. 105–108.

По ходу следствия вскрылось, что наиболее злонамеренные участники заговора – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – использовали местную официальную газету «Томские губернские ведомости» для пропаганды взглядов, признанных следствием революционными, сепаратистскими и схожими с обнаруженной прокламацией. Между тем эти статьи и мелкие заметки прошли цензурный контроль со стороны губернской власти. В 1864 г. газета имела 469 подписчиков среди присутственных и казенных мест (80 из них представляли учреждения Европейской России). Добровольных подписчиков было 55 (6 – в Европейской России, 2 – в других сибирских губерниях и 47 – в Томской)²⁵⁶. Надо полагать, читатели, в том числе и на самом высоком уровне, также не заподозрили какой-либо крамолы в статьях об общественной жизни Сибири, ее людях и климате, о необходимости открытия сибирского университета.

Г.Н. Потанин переехал из Омска в Томск в сентябре 1864 г. В начале 1864 г. в Томске сменился губернатор – на место ушедшего в отставку А.Д. Озерского заступил действительный статский советник Г.Г. Лерхе²⁵⁷, который назначил Г.Н. Потанина на должность столоначальника по крестьянскому и инородческому вопросам. Новому томскому губернатору Потанин был рекомендован генерал-губернатором Западной Сибири А.О. Дюгамелем, а тот, в свою очередь, исполнил просьбу К.В. Струве, в экспедиции которого Потанин участвовал в качестве переводчика и натуралиста²⁵⁸. Директор училищ Томской губернии М.Л. Попов предложил Потанину преподавать естественную историю в мужской и женской гимназиях. В начале 1865 г. по приглашению Потанина, также с идеей журналистской работы, из Омска приехал Н.М. Ядринцев. Оба уже имели соответствующий опыт. Ядринцев, находясь в Петербурге, в 1863 г. опубликовал три фельетона в газете «Искра»²⁵⁹. Потанин во время службы в Омске публиковался в «Тобольских губернских ведомостях» в 1858 г., а затем стал отправлять результаты своих путевых и жизненных наблюдений в центральные издания – «Вестник Русского географического общества»²⁶⁰, «Русское слово»²⁶¹, «Воен-

²⁵⁶ *Томские губернские ведомости*. 1865. № 6. 12 февр. С. 7.

²⁵⁷ *Лерхе* Герман Густавович (22.12.1826–06.10.1903) // Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск, 2012. С. 88.

²⁵⁸ *Адрианов А.В.* Томская старина // Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1. С. 340.

²⁵⁹ *Ядринцев Н.М.* Наша любовь к народу // Искра. СПб., 1863. № 2, 4, 9.

²⁶⁰ *Потанин Г.Н.* Привоз и вывоз товаров из г. Томска в половине XVII столетия // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. 27. С. 125–144.

ный сборник»²⁶². В «Томских губернских ведомостях» Потанин впервые опубликовал еще в 1858 г. статью «Заметки к статье миссионера Вербицкого»²⁶³, а Ядринцев – в начале 1864 г. статью «По поводу Сибирского университета»²⁶⁴. У более опытного и старшего по возрасту Потанина имелась и неподцензурная публикация в «Колоколе»²⁶⁵, в которой, по его позднейшим воспоминаниям, «было больше мальчишеского задора, чем знания действительной жизни»²⁶⁶. Эта статья, в которой на основе подбора отдельных происшествий и частных случаев создавались сатирическо-критические типы сибирских администраторов, назначаемых петербургским правительством, не попала в поле зрения следователей по делу о сибирских сепаратистах.

Мысль об основании печатного органа, формулирующего и отстаивающего региональные интересы Сибири, возникла у сибирских студентов еще в Петербурге. В своих письмах из столицы Потанин писал о возможностях издания такой газеты в Омске на средства сибирского казачьего войска или в Иркутске на пожертвования от местного купечества²⁶⁷. При этом газета должна быть именно острополюемической и касаться сибирской проблематики, что должно обеспечить и коммерческий успех издания. «Мы ехали на родину, окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее засесть за культурную работу. Мы мечтали, что будем устраивать публичные биб-

²⁶¹ Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 9. С. 61–134; № 12. С. 245–302; Потанин Г.Н. Отрывок из истории провинциального кадетского корпуса // Русское слово. 1859. № 10; Потанин Г.Н. Заметка о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. Отд. 1. С. 189–214; Потанин Г.Н. О рабочем классе в ближней тайге // Русское слово. 1861. № 6. Отд. 3. С. 1–20.

²⁶² Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. 1861. Т. 19. С. 3–32.

²⁶³ Потанин Г.Н. Заметки к статье миссионера Вербицкого // Томские губернские ведомости. 1858. № 38. 26 сент. С. 303–305. В № 49 1860 г. Я.Г. Андреев в статье «Песни обитателей Томской губернии» разместил этнографический материал, присланный Г.Н. Потаниным.

²⁶⁴ Ядринцев Н.М. По поводу Сибирского университета // Томские губернские ведомости. 1864. № 5. 31 янв. С. 28–31.

²⁶⁵ Потанин Г.Н. К характеристике Сибири // Колокол. 1860. 1 июня. № 131. С. 604–606 (см. также: Грум-Гржимайло А.Г. Кто был автором статьи «К характеристике Сибири», напечатанной в «Колоколе» за 1860 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1963. Т. 95, вып. 5. С. 458–459). Возможно, что на формирование программных установок раннего сибирского областничества оказал влияние идеолог русского анархизма М.А. Бакунин (Должигов В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2000. С. 55, 108–109).

²⁶⁶ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 111.

²⁶⁷ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2, № 4. С. 43; № 6. С. 49.

лиотеки, читать публичные лекции, собирать пожертвования для вспомоществования молодым сибирякам, учащимся в столицах, совершать ученые поездки по родине и собирать коллекции, наконец, писать в местных газетах о нуждах Сибири»²⁶⁸.

Отсутствие организационного опыта и средств сделало невозможным реализацию этой идеи²⁶⁹. К тому же для этого требовалось содействие местной власти (как было с газетой «Амур» в Иркутске). В конце 1863 г. была расширена программа губернских ведомостей, и многие из них де-факто стали приобретать общественно-политический характер. О новом правительственном курсе и направлении печати не могло не быть известно сибирскому землячеству в Петербурге. Успешное знакомство с редактором томской газеты позволяло Потанину и Ядринцеву надеяться, что местную казенную газету можно использовать в целях будирования общественного мнения в русле областнических идей. В свою очередь, при недостатке сотрудников и материалов для неофициальной части Кузнецов увидел в Потанине «будущего сотрудника и помощника» и при первой же встрече предложил участие в газете²⁷⁰. Областники нашли в Кузнецове если не единомышленника по своим мечтаниям об автономии, то хотя бы человека, способного выслушать и понять их взгляды. Так, по словам Потанина, в Томске завязался «культурный узелок»²⁷¹. По субботам у Кузнецова устраивались редакционные вечера, в которых принимали участие и дамы – свояченица Кузнецова и дочери директора училищ Попова²⁷². Молодость и стремление «глаголом жечь сердца людей» роднила новый коллектив, хотя, надо полагать, петербургские товарищи не без иронии относились как к личности редактора неофициальной части, так и к мелкотемью его статей, возникающих под влиянием «литературного зуда» кандидата богословия. В письме Ядринцева Потанину из Шенкурска в 1873 г. он сообщал о своих товарищах по делу сепаратистов: «...Кузнецов спился в Тюмени учителем...» и дальше продолжал парафразой из «Ревизора»: «Словом, Ив. Петров, Дмитр. Львов, или кто другой иг-

²⁶⁸ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 162.

²⁶⁹ Оставшийся у Ядринцева после смерти матери капитал в 8 тыс. руб., который он планировал использовать на издание сибирского журнала, был неудачно размещен и пропал (Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 113–114).

²⁷⁰ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 184.

²⁷¹ Там же. С. 190.

²⁷² Там же. С. 186–187.

рают по-прежнему на чем им в жизни играть следует: на скрипке или на водке»²⁷³.

На склоне лет Ядринцев писал о своем согласии участвовать в газете: «Сначала я отнесся с предубеждением к этому предложению; мне казалось, что в официальной газете едва ли можно найти место для выражения наших желаний. Эта неофициальная часть ведомостей всегда представлялась мне губернаторской прихорей, где литературничали угодливые чиновники. Но мое безвыходное положение заставило меня, наконец, согласиться на предложение Потанина, и по приезде в Томск я начал ряд статей»²⁷⁴. Очевидно, что такое переосмысление есть следствие более поздних условий самостоятельной организационной и публицистической деятельности Ядринцева в «Восточном обозрении». При существующих административных и материальных обстоятельствах иной возможности доступа к печатному слову у областников просто не существовало. Пренебрежительная оценка статей неофициальной части как «литературничанье» угодливых чиновников также было продиктовано общим критическим отношением Ядринцева к официальной власти и ориентацией на полемическую «зубастую» журналистику²⁷⁵. По поводу «безвыходного положения» недоумевал в комментарии к воспоминаниям Ядринцева и М.К. Лемке, отмечавший, что «в то время сотрудничество в официальных изданиях было явлением довольно обычным»²⁷⁶.

Основные сибирские вопросы были сформулированы областниками еще в Петербурге: ссылка в Сибирь, подчиненное экономическое положение восточной окраины, положение инородцев, колонизация Сибири, расширение сферы начального образования и открытие сибирского университета. В соответствии с этой программой Н.Г. Потанин и Н.М. Ядринцев стали выстраивать свою работу в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (рис. 5–7).

Первая острополемиическая статья Потанина «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири» (№ 40 от 9 октября 1864 г.) представляла собой критический разбор статей «Русского слова», которые

²⁷³ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2. С. 238.

²⁷⁴ Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. К десятилетия со дня кончины (1894–1904). СПб., 1904. С. 56–57.

²⁷⁵ С началом издания «Восточного обозрения» Ядринцев приезжал с каждым новым номером к Потанину: «На лице его играла ликующая улыбка; он был полон мечты, какую сенсацию газетное слово произведет в отдаленной Сибири. Кто-то, прочитав его, зарукоплещет от удовольствия? Кто-то начнет беситься и рвать волосы на голове?» (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 39).

²⁷⁶ Лемке М.К. Указ. соч. С. 57.

касались вопросов развития капитализма в Сибири, высокого уровня преступности, отношений между приезжими и местными чиновниками. Пытаясь объяснить причину резкости и даже оскорбительности для сибиряков содержащихся в «Русском слове» суждений, Потанин писал о штрафной колонизации, меркантильном духе томских и тюменских «плавочников», «микроскопическом мирозерцании» чиновников, сводящих местное самоуправление к предоставлению только им возможности обирать «сибирского мужика». Вскользь делался намек на метрополию как причину такого положения: «мы ли сами удручаем наше положение или кто другой удручает его». Считая мнение Н.В. Шелгунова «очень правдивым», Потанин писал, что ввиду «безжизненности» местного общества невозможно ждать о нем более живого и полного повествования. По этой причине никакого «суда образованной Сибири» столичному взгляду на сибирскую провинцию не последует: «Начните, господа, жить, думать, любить, ненавидеть, страдать, выдумайте надежды, планы, утопии, симпатии, антипатии, создайте внутреннюю борьбу страстей, в собственном уме породите разногласие, и тогда занимательность и ум будут блеснуть в сочинениях, посвященных описанию нашей жизни ... А пока мы будем находиться в довременном покое, до тех пор и в книгах наших будут отражаться только туповатые наши физиономии и бесцветные глаза»²⁷⁷.

Рис. 5. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1863–1865 гг.

²⁷⁷ Г.П. Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири (Посвящается Н.М. Ядринцеву) // Томские губернские ведомости. 1864. № 40. 9 окт. С. 266–269.

Рис. 6. Авторы и корреспонденты неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1863–1865 гг.

Рис. 7. Социальное положение авторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1863–1865 гг.²⁷⁸

Для развития общесибирской проблематики Потанин привлёк корреспондентов из Омска, знакомых ему по службе в казачьем войске, – П.С. Пахорукова и Ф.Н. Усова. Заметка Пахорукова в № 41 от 16 октября 1864 г. была заявлена как публикация официального отчёта о ревизии одного из учебных округов казачьего войска. Однако

²⁷⁸ Н.М. Ядринцев, который по сословной принадлежности был мещанином, отнесен к категории учителей, поскольку давал частные уроки (хотя, подобно великому русскому поэту, начинающий сибирский публицист мог бы сказать про себя – «числюсь по Сибири»), Г.Н. Потанин – к чиновникам как служащий столоначальником по крестьянскому и инородческому вопросам. Категория военных представлена есаулом Ф.Н. Усовым.

от сухих цифр автор быстро перешел к причинам многолетнего сидения детей в начальных классах: «долбление наизусть ничтожных учебников», «бедность учебных пособий и ничтожное содержание учителей», «худое помещение школы», общая ориентация школы не на народное образование, а на подготовку писарей для окружных правлений. Пахоруков предлагал местному начальству следующие меры к исправлению такого положения: выписать для обучения хрестоматию К.Д. Ушинского и другие новейшие пособия по ускорению обучения грамоте, продолжать организацию школ на добровольных началах самими казачьими общинами и, наконец, отменить краткий катехизис, изучение которого так же бесполезно, «как заучивание наизусть окончательных выводов физики без указания путей, по которым дошла до них человеческая мысль». Кроме того, Пахоруков предлагал ввести нечто вроде основ естествознания, для ознакомления с силами природы, «чтобы ее явления не казались таинственными и не давали повода к предрассудкам». В заключение «заметки», занявшей более половины номера, автор коснулся грубых нравов казаков как «оседлых варваров» и «рабского положения» женщин, из чего делался вывод о необходимости открытия наравне со школами для мальчиков и школ для девочек: «...только тогда мы можем надеяться на смягчение диких нравов этого народа, не верящего в святость любви и видящего в ней, наоборот, дьявольское наваждение посредством присушек»²⁷⁹.

Ф.Н. Усов, к которому Потанин в своих письмах не раз обращался с настоятельной просьбой писать о нуждах рядовых сибирских казаков, в № 44 от 6 ноября 1864 г. подверг критике новое положение о войсковом управлении, при котором основные вопросы решало собрание дворян-офицеров, а заседатели казаки «употребляются вместо сторожей», в результате чего «казачий народ остается без представительства в округах, без ходатаев за свои интересы»²⁸⁰.

²⁷⁹ Пахоруков П. Заметки о школах в 9-м округе сибирского казачьего войска // Томские губернские ведомости. 1864. № 41. 16 окт. С. 278–281.

²⁸⁰ З. [Ф.Н. Усов] Выборы у казаков (с Иртыша) // Томские губернские ведомости. 1864. № 44. 6 нояб. С. 297–300. Об авторстве статьи можно судить по двум письмам Г.Н. Потанина А.Д. Шайтанову. В первом, от 21 октября 1864 г., находим: «В “Томских губ[ернских] ведомостях]”, каж[ется] в № 44, будет статья Ф. Усова о нынешних выборах в войске». Во втором, от 19–20 марта 1865 г., статья «Литературный вечер в Омске», также подписанная псевдонимом «Z», определена Потаниным как принадлежащая Усову. В письме самому Ф.Н. Усову от 8 ноября 1864 г. Потанин также писал, что выслал ему № 44 с его статьей (номер вышел 6 ноября) (Потанин Г.Н. Письма. Иркутск, 1987. Т. 1, № 19. С. 68; № 20. С. 69; № 23. С. 73).

В № 3 от 22 января 1865 г. Усов написал о литературном вечере в Омске, на котором с речью о необходимости университета выступил Ядринцев. Статья высмеивала омское «благородное общество» в выражениях довольно смелых: «quasi-ученые», «образчики умственного и гражданского молчалинства», чувствующие «привязанность к тем удовольствиям, которые в общественной жизни имеют то же значение, что в жизни гоголевской помещицы Коробочки – щекотание пяток, возбуждавшее в ней безмятежный сон мысли и ума»²⁸¹.

Очень близкой по стилю и содержанию к областническим публикациям является статья-рецензия в последнем номере 1864 г. «По поводу спектакля любителей сценического искусства», подписанная псевдонимом «М...нь». Рассуждая о главном герое спектакля А.Н. Островского «Доходное место» – молодом человеке с университетским образованием Жадове и его противостоянии с «заедающей средой», – автор примеривал эту ситуацию к томскому обществу. О том, что в Томске на днях организовывался спектакль с целью сбора средств для отправки молодых людей в университет, писал Потанин в одном из своих писем к А.Д. Шайтанову в Петербург²⁸². В конце 1864 г., в другом письме, он настаивал на оказании материальной помощи из этих средств только тем студентам, которые намерены вернуться в Сибирь²⁸³. Первая половина статьи довольно пространна и многословна, зато во второй – о том, «что нам *нужно* для Сибири», в 3 пунктах излагались некоторые положения областной программы: поднятие общего уровня образования, открытие собственного университета, развитие женского образования. Выводы автора о том, что человеку необходимо «иметь общество по себе» и «довольно часто одного лица, одного друга, чтобы поддерживать энергию в человеке, не дать ему поддаться сокрушающему влиянию среды», напоминали об отношениях между Потаниным и Ядринцевым, о необходимости «дружества» всех сибирских патриотов. Эту мысль так часто подчеркивал Потанин в письмах Усову, Наумову, Щукину и Шайтанову. В заключение делалось язвительное замечание в адрес зрителей, которые сочли спектакль «скучным» и «незанимательным»: «...нельзя и требовать, чтобы вся томская публика могла понять и оценить “Доходное место”». Все это позво-

²⁸¹ З. [Ф.Н. Усов] Литературный вечер в Омске // Томские губернские ведомости. 1865. № 3. 22 янв. С. 1–2.

²⁸² Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 19. С. 68.

²⁸³ Там же. № 22. С. 71–72.

ляет предположить, что статья была подготовлена на одной из редакционных суббот совместно Кузнецовым и Потаниным.

Кузнецов, видимо, полностью передоверил Потанину, а затем и Ядринцеву составление передовых и проблемных статей, ограничившись публикацией уже собранных им документов Томского Алексеевского монастыря (эта серия была продолжена и после ареста редактора)²⁸⁴ и пытаясь оживить рубрику о происшествиях в губернии, придавая ее сведениям очерковый характер и статистическую обработку (сделать этого не удалось, и в 1865 г. эта рубрика перестала существовать; возобновлена в 1868 г.)²⁸⁵. Как учитель русской словесности, Кузнецов принимал участие в литературных вечерах, на одном из которых выступил с лекцией «О типах современной русской беллетристики»²⁸⁶. Об этом вечере упоминалось в № 4 от 29 января 1865 г.²⁸⁷; в этом же номере вновь под псевдонимом «М...нь» появилась статья «Это ли представители молодого поколения?». В жанре театрального фельетона автор рассуждал о фальшивости образов Жадова и «честного чиновника» в комедии А.Ф. Львова «Свет не без добрых людей», поставленной в Томске обществом любителей сценического искусства. Подробный разбор героев «старых» типов литературы 50-х гг. с обращением к Н.А. Некрасову и Н.А. Добролюбову и неодобрительные оценки французского фривольного романиста Поль-де Кока также наводят на мысль об авторстве Кузнецова. Содержится в тексте и его излюбленный прием обращения к читателю: «Нет, господа, не думайте, чтобы современная молодежь была такова, какую рисует нам ее Островский, а в особенности г. Львов» (ср.: «Нет, господа, дела общественные делаются не так. Как вы ни ратуйте среди нескольких избранных лиц, ваше ораторство и останется одним только ораторством; вы “шумите – и только”, как говорит Репетилов»²⁸⁸). В авторстве Кузнецова вызывают сомнения два обстоятельства: использование им

²⁸⁴ Кузнецов Д. Материалы для истории Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 35–38, 44–47, 50–51; 1866. № 1–2, 10–11, 12–13, 14, 15–16, 22–25, 28.

²⁸⁵ Томск. 2 окт. // Томские губернские ведомости. 1864. № 39. 2 окт. С. 255–258; Томск. 30 окт. // Томские губернские ведомости. 1864. № 42–43. 23–30 окт. С. 284–286; Томск. 6 нояб. // Томские губернские ведомости. 1864. № 44. 6 нояб. С. 295–296; Томск. 13 нояб. // Томские губернские ведомости. 1864. № 45. 13 нояб. С. 305–307.

²⁸⁶ Письма Г.Н. Потанина... № 19. С. 69.

²⁸⁷ Томские губернские ведомости. 1865. № 4. 29 янв. С. 9.

²⁸⁸ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. 28 сент. С. 237.

псевдонима (он всегда подписывался своим именем²⁸⁹) и последние строки статьи, где в поисках образа современного молодого человека рекомендовалось прочитать роман «Что делать?» (автор которого, между прочим, уже был приговорен к 7 годам каторги, а номера «Современника» за 1863 г., содержащие текст романа, были изъяты из обращения). Возможно, под влиянием новых петербургских товарищей Кузнецов стал развивать новые темы и писать более решительно и открыто.

В 1865 г. объем «Томских губернских ведомостей» увеличился до 32 страниц. Появилась рубрика «Мелкие известия», в которой разрабатывалась общесибирская проблематика – размещались сведения о выходе новых книг и статей о Сибири, о пожертвованиях на нужды образования, списки студентов-сибиряков, обучавшихся в университетах, короткие сообщения из других городов, местные новости и т.д. (рис. 8). С номера 15 содержание рубрики стало анонсироваться в заголовке.

Рис. 8. Темы публикаций в рубрике «Мелкие известия» за время ее существования (1865 г., № 1, 8 января – № 19, 21 мая)

²⁸⁹ Возможно, передовая статья «Томск. 1 ноября 1863 г.» (1863. № 43), повествующая о неудовлетворительном устройстве томских мостовых и томского театра, подписанная криптонимом «А – н», также написана Кузнецовым. И по теме, и по стилю она очень похожа на другие его статьи. Не подписывать ее своим именем, возможно, пришлось для того, чтобы не подчеркивать еще раз, что у газеты в то время был, по сути, один основной автор (следующий материал номера – «Отчет публичной библиотеки при томской губернской гимназии за первую половину 1863 года» – тоже был подготовлен Кузнецовым).

Содержание и направление публикаций позволяет предположить, что они были написаны новыми сотрудниками «Томских губернских ведомостей». Так, например, под видом слуха в № 1 1865 г. были анонсированы лекции об историческом прошлом Сибири С.С. Шашкова, об организации которых в Томске у Потанина и Ядринцева уже была предварительная договоренность с автором. Юмористические заметки также создавались по мотивам местных событий, в которых принимали участие областники. Авторы иронизировали над томскими дамами, которые под словом «эмансипация» подразумевали нечто неприличное и поэтому не пустили своих дочерей на посвященный этой теме литературный вечер²⁹⁰.

В апреле 1864 г. красноярский чиновник М.А. Безобразов в «Енисейских губернских ведомостях» под псевдонимом «Житель Сибири» напечатал статью против лекций С.С. Шашкова²⁹¹, который также «зубато» ответил ему через газету²⁹². В феврале 1865 г. в томской газете «Житель Сибири» вновь иронизировал по поводу того, что «Сибирь идет исполинскими шагами по пути прогресса». В доказательство приводились следующие «открытия»: «1. Некто открыл, что Байкал и Восточный океан одно и то же и хотел ехать на Байкал осмотреть нашу флотилию Восточного океана; 2. Некий историк открыл, что чукчи живут в Америке и страшно угнетаются Российско-Американской компанией; 3. Одно присутственное место открыло (как видно из отношения его к городовому врачу), что одна “арестантка забеременела от испуга и сильной простуды”. <...> 4. “Енисейские губернские ведомости” в № 15 за 1864 г. открыли, что для “сибирских инородцев хлеб не есть насущная потребность, а такая же роскошь, как чай, кофе и патока”»²⁹³. Последнее высказы-

²⁹⁰ *Мелкие известия*. Что разумеют некоторые дамы под словом «эмансипация» // Томские губернские ведомости. 1865. № 4. 29 янв. С. 9.

²⁹¹ *Житель Сибири*. 2 апреля 1864 г., г. Красноярск. По поводу лекций г. Ш., читанной 31 марта в зале Красноярского собрания // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 15. 11 апр. С. 64–66; *Житель Сибири*. 12 апреля 1864 г., г. Красноярск. О последней лекции в г. Красноярске г. Ш. // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 16. 18 апр. С. 68–72; *Дело об отделении Сибири от России*... С. 74–75.

²⁹² *Шашков Сер.* Литератору-обывателю, пишущему против моих лекций о Сибири под псевдонимом Жителя Сибири. Послание первое // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 21. 23 мая. С. 84–87; *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. С. 190–191. После этой «перебранки» Потанин и Ядринцев пригласили Шашкова для чтения аналогичных лекций в Томске, которые также имели большой резонанс.

²⁹³ *Мелкие известия*. Перечень замечательных открытий в Сибири за 1864 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 6. 12 февр. С. 8; № 7–8. 19–26 февр. С. 9.

вание было прямой цитатой из статьи М.А. Безобразова. Досталось и редактору «Сибирского вестника» Б.А. Милютину за пристрастие, которое, видимо, и привело его из Петербурга в Иркутск: «В редакции “Сибирского вестника” открыт винно-очистительный порошок»²⁹⁴.

Безусловно, такие высказывания нарушали программу газеты, но делали ее более живой и интересной. «Мелкие известия» размещались в конце номера и в соответствии с названием рубрики были набраны более мелким, чем основной текст газеты, шрифтом. Это делалось как по соображениям экономии печатного пространства, так и для того, чтобы содержание публикаций не особенно бросалось в глаза, а воспринималось только теми, для кого графические средства были менее важны, чем содержание. В письме А.Д. Шайтанову Потанин писал, на какие публикации ему и другим петербургским сибирякам необходимо обратить внимание, подчеркивая, что «вообще все мелкие известия проникнуты хорошим направлением»²⁹⁵. Например, в первом же номере 1865 г. сообщалось о пожертвовании для открытия школы 200 руб. и 7556 руб. в пользу церкви, тем самым подчеркивалась как разность цифр, так и наличие людей, имеющих материальные средства, которые могли пойти не только на поддержку духовенства. На то обстоятельство, что Потанин намеренно «подбирал» статьи для рубрики, обратила внимание и следственная комиссия²⁹⁶.

Манифестом областничества можно считать большую статью Ядринцева, открывающую 1865 год: «Сибирь в 1 января 1865 г.» с прологом «Vive la mort, и да водрузится будущее!»²⁹⁷. Уже сам заголовок передовой, начинавшийся со слова «Сибирь», а не как обычно со слова «Томск», подчеркивал, что автор выходил на уровень общесибирских проблем. Основная тема статьи – подчиненный статус Сибири (без прямого указания на метрополию) и развитие в ней образования – открытие библиотек, начальных школ, обществ грамотности, литературного органа и, наконец, «заветное желание», исполнение которого должно объединить всех жителей края, – от-

²⁹⁴ Б.А. Милютин несколько не обиделся на «Томские губернские ведомости» и перепечатал эту статью в своей газете под видом корреспонденции из Красноярска, правда, без упоминания «открытия», сделанного в Иркутске (*Корреспонденции*. Красноярск // Сибирский вестник. 1865. № 30. 20 марта. С. 3).

²⁹⁵ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 23. С. 73.

²⁹⁶ Дело об отделении Сибири от России... С. 171.

²⁹⁷ Н. Я...цов. Сибирь в 1-е января 1865 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 1. 8 янв. С. 1–4.

крытие сибирского университета. Характерными стилистическими приемами были противопоставления: старое / новое, мертвое / молодое, застой / прогресс, косность / развитие, невежество / образование, печальное прошлое / радостное будущее, равнодушие / патриотизм, наезжие чиновники / сибирское юношество, чужое («гнилье московской грошовой фабрики») / свое («свои мануфактуры»), «мертвый капитал» / «минералогические богатства». В отличие от предыдущего направления неофициальной части, ориентированной главным образом на описание текущих или прошлых событий местной жизни, Ядринцев делал акцент на будущее Сибири, оттеняя перспективы ее развития безотрадными картинами настоящего. Этот известный публицистический прием использовался им и в других статьях.

Чтобы подчеркнуть зависимое положение Сибири, использовались и официальные материалы. В №№ 4–8 1865 г. была размещена статья Г.Н. Потанина «Доходы и расходы Томской губернии в 1863 году», в которой указывались суммы на содержание государственных служащих и средства, отчисляемые на счет общерусских учреждений. Никаких выводов относительно приведенных цифр не делалось, да и сама смета была приведена не в полном виде, но в письме Ядринцеву и в своих признательных показаниях Потанин отмечал, что цель этой публикации – показать, что метрополия обижает колонию, взимая с Сибири суммы на чуждые ей русские учреждения.

Тема сибирского университета получила дальнейшее развитие в статье Ядринцева «Общественная жизнь Сибири» (1865. № 5. 5 февр.). Еще в конце 1863 г. в Омске Ядринцев выступил на литературном вечере с докладом «По поводу сибирского университета». Этот доклад стал его первым выступлением в «Томских губернских ведомостях» (1864. № 5. 31 янв.). При этом статья, присланная из Омска, прошла двойную цензуру – главного инспектора училищ Западной Сибири А.В. Попова (текст доклада на литературном вечере в Омске) и томского губернатора Г.Г. Лерхе (перед публикацией в «Томских губернских ведомостях») ²⁹⁸. Два текста различны по исполнению, но сходны в основной мысли – новый период сибирской истории, связанный с освоением ее богатств, должен начаться с открытия сибирского университета, создание которого возможно на основе пожертвований со стороны, главным образом, местной буржуазии.

²⁹⁸ Дело об отделении Сибири от России... С. 186.

В статье «Сибирь перед судом русской литературы» Ядринцев разделял всех авторов, пишущих о Сибири, на «панегиристов», которые «своими медовыми писаньями не столько исследуют страну, сколько романтизируют» (например, «Описание Западной Сибири» И.И. Завалишина), и «порицателей», отказывающих Сибири в будущем (например, Н.В. Шелгунов). Актуальной становилась задача создания сибирской литературы: «Местная журналистика будет исследовать страну нашу, разрабатывать ее вопросы, предьявлять ее интересы и укажет то будущее, которое будет состоять не в завоеваниях, как утверждают панегиристы, а в создании цивилизации для своего народа, которая вместе с торговлей будет иметь влияние на весь восток и на Азию»²⁹⁹. Страниц официальной газеты уже казалось недостаточно, о чем писал и Потанин: «Страшно грустно, что мы не имеем здесь своего органа, чтобы сказать свободное слово. Губернские ведомости – очень узкие рамки, чтобы ими довольствоваться»³⁰⁰.

Тем не менее именно в последних перед арестом восьми весенних номерах появились статьи Потанина, написанные, по мнению следствия, в «сепаратистском духе»: «Климат и люди Сибири» (1865. № 12. 26 марта; № 13. 2 апр.) и «Гражданское увлечение Сибири» (1865. № 16. 30 апр.)³⁰¹. В первой опасным, видимо, показалось утверждение, что единство сибирского климата рождает особый тип сибиряка, отличного от великоросса, и описание влияния природного окружения на национальный характер американцев³⁰². Эту тему подхватил и развил Ядринцев на основе статьи А.П. Щапова «Этнологическое развитие сибирского населения» (1865. № 15. 23 апр.; № 17. 7 мая): сибирскому типу, отличному от русского народа, было суждено сыграть культуртрегерскую роль, «сделаться спасителем инородцев», распространив среди них блага европейской цивилизации. В статье «Гражданское увлечение Сибири» вопрос

²⁹⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. 5 марта. С. 7.

³⁰⁰ Дело об отделении Сибири от России... С. 116–117.

³⁰¹ Темп по «производству» статей по сибирской проблематике был взят высокий. Ими в 1865 г. обеспечивался практически каждый номер неофициальной части. Накануне ареста Потанин составил проекты еще пяти-шести новых статей, однако обдумывать их, «улучшать и отделять» пришлось, увы, уже в омской тюрьме (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири... Т. 6. С. 202).

³⁰² Подобные теоретические построения стали популярны в 40–50-х гг. в Европе и России под влиянием работ профессора Берлинского университета Карла Риттера, ставшего одним из основателей географического направления в социологии (Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль, 1963. С. 352).

о сибирском университете увязывался с невозможностью введения для этого особого налога ввиду того, что «сибирский народ... платит по силе обстоятельств более, чем народ Европейской России»³⁰³. Сибирь вновь сравнивалась с Америкой, но уже в экономическом плане: «Мы находимся в таком же отношении к московской мануфактуре, как прежде и до сих пор отчасти относятся Северно-Американские Штаты к Ланкаширу»³⁰⁴.

Вопросу о приоритете практически ориентированного образования перед классическим, который широко обсуждался в центральной прессе, была посвящена статья «Классические или реальные гимназии в Сибири?» (1865. № 13. 2 апр.). Классическое и естественное образование сравнивалось с биржевыми акциями, при этом именно последнее представлялось необходимым для экономического развития края: «Мы думаем, что и Сибирь проснется же когда-нибудь и скажет: “Мне нужны люди, усвоившие последние выводы науки, а не антиквариаты, не классики отжившего мира и отжившей цивилизации”»³⁰⁵. Последняя в газете передовая статья Д.Л. Кузнецова (1865. № 14. 16 апр.; № 15. 23 апр.) также была посвящена преимуществам профессионального образования. В свойственной ему прагматической манере он писал, что неразвитость ремесленных мастерских может привести к повышению цен на необходимые в быту промышленные товары.

Итак, «Томские губернские ведомости» в 1864–1865 гг. стали «органом» областнического движения, и благодаря деятельности Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева до этого не имевшая никакого общественного значения официальная газета возвысилась до идейной силы, носящей оппозиционный власти характер. Этот тезис, возникший позднее в среде самих идеологов и последователей областничества, прочно устоялся в историографии сибирской печати, од-

³⁰³ Потанин Г.Н. Гражданское увлечение Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 16. 30 апр. С. 6.

³⁰⁴ Потанин Г.Н. Гражданское увлечение Сибири... С. 3.

³⁰⁵ П – – вь. Классические или реальные гимназии в Сибири? // Томские губернские ведомости. 1865. № 13. 2 апр. С. 4. Остальные публикации номера, включая рубрику «Мелкие известия», были подготовлены либо самим Потаниным, либо при его участии. Возможно, что и эта статья вышла из-под его пера («П – – вь» – Потанин?). Как в статье «Классические или реальные гимназии в Сибири?», так и в следующей за ней статье «С.-Петербургским ведомостям» автор вступал в полемику со столичной газетой, оценивавшей уровень публикаций сибирских ведомостей по «серенькой бумажке», на которой они издавались. В рубрике «Мелкие известия» (1865. № 15. Апр.) приводилась критическая заметка по поводу преобразования иркутской гимназии в классическую в условиях «настоятельной необходимости в реальном образовании для массы учащегося юношества».

нако нуждается в уточнении и детализации. Если обратиться к точному определению периода работы областников в составе редакции «Томских губернских ведомостей», то он будет достаточно коротким: 8 месяцев, в течение которых был выпущен 31 номер газеты. После приезда Потанина в Томск, 9 октября 1864 г., в № 40 вышла его статья «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири», а № 19 от 21 мая 1865 г. стал последним, к которому были причастны областники. 23 мая в их квартирах были проведены обыски, бумаги описаны и опечатаны, а 28 мая арестованных отправили в Омск³⁰⁶. Следующий номер (№ 20) вышел в сдвоенном виде от 28 мая – 4 июня 1865 г. 16 сентября был арестован Кузнецов, а исполнение обязанностей редактора неофициальной части временно поручили А.Р. Николаеву, приступившему к исполнению должности с № 36 от 17 сентября (он же с 5 июня 1865 г., до утверждения в этой должности Н.А. Кострова, занимал уже известную ему должность секретаря статистического комитета³⁰⁷).

Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» уже в первые пять лет своего существования приобрела характер силы, объединявшей немногочисленную интеллигенцию Томска и Томской губернии. Статьи О.Г. Павлова, Н.И. Виноградского, В.И. Вагина по своей тематике, публицистическому, живому и заинтересованному стилю выходили за рамки официальной программы издания и обнаруживали идеи, позже обозначенные как «сибирский патриотизм» (хотя о необходимости открытия сибирского университета в «Томских губернских ведомостях» пока еще не было сказано ни слова). Таких людей Г.Н. Потанин называл людьми «с сибирскими инстинктами»³⁰⁸. «Наша газета», «наши ведомости», «наши листки» – так подчеркивал объединяющий характер издаваемого печатного органа губернии Н.И. Виноградский, «дайте только нам расхо-

³⁰⁶ Дело об отделении Сибири от России... С. 112–113.

³⁰⁷ Коллежский асессор Александр Романович Николаев происходил из обер-офицерских детей, окончил Казанский университет со степенью кандидата камеральных наук. На службе в Главном управлении Западной Сибири с 1858 г., в этом же году числен к томскому губернскому суду, с 1859 г. стал секретарем томской губернской строительной комиссии, а с 1860 г. исправляющим должность правителя ее канцелярии и дел присутствия. С 23 июня 1862 по 20 мая 1864 г. в дополнение к своим обязанностям занимал должность секретаря томского губернского статистического комитета. В 1865 г. управлял также отделениями Томского общего губернского управления. В дальнейшем Николаев вел следствия по различным делам и дослужился до чина статского советника (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1373. Л. 4).

³⁰⁸ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири... Т. 6. С. 86.

даться, размахаться»³⁰⁹ (аналогичная мысль высказывалась в «Тобольских губернских ведомостях»: «Пройдет годов пять, десять, газета наша приглядится к делу; тогда и у ней в портфеле не будет закладываться иногородняя корреспонденция»³¹⁰).

Таким образом, именно в силу уже сложившегося к середине 60-х гг. направления первой томской газеты и общероссийской тенденции расширения редакцией и авторами программы неофициальной части ведомостей Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев получили возможность разработки темы «особости», самобытности Сибири и ее населения, формирования, выражаясь современным научным языком, региональной идентичности.

В разрозненных и различных по тематической направленности публикациях на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» можно выделить следующие черты в конструировании образа «сибирства»:

– отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая в это понятие и американский путь развития («Забитое общество, угнетенный народ», «составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым колониям и бразильским обществам капиталистов?», «...мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы», «Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития», «Жизнь нашей страны вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, который вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир», «Правительство начало смотреть на Сибирь как на страну, из которой оно будет извлекать богатый доход в казну», «Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решились бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету...»);

– негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири, описание будущих перспектив ее развития («Vive la mort, и да водрузится будущее!», «История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни», «Наша страна <...> лежит в запустении как мертвый труп», «Наши сокровища покуда для нас

³⁰⁹ Н.В. Корреспонденция // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. 29 авг. С. 275.

³¹⁰ Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. 1 марта. С. 113–114.

мертвый капитал», «В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших», «Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания...», «...сибирское образованное, молодое поколение создаст лучшую жизнь Сибири», «Край малонаселенный, притесненный и бедный, каким его застал Сперанский», «Умственный уровень Сибири на низшей ступени...», «Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария»³¹¹;

– особые черты в характере сибиряков и в ранней сибирской истории («завоеватели», «открыватели новых стран», «отважные промышленники», «дух авантюризма», «стремление к улучшению своего быта и создание жизни на новых началах», «беглые и недовольные, искавшие приюта и независимости в наших тайгах и урманах», «Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история», «Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра», «...в Сибирь пришла самая энергическая и предприимчивая часть русских людей...», «свободная казачья община и русские промышленные авантюристы», «Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем?»;

– объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы» («особенный тип, тип сибиряка», «сибирская цивилизация», «страна», «наше дальнейшее развитие», «наш прогресс», «наши ремесленные произведения», «наши мастерские», «наше население», «наши меха», «наше золото», «мы сибиряки, жители ссыльнокаторжной

³¹¹ Любопытно, что в презентации самосознания регионов Европейской России преобладали позитивные высказывания об историческом прошлом, его героизация, описание деятельности великих исторических личностей в связи с местной историей, определение значимости региона в связи с его участием в жизни Российской империи (см.: *Голубев А.В.* Роль местной прессы в становлении региональной идентичности в Олонецкой губернии в середине XIX в. (по материалам «Олонецких губернских ведомостей») // *Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в.* Петрозаводск, 2008. С. 114–128; *Шурупова Е.Е.* «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 19; *Гуторова Н.А.* Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 20).

колонии»³¹², «наш молодой край», «коллективный ум всей Сибири», «Мы участники жестокой войны, которую мы ведем с сухим климатом Сибири...», «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины!»)³¹³.

Исходя из приведенных фрагментов, которые, как уже отмечалось, были включены в контекст освещения различных тем, можно сделать вывод, что в целом областничество на страницах ведомостей представляло собой разработку вполне легальной и хорошо известной темы прогресса. Применительно к месту рождения участников «петербургского кружка» эта тема, всегда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале. Прогрессивное развитие описывалось во взаимосвязанных категориях «отсутствие» – «возможность» – «пробуждение» как прошлое – настоящее – будущее Сибири. Основная «указующая» и руководящая роль в движении «народа Сибири» по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей³¹⁴.

³¹² В своих «Воспоминаниях» Потанин писал, что в 60-е гг. было «преступным употреблять в печати выражение “наша Сибирь”, нельзя было писать “мы, сибиряки”» (*Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири... Т. 6. С. 195*). Однако мы видим, что в «Томских губернских ведомостях» содержится целый ряд таких «топонимических идентификаторов».

³¹³ Региональный патриотизм как заявление провинции о своем существовании и своих интересах – явление, характерное для государств, растущих от исторической середины к окраинам по воле сильной центральной власти. Он вырабатывался и в региональных изданиях «внутренней» Европейской России, которым, казалось бы, с точки зрения неправомерной колонии не на что было обижаться. Так, Н.А. Гуторова на основе анализа содержания газет, издававшихся в Рязани, делает вывод, что определяющей целью для «эталонного образа местного печатного органа» было «служение местным интересам, просвещение населения, сохранение традиций края» (*Гуторова Н.А. Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.)... С. 10–11, 23*). Ю.В. Лучинский, исследуя «Кубанские войсковые ведомости», пишет, что «лицо первой кубанской газеты и специфика подбора материалов» определялись на основе «особого пути Кубани». В доказательство приводится программное заявление редактора газеты Г.Я. Есаулова, переключаясь со взглядами сибирских областников: «Мы, кубанцы, народ совершенно отдельный [разрядка моя. – В.Ш.], должны иметь собственный свой говорящий орган, а не пересаживать все делающееся у нас на чужую почву, должны его “как что-то родное” самостоятельно разводить и поддерживать...» (*Лучинский Ю.В. «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст : сборник статей и материалов. Краснодар, 2003. Вып. 2. С. 12–13*).

³¹⁴ «Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса? Эта роль должна принадлежать местной литературе, которую до сих пор наша бедная Сибирь не имеет. Издание сибирского журнала теперь бы могло иметь громадное значение и влияние на развитие страны. Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития

Хотя Потанин признавался, что «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом»³¹⁵, областнические идеи в том ярко выраженном политическом смысле, в каком они развивались в частной переписке и заявлялись на следствии, в газете представлены не были. Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н.С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, Потанин делал упор на то, чтобы основным в нем направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же»³¹⁶. На допросе Потанин показывал, что «Сибирь должна отделиться от России. <...> Такова, по моему мнению, судьба всех земледельческих колоний <...> по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний»³¹⁷. Ядринцев, видимо, испуганный масштабами следствия, не соизмеримыми с масштабом содеянного, отвечал, что «на дело создания Республики» он смотрел как «на дело еще далекого будущего»³¹⁸.

Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральным и местным властям. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности³¹⁹. Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа, и в выборе такого ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Тем более что прогрессом сибиряки были обделены дважды – и в сравнении с западными странами, и в сравнении с «внутренней» Россией.

массы» (Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. 5 марта. С. 7).

³¹⁵ Дело об отделении Сибири от России... С. 178.

³¹⁶ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 13. С. 59.

³¹⁷ Дело об отделении Сибири от России... С. 185.

³¹⁸ Там же. С. 187.

³¹⁹ При этом один из самых острых вопросов областнической программы – инородческий, – за исключением некоторых мелких публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения», практически не был подвргнут разработке.

Однако, в отличие от своих коллег-модернистов из европейской части страны, областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономического положения и положения коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на североамериканский путь развития. Именно это обстоятельство, усиленное словами о «свержении российской власти» и призывом к созданию «республики Сибирских соединенных штатов» в рукописной прокламации С.С. Попова, стало основным пунктом обвинений, выдвинутых следственной комиссией. Статьи в ведомостях не могли послужить основанием для обвинения в сепаратизме при соответствующей позиции допрашиваемых³²⁰, которые, однако, не стали отговариваться неведением или недоумением и опровергать своего участия в развитии идеи о сибирской республике, а изложили свои взгляды на такую перспективу. Лица, сами заинтересованные в расширении доказательной базы, заключали, что в трех найденных при обыске у Д.Л. Кузнецова статьях – «Литературный вечер в Омске», «Выборы у казаков с Иртыша» и «Сибирь в 1-е января 1865 года» – только «между прочим пробиваются мысли автора в вольных идеях и как бы предварительно распологающих публику (разрядка моя. – В.Ш.) к сочувствию развиваемого предмета в положении Сибири»³²¹. В этом донесении томского жандармского офицера К.Ф. Кретковского указывалось, что все статьи были напечатаны «с пропуском цензуры губернского ведомства». Позже это обстоятельство было объяснено «близорукостью» редактора неофициальной части газеты Кузнецова и губернского начальства³²². По признанию Потанина, он «злоупотребил доверенностью и простотой редактора, который во все время не подозревал настоящего направления моих и ядринцевских статей». Хотя в другом месте Потанин утверждал, что Кузнецов знал об идее отделения Сибири от России, но «не соглашался с правильностью этой идеи»³²³.

Относительно цензора газеты вице-губернатора, председателя губернского правления П.И. Фризеля, исполнявшего эту функцию в отсутствие и по поручению томского губернатора Г.Г. Лерхе, Ядринцев оставил спустя более 30 лет следующие воспоминания:

³²⁰ В ответ на обвинение следствия, что в статье о сибирском казачьем войске и в некоторых письмах распространялись «идеи, противные распоряжениям законного правительства», Потанин просто ответил, что если в этой статье и есть таковые, то он этого не знал. Кроме того, истинного автора этой статьи – Ф.Н. Усова – Потанин не назвал (*Дело об отделении Сибири от России...* С. 184).

³²¹ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 194–195.

³²² Там же. С. 349.

³²³ Там же. С. 186, 178.

«Человек пустой, ограниченный и легкомысленный. Он так долго находился под судом Сената, что, когда явился в Сибирь к генерал-губернатору Казнакову на службу чиновником, он спросил меня, не могу ли я ему написать ответ по поводу вопросов: к а к и е с т а т ь и о н п р о п у с к а л? (разрядка моя. – В.Ш.) «Боже мой! – воскликнул я, – Неужели вы еще под судом! Напишите, что вы пропускали статьи о сибирском университете, т.е. то, о чем ходатайствовал нынешний генерал-губернатор»³²⁴. Эта характеристика (а другой от Ядринцева ожидать было нельзя) напоминает исторический анекдот о петербургском генерал-губернаторе николаевской эпохи П.К. Эссене, который по поводу поданной ему бумаги спрашивал правителя канцелярии, о чем он писал, а затем, узнав, подписывал ее. Возможно, Фризель пропускал статьи, особенно не вникая в их содержание, не только по причине халатного отношению к делу, но и потому, что в них с формальной точки зрения не обнаруживалось какого-либо скрытого подтекста или намека (Лерхе также не усмотрел чего-то запрещенного ни в статье Ядринцева «По поводу сибирского университета»³²⁵, ни в лекциях С.С. Шашкова, о которых было запрещено упоминать в ведомостях только после того, как они вызвали общественный резонанс³²⁶). Те проблемы, которые затрагивали в своих публикациях областники, напрямую не касались представителей местной администрации, поэтому они с легкостью проходили цензурные ограничения³²⁷. В письме в Иркутск Н.С. Щукину Потанин прямо говорил, что его статья «Гражданское увлечение Сибири» содержала «тайный смысл», который нуждается в «толковании» и не будет понят большинством читателей³²⁸. В качестве последних областники видели прежде всего сибиряков, знакомых с идеями об автономии Сибири, или мыслящую и небезразличную к положению края учащуюся молодежь. Для этой цели Потанин организовал бесплатную рассылку ведомостей студентам в Петербург, Москву и Казань³²⁹ (табл. 14, рис. 9).

³²⁴ Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Дело об отделении Сибири от России... С. 30.

³²⁵ Дело об отделении Сибири от России... С. 186.

³²⁶ Там же. С. 116–117.

³²⁷ Когда же дело касалось лиц, то реакция была соответствующая: «Статью Вашу [Ф.Н. Усова] о спектакле не пропустил Лерхе; говорит, что на Дюгамельшу написана» (Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 21. С. 71).

³²⁸ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 25. С. 77.

³²⁹ Дело об отделении Сибири от России... С. 178.

Таким образом, статьи неофициальной части «Томских губернских ведомостей» носили адресный характер, т.е. в основном были ориентированы на заведомо известного читателя и призваны служить целям консолидации и поддержки связей внутри круга сибирской патриотической интеллигенции. Следствие с возмущением заключало, что «соумышленники» называли в письмах друг к другу официальную правительственную газету «*своим органом*»³³⁰. Но это был скорее печатный орган для своих, печатная площадка для проблематизации сибирской действительности и оттачивания остроты пера в критических публикациях.

Т а б л и ц а 14

Подписка на «Томские губернские ведомости» в 1864 г.³³¹

Рассылка	В Европейской России	В Сибири, за исключением Томской губернии	В Томской губернии
Рассылалось бесплатно по казенным учреждениям	72	8	2
Рассылалось бесплатно в обмен на столичные газеты	8		
Всего рассылалось бесплатно	90		
Рассылалось за плату обязательным подписчикам (волостным правлениям, сельским церквям и пр.)			379
Рассылалось за плату добровольным подписчикам	6	2	47
Всего рассылалось за плату	434		
Всего рассылалось бесплатно и за плату	524		

³³⁰ Дело об отделении Сибири от России... С. 349.

³³¹ Число экземпляров «Томских губернских ведомостей», которые были разосланы в 1864 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 6. 12 февр. С. 7. Подписка на первую томскую газету соотносима с подпиской первых губернских ведомостей в России. «Ярославские губернские ведомости» в 1831 г. печатались тиражом 545 экземпляров. Только у ярославской газеты было больше частных читателей – 315, а обязательных подписчиков среди присутственных мест – 230 (Дементьева В.В. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 44). В то же время жители Томской губернии демонстрировали большую любовь к чтению, чем жители Тамбова, в котором в 1842 г. только 12 человек подписались на местные ведомости (Выжиков Е.Д. «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–56 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. Вып. 2 (46). С. 129). Относительно сибирских «собратьев» известно, что «Тобольские губернские ведомости» в первый год своего издания были разосланы в количестве 910 экземпляров (ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 44. Л. 38).

Позднее Ядринцев напишет, что «Томские губернские ведомости» в период работы в ней «сибирской университетской молодежи» в 1865 г. «производили сильное впечатление»³³², но речь здесь идет скорее о самооценке. Как и ранее, в «докузнецовский период», неофициальная часть газеты не имела массовой аудитории и не могла серьезно влиять на общественные настроения. Поэтому авторы и избирали иногда такой оскорбительно-насмешливый тон в своих статьях, чтобы задеть «миниатюрные мозги» и «туповатые физиономии» местного общества. Но в результате они были вынуждены в одиночку развивать поднятые ими темы (например, вопрос о сибирском университете или об особом областном типе сибиряка) и даже вступать в полемику друг с другом (например, в статье Потанина «Гражданское увлечение Сибири» автор статьи «По поводу сибирского университета» (Ядринцев) определялся как «увлекающийся молодой сибиряк», чьи попытки обращения к частным благодетелям за пожертвованиями на высшее просвещение края заведомо бесплодны). Действительно, сибирское общество 60-х гг., его купечество и золотопромышленники никак не откликнулись на идею сбора средств в пользу сибирского университета. В итоговом отчете помощника попечителя петербургского учебного округа А.В. Латышева, прибывшего в 1866 г. в Томск, чтобы оценить степень влияния «главных деятелей по образованию Сибирской республики» на учителей и учеников томских мужской и женской гимназий, делался вывод, что это влияние было равно нулю. Определенные подозрения вызвал разместивший в ведомостях несколько статей на церковную тему, законоучитель о. Вахх Гурьев, но вскоре выяснилась их безосновательность³³³.

По итогам обозрения учебных заведений Западной и Восточной Сибири только учитель иркутского уездного училища Н.С. Щукин был признан «деятельным участником в заговоре». Характеристика ему была дана самая нелестная: «...человек вообще самых презренных свойств, негодный даже в семейном быту, чрез свое мотовство

³³² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 670.

³³³ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 223. Дело о сибирских сепаратистах аукнулось для томской гимназии иными последствиями – М.Л. Попов, допустивший Г.Н. Потанина к преподаванию, был отправлен на пенсию, а по распоряжению министра просвещения Д.А. Толстого библиотека томской мужской гимназии, открытая в конце 1862 г. как публичная, была закрыта для посторонних посетителей. Началась проверка квалификации и политической благонадежности учителей в бесплатных школах с целью ограждения детей «от ложного направления и вредного влияния» (ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 240. Л. 42–44, 55, 56об.).

заставлявший голодать жену и детей в то самое время, когда разгла-
гольствовал об эмансипации женщин и их высоком значении...»³³⁴.

Рис. 9. Распределение добровольных подписчиков
«Томских губернских ведомостей» по населенным пунктам в 1864 г.

Таким образом, статьи Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева о необходимости развития Сибири в самых различных сферах, опубликованные на страницах «Томских губернских ведомостей», были вполне умеренными и отвечавшими общим либеральным настроениям в стране, с которыми участники «сибирского кружка» познакомились за три года, проведенных в Петербурге: «Это был самый разгар шестидесятых годов, совершенно исключительное время. Новые идеи, новые течения обильно сыпались на наши головы»³³⁵. С.С. Шашков в своих показаниях пытался оправдать характер своих лекций о Сибири следующими обстоятельствами: «...1) общее обличительное направление русской литературы и журналистики в то время, когда я писал свои статьи. <...> 2) Так как я в Петербурге мог существовать исключительно литературною работою, то и должен был, по необходимости, покоряться требованиям редакций – писать

³³⁴ Дело об отделении Сибири от России... С. 349.

³³⁵ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. 1983. Т. 6. С. 158. «Если бы Сибирь завтра отделилась от России, мы первые приветствовали бы ее новую жизнь», – писали А.И. Герцен и Н.П. Огарев (*Колокол*. 1862. 15 окт. № 147. С. 1214).

в обличительном направлении...»³³⁶. В возможности выражения интересов безгласных (даже и без их ведома) видел свой долг сам Г.Н. Потанин: «В “[Русском] слове” лежит у меня статья “Заметки о Западной Сибири”, 1-я глава. Будут еще [главы]: в одной – страждущие остяки, в другой – страждущее казачество наше, в третьей – страждущие подзаводские, в четвертой – страждущие рабочие на заводах и промыслах, словом, страждущее человечество в Сибири»³³⁷.

На «вольнодумный» характер неофициальной части власти обратили внимание только в контексте более серьезного дела о сепаратизме. Тень крамольных слов в обращении «Патриотам Сибири», сказанных против самого «петербургского правительства» и «лихой мачехи России», пала и на «Томские губернские ведомости», и на ее сотрудников. Если бы не это воззвание, газета вполне могла и далее развиваться в избранном направлении (поэтому арест для участников редакции стал неожиданностью). Безусловно, злосчастная прокламация принесла и делу сибирского областничества, и развитию газеты больше вреда, чем пользы, загубив его первые ростки, что называется, на корню и не дав губернской газете «размахаться» до уровня общественно-политического издания. Механизм следственной машины с протоколами допросов, изъятыми письмами, показаниями обвиняемых, очными ставками привел к формированию целого дела «Об отделении Сибири от России», облекая по сути невинные, как позже признавались сами областники, и безусловно полезные для нужд Сибири размышления в форму антиправительственного заговора.

Краткий «областнический» период в истории «Томских губернских ведомостей» сменился пятнадцатилетним «костровским», когда одним из основных авторов неофициальной части газеты стал Н.А. Костров³³⁸, назначенный в июне 1865 г. томским губернатором

³³⁶ Дело об отделении Сибири от России... С. 224.

³³⁷ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 6. С. 48.

³³⁸ Николай Алексеевич Костров (1823–1881) родился в Орловской губернии в семье мелкопоместного псковского дворянина, его княжеский титул происходил от перешедшего в середине XVI в. на русскую службу и в православие казанского мурзы. Далеко не все татарские княжеские роды, в особенности младшего происхождения, смогли полноправно утвердиться в своем титуле. Род князей Костровых, хотя и упоминался в некоторых генеалогических изданиях в числе утвержденных, формально никогда не был признан Сенатом как княжеский (см.: Думин С.В. Татарское дворянство в Российской империи // Генеалогия и архивы. URL: <http://ufagen.ru/node/5571> (дата обращения: 08.09.15)). Видимо, поэтому все свои публикации в периодических изданиях Николай Алексеевич неизменно подписывал как «Князь Н. Костров», хотя такая щепетильность в акцентировании своего происхождения в сибирской провинции, практически не знавшей титулованного дворянства,

Г.Г. Лерхе секретарем статистического комитета и делопроизводителем губернского по крестьянским делам присутствия³³⁹. Н.А. Костров, находясь в должности минусинского окружного начальника, уже имел опыт публикации в «Енисейских губернских ведомостях» 1858–60 гг. и работы в енисейском статистическом комитете. После ухода со своих постов покровительствовавших Кострову генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева и енисейского губернатора В.К. Падалки в сентябре 1861 г. Костров ходатайствовал о переводе его в Томскую губернию, где из-за отсутствия подходящий его образованию и прежнему положению должности он в 1862–1865 гг. был комиссионером по казенной соляной операции в селе Спирино Барнаульского округа.

С 14 февраля 1864 г.³⁴⁰ редактором, начальником газетного стола и смотрителем типографии был назначен Н.И. Стефанов³⁴¹, со сдвоенного № 12–13 от 25 марта – 8 апреля 1866 г. он стал редактировать и неофициальную часть, став первым, кто исполнял функции редактора как официальной, так и неофициальной час-

могла вызывать и иронию. В 1843 г. Костров окончил юридический факультет Московского университета с присвоением степени действительного студента. С 1844 г. начал службу в межевой канцелярии в чине губернского секретаря. В 1846 г. подал прошение о переводе в Красноярск, переезд в который навсегда связал Кострова с Сибирью.

³³⁹ Исполнять эту должность Н.А. Костров стал с 23 июня 1865 г., а с 27 июля 1866 г. был утвержден в ней (ГАТО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 5; Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 20; Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5). С 1867 г. Костров также исполнял должность начальника отделения по польским делам и цензора корреспонденции польских ссыльных, а также вошел в состав томской губернской строительной комиссии.

³⁴⁰ А.Р. Николаев был освобожден от обязанностей редактора неофициальной части 18 марта 1866 г. по причине служебной загруженности (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 84).

³⁴¹ Николай Ильич Стефанов родился в 1837 г. в семье потомственного дворянина. На казенном содержании окончил томскую гимназию. В 1855 г. зачислен в штат Томского общего губернского управления, в 1858 г. назначен столоначальником и в этом же году получил первый классный чин коллежского регистратора. С 1862 г. – губернский секретарь, с 1863 г. – коллежский секретарь. На должность редактора губернских ведомостей, начальника газетного стола и смотрителя типографии назначен 14 февраля 1864 г. с жалованьем 393 руб. 50 коп. 4 августа 1873 г. Стефанов был определен к исправлению должности начальника третьего отделения губернского управления, которое ведало административно-хозяйственными вопросами. Вместо него губернской газетой стал заведовать политический ссыльный И.А. Парфианович, получивший разрешение поступить на государственную службу. 20 июля 1874 г. Стефанов уже в чине надворного советника стал командиром томской арестантской роты. 11 сентября 1874 г. по личной просьбе вышел в отставку, но уже 30 сентября того же года определен экзекутором и казначеем в Томское губернское правление. С 4 октября 1877 г. вновь вступил в должность редактора губернских ведомостей, начальника газетного стола и смотрителя типографии, которую занимал до своей смерти в 1880 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1006. Л. 174об.–178; Оп. 11. Д. 1378. Л. 4об.–5).

тей «Томских губернских ведомостей». За дополнительную работу он получал из «типографских сумм» вознаграждение в размере 240 руб. в год³⁴².

После того, как по делу «сибирских сепаратистов» было обращено внимание на то, что цензура допускала к публикации вольнодумные статьи, газета была возвращена к первоначальной законодательно утвержденной программе. Вице-губернатор и председатель губернского правления П.И. Фризель, уже наученный горьким опытом, предпочитал перестраховаться, но не пропустить что-нибудь двусмысленное. Так, например, публикация Н.А. Костровым статьи «Страна мраков» арабского путешественника Ибн-Батуты о торговле Волжской Булгарии с Югорией, уже прошедшей цензуру и напечатанной в «Енисейских губернских ведомостях» в 1858 г., в 1859 г. все же была рассмотрена на заседании томского статистического комитета во главе с П.И. Фризелем и четырьмя членами комитета. Видимо, сомнения вызвал заголовок статьи, относительно чего было отмечено, что «содержание этой статьи относится до Сибири до покорения ее русскими»³⁴³.

16 августа 1866 г. томским статистическим комитетом было рассмотрено предписание МВД от 8 апреля 1865 г., в котором еще раз обращалось внимание на необходимость исполнять один из пунктов положения деятельности этого учреждения – публиковать в ведомостях и отдельных памятных книжках статьи и описания по географии, истории, этнографии и экономике губернии к сведению и суждениям общественности. Цель такого предписания носила как научный, так и сугубо утилитарный административный характер: «Сообщение таких сведений, без сомнения, возбудило бы в обывателях губернии больший интерес и сочувствие к этим изданиям, с другой стороны, оно вызвало бы, со стороны образованных и сведущих лиц, поправки, пополнения и даже опровержения, которые и должны быть беспрепятственно допускаемы в печати, если только они написаны в приличном и ни для кого лично не оскорбительном виде. Это было бы лучшим способом для проверки сведений, собираемых путем официальным, не всегда верных и безупречных, составляемых небрежно или с незнанием дела, а иногда и умышленно искажаемых». Во исполнение этой рекомендации губернатор Г.Г. Лерхе поручил Кострову готовить и публиковать историко-

³⁴² ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 109об.

³⁴³ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 54.

статистические очерки городов Томской губернии, для чего ему было разрешено пользоваться книгами гимназической библиотеки³⁴⁴.

Рис. 10. Авторы и корреспонденты неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1882 гг.

Рис. 11. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг.

³⁴⁴ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–6 об, 44; Д. 14. Л. 4–6об.

Рис. 12. Социальное положение авторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1882 гг.

С № 40 от 14 октября 1866 г. Н.А. Костров начал свою работу в «Томских губернских ведомостях». Первые очерки губернских городов были посвящены Колывани и Нарыму (1866. № 40, 41), затем Томску (1866. № 43, 44), Кузнецку (1866. № 45–47), Бийску (1866. № 49, 50), Каинску (1867. № 1), Барнаулу (1867. № 3) и Мариинску (1867. № 6). Мы видим (рис. 10–12), что основное содержание газеты составляли материалы, связанные с историей, этнографией, экономикой и географией края. Н.А. Костров как основной сотрудник газеты был автором и составителем 118 публикаций. Высокий процент перепечаток из других изданий связан с появлением рубрик «Сведения из газет» (с № 31 1880 г.) и «Иностранное обозрение» (с № 13 1881 г.), каждое из сообщений учитывалось как отдельная публикация. Раздел «Духовная, общественная и повседневная жизнь» представлен главным образом статьями об общероссийских событиях, заимствованными из центральных газет. Наиболее крупные этнографические публикации были подготовлены Костровым на основе материалов губернского архива и корреспонденций в статистический комитет (например, «Чулымские инородцы», 1867, № 7–9, 11–15) или представляли собой переводы записок иностранных путешественников («Томские самоеды (по Кастрену)», 1867. № 23–25; «Нарымские остяки (по Кастрену)», 1867. № 39, 40; «Из воспоминаний о Сибири Ганстеена», 1868. № 14, 15, 18, 19; «Путешествие в Туруханск профессора Ганстеена», 1869. № 13–15).

Жанр путешествий с описаниями незнакомых народов и их обычаев очень привлекал Кострова. Но своих личных дорожных впечатлений было немного – «Поездка в главный стан Алтайской духовной миссии» (1868. № 48, 49) и очерк «Шаман», о встрече с хакасским³⁴⁵ шаманом в период начальствования над Минусинским округом (1868. № 35, 36, 38)³⁴⁶. Поэтому Костров часто прибегал к заимствованиям у других авторов. Например, первая часть очерка «Тайга» (1869. № 1–3) – первого художественного произведения на страницах Томских ведомостей – была написана самим Костровым, а вторая «приключенческая» половина о «страшной старухе» цинге была им позаимствована из второго номера «Журнала МВД» за 1856 г. В основу статьи «Раскопки старинных могил на Алтае» (1869. № 29) был положен опубликованный годом ранее доклад Археологической комиссии о работах, сделанных В.В. Радловым. Широко использовался Костровым такой прием подачи материала, как «сообщено» и «извлечено из». Как секретарь статистического комитета, Костров имел право рассылать благочинным, священникам, уездным и окружным исправникам и другим должностным лицам отношения с вопросами о хозяйстве, обычаях, языке коренных народов Сибири в соответствии с программами, разработанными Русским географическим обществом³⁴⁷.

Сотрудничество с «Томскими губернскими ведомостями» в сфере изучения этнографии Сибири продолжил один из первых и давних (с 1858 г.) сотрудников газеты – В.И. Вербицкий. Он вступил с новым секретарем губернского статистического комитета в переписку по поводу сбора этнографических сведений о тюркских народах и возможности их уточнения³⁴⁸. В 1868 г. была напечатана его резко критическая статья о содержании книги «Алтайская церковная миссия» (СПб., 1867), в которой было много ошибок и неточностей: «Автор ее, как видно, незнакомый ни с местностью Алтая, ни с тамошнюю миссией, делает большие промахи в первом отделе своего сочинения в географическом отношении, а во втором – вместо правдивого слова о миссии представил наглядное доказательство того,

³⁴⁵ В дореволюционный период хакасов называли минусинскими татарами.

³⁴⁶ Н.А. Костров, в отличие от В.И. Вербицкого, ограничился лишь поверхностными, внешними характеристиками шаманского культа, описав его в соответствующих терминах («хитрые шарлатаны», «мошенники», «страшная фигура наподобие сатаны», «фокусы», «разврат» и т.д.).

³⁴⁷ Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 64а, 64б, 64в, 65, 76.

³⁴⁸ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 73а.

что предвзятые идеи всегда препятствуют правдивому суждению о предмете»³⁴⁹. Деятельность миссии составила содержание большой продолжающейся статьи «Алтайцы» (1869. № 30–33, 35, 37–42, 44–47, 49–51; 1870. № 1–5, 7–13, 16–19), за которую Вербицкому была вынесена благодарность статистического комитета³⁵⁰, и статьи «Записки миссионера кузнецкого отделения Алтайской миссии священника Василия Вербицкого за 1874 г.» (1875. № 15, 17–18, 22–23, 25–26, 28–33). Как автор грамматики и словаря алтайского языка, Вербицкий представил в целом положительную рецензию на книгу В.В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи», вышедшую в 1866 г. (1874. № 13, 18–19, 21–22).

Другой священник и миссионер Арсений Ивановский, как и Вербицкий, долго живший на Алтае, составил очень красочное описание природы этого края и доброжелательные характеристики его жителей: «Алтайцы далеко не дикари. Между собою и с посторонними знакомыми людьми – они просты, доверчивы, общительны и гостеприимны; но с незнакомыми скрытны и осторожны. Обман и лукавство усвоены ими от близких сношений с русскими»³⁵¹.

Две большие статьи о сибирских киргизах прислал И.Ф. Русанов, бывший редактором неофициальной части в 1863 г. (1869. № 24, 25, 28; 1870. № 31, 32, 41, 42). В 1864 г. он, «желая преуспевания» статистическому комитету, подарил его формирующейся библиотеке «Сибирскую историю» И.Э. Фишера, «Описание Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, «Путешествие по Сибири и Ледовитому морю Фердинанда фон Врангеля», а также собственное сочинение, опубликованное в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1862 г. и изданное отдельной брошюрой – «О рудных богатствах и минеральных источниках киргизской степи»³⁵².

В 1870-х гг. от небольших статей об отдельных народах Н.А. Костров перешел к разностороннему обзору больших регионов и разработке «сквозных» тем. Среди продолжающихся публикаций, соединяющих в себе все имеющиеся географические, эт-

³⁴⁹ Вербицкий В. Алтайская церковная миссия. С.-Петербург 1866 года // Томские губернские ведомости. 1868. № 20. 24 мая. С. 9. Впервые эта статья под заголовком «Замечания на книгу “Алтайская церковная миссия”» была напечатана в журнале «Душеполезное чтение» в 1867 г.

³⁵⁰ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.

³⁵¹ Ивановский А. Очерки Алтая // Томские губернские ведомости. 1874. № 9. 2 марта. С. 4.

³⁵² ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 15. Л. 162–162об.

нографические, исторические и экономические сведения, были «Нарымский край» (1872. № 30–32, 36–39, 41–42, 44–51; 1873. № 1–5) и «Каинская Бараба» (1874. № 25, 27, 32, 34–35, 37–38, 40–41, 43–45). Эти статьи энциклопедического характера вышли в свет и как отдельные издания (Нарымский край. Томск, 1872. 96 с.; Каинская Бараба. Томск, 1874. 69 с.). Переводы из зарубежных источников также печатались большими сериями по два года: «Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 г.» (1876. № 29–31, 33, 34, 36, 37, 40, 45, 47, 51; 1877. № 5, 7, 12, 13, 16, 17, 20, 33), «Поездка на р. Чую доктора Радлова в 1860 г.» (1878. № 7, 8, 13, 15, 18, 30, 37, 38, 46, 48; 1879. № 2, 4, 6, 7, 11, 14, 15, 19), «Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану» (1880. № 7, 40, 42, 43, 46; 1881. № 2, 3, 5, 8, 10–14, 18, 22, 26, 32–35). Во многом это объясняется занятостью Кострова, который по просьбе отделения этнографии Русского географического общества взялся собирать материал по теме, непосредственно связанной с его образованием: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии». В 1876 г. вышла книга с аналогичным названием (Томск, 1876. 117 с.), а в 1878 г. за многолетние труды по изучению народных юридических обычаев Кострову была присуждена малая золотая медаль Русского географического общества. В 1879 г. он удостоился серебряной медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за экспонаты по физическому воспитанию детей различных народов на антропологической выставке в Москве.

Изучение обычного права было не единственной сквозной темой творчества Кострова. В очерке «О состоянии женщин между инородцами Томской губернии» (1873. № 24, 26, 27, 29, 31, 33), написанном на основе трудов П.С. Палласа и М.А. Кастрена, автор представил картины тяжелого и приниженного положения инородческой женщины. До читателя и будущего исследователя доносилась собственно этнографическая информация, формировались мысли о сочувственном отношении и возможном изменении исторически сложившейся действительности. Тем самым актуализировался и сам женский вопрос, поскольку положение женщины в русской семье и обществе как в среде простого народа, так и в высших слоях также не отличалось самостоятельностью и полноправием. В этом очерке Костров не только раскрыл, насколько позволяли собранные им материалы, обозначенную тему, но и представил обстоятельный рассказ о происхождении,

внешнем облике, одежде, жилище, хозяйстве, свадебной обрядности хантов, селькупов, чулымцев, томских татар и алтайцев.

Исторические работы Кострова были посвящены прежде всего Томску и городам Томской губернии: «Заметки для истории Кузнецка» (1867. № 34), «Заметки для истории г. Томска» (1867. № 41), «Открытие Томской губернии в 1804 г.» (1869. № 43), «Город Томск с 1806 по 1818 г.» (1874. № 50), «Город Нарым» (1866. № 41, 42), «Томская губерния в 1818 г.» (1872. № 15). Костровым был опубликован ряд архивных документов – грамоты Петра I томским воеводам (1875. № 43, 44; 1876. № 4, 5), грамоты об организации горного дела в Томске (1868. № 4–6), проект 1811 г. о предоставлении сибирским чиновникам права на обустройство и содержание ссыльных с возможностью «владеть» ими в течение 20 лет, т.е. фактически о введении на территории Сибири режима крепостного права (1876. № 6–7). Был продолжен разбор архивных дел старейшего в Томске Алексеевского монастыря, начатый в 1865–1866 гг. Д.Л. Кузнецовым. Здесь Костров на основе сопоставления источников высказал предположение, что монастырь появился уже через год после основания Томска под именем Усть-Киргизского, а в 1658 г. после того как его единственная церковь сгорела (возможно, в ходе киргизского набега 1654 г.), был перенесен на более безопасное место – на территорию Юрточной горы в черте города³⁵³. Это предположение не подтверждается современными исследователями, относящими основание Алексеевского монастыря к 1630-м гг.³⁵⁴, хотя на мнение томского краеведа до сих пор ссылаются некоторые электронные ресурсы по истории Русской православной церкви³⁵⁵.

Летом 1868 г. Костров сопровождал великого князя Владимира Александровича в его путешествии по Томской губернии и составил об этом подробное описание (1869. № 39–46), в котором большое внимание уделялось не только всем обстоятельствам пребывания «царственной особы», но и истории и географии тех местностей, которые он посетил. Владимир Александрович одарил Кострова золотыми часами и цепочкой³⁵⁶, что означало не

³⁵³ Костров Н.А. Томский Алексеевский монастырь (1605–1764) // Томские губернские ведомости. 1873. № 36. 15 сент. С. 3.

³⁵⁴ Караваева А.Г. Алексеевский мужской монастырь // Томск от А до Я : Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 10–11.

³⁵⁵ Благотворительный фонд «Русское Православие». URL: http://www.orthorus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?5_2690 (дата обращения: 08.09.2015).

³⁵⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5.

только высокую оценку его труда, но было своеобразной охранной грамотой от члена императорской фамилии, допуском к разработке других тем. В июле – августе 1871 г.³⁵⁷ в «Томских губернских ведомостях» появились четыре статьи о томских губернаторах первой четверти XIX в.³⁵⁸ Они носили вполне исторический характер, полвека отделяло современных начальников губернии от минувших, но с учетом того, что некоторые особенности российской действительности не меняются из века в век, избранная тема была не совсем безопасной. Худой отзыв о прошлых властях мог бросить тень и на нынешние. Например, приводились знаменитые слова М.М. Сперанского после ревизии в Томске: «Если бы в Тобольске и отдал всех (чиновников) под суд, что и можно было бы сделать, то здесь оставалось уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и, по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые». Только о первом томском губернаторе В.И. Хвостове Костров написал как о личности «замечательной и дельной», «редкой в то время в Сибири». В то же время Костров обезопасил себя тем, что использовал только официальные формуляры и уже опубликованные источники (воспоминания Хвостова в «Русском архиве», сочинение М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского»), а при оценке деятельности губернаторов руководствовался авторитетным мнением первого ревизора Сибири.

Приближение даты 270-летия со дня основания города Костров отметил статьей «Томск сто лет назад» (1872. № 14), в которой цитировал наблюдения о Томске П.С. Палласа в «Путешествии по различным провинциям Российского государства». В этой статье Костров отмечал, что собирает материалы для «подробной историко-статистической монографии г. Томска», но такая отдельная и большая работа о городе так и не была написана. Видимо, для этой цели Костров подбирал и публиковал фрагменты сочинений иностранных путешественников, в которых приводились описания Томска и дру-

³⁵⁷ В 1870 – первой половине 1871 г. серия статей Н.А. Кострова была прервана публикацией сообщений о ходе Франко-прусской войны.

³⁵⁸ *Костров Н.А.* Томский губернатор Василий Семенович Хвостов (1803–1808) // Томские губернские ведомости. 1871. № 30. 31 июля. С. 4–5; *Костров Н.А.* Томский губернатор Франц Абрамович Фан-Брин (1808–1810) // Томские губернские ведомости. 1871. № 31. 7 авг. С. 4–5; *Костров Н.А.* Томский губернатор Василий Романович Марченко (1810–1812 гг.) // Томские губернские ведомости. 1871. № 32. 14 авг. С. 4; *Костров Н.А.* Томский губернатор Дамиан Васильевич Илличевский (1812–1822 гг.) // Томские губернские ведомости. 1871. № 33. 21 авг. С. 3.

гих городов губернии: «Путешествие Палласа по Бийскому округу Томской губернии в 1770 г.» (1873. № 42–45, 48, 50–51; 1874. № 5–6), «Путешествие Палласа по Барнаульскому округу Томской губернии в 1771 г.» (1875. № 6–9), «Большой сибирский тракт в Томской губернии сто лет тому назад» (1872. № 24–26), «Томский округ, по описанию Фалька, в 1771 и 1772 г.» (1875. № 4–5). В последнем случае Костров не ограничился публикацией соответствующего фрагмента, но привел свои комментарии относительно того, насколько сведения, сообщаемые И.П. Фальком, соответствуют действительности спустя сто лет.

Публикации, касавшиеся природных богатств Томской губернии, имели прежде всего практическое современное звучание, хотя и не представляли собой какой-либо системы, возникая как результат обработки статистического материала. Например, заметка о частных золотых приисках в Алтайском и Мариинском округах в 1870–1872 гг. (1874. № 6) была написана на основе официальных сведений, целью которых было нарисовать исключительно благополучную картину. Возможно, поэтому заголовок был снабжен сноской «составлено по официальным отчетам». Публикация «Народные заработки в Алтайском горном округе от заводской и фабричной промышленности в 1870–1871 гг.» (1872. № 19) также содержала прежде всего цифры добытых руд, каменного угля, заготовленных дров и общей суммы расходов на оплату труда мастеровым и рабочим. Костров следил за новыми изданиями об алтайской горной промышленности, переживавшей упадок, сообщая читателю о выходе в 1871 г. сочинения немецкого геолога Бернгарда Котты об Алтае (1874. № 48).

Интересовали Кострова возможности развития экономических связей между Томской и Енисейской губерниями. В одной из статей на эту тему он высказывался о желательности соединения Оби и Енисея (1873. № 8), в другой (1876. № 4) доказывал читателю, что водное сообщение экономически выгодно только по Иртышу и Оби, между Тюменью и Томском. Краткость навигации – 5 месяцев в году – делала, по его мнению, необходимым для постоянной перевозки товаров и пассажиров строительство железно-конной дороги: тогда «Сибирь сделается более доступною для переселенцев и людей, обладающих техническими знаниями, которые быстро разовьют этот

плодородный и обширный край, страдающий теперь недостатком сбыта сырых своих произведений»³⁵⁹.

Статья Кострова «Торговые сношения Томской губернии с Монголией» (1876. № 38, 39), возможно, обязана своим появлением губернатору А.П. Супруненко. Текст предупредительно начинался словами: «Слишком уважая печатное слово, мы далеки от того, чтобы писать какую-нибудь газетную рекламу по этому предмету»³⁶⁰. Однако же в тексте содержались не только характерные для костровских публикаций описания, касающиеся истории и современного положения торговли с Монголией, но и конкретные предложения сибирскому купечеству принять участие в устройстве дороги на р. Чую с обещанием компенсации издержек со стороны правительства. По тексту не раз упоминалось о томском губернаторе и губернском начальстве, очевидно, как о силах, уполномоченных делать такие предложения. В № 25 от 25 июня 1877 г. в продолжение темы Костров сообщал об отправке первого каравана с чаем из г. Калган (Чжанцзякоу), минуя Кяхту, в Бийск. Статья не была подписана, хотя ее автором был Костров. В ней сообщалось о содействии каравану со стороны томского губернатора и выражалась надежда, что новые подобные опыты «не замедлят последовать и будут более удачны». Действительно, в этом случае предоставлялась возможность создать более прямой и выгодный для Томской губернии поток чайной торговли.

Отражались на страницах неофициальной части результаты деятельности статистического комитета – итоги однодневных переписей Томска 18 декабря 1866 г. (1867. № 16) и 16 марта 1880 г. (1880. № 12), с отдельными сведениями о недвижимой собственности в городе (1867. № 17; 1880. № 19). С 1874 г. в газете появился общий статистический обзор по Томской губернии. Интересны для сопоставления были цифры по основным статистическим показателям жизни губернии в 1873, 1874 и 1875 гг. (1874. № 22; 1875. № 34; 1876. № 27).

Чиновная карьера князя Н.А. Кострова была не головокружительной, но в целом успешной – по служебной иерархии он достиг чина статского советника и в послужном списке имел только благодарности и поощрения. В сфере изучения того края, который стал ему родиной, его карьеру также можно считать состоявшейся: си-

³⁵⁹ Костров Н.А. О соединении бассейнов рек Оби и Енисея // Томские губернские ведомости. 1876. № 4. 24 янв. С. 4.

³⁶⁰ Костров Н.А. Торговые сношения Томской губернии с Монголией // Томские губернские ведомости. 1876. № 38. 25 сент. С. 4.

бирской и российской научной общественностью секретарь томского статистического комитета был признан как сибирский этнограф и краевед. В «Сибирской газете» Костров назывался «одним из видных деятелей Сибири на поприще ее изучения», «человеком разносторонне образованным, дельным, опытным и отзывчивым на просьбы других»³⁶¹. Если один из мотивов, побуждающих человека писать, – оставить после себя добрую память, то Кострову это удалось. Известно 192 его публикации, из которых 11 вышли отдельными изданиями. Образ отрешенного и погруженного в свои труды кабинетного ученого, который создается у исследователя при знакомстве с жизнью и деятельностью Н.А. Кострова, его публикациями в неофициальной части томской газеты, по-видимому, недалек от действительности. А.В. Адрианов, который в поисках книг и карт для подготовки экспедиции на Алтай заглянул к Кострову незадолго до его смерти, оставил такой категоричный портрет князя: «Был у Кострова, полагал, что он знаток, что у него в библиотеке статистического отдела есть что-нибудь, ни то, ни другое; старик, который жует все одно и то же, ссылается на разные свои труды и не чувствует, что из носа течет; право, от него ничем не поживиться, даже губернских ведомостей нет»³⁶². В сообщении о смерти князя в «Сибирской газете» говорилось, что «похороны его прошли незаметно; томская интеллигенция на них почти отсутствовала – маленькая группа знакомых проводила гроб до могилы»³⁶³. В следующей статье, более пространной, отмечалось, что Костров как человек, постоянно занятый работой, почти не бывал в обществе, имел скромное мнение о своих достоинствах и, напротив, глубокое осознание своих недостатков³⁶⁴.

Князь Н.А. Костров был человеком разносторонних интересов и не довольствовался рамками чиновной службы, ее буднями и досугом, однообразие которых было губительно для многих молодых людей. Университетское образование и склонность к писательской работе позволили ему сделаться этнографом, лингвистом, переводчиком, статистиком, историком, географом, исследуя те

³⁶¹ Князь Николай Алексеевич Костров (некролог) // Сибирская газета. 1881. № 12. 17 мая. С. 379–382.

³⁶² Письмо А.В. Адрианова Г.Н. Потанину. 2 ноября 1880 г. // Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост. публ. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. С. 12.

³⁶³ Сибирская газета. 1881. № 10. 3 мая. С. 287.

³⁶⁴ Там же. № 12. 17 мая. С. 382.

города и местности, где он служил, – Красноярск, Минусинск, Томск. У каждого автора есть свой круг предпочтительных тем и творческие пределы, это касается и Кострова. Этнография и история, по преимуществу Томской губернии, были основными темами его работ. Из современной жизни Сибири Кострова интересовало ее экономическое состояние и развитие, но вопросов текущей общественной и политической жизни в «Томских губернских ведомостях» он практически не касался. Литературные средства, к которым прибегал Костров в текстах, не связанных с конкретной статистической отчетностью или фактографическими описаниями, характеризовались художественностью и избыточными стилистическими деталями. Возможность скрупулезно собирать, фиксировать и доносить до читателя цифры, факты и суждения из ученых сочинений для Кострова была всегда более значимой, чем возможность на их основе сделать более широкие выводы и представить собственные суждения. Костров часто заимствовал фрагменты из других работ на близкую тему, не писал, а составлял статьи, ограничиваясь переводами, цитированием или пересказом (заметим, что в среде пишущих людей того времени это было весьма распространено). Надо сказать, что к этому обязывали и присылаемый материал, и характер работы секретаря статистического комитета, заключавшейся в литературной обработке ответов корреспондентов на формализованные вопросы. Хотя Костров умел выражать личные наблюдения и давать самостоятельные оценки, он делал это редко и очень осторожно. Часто подразумевалось, что вывод из изложенных фактов должен сделать сам читатель. Например, в статье «Первый книжный магазин в г. Томске» Костров отмечал факт его долгого отсутствия как «замечательный в истории нашей цивилизации», но далее продолжал: «Вывести из него надлежащее заключение предоставляем другим»³⁶⁵. Костров хорошо уживался с людьми разных взглядов и положений. Его бывший начальник, енисейский губернатор В.К. Падалка не стеснялся говорить в письмах князю о тяжелых переживаниях по поводу своей отставки. Находясь в Красноярске, Костров входил в окружение декабриста Д.В. Давыдова. Другой государственный преступник – М.В. Петрашевский – в Минусинске доверял ему отправку своих писем в Россию и вел беседы с глазу на глаз, в которых не только обсуждалось прошлое, но и рисовались

³⁶⁵ Костров Н.А. Первый книжный магазин в г. Томске // Томские губернские ведомости. 1873. № 20. 26 мая. С. 4.

«узоры будущего»³⁶⁶. Очевидно, что при дефиците интересного и равного по образованию собеседника два юриста находили общие темы для разговора и точки соприкосновения во взглядах по поводу формально-законного и действительного положения дел в русском обществе (не случайно все правоведа находились под особым контролем III Отделения). Кострову как мыслящему человеку не были чужды прогрессивные идеи своего века, он читал «Колокол»³⁶⁷, считал ценностью свободу печатного слова³⁶⁸, сочувствовал пусть не взглядам, но самой личности Петрашевского. Однако как чиновник, ответственный перед начальством, и как глава семейства, ответственный за жену и детей, он обязан был быть осторожным в словах и поступках: «Мне хорошо было известно, что при отсутствии всякого общественного мнения и служебного надзора в Сибири и жизнь, и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства»³⁶⁹. Костров предпочитал не рисковать и зарабатывать только нейтральные в цензурном отношении темы. Должность секретаря сначала енисейского, а затем томского статистического комитета как нельзя лучше подходила для этого, позволяя князю сочетать служебные обязанности с исследовательскими изысканиями. Результат был налицо, вернее, на листе: за пятнадцать лет работы в неофициальной части газеты его статей не коснулась цензурская правка, хотя за это время в Томске сменилось четыре губернатора (Г.Г. Лерхе, Н.В. Родзянко, А.П. Супруненко, В.И. Мерцалов). Г.Н. Потанин в письме Н.М. Ядринцеву приводил слух, что гене-

³⁶⁶ О своих встречах с М.В. Петрашевским в Минусинске Н.А. Костров оставил воспоминания, датируемые второй половиной 70-х гг. (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26). Текст, написанный практически без исправлений карандашом, предполагался как ответ на статью В.П. Бурнашева в «Русском архиве» (1872. Кн. 9. С. 1770–1851). Воспоминания проникнуты сочувствием к Петрашевскому как человеку, слишком много пострадавшему «для искупления своих увлечений» (см.: *Шевцов В.В.* Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском // Человек – текст – эпоха. Томск, 2011. Вып. 4. С. 163–181).

³⁶⁷ «Почти все выходившие тогда в России журналы получались в Минусинске; заходили даже и запрещенные лондонские издания, которые читали с жадностью» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 9–9об).

³⁶⁸ «Это было первое время гласности, когда в наших журналах и газетах вдруг заговорили о таких вещах, о которых прежде едва осмеливались думать» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 3об); «В последнее время в нашей литературе пробудилось много весьма важных общественных стремлений. Одно из первых мест между ними, бесспорно, занимает стремление к гласности, к обнаружению тех зол, какими с незапамятных времен страдает наше общественное тело, зол, которые кажутся как будто родившимися вместе с нами...» (*Костров Н.А.* Два слова о гласности // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 11. 4 марта. С. 89–91).

³⁶⁹ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

рал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков планировал разрешить в Томске частную газету, доверив ее редактирование Кострову³⁷⁰. Наконец, Кострову было присуще и чувство юмора, ироническое отношение к своим трудам. В подаренную П.П. Набалову книгу «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (Томск, 1876) он вклеил лист с таким обращением: «Вот целый тюк тебе моих творений. В часы бессонницы ты можешь их читать. – И, я ручаюсь, что крепко будешь спать без всяких глупых грез и сновидений. 5 февраля, 1875». В рассказе «Шаман», где Костров цитировал стихи, воспевающие прелести юной кочевницы, он, видимо, исходя из собственных наблюдений, заключал: «Что касается до прекрасной Ульчи, то я желал бы послушать, какую песню запел бы красноярский поэт хотя бы неделю спустя после того, когда бы он сделался бы счастливым обладателем ее особы»³⁷¹.

При Н.А. Кострове неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобрела характер издательской площадки томского статистического комитета, она стала местом публикации его трудов по «исследованию губернии во всех отношениях». При этом по Положению о статистических комитетах эти труды относились к категории необязательных, подготавливались по личной инициативе и не предусматривали какой-либо оплаты. Заинтересованные авторы рассматривали газету как возможность ввода в научный оборот своих ученых изысканий, а заинтересованные читатели как на местах, так и в центре получали возможность знакомиться с ними в удобном для чтения печатном виде. Так, С.И. Гуляев обращался в 1868 г. к Кострову с просьбой напечатать полный вариант его статьи о минеральных источниках на Алтае, приведенной в «Известиях Русского географического общества» в сокращенном виде, и передал ему 25 оттисков³⁷². Статья Болеслава Шостаковича «Поездка по рекам Васьюгану и Чижапке в 1876 г.» (1877. № 46, 48, 50, 51) была по просьбе Кострова напечатана отдельно от общего тиража газеты в количестве 25 экземпляров – 15 на простой и 10 на белой бумаге³⁷³.

Систематизируя и обобщая уже написанное о Томске и Томской губернии, публикуя неизвестные ранее архивные источники, Костров готовил материал для будущих исследователей, которых он ви-

³⁷⁰ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. № 237. С. 187.

³⁷¹ Костров Н.А. Шаман // Томские губернские ведомости. 1868. № 36. 15 сент. С. 8.

³⁷² ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–1об.

³⁷³ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 88.

дел в качестве своих читателей. Например: «Желая сколько-нибудь пособить в этом деле будущему переводчику Клемма [немецкого историка], мы постараемся представить в настоящей статье все известные нам сведения о состоянии женщин между инородцами Томской губернии»³⁷⁴. Или: «Как оригинал, так и перевод путешествия Палласа стали теперь весьма редкими; поэтому мы надеемся оказать услугу всем занимающимся изучением Томской губернии, сделав полное извлечение из упомянутого сочинения относительно южной части ее территории, именно Бийского округа»³⁷⁵. Конечно, такое вступление можно рассматривать лишь как стилистический оборот, характеризующий скромное мнение князя о своих трудах, но научная деятельность Кострова – это действительно в большей степени деятельность ученого-систематизатора, чем ученого-практика или ученого-общественного деятеля, какими были Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Ему не нужна была аудитория, он не был публичным человеком и трибуном. Костров любил Сибирь как объект исследования, в котором можно было заполнять «белые пятна», но не был ее «пламенным адвокатом», как Н.М. Ядринцев. Однако же неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг. для изучения истории и этнографии Сибири значит не менее, чем статьи областников 1864–1865 гг. для изучения ее общественной мысли. Нельзя отказать Кострову и в той ответственности и аккуратности, с которыми он исполнял основные служебные обязанности секретаря статистического комитета: подготовка сведений для губернаторского отчета, заполнение многочисленных форм для центрального статистического комитета, удовлетворение запросов присутственных мест и должностных лиц. Человек, серьезно увлеченный Сибирью и располагающий библиотекой, мог изучить работы иностранных и многих отечественных авторов самостоятельно, мог отправиться в далекую служебную командировку или научную экспедицию, чтобы увидеть все воочию. Но не все располагали такими возможностями и ставили перед собой такие задачи, поэтому неофициальная часть газеты выполняла еще и просветительскую функцию, формируя у читателя образ Сибири. Н.А. Костров писал и составлял свои тексты не только в научных целях и по служебной необходимости (как секретарь статистического комитета он отчитывался публика-

³⁷⁴ Костров Н.А. О состоянии женщин между инородцами Томской губернии. Этнографический очерк // Томские губернские ведомости. 1873. № 24. 23 июня. С. 5.

³⁷⁵ Костров Н.А. Путешествие Палласа по Бийскому округу Томской губернии в 1770 г. // Томские губернские ведомости. 1873. № 42. С. 4.

циями), но и адресовал их тому кругу людей, которые, читая газету для знакомства с необходимой официальной информацией, в части неофициальной также могли найти для себя что-то интересное. Это мог быть чиновник, священник, врач, купец, простой городской и сельский житель, приезжий из Европейской России или коренной сибиряк. Одним словом, читающий человек, безразличный к истории, экономическому развитию, жизни коренного населения того края, в котором протекали его служебные и хозяйственные дела.

В период работы в «Томских губернских ведомостях» Н.А. Кострова ее неофициальная часть наполнялась не только информацией краеведческого и статистического характера, заботливо собираемой и публикуемой секретарем статистического комитета, но и касалась некоторых текущих событий, которых в губернском городе было не так много. Пять дней пребывания Владимира Александровича в Томске (10–14 июля 1868 г.) губернскими ведомостями были освещены сверхоперативно – в № 27 от 12 июля об этом событии рассказывала передовая «Томск 14 июля»³⁷⁶. Атмосфера «всеобщего, безграничного восторга» была нарушена мнимым покушением на высокого гостя. Находившийся в Томске мещанин г. Вязники Владимирской губернии Василий Зобнин (очевидно, желая снискать себе почести О.И. Комиссарова, спасшего Александра II от покушения в 1866 г.) во время выхода великого князя на балкон городской думы указал на человека, имевшего при себе пистолет. Мнимым террористом оказался знакомый Зобнина – бессрочно-отпускной унтер-офицер Степан Фролов, прибывший в Томск из Петербурга с крупной суммой денег и потому имевший при себе пистолет.

24–26 июня 1873 г. город вновь посетил высокий гость: великий князь Алексей Александрович возвращался через Сибирь после морского путешествия. На это газета откликнулась стихами³⁷⁷, обзором пребывания великого князя в Томске, написанным в высокопарном верноподданническом стиле³⁷⁸, и публикацией речи Томского епископа Платона, в которой отмечалось, что «здешняя страна далеко отстала от стран, просвещенных и в образовании, и в искусствах, и в промыш-

³⁷⁶ Передовая не была подписана. Н.А. Костров включил ее в свое подробное описание поездки Владимира Александровича по губернии, предварив словами: «О пребывании великого князя в Томске позволим себе поместить рассказ, напечатанный в 27 № Томских губернских ведомостей».

³⁷⁷ *Золотов Петр*. По случаю прибытия Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича в Западную Сибирь // Томские губернские ведомости. 1873. № 24. 23 июня. С. 4.

³⁷⁸ *Томск*, 7 июля // Томские губернские ведомости. 1873. № 26. 7 июля. С. 5.

ленности, и холодна по климату, но ...готова приносить в жертву способности, достояние и жизнь во благо отечества»³⁷⁹.

Из других вопросов местной жизни в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» можно выделить такие информационные публикации, как: выписка из Лондона паровой машины для томской пожарной команды (1866. № 5, 48), ход экспедиции Академии наук в Туруханский край для доставки обнаруженного мамонта (1866. № 3, 7–8, 17, 29, 30), введение Городового положения 1870 г. (1871. № 35), распространение эпидемических болезней и меры против них (1872. № 41, 44; 1873, № 39–40), открытие Томского Общества для вспомоществования учащимся в средних и высших учебных заведениях (1873. № 46), открытие детского сада П.И. Макушина (1874. № 32), рассказ о ходе экспедиции Н.М. Ядринцева на Алтай (1880. № 28). Начало работы в Томске первой общественной библиотеки³⁸⁰ П.И. Макушина было освещено в виде приглашения статью ее читателем (1871. № 15, 16, 18).

Постоянно в неофициальной части печатались сообщения об устройстве и результатах различных благотворительных музыкальных и литературных вечеров, маскарадов, концертов и лотерей. При этом газета выполняла не только информирующую, но и организующую функцию, мобилизуя томскую общественность для сбора средств в пользу нуждающихся, погорельцев, сирот и учащихся. В 1870 г. открылось томское отделение православно-го миссионерского общества, и в газете стали регулярно печататься его обращения, отчеты, членские списки и списки жертвователей. Фамилии участников проводимых благотворительных мероприятий публиковались по различным принципам – по социальному положению, по членству (соревнователи, постоянные, действительные), по величине пожертвования и самому демократичному – общим списком по алфавиту. Соседство в газете рядового жителя губернии с важными персонами, очевидно, было приятно и значимо для жертвователя.

³⁷⁹ Речь, произнесенная при встрече Его Императорского Высочества Благоверного Государя великого князя Алексея Александровича в томском Благовещенском соборе 24 июня 1873 г. Платоном, епископом Томским и Семипалатинским // Томские губернские ведомости. 1873. № 47. 1 дек. С. 5.

³⁸⁰ Напомним, что с конца 1862 г., благодаря усилиям Д.Л. Кузнецова, томичи могли пользоваться гимназической библиотекой, но режим открытого доступа был отменен в 1866 г. в связи с делом областников.

Одна из публикаций напомнила период существования неофициальной части при Д.Л. Кузнецове. В № 17 от 3 мая 1868 г. критиковался томский театр за легковесный репертуар и слабый состав гастролирующих трупп, за неприспособленное помещение и высокую стоимость входного билета. Статья предварялась эпиграфом из А.С. Пушкина, намекающим на основную форму провинциального досуга («Так в ненастные дни // Занимались они // Делом»), в ней содержались упоминания о повторных гастролях иркутской труппы И.О. Краузе и готовящемся «одним из здешних капиталистов» строительстве каменного здания театра (хотя официальной газете запрещалось публиковать слухи). За криптонимом «Х.» скрывался, видимо, приезжий чиновник среднего ранга. Он отмечал недостаток в Томске «чистых и облагораживающих душу развлечений», в результате чего интересы общества сосредоточивались на скандалах, «произведениях кабачного красноречия», пасквилях и клевете на честных людей. Последнее обстоятельство описывалось весьма эмоционально³⁸¹. Автор объединял себя со «здоровыми» и «благородными» силами общества, идущими по пути просвещения³⁸², подвергая ригоризму «отдельных личностей», порождающих разнообразные «уродливые явления общественной жизни» (в том числе и клевету). Очевидно, что истинной причиной написания статьи было какое-то злословие, порочащее честь и достоинство автора. Никаких имен и даже намеков на конкретные обстоятельства нанесенного оскорбления статья не содержала, но для жителей небольшого горо-

³⁸¹ «Будь у нас библиотека, театр, имей публика возможность послушать увлекательное чтение, хорошую музыку, понятия многих, вероятно, возвысились бы здесь до того, что удовольствие, доставляемое им омерзительными подметными письмами, скандалами, клеветой и пасквилями, показалось им пошло и бесчестно. Быть может, люди, желающие, чтоб их считали порядочными, не бросались бы с жадностью, составляющей симптом нравственного растления, на подобные гнусные приманки их праздному любопытству, быть может, не так легко нашлись бы охотники принимать на себя бесчестную роль разносчиков и распространителей пасквилей, и лица, дорожащие своею честью, не находили бы удовольствия слушать их. Как знать? Быть может, клевета на честных людей внушала бы отвращение и вид честного человека не заставлял бы некоторых из его сограждан вертеться подобно бесу перед заутреней и выливать на него нечистый поток своей желчи; быть может... но остановимся на этих предположениях...» (Х. Желать ли в Томске театра? // Томские губернские ведомости. 1868. № 17. 3 мая. С. 8).

³⁸² «Да, мы потрудимся над честным делом, если устроим у себя библиотеку, откроем книжную торговлю, учредим театр, сделаем его доступным для самых небогатых тружеников, не ведающих теперь чистых высоких наслаждений благородного искусства, литературы, поэзии; узнав их, они их полюбят, привыкнут к ним, наконец, эта привычка обратится в потребность, и тогда понятия очистятся, нравы смягчатся...» (Х. Желать ли в Томске театра? // Томские губернские ведомости. 1868. № 17. 3 мая. С. 8–9).

да, бедного событиями, эти имена и обстоятельства не были секретом. Посредством такой публикации, хотя и с заголовком на другую тему и на фоне рассуждений о театре (с помощью которых делался упор на противопоставление «избранный», «образованный» / невзыскательный», «невежественный»), автору предоставлялась возможность ответить обидчикам печатным словом, растиражированным в более чем пятистах экземплярах. Таким образом, обладая определенным изощренным стилем, можно было использовать страницы единственной томской газеты для защиты своего имени, правда, в очень ограниченной форме и в расчете на такого же изощренного читателя.

В № 28–30 за 1869 г. была помещена статья из «Северной почты» главного инспектора по пересылке арестантов А.И. Беленченко «Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь»³⁸³. В ней говорилось об экономии казенных средств и сокращении времени движения ссыльных партий до Томска в среднем с 282 до 72 дней благодаря использованию железных дорог и пароходов. Статья открывалась мнением по поводу уголовной колонизации Сибири члена Русского географического общества П.П. Семенова: «Уголовная колонизация действует весьма благотворительно на нравственное развитие переселяемых. Потомки преступников и добровольные переселенцы ничем не отличаются друг от друга и достигают высшей степени нравственного превосходства, нежели великороссийское население»³⁸⁴. Неизвестно, был ли знаком А.И. Беленченко со взглядами «сибирских сепаратистов», но о «тяжелых ощущениях» по поводу слов «ссылка» и «Сибирь (как место ссылки)» он говорил только в связи с «Записками из мертвого дома» Ф.М. Достоевского и картиной «Отдых ссыльных», виденной им на выставке в Академии художеств в С.-Петербурге. При этом автор, сам являясь официальным лицом, обладающим соответствующими полномочиями, намеренно подчеркивал, что основанием к улучшению положения ссыльных послужило не общественное мнение, а результаты ревизии Западной Сибири в 1851 г. Н.Н. Анненкова и «давнишние заботы правительства»: «Но если литература и искусство в последнее время соединили свои силы, чтобы привлечь внимание общества на прискорбный быт ссыльных во время препровождения их в Сибирь, то внимание админист-

³⁸³ Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь: По офиц. сведениям / А. Беленченко. СПб., 1868. [Из № 103 и 104 «Северной почты» 1868 г.]

³⁸⁴ Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь. По официальным сведениям // Томские губернские ведомости. 1868. № 28. 19 июля. С. 8.

рации было обращено на этот предмет гораздо ранее»³⁸⁵. Для сибиряков вышеуказанная мера лишь означала как частичное улучшение ситуации, так и частичное понимание сути вопроса (например, игнорирование ссыльными труда рассматривалось как следствие их изнуренности в ходе длительного перемещения к месту наказания). Статья могла оказать благоприятное впечатление скорее на читателей, далеких от Сибири, чем на местных жителей и местную администрацию, не раз писавшую в своих отчетах в Петербург о вредном влиянии ссылки на «нравственный климат» Томской губернии.

О непритязательном, с точки зрения образованного человека и врача, быте обывателей губернии можно узнать из медицинских отчетов: «Главным увеселением и развлечением здесь [в Бийске] считается беседа за столом, уставленным водкой и закуской; всякие собрания, пирушки, вечеринки и семейные праздники, как свадьба и пр., празднуются обыкновенно песнями, шумом, пьянством и дракой, и чем более у хозяина водки, тем торжественнее праздники. Каждое торжество не ограничивается домашней пирушкой: после нее отправляются по кабакам, и затем гулянка затягивается недели на две <...> Последствием лени и пьянства являются здесь воровство и мошенничество, повторяющиеся весьма часто <...> Не менее важную роль играет здесь проституция <...> Впрочем, понятие о нравственности здесь вообще так слабо развито, что едва ли из десяти девушек одна выходит замуж невинною, и это едва ли ей не ставится даже в укор»³⁸⁶.

Впервые на страницах томской газеты было предоставлено слово иудейскому духовенству (до этого о еврейском населении Томска упоминалось только в статистических выкладках³⁸⁷). В сообщении «От томского духовного еврейского правления» (1872. № 37) говорилось, что губернатор А.П. Супруненко вместе с прибывшим в Томск генерал-губернатором Западной Сибири А.П. Хрущовым после посещения синагоги и находящейся при ней богадельни нашли «приятным» выслушать речь и молебен раввина за здоровье монарха на русском языке с надеждой, что «употребление русского языка при богослужении в синагоге и порядок в богадельне не будет

³⁸⁵ Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь... С. 8.

³⁸⁶ Медико-топографический очерк города Бийска. Извлечено из отчетов бийского окружного врача Михалевского // Томские губернские ведомости. 1875. № 3. 18 янв. С. 4.

³⁸⁷ Костров Н.А. Однодневная перепись жителей г. Томска 18 декабря 1866 г. // Томские губернские ведомости. 1867. № 16. 28 апр. С. 6–7; Согласно переписи лиц иудейского вероисповедания в Томске насчитывалось 858 человек обоего пола.

явлением временным». Служба в синагоге ведется только на иврите, но в середине XIX в. в Россию проник реформистский иудаизм, допускавший прочтение проповедей и части молитв на государственных языках. Для того чтобы сохранить расположение начальства и в то же время избежать противоречий с общиной верующих, исполняющий обязанности томского раввина Бер Израилевич Левин поместил в газете ни к чему не обязывающее и очень обтекаемое, но вежливое и вполне верноподданническое сообщение³⁸⁸.

Событием для Томска стало открытие 19 февраля 1873 г. первого книжного магазина П.В. Михайлова и П.И. Макушина. Объявление о его услугах было напечатано через три недели, в № 10 от 10 марта 1873 г. В № 20 от 26 мая 1873 г. Н.А. Костров поместил небольшое сообщение «Первый книжный магазин в г. Томске», в котором рассказывалось о широком ассортименте книжной продукции для удовлетворения «необходимых потребностей более просвещенной части населения Томска». В предыдущем № 19 от 19 мая 1873 г. почти целую страницу заняла статья «Сельские народные школы Томской губернии». Неизвестный автор затрагивал актуальный вопрос сибирской действительности – необходимость расширения сферы народного образования для преодоления «застоя» в экономической жизни – и предлагал для этого не ожидать, когда Сибирь коснутся «благодетельные реформы последнего времени», а учредить в Томске учительскую семинарию. В 1872 г. такое учебное заведение было открыто в Омске, и в этом же году вышло «Положение об учительских институтах», призванное решить проблему подготовки кадров для городских училищ. В дополнение к собственным нелестным характеристикам в адрес школ для простого народа³⁸⁹ автор приводил «основные черты» представления томского губернатора

³⁸⁸ «Объявляя о настоящем предложении его превосходительства всем нашим единоверцам, ввиду таких ясных и неопровержимых истин, выраженных господином начальником губернии, направленных с благотворною и гуманною целию на пользу самих нас, – духовное правление считает лишним что-либо прибавить к таким знаменательным словам его превосходительства, вполне надеясь, что еврейское общество с полным сознанием своего долга будет усердно споспешествовать к преобразованию себя в духе русского гражданства и материальной поддержки еврейских богоугодных заведений» (*Бер Левин. От Томского еврейского духовного правления // Томские губернские ведомости. 1872. № 37. 16 сент. С. 5*).

³⁸⁹ «Под руководством таких наставников [приходских священников] дети не только не приобщаются к учению, но получают от него отвращение, а родители, не видя полезных результатов от школьного учения, предпочитают оставлять детей при себе для домашних работ или отдавать их на обучение ссыльным» (*Сельские народные школы // Томские губернские ведомости. 1873. № 19. 19 мая. С. 4*).

А.П. Супруненко генерал-губернатору А.П. Хрущову о «жалком положении сельских школ» и о необходимости учреждения «училищного фонда» из средств Министерства народного просвещения и «свободных остатков от губернских земских и волостных повинностей».

Солидаризация с позицией власти делала статью более убедительной и переводила дело из разряда публицистики в практическое русло (но ни учительская семинария, ни учительский институт в XIX в. в Томской губернии так и не были открыты). Проблемное содержание и прямолинейность статьи (чего старался избегать Костров) позволяют предположить, что ее автором был человек, близкий по духу к сибирским областникам. В заключение, надеясь на одобрение «высшим правительством» губернаторских предположений, он от себя добавлял следующее: «Мы не можем также думать, чтобы встретились какие-либо затруднения в отчислении в распоряжение местного начальства тех сумм, из которых оно предполагает образовывать училищный фонд Томской губернии. Суммы эти принадлежат населению губернии (разрядка моя. – *В.Ш.*) и в настоящем случае предполагаются к употреблению для удовлетворения самой важной и самой насущной его потребности». Принадлежность автора к сфере образования позволяет предположить, что им был П.И. Макушин, который в 1868–1873 гг. занимал должность смотрителя томского духовного училища, вводя ряд улучшений в сфере обучения, воспитания и содержания его учеников. В этом же номере на следующей странице было опубликовано объявление-обращение «для сведения заведующих сельскими школами» – список книг, в основном новинок, изданных в 1871–1873 гг. и имеющихся в книжном магазине Михайлова и Макушина. В статье о сельских школах также говорилось о выделении средств для закупки учебной литературы. Действительно, увеличение числа учебных заведений означало расширение числа потребителей печатной продукции. Возможно, соседство этих трех публикаций не было случайным и означало своеобразный рекламный ход со стороны учредителей новооткрытого книжного магазина, обоснование его необходимости для сибирского региона.

Тема образования на страницах неофициальной части была продолжена с учреждением в Томске новых учебных заведений – 21 августа 1877 г. открылось реальное училище, а 26 августа 1880 г. состоялась закладка здания первого сибирского университета. Вновь тема университета зазвучала со страниц газеты 24 января 1876 г. со-

общением о пожертвовании 100 тыс. руб. почетным гражданином Томска золотопромышленником З.М. Цибульским (1876. № 4). Пятнадцать лет назад Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» определяли вопросы естественного и высшего образования как крайне необходимые для просвещения и экономического развития края, но, как и в ситуации с основанием сибирских губернских ведомостей, особое административно-правовое положение Сибири приводило к задержке реализации тех нововведений, которыми уже пользовались губернии Европейской России.

Времена изменились. Н.М. Ядринцев вернулся в Омск в качестве помощника нового генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, который придал делу открытия университета в Сибири практическое направление. Теперь взгляды областников и сибирской администрации совпадали. Томский губернатор В.И. Мерцалов и председатель губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов развивали мысли о благотворном влиянии образования для управления, гражданского и материального развития Сибири, население которой по «мере увеличения числа учебных заведений» достигло, наконец, в своем развитии потребности в «приобретении высших научных университетских познаний»³⁹⁰. Более того, речь Дмитриева-Мамонова (1847–1915), будущего историка и председателя Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, содержала прямые цитаты статьи Н.М. Ядринцева «По поводу сибирского университета», напечатанной в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (1864. № 5):

³⁹⁰ Приведем некоторые выдержки из текстов речей, опубликованных в газете: «Среди школ реальные, как имеющие своим предметом обучение наукам опытным, имеют важное значение, ибо степень развития и распространения реальных знаний в данной стране находится в непосредственной связи с развитием ее культуры и материального богатства» (*Об открытии Томского реального училища* [речь А.И. Дмитриева-Мамонова] // Томские губернские ведомости. 1873. № 40. 13 окт. С. 4.); «...университетская наука всегда была проводником начал добра, истины, порядка и чести; такие же начала, как мы убеждены, будет проводить и наш университет живым словом своих профессоров» (*Речь*, произнесенная председателем Комитета по возведению зданий Сибирского университета в г. Томске [В.И. Мерцаловым], при закладке сих зданий, 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 36. 13 сент. С. 4.); «Созвездия, которые светят сибирскому университету, – это сознание народной массы в потребности и пользе образования и развивающаяся гражданская и экономическая жизнь Сибири» (*Речь*, произнесенная при закладке Сибирского университета членом высочайше учрежденного Строительного комитета по постройке того университета А.И. Дмитриевым-Мамоновым // Томские губернские ведомости. 1880. № 37. 20 сент. С. 4–5).

«С давних пор наши юноши отправляются в российские университеты, за тысячи верст, часто чуть не пешком, без всяких средств в жизни. Их можно встретить и на смрадных чердаках столицы, и в бедных каморках провинциальных университетских городов».

«Много опасностей и тяжких трудов, много страданий от разных неустройств и притеснений пришлось перенести нашему населению в этот прошлый период исторической жизни, что вместе с участью Сибири, как ссыльной колонии, положило на него тот мрачный колорит, который вызвал слова нашего историка: “о, где столько пролито слез, как на земле Сибири, и стала ли она теплее, благословеннее?” Этот прошлый период, отличающийся завоевательным характером, народными эмиграционными стремлениями рядом с правительственными заселениями, представляет только попытки к осуществлению той гражданской жизни, полное и совершенное развитие которой должно осуществиться в будущем».

Н.М. Ядринцев

«...юноши Сибири начинают все в большем и большем числе отправляться в российские университеты, за тысячи верст, без всяких средств к жизни, поселяясь на чердаках столиц и в бедных каморках провинциальных университетских городов».

«Трехвековой, многострадальный, преисполненный неустройствами, омрачаемый ссылкой исторический период жизни Сибири просветился в конце учреждением университета! Этот прошлый период, отличавшийся завоевательным характером, колонизационными стремлениями, принудительными правительственными заселениями, представляет лишь в конце своем попытку к развитию гражданской жизни»

А.И. Дмитриев-Мамонов

Основную роль в наступлении знаменательного события ораторы (положение обязывало) отводили деятельности правительства. День коронации Александра II, выбранный для основания университета, должен был напоминать (и не без оснований), что дело «распространения реальных знаний» и «университетской науки» в Сибири есть результат высочайшей милости «державного преобразователя». В.М. Флоринский, ставший в 1885 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа, в своей речи проводил мысль, что, с одной стороны, идея сибирского университета «с самого начала текущего столетия составляла заботу высшего правительства», но в то же время «ясно осознавалась просвещенными людьми того времени»³⁹¹. Он очень развернуто и красноречиво обосновал необходи-

³⁹¹ Высказанные в речи мысли Флоринский воспроизвел и в своих воспоминаниях, где также последовательно доказывал, что строительство первого сибирского университе-

мость высшего образования в Сибири, рассказал о материальном и кадровом обеспечении университета, представил перспективы его развития и развития в этой связи города Томска³⁹². Архитектор М.Ю. Арнольд ознакомил собравшихся с проектом университета и остановился на предстоящих трудностях в его реализации³⁹³. В действительности между членами строительного комитета не было такого единодушия, как это может показаться при прочтении официальных выступлений; отношения были неприязненными и конфликтными, о чем будут писать позднее в своих воспоминаниях В.И. Мерцалов и В.М. Флоринский³⁹⁴.

День закладки главного здания университета был освещен в самом ближайшем выпуске газеты – № 34 от 30 августа 1880 г. Переодовая «Томск, 26 августа» была подготовлена неизвестным автором³⁹⁵, принявшим на себя «обязанность присяжного репортера». События были представлены им по часам в соответствии с официальным сценарием организуемых торжеств, призванным подчеркнуть нравственно-религиозный характер церемонии и народное единство в понимании происходящего. Для этого автор подробно описывал крестный ход к будущему «святилищу науки» и народ, собравшийся в березовой, теперь университетской, роще³⁹⁶. В.И. Мерцалов подверг статью цензурной правке – из нее был изъят следующий абзац: «Не знаменательно ли, в самом деле, когда представим себе, что с постройкою родного университета для нас,

та производилось главным образом на государственные средства, а не на частные пожертвования (Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина. СПб., 1906. Январь. С. 83–84; Март. С. 594–596).

³⁹² Речь профессора В.М. Флоринского, произнесенная при закладке Сибирского университета, 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 36. 13 сент. С. 4–5.

³⁹³ Речь, произнесенная строителем Сибирского университета инженер-архитектором М.Ю. Арнольдом, на торжественном акте по случаю закладки университетских зданий, 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 37. 20 сент. С. 5–7.

³⁹⁴ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. № 7–9. С. 52–53; Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина. СПб., 1906. Март. С. 580–581; Июнь. С. 602–604.

³⁹⁵ В начале репортажа указывалось, что речи, представленные публике, «мы в свое время поместим в н а ш е й (разрядка моя. – В.Ш.) газете». Возможно, это означало, что автором был редактор «Томских губернских ведомостей» Н.И. Сухопаров.

³⁹⁶ «И среди этой картины громадная масса народа – в благоговейной тишине и какой-то торжественной сосредоточенности»; «Здесь, без преувеличения можно сказать, соединился весь народ земли Сибирской в лице своих представителей ... торжествующий, радостный»; «Народ ликовал, несмотря на то, что, может быть, только отчасти и смутно сознавал величие той минуты, которую он переживал» (Томск. 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 34. 30 авг. С. 3).

сибиряков, проходит “сень законная” и наступает новая эра духовной жизни, новая благодать...». Возможно, губернатора смутили те ассоциации в оценке доуниверситетского и университетского периодов сибирской истории, возникающие при употреблении библейского оборота «сень», подчеркивающего различия между ветхозаветными и новозаветными установлениями.

Быстро меняющаяся международная жизнь также подбрасывала газете темы для освещения. № 31 от 8 августа 1870 г. содержал перепечатку телеграмм из «Правительственного вестника» (начавшего выходить с 1869 г. вместо «Северной почты») о событиях июля 1870 г. от Эмской депеши до объявления Францией войны Пруссии. С № 32 к этим перепечаткам добавились еще более оперативные телеграммы Русского телеграфного агентства (РТА), получаемые непосредственно редакцией «Томских губернских ведомостей»³⁹⁷. Они содержали самые последние «горячие» сведения с театра военных действий. Начав чтение № 34 с телеграмм «Правительственного вестника», можно было узнать о поражениях французов при Верте, а на последней странице, где размещались телеграммы РТА, уже сообщалось о пленении Наполеона под Седаном, движении немцев на Париж и о провозглашении в нем республики. Таким образом, томский читатель информировался о последних событиях в Европе, коренным образом менявших расстановку политических сил. Надо сказать, что и современного читателя, уже знающего, чем окончилась «борьба двух величайших держав Запада», эти on-line сообщения захватывают и создают ощущение причастности к живой, на глазах свершаемой истории. Если в первое время преобладали телеграммы из Берлина и других немецких городов, готовых дать отпор воинственным приготовлениям Наполеона III, то с первыми победами прусской армии сочувственная тональность сместилась в сторону Франции.

Чтобы помочь читателю разобраться в происходящих событиях и сделать это в определенном русле, с 1871 г. появилась рубрика «Заграничные известия. Общее обозрение», также перепечатываемая из «Правительственного вестника». В ней содержались аналитические выкладки и комментарии по поводу лишения папы светской власти, сдачи Парижа, Лондонской конвенции, положения Франции

³⁹⁷ Еще в 1866 г. Русское телеграфное агентство обратилось к Министерству внутренних дел с просьбой об учреждении при редакциях местных ведомостей губернских отделений агентства (РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. 1871 г. Л. 3–4).

после подписания мира и т.д. Лояльное отношение к свержению монархии и установлению республиканской формы правления контрастировало с описанием Французской Коммуны («роковой день 18 марта», «самозванное правительство», «мятежные вожди красных», «гибельная анархия» и т.д.). После окончания войны и революции рубрика продолжала информировать читателя и высказывать предположения о дальнейших событиях в Европе и в мире. До № 29 от 24 июля 1871 г. она выходила в каждом выпуске неофициальной части, затем только эпизодически (№ 43, 48) и наконец исчезла. Основным автором газеты вновь стал Н.А. Костров.

С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. внешнеполитический обзор возобновился. В официальной части № 19 от 14 мая 1878 г. был опубликован Манифест Александра II об объявлении 12 апреля войны Турции. Такое опоздание было вызвано его поздним обнародованием в Томской губернии (в Барнауле прочтение Высочайшего обращения о вступлении русских войск в пределы Турции было прочитано 2 июня, «когда уже всякий от мала до велика знал о нем из газет»³⁹⁸). Неофициальная часть № 23 от 11 июня 1877 г. открывалась сообщением о военных действиях 5–7 июня на дунайском и кавказском направлениях. Последующие номера также содержали подробные отчеты о ходе кампании, правда, с большим опозданием, однако в редакции газеты была открыта подписка на прямое получение правительственных телеграмм из действующей армии с платой 1 руб. в месяц для томичей и 1 руб. 50 коп. для иногородних (1877. № 35). Информация повышенного спроса стала выгодным товаром, но предоставлялась она по себестоимости, не принося какого-либо дополнительного дохода типографии. На период с июня по сентябрь 1877 г. таких подписчиков было 182 (1877. № 39). Для того чтобы следить за ходом военных действий, читателям за небольшую плату предлагалось приобрести общую карту Балканского полуострова и карты отдельных балканских стран (1877. № 25).

Сибирь не оставалась в стороне от патриотического подъема, охватившего страну. Уже в 1876 г. в ведомостях появились сообщения об отправке средств в пользу жителей Герцеговины и Боснии (1876. № 1, 5), а затем в адрес Славянского благотворительного комитета (1876. № 11, 32, 36). В 1877 г. в Томске и других городах губернии

³⁹⁸ *Томские губернские ведомости*. 1877. № 27. 9 июля. С. 6.

был организован сбор пожертвований в пользу раненых русских солдат и их семей (1877. № 29, 32, 43, 44, 47; 1878. № 6, 17). Впервые в черно-белой газете был использован цвет – красный крест предварял обращение Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах к населению с призывом о пожертвовании перевязочных средств (1877. № 39). В статье по поводу собрания членов Барнаульского комитета Общества, подписанной криптонимом «S.M.S.», говорилось, что «минувшая русская народная война была и будет эпохой в жизни г. Барнаула и всего Алтайского округа. <...> Если в наших столицах светло праздновались знаменитые геройские победы наши, то с не меньшим ликованием и радостью спешили в церковь на призыв соборного колокола, возвещавшего падение Плевны, и жители г. Барнаула, неся в кружку на больных и раненых воинов свою трудовую копейку»³⁹⁹. Откликнулась далекая от черноморского побережья Сибирь и на призыв верховной власти к сбору средств на создание «добровольного флота» ввиду возможной войны с «царицей морей» (1878. № 17–23).

В качестве отдельной темы, которая волновала все русское общество и о которой рассказывала неофициальная часть «Томских губернских ведомостей», можно выделить публикации о покушениях на Александра II. О первом из них – выстреле Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. – в Томске стало известно уже на следующий день благодаря телеграфной связи (появившейся в Томске в 1863 г.). При получении этого известия в благородном собрании был произнесен тост за здоровье императора, а утром 6 апреля по окончании литургии и молебна министру внутренних дел П.А. Валуеву отправлена верноподданническая телеграмма. Об этом было напечатано в «Томских губернских ведомостях» (№ 14 от 15 апреля; предыдущий выпуск был сдвоенный – № 12–13 от 25 марта – 8 апреля) на последней странице под заголовком «Извещение». Об имени преступника и его принадлежности к «крайним социалистам» было сообщено в следующем номере (№ 15–16 от 22–29 апреля). При этом ссылка давалась не на центральные издания, а на телеграмму министра внутренних дел вятскому губернатору, опубликованную в «Вятских губернских ведомостях». Это сообщение было подано как новость на первой странице неофициальной части.

³⁹⁹ *Томские губернские ведомости*. 1878. № 17. 6 мая. С. 4–5.

В дальнейшем тема получила освещение на основе перепечаток из официальной «Северной почты». Читатель подробно информировался об обстоятельствах покушения, чувствах радости жителей Петербурга по поводу чудесного спасения императора, личности крестьянина Осипа Комиссарова, отведшего в сторону руку стрелявшего (№ 18 от 13 мая; статья занимала 1 ¹/₃ газетного листа). Все прошедшие события в зарифмованной форме пересказывались в стихотворении Н.П. Жандра «4 апреля 1866 г.» (№ 19 от 20 мая; ³/₄ листа). Но бо́льшая по объему публикация (2 ¹/₄ листа) была озаглавлена «О преступнике Каракозове и его сообщниках» (№ 35 от 9 сентября; № 36 от 16 сентября). Из статьи, также перепечатанной из «Северной почты», можно было узнать о революционной группе «Ад», о цели неудавшегося царевубийства («произвести общее волнение и революцию в государстве»), о существовании в Петербурге и Москве социалистических кружков и разногласиях между ними, о планах освобождения Н.Г. Чернышевского из сибирской ссылки, о попытках устройства рабочих коммун, о готовящемся «хождении в народ», об общенародной земельной собственности при социализме, о связи русских социалистов с польскими повстанцами и с другими «вредными деятелями» – «учредителями различных не разрешенных правительством обществ, бесплатных школ, читален, артелей и т.п. ассоциаций».

Нельзя дать оценку события, не рассказывая о нем. В результате у провинциального обывателя, не имевшего других источников информации, создавалась картина широкого и опасного заговора против монархии (чем и воспользовалось правительство для проведения арестов неугодных лиц и усиления «охранительных» начал). Для читателя, умеющего читать между строк и пропускающего вполне понятные оценочные суждения о первом русском террористе⁴⁰⁰, статья представляла собой «политинформацию» о ходе «освободительной борьбы» с самодержавием. Видимо, ситуация невозможности и неслыханности происшедшего (русский дворянин, не поляк, стреляет в Петербурге в царя-реформатора, царя-освободителя) требовала подробного рассмотрения личности этого молодого человека и среды, его породившей. В результате следствие, квалифицировав покушение Каракозова как преступ-

⁴⁰⁰ «Злоумышленник», «злодей», «злодейский замысел», «страшное преступление», «преступный замысел», «зловредные учения социализма».

ление и доказав отсутствие смягчающих вину обстоятельств, так и не вскрыло причины его⁴⁰¹, упомянув только, что продолжительность и последовательность действий злоумышленника «исключает всякую возможность приписывать действия сии ненормальному состоянию умственных способностей». Приговор суда по делу Каракозова был опубликован в № 37 от 23 сентября.

Так, в 1866 г. в связи с экстраординарным происшествием на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» впервые появились статьи, не «относящиеся до местности», но освещающие политические события общероссийского масштаба. Начало издания «Северной почты» сопровождал циркуляр Министерства внутренних дел, допускающий перепечатку из нее статей в неофициальной части губернских ведомостей, «имеющих особое руководящее или пояснительное значение»⁴⁰². В 1863 г. было разрешено перепечатывать из официальных изданий – «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg» – «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления». В 1865 г. по ходатайству томского губернатора Г.Г. Лерхе это положение было распространено и на «Томские губернские ведомости»⁴⁰³. Заимствование статей из головного органа избавляло их от повторного просмотра на местах. Предусматривалось лишь «наблюдение» за такими перепечатками со стороны вице-губернатора.

К дню 4 апреля «Томские губернские ведомости» обращались еще неоднократно. Статью об открытии в начале 1867 г. на средства купца И.А. Толкачева церкви в Мариинской женской гимназии написал новый редактор неофициальной части Н.И. Стефанов⁴⁰⁴, который не пожалел хвалебных слов в адрес жертвователя и его супруги – попечительницы гимназии. П.И. Фризель вычеркнул показавшееся ему излишним, в ущерб другим томским храмам, предложение: «Одним словом, эта церковь будет, ве-

⁴⁰¹ Под силу это оказалось сделать только Ф.М. Достоевскому в «Бесах».

⁴⁰² *Алфавитный указатель к сборнику циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1858–1868 гг.* / Д. Чудновский. СПб., 1874. С. 26.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 73–74 об.

⁴⁰⁴ С 14 февраля 1864 г. Н.И. Стефанов был назначен редактором, начальником газетного стола и смотрителем типографии губернского правления (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1378. Л. 4об.–5). Однако редактором неофициальной части газеты продолжал оставаться Д.Л. Кузнецов.

роятно, одною из более посещаемых избранным обществом»⁴⁰⁵. В благочестивом жанре, соответствующем должности, расставил приоритеты между духовным и светским началами в образовании отец-законоучитель Вахх Гурьев: «Никакие учебные пособия, никакие библиотеки, ученые кабинеты и другие образовательные и воспитательные средства и способы не могут иметь такого великого значения и влияния в учебном заведении, как Храм Божий...»⁴⁰⁶. Такой нарочитый клерикализм вполне отвечал представлениям общества о вмешательстве божественного провидения в судьбу начатых в стране реформ, тем более если учитывать, что Закон Божий был среди первых предметов в системе русского образования. Сам «знаменательный день 4 апреля» также праздновался в Томске и сопровождался сбором пожертвований в пользу бедных⁴⁰⁷. Автором заметки, помещенной на последней странице ведомостей, был И.Ф. Русанов, редактировавший неофициальную часть газеты в 1862 г. Еще через год, в 1868 г., было сообщено об открытии богадельни в селе Назаровском Ачинского округа Енисейской губернии, где на стену столовой повесили портрет Комиссарова-Костромского⁴⁰⁸.

Повод для новых тревожных публикаций представился очень скоро. 25 мая 1867 г. польский эмигрант Антон Березовский стрелял в Александра II во время его визита в Париж на Всемирную выставку. 27 мая в 13.30 председатель Томского губернского правления М.Н. Берестов получил соответствующую телеграмму министра внутренних дел, которая была немедленно напечатана в особом приложении к № 20 томских ведомостей от 26 мая. В следующем номере от 2 июня газета вновь писала о торжественных богослужениях о здравии монарха в церквях всех вероисповеданий, об атмосфере праздника, в которую погрузился город, и о посланных в столицу об этом телеграммах. Никаких подробностей о покушении на этот раз не сообщалось, только спустя два месяца в № 29 от 28 июля из

⁴⁰⁵ Стефанов Н. Об освящении в Томской Мариинской женской гимназии новоотстроенной церкви во имя св. Марии Магдалины // Томские губернские ведомости. 1867. № 2. 13 янв. С. 3.

⁴⁰⁶ Вахх Гурьев. Слово по освящении храма в Томской Мариинской женской гимназии, устроенного иждивением потомственного почетного гражданина Ивана Толкачева, в память события 4 апреля 1866 г. // Томские губернские ведомости. 1867. № 2. 13 янв. С. 4.

⁴⁰⁷ Русанов И. Томск. 4 апреля 1867 г. // Томские губернские ведомости. 1867. № 15. 21 апр. С. 5.

⁴⁰⁸ Освящение и открытие Комиссаровской богадельни в селе Назаровском Ачинского округа // Томские губернские ведомости. 1868. № 17. 3 мая. С. 9.

№ 143 «Северной почты» был перепечатан текст о предании Березовского суду, из которого ясны были мотивы его поступка. Об окончании процесса и о приговоре сообщалось в № 146 «Северной почты», но в томскую газету эта информация не попала. Возможно, в сравнении с аналогичным делом Каракозова наказание было слишком мягким – с учетом «облегчительных обстоятельств» Березовский был приговорен к пожизненной каторжной работе в Новой Каледонии. В память об этом событии в Барнауле 26 июня 1868 г. была заложена часовня⁴⁰⁹. На церемонии присутствовал находившийся в городе великий князь Владимир Александрович. В № 32 от 12 августа 1872 г. по этому поводу были напечатаны стихи горного инженера и поэта А.Н. Таскина.

Третье покушение на императора, когда 2 апреля 1879 г. в него стрелял А.К. Соловьев, уже не подавалось как экстренная новость. В № 16 от 28 апреля 1879 г. лишь указывалось, что «в ознаменование дня чудесного спасения жизни его величества» жители Бийска открыли подписку на строительство церкви Александра Невского и на устройство городского, вместо существующего приходского училища⁴¹⁰. О попытке взрыва императорского царского поезда 19 ноября 1879 г. и о взрыве в Зимнем дворце 12 февраля 1880 г. в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» также не говорилось ничего. В № 7 от 14 февраля 1881 г. лишь вновь сообщалось о благотворительной акции, приуроченной к известию о сохранении «священной жизни государя», – учреждении ежегодного сбора в пользу раненых и больных воинов в 2 коп. с души крестьянами г. Ануйска⁴¹¹. Через месяц в официальной части № 11 от 15 марта 1881 г. было опубликовано распоряжение о создании 12 февраля Верховной распорядительной комиссии по сохранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Увы, покушение на императора из события экстраординарного превращалось в обыденное, едва ли не рутинное. Чудесное спасение уже не воспринималось и не отмечалось как всенародный праздник, о котором можно было подготовить восторженный материал и объя-

⁴⁰⁹ *Протоиерей Стефан Ломшаков*. Краткое поучение с благословения преосвященнейшего епископа Томского Алексея, сказанное в Барнаульском Петропавловском соборе 26 июня 1868 г., – день, назначенный для закладки на полицейской площади часовни в воспоминание чудесного сохранения 25 мая 1867 г. жизни государя императора Александра Николаевича в столице Французской империи // Томские губернские ведомости. 1868. № 39. 4 окт. С. 14.

⁴¹⁰ *Пожертвование* // Томские губернские ведомости. 1879. № 16. 28 апр. С. 4.

⁴¹¹ *Томские губернские ведомости*. 1881. № 7. 14 февр. С. 3.

вить о благотворительной подписке. Когда на жизнь государя посягали террористы-одиночки, их действия можно было объяснить фанатизмом или мстью со стороны поляков, но вызов со стороны идейной организации, возможности которой подтверждались дерзостью покушений и еще более преувеличивались слухами, повлек за собой не только туманные объяснения о «заблуждающейся молодежи», но и ограничение информации из центра событий. Местным властям предписывалось ужесточить цензурный контроль, чтобы «издаваемые в губернии газеты не печатали никаких известий и рассуждений относительно чрезвычайных событий (покушения на императора, арест террористов и пр.) и ограничивались только перепечатками из “Правительственного вестника”»⁴¹². О финале «охоты на царя» узнаем из официальной части № 10 от 7 марта 1881 г., вышедшей в черной траурной рамке, где на первой странице приводились телеграммы Министерства внутренних дел томскому губернатору. Более подробно о произошедших событиях сообщалось только через месяц – в неофициальной части № 14 от 4 апреля 1881 г.: в рубрике «Сведения из газет» содержалась корреспонденция «Московских ведомостей» о самом теракте, присяге Александру III и панихиде в Исаакиевском соборе. В последующих № 15–21, в той же рубрике, приводился рассказ (по сути – интервью с места событий) полицмейстера А.И. Дворжицкого, описание церемоний прощания с императором и казни народовольцев. Местных материалов не было. Тональность публикаций подчеркивала всеобщую скорбь и негодование по поводу случившегося, особенно трогателен рассказ «Петербургского листка» о возложении венка на грудь «Отца и Благодетеля» прибывшими в Петербург крестьянами (1881. № 16). Однако за прошедшие с первого покушения 15 лет русское общество и печать изменились. Даже в провинциальной официальной газете религиозный монархический пафос соседствовал с натуралистическими описаниями телесных повреждений и физического угасания императора, который предстал не как «Венценосный Вождь», а как обычный человек, испытавший в последние минуты своей жизни нестерпимую боль и мучительные страдания. Описание сцены казни народовольцев также было выполнено в стилистике зрелища, развертывающегося во времени шаг за шагом, с участием солдат, палачей, священников, народа и самих осужденных, с вниманием к их поведению и внутреннему состоянию в ходе

⁴¹² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 732. Л. 71.

исполнения приговора (1881. № 18). Правда, управляющий казенной палатой М.А. Гиляров, исполнявший функции цензора вместо отсутствующего В.И. Мерцалова, вычеркнул те абзацы ($1/5$ статьи), в которых осужденные на казнь описывались как активные персонажи и еще живые люди, смотревшие по сторонам, переговаривающиеся, улыбающиеся и бодро входящие на эшафот. Вот Рысаков «что-то заговорил, но барабанный бой прервал его речь», Михайлов «поспешил сам оттолкнуть скамейку и тяжестью своего тела вырвал веревку из рук палача». Героизация поведения царевичей, допущенная в центральных газетах, показалась Гилярову чрезмерной. «Печать всю, и столичную и местную, кроме катковских “Ведомостей”, он считал излишнею и вредною», – такую характеристику о Гилярове оставил Е.В. Корш⁴¹³.

В 1880 г. томским губернатором стал В.И. Мерцалов, который обратил внимание на неудовлетворительное материальное положение губернской типографии и попытался сделать неофициальную часть губернской газеты более разнообразной по содержанию⁴¹⁴. Ведением рубрики занялся канцелярский служащий Н.И. Сухопаров, вступивший в должность начальника газетного стола, смотрителя типографии и редактора губернских ведомостей вместо скончавшегося в июне 1880 г. Н.И. Стефанова⁴¹⁵. С № 31 от 9 августа 1880 г. появилась новостная рубрика – «Сведения из газет», в которой приводились дословно и в форме пересказа с комментариями новости из центральных изданий как общероссийского характера, так и относящиеся к Сибири (рис. 13). Объем сообщений неофициальной части в сравнении с официальной увеличился до 41% (в сравнении с 32 % в 1879 г.).

⁴¹³ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 433.

⁴¹⁴ В 1862 г. В.И. Мерцалов, чиновник особых поручений при кяхтинском градоначальнике А.И. Деспот-Зеновиче, возглавил «Кяхтинский листок», после смерти его первого редактора П.С. Андруцкого.

⁴¹⁵ Николай Иванович Сухопаров родился в Томске в 1847 г. в семье священника. Окончил Томскую духовную семинарию, в 1873 г. продолжил обучение в Казанском университете с обязательством последующей службы в Западной Сибири. С третьего курса Сухопаров вышел на службу помощником делопроизводителя в Семипалатинское областное правление. В 1876 г. приписан к правлению без содержания по болезни, а в 1878 г. по личному прошению вышел в отставку, но пробыл в ней всего месяц, поскольку не отслужил своего содержания в университете. В 1878 г. Сухопаров перевелся в Томск, где вначале был определен без жалованья в штат Томского общегубернского управления, в 1879 г. – заседателем томского окружного суда, а затем столоначальником. В новую должность со штатным жалованьем в 393 руб. 50 коп. был назначен 23 июля 1880 г. в возрасте 33 лет (ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 19–24).

Рис. 13. Тематика (включая вычеркнутые цензурой публикации) рубрики «Сведения из газет» за время ее существования (1880. № 31. 9 августа – 1882. № 4. 23 января).
Первая цифра указывает общее число публикаций, вторая в скобках – из них о Сибири.

Рис. 14. Источники заимствования в рубрике «Сведения из газет»

Однократные перепечатки были произведены из таких изданий, как «Берег», «Век», «Восток», «Заря», «Неделя», «Россия», «Санкт-Петербургские ведомости», «Семипалатинские областные ведомости», «Сибирь», «Страна», «Современные известия», «Суфлер», «Томские епархиальные ведомости», «Церковно-общественный вестник»; двукратные – из «Биржевых ведомостей», «Русского курьера», «Сибирской газеты», «Современности» и «Страны». В некоторых случаях пересказывалось содержание заметок из нескольких центральных газет.

Хотя губернским ведомостям запрещалось печатать слухи о готовящихся правительственных мероприятиях и материалы «легкого» содержания, именно такие публикации преобладали в рубрике «Сведения из газет». Какой-то системы в их подборе не было. Читатель становился причастным как к общероссийским событиям (например, реформы в сфере университетского образования (1880. № 31, 33), голод в Самарской и Саратовской губерниях (1881. № 10)), так и касающимся Сибири (о возможном введении мировых и земских учреждений (1881. № 4), об открытии в Томске «Сибирской газеты»

(1881. № 8), о разрешении ссыльным заниматься торговлей и промышленностью (1881. № 13)), и в то же время его информировали о рождении пернатого ребенка (1880. № 32) и захоронении живой женщины во Франции (1881. № 4). Такие сообщения должны были удивить и развлечь, придать газете занимательный характер.

Обращает на себя внимание интерес к сфере образования и готовящимся в этой области правительственным реформам, очевидно, в связи с тем, что Томску предстояло стать первым центром высшего образования в Сибири. В выборе изданий для перепечатки не наблюдалось какого-либо «идейного» направления. Такие солидные и влиятельные газеты, как «Голос» А.А. Краевского и «Новое время» А.С. Суворина, соседствовали с произведениями «малой прессы» – «Петербургским листком» и «Молвой», «тонкими» журналами для широкой читающей публики – «Огонек» и «Нива». «Правительственный вестник» – рекомендуемый Министерством внутренних дел как основной источник для перепечаток – занимал в этом ряду весьма скромное место (рис. 14).

В рубрике можно обнаружить и авторское начало самого редактора. Так, сообщение о «неисправностях» в церквях Томского и Каинского уездов, где описывались частые в среде духовенства пороки, заключалось следующими словами: «Мы опустили имена священников, памятуя, что *nomina sunt odiosa* [имена ненавистны], в епархиальных же ведомостях все пропечатано подробно. А еще Сибирь жалуется на недостаток гласности! Во всяком случае, это пример, достойный примечания. Пусть же и на нас не обижаются, если кое-кого нам приходится величать по имени-отчеству» (1881. № 5). Перепечатку многословной статьи из «Сибири» об «идеалах» и расширении народного образования Н.И. Сухопаров предварил таким незамысловатым обоснованием: «Эта статья так хорошо изложена, так правдиво, что вследствие ее появления в печати мы позволяем себе напечатать выдержки из нее» (1881. № 6).

В этом же номере появилась подрубрика «Русская печать». Однако В.И. Мерцалов, внесший два исправления, вычеркнул один абзац в статье о расширении прав и полномочий земских учреждений, которых в Сибири не было, в конечном итоге перечеркнул сверху вниз всю колонку, написав с досадой «все чепуха», – для ведения неофициальной части необходим был более подготовленный человек, имевший журналистский опыт. Вообще «Сведения из газет» доставляли много хлопот. Их нужно было редактировать, и Мерца-

лов лично делал пометки и вычеркивал неподходящие материалы. Так, из № 35 от 6 сентября 1880 г. была удалена заметка из «National Zeit» о том, что в России дела осужденных по подозрению в нигилизме будут пересмотрены и тысячи арестованных молодых людей уже освобождены. В № 37 от 20 сентября рубрика была перечеркнута полностью, она содержала статьи о возможности семинаристам получать высшее образование и о возможной передаче бракоразводных дел из духовного ведомства в общие суды. После этих поправок в публикации рубрики наступил большой перерыв, она возобновилась с № 50 от 20 декабря 1880 г., возможно, по причине недовольства губернатора, но скорее всего по причине того, что Сухопаров, по собственному его признанию, с ноября «был одержим болезнью, состоящей в излишнем употреблении спиртных напитков»⁴¹⁶. В конце февраля 1881 г. он был направлен Томским губернским правлением в больницу, а 25 февраля отстранен от должности в связи с возбуждением дела о злоупотреблении по типографской части. Рубрику «Сведения из газет» продолжил новый редактор газеты К.К. Горт-де-Гротт⁴¹⁷, стараниями которого с № 13 от 28 марта 1881 г. к ней добавилось «Иностранное обозрение». С № 44 от 7 ноября 1881 г. газета приобрела новый заголовок – вместо линейного он выполнялся в виде волны, что придавало первой странице некоторую игривость.

При В.И. Мерцалове страницы неофициальной части стали активно использовать властные органы для ответа на критические заметки в центральных изданиях (рубрики «Письмо в редакцию» и «От начальника Томской губернии»). Так, томский полицмейстер А.П. Дзержинский в опровержение корреспонденции из Томска в газете «Голос» сообщал, что он запретил актерам, играющим полицейских, надевать только погоны, а не мундиры и что арестованный за бесчинства в театре молодой человек застрелился не от позо-

⁴¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 40.

⁴¹⁷ Карл Карлович Горт-де-Гротт происходил из потомственных дворян и по окончании юридического факультета Петербургского университета, в возрасте 23 лет, в 1877 г. был причислен к Главному управлению Западной Сибири без содержания. Исправлял должность секретаря томского присутствия по крестьянским делам. В 1878 г. по собственному прошению уволен со службы, с 1879 г. – чиновник по особым поручениям с исполнением функций инспектора губернских типографий и литографий. Горт-де-Гротт редактировал «Томские губернские ведомости» в течение года, с № 11 от 14 марта 1881 по № 10 от 6 марта 1882 г., до приглашения в газету В.И. Мерцаловым Е.В. Корша. После исполнения должности редактора, начальника газетного стола и смотрителя типографии в апреле 1882 г. вышел в «чистую отставку» (ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53а. Л. 119–124).

ра, вызванного сопровождением его до дома городовым, а «будучи в ненормальном состоянии вследствие продолжительных кутежей» (1881. № 14). Частный пристав Звенигородский приводил подробную историю поимки разбойника Лиханова, который «грабил, с оружием в руках, без разбора всякого встречного и поперечного, и поэтому, кроме всеобщего страха, никакого другого впечатления ни на кого не производил». В фельетоне же «Сибиряка» (Н.М. Ядринцева), помещенном в «Молве», убитый при поимке преступник изображался как «враг капитала и чиновников», имя которого, «окруженное ореолом решимости, отваги и щедрой благотворительности к бедным, готово было перейти в песни и легенды» (1881. № 16). Сам губернатор отвечал «Молве» на сообщение о принуждении крестьян наваливать снег на дорогу для большего удобства проезда генерал-губернатора Западной Сибири (1881. № 17). Эти публикации необходимы были не только для информирования местного общества, читавшего столичные газеты, но и адресовались вышестоящему начальству – в случае претензий и замечаний с его стороны можно было сослаться на опровержение, напечатанное в официальной местной газете.

Таким образом, несмотря на то, что преобладающим направлением неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг. была публикация историко-этнографических и статистических сведений по Томской губернии, газета, являясь единственным местным периодическим изданием, не утратила своего общественного значения, оперативно освещая события не только городской, но и внутриполитической и международной жизни в контексте реакции на них местного общества и сообразно с правительственной точкой зрения. Эти публикации не были проблемными и полемическими (что было характерно для частной прессы), а имели, по большей части, новостной информационный вид.

В условиях террора против императора усилились функции неофициальной части как проводника официального мнения для оказания определенного воздействия на провинциального читателя. Поставщиком информации, комментариев и соответствующих настроению власти оценок стала открытая в 1862 г. П.А. Валуевым умеренно-либеральная «Северная почта» (в 1869 г. газета была реорганизована в «Правительственный вестник», ставший головным органом в системе губернских официальных газет).

В рассматриваемый период в «Томских губернских ведомостях» появились новые жанры, присущие газетной прессе, – авторские репортажи, телеграммы, обзоры центральной прессы о событиях в России и за рубежом, перепечатанные из центральных газет интервью, сообщения в жанре «сенсация». Новые рубрики «Сведения из газет», «Заграничные известия» и «Иностранное обозрение» были призваны не только вывести газету за рамки местных событий, сделать ее читателя сопричастным общероссийским и мировым процессам, но и выполняли свойственную газете прогностическую функцию – информировали читателя о том, что может произойти в ближайшем будущем.

Конечно, все вышеприведенные публикации в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» за 15 лет не составят содержания и нескольких выпусков современной «Российской газеты» и едва ли превысят количество статей за два-три месяца выхода «Восточного обозрения», но тем не менее они были и задавали определенное направление согласно меняющейся общественно-политической ситуации и интересам читательской аудитории. Соответственно, содержание газеты в этот период шире утверждения Н.М. Ядринцева о том, что с 1866 г. «Томские губернские ведомости» «падают до прежнего своего уровня и наполняются одним сырым этнографическим и историческим материалом»⁴¹⁸.

С середины 70-х гг. XIX в. «Томские губернские ведомости», как и другие официальные газеты Сибири, оказались в новых условиях – они утратили свой монопольный характер, частная пресса, первые органы которой в Восточной Сибири были недолговечны, стала активно развиваться, приобретая общесибирское и общероссийское звучание, сосредоточивая в себе лучшие литературные и журналистские силы. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь» (выходила до 1887 г.), в 1881 г. П.И. Макушиным и А.В. Адриановым была учреждена «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н.М. Ядринцев основал в Петербурге бесцензурное «Восточное обозрение» (в 1888 г. издание перенесено в Иркутск). Не вдаваясь в вопрос об идейно-политической окраске этих изданий, в которых тесно переплетались либеральные, социалистические и областнические взгляды, подчеркнем только их общий оппозиционный, «обличительный» характер по отношению к существующим социальным порядкам и местной администрации. Частная пресса в Сибири, как

⁴¹⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 670.

и в России, становилась параллельным официальной власти центром общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами. «Дружный триумвират»⁴¹⁹, сосредоточенный на разработке местных вопросов в яркой и критической форме, с вовлечением читателя в обсуждение, оттеснял губернские ведомости на второй план. Конкурентные отношения в области типографского дела теперь устанавливались в деле газетном. В Томске ситуация принадлежности открывшегося частного и прежнего государственного печатного органа к информационным площадкам различных общественных сил была обозначена уже в первом номере «Сибирской газеты»: «Весьма желательно, чтобы наши губернские ведомости кроме мертвых статей и официального отдела собирали бы материал по различным отраслям нашей жизни и т.д. Собираание материалов из официальных источников и отчетов администрации не имеет большой цены именно по своей бюрократической официальности»⁴²⁰.

В начале октября 1881 г. председатель казенной палаты М.А. Гиляров, не выдавший пропускного билета на выпуск № 11 «Сибирской газеты» 10 мая 1881 г., в неофициальной части № 38 «Томских губернских ведомостей» от 3 октября этого же года опубликовал свою «краткую, но правдивую историю» об этом деле. Исполнявшего функции цензора не удовлетворил тот объем печатного пространства, который предоставила ему для «восстановления факта в точной его полноте» редакция «Сибирской газеты» в № 12 от 17 мая, и последующее обхождение с этим объяснением петербургских газет «известного пошиба». На страницах же «своей» газеты, спустя более четырех месяцев, когда «все газетные звоны и трезвоны умолкли», Гиляров объяснял, что действовал по закону, который предоставил ему право вычеркивать некоторые статьи и не допускать к публикации номер с пустыми колонками как свидетельство косвенного протеста против цензуры (по разъяснению Главного управления по делам печати). Ограничившись этими формальными основаниями своих действий, Гиляров снимал с себя обвинения в произволе, хотя так и не объяснял, почему он все-таки «порезал» официальные сообщения.

⁴¹⁹ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 31.

⁴²⁰ Сибирская газета. 1881. № 1. 1 марта. С. 16.

В условиях, когда организовывалось многотрудное дело строительства университета, которое необходимо было исполнить, минуя «половинщиков казны»⁴²¹ и, безусловно, не минуя, как и во всяком новом и ответственном деле, критических стрел со стороны других его участников (в особенности не несущих материальной и служебной ответственности), необходимо было продолжить усиление позиций регионального официального печатного органа⁴²². Позже из 8 пунктов обвинений, предъявленных В.И. Мерцалову департаментом полиции⁴²³, губернатор согласился только с одним – с тем, что он допустил уголовного (не политического) ссыльного заведовать неофициальной частью газеты: «Хотя закон»⁴²⁴ и разрешал мне пригласить для этого дела лицо по моему усмотрению, но приглашение Корша – сознаюсь – было ошибкой с моей стороны, хотя вынужденной»⁴²⁵. Евгений Валентинович Корш (1852–1913) – присяжный поверенный, с высшим юридическим образованием, оказавшийся в Сибири за подлог и подделку векселей⁴²⁶, воспринимался Мерцаловым как «опытная рабочая сила»⁴²⁷, задействуя которую, можно

⁴²¹ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. № 4–6. С. 22; № 7–9. С. 60.

⁴²² С 1 июля 1880 г. в Томске начали выходить «Томские епархиальные ведомости», укрепившие сектор местных официальных изданий.

⁴²³ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина... С. 18–19.

⁴²⁴ Видимо, речь идет о Временных правилах о преобразовании губернских учреждений Министерства внутренних дел в 37 губерниях и Бессарабской области (8.06.1865): «На счет типографских сумм могут быть определяемы, в случае надобности: 1) особый редактор неофициальной части ведомостей без предоставления, однако же, ему, по сему званию, прав государственной службы, почему он и может быть назначаем из лиц постороннего ведомства или вовсе не служащих...» (ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42180. Ст. 10).

⁴²⁵ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина... С. 27.

⁴²⁶ Необходимо отметить, что в 1873–1877 гг. в должности редактора «Томских губернских ведомостей» уже работал один ссыльный – Витольд (в православии – Иосиф) Афанасьевич Парфианович – 18-летний студент Петербургского университета, оказавшийся в 1864 г. в Томской губернии за участие в польском восстании. Он перешел в православие, женился и отказался, по собственным словам, от «польских стремлений и фантазий», написав на имя губернатора А.П. Супруненко прошение о принятии в государственную службу. С 11 августа 1873 г. в чине коллежского регистратора он стал редактором обеих частей газеты (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1163, 1282, 1415).

⁴²⁷ Евгений Валентинович Корш (1852–1913) родился в семье журналиста, историка литературы и переводчика В.Ф. Корша. В 1877–1878 гг. в Петербурге издавал и редактировал ежедневную газету «Северный вестник», закрытую за «вредное» направление, выразившееся в публикации письма революционерки Веры Засулич. Корш имел довольно богатое «освободительное» прошлое, которое делало его политически неблагонадежным – он был защитником на «процессе пятидесяти» (1877 г.) и на «процессе 193» (1877–

было привлечь частных подписчиков, поднять тираж ведомостей и использовать их для сообщения населению «правильных» взглядов и сведений «в противовес тем инсинуациям и превратным толкам о сибирских порядках, какие постоянно печатались в маленьких газетах обеих столиц»⁴²⁸.

Оценка деятельности Е.В. Корша как журналиста и редактора⁴²⁹ до сих пор дается под влиянием мнения Н.М. Ядринцева, который практически в каждой из своих публикаций, посвященных сибирской прессе, не забывал определить «физиономию» и классифицировать деятельность своего конкурента, подчеркивая собственное лидерство в газетном деле: «Если мы присоединим сюда еще ссыльных жуликов-адвокатов, разжигающих страсти капиталистов в Томске...»⁴³⁰; «... сибирские города наводнены ловкими людьми из ссыльных шулеров, червонных валетов, бывших адвокатов»⁴³¹; «Как устраиваются некоторые, может служить доказательством совмещение некоторых должностей: домашний секретарь и советник губернатора, распорядитель губернской типографии, редактор губернских ведомостей, служащий в конторе, частный поверенный, агент телеграфа; за всё тысячи 4 в год, кроме разных случайных доходов»⁴³²; «По смерти князя Кострова “Томские губернские ведомости” совершенно падают. Ведомости редактировались в это время каким-то сосланным за подлоги адвокатом Евг. Коршем, который заправлял губернской типографией и официальной газетой. В 1883 г.

1878 г.), предоставлял собственную квартиру для проведения собраний общества «Земля и воля», а для расходов «землевозвращенцев» на его имя был открыт счет в банке. Корш также сыграл главную роль в организации отъезда Засулич за границу после суда в 1878 г. (Жулякова Н.В. Корш Евгений Валентинович // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 166; Жулякова Н.В. Творческая биография Е.В. Корша (к вопросу о деятельности ссыльных в провинциальной печати) // I-формат. Журналистика провинции : альманах / под ред. Г.Г. Матишова, В.А. Шаповалова, О.И. Лепилкиной. Ставрополь, 2010. Вып. 6. С. 156–166).

⁴²⁸ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина... С. 27; Точно такого же мнения придерживался и генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, направивший в Главное управление по делам печати 16 января 1882 г. ходатайство о расширении программы вверенных его контролю ведомостей (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 6. 1882 г. Л. 1–3об.).

⁴²⁹ Находясь в Томске, Е.В. Корш занимал и вполне официальную должность помощника ревизора томской контрольной палаты.

⁴³⁰ Ядринцев Н.М. Борьба с печатью в Сибири // Восточное обозрение. 1884. № 23. 7 июня. С. 12.

⁴³¹ Ядринцев Н.М. Прошлое и будущее сибирской печати // Восточное обозрение. 1885. № 22. 30 мая. С. 12.

⁴³² Ядринцев Н.М. Черная банда в Сибири // Восточное обозрение. 1884. № 21. 24 мая. С. 11.

является попытка вступить в борьбу с местной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитирует официальный орган и приводит к уничтожению всякой неофициальной части. Губернские ведомости не могли уже соперничать с возникшею в Томске частною печатью»⁴³³. Позже Корш стал отвечать той же монетой в открытом им в 1885 г. «Сибирском вестнике», а в своих воспоминаниях не скупился на черную краску для создания портрета «сибирского величества» и «генерал-патриота», который, влекомый «оскорбленным самомнением и затаенной злобой», развязал по отношению к нему «гнусную, беззастенчивую травлю»⁴³⁴.

Надо сказать, что пуризма в газетном деле не наблюдалось с самых первых страниц истории сибирской печати – П.П. Сумароков, игравший главную роль в редакции «Иртыша, превращающегося в Иппокрену», также принадлежал к уголовным ссыльным, лишенным дворянства и отправленным в Тобольск за подделку сторублевой ассигнации. Не был подвергнут остракизму сибирской общественностью и современник Ядринцева В.А. Долгоруков, лишенный княжеского титула и сосланный в Сибирь за подлог в составе участников дела «червонных валетов» 1877 г., описанного в одноименном романе К.М. Станюковича. С 1889 г. Долгоруков занимался в Томске адвокатской практикой, в 1899 г. организовал выпуск первого в Сибири иллюстрированного журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (с 1901 г. «Сибирский наблюдатель»)⁴³⁵, в котором публиковались многие представители сибирской интеллигенции, в том числе и областнических взглядов (например, А.В. Адрианов).

После выхода Корша из состава редакции «Сибирской газеты» из-за конфликта с Ядринцевым Мерцалов предложил ему занять должность редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», которую он стал подписывать в таковом качестве с № 13 от 27 марта 1882 г.⁴³⁶ Изменились время выхода газеты и ее внешний вид. С № 14 от 10 апреля 1882 г. неофициальная часть ста-

⁴³³ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885. С. 370–371.

⁴³⁴ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 435, 439.

⁴³⁵ Скворцов Г.В. Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 103.

⁴³⁶ Кроме того, незадолго до своей отставки (видимо, в конце 1882 или начале 1883 г.) Мерцалов поручил Коршу исполнять должность секретаря томского губернского статистического комитета, вакантную после смерти Н.А. Кострова (Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 442).

ла выходить отдельно от официальной, с № 17 от 29 апреля 1882 г. – не в конце недели (по пятницам с 1857 г. и по субботам с 1870 г.), а по четвергам. Если ранее вся газета не превышала 8 страниц, то теперь неофициальная часть располагалась на 16–24 страницах, со сквозной нумерацией каждой из двух колонок на листе. Впервые в истории «Томских губернских ведомостей» неофициальная часть по объему превысила официальную – 71,9 % против 28,1 % в 1882 г. и 63,3 % против 36,7 % в 1883 г. Заголовок вновь приобрел линейную форму и обрамлялся информацией о стоимости подписки и объявления, условиях приема статей в газету и местоположении редакции.

Газету открывало рекламное сообщение о подписке на неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» (при этом оформить ее можно было с текущего месяца)⁴³⁷. С № 31 от 5 августа 1882 г. к этому сообщению добавилась выдержка из официальной программы издания, которая была самостоятельно расширена Коршем: «...относящиеся до Сибири сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и пр.; текущие известия общественной жизни Сибири; сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве и пр.; известия из России, известия из-за границы и частные объявления».

После анонса содержания следовали одна-две большие публикации, посвященные Томску, Томской губернии или касавшиеся общесибирской проблематики. Это мог быть статистический отчет о Томской губернии, составленный самим Коршем (1882. № 15–21), перепечатка статьи Н.М. Ядринцева из «Известий Русского географического общества» (1882. № 17–21), отчет о ходе строительства сибирского университета (1882. № 23), статья редактора о возможностях приобретения сибиряками сельскохозяйственных машин (1882. № 30), его же репортаж об открытии в Томске Владимирского детского приюта (1882. № 40). В соответствии со своим образованием Корш выступил в новом для газеты жанре – юридического комментария к нововведенному закону о пошлинах с наследства применительно к местным условиям (1883. № 9).

С № 23 от 10 июня 1882 г. передовую статью стали предварять телеграммы о международных и общероссийских событиях (в мае

⁴³⁷ Подписка на 8 месяцев с доставкой на дом – 3 руб., для иногородних – 3 руб. 50 коп.; на 6 месяцев – 2 руб. 25 коп., для иногородних – 2 руб. 50 коп.; на 4 месяца – 1 руб. 75 коп. и 2 руб. и т.д. Отдельный номер оценивался в 15 коп., его можно было купить в конторе губернских ведомостей и у разносчиков.

1882 г. Мерцалов просил разрешения министра внутренних дел Д.А. Толстого публиковать телеграммы и статьи из частных изданий в «Томских губернских ведомостях», чтобы «вызвать живой интерес к этому ближайшему официальному органу»⁴³⁸). После того как распорядитель Корш сделался агентом новооткрытого Северного телеграфного агентства и стал получать оперативную информацию непосредственно из Петербурга, телеграммы стали занимать иногда вторую и даже третью страницы газеты. При этом читатели губернских ведомостей, выходивших в четверг, могли знакомиться с последними зарубежными и столичными известиями раньше – «Сибирская газета» выходила по воскресеньям.

Далее следовали основные рубрики – «Сибирская хроника», «Известия из России», «Известия из-за границы», «Разные известия», «Справочные известия» и «Частные объявления». Две первые были сопоставимы по объему, в соответствии с мнением редактора неофициальной части, что Сибирь является частью России и не может жить только своей жизнью (это мнение позже станет программным заявлением «Сибирского вестника»). Рубрики, посвященные последним мировым событиям и «разному» (занимательная и познавательная информация), вместе взятые, как правило, не превышали «Сибирской хроники» и «Известий из России».

«Сибирская хроника» соответствовала своему названию и пестрела мелкими датированными сообщениями как о прошедших, так и будущих событиях жизни Томска, городов и сел губернии и других местностей Сибири. Широкий территориальный охват обеспечивался ссылками на «Сибирь» (50), «Сибирскую газету» (25), «Восточное обозрение» (16), «Иркутские» (20), «Семипалатинские» (16), «Акмолинские» (16), «Енисейские» (8), «Тобольские» (8) ведомости и другие местные газеты. Выбирались статьи о Сибири и из центральных газет – «Нового времени» (29), «Голоса» (25), «Московских ведомостей» (17) и др.

Одним из главных источников информации для газеты стали собственные добровольные корреспонденты, число которых увеличивалось из номера в номер. География сообщений выглядела следующим образом: Мариинск (16), Барнаул (13), Бийск (8), Каинск (6), Павлодар (5), Енисейск (5), Иркутск (3), Нарым (3), Семипалатинск (2), Кузнецк (2), Колывань (1), Красноярск (1), Усть-Каменогорск (1), Тюмень (1), Тобольск (1), Омск (1). Владивосток (1), сообщения из сельской местности – 53.

⁴³⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 1–5.

Корреспонденции без указания авторства предварялись словами «нам пишут», «нас извещают», «нам сообщают», «нас уверяют». Другим способом указания на сообщение с мест было приведение места и даты описываемых событий (например, «Из Парабельской волости Томского округа, 4 августа (Корреспонденция “Томских губернских ведомостей”)»). Всего за период редакторства Корша в неофициальной части было опубликовано 123 такие корреспонденции, 61 из них была подписана собственными именами, псевдонимами или криптонимами (рис. 15, 16).

Рис. 15. Авторы, составители, корреспонденты и источники заимствованных публикаций в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1882–1883 гг.

В 1882 г. сообщения, письма и заметки с мест подписали 11 человек: А.С. Еленев (директор краснойярской гимназии), Аполлон Киселев (священник, с. Тулинское Бердской волости; он же, видимо, писал под псевдонимом «Крестьянин»), Н.В. Скорняков (енисейский купец), К. Мицкевич (Бийск), Павел Чепик (Павлодар), Б. Поляновский (Бийск), А. Ермолаев (Томск), Григорий Котов (Бийский округ), Н. Минский (Томск), И. Комельский (Барнаул), Васильев (томский младший ветеринарный врач). В 1883 г. к ним добавились еще 7 авторов: Дорофей Шунков (Нарым), Михайловский (бийский окружной врач), П. Архипов (Мариинск), В. Покровский (Барнаул), И. Ефимов (Александровск).

ровский завод), В. Шкаев (с. Риддерск), П.Ф. Серапионов (Усть-Каменогорск).

Пожелавшими остаться неизвестными в 1882 г. были 9 человек: «Мих. Сперанский» (с. Битково Чингинской волости), «Конец» (Мариинск), «Бедный еврей» (Томск), «Каинец» (Каинск), «Один из соседей» (д. Атамонова Бердской волости), «М.С.» (Барнаульский округ), «М» (Бийский округ), «С» (Енисейск), «О-ъ» (Барнаул). 1883 год поражает обилием сокращений, всего же 25 подписей: «Еврей» (Томск), «Я» (Павлодар), «П» (село Салаир), «Н.Б.», «П.В.» (Кузнецк), «Старый театрал» (Барнаул), «А.» (Тюмень), «В-ъ» (Мариинск), «В.В.» (Иркутск), «О-ъ» (Мариинск), «Л-ий» (Семипалатинск), «Як. Ж.» (Красноярск), «Старожил» (Каинск), «Летописец» (Бийск), «Ш-ъ» (Тобольск), «П. С-ха» (Томск), «Д.Ш.» (Нарым), «П.» (Павлодар), «Томский старожил» (Томск), «Л.Р.» (Барнаул), «Гр.» (Владивосток), «Посторонний человек» (Барнаул), «Я.» (Каинск), «Я.-Пъ» (с. Ояшинское), «Наблюдатель» (Бердская волость). Вновь появились в газете имена старейших корреспондентов «Томских губернских ведомостей» – крестьянина П. Школдина⁴³⁹ и С. Еким-барова⁴⁴⁰, приславших свои материалы еще в 1859–1860 гг. Возобновил свои этнографические публикации об алтайцах В.И. Вербицкий⁴⁴¹.

⁴³⁹ Школдин Павел. Барнаул, 22 октября 1882 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») [о призыве новобранцев в Барнауле] // Томские губернские ведомости. 1882. № 44. 4 нояб. С. 863–864; Школдин Павел. Село Крутиха, Барнаульского округа, 10 ноября 1882 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») [о ярмарках в с. Крутиха и их влиянии на быт жителей] // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. 25 нояб. С. 961–962.

⁴⁴⁰ Село Маслянинское Николаевской волости Барнаульского округа, 29 января 1883 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») // Томские губернские ведомости. 1883. № 6. 10 февр. С. 124; Село Маслянинское Барнаульского округа, 11 мая 1883 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») // Томские губернские ведомости. 1883. № 20. 26 мая. С. 384–385; Из Барнаульского округа (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») // Томские губернские ведомости. 1883. № 24. 23 июня. С. 445.

⁴⁴¹ Вербицкий В.И. Сказка у алтайских инородцев // Томские губернские ведомости. 1882. № 33. 19 авг. С. 532–534; № 42. 21 окт. С. 810–812; № 44. 4 нояб. С. 872–874; № 45. 11 нояб. С. 902–904; 1883. № 8. 24 февр. С. 169–171; № 14. 7 апр. С. 288–299; № 15. 14 апр. С. 316–318; № 16. 28 апр. С. 335–337.

Рис. 16. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1882–1883 гг.

В «Сибирской хронике» Корш следовал за текущей ситуацией, не пропуская сколько-нибудь интересных для читателя фактов. Корреспондировали обо всех значимых для провинциального захолустья событиях – о небывалом урожае черемухи в Мариинске и о неудачных гастрольях в Томске фокусника Страуса (1882. № 37), о вреде сельских кабаков (1882. № 44), об археологических находках в курганах с названием «Татарские юрты» (1882. № 47), о материальном положении сельских врачей (1882. № 50), тараканах и сыром белье в банных номерах (1883. № 11) и т.п. Если же не случалось никаких местных событий, то, не уподобляясь хроникерам из рассказов О. Генри, принимавшимся за сочинение сенсаций, редактор так и сообщал об этом читателю: «Неделя полного затишья! В городе почти не произошло ничего такого, что стоило бы занести в нашу хронику. Лето вступило в свои права, и даже заседание думы, назначенное на 9 июля, не состоялось за неприбытием достаточного числа гласных»⁴⁴².

Вновь, как и в период работы в ведомостях Н.А. Кострова, появились статьи о городах Сибири – о хозяйственных занятиях и жителях Нарыма (1882. № 22; 1883. № 24), Мариинска (1882. № 23; 1883. № 8), Каинска (1882. № 24), Бийска (1882. № 25; 1883. № 4), Колывани (1882. № 26, 39), Барнаула (1882. № 47). Иногда эти заметки напоминали ученические сочинения, но местное происхождение автора

⁴⁴² *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 28. 15 июля. С. 369.

усиливало ценность сообщаемых сведений, позволявших увидеть те изменения, которые произошли в жизни этих городов за 15 лет.

Письма могли нести характер оправдания или частного мнения по какому-либо вопросу, содержали непроверенную информацию, что могло спровоцировать дальнейшую дискуссию или недовольство упомянутых лиц. Например, бухгалтер томской городской управы Шишлов в ответ на заметку о выдаче им жалованья фиктивно существующим городовым (1882. № 36) отправил в газету заявление, в котором доказывал непреднамеренный характер своих действий (1882. № 39). В этом же номере сообщалось об отсутствии контроля со стороны еврейской общины за пожертвованиями в пользу трех томских синагог и о продаже мест в одной из них на аукционе. «Торговать можно всем, но не правом молиться в синагоге в годовой праздник. Церковь должна бесплатно отворять свои двери каждому прихожанину, а не закрывать входа в храм божий для бедняков, не имеющих денег для уплаты за место», – заключал свое сообщение «Бедный еврей» (1882. № 39). Если последняя заметка не повлекла за собой открытого обсуждения, то «дело о бухгалтере» дополнилось публикациями о его злоупотреблениях в той же должности в тюменской управе (1882. № 42) и намерением Шишлова привлечь к суду за клевету сообщившего эти сведения гласного Ефимова (1882. № 45).

Дискуссию вызвала статья о методах преподавания в воскресных школах. Ее автор Н. Минский, побывав на открытом уроке, замечал, что учительницы выбирают неудачные вопросы и материал для чтения, при этом назывались конкретные фамилии педагогов⁴⁴³. Смотритель училищ Томского и Мариинского округов П.А. Буткеев вступился за свое ведомство⁴⁴⁴. Упреки в «шутливости и поверхностном отношении» к единственной в Сибири воскресной школе прозвучали и со стороны «Сибирской газеты»⁴⁴⁵, на что Н. Минский отвечал, что «воскресная школа – дело общественное и подлежит публичной критике»⁴⁴⁶.

⁴⁴³ Минский Н. Томские Воскресные школы // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. 25 нояб. С. 954–957.

⁴⁴⁴ Сибирская хроника // Томские губернские ведомости. 1882. № 48. 2 дек. С. 987–988.

⁴⁴⁵ Хроника // Сибирская газета. 1882. № 48. 28 нояб. С. 1223.

⁴⁴⁶ Еще о воскресных школах (по поводу письма П.А. Буткеева) // Томские губернские ведомости. 1882. № 49. 9 дек. С. 1014.

Сведения о происшествиях перестали составлять отдельную рубрику, из полицейских донесений и сибирских газет выделялось только то, что представляло собой «событие» в соответствии с извечным интересом читающей публики к скандалам и чужим смертям. Во всех доступных деталях и предположениях относительно причин и мотивов излагались случаи самоубийств, смертей насильственных и по неосторожности, обнаружения трупов, грабежей и «скандальных» происшествий в общественных местах. Провинциального драматизма незамысловатым преступлениям (похищение муки из амбара, убийство мужем жены) добавляла форма подачи такого рода информации – вначале сообщалось о найденном теле или о случае кражи так, как будто это дело еще не было выяснено, затем следовали подробности расследования и только в конце читатель узнавал о личности преступника и его поимке. Иногда для поддержания читательского интереса заметка заключалась фразой «подробности в следующем номере».

Между «Сибирской хроникой» и «Известиями из России» размещалась вторая большая публикация номера, посвященная, как правило, также местной проблематике («Иркутская городская библиотека» (1882. № 16), «Сибирская выставка в Париже» (1882. № 17), «Крестьянские переселения» (1882. № 25), письмо в редакцию «Кузнечный промысел в Салаирской волости» (1882. № 27), очерк Н.П. Григоровского о крестьянине-кулаке из Нарымского края (1882. № 30), речь вице-председателя Географического общества П.П. Смирнова по поводу трехсотлетия Сибири (1883. № 2) и т.д.). Здесь же, в подрубке «Новая книга» или «Книжные новости», размещалась сибирская библиография. С началом гастролей труппы из Екатеринбурга Корш стал вести регулярную «Театральную хронику» (с № 42 от 21 октября 1882 г.), в которой давал характеристику драматургу и сценическим талантам актеров, по свежим впечатлениям, сразу после спектакля, завершая свою рецензию указанием на время ее составления (например, «20 октября, 12 часов ночи»).

Следующая по объему большая статья отделяла «Известия из России» от «Известий из-за границы» и рассказывала о каком-либо значимом общероссийском событии (учреждение Крестьянского земельного банка (1882. № 14), процесс по «делу двадцати» (1882. № 17), об экспонатах всероссийской выставки в Москве (1882. № 22–38, 41) и т.д. Иногда таких публикаций было несколько. Международная тематика была представлена телеграммами Северного

телеграфного агентства. Основными ньюсмейкерами выступали европейские государства, главным образом их внешняя политика. Наибольшее количество сообщений касалось положения Турции и Египта во время Англо-египетской войны 1882 г. (261), далее следовали телеграммы из Франции (246), Великобритании (152), Австрии (132), Германии (96). В раздел «Справочные известия» попали официальные отчеты, а «Частные объявления» занимали последнюю страницу, но со второй половины 1882 г. реклама товаров и услуг могла выноситься и на первую страницу. Новая структура неофициальной части в общих чертах, с некоторыми дополнениями, сохранялась вплоть до выхода ее последнего номера⁴⁴⁷.

Несмотря на то, что в своих воспоминаниях Корш писал, что при занятии должности редактора неофициальной части он дал понять губернатору, что «не намерен помогать ему в прославлении местной губернской и окружной администрации»⁴⁴⁸, имя Мерцалова (напрямую или с указанием только должности) и его супруги появлялось довольно часто – в связи с благотворительными мероприятиями (6), губернаторскими распоряжениями и проектами (15), строительством сибирского университета (4), поездкой в Петербург (3), награждением (1), выражением верноподданнических чувств (1)⁴⁴⁹. К слову сказать, «Сибирская газета», позиционировавшая себя как частный независимый орган, также не могла обойти вниманием главное действующее лицо местного административного аппарата. О томском губернаторе Мерцалове в 1881–1884 гг. упоминалось 10 раз (даже после его отставки), а о И.И. Красовском в 1883–1884 гг. – 34 и всегда в положительном смысле.

Первые номера неофициальной части «Томских губернских ведомостей» не выходили без упоминания имени и трудов Н.М. Ядринцева. Сообщалось о вручении ему и Г.Н. Потанину медалей Русского географического общества (1882. № 13), о выступлении Ядринцева на заседании «сведущих людей» (1882. № 13), приводи-

⁴⁴⁷ Даже во время коронации Александра III, которой была посвящена половина одного из номеров неофициальной части (1883. № 19), редактор не отступил от принятой рубрикации, поместив сразу же после сообщения о праздновании этого дня в Томске очерк Н.П. Григоровского с неблагозвучным названием «Свиное дело. Из быта нарымских крестьян». Оставшиеся телеграфные сообщения о коронационных торжествах были отложены до следующего номера.

⁴⁴⁸ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 438.

⁴⁴⁹ Сообщено было ведомостями и о трагедии, постигшей Мерцалова, когда его 16-летний сын по неосторожности смертельно ранил себя на охоте (*Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1883. № 43. 3 нояб. С. 834).

лась восторженная рецензия из «Правительственного вестника» на публикацию «Поездка по Сибири и Алтайский горный округ» (1882. № 15). Был напечатан труд «одного из самых усердных исследователей Сибири» о коренных жителях Алтая (1882. № 17–20), и от лица самого Корша рекламировалось новое его большое сочинение «Сибирь как колония»: «Целая масса сведений, хорошая обработка их в живое и интересное изложение дают этой книге право на особенное внимание к ней читателя» (1882. № 17). Сообщалось и о выходе с апреля 1882 г. первых номеров «Восточного обозрения» (1882. № 19), о намерениях Ядринцева изучить сведения, собранные по программе исследования сельской общины Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (1882. № 27). Пользовался Корш ссылками и перепечатками из «Восточного обозрения». Возможно, это была определенная тактика, избранная, чтобы досадить «сибирскому величеству», но скорее всего у Корша еще не было такого неприятя своего «идейного» конкурента, которое он позднее накопил и выразил в своих воспоминаниях как ответ на все демарши в ядринцевском издании.

С № 20 от 20 мая 1882 г., в ответ на «поход против строительного комитета», начатый «Сибирской газетой» (1882. № 6) и «Восточным обозрением» (1882. № 4, 21), на страницах неофициальной части стала разворачиваться «кирпичная эпопея» по поводу обеспечения здания сибирского университета строительным материалом. Е.В. Корш обвинял «Восточное обозрение» в «извращении фактов» и заканчивал свою статью вопросом: «Достойно ли это уважающей себя и своих читателей газеты – пусть судит публика». Мягко называя утверждение «Восточного обозрения» о том, что З.М. Цибульский и П.В. Михайлов «не поставили ни одного кирпича», «неверными сведениями», редактор неофициальной части апеллировал к официальным документам – по журналу строительного комитета Цибульским и Михайловым было поставлено 1 млн 218 тыс. штук кирпича и 1 млн 620 тыс. находились в производстве (1882. № 38). Других способов обеспечения стройматериалами и скорости их изготовления в существующих условиях, по мнению Корша, добиться было невозможно, поэтому критику строительного комитета он определял как необоснованные «нападки» (1882. № 39). Впоследствии «Томские губернские ведомости» стали публиковать официальные сведения о наличных суммах и расходах строительного комитета (1882. № 47; 1883. № 17, 18, 21).

На стороне томского губернатора и купечества выступил Корш в вопросе о переносе винных складов из центра города за его пределы, поднятом томской городской думой, в связи с участвовавшими в городе опустошительными пожарами. Как юрист, он доказывал, что постановление городской думы входит в противоречие с «Уставом о питейных сборах», нарушает государственные интересы и стесняет «потребности городских обывателей» (1882. № 27). За это «Восточное обозрение» объявило ведомости «органом винных складчиков», отстаивающим «всевозможные темные дела», а статью Корша назвало «псевдо-адвокатской»⁴⁵⁰.

Обиженные «Восточным обозрением» чиновники рассматривали официальные «Томские губернские ведомости» как возможность для публичного ответа. Так, П.А. Кайдалов опровергал приводимый Ядринцевым рассказ из жизни Томска 1850-х гг., в котором разбойники, спасаясь от преследования с возом краденых белок, нашли укрытие за воротами частного пристава Порфирия Алексеевича, «знаменитости своего рода»⁴⁵¹. П.А. Кайдалов, занимавший в 1867–1874 гг. должность томского полицмейстера, обещал привлечь автора статьи к ответственности за клевету и писал, что «всякий из томичей старого времени убедится, что в эту грязную историю умышленно вменяли мое доброе имя вместо другого лица»⁴⁵². На это Ядринцев заявил, что он имел в виду не лицо, а факт (хотя упор в заметке делался именно на фамилию), и призвал лиц, знающих служение Кайдалова, написать о нем в газету⁴⁵³.

В освещении проблемных ситуаций в газете приводилась точка зрения местных властей, которая за счет печатного слова выносилась за внутренние пределы губернского управления. Например, тяжелому положению рабочих на золотых приисках, в котором либеральная печать винила прежде всего золотопромышленников, давалось более сбалансированное объяснение. Докладывавший на заседании томского губернского совета горный исправник признавал крайне необходимым установить фиксированные цены на товары в приисковых лавках, воспретить управляющим подвергать рабочих наказаниям по собственному произволу, увеличить нормы питания, ввести подробные записи условий контракта, но в то же время обращал внимание на то, что выданный задаток и свой последующий

⁴⁵⁰ *Восточное обозрение*. 1882. № 20. 12 авг. С. 4.

⁴⁵¹ Там же. № 27. 30 сент. С. 6.

⁴⁵² *Томские губернские ведомости*. 1882. № 46. 18 нояб. С. 934.

⁴⁵³ *Восточное обозрение*. 1882. № 38. 23 сент. С. 6.

заработок рабочие употребляли на обогащение «спиртоносов», в результате лишались средств к существованию и бежали с прииска, не выполнив обязательств найма⁴⁵⁴. В ответ на передовую «Восточного обозрения» о проблемах переселенческого движения в Алтайский округ, предваряемую утверждением, что оно будет приостановлено до окончательного межевания земель⁴⁵⁵, редактор «Томских губернских ведомостей» заявлял, что «томская губернская администрация *никогда не возбуждала* вопроса о приостановке переселений на Алтай, а всегда, и особенно в последние два года, указывала лишь на безусловную необходимость *организовать переселения...*»⁴⁵⁶.

Появление в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» критических заметок определялось «Восточным обозрением» как подражание обличительному тону частной прессы. Первоначально их содержание не выходило за рамки уже высказанного официального мнения (например, о результатах ревизии начальника главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского (1882. № 15, 16)) или касалось проблем повседневной жизни томичей (городское благоустройство (1881. № 19, 20, 25) или необходимости гласной раздачи пособий погорельцам (1882. № 26)). Однако от номера к номеру росло число редакторских заметок и статей, критическая направленность которых была результатом авторских наблюдений и затрагивала проблемы общественно-политической и экономической жизни Сибири, ее интересов в составе Российской империи. Так, Корш писал о крайней необходимости перенесения на Сибирь положений судебной реформы 1864 г.⁴⁵⁷, статью о музее и библиотеке Н.М. Мартыанова в Минусинске он заключал призывом «всячески содействовать развитию нового умственного центра»⁴⁵⁸, в заметке о томской городской думе призывал избирателей отказаться от выбора гласных, пропускающих думские заседания⁴⁵⁹. В большой статье «Лесное и оброчное хозяйство в Западной Сибири» гово-

⁴⁵⁴ *Побеги рабочих с золотых приисков* (Извлечено из журнала Томского губернского совета 31 марта 1882 г.) // Томские губернские ведомости. 1882. № 29. 22 июля. С. 394–397.

⁴⁵⁵ *Постановка переселений в Сибирь* // Восточное обозрение. 1882. № 23. 2 сент. С. 1.

⁴⁵⁶ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 39. 30 сент. С. 703.

⁴⁵⁷ [Корш Е.В.]. Суды и следователи в Томской губернии // Томские губернские ведомости. 1882. № 35. 2 сент. С. 584–586.

⁴⁵⁸ [Корш Е.В.]. Музей, библиотека и кабинет учебных пособий в Минусинске // Томские губернские ведомости. 1882. № 42. 21 окт. С. 818.

⁴⁵⁹ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 31. 5 авг. С. 458.

рилось о малоодоходности и недостатках организации лесной промышленности⁴⁶⁰. Задетый за живое М.А. Гиляров, возглавлявший казенную палату, отправил в редакцию ведомостей письмо, в котором заявлял, что в этой должности, при существующих условиях управления и финансирования, делал и делает все возможное для увеличения доходов казны⁴⁶¹. Корш опубликовал письмо в авторском варианте, но со своими подстрочными комментариями, и теперь уже на страницах «Сибирской газеты» Гиляров упрекал Корша в том, что тот «высказывает то, чего не было и нет в Томской губернии»⁴⁶². Ответ Корша Гилярову был напечатан незамедлительно⁴⁶³.

С самого момента своего основания «Томскими губернскими ведомостями» освещалась деятельность «Общества попечения о начальном образовании» – его устав, состав, собрания и благотворительные мероприятия (1882. № 19, 29, 30, 31, 40, 45). Корш сам входил в «Общество» и в числе 19 фамилий был отмечен его председателем П.И. Макушиным как оказавший «сердечное содействие» в приглашении в его члены. Корш также был членом комиссии по ревизии доходов и расходов «Общества» за 6 месяцев 1882 г.⁴⁶⁴ Со страниц газеты в 1883 г. он обращался ко всем слоям томского населения с просьбой оказать «Обществу» содействие: «...рубль в год может внести каждый обыватель города, каким бы грустным пролетарием он ни был»⁴⁶⁵. Предложение об организации аналогичного добровольного общества переселенцев было обращено прежде всего к городской думе, «энергичным людям» и местным «капиталистам»⁴⁶⁶. Неоднократно и со всей прямотой писали «Томские губернские ведомости» о тяжелом, практически полунищенском материальном положении крестьян, прибывающих из Европейской России (1882. № 25, 37; 1883. № 21, 24 и др.).

С началом выборов в городскую думу в конце 1882 г. газета стала регулярно обращаться к теме местного самоуправления. «Восточное обозрение», подозревая «Томские губернские ведомости» в ан-

⁴⁶⁰ [Корш Е.В.]. Лесное и оброчное хозяйство в Западной Сибири // Томские губернские ведомости. 1882. № 38. 23 сент. С. 672–675.

⁴⁶¹ Письмо в редакцию // Томские губернские ведомости. 1882. № 44. 4 нояб. С. 859–861.

⁴⁶² Письмо в редакцию // Сибирская газета. 1883. № 1. 2 янв. С. 8.

⁴⁶³ Сибирская хроника // Томские губернские ведомости. 1883. № 2. 13 янв. С. 30.

⁴⁶⁴ Сибирская хроника // Томские губернские ведомости. 1883. № 4. 27 янв. С. 81, 83.

⁴⁶⁵ [Корш Е.В.]. Помощь начальной школе // Томские губернские ведомости. 1883. № 4. 27 янв. С. 79.

⁴⁶⁶ [Корш Е.В.]. Сибирская хроника. Помогите переселенцам! // Томские губернские ведомости. 1883. № 24. 23 июня. С. 441–442.

гажированности, называло их «органом местных богатых промышленников», однако Корш пытался влиять на настроения избирателей не в пользу какой-либо кандидатуры, а с точки зрения общих юридических и практических оснований, и критически относился к преобладанию в городском представительстве купечества. В статье «Городские выборы» Корш писал, что «нет предрассудка более вредного в выборном деле, как мысль, что нельзя обойти избранием человека почетного, занимающего известное положение в обществе... А между тем у нас (разрядка моя. – *В.Ш.*), – да и не у одних нас, – предрассудок этот оказывает сильное влияние, и сплошь да рядом наполняется белыми шарами избирательный ящик такого лица, которое не соберется и заглянуть в думу...»⁴⁶⁷. Раздражение Н.М. Ядринцева вызывало скорее всего то, что автором этих «разъяснений» был не сибиряк, а уголовный ссыльный, к тому же объединявший себя с томским обществом: «Городское самоуправление ... еще очень молодо, но оно уже имеет свою историю – общую в целом государстве и местную у нас (разрядка моя. – *В.Ш.*), в г. Томске». Корш обращал внимание избирателей на тех, кто в составе гласных принес пользу городу, и тех, кто по «неосмотрительному выбору» понапрасну расходовал городской бюджет, не упоминая фамилий, но используя понятные читателю намеки. Так, фраза «всем известна история возникновения и развития начальных школ» должна была напомнить о П.И. Макушине, основавшем «Общество попечения о начальном образовании», а упоминание о «бестолковой трате» городских средств «на выписку машин, которые только чинятся», намекало на покупку в Лондоне П.П. Набаловым паровой пожарной машины⁴⁶⁸. О ней же сообщалось и в «Сибирской хронике»: «Нас спрашивают, отчего дума не пользуется большой пожарной машиной хотя бы для поливки улиц, если ею нельзя тушить пожаров?»⁴⁶⁹.

В результате выборов по первому разряду 27 октября 1882 г. «избранными оказались исключительно представители крупных капиталов, занятые своими торговыми делами настолько, что им некогда посещать думу и с интересом относиться к ходу городских дел»⁴⁷⁰. Однако итоги голосования были обжалованы, и 16 ноября

⁴⁶⁷ [Корш Е.В.]. Городские выборы // Томские губернские ведомости. 1882. № 43. 28 окт. С. 832.

⁴⁶⁸ Там же. С. 831–832.

⁴⁶⁹ Сибирская хроника // Томские губернские ведомости. 1882. № 27. 8 июля. С. 345.

⁴⁷⁰ Там же. № 44. 1 нояб. С. 861.

состоялись перевыборы. Опубликованные в газете новые списки гласных и результаты баллотировки наглядно показывали, что количество черных шаров было существенно занижено в одном случае и завышено в другом. Например, на первых выборах Е.И. Королев получил 23 голоса «за» и 3 «против», а на вторых – соответственно 21 и 12. П.П. Набалов на первых выборах едва попал в число гласных, поскольку был в числе семи человек, получивших 15 «за» и 11 «против» (в этом случае должно было проводиться дополнительное голосование), по итогам же вторых выборов он становился вторым в списке – 26 «за» и 9 «против». В результате в числе 24 депутатов появилось 4 новые фамилии⁴⁷¹. В этом же номере газеты, в передовой статье, Корш, вновь не упоминая конкретных имен, писал, что выборы «вызвали множество толков, показали борьбу партий», и указывал на необходимость присутствия в составе думы людей с образованием, мысль которых «более подготовлена и более способна на разработку и применение тех или других улучшений в городском хозяйстве, улучшений, о которых не придет в голову подумать торговому человеку»⁴⁷². Но гласные, выбранные 18 ноября по третьему ряду избирателей, также принадлежали к купеческому сословию. Этот результат был предсказуем, и Корш в заключительной замечке, посвященной выборам, очерчивал круг предстоящих «коммунальных» работ и обращался к гласным со своеобразным напутствием: «Пожарная часть, школьное дело, вопрос о водоснабжении отдельных частей города, разные вопросы городского благоустройства: мощение улиц, освещение города и проч. <...> Много хорошего сделала только что кончившая свою службу дума; остается желать, чтобы новые гласные направили думскую деятельность вперед, чтобы добрые начинания их предшественников не пропали даром, а, напротив, упрочились бы на пользу всего городского населения»⁴⁷³.

Был отмечен в «Томских губернских ведомостях» и 300-летний юбилей присоединения Сибири к России, приуроченный к дню тезоименитства наследника престола Николая Александровича, 6 декаб-

⁴⁷¹ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 46. 18 нояб. С. 929.

⁴⁷² [Корш Е.В.]. Еще о городских выборах // Томские губернские ведомости. 1882. № 46. 18 нояб. С. 926–928.

⁴⁷³ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. 25 нояб. С. 957.

ря 1882 г.⁴⁷⁴ Телеграмма Александра III, адресованная не сибирскому обществу, а восточносибирскому генерал-губернатору, кратко, внушительно и весьма неопределенно сообщала следующее: «Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления – предметы Моих постоянных забот. Надеюсь, со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями»⁴⁷⁵. В отличие от областнической печати, которая делала упор на развитие автономных начал и роль местной интеллигенции в грядущих преобразованиях Сибири, Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» в административном, политическом и гражданском смыслах⁴⁷⁶. В формулировке и практической реализации основных направлений этого слияния – переселенческом, судебном и вопросе о ссылке – первенство отдавалось не сибирскому обществу и местной печати, а Министерству юстиции, совещанию «сведующих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, т.е. тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги. И опять Корш говорил от имени сибиряков: «внутренние силы нашей окраины», «природные богатства нашей страны», «нужды нашей страны осознаны, постепенно удовлетворяются»⁴⁷⁷. Речь В.И. Мерцалова, который, впрочем, также не был коренным сибиряком и ассоциировал себя с местным обществом лишь по причине исполнения служебных обязанностей, подтверждала, что редактор официальной газеты и местная администрация выражали и доносили до читателя сходные мысли: «...все хорошее на Руси всегда и во все времена исходило и исходит из одного источника – Верховной Власти. Если нужды нашей страны удовлетворяются, то этим прежде всего мы обязаны Великим Вождям России»⁴⁷⁸. В соответствии с традициями описания

⁴⁷⁴ Таким образом, династический и общегосударственный праздник позиционировался для Сибири как главенствующий, а трехсотлетний юбилей присоединения к России как второстепенный.

⁴⁷⁵ *Томские губернские ведомости*. 1882. № 50. 16 дек. С. 1040.

⁴⁷⁶ [Корш Е.В.]. Трехсотлетие Сибири // *Томские губернские ведомости*. 1882. № 48. 2 дек. С. 984.

⁴⁷⁷ Там же. С. 982–984.

⁴⁷⁸ *Сибирский юбилей* // *Томские губернские ведомости*. 1882. № 49. С. 1011–1012.

официальных торжеств громкое единодушное «ура» и многократное исполнение народного гимна было ответом на речь губернатора.

В № 39 от 30 сентября 1882 г. Корш выступил с программным заявлением о задачах обновленных ведомостей. Потребность «объясниться» была вызвана отношением «Восточного обозрения», которое заявляло, что «газета “прикрывает всевозможные темные дела” и является органом местных богатых промышленников». Намередаясь сделать «Томские губернские ведомости» «полным и живым изданием», редактор подчеркивал, что у них есть своя информационная ниша и свой читатель – чиновники, которые как обязательные подписчики в дополнение к служебной информации будут знакомиться с мнением и результатами деятельности местных административных учреждений, а также с хроникой губернских, сибирских, общероссийских и мировых событий. Это, по мнению Корша, «увеличит привычку к чтению в той среде, куда частная печать проникает еще очень мало, а официальная посылается обязательно»⁴⁷⁹.

Таблица 15

Упоминания и ссылки на «Томские губернские ведомости» в «Восточном обозрении» (рубрики «Хроника» и «Корреспонденции») в 1882–1885 гг.

Год	Направленность		
	Нейтральная (информативная)	Критическая	Положительная
1882	5	17	3
1883	11	20	2
1884	3	9	1
1885	1	7	

Запрет на полемические высказывания и ограничение публикуемой информации рамками факта выступали как сильные стороны ведомостей, поскольку придавали им серьезное и ответственное звучание. Можно сказать, что тем самым Корш предлагал издателю-редактору «Восточного обозрения» «мировую», своеобразный «пакт о ненападении» и разграничении сфер влияния на газетном рынке, однако он не был принят. Ядринцев пошел другим путем. Мы видим (табл. 15), что «Томские губернские ведомости» просматривались Ядринцевым очень внимательно, и из них выбирался материал, который с соответствующими комментариями мог послужить иллюстрацией недостатков системы местного управления и в критическо-

⁴⁷⁹ [Корш Е.В.]. Наши задачи (Необходимое объяснение) // Томские губернские ведомости. 1882. № 39. С. 702.

ироническом ключе трактовать деятельность самих ведомостей. Хотя присутствовали и их положительные оценки. Более того, Н.М. Ядринцев соглашался с автором статьи «Сибирские служебные привилегии»⁴⁸⁰, что «значение этой меры сводится к нулю», назначение чиновников из внутренних губерний связано с большими расходами казны и основная надежда сибирского общества в этом отношении – открывающийся университет⁴⁸¹. Автором статьи был Е.В. Корш, и Ядринцев, ссылаясь на нее, не мог об этом не знать, хотя уже высказывал свое негативное мнение в отношении первой томской газеты, ее редакторов и стоящего за проектом обновления издания томского губернатора. Статья Корша, перепечатанная «Московским телеграфом», была отмечена Главным управлением по делам печати как содержащая «огульные отзывы о чиновничестве всего края». Мерцалов был предупрежден о возможных «мерах» против появления подобных «тенденциозных статей» в местном официальном органе⁴⁸².

Сообщения «Сибирской хроники» «Томских губернских ведомостей» могли пересказываться в «Восточном обозрении» и подаваться как собственная корреспонденция⁴⁸³.

«В Томск приехал анти-спирит г. Сименс, намеревающийся дать здесь несколько представлений. Мы читали отзывы московских газет о сеансах г. Сименса, и “Русские”, и “Московские ведомости” признают за ними интерес и уверяют, что г. Сименс удачно разоблачает многие

«Томск вдруг был осчастливлен приездом анти-спирита, доктора Сименса, о котором трубили московские газеты. Публика, интересующая более общественными сеансами а ля Казенева, жадно набросилась на билеты, с намерением вознаградить себя за долговременное отсутствие каких-либо

⁴⁸⁰ [Корш Е.В.]. Сибирские служебные привилегии // Томские губернские ведомости. 1882. № 42. 21 окт. С. 797–800.

⁴⁸¹ Ядринцев Н.М. Служебные привилегии и абсентеизм // Восточное обозрение. 1882. № 37. 16 сент. С. 2–5.

⁴⁸² РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 7–7об.

⁴⁸³ На способ создания «иллюзии густонаселенного пространства» ядринцевского издания обращает внимание Ю.Л. Мандрика: «...объем приложения к № 9 за 1887 г., в котором помещен указатель публикаций “Восточного обозрения” за 1882–1886 гг., достигает 12 страниц. При этом лишь десятая часть из них имеет настоящую фамилию автора. Н.М. Ядринцев, зло высмеивавший томский “Сибирский вестник” за то, что «ни один из сотрудников этой газеты не смеет объявить своего имени, и газета издается “темными масками”», сам грешил этим. Но “темной маской” для читателя чаще всего был он сам: Добродушный Сибиряк, Семилужинский, Н.Я., Сибирский Фельетонист, Восточный Поэт, Аленич, Затуранский, Сибирский репортер, Петербургский Сибиряк и многие другие...» (Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009. С. 136–137).

спиритические фокусы <...> При полном отсутствии увеселений в Томске представления г. Сименса составят хотя некоторое развлечение для здешней публики».

*(Томские губернские ведомости.
1882. № 39. 30 сент.)*

«...Битком набитая маленькая зала общественного собрания производила прискорбное впечатление: какой-то заезжий и притом очень плохой фокусник целый вечер мучил публику самыми незатейливыми фокусами. <...> Кто читал отчеты о представлениях Казенева, тот, конечно, сразу понимал в чем здесь дело ... пусть господа, подобные г. Сименсу, не смотрят вперед на сибирскую публику, как на стадо баранов, которых может стричь любой шарлатан».

*(Томские губернские ведомости.
1882. № 41. 14 окт.)*

общественных увеселений будущей перспективой г. Сименса.

6 октября благородное собрание, где давалось представление, было битком набито народом. В первых двух действиях г. Сименс предпослал публике самый сквернейший репертуар обыкновенного фокусника.

Проделанные г. Сименсом штуки все видели ранее у посещавших в разное время г. Томск гг. Галюше, Джани, Страуса и многих других штукарей, заезжавших в сибирские захолустья пожить на счет простодушных сибиряков».

*(Восточное обозрение.
1882. № 33. 11 нояб.)*

В № 22 от 26 августа 1882 г. «Восточного обозрения» «корреспонденция» о бедственном положении прибывающих в Томск переселенцев была составлена на основе заметок из № 24 (17 июня), 25 (24 июня), 28 (15 июля) неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Сообщение о пожертвовании 500 книг членом казанской судебной палаты Орловым библиотеке сибирского университета (№ 45 от 11 ноября 1882 г.) было слово в слово воспроизведено без ссылки на источник в № 38 «Восточного обозрения» от 16 декабря. Корш, который не только получал от Северного телеграфного агентства столичные и zahraniчные известия, но и сам телеграфировал в Петербург из Томска о местных событиях, просил «Восточное обозрение» перепечатывать его телеграммы со ссылкой на источник (как делали другие издания), не ограничиваясь лишь фразой «Из Томска телеграфируют», или не использовать их вовсе, поскольку центральные газеты (преимущественно московские) уже перепечатывали сообщения из

Томска как телеграммы «Восточного обозрения» под заголовком «“Восточному обозрению” телеграфируют»⁴⁸⁴.

Если далекое «Восточное обозрение» приняло «Томские губернские ведомости» под редакцией Е.В. Корша неприязненно (хотя и пользовалось материалами ведомостей), то «Сибирская газета», с сотрудниками которой можно было встретиться на улицах и в общественных местах города, выстраивала партнерские отношения. Для томского частного органа ведомости были не мишенью для критики, а источником официальной информации. В рубриках «Хроника» и «Корреспонденции» встречаем следующее количество обращений к «Томским губернским ведомостям»: 2 (1881), 4 (1882), 21 (1883), 20 (1884). Как и «Восточное обозрение», «Сибирская газета» в отношении вопроса о сибирских привилегиях использовала ссылку на официальный печатный орган как демонстрацию позиции местных властей по этому вопросу⁴⁸⁵. Обращает на себя внимание то, что уже после прекращения отдельного издания неофициальной части «Томских губернских ведомостей» «Сибирская газета» находила в них полезную для себя и своих читателей информацию. Однако уже появилась ироничная оценка их места в общественной жизни⁴⁸⁶, а в большой статье «Задачи сибирской официальной печати» в рамках ядринцевской трактовки им отводилась роль публикатора статистических, этнографических, экономических и других сведений в рамках официальной программы («Само собой разумеется, что ведомости должны избегать всякого подражания частным органам печати»⁴⁸⁷).

Выделение неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в самостоятельное издание с отдельной подпиской, на-

⁴⁸⁴ *Томские губернские ведомости*. 1883. № 27. 14 июля. С. 407.

⁴⁸⁵ «Привилегии за сибирскую службу, имевшие в былое время свой *raison d'être*, давно уже сделались анахронизмом и Сибири в настоящее время, ничего, кроме вреда, не принесут, подбирая на службу сюда людей, желающих только нажиться и затем уехать, на что, между прочим, было указано и официальным органом, “Томскими губернскими ведомостями”» (*Сибирская газета*. 1883. № 11. 13 марта. С. 274).

⁴⁸⁶ «Любопытную картинку сообщают нам из нравов и жизни служителей сибирской Фемиды. Трое служащих Т-го окружного суда ведут спартанский образ жизни. В свободное от занятий время странствуют по кабакам, а вечером возвращаются в суд; пьют горячую воду с хлебом, заменяющую им чай, и едят сырое мясо; спят в суде. Кровать заменяют канцелярские столы, перину – вышедшие номера “Сенатских вед.”, а подушку – таковые же “Губернских вед.”» (*Сибирская газета*. 1884. № 7. 12 февр. С. 168).

⁴⁸⁷ *Задачи сибирской официальной печати* // *Сибирская газета*. 1884. № 11. 11 марта. С. 275–277.

полнение ее корреспонденциями и авторскими статьями нарушало программу официальной местной газеты, но, судя по циркулярным предписаниям Главного управления по делам печати, это было частым явлением (см. раздел 2.2). Главной причиной отстранения Корша от должности редактора неофициальной части стало не несоответствие ее обновленного вида законодательным рамкам, а непримиримая позиция Н.М. Ядринцева, который, находясь в Петербурге, через свои статьи в «Восточном обозрении», а возможно, и в устных высказываниях обращал внимание Министерства внутренних дел на то, что в Томске нарушается официальная программа ведомостей, а местный губернатор поставил во главе их уголовного ссыльного (союзником Ядринцева в борьбе с Коршем неожиданно оказался жандармский полковник Н.И. Александров, который доносил в Петербург о том, что губернатор, принимая у себя политических ссыльных или редактора газеты, заставлял его и управляющего казенной палатой Гилярова ждать в приемной⁴⁸⁸).

В фельетоне «Новый способ распространения газет»⁴⁸⁹ Ядринцев в самой пренебрежительной и гротескной форме изобразил деятельность Мерцалова, пытавшегося создать из неофициальной части ведомостей «нечто необыкновенное и далеко выходящее из скромной программы подобных органов». Слова из обращения губернатора к нижним чинам с просьбой содействовать распространению газеты, которая могла бы «заменить местному читателю дорогие столичные и провинциальные издания», расценивались Ядринцевым как стремление «вытеснить» (разрядка моя. – *В.Ш.*) все органы печати из губернии» и в директивном порядке навязать подписку на неофициальную часть. Кроме такого передергивания, не соответствовало действительности и утверждение, что в ведомостях «помещаются пока только перепечатки». Торговцы хомутами, лопатами и оглоблями – так очерчивал Ядринцев круг читателей «проворных ведомостей» в «пресловутой губернии».

Встреча Мерцалова с министром внутренних дел Д.А. Толстым завершилась требованием, чтобы подпись Корша была снята с неофициальной части, и с № 5 от 3 февраля 1883 г. ее стал подписывать начальник газетного стола Н.Е. Васильев, хотя фактическим

⁴⁸⁸ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 439–441.

⁴⁸⁹ [Ядринцев Н.М.]. Новый способ распространения газет // Восточное обозрение. 1882. № 29. 14 окт. С. 13–15.

негласным редактором продолжал оставаться Корш. В то же время министр внутренних дел, подобно пушкинской Василисе Егоровне⁴⁹⁰, разобравшись, кто виноват, наказал обоих – 27 октября 1882 г. газета Ядринцева получила предостережение. Первой из четырех статей, дискредитирующих, по мнению Толстого, сибирскую администрацию, значился фельетон «Новый способ распространения газет». Текст предостережения и кокетливо помещенное под ним объявление о подписке на «Восточное обозрение»⁴⁹¹ выглядели как своего рода обещание читателю, что 8 руб. в год с лихвой окупятся «зубастым» материалом. «Томские губернские ведомости» также дословно перепечатали распоряжение Д.А. Толстого⁴⁹².

После того как Мерцалов вынужден был уйти в отставку, назначенный вместо него И.И. Красовский (несмотря на внушения, сделанные ему перед поездкой в Сибирь Ядринцевым) тоже благоволил Коршу; более того, между ними возникли дружеские отношения. Однако «Восточное обозрение» продолжало делать свое дело, и Толстой поручил губернатору вернуть издание «Томских губернских ведомостей» в прежние законные рамки. В своем предложении по Главному управлению по делам печати министр внутренних дел спрашивал: «На каком основании в неофициальной части “Томских губернских ведомостей” допускается печатание сообщений под рубриками: “мы слышали”, “нам сообщают”, “мы узнали” и т.п., критических заметок о новых книгах, не имеющих никакого отношения к Томской губернии, театральной хроники, статей по местным вопросам, не получившим еще окончательного разрешения в установленном порядке, разных не всегда верных слухов о правительственных намерениях и предположениях, статей о предметах, касающихся

⁴⁹⁰ «Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи» (А.С. Пушкин. Капитанская дочка).

⁴⁹¹ *Восточное обозрение*. 1882. № 32. 4 нояб. С. 1.

⁴⁹² «Принимая в соображение: что газета “Восточное обозрение” своей тенденциозностью и непрерывными нападками на сибирскую администрацию стремится дискредитировать ее в глазах местного населения (статьи в № 29 под заглавием “Новый способ распространения газет”; статья в № 30 под заглавием “Подкладка сибирской благотворительности”; корреспонденция из Омска от 15 июля в № 24 и корреспонденция из Сибири в № 28), министр внутренних дел на основании ст. 50 прил. к ст. 4 (прим.) уст. ценз., св. зак. т. XIV, по прод. 1876 года, и согласно заключению совета Главного управления по делам печати определил объявить газете “Восточное обозрение” первое предостережение в лице издателя-редактора Николая Ядринцева» (*Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. 25 нояб. С. 962–963).

других губерний (например, большая статья о Минусинском местном музее) и т.д.»⁴⁹³.

Ответить на этот вопрос было нечего. Красовский вызвал Корша и приказал ему «покориться обстоятельствам» и немедленно прекратить свою работу. Новый губернатор не хотел повторить судьбу Мерцалова и отказал в просьбе довести издание до конца года, чтобы выполнить обязательства перед подписчиками. Корш писал об этом так: «Я ушел огорченный, подавленный случившимся. У меня отнималось дело, которое я вел с любовью, с надеждой, что оно разовьется и принесет пользу местному обществу, особенно в глухих сибирских захолустьях, где никаких газет не получается, а “Губернские ведомости” высылаются обязательно. Приходилось поставить крест на двухлетней работе⁴⁹⁴, похеренной одним почерком пера всемогущего министра, на радость местных поборников тьмы и общественного невежества»⁴⁹⁵. С № 37 от 22 сентября 1883 г. неофициальная часть была вновь объединена с официальной, ее объем сократился до 32,8 % (официальная часть вновь превысила неофициальную – 67,2 %).

Губернская типография «спешно приводилась в свой прежний убогий вид, на радость единственной частной, отлично оборудованной типографии»⁴⁹⁶, в которую были переданы все имеющиеся заказы. Действительно, доходы типографии, для которой Коршем были закуплены новые шрифты и дана соответствующая реклама⁴⁹⁷, сократились более чем на 2 тыс. руб. – с 6 820 руб. 98 коп. в 1883 г. до 4 775 руб. 50 коп. в 1884 г.⁴⁹⁸ «Восточное обозрение» не без торжества заключало: «С № 37 в неофициальной части будут помещаться лишь телеграммы северного агентства и те из местных известий и других статей, которые губернское начальство признает удобными для “Губернских ведомостей”». Это ограничение, как нам известно, вызвано полную бесполезностью помещаемого доселе материала, не принадлежащего ни к области официальной, ни к области частной

⁴⁹³ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 822.

⁴⁹⁴ Корш редактировал неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» 1,5 года с № 13 от 27 марта 1882 г. до № 37 от 22 сентября 1883 г. Всего им было подготовлено 75 номеров газеты.

⁴⁹⁵ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 822.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Образцы шрифтов и украшений Томской губернской типографии 1883 г. Томск, 1883. На первой странице этого рекламного проспекта имеется надпись «30 апреля 1883 г. г. Томск. Евгений Корш».

⁴⁹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 14–16, 30–31.

журналистики, но окупавшегося весьма значительною тратою казенных денег. Канцелярская литература губернских ведомостей, осмеянная со времени Гоголя, никого не удовлетворяла. Задача эта явилась совершенно бесплодною при развитии частной журналистики в провинции. Поэтому настоящую меру нельзя не признать вполне целесообразной»⁴⁹⁹.

Как далее писал Корш, чиновники губернского правления встретили решение губернатора с радостью, поскольку освобождение типографских сумм означало возвращение наградных к рождественским и пасхальным праздникам. Необходимо отметить, что издание неофициальной части в объемах 1 ½ – 2 печатных листа, подразумевающее оплату труда редактора неофициальной части (900 руб. в год), увеличило убытки губернской типографии. Издание газеты всегда было дорогостоящим предприятием, позволявшим в лучшем случае успешно сводить концы с концами. Мерцалов в своих воспоминаниях писал, что коммерческие цели организованного им проекта были достигнуты: «Частные долги вполне уплачены, кредит восстановлен, материалы доставлены в изобилии и года через два возможно было пополнить казенный долг»⁵⁰⁰. Однако пришедший ему на смену И.И. Красовский констатировал неудовлетворительное состояние губернской типографии – недоимки по ее услугам к 1884 г. составили 8 503 руб. 50 коп., а 168 должностных лиц и присутственных мест значились в должниках по подписке и за типографские работы⁵⁰¹.

Интересен вопрос о числе подписчиков на неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» периода редакторства Е.В. Корша. По его собственным словам, через 3–4 недели после начала отдельного выхода неофициальной части в 1882 г. на нее подписалось 600 человек⁵⁰². Стоимость подписки с 1 мая 1882 г. до конца года была установлена в 3 руб. для городских и 3 руб. 50 коп. для иногородних подписчиков (Корш писал о 5 руб.). Через книжный магазин С.Г. Александрова были организованы подписка, прием объявлений и розничная продажа в Омске (1882. № 33). Мерцалов упоминал о том, что тираж ведомостей (имея в виду, видимо, обе части) доходил до 1000 экземпляров⁵⁰³. В объявлении о подписке на 1883 г. стоимость одной неофициальной части газеты составляла для томи-

⁴⁹⁹ *Восточное обозрение*. 1883. № 43. 27 окт. С. 4.

⁵⁰⁰ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*... С. 27.

⁵⁰¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 4, 10–11.

⁵⁰² Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // *Исторический вестник*. СПб., 1910. № 5. С. 439.

⁵⁰³ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*... С. 27.

чей 4 руб., а для иногородних – 4 руб. 50 коп. Полный комплект, включавший официальную и неофициальную части, необязательные подписчики в Томске могли получить за 5 руб. 50 коп., а иногородние – за 6 руб. 50 коп. Для обязательных подписчиков, согласно законодательным установлениям, полный комплект ведомостей стоил, как и прежде, 3 руб. (Корш писал о том, что губернское правление за эту сумму обязано было рассылать только официальную часть). Ведомость доходов и расходов губернской типографии за 1883 г. показывает, что доход от необязательной подписки составил 633 руб. 57 коп.⁵⁰⁴

Таким образом, число необязательных подписчиков неофициальной части было около 150. Цифра 827 руб. стояла в графе «Доходы от обязательной подписки». Если предположить, что полный экземпляр ведомостей получали только обязательные подписчики, то их число будет 275. Правда, в недоимках за газету числилось 129 руб., но это не намного меняет общую картину. В 1884 г., когда неофициальная часть вновь слилась с официальной, доходы от необязательной подписки составили 360 руб. 20 коп., от обязательной – 702 руб. Значит, число необязательных подписчиков уменьшилось приблизительно в 2 раза – до 55–65 человек. Поскольку обязательные подписчики не могли отказаться от газеты, то получается, что в предыдущем 1883 г. официальную часть совместно с неофициальной получали по меньшей мере 20 человек (заметим также, что за ведомости 45 руб. состояло в недоимке)⁵⁰⁵. Признавая всю зыбкость подобных расчетов, представляется, что Корш преувеличил успех своего издания, но рост подписчиков и читателей в сравнении с предшествующим периодом налицо. Об этом же свидетельствует и возрастание объема рекламных объявлений – уже с сентябрьских номеров 1882 г. они стали занимать всю первую и одну-две последних страницы газеты. Газета развивалась, и на 1883 г. ее редактор объявлял, что в ней будут публиковаться «руководящие статьи по местным вопросам», «корреспонденции из обеих частей Сибири», «театральная хроника, критика и библиография» (1882. № 43).

Бесспорно, частные издания пользовались большей популярностью: у «Сибирской газеты» в 1881 г. было 1 165 подписчиков (из них в Томске – 311, в губернии – 569)⁵⁰⁶. В 1886 г. их было 900,

⁵⁰⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 14–16.

⁵⁰⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 30–31.

⁵⁰⁶ *Сибирская газета*. 1881. № 43. 20 дек. С. 1244–1245.

у «Восточного обозрения» – 1 300⁵⁰⁷. «Сибирский вестник» к концу 1885 г., по словам того же Корша, печатался тиражом 1 200 экземпляров⁵⁰⁸. В то же время студенты-сибиряки Московского университета считали «Томские губернские ведомости» необходимой для себя газетой, чтобы в будущем «послужить родному краю». В конце 1884 г. они обратились к губернатору И.И. Красовскому с просьбой о высылке ведомостей и «Памятной книжки Томской губернии»⁵⁰⁹. Губернатор не только распорядился высылать газету, но и лично написал студенту Семидалову о «серьезной готовности с моей стороны быть вам полезным», отправил «Памятную книжку» на 1884 г. и обещал: «Такая же книжка на 1885 г. будет выслана вам немедленно по ее выходе в свет»⁵¹⁰.

Итак, в период редакторства Е.В. Корша неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» вступила в новый этап своего развития как по форме, так и по содержанию. На предложение Мерцалова возглавить газету Корш отвечал, что будет вести дело так, как найдет это нужным. Неизвестно, губернатору ли принадлежала фраза о том, что «законом и отдельными распоряжениями установлена довольно широкая программа, толковое и умелое пользование которой может сделать губернскую газету полной и интересной»⁵¹¹, но очевидно, что, в отличие от предыдущих редакторов и авторов, Корш имел и реализовывал определенную концепцию газеты и стратегию ее дальнейшего развития, беря на себя ответственность перед читателями как подписчиками и губернатором, полностью доверившим ему составление контента неофициальной части (цензурные правки отсутствовали) и поручившим усилить коммерческую составляющую местного правительственного органа. С поставленными задачами Корш, безусловно, справился. Отдельно издаваемая неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» вышла на

⁵⁰⁷ Мандрика Ю.Л. «Восточное обозрение» – столичное издание для провинции // Акцент. Новое в массовой коммуникации : альманах. Воронеж, 2008. Вып. 3–4 (74–75). С. 41.

⁵⁰⁸ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 36.

⁵⁰⁹ Прошение подписали 13 человек: филологи первого курса П. Лепехин, Ф. Головин, А. Юшков; филологи второго курса П. Головачев, Б. Раковский, И. Шавров, П. Крылов; юристы первого курса В. Серебренников и П. Зарейский; медик первого курса Н. Кузнецов; медик второго курса В. Семидалов; естественник первого курса Ф. Касаткин; математик первого курса В. Горский.

⁵¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2245. Л. 1–4.

⁵¹¹ На это сомнение наводит очень длинный нарочитый экскурс в историю «Томских губернских ведомостей», которым Мерцалов сопровождал свое предложение о сотрудничестве (Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 438).

новый уровень. Газета приобрела обновленную устойчиво воспроизводимую структуру, ее материалы были сбалансированно распределены между Сибирью и Европейской Россией с целью придания газете универсального характера. Материалы распределялись по самостоятельным рубрикам, дробящимся на отдельные озаглавленные статьи и мелкие сообщения. За счет этого повышались удобочитаемость и информационная насыщенность – в среднем номер содержал 35–40 публикаций на различные темы. Газета нашла живой отклик у читательской аудитории – широкий круг местных корреспондентов сообщал оперативную информацию из городов и деревень не только Томской губернии, но и других сибирских местностей. Присылаемые заметки и письма на страницах неофициальной части могли вызывать дискуссию. Продолжали печататься типичные для губернских ведомостей материалы – официальные отчеты, этнографические статьи, статистические сведения, развивались прежние актуальные для Сибири темы – открытие новых учебных заведений, деятельность благотворительных учреждений, строительство университета, ссыльный и рабочий вопросы, судебная реформа, экономическое положение края. Появились новые сюжеты и рубрики – деятельность томской городской думы, переселение в Сибирь и на Дальний Восток, внутреннее положение Китая и русско-китайские отношения, театральная критика, подборка текущих хроникальных известий из жизни Томска и сибирских городов, телеграммы Северного телеграфного агентства.

Основой для больших статей были прежде всего официальные документы и сообщения, собранный местными органами власти фактический материал, что усиливало значение газеты как местного правительственного издания и официального источника информации. В отличие от «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения», в газете Корша тема современного положения Сибири и будущих перспектив ее развития хотя и разрабатывалась в либеральном ключе, но не носила ярко выраженного проблемного, нагнетающе-драматического характера. Не было, по понятным причинам, и столь любимых частными изданиями критических выпадов против местной администрации различных уровней. Высокие слова, которыми Корш заканчивал свои «Восемь лет в Сибири», говорят читателю его мемуаров о том, что «возрождение нравственного самосознания» для осужденного по уголовной статье возможно только «переменою среды и свободным трудом, который представляется единственным

верным путем к завоеванию общественного доверия и уважения в новой среде»⁵¹². Особенно в той среде, хочется добавить, от которой зависела положительная характеристика поведения сосланного.

Корш выполнял свою работу добросовестно и аккуратно, получая возможность занять себя знакомым и интересным ему делом, соответствующим его образованию и приносящим к тому же дополнительный заработок⁵¹³. Старательный подбор материала из местных и центральных газет, официальных источников, разбор и литературная обработка писем, появление новых рубрик, личное присутствие на всех значимых для жизни города культурных и общественных мероприятиях и высказывание по их поводу личного же мнения выдавали хорошего журналиста и деятельного редактора, быстро и умело вошедшего в особенности местной проблематики; но вполне естественно, что Томскую губернию Корш, как и большинство ссыльных, воспринимал как вынужденное пристанище, живя надеждой скорейшего возвращения из «сибирского сиденья»⁵¹⁴ в Петербург.

«Текущие известия общественной жизни Сибири» и «руководящие статьи по местным вопросам» – строки, которые самовольно были внесены Коршем в рекламное сообщение о программе издания, понимались им по-иному, чем в областнической прессе: он не разделял идеи «сибирского патриотизма» и его стесняло положение уголовного ссыльного. В результате «невписывания» в областническое движение и личной неприязни к Коршу редактора «Восточного обозрения» сформировалась пренебрежительная оценка неофициальной части «Томских губернских ведомостей» периода 1882–1883 гг., не соответствующая изменениям, произошедшим с газетой, но прочно закрепившаяся в историографии сибирской печати.

Амбициозность двух неординарных личностей, увлеченных своим делом, но действующих в разных направлениях, оживляла ситуацию на сибирском газетном рынке. Целью пикировки между двумя изданиями стало не только обсуждение действительной необходимости и строительства Транссибирской магистрали, развития профессионального образования или вопросов городского благоустрой-

⁵¹² Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 57.

⁵¹³ 75 руб. в месяц (Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 823).

⁵¹⁴ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 56.

ства, но и привлечение читательской аудитории⁵¹⁵. В ряду корреспонденций с мест и городских новостей преобладали те, что составляли хозяйственный или бытовой интерес обывателей с различным уровнем образования и информационными запросами: когда вскрыется река и, следовательно, начнется судоходство, ожидается ли повышение цен на хлеб и муку, каковы виды на урожай, как идет переоценка домов в городе, как будут раскладываться земские повинности и будет ли построено новое здание театра. Из номера в номер чередой шли сообщения о пожарах, эпидемиях дифтерита, падеже скота, изменениях погоды, прибытии в Томск очередной партии ссыльных, неисправном состоянии городских тротуаров. Действительно, такой круг вопросов можно назвать «фонарной литературой»⁵¹⁶, но он составлял историю провинциальной жизни. И разве плохо, когда на улице регулярно зажигаются фонари и действует водопровод?

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба официальной томской газеты, если бы не ревнивое отношение к ней и ее редактору отца сибирской областнической печати, признававшего только за своим изданием право на «руководящие суждения». Столкновение с частной прессой закончилось поражением, но стало новым этапом в истории «Томских губернских ведомостей». В конечном итоге проведенная Ядринцевым «зачистка» информационного пространства привела к появлению более серьезного конкурента – «Сибирского вестника политики, литературы и общественной жизни», полемика с которым «Восточного обозрения» составила отдельное направление журналистских сражений.

После ухода Е.В. Корша с должности редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» основным ее содержанием стали публикации о деятельности томских и общероссийских благотворительных обществ, торжественных городских богослужениях, заседаниях Западно-Сибирского отдела РГО, торгово-промышленных выставках, а также различного рода объявлений от частных лиц и организаций. Темы местного значения были представлены отчетами о деятельности комитета по строительству сибирского университета (1884. № 5, 6, 22, 44; 1885. № 4–6, 23, 42; 1887. № 16), сообщениями о переселенческом движении (1887. № 26, 30, 34, 41;

⁵¹⁵ См.: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. С. 69–72.

⁵¹⁶ Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. С. 221.

1889. № 25, 27), анонсом празднования в Томске девятисотлетия Крещения Руси (1888. № 27), отчетом об открытии университета и поздравительными телеграммами (1888. № 28–32), описанием пребывания 5–6 июля 1891 г. в Томске наследника престола Николая Александровича (1891. № 27).

Отвлечь от служебных сообщений и сухих цифр отчетов должны были рубрики «Общепользные сведения» и «Разные известия», располагавшиеся на последних страницах выпуска перед объявлениями. С № 13 от 26 марта 1887 г. был увеличен формат газеты – теперь на ее листе помещалось не две, а три вертикальных колонки. В 1894–1896 гг. неофициальная часть выходила в виде подвала под соответствующим горизонтальным заголовком на всю ширину листа, что являлось нарушением установленной формы издания⁵¹⁷. С 1897 г. неофициальная часть вновь стала следовать за официальной, колонка за колонкой. В оформлении рекламы с конца 80-х гг. наблюдаются применение сложных графических изображений, игра шрифтами, юмористические рисунки, акцентирование преимуществ товара брошюрованными слоганами или многообещающими пояснениями⁵¹⁸.

Стабильно, но с большими перерывами, в неофициальной части, согласно их программе, появлялись продолжающиеся публикации по истории и этнографии края. В 1888–1889 гг. печатались фрагменты из работы А.В. Оксенова «Торговые сношения русских с обитателями Северо-Западной Азии: до эпохи Ермака» (Томск, 1888), более десятка исторических документов XVII–XVIII вв., касавшихся Сибири и Томской губернии, было опубликовано в 1890 г. И.П. Кузнецовым-Красноярским в рубрике «Из сибирской старины». Всестороннее описание Нарымского края Т. Лопаты вышло в 1892 г. Отец-законоучитель А.А. Мисюрев посвятил томской гимназии очерк (к 50-летию со дня ее основания), представленный в 1894 г. как на страницах «Томских губернских ведомостей», так и отдельным изданием. В 1895 г. был напечатан компилятивный очерк истории и современного положения бурят за подписью Ч.Ер. Ногорского.

В конце 1887 г. неизвестный автор сделал попытку возобновить рубрику о событиях общественной жизни города. Колонка «Местная

⁵¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 16. 1872 г. Л. 21.

⁵¹⁸ Увлечение редакторами ведомостей рекламными заработками привело к появлению в 1874 г. циркуляра Главного управления по делам печати о недопущении печатания в губернских и областных ведомостях во главе номера частных объявлений (*Систематический указатель к сборнику циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за время с 1 января 1858 по 1 января 1880 г.* / Д. Чудновский. СПб., 1881. С. 72).

хроника» появилась в № 40 от 8 октября 1887 г. и многообещающе сообщала: «Понятно то чувство искреннего удовольствия, с каким мы открываем новый отдел губернских ведомостей, и возможность занести на первые его страницы сообщение о фактах самого отрадного свойства, которыми поистине не может не гордиться наш родной город»⁵¹⁹. Речь шла о переводе бесплатной народной библиотеки в каменный дом, построенный С.С. Валгусовым. В последующих номерах рассказывалось об открытии Томским отделением Русского музыкального общества нового сезона (1887. № 41, 46), постановке в томском театре пьесы «Горе от ума» (1887. № 42), проекте устава Томского общества любителей сценического искусства (1887. № 44), критическом материальном положении вольного пожарного общества (1887. № 48) и других событиях. Всего с «Местной хроникой» вышло восемь номеров «Томских губернских ведомостей». С 1888 г. рубрика прекратила свое существование. Можно предположить, что ее взялся вести кто-то из образованных чиновников. В поисках тем автор следил за результатами голосования в городской думе, «завертывал» на публичные заседания губернского суда, посещал спектакли и музыкальные вечера, присутствовал на других общественных мероприятиях. При этом в публикациях чувствуется наличие определенного художественного вкуса и опыта обращения с печатным словом, их стиль отличают обстоятельность и образность, местами ироничность повествования, внимание к подробностям и стремление заинтересовать читателя.

События в стране и в мире освещались при помощи телеграмм Северного телеграфного агентства. Эпизодически появлялись не связанные между собой перепечатки из столичных газет, главным образом из «Правительственного вестника»: речь пензенского губернатора А.А. Татищева о необходимости общественных запасшек и падении нравственности среди крестьян (1884. № 43), о прививках против бешенства в Москве (1886. № 27), о крушении императорского поезда на железной дороге (1889. № 45–49) и т.д. С середины 1884 г. началась публикация развернутых биографий-некрологов героев Крымской войны — Э.И. Тотлебена (1884. № 31–31), С.А. Хрулева (1884. № 47, 48, 50), П.С. Нахимова (1885. № 7–10) и др., но эта серия прервалась без какого-либо заключительного слова. Откликнулся Томск на поразивший губернии Европейской России неурожай 1891–1892 гг.: в ведомостях был опубликован призыв

⁵¹⁹ *Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1887. № 40. 8 окт. С. 12.

к пожертвованиям в пользу голодающих, а отчеты об их сборе публиковались почти еженедельно (1891. № 38, 40, 45, 47, 49, 50). Подписчиков у «Томских губернских ведомостей» в 1889 г. было 386, из них 43 частных (для сравнения – у «Томских епархиальных ведомостей» – 450, «Сибирского вестника» – 1708, у «Сибирской газеты» в 1888 г. – 1200 человек)⁵²⁰.

В связи с начавшейся Русско-японской войной Министерством внутренних дел было разрешено публиковать в неофициальной части губернских и областных ведомостей хронику событий и корреспонденции с театра военных действий, сообщения Красного Креста, биографии и некрологи выдающихся участников войны, списки убитых и раненых местных жителей. Такая расширенная неофициальная часть с целью распространения среди населения «подробных и верных с театра военных действий сведений» должна была формироваться на основе официальных источников, главным образом «Правительственного вестника» и «Русского инвалида», и предлагаться по отдельной невысокой подписной цене⁵²¹. В Томской губернии этот циркуляр был реализован путем выпуска два раза в неделю отдельного прибавления к «Томским губернским ведомостям» с № 14 от 8 апреля 1904 г. под редакцией старшего советника губернского правления барона А.Л. Бруннова. Стоимость полугодовой подписки составила 1 руб., месячной – 25 коп. Было также разрешено бесплатно публиковать в губернских ведомостях объявления о выпускаемых Красным Крестом художественных открытках, средства от продажи которых направлялись в пользу раненых и больных солдат⁵²².

В целом, на протяжении 20 лет неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» не имела какого-либо самостоятельного значения и представляла собой справочно-рекламное приложение к официальной части. Авторские публикации или какие-либо развернутые комментарии к напечатанному практически отсутствовали. Только с помощью тщательного просмотра всех выпусков газеты выявляются те крохи информации, которые могут быть интересны для историка и этнографа. Вести такую облегченную неофициальную часть не составляло особого труда, поэтому редактором «Томских губернских ведомостей» и начальником газетного стола с 1886 г. стал канцелярский служащий Николай Григорьевич Гусельников.

⁵²⁰ Адрианов А.В. Местная печать // Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 116–118.

⁵²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 53. 1904 г. Л. 1–1об.

⁵²² РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 53. 1904 г. Л. 42, 46, 49.

Сын урядника, без образования, он начал службу в 1870 г. и, не имея чина, перемещался по низшим должностям с мизерным содержанием, пока, наконец, не обрел постоянное место работы⁵²³. Он редактировал газету и исполнял должность заведующего газетным столом на протяжении 31 года, с № 11 от 13 марта 1886 г. до последнего ее № 10 от 5 марта 1917 г.⁵²⁴ (после смены власти 17 июля 1917 г. ему было предложено подать в отставку⁵²⁵).

Подведем итоги. В Томске организация и выход губернских ведомостей в своей официальной части обеспечивались чиновниками губернского правления, а в неофициальной – директором гимназии и училищ Ф.С. Мещериным – высшим должностным лицом по учебной части, отвечающим как интеллектуальным, так и административным требованиям. Чиновники, участвовавшие в подготовке «Томских губернских ведомостей», уделяли основное внимание прежде всего не содержанию, а отношениям подчинения и контроля за текстовым материалом как в корректурном, так и в цензурном отношении. Отсутствие опыта в этом очень важном вопросе должно было восполнить точное воспроизводство законодательно утвержденной многоступенчатой системы проверок и распределения ответственности. Учителя томской гимназии, которые должны были обеспечить статьями неофициальную часть газеты, были готовы проявить себя в новом деле, но на чрезмерно льготных условиях: с регулярным жалованьем, доступом к информации по делам в губернии, возможностью обязывать к содействию администрацию и использовать труд «любопытных и усердных» священников и чиновников. На примере учителя Ф.В. Рудакова можно сказать, что работу в газете он понимал не как службу или служение, а как прагматическую деятельность, сотрудничество, с определенными условиями и гарантиями. Требование учительского коллектива о законных пределах цензуры и необходимости общественной оценки авторов и их статей свидетельствует о достаточном уровне правосознания и гражданственности. Очевидно, что в случае реализации

⁵²³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53а. Л. 209–233; Ф. 3. Оп. 12. Д. 1965. До Гусельникова, в 1884 – начале 1886 г., газету подписывал И.В. Поникаровский, но каких-либо сведений о его служебной биографии разыскать не удалось.

⁵²⁴ В конце 1905 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобрела самостоятельное от официальной части значение и редактировалась последовательно П.Т. Виноградовым, И.Е. Бицюком, А.В. Дуровым и В.Э. Мейером. За Гусельниковым оставалась должность редактора официальной части и начальника газетного стола (*Платная книжка Томской губернии на 1913 г.* Томск, 1913. С. 123).

⁵²⁵ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 95–96.

условий, предложенных учителями томской гимназии, возникала возможность создания на договорных с властью началах самостоятельной общественной силы, имеющей доступ к деятельности (а следовательно, и критике) чиновного аппарата.

В первые годы издания, в 1857–62 гг., неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» не просто сообщала определенную информацию, будь то исторические очерки, городские известия, архивные документы или путевые заметки, она стала площадкой для литературного творчества, обмена мнениями и впечатлениями, мыслями и мнениями, заявлений местной администрации. Тематика неофициальной части выходила за рамки официально разрешенной программы и характеризовалась жанровым разнообразием. Общественная позиция газеты отличалась умеренностью формулировок, склонностью к фактографической описательности. Социальные конфликты присутствовали лишь схематично, главным образом по управленческой линии: крестьяне – сельская администрация, население – чиновники, губернатор – чиновники. Деятельность православных миссий в отношении раскольников и инородческого населения показывалась в официальном формальном ключе, с точки зрения благих попечительных мер, приобщения к духовным и материальным благам православной цивилизации.

В газете можно наблюдать плюрализм мнений и дискуссию относительно крестьянского самоуправления, вопроса о первичной роли семьи или учителей в образовании. Для властных структур газета стала средством открытого и публичного обращения к своим подчиненным по разрешению некоторых вопросов, что соответствовало программе и назначению официального издания. Печатно затрагивались внутренние ведомственные дела – деятельность томской полиции, работа томской гимназии. Образ мудрого и благодетельного губернатора, рисуемый на страницах неофициальной части, был адресован не только читателям, но и самой администрации, которой тем самым выдавался своеобразный кредит общественного доверия, обязывавший ему соответствовать.

В деятельности редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Д.Л. Кузнецова в 1863–65 гг. ярко проявилось творческое и самобытное авторское начало. Несмотря на то, что Д.Л. Кузнецов не отделял интересы Сибири от интересов России и сосредоточивал свое внимание на частностях, не делая серьезных

обобщений, его публикации о современном Томске можно рассматривать как своеобразное «предобластничество», как начало разработки вопросов культурного и экономического развития края, расширения сферы образования, развития самостоятельного местного печатного органа.

Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев начали усиливать и развивать на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» идею об особом положении Сибири, усиливая критический характер публикаций, высказываясь в категориях идеи прогресса как переноса на территорию восточной окраины форм общественной и экономической жизни Европейской России. Своеобразной идеей-символом, служением которой областники полагали приблизить светлое будущее Сибири, стал сибирский университет (разрабатывались также и такие идеологемы, создающие позитивный образ Сибири, как «сибирский характер», «сибирские богатства», «молодое сибирское поколение»). В необходимости поступательного развития Сибири областники были близки мнению, существовавшему и в правительственных кругах (вопрос об открытии университета был в конечном итоге решен именно правительством), но в своих публикациях они делали акцент на местную интеллигенцию как руководящую этим процессом силу и местную печать как независимый общественный институт. В отличие от предшествовавших и последующих публикаций, в период работы в неофициальной части газеты областников ни слова не говорилось о «благодетельном начальстве», его начинаниях и деятельности.

При отсутствии частной прессы неофициальная часть официальной газеты должна была сыграть роль информационного канала для формулирования и пропаганды идей «сибирского патриотизма», стать координатором в объединении сибирской молодежи как в самой Сибири, так и в университетских городах России (Петербург, Москва, Казань). Деятельность Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева – короткая и яркая страница истории «Томских губернских ведомостей» (конец 1864 – середина 1865 г.), первое серьезное проявление «сибирской идентичности» со стороны местного образованного меньшинства, которое взяло на себя роль руководителя еще не сформированного сибирского общественного мнения по поводу насущных проблем и будущих перспектив развития региона. Газета (как и «тайная организация» по отделению Сибири от России) стала своеобразной интеллектуальной игрушкой в руках молодой сибир-

ской интеллигенции. Внимательными читателями областнических статей оказались не сибиряки, а следователи (по служебному заданию) и исследователи (печати и общественной мысли Сибири).

Деятельность Н.А. Кострова как основного автора неофициальной части в 1866–1881 гг. можно оценивать не только как ответственное и тщательное следование своим должностным обязанностям, но и как реализацию идеи служения сибирскому краю и печатному слову. Неофициальная часть газеты приобрела характер печатного органа томского статистического комитета, публикуя этнографические, исторические и статистические материалы, которые и поныне присутствуют в научном обороте со ссылкой на первоисточник – «Томские губернские ведомости». Стали использовать страницы томской газеты благотворительные, православные, коммерческие и другие томские и общероссийские общественные объединения для публикации своих отчетов, обращений, списков участников.

Если в областнический период неофициальная часть пыталась заглянуть в будущее, то в период работы в ней Н.А. Кострова газета по большей части была обращена в прошлое. Неофициальная часть стала нейтральной по отношению к местной общественной жизни, ограничиваясь лишь информационными сообщениями, не прибегая к дискуссии, оценочным суждениям и проблемной передовой как полемическим формам подачи материала. Читатель рассматривался лишь как пассивный слушатель, принимавший (или не принимавший) доводимый к его сведению материал. В то же время усилилось значение «Томских губернских ведомостей» как зеркала общероссийских и прежде всего официальных изданий. Посредством телеграмм Русского телеграфного агентства и перепечаток из «Правительственного вестника» первая томская газета стала информировать читателя о некоторых мировых, европейских и общероссийских событиях. Выполняя свою функцию местной правительственной газеты, неофициальная часть от лица властей освещала события, связанные с покушениями на Александра II, приводила реакцию на них местного общества.

В 1882–1883 гг. неофициальную часть газеты возглавлял Е.В. Корш, получивший эту должность по инициативе томского губернатора В.И. Мерцалова. Выделенная в отдельное издание неофициальная часть приобрела характер большой региональной газеты универсального характера, сочетавшей в себе обширный местный новостной блок с сообщениями о событиях в городе, других городах

и селах губернии и Сибири, в России и за рубежом (чередa новостных телеграмм о столичных и заграничных событиях структурно и содержательно формировала потребность в аналогичной значимой для провинциального читателя местной новостной ленте).

В период редакторства Е.В. Корша была налажена широкая связь газеты с читателями, выступавшими в роли корреспондентов, возобновлено дискуссионное публицистическое начало, вновь появились статьи и заметки по общесибирской проблематике. При этом материалы, публикуемые в «Томских губернских ведомостях» как официальном местном органе, использовались такими авторитетными частными газетами, как «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь». Если последние звали к борьбе, выносили на свои страницы образы «униженных и оскорбленных», а деятельность местной администрации воспринимали с точки зрения «презумпции виновности», то неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» сосредоточивалась на воспроизведении вереницы текущих фактов повседневности, делала акцент на возможных конструктивных путях сотрудничества, объединения инициатив и усилий местного общества, городской думы и губернских властей. Позиция ядринцевского «Восточного обозрения» привела к закрытию обновленной неофициальной части «Томских губернских ведомостей». На более чем двадцать лет (конец 1883 – конец 1905 гг.) она превратилась в справочно-рекламное приложение к официальной части.

3.3. «ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

В Тобольске в открытии ведомостей деятельное участие принял В.А. Арцимович, бывший тобольским губернатором в 1854–1858 гг. Для обновления губернской типографии в петербургской словолитне Ж. Ревильона им был заказан печатный немецкий станок стоимостью 350 руб. и новые литеры на 1249 руб. Имеющиеся четыре печатных станка, из которых только один был «порядочный», а остальные «старые, небольшие и давнишней конструкции», могли печатать пять страниц, а литер было достаточно для одновременного набора только 13 страниц. Несмотря на это, с 27 апреля 1857 г. «Тобольские губернские ведомости» стали выходить, как и требовалось, один раз в неделю, по субботам, объемом в среднем около 14–16 страниц – официальная и 6–12 страниц – неофициальная части. Стоимость годовой подписки составляла 3 руб., с доставкой по Тобольску – 3 руб. 50 коп., с пересылкой в другие города и местности –

4 руб. 50 коп. Формат газеты был обычный для аналогичных изданий – «в четверку в два столбца» (27,5 x 21,5 см). В течение первого года выхода газеты было разослано 910 экземпляров и получено за них и за исполнение различных типографских заказов 6 558 руб. ¼ коп. (из этой суммы израсходовано 6 107 руб. 59 ¾ коп.)⁵²⁶. Цензором неофициальной части стал директор тобольской гимназии П.П. Ершов⁵²⁷, в апреле – мае 1858 г. его замещал инспектор гимназии М.И. Доброхотов⁵²⁸. Позже, 8 августа 1858 г. Сибирский комитет подчинил цензуру неофициальной части ведомостей, издаваемых в Сибири, начальникам губерний⁵²⁹, и с октября 1858 г. цензорское дозволение на неофициальной части подписывал председатель губернского правления Н.П. Милордов⁵³⁰.

Неофициальная часть губернских ведомостей была увязана губернатором с деятельностью статистического комитета, который стал получать регулярное финансирование в виде ежегодных 700 руб. сер. из средств типографии⁵³¹. Постановления статистического комитета публиковались на страницах газеты, а между его сотрудниками были распределены выписываемые типографией центральные издания, в качестве источников для подготовки новых статей. Ялutorовский земский исправник В.А. Ильин отвечал за материалы из «Экономического указателя», советник казенной палаты А.Ф. Денисов – из «Журнала Министерства государственных имуществ» и «Земледельческой газеты», советник казенной палаты Н.И. Лещов просматривал «Записки Московского общества сельского хозяйства», секретарь губернского суда Ф.М. Тыжнов – «Журнал Министерства внутренних дел» и «Журнал Министерства народного просвещения», чиновник особых поручений М.А. Смолен-

⁵²⁶ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 44. Л. 38–38об.; *Скропышев Я.С.* Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – Характеристики. СПб., 1904. С. 79.

⁵²⁷ *Мандрика Ю.Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 52.

⁵²⁸ *Тобольские губернские ведомости.* 1858. № 8. 22 февр. С. 96; № 9. 1 марта. С. 119; № 23. 7 июня. С. 433.

⁵²⁹ *Высочайше* утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату министром внутренних дел, о предоставлении местным начальникам губерний цензуры неофициальной части губернских ведомостей, издаваемых в Сибири. 8.08.1858 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 2. № 33459.

⁵³⁰ *Тобольские губернские ведомости.* 1858. № 41. 11 окт. С. 638

⁵³¹ *Список с журнала Тобольского губернского статистического комитета, состоявшегося 4 октября 1857 г.* // *Тобольские губернские ведомости.* 1857. № 26. 19 окт. С. 236–241.

ский – «Записки Русского географического общества», управляющий экспедицией о ссыльных А.Г. Худяков – «Записки Казанского экономического общества»⁵³², хотя в итоге объем заимствованных материалов был небольшим – около 13 % в 1857 и 9 % в 1858 г. В основной своей массе публикации были авторскими. А.Ф. Денисов написал две продолжающиеся статьи о сибирской соли (1857. № 29, 34; 1859. № 7) и развитии солепромышленности (1858. № 16–18, 33–37). В.А. Ильин выступил с проектами (носившими, скорее, характер прожектов) о призрении нищих в городе (1859. № 7) и обрисовал возможную будущность Тюмени при передаче ей торговых функций Ирбитской ярмарки (1859. № 10–11). О тяжелом положении остяков Тобольской губернии, спаиваемых русскими торговцами и представителями власти, несмотря на свою корпоративную принадлежность, писал чиновник губернского управления Ю.И. Кушелевский (1859. № 22). Разнообразные темы поднимал М.А. Смоленский – о деятельности тобольского попечительного о тюрьмах комитета (1857. № 4, 7, 9), о саде и цветнике при памятнике Ермаку в Тобольске (1857. № 12), о сообщении между реками Печорой и Обью (1857. № 28), о ловле зверей и птиц в Тобольской губернии (1859. № 30) и др. Большая статья о хозяйственных занятиях и жителях Тюменского округа принадлежала управляющему тюменским округом В.Я. Стефановскому (1860. № 46, 52; 1861. № 12; 1862. № 19–23; 1863. № 63; 1864. № 7). Священник А.И. Сулоцкий писал об историческом прошлом Иркутска (1857. № 20, 29), о возникновении театра в Сибири (1858. № 12), о церковных, казенных и частных библиотеках Омска и Тобольска (1858. № 22, 23, 26, 27, 28), о колоколах в сибирских церквях (1858. № 10, 44), также им публиковались исторические документы (1858. № 18, 29; 1859. № 15–19). Советник губернского управления Г.А. Варлаков в своих исторических очерках иногда отпускал такие замечания, которые можно расценивать как критическое отношение к окружающей действительности: «Эти выходцы [русские в Сибири] селились вдали от взоров правительственных лиц и жили себе, долго не зная никаких податей и повинностей, никакой десятины, пока правительство уследило за ними»⁵³³; «Трудно было жить сибирскому крестья-

⁵³² Журнал Тобольского губернского статистического комитета. 20 декабря 1857 г. // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 36. 28 дек. С. 374.

⁵³³ Варлаков Г.А. Город Ялуторовск // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 16. 19 апр. С. 322.

нину [в конце XVIII века]. Беспрестанные разъезды разных чинов по разным дорогам и поставка лошадей измучили их и изнурили»⁵³⁴.

По личной просьбе В.А. Арцимовича согласие на перепечатку своих работ «Тобольскими губернскими ведомостями» дал советник Семипалатинского областного правления Н.А. Абрамов⁵³⁵, уже известный своими публикациями по этнографии и истории Сибири, некоторые из которых сохранили свою научную актуальность и до настоящего времени – как, например, «Описание Березовского края» (1858. № 19–25) или историко-географический труд «Семипалатинск» (1863. № 8–16, 21–22, 24–27). По мнению С.А. Венгерова, «каждая заметка и статья Абрамова ничего особенного собою в отдельности не представляет, но многие десятки таких заметок и статей составляют уже драгоценный вклад в науку»⁵³⁶. Н.А. Абрамов был постоянным автором газеты (вплоть до своей смерти в 1870 г. и поместил в ней 75 статей.

Присылались и корреспонденции с мест, как правило в пределах губернии: из Тюмени, Тары, Кургана, Ишима, Березова. Редакция приглашала всех образованных читателей высказывать свои соображения по поводу интересов края⁵³⁷. Не имевший собственной газеты, Омск откликнулся «Независимым листком» («Листком из Омска»), в котором на протяжении семи выпусков некто «Говорун» в жанре фельетона сообщал о чтении и библиотечках в Сибири (1857. № 34), о развитии здесь собственной промышленности (1857. № 34), о простонародных развлечениях (1858. № 8), о легендарном бухтарминском разбойнике (1858. № 15), о юридических обычаях сибирских крестьян (1858. № 45), о необходимости образования сибирского экономического общества (1858. № 15) и коммерческой школы в Тобольске (1858. № 44). В последнем случае автор, взяв назидательный тон, упрекал сибирское купечество в нерациональном ведении своего дела и пытался разъяснить ему пользу законов политэкономии. Вопрос от «Говоруна», на который можно было ожидать больших откли-

⁵³⁴ Варлаков Г.А. Тобольская старина (из архивных дел Боровского волостного правления) // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 2. 14 янв. С. 12.

⁵³⁵ От редакции // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 11. 15 марта. С. 83.

⁵³⁶ Венгеров С.А. Абрамов, Николай Алексеевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889. Т. 1, вып. 1. С. 19–20.

⁵³⁷ От редакции губернских ведомостей // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 10. 29 июня. С. 77.

ков читающего Тобольска, звучал так: «Тожествен ли совершенно сибирский крестьянин великорусскому или между ними есть разница?»⁵³⁸.

Регулярную рубрику «Местные известия», также в фельетонном жанре, вел М.Л. Попов – старший учитель законоведения и судопроизводства Тобольской губернской гимназии. Он же использовал дела губернского правления для извлечения исторических сведений⁵³⁹. Событий в губернском городе было немного: «Где у нас балы, маскарады, театры, литература? Ничего подобного и не бывало. Оттого-то, вместо статей легких, приятных, вы вздумали угощать нас известиями о Кондинском монастыре с кондинскою брусникою, моксунами и рыбьим жиром (куда как вкусно!), мелочными расчетами о публичной библиотеке и т.п., уже вовсе не воздушными предметами»⁵⁴⁰. Приходившая в этом случае на помощь хроника происшествий предварялась таким веским обоснованием: «Если не оглашать публично таких происшествий, которыми нарушаются права граждан ... услужливые вестовщики и вестовщицы не постараются ли представить нам в страшном, ужасающем виде того, что само по себе очень просто и обыкновенно. Наша безопасность, наше спокойствие не пострадают ли от этого более, чем могли бы они пострадать при официальной гласности...»⁵⁴¹. В апреле 1859 г. М.Л. Попов был назначен директором томской гимназии и, возможно, используя свой опыт работы в «Тобольских губернских ведомостях», редактировал в 1859–1861 гг. неофициальную часть «Томских губернских ведомостей». В конце 1858 – 1866 г. ряд сообщений в рубрике «Местные известия» подписывались инициалами «В.И.» или «В. И-нъ» – В.И. Ильин⁵⁴².

Большинство из местных авторов были чиновники. Н.Н. Морозовой установлено, что с 1857 по 1866 г. в «Тобольских губернских

⁵³⁸ *Говорун. Независимый листок. Этнография. Провинциализмы. Юридические обыкновения. Политический быт податного сословия* // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 44. 2 нояб. С. 668.

⁵³⁹ *Мандрика Ю.Л.* От Конька-Горбунка на коньке горбатым (еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 232.

⁵⁴⁰ *Местные известия* // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 1. 4 янв. С. 12–13.

⁵⁴¹ *Местные известия* // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 19. 10 мая. С. 365.

⁵⁴² *Мандрика Ю.Л.* Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004. С. 440–449, 451–454, 457.

ведомостях» принимало участие 149 авторов. Социальная принадлежность 49 из них представлена на рис.17.

Рис. 17. Социальное положение авторов неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» в 1857–1866 гг.⁵⁴³

В отличие от других губернских газет Сибири, известен факт выплаты «Тобольскими губернскими ведомостями» авторского гонорара. Так, Г.Н. Потанин в воспоминаниях писал, что он посылал из Омска статьи тобольскому губернатору В.М. Арцимовичу, за которые получил от него 100 рублей⁵⁴⁴. Возможно, что такая практика носила не регулярный, а избирательный характер и касалась только иногородних, приславших не «сырой», а уже готовый, отличавшийся высоким уровнем исполнения материал, представлявший интерес для читателя. Для поощрения авторов неофициальной части в губернском бюджете не предусматривалось особой статьи, и, возможно, для этой цели В.А. Арцимович использовал средства из собственных сумм, отпускаемых МВД на «известные» губернатору нужды. Хорунжий Сибирского казачьего войска опубликовал 13 статей, причем если в 1857 г. только одну⁵⁴⁵, то в 1858 г., начиная со второго номера, подряд вышло

⁵⁴³ Морозова Н.Н. Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 106–107.

⁵⁴⁴ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 77–78, 137.

⁵⁴⁵ Д. (из города Омска) [Потанин Г.Н.] Албабетские сопки // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 35. 21 дек. С. 362–364.

девять статей⁵⁴⁶, что свидетельствовало об их отправке в Тобольск целой серией и наличии договоренности (или твердой уверенности автора) относительно их публикации. По собственным словам Потанина, в нем формировался натуралист, чем был обусловлен и характер его изысканий. Уже после отъезда Арцимовича, с большим перерывом, было напечатано еще две заметки, в последней из которых можно увидеть пробуждающийся интерес будущего идеолога областничества не только к природе, но и к истории Сибири⁵⁴⁷.

Период участия В.А. Арцимовича в издании газеты был недолгим, 16 марта 1858 г. он выехал в Петербург⁵⁴⁸, а 27 июля был назначен калужским губернатором, где, используя тобольский опыт, сумел сделать «Калужские губернские ведомости», по воспоминаниям современников, «органом для бодрой умственной работы»⁵⁴⁹. Письмо В.А. Арцимовичу приглашенного на должность редактора неофициальной части учителя калужской гимназии П.С. Щепетова-Самгина отражает взгляды губернатора на роль печатного слова, которых он придерживался и в Тобольске: «Губернская газета должна поставить главнейшею задачею следить за всеми современными проявлениями жизни общественной, будут ли эти проявления разумны или неразумны. Всякое разумное проявление губернские ведомости с теплым сочувствием должны обнаруживать, как пример, достойный подражания, а стороны неразумные

⁵⁴⁶ Д. [Потанин Г.Н.] Палы, или пожары // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 1. 4 янв. С. 4–68; Д. [Потанин Г.Н.] Кулан // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 8. 22 февр. С. 80–86; Д. [Потанин Г.Н.] Семья толстокожих // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. 1 марта. С. 97–100; Д. [Потанин Г.Н.] Дрова в Киргизской степи // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. 1 марта. С. 112–113; К. [составлено Г.Н. Потаниным со слов топографа Копейкина] Очерки Васюганской тундры // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 11. 15 марта. С. 233–246; Д. [Потанин Г.Н.] Несколько слов о Семипалатинске // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 12. 22 марта. С. 257–263; З. [Потанин Г.Н.] Раки в Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 13. 29 марта. С. 283–284; Д. [Потанин Г.Н.] Нашествие мышей на степные округа Тобольской губернии в 1857 году // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 13. 29 марта. С. 284; Д. [Потанин Г.Н.] Алтайская и киргизская породы лошадей // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 14. 5 апр. С. 287–296; Д. [Потанин Г.Н.] Степные пшеницы // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 15. 12 апр. С. 312–315.

⁵⁴⁷ Д. [Потанин Г.Н.] Добавление к статье «Кулан» // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 21. 24 мая. С. 396–397; Д. [Потанин Г.Н.] Мысль о завоевании Сибири Ермаком // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 44. 2 нояб. С. 658–659.

⁵⁴⁸ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–6.

⁵⁴⁹ Корнилов А.А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А. Арцимовиче // В.А. Арцимович. Воспоминания – Характеристики. СПб., 1904. С. 202.

смело, но *sine ira et studio* – оглашать, как язвы, требующие изменения»⁵⁵⁰. В письме попечителю Московского учебного округа А.Н. Вахметову, отправленному в конце 1858 г., Арцимович отмечал более высокий уровень образования в Тобольской губернии, отдаленной от университетов и центров просвещения, в сравнении с Калужской: «Состояние училищ в Сибири гораздо удовлетворительнее, и вообще взгляд на пользу образования возвышенный и чище. Достаточно заметить, что там во всех уездных училищах получают лучшие наши периодические издания, и везде, даже в Березове, есть небольшие библиотеки»⁵⁵¹.

По причине того, что в завершении номера «Тобольских губернских ведомостей» указывалось только имя цензора – П.П. Ершова, возник вопрос об имени редактора газеты – ее официальной и неофициальной частей. Первым редактором ведомостей был губернский секретарь Апполон Степанович Болбот – его фамилия обозначена на прибавлении к № 9 в подшивке «Тобольских губернских ведомостей» за 1857 г., хранящейся в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург). «Исправляющий должность редактора Болбот» – так было завизировано объявление о торгах от тобольской строительной комиссии. В самой газете было напечатано объявление о переводе А.С. Болбота, в июле 1858 г., на должность заседателя в тюменский земский суд⁵⁵². Однако если В.А. Арцимович лично или письменно просил присылать статьи для наполнения неофициальной части, просматривал их и допускал к печати⁵⁵³, то А.С. Болбот выполнял только функции редактора официальной части (им в качестве секретаря был скреплен первый номер «Тобольских губернских ведомостей» от 27 апреля 1857 г.). Возможно, что вступления и комментарии от редакции к некоторым статьям принадлежат лично губернатору. Например, слова ободрения, адресованные иногородним авторам: «Из некоторых окружных городов начинают уже присылать к нам местные известия. С Богом! В добрый час. Велика беда начало, говорит русская пословица, а чем далее, тем смелее и скорее пойдет наше дело»⁵⁵⁴.

⁵⁵⁰ Корнилов А.А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А. Арцимовиче // В.А. Арцимович. Воспоминания – Характеристики. СПб., 1904. С. 197.

⁵⁵¹ В.А. Арцимович. Воспоминания – Характеристики. СПб., 1904. С. 802.

⁵⁵² Определения и перемещения // Тобольские губернские ведомости. Официальная часть. 1858. № 28. 12 июля. С. 185–186.

⁵⁵³ Скропышев Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // В.А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 78.

⁵⁵⁴ Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 29. 9 нояб. С. 283.

Или возражение «Говоруну» по поводу того, что сибирское население не имеет привычки к чтению: «Не потому ли, может быть, что подобные люди не находят книг, которые вполне соответствовали бы их вкусу и нуждам. Всякий товар является на рынок вследствие спроса на него. <...> Не торговцы тут виноваты, а большинство общества, которому пока, кроме азбук, оракулов и песенников, из нашей литературы ничего не надобится»⁵⁵⁵. На возможное участие начальственного лица иносказательно обращалось внимание читателя в этом же номере: «У нас даже до сих пор нет особенного редактора, а газета усвоила себе определенное направление, полна довольно разнообразных статей, многие местные люди не пренебрегают выписывать газету»⁵⁵⁶.

После отъезда из Тобольска в марте 1858 г.⁵⁵⁷ Арцимович продолжал некоторое время принимать участие в руководстве «Тобольскими губернскими ведомостями», ведя переписку с чиновником особых поручений при Тобольском губернском правлении Я.С. Скропышевым. Из нее мы узнаем, что за губернатора исполнял должность редактора неофициальной части сам Скропышев⁵⁵⁸, он же заботился о том, чтобы для ее наполнения всегда был достаточный «запас» статей, а в сложных ситуациях советовался с коллегами (так, например, посоветовавшись с советником правления Г.А. Варлаковым, он решил не печатать возражение преосвященного Феоноста против статьи в «С.-Петербургских ведомостях» о равенстве перед Богом всех верований)⁵⁵⁹.

С июля 1858 г. редактором «Тобольских губернских ведомостей» стал столоначальник общего губернского управления, коллежский регистратор П.И. Козаченко, подписывавший также и неофициальную часть⁵⁶⁰. С 18 ноября 1858 г. Козаченко сменил смотритель поселений тобольской экспедиции о ссыльных А.И. Ор-

⁵⁵⁵ *Прим. ред.* // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 34. 14 дек. С. 346, 348.

⁵⁵⁶ *Местные известия* // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 34. 14 дек. С. 358.

⁵⁵⁷ До назначения нового губернатора временно исполнял эту должность председатель губернского правления Н.П. Милордов, а после его увольнения со службы по болезни – с 22 декабря 1858 г. председатель губернского правления коллежский советник М.Г. Соколов (*Тобольские губернские ведомости*. 1859. № 1. 3 янв. Часть официальная. С. 1).

⁵⁵⁸ «...6 апреля 1858 г. В редакции теперь остается небольшой запас статей для помещения в губ. вед. И если весь он истощится, то в таком случае я намереваюсь приступить к напечатанию выписок из сибирской летописи Черепанова о походе Ермака в Сибирь» (*Мандрика Ю.Л.* От Конька-Горбунка на коньке горбатом... С. 231).

⁵⁵⁹ *Мандрика Ю.Л.* От Конька-Горбунка на коньке горбатом... С. 232.

⁵⁶⁰ *Тобольские губернские ведомости*. Официальная часть. 1858. № 28. 12 июля. С. 185–186; *Тобольские губернские ведомости*. 1858. № 41. 11 окт. С. 638

лов, работавший в должности редактора газеты и начальника газетного стола до апреля 1859 г., не оставляя при этом своей прежней должности. Известно, что Орлов получал доплату за редакторство с ноября по март 1858 г. – 34 руб. 33 $\frac{1}{4}$ коп., а затем ежемесячно по 10 руб.⁵⁶¹ П.И. Козаченко и А.И. Орлов могли выполнять функции редакторов неофициальной части, о чем свидетельствуют как высокий образовательный уровень этих чиновников (дворянин П.И. Козаченко окончил первую С.-Петербургскую гимназию⁵⁶², А.И. Орлов обучался на юридическом факультета Казанского университета⁵⁶³), так и принадлежащие им статьи об общественной жизни Тобольска⁵⁶⁴.

А.В. Виноградским, бывшим председателем Томского губернского правления и ставшим с 20 марта 1859 г. тобольским губернатором⁵⁶⁵, в качестве редактора ведомостей, начальника газетного стола и управляющего губернской типографией 9 апреля 1859 г. был назначен губернский секретарь Иван Николаевич Юшков⁵⁶⁶ – ко-

⁵⁶¹ *Тобольские губернские ведомости*. 1858. № 47. 22 нояб. С. 693; 1858. № 48. 29 нояб. Официальная часть. С. 220; *Мандрика Ю.Л.* Александр Иванович Орлов (около 1835 – ?) // *Тобольские губернские ведомости*. Редакторский корпус ... С. 480.

⁵⁶² *Распоряжения начальства* // *Тобольские губернские ведомости*. 1857. № 4. 18 мая. Официальная часть. С. 14.

⁵⁶³ *Мандрика Ю.Л.* Александр Иванович Орлов (около 1835 – ?) // *Тобольские губернские ведомости*. Редакторский корпус... С. 480.

⁵⁶⁴ *П. К.* [Козаченко П. И.] Концерт в г. Тобольске 1 июня 1858 г. // *Тобольские губернские ведомости*. 1858. № 23. 7 июня. С. 430–431; *П.К.* [Козаченко П.И.] Об открытии в г. Кургане женской школы // *Тобольские губернские ведомости*. 1858. № 35. 30 авг. С. 559–560; *П.К.* [Козаченко П.И.] Об открытии в Омске уездного училища // *Тобольские губернские ведомости*. 1858. № 39. 27 сент. С. 615; *Козаченко П.* Воспоминание о публичном акте в Марининской женской школе, бывшем 22 июля 1858 года // *Тобольские губернские ведомости*. 1859. № 8. 21 февр. С. 73–75; *П.К.* [Козаченко П.И.] Мысли об открытии стеаринового завода в Тобольской губернии // *Тобольские губернские ведомости*. 1859. № 43. 24 окт. С. 541–546; *А. О-въ*. Извлечение из ведомостей об арестантах, содержащихся в острогах Тобольской губернии вообще, в особенности в Тобольске, в 1859 г. // *Тобольские губернские ведомости*. 1860. № 34. 27 авг. С. 307–310; *Орлов А.* Мысли об учреждении в Тобольске юридического общества // *Тобольские губернские ведомости*. 1863. № 47. 23 нояб. С. 413–416.

⁵⁶⁵ *Тобольские губернские ведомости*. 1859. № 18. 2 мая. Часть официальная. С. 117.

⁵⁶⁶ *Тобольские губернские ведомости*. 1859. № 15. 11 апр. Часть официальная. С. 99; *Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год*. Тобольск, 1860. С. 17; По общему имперским адрес-календарям в 1862 г. – коллежский секретарь, в 1868 г. – титулярный советник, а при увольнении с должности в 1870 г. – коллежский асессор (*Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям империи, и по главным управлениям в царстве Польском и Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 гг. СПб., б.г. Ч. 1. С. 382; *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям империи, и по главным управлениям в царстве Польском и Великом княжестве Финляндском на 1862–1863 гг. СПб., б.г. Ч. 2. С. 382; *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц

ренной тоболяк, окончивший духовную семинарию и уже ставший одним из авторов тобольской газеты⁵⁶⁷. В должности редактора И.Н. Юшков пробыл более 10 лет, до сентября 1870 года г.⁵⁶⁸ По мнению Н.Н. Морозовой, И.Н. Юшков был редактором только официальной части, а неофициальную часть в начале 60-х гг. редактировал коллежский ассессор, советник губернского правления В.А. Ильин⁵⁶⁹, на что указывает список лиц, получавших жалованье в типографии за 1862 г.⁵⁷⁰ Однако подписи В.А. Ильина нет в конце неофициальной части.

Исследователи «Тобольских губернских ведомостей», избирая в качестве основания для периодизации истории газеты деятельность ее редакторов, выделяют отдельный «юшковский» период⁵⁷¹, хотя обычно, вслед за Н.М. Ядринцевым, обращается внимание на 1857–58 гг. и 1863–67 гг., связанные с управлением губернией В.А. Арцимовичем и А.И. Деспот-Зеновичем⁵⁷². Александр Васильевич Виноградский (1803–1870)⁵⁷³ затерялся между этими известными фигурами, хотя именно он способствовал назначению нового деятельного редактора «Тобольских губернских ведомостей». Воспоминания о нем

по всем управлениям в Российской империи на 1868. СПб., б.г. Ч. 1. С. 379; *Тобольские губернские ведомости*. 1870. № 38. 19 сент. Часть официальная. С. 189).

⁵⁶⁷ Так, например, в одной из первых своих статей он определял тобольское общество как не готовое к восприятию и оценке музыкального искусства: «Большинство здешнего общества – будем говорить искренне и откровенно, состоя из чиновного сословия, – большую часть, небогатого материальными благами и кроме весьма немногих, счастливых исключений, еще довольно смутно постигающего истинное значение и даже самое существование этого искусства – и из купечества, еще менее подозревающего это существование, – такое, говорим, большинство никак не может соответствовать видам приезжего артиста и хотя сколько нибудь лстить его даже самым скромным надеждам» (*И.Ю.* Концерты в Тобольске // 1859. № 8. 21 февр. С. 72–73).

⁵⁶⁸ В объявлении о подписке на 1870 г. редактором «Тобольских губернских ведомостей» значился уже секретарь Тобольского губернского правления Алексей Меркушев (*Тобольские губернские ведомости*. 1869. № 51. 20 дек. С. 265), который приступил к своим обязанностям с № 2 от 10 января 1870 г. Однако с № 6 от 7 февраля 1870 г. газету вновь стал редактировать И.Н. Юшков, уволенный со службы, согласно прошению, 19 сентября 1870 г. (*Тобольские губернские ведомости*. 1870. № 38. 19 сент. Часть официальная. С. 189).

⁵⁶⁹ *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям империи, и по главным управлениям в царстве Польском и Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 гг. СПб., б.г. Ч. 1. С. 381.

⁵⁷⁰ *Морозова Н.Н.* Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866)... С. 91.

⁵⁷¹ *Мандрика Ю.Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания... С. 65.

⁵⁷² *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония... С. 669.

⁵⁷³ Годы жизни установлены по: *Любарский К.И.* Рязанский некрополь // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1914. Т. 26, вып. 1. С. 56.

как о «примечательном сибиряке» оставил В.И. Вагин. А.В. Виноградский родился в Тобольске, в семье инспектора городской врачебной управы, окончил Казанский университет и был в 1821 г. представлен М.М. Сперанскому как образованный уроженец управляемого им края. В 1842–46 и 1855–59 гг. – председатель Томского губернского правления, в 1846–1851 гг. служил у золотопромышленника Ф.А. Горохова. В Томске он «пользовался глубоким уважением» и отличался «примерной честностью» на фоне «общей подкупности» томской администрации. Во время службы в Томске принимал участие в подготовке проекта «Томских губернских ведомостей»⁵⁷⁴. Взгляды А.В. Виноградского В.И. Вагин характеризовал следующим образом: «Это был консерватор, но в лучшем значении этого слова». Самому каинскому окружному начальнику, писавшему в «Томские губернские ведомости», А.В. Виноградский рекомендовал «избегать полемики в литературе, находя ее вообще неприличною»⁵⁷⁵. Несмотря на свою осторожность, он был уволен со службы, а Сенат вынес ему строгий выговор за сочувствие и послабление проезжавшим в 1862 г. через Тобольск государственным преступникам М.И. Михайлову и В.А. Обручеву⁵⁷⁶.

Н.М. Ядринцев утверждал, что с 1859 по 1863 г., т.е. в годы губернаторства А.В. Виноградского, содержание «Тобольских губернских ведомостей» в сравнении с первыми годами их выхода «более скудно и только изредка продолжают появляться исторические статьи Сулоцкого и Абрамова. <...> С 1862 года появляются деловые статьи по статистике г. Анучина»⁵⁷⁷. Действительно, несмотря на ежегодные приглашения «просвещенных особ» присылать «благонамеренные статьи»⁵⁷⁸, общее количество публикаций в 1860–62 гг. снизилось, в сравнении с 1857–59 и 1863–67 гг. (см. табл. 16), уменьшилось и количество авторов: 1859 г. – 30, 1860 – 19, 1861 – 13, 1862 – 19 человек; в 1863 г. их количество вновь увеличилось до 31. С 3 до 4 руб. (а с пересылкой до 4 руб. 57 коп.) в 1860 г. была повышена подписная плата на

⁵⁷⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 5–7.

⁵⁷⁵ Вагин В.И. Старые сибиряки: Александр Васильевич Виноградский // Восточное обозрение. 1898. № 5. 11 янв. С. 2.

⁵⁷⁶ Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». М., 1928. Т. 1, ч. 2. С. 65.

⁵⁷⁷ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 669.

⁵⁷⁸ Объявление об издании Тобольских губернских ведомостей в 1860 году // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 50. 12 дек. С. 579; Объявление об издании Тобольских губернских ведомостей в 1861 году // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 48. 3 дек. С. 453; Объявление об издании Тобольских губернских ведомостей в 1862 году // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 47. 11 нояб. С. 372–373.

газету, что также не могло не сказаться на количестве желающих ее получать. Однако и в этот период «спада» в «Тобольских губернских ведомостях» можно найти ряд интересных и значимых статей. В.И. Ильиным была поднята тема образа Сибири в современной литературе и публицистике, позже затронутая Н.М. Ядринцевым в статье «Сибирь перед судом русской литературы». Своего земляка Г.В. Колмогорова В.И. Ильин упрекал в недобросовестности и введении в заблуждение нездешнего читателя, который якобы в Сибири не увидит «ни обмана, ни лжи, ни воровства, ни грабежа, ни насилия, ни тунеядства» и должен подражать «жизни, нравам и добродетелям сибиряков»⁵⁷⁹. Мещане в сибирских городах ходят с сюртуках и фраках, а кедровый орех по своим вкусовым качествам превосходит миндаль и прованское масло. «Словом, Сибирь – земной рай, Эльдorado, новая Индия, куда нужно бежать, чтоб искать довольства, богатство и, стало быть, счастья»⁵⁸⁰. Против «панегириста» Коломогорова, «изобретающего» собственные сведения о Сибири, в «Современнике» выступил и другой уроженец Тобольска – Г.З. Елисеев⁵⁸¹. В.И. Ильин в «Местных известиях» отметил и обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. в Тобольской губернии, который хотя и не имел в ней «всеобщего огромного значения», но множество сосланных из крепостных «от глубины души радовались освобождению своих отцов, матерей, братьев, сестер»⁵⁸².

В своих обзорах городской жизни В.И. Ильину приходилось констатировать, что беседовать с читателем не о чем, поскольку «при недостатке важных общественных интересов и почти при отсутствии общественной жизни» отдаленный Тобольск «живет день за днем, – завтра, как вчера, и вчера, как нынче»⁵⁸³. Цены, виды на урожай, погода и ее переменчивый характер – вот чем приходилось наполнять рубрику «Местные известия». «Московские ведомости» в 1861 г. процитировали письмо К.М. Голодникова (который трижды будет редактором «То-

⁵⁷⁹ Коломогоров. Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири // Северная пчела. 1859. № 67. 27 марта. С. 267.

⁵⁸⁰ В.И. Несколько слов об описателях Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 20. 16 мая. С. 260.

⁵⁸¹ Грыцько [Елисеев Г.З.] О Сибири (по поводу статей г. Колмогорова, преимущественно же статьи его «Собственность и община», помещенной в 10-й книжке «Отечественных записок» 1858 г.) // Современник. 1858. № 12. С. 161–208.

⁵⁸² В.И. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 15. 15 апр. С. 117.

⁵⁸³ В.И. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 13. 1 апр. С. 109.

больских губернских ведомостей» на протяжении ее последующей истории) с нелестным мнением обо всех первых годах выхода ведомостей: «...что сказать о содержании их – право, не знаем: худого говорить не хотелось бы, а хорошего сказать – нечего. Если губернские ведомости должны быть зеркалом, в котором отражались бы во всей полноте и истине положение края, его нужды, потребности и т.п., то надобно признаться, что в этом отношении наши ведомости не вполне соответствуют своему назначению»⁵⁸⁴. В ответ тобольская газета возразила только по поводу чистоты своего типографского исполнения, а на пожелание быть «посовременнее» пригласила взяться за перо самого Голодникова, «имя которого мы в первый раз имеем удовольствие встретить в печати»⁵⁸⁵. Эта просьба была исполнена Голодниковым в конце 1863 г. в виде разговора автора с тенью отца сибирской истории Г.Ф. Миллера по поводу будущего Тобольска и его благоустройства⁵⁸⁶.

Таблица 16

Темы публикаций в неофициальной части
«Тобольских губернских ведомостей» в 1858–1870 гг.⁵⁸⁷

Темы публикаций		1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	Итого
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
История		9	22	17	4	3		2	6	3	4	2		4	10	86
Этнография	Коренное население	7	4	2	2	4			1		1	1	2		1	25
	Русское население		3	3							2					8

⁵⁸⁴ Внутренняя корреспонденция // Московские ведомости. 1861. № 77. 6 апр. С. 613.

⁵⁸⁵ Тобольские губернские ведомости. 1861. 30 апр. № 17. С. 138–139.

⁵⁸⁶ Гол-ковъ. Нечто вроде проекта приращения городских доходов г. Тобольска // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 50. 14 дек. С. 440–443.

⁵⁸⁷ Подсчитано путем просмотра неофициальных частей «Тобольских губернских ведомостей» за соответствующие годы и по указателю публикаций неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» с 1857 по 1897 г., составленному Ю.Л. Мандрикой. В преддверии публикации автор выражал надежду, что «собранный эмпирический материал понадобится будущим исследователям не только неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», но и системы губернских ведомостей» (Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания... Приложение 1. С. 5).

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Экономика	26	34	25	12	9	13	17	14	13	12	10	13	18	20	236
География и природа	8	19	4	5	3	8	5	3			2	2	6	1	66
Духовная, общественная и повседневная жизнь (включая рубрику «Местные известия»)	51	56	46	24	27	17	42	39	57	91	43	75	68	82	718
Образование и просвещение	4	4	4	4	4	18	28	22	12	11	18	8	7	7	152
Здравоохранение и медицина (включая ведомости о больных и призреваемых)	2	4	3	10	2		3	5	5	13	16	5	19	1	88
Домоводство	1														1
Итого	109	146	104	61	52	56	97	90	90	134	92	105	122	122	1380

Влияние консервативных взглядов губернатора А.В. Виноградского и его осторожность в выборе тем особенно заметны в сравнении с изменением направления «Тобольских губернских ведомостей» при А.И. Деспот-Зеновиче, который еще в период службы кяхтинским градоначальником в 1862 г. организовал и цензурировал недолго просуществовавший «Кяхтинский листок». Положение нового губернатора, назначенного в конце в 1862 г., было двусмысленным – с одной стороны, благодаря своей фамилии, он обладал связями и покровительством в столице⁵⁸⁸, с другой – находился под негласным полицейским надзором. Имея западные корни и владея польским языком, он должен был как администратор устраивать быт своих соотечественников, сосланных после восстания 1863 г. в Сибирь. «Тобольские губернские ведомости» стали использоваться А.И. Деспот-Зеновичем (как в свое время «Иркутские губернские ведомости» его прежним начальником Н.Н. Муравьевым) для укрепления личного авторитета и для открытого обсуждения некоторых сторон местной общественной жизни. В газете последовательно стала проводиться мысль о размежевании нового губернатора со своим предшественником, давалась оценка его методам управления краем: «Формализм и попустительство прежнего начальника губернии подвергли жителей Березовского края угрозе го-

⁵⁸⁸ Александр Иванович Деспот-Зенович // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 3. 20 янв. С. 40; Памяти А.И. Деспот-Зеновича // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 37. 11 мая. С. 651.

лодной смерти. Только разрешение А.И. Деспот-Зеновича выдавать крестьянам хлеб из казенных запасных магазинов, предназначавшихся для инородцев, позволило разрешить эту чрезвычайную ситуацию»⁵⁸⁹; «Ныне возбужденный к деятельности призывом г. начальника губернии, дамский [тюремный] комитет как бы обновился и с прежней ревностью принялся за свое доброе дело»⁵⁹⁰; «В нынешнее время губернская власть совершенно изолирована от всевозможных влияний таких личностей... [благодарящих губернатора за услуги]»⁵⁹¹; «Впрочем, о пользе и важности для края означенных мер и предположений [о развитии Обдорской ярмарки] мы распространяться не будем, тем более, что – как мы знаем наверное – они уже имеются в виду губернского начальства»⁵⁹² и т.д.

Тема образования и благотворительности, начатая с самого первого года выхода «Тобольских губернских ведомостей» (на что было обращено подробное внимание исследователей⁵⁹³), получила продолжение в конце 1862–64 гг.⁵⁹⁴ Директор гимназии и училищ Тобольской губернии Ф.В. Рудаков, проявивший свою активную общественную позицию еще в Томске, на должности учителя законовещения и в «Томских губернских ведомостях» (см. раздел 3.2), с конца 1862 г. начал публикацию журналов педагогического совета тобольской гимназии – по сути внутренних документов ее деятельности, не предназначенных для печати и содержащих прямые и не лакированные перед публикацией мнения педагогов по поводу улучшения преподавания своих предметов. Например, учитель немецкого языка утверждал, что «покуда ученики не знают твердо своего отечественного языка, они не будут в состоянии присвоить себе

⁵⁸⁹ Е.А. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 7. 16 февр. С. 44–45.

⁵⁹⁰ В.И. Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 42. 19 окт. С. 359.

⁵⁹¹ Примечание редактора к статье А. Иконникова «Замечательная гроза в Березове и несколько слов о минувшем лете» (Тобольские губернские ведомости. 1863. № 44. 2 нояб. С. 383).

⁵⁹² Березовец [Иконников А.И.] Заметки об Обдорской ярмарке // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 7. 15 февр. С. 59.

⁵⁹³ Морозова Н.Н. Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866)... С. 151–157.

⁵⁹⁴ См., например, дискуссию между Н.С. Знаменским и В.А. Ильиным по поводу форм призрения нищих – богадельни или «дома трудолюбия» и ремесленные школы (Николай Знаменский. Еще о богадельнях // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 7. 16 февр. С. 45–47; В.И. Несколько слов на статью г. Н.З. // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 8. 23 февр. С. 53–55; Николай Знаменский. Ответ на статью г. В.И. «Еще о богадельнях» // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 10. 9 марта. С. 73–74).

знания в иностранных языках...»⁵⁹⁵. Учитель законоведения в качестве материалов для практических занятий без стеснения просил права пользоваться текущими делами губернского правления и казенной палаты⁵⁹⁶. Учитель физики и геометрии сетовал, что в классе не хватает простейших измерительных приборов – циркулей, транспортиров, складного аршина, измерительной тесьмы и т.д.⁵⁹⁷ Учитель русского языка считал, что причина плохой успеваемости – недостаточная домашняя подготовка детей бедных чиновников с помощью «дешевых учителей» из кантонистов и полная неготовность детей «достаточных людей» вкупе с их избалованностью⁵⁹⁸. Учитель французского, заслуживший всеобщее осуждение, высказался за «открытие карцера» и применение к ученикам, в крайних случаях, телесных наказаний⁵⁹⁹. В ответ на критику со стороны журнала «Воспитание» по поводу открытого обнародования таких разных учительских мнений Ф.В. Рудаков ответил, что «как гимназия существует для местного общества, так и губернские ведомости должны служить органом и отголоском всех местных событий и указателем местных же потребностей общества»⁶⁰⁰. Таким образом, расширялись функции общественного контроля в рамках готовящейся реформы образования (для этой же цели двери гимназии во время занятий и педсоветов становились открытыми для посещения).

Была поднята в «Тобольских губернских ведомостях» и тема высшего образования в Сибири (ранее, в конце 1862 г., об этом писали «Иркутские губернские ведомости»⁶⁰¹). Статья о литературно-музыкальном вечере в Березове 11 июля 1863 г. в пользу воспитан-

⁵⁹⁵ Мнение младшего учителя немецкого языка тобольской гимназии Ричарда Бострема о препятствиях к успешному преподаванию немецкого языка в гимназии // Тобольские губернские ведомости. 1862. № 46. 17 нояб. С. 310.

⁵⁹⁶ Копия с мнения старшего учителя законоведения Матросова об улучшениях, которые полезно было бы ввести при преподавании законоведения в наступающем 1862/63 учебном году // Тобольские губернские ведомости. 1862. № 47. 24 нояб. С. 319.

⁵⁹⁷ Копия с мнения старшего учителя Иллариона Слауты о препятствиях, встречавшихся при преподавании геометрии и физики, и о мерах к улучшению преподавания этих предметов // Тобольские губернские ведомости. 1862. № 47. 24 нояб. С. 318–319.

⁵⁹⁸ Копия с мнения старшего учителя Плотникова вообще о препятствиях к более успешному преподаванию в Тобольской гимназии и в особенности о преподавании русского языка // Тобольские губернские ведомости. 1862. № 48. 4 дек. С. 323.

⁵⁹⁹ Мнение младшего учителя французского языка Осипа Палюлона // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 4. 26 янв. С. 24

⁶⁰⁰ Рудаков. Ответ на замечания журнала «Воспитание» против педагогических статей Тобольской гимназии // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 18. 4 мая. С. 141.

⁶⁰¹ Сибиряк [Загоскин М.В. – ?] // Иркутские губернские ведомости. 1862. № 46. 17 нояб.

ников тобольской семинарии и гимназии, отправляющихся для обучения в университетах, заканчивалась следующим призывом к читателям: «Нет, господа, если мы дорожим нашей Сибирью, которую зовут золотым дном России, если мы не хотим, чтобы ее сокровища и богатства лежали втуне или доставались в чуждые, а тем паче недостойные руки, мы должны умножить наши низшие и средние учебные заведения, училища и гимназии, но еще более должны позаботиться о том, чтобы основать свой сибирский университет или, еще лучше, для двух частей Сибири два университета – восточный и западный»⁶⁰². Автором статьи был профессор философии Пермской семинарии, затем чиновник особых поручений при пермском губернаторе А.И. Иконников, сосланный в Березов за распространение антиправительственной прокламации. Деспот-Зенович добился перевода Иконникова из Березова в Тобольск⁶⁰³.

В 1863 г. в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» начал свою публицистическую деятельность тюменский купец Н.М. Чукмалдин, статьи которого, написанные в жанре фельетона, отличались прямотой и самостоятельностью суждений, практической направленностью и касались вопросов экономического благосостояния, городского самоуправления и образования. В статье «Купцы и мещане г. Тюмени», подписанной псевдонимом «Тюмонец», Н.М. Чукмалдин, заостря внимание на сословном противостоянии купечества и мещанства, выступил против собственной корпорации, встав на сторону мещанского общества в вопросе о сносе деревянных корпусов тюменского гостиного двора. Этот вопрос трактовался автором гораздо шире – кто и каким образом должен распоряжаться налогами, собираемыми тюменской думой с городских жителей?⁶⁰⁴ Мнение нарождающейся буржуазии о свободе торговли звучало и в статье в «Ирбитском справочном листке» – о преднамеренном завышении оборотов Ирбитской ярмарки для того, чтобы повысить ее значение в неэквивалентной торговле с Сибирью⁶⁰⁵. «Существует ли общество для запасных магазинов или мага-

⁶⁰² Иконников А.И. Литературно-музыкальный вечер в Березове и несколько слов, сказанных к публике одним из учредителей вечера // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 33. 17 авг. С. 268.

⁶⁰³ Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания... С. 82.

⁶⁰⁴ Тюмонец. Купцы и мещане г. Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 15. 13 апр. С. 104–109.

⁶⁰⁵ Чукмалдин Н. Об Ирбитской ярмарке в 1863 г. // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 19. 26 мая. С. 151–154.

зины для общества?» – писал Н.М. Чукмалдин в статье о злоупотреблениях волостных писарей⁶⁰⁶ в таких резких выражениях, что редактор И.Н. Юшков снабдил статью примечанием о том, что она допущена к печати самим губернатором и «для искоренения описываемого автором зла в самоуправлении сельских обывателей, если оно где и существует, принимаются надлежащие меры». Благодаря высокому покровительству редактор мог смело советовать описываемым в статье административным лицам: «Затем желательно, чтобы полицейские чиновники и волостные лица прочитали бы эту статью и подумали»⁶⁰⁷. А.И. Деспот-Зенович благоволил новому автору и через редактора просил «г. Тюменца продолжать свою литературную деятельность и уверить, что статьи его всегда найдут место в нашей газете»⁶⁰⁸. Далее Н.М. Чукмалдин, воспользовавшись приглашением к открытости сферы образования затеял рискованную в цензурном отношении пикировку с тюменским уездным училищем, обвинив его администрацию в формализме в деле открытия в городе публичной библиотеки, книги и периодику для которой планировал пожертвовать сам Чукмалдин⁶⁰⁹. Училищные чиновники восприняли такую непрошенную благотворительность как покушение на сферу их служебной деятельности⁶¹⁰, а Чукмалдин в ответ на «благородное пренебрежение» ответил развязно и бравируя собственным социальным положением: «Педагогический совет считает для себя неприличным излагать по моему единоличному заявлению о своей деятельности. Вот если бы об этом попросили достойнейшие представители общества, на деле доказавшие свое сочувствие к учебным заведениям, ну тогда другое дело. А так как я этих отличий не имею, то и толковать со мною нечего»⁶¹¹. Досталось и И.И. Завалишину за его «тиснение о Тюмени»⁶¹² и ее небывалых

⁶⁰⁶ *Тюменец*. Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 16. 20 апр. С. 122.

⁶⁰⁷ *Примечание редактора* // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 16. 20 апр. С. 124.

⁶⁰⁸ *От редакции* // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 18. 4 мая. С. 146.

⁶⁰⁹ *Н. Чукмалдин*. Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 32. 10 авг. С. 254–258.

⁶¹⁰ *Копия с журнала педагогического совета тюменского уездного училища* // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 45. 9 нояб. С. 390–393; *Неугодников*. Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 51. 21 дек. С. 448–449.

⁶¹¹ *Из Тюмени* // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 3. 18 янв. С. 22.

⁶¹² *Чукмалдин Н.* Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 35. 31 авг. С. 286–289; *Чукмалдин Н.* Заметки на заметки // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 1. 4 янв. С. 1–4.

торговых оборотах: «Оказывается на поверку, что ворочают огромными цифрами не тюменские купцы, а сам г. Завалишин»⁶¹³. «Путевые заметки» И.И. Завалишина начали публиковаться в «Тобольских губернских ведомостях» (1863. № 41. 12 окт. – № 47. 23 нояб.), с предупреждением редактора И.Н. Юшкова, что автор – «утопист и все хотел бы видеть в стройном виде, в розовом свете»⁶¹⁴.

Присутствие с самого начала выхода газеты рубрики «Местные известия» и статей фельетонного содержания, которые в период управления губернией Деспот-Зеновичем приобрели общественное звучание, необходимо было узаконить. Положение Комитета министров о расширении программы некоторых губернских ведомостей 15 ноября 1863 г. было использовано губернатором как возможность сделать это. В декабре 1863 г., минуя Главное управление Западной Сибири, он напрямую обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву об изменении внешнего вида и внутреннего содержания «Тобольских губернских ведомостей». Для «придания им современной формы» и сокращения расходов на бумагу, от выпуска «в четверку» необходимо было перейти к формату «в лист» и печати компактным шрифтом следующих без пропусков друг за другом отделов (с выделением статей «для всеобщего сведения» более крупным шрифтом). Казенные объявления перемещались в конец номера к объявлениям частным. Неофициальная часть, по мнению Деспот-Зеновича, должна была содержать не только статьи, «относящиеся к статистическим, историческим, географическим и этнографическим описаниям губернии», но и фельетон, который должен содержать «местные известия как из Тобольска, так и других городов губернии», с целью «по возможности, обрисовывать жизнь губернии»⁶¹⁵. МВД, соблюдая административную субординацию, запросило мнение генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который в апреле 1864 г. ответил П.А. Валуеву, что он согласен с предлагаемым тобольским губернатором форматом, как «более соответствующим содержанию газеты и полезным в экономическом отношении», и не находит со своей стороны препятствий к принятию новой программы⁶¹⁶. В результате 4 июня 1864 г. Петербургский цензурный комитет, за подписью министра внутренних дел, разрешил из-

⁶¹³ Чукмалдин Н. Заметки на заметки // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 2. 11 янв. С. 10.

⁶¹⁴ Тобольские губернские ведомости. 1863. № 42. 19 окт. С. 353.

⁶¹⁵ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 54об–57.

⁶¹⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 837. Л. 2–2об.

менение формы издания «Тобольских губернских ведомостей», перестановку в газете отделов и перепечатку политических статей из официальных печатных органов, согласно Положению 15 ноября 1863 г.⁶¹⁷ Фельетон как не соответствующий изначальной программе ведомостей разрешен не был и продолжил свое существование на нелегальном положении.

В 1864 г. «Тобольские губернские ведомости» обратили на себя внимание цензурного ведомства как «отозвавшиеся о чиновниках и канцеляриях присутственных мест вообще в выражениях, решительно неуместных в официальном губернском органе»⁶¹⁸. По всей видимости, речь шла об одной из последних статей Н.М. Чукмалдина, в которой он, как обычно без лицепрития, описал отношения новоизбранного депутата городской думы с губернской администрацией (которые, отметим, с тех пор мало изменились): «Он чисто машинально в течение первого года приучает себя ко всем обрядностям канцелярского делопроизводства и, подписывая отчеты, рапорты и донесения к высшему начальству, становится мало-помалу под общий чиновный тон ... и вот он пугливый сначала, освоившийся несколько с делом при проходе первой половины трехлетия, становится сам, в половине и конце служебного периода, на полную канцелярскую точку зрения и выучивается отписываться от начальства и внутренне презирать тот воображаемый общественный контроль, который, казалось ему, сначала висел над ним, как меч Дамокла»⁶¹⁹.

По мнению Ядринцева, после того как Тобольск лишился «одного из просвещенных администраторов», с 1868 г. «Тобольские губернские ведомости» «падают, делаются бесцветными и скудными»⁶²⁰. Этот вывод можно распространить на более ранний срок, и не по причине смены губернатора, а ввиду цензурного предупреждения газете в 1864 г. и «дела областников», начатого в мае 1865 г. Хотя в новогоднем номере 1865 г. И.Н. Юшков написал, что газета «выросла» (увеличился ее формат⁶²¹, а неофициальная часть была объединена с неофициальной) и будет улучшаться в «отношении

⁶¹⁷ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 61; Ф. 1286. Оп. 24. Д. 837. 1863–1869 гг. Л. 6.

⁶¹⁸ *Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие в отечественной журналистике за 1863 и 1864 г.* СПб., 1865. С. 295.

⁶¹⁹ Чукмалдин Н. Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 47. 21 нояб. С. 404.

⁶²⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... С. 669.

⁶²¹ См.: Формат «Тобольских губернских ведомостей» с 1865 г. увеличился с 27,5 x 21,5 до 46 x 32,5 см.

занимательности ее содержания»⁶²², а в ее программе появился политический отдел (перепечатавающий столичные известия из центральных газет), полемические статьи на местные темы исчезли с ее страниц. Как и в других губернских ведомостях Сибири, в 1866–1867 гг. в тобольской газете, с некоторым опозданием по времени, были освещены факты «злодейских покушений» на Александра II, сообщено о негодующей реакции на эти события местной общественности, благодарственных молебнах и отправленных в Петербург верноподданнических телеграммах⁶²³. Несколько сообщений были посвящены отцу спасителя императора – И.А. Комиссарову, возвращавшемуся из сибирской ссылки через Тюмень⁶²⁴. Под видом прибавлений к ведомостям на отдельных листах распространялись частные рекламные объявления-визитки⁶²⁵.

В 1870-х гг. содержание неофициальной части свелось к отчетам, объявлениям, извлечениям из журналов, шаблонным стихам по поводу, за авторством К.М. Голодникова⁶²⁶. С 1874 г. вся газета со-

⁶²² *Тобольские губернские ведомости*. 1865. № 1. 2 янв. С. 1.

⁶²³ *Речь*, произнесенная протоиереем Иоанном Тиховым в 16 день апреля 1866 года, пред молебствием за спасение государя императора Александра Второго от выстрела, по нему сделанного // *Тобольские губернские ведомости*. 1866. № 19. 7 мая. С. 127; *Местные известия*. Такмытец. Слобода Такмыцкая // *Тобольские губернские ведомости*. 1866. № 24. 11 июня. С. 167; *Местные известия*. Н. Абрамов Семипалатинск // *Тобольские губернские ведомости*. 1866. № 24. 11 июня. С. 168; *Местные известия* // *Тобольские губернские ведомости*. 1867. № 16. 22 апр. С. 91; *Тобольские губернские ведомости*. 1867. № 21. 27 мая. Особое прибавление.

⁶²⁴ *Посторонний*. Местные известия // *Тобольские губернские ведомости*. 1867. № 27. 2 июля. С. 195; *Об отце* О.И. Комиссарова // *Тобольские губернские ведомости*. 1867. № 20. 16 июля. С. 211 и др.

⁶²⁵ «Титулярный советник Иван Людвигов Путвинский, имеющий аттестаты в знании дела, принимает на себя ходатайство по всем уголовным и гражданским делам, производящимся как в старых, так и новых судебных местах. Жительство имеет в Тобольске, второй части, в доме мещанина Оржика. Отпечатано в типографии Тобольского губернского правления» (*Прибавление* к «Тобольским губернским ведомостям» № 35 от 31 авг. 1868 г.).

⁶²⁶ «День желанный, день торжественный, // Полный тайных дум и грез, // Что ты волею божественной // Краю нашему принес? <...> Принеси нам мир со славою, // С плодородием полей; Укрепи в нас с верой правую, // Торжество святых идей! // Дай суды нам равноправные, // И в них веру осяти; // Краю нашему исправные // Дай железные пути...» и т.д. (*Голодников К.* На новый 1870 г. // *Тобольские губернские ведомости*. № 1. 3 янв. С. 1); «Привет тебе, грядущий год, // Безмолвный вестник Провидения! // Какое миру твой приход // Принес с собою обновленье? // Властитель гордый и плебей, // Бездарный труженик и гений // Судьбы таинственных велений // Тревожно ждут с чредой твоей...» и т.д. (*К. Г-въ*. На новый 1880 г. // *Тобольские губернские ведомости*. 1880. № 1. 5 янв. С. 4). Автор был не оригинален и в отношении приветственных слов на 1884 год: «Привет тебе, грядущий год, // Безмолвный вестник Провиденья; // Какое миру твой приход // Принес с собою обновленье? // Властитель гордый и плебей, // Бездарный труженик

ставляла только четыре страницы, а часть неофициальная стала формальным разделом. Перестали даже публиковаться объявления о подписке на ведомости. После увольнения по собственному желанию И.Н. Юшкова, которому была объявлена благодарность губернского начальства «за усердное и безвозмездное» исполнение им своих обязанностей в течение более 10 лет⁶²⁷, должность редактора официальной и неофициальной частей «Тобольских губернских ведомостей» с 19 сентября 1870 г. занял помощник столоначальника, выпускник тобольского духовного училища Е.В. Кузнецов⁶²⁸. Свою первую очерковую зарисовку о селе Новом, находящемся в 100 верстах от Тобольска, он опубликовал в конце 1866 г.⁶²⁹ С 26 мая 1873 г. Е.В. Кузнецов, по собственному желанию, был перемещен на должность столоначальника общего губернского управления, а место редактора занял переводчик с татарского языка А. Пальмов⁶³⁰, который проработал до 13 января 1877 г., а затем перешел на должность земского заседателя березовского округа⁶³¹. С 21 января 1877 г. редактором газеты стал канцелярский служащий, столоначальник тобольского губернского суда Н. Никулин⁶³², а с 10 июля 1879 г. – Г. Ляпустин, не имевший до этого опыта чиновной работы⁶³³. Все редакторы, как и Кузнецов, имели духовное образование – А. Пальмов и Н. Никулин окончили тобольскую, а Г. Ляпустин – пермскую духовную семинарию.

В начале 1880 г. тобольский губернатор В.А. Лысогорский обратился к генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову с просьбой определить для неофициальной части губернских ведомостей особое редактора и расширить их программу⁶³⁴, помещать в них «известия, сведения и материалы, относящиеся до местности своей губернии и различных сторон ее быта»⁶³⁵, а перепечаткам отводить второстепенное место. Министр внутренних дел Л.С. Маков

и гений // Судьбы таинственных велений // Тревожно ждут с чредой твоей...» и т.д. (К.Г. На новый 1884 год // Тобольские губернские ведомости. 1883. № 53. 31 дек. С. 1).

⁶²⁷ *Благодарность* начальства // Тобольские губернские ведомости. 1870. № 38. 19 сент. Часть официальная. С. 189.

⁶²⁸ *Тобольские губернские ведомости*. 1870. № 38. 19 сент. Часть официальная. С. 189.

⁶²⁹ *Кузнецов Ев.* Село Новое // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 46. 12 нояб. С. 329.

⁶³⁰ *Тобольские губернские ведомости*. 1873. № 21. 26 мая. Часть официальная. С. 1.

⁶³¹ *Тобольские губернские ведомости*. 1877. № 3. 15 янв. Часть официальная. С. 1.

⁶³² *Тобольские губернские ведомости*. 1877. № 4. 22 янв. Часть официальная. С. 1.

⁶³³ *Тобольские губернские ведомости*. 1879. № 30. 23 июля. Часть официальная. С. 2.

⁶³⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. 1880 г. Л. 4–5.

⁶³⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 6.

и министр финансов А.А. Абаза не нашли препятствий в удовлетворении этого ходатайства⁶³⁶. 21 октября 1880 г. В.А. Лысогорский назначил редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» надворного советника, секретаря губернского статистического комитета К.М. Голодников⁶³⁷, который с № 44 от 1 ноября 1880 г. приступил к своим обязанностям. Капитон Михайлович Голодников (1824–1906), выпускник тобольской гимназии, начал свою трудовую биографию учителем русского языка в Ялуторовском уездном училище, а с 1846 г. вступил в чиновную службу⁶³⁸. Эпизодически публиковался в «Тобольских губернских ведомостях» с конца 1863 г., хотя первое его выступление в печати (в «Московских ведомостях», в 1861 г.) содержало критику в адрес тобольской газеты. В объявлении о подписке на следующий год редактор обещал читателю, по доступной цене, как обычно больше, чем мог выполнить: телеграммы, извлечения из русских и иностранных газет, статьи исторического и этнографического содержания, статистические сведения о ходе торговли и промышленности, сведения о строительстве путей сообщения, об урожае и вскрытии рек, о постановке учебного дела в губернии, о деятельности благотворительных учреждений, о концертах, спектаклях, юбилейных торжествах и других общественных делах, сведения о происшествиях и частные объявления. Источником такого наполнения должно было стать «просвещенное сочувствие к делу этому со стороны высшего начальства и уверенность в содействии трудам редакции лиц интеллигентных»⁶³⁹. Неофициальная часть увеличилась до 6–8 страниц, что составляло половину номера. Редактор начал публикацию собственного сочинения – «От Тобольска до Обдорска летом и зимою», в котором путевые впечатления сочетались с историческими справками и этнографическими зарисовками (1880. № 44, 45, 47, 48, 50–52; 1881. № 1, 3, 5, 7, 9–11). Однако внезапно, сразу после наступления нового 1881 г., Голодников «по делам службы» 3 января выехал в Омск⁶⁴⁰, и на его место временно исполняющим должность редакто-

⁶³⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 7–9.

⁶³⁷ *Тобольские губернские ведомости*. 1880. № 44. 1 нояб. Часть официальная. С. 2.

⁶³⁸ Мандрика Ю.Л. Капитон Михайлович Голодников (1824–1906) // *Тобольские губернские ведомости*. Редакторский корпус. С. 103–104.

⁶³⁹ *Тобольские губернские ведомости*. 1880. № 48. 29 нояб. С. 4.

⁶⁴⁰ Причины такой поспешной поездки не ясны – служебные неприятности или, наоборот, необходимость личного свидания с генерал-губернатором Н.Г. Казнаковым. 1882 год был годом празднования 300-летия присоединения Сибири к России, и к этой дате был опубликован труд К.М. Голодникова «Тобольская губерния накануне 300-летней

ра был назначен чиновник особых поручений коллежский секретарь Покровский⁶⁴¹, а с 14 февраля 1881 г., после окончательного увольнения Голодникова, неофициальную часть, без прав государственной службы, возглавил М.С. Знаменский – титулярный советник в отставке⁶⁴². Михаил Степанович Знаменский (1833–1892) был человеком разносторонних дарований и занятий⁶⁴³, но за пределами Сибири вошел в историю как художник-карикатурист журналов «Искра» и «Маляр». «Тобольскими губернскими ведомостями» Знаменский руководил менее года (до 17 декабря 1881 г.)⁶⁴⁴, опубликовав в них «Прогулки по историческим окрестностям Тобольска» (1881. № 17, 37, 39, 45, 47), приуроченные к празднованию 300-летия присоединения Сибири к России и рассказывающие о Ермаке как историческом и фольклорном персонаже, а также свои переводы из «Путешествия в Западную Сибирь» 1876 г. немецких ученых Отто Финша и Альфреда Брема (1881. № 14–16, 20, 21, 32–35; 1882. № 19–22, 25, 28, 31, 33, 37–39, 41, 43–48, 50)⁶⁴⁵.

После нескольких месяцев временных редакторов – коллежского регистратора Г. Ляпустина (1881. № 50. 12 дек. – 1882. № 9. 27 февр.) и коллежского регистратора В. Лепорского (1882. № 10. 6 марта – № 18. 1 мая) – редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» вновь стал К.М. Голодников, которого губернатор В.А. Лысогорский первоначально и прочил на эту должность⁶⁴⁶. Почти десятилетний период руководства К.М. Голодникова достаточно хорошо изучен⁶⁴⁷. Газета, действительно, превратилась в авторскую и по своему содержанию скорее напоминала губернские

годовщины покорения Сибири русскими», стоимостью 1 руб. 50 коп. с пересылкой (*Тобольские губернские ведомости*. 1882. № 34. 22 авг. С. 9).

⁶⁴¹ *Тобольские губернские ведомости*. 1881. № 2. 10 янв. Часть официальная. С. 1.

⁶⁴² *Тобольские губернские ведомости*. 1881. № 7. 14 февр. С. 3.

⁶⁴³ *Адамов А.А. Знаменский Михаил Степанович // Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 601; *Знаменский Михаил Степанович. Исторические окрестности города Тобольска: сочинения / автор предисловия В.А. Рогачев; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1997. 381 с.; Мандрика Ю.Л. Она начиналась с рецепта чернил // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус... С. 8–9.*

⁶⁴⁴ *Тобольские губернские ведомости*. 1881. № 52. 24 дек. С. 1–2.

⁶⁴⁵ «Знаменский некоторое время был редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», где помещал свои статьи и переводы из путешествий Брема и Финча» (*Некролог. М.С. Знаменский (Перепечатка из «Сибирского листка») // Тобольские губернские ведомости*. 1892. № 11. 14 марта. С. 20–21).

⁶⁴⁶ *Тобольские губернские ведомости*. 1882. № 19. 8 мая. С. 2.

⁶⁴⁷ *Мандрика Ю.Л. «Голодниковский период» созвучен с «ледниковым»... // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы : антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 2004. Кн. 1. С. 7–16.*

ведомости образца 70-х гг., чем современную газету 80-х (как, например, неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» периода редакторства Е.В. Корша). Развернутых статей и передовых практически не было, местная хроника описывала одно-два события, для развлечения публики перепечатывались всякого рода занимательные сведения.

Несколько особняком по своему содержанию и последствиям стояло письмо в редакцию в октябре 1883 г. по поводу выборов в тобольскую городскую думу, прежний голова которой – купец Плотников – обвинялся в растрате всего городского капитала в 40 тыс. руб. «Желательно было бы видеть в новом городском голове и заступающим на его место лиц добросовестных, деятельных, знакомых хорошо с городским хозяйством и самое главное – не ищущих в почтенном звании своем никаких интересов, присущих их коммерческим операциям»⁶⁴⁸, – напутствовал избирателей неизвестный автор, которым, как оказалось, был сам К.М. Голодников⁶⁴⁹. Статья появилась в газете, когда В.А. Лысогорский находился в отпуске, и одобрена председателем губернского правления А.И. Дмитриевым-Мамоновым⁶⁵⁰, видимо, солидарным с автором. Возмущенный Плотников, считая себя публично и печатно оскорбленным, потребовал от вернувшегося из отпуска Лысогорского напечатать свой ответ-опровержение, но получил отказ с объяснением, что в ведомостях не должны допускаться статьи с резкими заявлениями и полемической направленности. По этому поводу в августе 1884 г. губернатор обратился в Главное управление по делам печати, которое отметило, что программа губернских ведомостей была нарушена уже в первом случае, и предписало напечатать опровержение не лично от Плотникова, а от редакции, которое было бы «вполне согласно с действительностью и не заключало в себе укоризненных выражений»⁶⁵¹.

1 июля 1891 г. К.М. Голодников, по собственному прошению, был освобожден губернатором В.А. Тройницким от должности и прикомандирован в канцелярию губернского совета по крестьянским делам. Редактором неофициальной части стал коллежский

⁶⁴⁸ *Тобольские губернские ведомости*. 1883. № 42. 15 окт. С. 4–5.

⁶⁴⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 12.

⁶⁵⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 10–10об.

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 10–12, 22–23.

ассессор Е.В. Кузнецов⁶⁵². Смена редактора была продиктована новой важной задачей, вставшей перед Тобольском – необходим был хороший автор, которому можно было доверить описание визита наследника престола Николай Александровича, возвращавшегося из поездки на Восток через Сибирь (аналогичная смена редактора произошла в «Енисейских губернских ведомостях»). Первый же номер, подписанный Е.В. Кузнецовым, содержал статью «Накануне светлого дня»: «Неожиданная весть о посещении Тобольска наследником престола, словно обильная струя живоносной воды, окропила дремлющего старейшину сибирских городов...» и т.д.⁶⁵³ Последующие публикации о «памятном дне всеобщих восторгов и радостей» были написаны в том же верноподданническом духе. Подробности о покушении на будущего императора в Японии соседствовали с историческим рассказом о нападении на тобольского полицмейстера Марка Бабановского в 1750 г. – в обоих случаях злоумышленники действовали холодным оружием – саблей, шпагой⁶⁵⁴.

В 1893 г., при губернаторе Н.М. Богдановиче «Тобольские губернские ведомости» вступили в новый период своего развития. Неофициальная часть стала выходить отдельно от официальной и по расширенной программе, такой же, как писал губернатор в Главное управление по делам печати, какой «держатся подобного сего рода издания и в Европейской России»⁶⁵⁵: передовые статьи; статьи по вопросам археологии, истории, этнографии, статистике, сельской промышленности края; текущие заметки; хроника общественной жизни Тобольска и других городов губернии; сибирские вести; телеграммы Северного телеграфного агентства; корреспонденции из городов и сел губернии; деятельность городской думы; извлечения из отчетов местных ученых и благотворительных обществ; общепользные сведения по астрономии, медицине, сельскому хозяйству, экономии; сибирская библиография; смесь; письмо в редакцию; сведения о происшествиях в городе и по губернии. В заявленном фельетоне (не как жанре, а разделе – «в подвале»)

⁶⁵² РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 24; *Тобольские губернские ведомости*. 1891. № 27. 6 июля. Часть официальная. С. 5.

⁶⁵³ *Тобольские губернские ведомости*. 1891. № 27. 6 июля. С. 9.

⁶⁵⁴ *Подробности о злодейском покушении 29 апреля в городе Оцу (перепечатка из «Правительственного вестника») // Тобольские губернские ведомости*. 1891. № 31. 3 авг. С. 15–17; *Из Тобольской старины*. Нападение на полицмейстера Бабановского // *Тобольские губернские ведомости*. 1891. № 31. 3 авг. С. 17.

⁶⁵⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 25об.

помещались очерки, рассказы, новеллы, стихотворения и, собственно, фельетоны⁶⁵⁶. В 1894 г. к этим пунктам добавились судебные известия, собственные телеграммы «Тобольских губернских ведомостей», извлечения из органов печати Сибири и Приуралья, а передовые заявлялись как «руководящие статьи по вопросам, касающимся сибирской жизни»⁶⁵⁷.

Официальная часть отделялась от неофициальной и предназначалась только для обязательных подписчиков, выходя по субботам. Неофициальная часть издавалась по средам (с 1894 г. – по воскресеньям), с отдельной подпиской – 3 руб. в год (2 руб. для сельских управ, школ и библиотек). С 1895 г. газета стала выходить два раза в неделю (по воскресеньям и четвергам), с увеличением подписной платы до 5 руб. (4 руб. для сельских управ, школ, библиотек и читален). Для издания, ставившего своей целью стать универсальной газетой⁶⁵⁸, такая плата была очень умеренной. «Восточное обозрение», выходившее три раза в неделю, стоило 8 руб., а омский «Степной край», возглавляемый бывшим редактором «Тобольских губернских ведомостей» К.М. Голодниковым и имевший периодичность два раза в неделю, – 7 руб. (для иногородних – 7 руб. 50 коп.). В отсутствие Е.В. Кузнецова, кроме того, входившего в состав губернского статистического комитета, комитета тобольского музея и Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, редакторские функции исполнял секретарь тобольского губернского попечительного комитета о тюрьмах Л.Е. Луговской.

Акцент в газете был сделан прежде всего на развернутую хронику местных событий, причем не только Тобольска, но и Тюмени, Омска и Томска. «Эти отделы в газетах читаются публикой с захватывающим интересом, так как дают пищу для разговоров, сокращающих скучно и однообразно текущее время»⁶⁵⁹. Использовались для этой цели и современные графические средства – в № 41 от 3 ноября 1893 г. в газете была напечатана первая фотография – 12-летнего скрипача-виртуоза из Новочеркасска Кости Думчева (будущего известного скрипача и педагога К.М. Думчева), прибывшего с концертом в Тобольск. Передовые и общие статьи затрагивали такие

⁶⁵⁶ *Тобольские губернские ведомости*. 1893. № 2. 13 янв. С. 1.

⁶⁵⁷ *Открыта* подписка на неофициальную часть Тобольских губернских ведомостей на 1894 год // *Тобольские губернские ведомости*. 1893. № 43. 27 окт. С. 687.

⁶⁵⁸ В среднем номер, со сквозной нумерацией, насчитывал 16–32 страницы, форматом 36 x 26 см.

⁶⁵⁹ *Тобольские губернские ведомости*. 1893. № 7. 17 февр. С. 89.

«сквозные» темы, как строительство железной дороги и ее возможное продление до Тобольска, деятельность тобольского общества трезвости и комитета тобольского музея, движение и положение переселенцев, врачебная помощь сельскому населению, состояние народных школ, поземельное устройство Сибири, организация в Тобольске юридического общества и общества потребителей. Оригинальный материал, имеющий не только местное значение, перепечатывался со ссылкой на «Тобольские губернские ведомости» в центральных изданиях. Например, «Новое время»⁶⁶⁰ заимствовало выдержки из письма Л.Н. Толстого 1873 г. по поводу издания народного журнала (1893. № 26. 30 июня) и воспоминания «Встречи с И.С. Тургеневым», подписанные инициалами «Е.М.» (1893. № 27. 7 июля; № 28. 14 июля). По поводу посещения русской эскадрой Французской республики в октябре 1893 г. состоялся обмен стихотворными приветствиями учащейся молодежи Тобольска с учениками французских школ (1893. № 42. 20 окт.; № 43. 27 окт.). С проблемными статьями выступал в ведомостях П.М. Головачев – о неудачной, в погоне за громким именем, постановке на тюменской сцене пьесы Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» (1894. № 5. 30 янв.; № 6. 6 февр.), о низком образовательном уровне жителей Тюмени и чрезмерном потреблении водки в городе (1894. № 47. 13 нояб.; № 48. 20 нояб.). Настоящей находкой для «Тобольских губернских ведомостей» стал фельетонист, выступавший под псевдонимом «В. Чемерица», попавший даже в местную театральную постановку, о которой рецензент «Сибирского листка» написал: «Когда на сцене старик-муж, проснувшись утром, берет “Тобольские губернские ведомости” и, наткнувшись на фельетон “Между делом”, говорит: “Здорово Чемерица отделал драматическое общество” – в задних рядах несколько человек фыркнуло, в том числе и клубные лакеи...»⁶⁶¹. Много можно найти в ведомостях этого периода и обывательских публикаций – частные пространные жалобы⁶⁶², высмеиваемые редакцией брачные объявления⁶⁶³, незамысловатые стихо-

⁶⁶⁰ Тобольск, 27 октября // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 43. 27 окт. С. 690.

⁶⁶¹ Маленький фельетон. Между делом // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 20. 9 марта. С. 352.

⁶⁶² Тобольский мещанин Хаим Баронский. Письмо в редакцию // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 34. 25 авг. С. 540–541; Письмо в редакцию. Ответ фотографа Н. Шустера // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 36. 8 сент. С. 576.

⁶⁶³ «В том же селе проживает крестьянка 30 лет, приятной наружности Ф.И.К., желающая вступить в супружество за молодого человека, более или менее образованного. По рукоделию,

творные опыты⁶⁶⁴ и т.д. Имитация разговорного бытового языка использовалась в фельетонах, в которых в том числе высмеивались и коллеги по газетному цеху⁶⁶⁵. К международным событиям, касавшимся Сибири, в 1894 г. добавились регулярные сообщения о войне между Японией и Китаем, с сочувствием к последнему.

Развитие неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» в качестве отдельного издания на узком газетном рынке вызвало противодействие со стороны уже выходивших и не желавших терять свою аудиторию частных газет. «Сибирский вестник» В.П. Картамышева на первой странице сделал ведомостям замечание, что, помещенный в новогоднем номере святочный рассказ⁶⁶⁶ был ранее, в 1890 г., опубликован в «Сибирском вестнике»⁶⁶⁷. Е.В. Кузнецов заявил, что этот рассказ «составляет его авторскую собственность, которой он вправе распоряжаться, хотя бы она ранее

почти, первая мастерица в селе, а также на все, почти, остяцкие языки знает, но на русском ужасно плохо, только начинает учиться» (*Село Мало-атлым, Березовского округа. Обывателю // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 7 апр. С. 219*).

⁶⁶⁴ «Что мне пальмы, что мне розы, // Что краса мне южных стран? // Мне милее вас Морозы, // Бури, Вихри, Ураган! // Любы дикie просторы // Мне Сибири дорогой, // И леса ее, и горы – // Все здесь взор ласкает мой...» и т.д. (*Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 1. 2 янв. С. 14*).

⁶⁶⁵ Например, приводился такой разговор редакционного агента, склоняющего к подписке «местного Разуваева»:

- Газетку? Что же... Можно... Дорога ли?
- Да три рубля. Раз в неделю.
- А насот рыбьяго дела в ней как? Пропечатавают?
- Как же! Хроника, например, какие где цены на съестные припасы.
- А об ирбещих товарах?
- Обязательно.
- Нам, главное дело, насот рыбы... Потому воза отправляем.

(*Искорка. По градам и весям Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 48. 1 дек. С. 802*).

О претенденте на роль тюменского городского головы, «практичном человеке» из кантонистов, сообщалось следующее: «Торгую хлебом, в лабазах, а промышляю на счет гуманных тенденций, т.е. газету издаю. Ныне это в порядке вещей: издательство газет в руках мукомолов, кабатчиков, жидов, прасолов и тому подобных представителей гласности; поэтому каждая газета, за недостатком содержательности, удовлетворяет подписчиков премиями в виде романов, картин, олеографий, носовых платков и выкроек. Я же, когда буду городским головою, предложу каждому своему подписчику, в виде премии к газете, полуштоф «Светланы» (*Не гласный. Письма из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 38. 22 сент. С. 598*).

⁶⁶⁶ Е.К. Тарасьич (сибирская святочная новелла) // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 1. 6 янв. С. 3–5.

⁶⁶⁷ *Внимание «Тобольских губернских ведомостей» // Сибирский вестник. 1893. № 16. 5 февр. С. 1.*

и печаталась»⁶⁶⁸. В ведомостях регулярно печатались стихи местных авторов, имевших большую или меньшую известность в местных литературных кругах – Всеволода Сибирского (В.А. Долгорукова), М.А. Цейнера, А. Переводчикова, С.Ф. Голодниковой, самого Е.В. Кузнецова («Искорка», Е.К.). Напечатанные газетой стихотворения под псевдонимами «Александр Ленский» и «Альфа» уже появлялись под другими названиями и подписями в «Восточном обозрении» и песенниках, в чем признавался Л.Е. Луговской, но «Екатеринбургская неделя» в своем фельетоне обвинила «Тобольские губернские ведомости» в некорректном заимствовании⁶⁶⁹, хотя такую же оплошность допустил редактор-издатель «Справочного листка Енисейской губернии» Е.Ф. Кудрявцев, поместивший в трех номерах своей газеты рассказ из журнала «Родина», присланный под другим псевдонимом. Л.Е. Луговской по этому поводу иронизировал: «Ну, мы еще – туда-сюда: новички, как нас некоторые называют, а тут вдруг пятый год издания и такая оказия! Видно, и “на старуху бывает проруха”, как говорит пословица, а вперед – “Чужой беде не смейся, голубок!”»⁶⁷⁰. «Тобольские губернские ведомости» ответили «Сибирскому вестнику» собственным расследованием – «тобольским корреспондентом» томской газеты оказался проживающий в Томске же ялutorовский мещанин из ссыльных Н.А. Большаков, который в поисках редакторских гонораров заимствовал материалы из тобольской газеты и отправлял схожие статьи также в «Енисейский листок» и «Екатеринбургскую неделю», используя для этой цели даже чистые листы с чужими подписями⁶⁷¹. «Сибирский вестник» огульно обвинил в плагиате О.В. Всеволодскую⁶⁷², украшавшую раздел «Фельетон» чувствительной и нравоучительной прозой («Искупление», «Неоцененный друг», «Не доросла» и т.д.). Под этим псевдонимом писала О.В. Фредерикс – супруга председателя Тобольского губернского правления К.П. Фредерикса, известная в Тобольске своей благотворительной деятельностью. Некоторые ее про-

⁶⁶⁸ От редакции // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 7. 17 февр. С. 102.

⁶⁶⁹ Тобольские губернские ведомости. 1893. № 8. 24 февр. С.147–148; № 33. 18 авг. С. 527.

⁶⁷⁰ Л.Л. Библиографические заметки («Енисейский листок». 1893. № 44) // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 47. 24 нояб. С. 786.

⁶⁷¹ Тобольские губернские ведомости. 1893. № 17. 28 апр. С. 266; № 23. 9 июня. С. 353; № 28. 14 июля. С. 442; № 34. 25 авг. С. 541.

⁶⁷² Чудеса в решете, или Тобольские казусы // Сибирский вестник. 1893. № 106. 12 сент. С. 2.

изведения ставились на сцене тобольского театра⁶⁷³, а сбор с продажи сборника повестей и рассказов «Помощь переселенцам» предназначался в пользу переселенческих детей⁶⁷⁴. Е.В. Кузнецов, обращаясь уже непосредственно к В.П. Картамышеву, назвал его статью «дерзким и безграничным по клевете и лживости писанием», а О.В. Всеволодская потребовала от редакции «Сибирского вестника» «немедленно напечатать накопившийся у нее список плагиатов»⁶⁷⁵.

После десяти месяцев выхода обновленных ведомостей Е.В. Кузнецов выступил со своеобразным программным заявлением о месте административного печатного органа в системе местных периодических изданий и его готовности к восприятию конструктивной критики: «Раскрытие общественных зол и язв и их врачевание не есть какая-то особая привилегия только известных органов прессы, а должно быть миссией всех их в совокупности, в том числе и в той же мере и губернских ведомостей. <...> Серьезные указания на существенные промахи и ошибки всегда были бы и всегда будут приняты нами только с благодарностью, а балаганные вышучивания по поводу всякого пустяка, с нарочитым стремлением унижить созданного болезненным воображением противника, вызывают только одну досаду с ее естественными последствиями»⁶⁷⁶.

В начале 1894 г. К.М. Голодников подал против некогда возглавляемой им газеты жалобу в Главное управление по делам печати⁶⁷⁷. Редактора «Степного края» оскорбили фельетоны, напечатанные в «Тобольских губернских ведомостях», – «Сон Пудовны» (1893. № 32. 11 авг.) и «Это не литература!» (1893. № 49. 8 дек.). Если первый, автором которого был Е.В. Кузнецов, содержал довольно отвлеченный намек на личность и деятельность Голодникова, то во втором, написанном Л.Е. Луговским (в авторстве он позже признался в открытом письме⁶⁷⁸), прямым текстом и в насмешливых выражениях не только ставились под сомнение литературные способности секретаря тобольского губернского статистического коми-

⁶⁷³ Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы... Кн. 2. С. 479.

⁶⁷⁴ Тобольские губернские ведомости. 1895. № 7. 22 янв. С. 118.

⁶⁷⁵ Тобольские губернские ведомости. 1893. № 39. 29 сент. С. 626.

⁶⁷⁶ Тобольск, 27 октября // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 43. 27 окт. С. 690–691.

⁶⁷⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 24–26.

⁶⁷⁸ Луговской Л.Е. Открытое письмо в редакцию // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 13. 27 марта. С. 248–249.

тета, но и говорилось о его небезупречном прошлом⁶⁷⁹. Несмотря на то, что тобольский губернатор Н.М. Богданович получил замечание от цензурного ведомства, «чтобы в “Тобольских губернских ведомостях” не были помещаемы не только оскорбительные для кого-либо статьи, но и статьи полемического характера», прошение Голодникова о возбуждении уголовного дела против ведомостей было оставлено тобольским губернским прокурором без последствий⁶⁸⁰.

«Чернильные» (вернее – печатные) «войны» между «Тобольскими губернскими ведомостями», с одной стороны, и «Сибирским вестником» и «Степным краем» – с другой, не просто завершились к концу 1893 г.⁶⁸¹ – ведомости одержали в них убедительную победу, отстояв свое место на газетном рынке, уступив его только «Сибирской торговой газете», начавшей выходить в Тюмени с июля 1897 г. Неудачно сложились судьбы оппонентов ведомостей – в ноябре 1893 г. В.П. Картамышев за клевету в своей газете был приговорен Сенатом к восьмимесячному тюремному заключению в Томске, а после освобождения, в августе 1894 г. в возрасте 43 лет скончался⁶⁸². В июне 1894 г. оставил редактирование «Степным краем» и возвратился в Тобольск К.М. Голодников⁶⁸³.

В январе – феврале 1895 г. «Тобольские губернские ведомости» напечатали большую продолжающуюся статью «Еврейский вопрос и евреи в Сибири»⁶⁸⁴, принадлежащую И.Я. Словцову и ставшую, по

⁶⁷⁹ «Много уже лет. Кап. Мих. в литераторы метит, даже сам себя и “опытным” и “маститым” и другими хорошими эпитетами награждает, а все не “вытанцовывается”. <...> Надо прямо по совести говорить: из всех произведений Кап. Мих. только про одно мы такое и слышали, которое к литературе прикосновение имеет, да и то не напечатанное, а только написанное, – никем не прошенное, услужливое “доношение” к высшему начальству о злокозненном поведении одного редактора, который дерзнул непочтительно (хотя и эзоповским языком, но все-таки ... и даже тем паче) отозваться о непосредственном начальнике секретаря некоего комитета. Вот и все отношение Кап. Мих. к литературе» (*He ери. Нет!* Это не литература... // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 49. 8 дек. С. 829).

⁶⁸⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 351. Л. 29–30.

⁶⁸¹ *Мандрика Ю.Л.* Государственная и частная печать: опыт чернильных войн (На материале «Тобольских губернских ведомостей») // Российская провинциальная частная газета. Тюмень, 2004. С. 250.

⁶⁸² *Сибирские вести* // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 47. 24 нояб. С. 783; *Письма из Томска* // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 11. 13 марта. С. 208; *Хроника* // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 37. 11 сент. С. 752; *Томич.* Письма из Томска // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 37. 11 сент. С. 756.

⁶⁸³ *Хроника* // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 20. 15 мая. С. 385; № 24. 12 июня. С. 476.

⁶⁸⁴ *А–да–Ч.* Еврейский вопрос и евреи в Сибири. Статья рабби Диж-раке-л’я. Посвящ. Е.А. К...евой // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 5. С. 70–73; № 8. 26 янв.

предположению Ю.Л. Мандрики, причиной удаления Е.В. Кузнецова с должности редактора неофициальной части ведомостей⁶⁸⁵. Хотя в ней содержались вполне приемлемые не только для России, но и для Европы того времени выводы о причинах «всеобщей ненависти» к еврейскому народу⁶⁸⁶. № 43 от 1 июня 1895 г. был последним, к которому был причастен Е.В. Кузнецов. Со следующего № 44 от 4 июня за редактора газету вновь подписывал не кто иной, как возвратившийся из Омска К.М. Голодников, полтора года назад искавший судебной управы на «Тобольские губернские ведомости». «Третье пришествие» Голодникова не изменило направления издания и состава авторов и было недолгим – с № 90 от 12 ноября 1895 г. редактором стал В.Н. Лавров. И.И. Суханов, М.А. Цейнер, П.М. Головачев, О.В. Фредерикс и даже обидчик Голодникова Л.Е. Луговской продолжали публиковаться в газете. Коллектив авторов пополнился А.К. Ордынским, украсившим газету замечательным по художественным достоинствам фельетоном с продолжением – «Остяцкие сказки, или Вечера над Обью»⁶⁸⁷, наполненным тонким юмором, иронией в адрес «толстовцев» и «нигилистов», симпатией к остякам и местами даже переходящим в антирелигиозный и антиколониальный памфлет⁶⁸⁸.

С. 125–129; № 10. 2 февр. С. 163–168; № 12. 9 февр. С. 201–205; № 14. 16 февр. С. 230–236; № 16. 23 февр. С. 269–272.

⁶⁸⁵ Мандрика Ю.Л. Евгений Васильевич Кузнецов (1848–1911) // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус ... С. 415.

⁶⁸⁶ «Ездра, создавая новый государственный строй жизни, идеями отчужденности и ненависти к народам лишил впоследствии евреев участия во всем доступном современному христианскому миру. <...> Торы, покрытые плесенью талмудизма, сделали социальное общение с еврейством иноплеменных народов крайне затруднительным и вызвали реакцию повсеместного к ним антагонизма. <...> Нет, евреи никогда не могут быть нашими друзьями. Русский народ может побрататься с французом, забыв все его оскорбления, с татаринном, с буддистом, но с евреем – никогда! Почему? А потому, что всякая равноправность обуславливается равнообязанностью, от которой евреи бегут» (*Еврейский вопрос и евреи в Сибири* // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 12. 9 февр. С. 201–205).

⁶⁸⁷ Ордынский Аполлон. Остяцкие сказки, или Вечера над Обью // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 20. 9 марта. С. 338–344; № 21. 12 марта. С. 358–360; № 23. 19 марта. С. 394–398; № 26. 30 марта. С. 448–452; № 28. 9 апр. С. 482–486; № 30. 16 апр. С. 516–521; № 32. 23 апр. С. 561–563; № 48. 18 июня. С. 816–822; № 50. 25 июня. С. 851–852; № 60. 30 июля. С. 900–993; № 61. 3 авг. С. 1004–1005; № 70. 3 сент. С. 1122–1126; № 73. 14 сент. С. 1160–1162; № 74. 17 сент. С. 1174–1176; № 80. 8 окт. С. 1256–1260; № 81. 12 окт. С. 1270–1272; № 85. 26 окт. С. 1328–1332; № 93. 23 нояб. С. 1442–1445; № 95. 30 нояб. С. 1476–1478; № 96. 3 дек. С. 1490–1494.

⁶⁸⁸ «Таковы, по моим наблюдениям, все эти старообрядцы! У них пост, умерщвление плоти, молитва, грех, покаяние, спасение души и т.п. только на языке. На деле же – эгоизм, своекорыстие и грубая животность» (1895. № 26. 30 марта. С. 450); « – А ты

С 1896 г. неофициальная часть «Тобольских губернских ведомостей» вновь стала еженедельником (выходившим по четвергам, с 1897 г. – по субботам), с сохранением размеров прежней подписной цены. Редактировал ее Л.Е. Луговской⁶⁸⁹. У газеты появилось новое приложение – «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности»⁶⁹⁰, с периодичностью два раз в неделю, под редакцией губернского агронома Н.Л. Скалозубова⁶⁹¹. Приложение было адресовано сельскому населению и содержало не только статьи о растениеводстве и животноводстве, но и практические советы в этой сфере, чертежи и рисунки сельскохозяйственных орудий, советы о кредитовании, а также отдел вопросов и ответов («... спрашивайте все, что хотите, не стесняйтесь формой, пишите, как умеете, грамотно или безграмотно, мы на все дадим ответ»⁶⁹²).

разве не знаешь, – прервал я Василия Петровича, – что ныне этот благоухающий цветок жизни [любовь], по мановению великого русского юридвца [Л.Н. Толстого], стараются превратить его неким духовным единением, а аскетическое, не свойственное человеческой природе воздержание возвести в единственное средство искупления человечества» (1895. № 26. 30 марта. С. 451–452); «Господа философы, преследуя какую-то реальность за пределами опыта, уподобляются той собаке в басне, которая несла кусок мяса через ручей и, желая схватить еще отражение в воде, выпустила из зубов стоящее мясо» (1895. № 28. 9 апр. С. 486); «Возьми ты любого нашего православного простолюдина и попробуй получить от него правильное объяснение догматов христианства. Он тебе нагородит такую чепуху, что ты поневоле заткнешь уши» (1895. № 30. 16 апр. С. 518–519); «Замечательно, что все эти шаманы не злоупотребляют своим искусством для эксплуатации ближних, как это сделал бы наш православный человек, какой-либо знахарь или кудесник» (1895. № 32. 23 апр. С. 561); «... русские стараются вместо себя поставлять своему Богу нас, иноверцев, и, спасая наши души, надеются через это спасти свои, погрязшие в грехах и мерзостях. Но неужели их Бог поддается на такую уловку? О, русский человек – большой хитрец, большой мошенник. Только не знаю, удастся ли ему ошаманить своего Бога» (1895. № 61. 3 авг. С. 1005); «Он [политический ссыльный] не только в черта, но даже и в Бога не верит. Ишь, он утверждает, что ни света, ни тьмы, ни жару, ни холода нету, а все это обман наших чувствий. <...> Он у меня еще и ад взбунтует. К тому же он, как ты говоришь, под большим секретом состоит, а жандаров [жандармов], чтобы за ним надзирать, у меня по штату не полагается» (1895. № 93. 23 нояб. С. 1444).

⁶⁸⁹ *Периодическая печать Сибири* (Список изданий, выходящих в 1896 г.) // Тобольские губернские ведомости. 1896. № 12. 24 марта. С. 331.

⁶⁹⁰ *Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности*. № 1. Приложение к № 2 неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». Воскресенье, 14 янв. 1896 г.

⁶⁹¹ Николай Лукич Скалозубов (1861–1916) в 1907–13 гг. был депутатом III Государственной Думы, участвовал в деятельности сибирской парламентской группы, сотрудничал с журналом «Сибирские вопросы» (Менищikov И.С. Скалозубов Николай Лукич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 114).

⁶⁹² *Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности*. 1896. № 20. 5 дек. С. 109.

1 ноября 1897 г. редакция объявила о прекращении отдельного издания неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» по причине «существования в настоящее время в губернии двух частных периодических изданий, делающих излишними некупающиеся затраты на издание газеты по широкой программе»⁶⁹³. Неофициальная часть была объединена с официальной (с подписной ценой в 4 руб.)⁶⁹⁴, под редакцией губернского секретаря и заведующего губернской типографией Ф. Тарасова (с 10 августа 1911 г. – губернского секретаря С. Неволина, с 10 апреля 1912 г. – коллежского секретаря, бухгалтера губернского управления – Е.М. Федорова)⁶⁹⁵. «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» продолжал издаваться до начала 1906 г. С 1907 г. его заменил «Школьный отдел», выходивший до декабря 1917 г. и печатавший распоряжения школьных властей, учебно-методические рекомендации для учителей, планы уроков, информацию о новых учебниках и новшествах в преподавании.

Итак, в организации и направлении «Тобольских губернских ведомостей» значительную роль сыграл губернатор В.А. Арцимович, о чем уже не раз писалось в исследовательской литературе по причине знаковости фигуры этого либерального администратора, хотя его участие в газете было непродолжительным по времени (менее года). Дискуссию породило и литературное наследие знаменитого тоболяка П.П. Ершова в отношении его участия в неофициальной части – цензор или автор? Неофициальная часть «Тобольских губернских ведомостей» с первого же года своего выхода была связана с деятельностью губернского статистического комитета, круг ее авторов и содержание были схожими с томской губернской газетой (и также выходили за рамки разрешенной законом программы), хотя, возможно, задержись В.А. Арцимович дольше на своем посту, «Тобольские губернские ведомости» могли принять критическое направление в духе «Иркутских губернских ведомостей». Особенно стоящими тобольской газеты было обращение к практическим экономическим интересам тобольского и тюменского купечества и само, крепкое и неличеприятное, купеческое слово ее постоянного автора в 1863 – начале 1864 г. Н.М. Чукмалдина, выбивавшегося из привычного патриархального образа «сибирского купца Кондрата».

⁶⁹³ Тобольские губернские ведомости. 1897. № 44. 1 нояб. С. 677.

⁶⁹⁴ См.: Формат «Тобольских губернских ведомостей» увеличился с 46 х 32,5 до 54 х 36,5 см.

⁶⁹⁵ Тобольские губернские ведомости. 1911. № 33. 16 авг. С. 2; Тобольские губернские ведомости. 1912. № 18. 1 мая. С. 2.

Не противореча существующей периодизации основных этапов в истории первой тобольской газеты, для которой избрано смешанное основание – деятельность губернаторов и редакторов (период губернаторства В.А. Арцимовича (1857–1858), редакторство И.Н. Юшкова (1859–1870) и в этом десятилетии особо выделяемое время правления А.И. Деспот-Зеновича (1863–1867), первый (1870–1873) и второй периоды редакторства Е.В. Кузнецова (1891–1895) и, наконец, «голодниковский период» (1880–1891), прерванный руководством неофициальной частью М.С. Знаменским в 1881 г.) – отметим, что сохранившиеся немногочисленные архивные источники и сами газетные материалы дают возможность говорить о роли и соотношениях губернаторского и редакторского начал в периодах «подъема» и «спада» газеты лишь предположительно. Так, например, И.Н. Юшков был назначен редактором консервативным губернатором А.В. Виноградским, но и при А.И. Деспот-Зеновиче газета имела функции властного рупора только в 1863–1864 гг., до цензурного одергивания из Петербурга. Редакторство Е.В. Кузнецова в 1870–73 гг. ничем не примечательно. Возглавив газету в 1891 г., по поручению губернатора В.А. Тройницкого он составил описание проезда через Тобольск наследника престола. И только в 1893 г., уже при губернаторе Н.М. Богдановиче, можно говорить об оригинальном, собственном лице «кузнецовской» газеты (в том числе и в полемике с частной прессой). К.М. Голодников, ушедший из омской газеты «Степной край» и ненадолго возглавивший неофициальную часть в 1895 г., несмотря на недавний конфликт с Е.В. Кузнецовым, повел издание в том же направлении и с прежним авторским коллективом. «Тобольские губернские ведомости» были единственными среди губернских ведомостей Сибири, открыто объявившими в конце 1897 г. о прекращении издания неофициальной части по расширенной программе по причине большей популярности частных газет. С одной стороны, это можно расценивать как капитуляцию перед конкурентами, с другой – как вторую жизнь неофициальной части, которая стала выходить в виде самостоятельных тематических приложений – «Отдела сельского хозяйства и кустарной промышленности», а затем «Школьного отдела», – имевших не общественно-политическое, а не менее важное экономическое и образовательное значение.

3.4. «ИРКУТСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, центром которого был Иркутск, в отличие от Западно-Сибирского, чьи губернии к середине XIX в. уже фактически стали внутренними административными единицами Российской империи, отличалось особым положением. Здесь в большей степени ощущалось присутствие большого мира и большой политики – объятый гражданской войной пробуждающийся Китай, чьи города с моря штурмовал англо-французский флот, недавняя успешная оборона Петропавловска от тех же союзных кораблей, «открытая» американцами Япония, готовящаяся совершить модернизационный скачок, решение Россией амурского вопроса и получение ею надежного выхода к «средиземному морю будущего». Восточная Сибирь являлась еще осваиваемым пограничным регионом, где местные власти были призваны не только управлять двумя крупнейшими губерниями – Енисейской и Иркутской (в составе которой был значительным этнический компонент – бурятское население новообразованной Забайкальской области), но и представлять стратегические интересы всей Российской империи в отношениях с восточными соседями, руководить укреплением новых границ и содержать войска в повышенной боевой готовности.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев в 1849 и 1850 гг. обращался в Министерство внутренних дел с просьбой о начале издания губернских ведомостей во вверенном ему крае, но получил отказ в связи с необходимостью внесения изменений в штатное расписание по сибирским губерниям. В конце 1856 г. новые штаты были утверждены – как и в других губернских правлениях, в сибирских была введена должность редактора губернских ведомостей с возможностью одновременного исполнения им должности начальника газетного стола и начальника типографии. Оживление общественного движения в центре страны, начало широкого обсуждения предстоящей крестьянской реформы и других преобразований не прошли мимо Иркутска – «Полярную звезду» и «Колокол» читали самые высокопоставленные чиновники, офицеры, золотопромышленники, учителя, представители образованного купечества и мещанства⁶⁹⁶. Игравшим большую роль в местной обще-

⁶⁹⁶ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958. С. 18–20. Первые номера «Колокола» из-за границы привез в Сибирь Н.Н. Муравьев (Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). Новосибирск, 1993. С. 45).

ственной жизни политическим ссыльным – декабристам и петрашевцам – коронационным Манифестом 26 августа 1856 г. была объявлена амнистия⁶⁹⁷. Новые времена делали возможным соединение государственного финансирования с силами творческой интеллигенции края.

29 марта 1857 г. редактором неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», начальником газетного стола и смотрителем губернской типографии по распоряжению Н.Н. Муравьева был назначен Н.А. Спешнев. Его содержание было определено несколько выше штатного оклада – в 500 руб. сер. В Иркутск также были переведены товарищи Спешнева по тайному обществу – М.В. Петрашевский, занявшийся частной юридической практикой, и Ф.Н. Львов, принятый на службу в горное отделение Главного управления по делам Восточной Сибири. Деятельный Н.Н. Муравьев не засиживался в столице Восточной Сибири и отсутствовал в ней месяцами, выезжая по делам службы на Амур, в Петербург, в Китай и Японию (18 мая – 21 августа 1857 г., 9 сентября 1857 г. – 9 февраля 1858 г., 6 апреля – 20 августа 1858 г., 12 апреля 1859 г. – 1 января 1860 г.). Поэтому он не мог в полной мере контролировать содержание газеты, выступая скорее ее читателем, чем цензором. Причина такого доверия и одновременно с этим и риска, видимо, заключалась в личностных качествах Н.Н. Муравьева, обладавшего либеральными и даже, как отмечали современники, более левыми взглядами. «Петрашевский, Спешнев и Львов были ласкаемы Муравьевым, а за ним и прочею местной знатью», – вспоминал исследователь Приамурского края М.И. Венюков⁶⁹⁸. При недостатке способных людей с высшим образованием, сжившихся с Сибирью и ее интересами (хотя и поневоле), можно было рассчитывать на знания и литературные таланты благодетельствованных (а значит, и обязанных) «политических». «Несмотря на то, что в Иркутске ещё не издавалось губернских ведомостей, – писал Муравьев, – и потому дело это было совершенно новое, Спешнев занялся им с таким усердием, что с полным успехом представилась возможность открыть это издание здесь с мая месяца настоящего [1857] года, и продолжает с примерным рвением занятия свои по этому новому здесь и потому весьма

⁶⁹⁷ Манифест о всемиростивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронавания Его Императорского Величества. 26.08.1856 // ПСЗ. Собрание 2-е. СПб., 1856. Т. 31. № 30877.

⁶⁹⁸ Венюков М.И. Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 375.

трудному делу»⁶⁹⁹. В этой связи Муравьев дважды ходатайствовал перед Сибирским комитетом о предоставлении канцеляристу четвертого класса Спешневу первого классного чина «вне правил», и только в апреле 1859 г. его обращение было удовлетворено⁷⁰⁰.

В советской исторической литературе существовало два Муравьева – умный деятельный администратор, дипломат, решивший в пользу России территориальный спор, определивший геополитическое положение страны на Дальнем Востоке, и николаевский генерал, «поборник диктатуры сабли», двуличный «амурский сатрап», прикрывавший свою деспотическую политику игрой в либерала. В начале 1990-х гг. исследователь сибирского периода жизни и деятельности М.А. Бакунина В.А. Должиков, в связи с сотрудничеством «диссидента № 1» с Муравьевым, отмечал, что «полная историческая реабилитация этого выдающегося политического деятеля и по сей день является актуальной задачей»⁷⁰¹. Большое, как известно, видится на расстоянии. В одной из последних работ, посвященных присоединению Приамурья к России сделан следующий вывод: «Дистанция в 150 лет от времени заключения Айгунского договора, мирное решение Н.Н. Муравьевым-Амурским пограничных вопросов позволяет поднять историческую планку оценки деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и возводит его в ранг выдающегося государственного деятеля и дипломата России»⁷⁰².

В литературе по истории русской журналистики и работах, касающихся генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского, сложилось устойчивое мнение о неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» первых лет выхода как о созданном ссыльной интеллигенцией органе гласности, обличающем злоупотребления чиновников, произвол «деревенских мироедов», спекуляции купече-

⁶⁹⁹ *Отношения управляющего делами Сибирского комитета В.А. Буткова начальнику III Отделения Е.И.В. Канцелярии В.А. Долгорукову. 22 октября 1857 г. // Сараскина Л.И. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. М., 2000. С. 506–507.*

⁷⁰⁰ *Отношения управляющего делами Сибирского комитета В.А. Буткова начальнику III Отделения Е.И.В. Канцелярии В.А. Долгорукову. 16 марта 1859 г., 15 апреля 1859 г. // Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 513–515. Впрочем, с просьбой о восстановлении «прав состояния» Муравьев обращался не только в отношении Спешнева, но и Петрашевского, Львова и Бакунина, называя это лучшей для себя наградой в ознаменование заключения Айгунского договора 16 мая 1858 г. (Письмо генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову. 9 сентября 1858 г. // Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 512).*

⁷⁰¹ *Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь... С. 13.*

⁷⁰² *Надорожная М. В. Освоение российского бассейна реки Амур во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2008. С. 22.*

ства, и даже пропагандирующем социалистические идеи, подготавливающим общественное мнение к выступлению против «царского произвола». Роль солистов в «рупоре кружка петрашевцев» (в более мягком варианте – «органе иркутского демократического кружка») отводилась Н.А. Спешневу, М.В. Петрашевскому и Ф.Н. Львову. Местные авторы – М.В. Загоскин, С.С. Шашков, С.С. Щукин и другие – определялись как «краеведы», также принимавшие участие в наполнении неофициальной части⁷⁰³.

Первый номер официальной части «Иркутских губернских ведомостей» от 16 мая 1857 г. содержал сообщение от Главного управления Восточной Сибири о начале издания газеты и о том, что «может быть весьма много желающих получать губернские ведомости». Это, по сути, означало распоряжение о широкой подписке, к которой должны были «пригласить» своих подчиненных и служащих начальники над казенными и Кабинетскими заводами, горные ревизоры и исправники по частным золотым промыслам (1857. № 1. 16 мая). Неофициальная часть первого номера содержала четыре материала – передовую «Иркутск, 16 мая», корреспонденцию из Читы, корреспонденцию с Нерчинских заводов и исторический очерк об иркутской старине. Автором передовой, написанной в жанре фельетона, был Илларион Сергеевич Сельский – действительный статский советник, член Главного управления Восточной Сибири, правитель дел Сибирского отдела Русского географического общества⁷⁰⁴. Не без некоторого кокетства автор сообщал о выходе первой восточносибирской газеты: «Этот лист не совсем взрачной, довольно серой печатной бумаги, покрытой не вполне изящным шрифтом» (как будто местная типография, как и остальные губернские типографии в России и Сибири, располагала

⁷⁰³ См.: Карцев В.Г. М.В. Буташевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850 – начала 1860-х годов // Ученые записки Калининского государственного педагогического института. Калинин, 1963. Т. 35. С. 137–169; Кубалов Б.Г. Герцен и общественность Сибири... С. 36; Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50-х – начала 60-х гг. XIX века // В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975. С. 271–273; Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1965. С. 8, 15–17; Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1857–1860 гг. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 210.

⁷⁰⁴ Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. С. 100; Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 427; Русский биографический словарь / под ред. А.А. Половцева. М.; СПб.–Пг., 1904. Т. 24. С. 293–294.

иными средствами); «... к концу года явимся пред вами очень приличною молодою газетою, тихою, скромною, глядящею на старших и старающуюся им угождать и подражать. Теперь, мы так сказать, – невинный младенец, неумытый и отнюдь не красивый, но ведь очень часто, даже обыкновенно, из дурнышки, из неумытой сандрилльоны вырастает красавица» (намеренное занижение самооценки и намек на известную сказку подразумевали утверждение о важности местной газеты и ее самостоятельном значении в отношении столичных «старших сестер»). Далее в ироничном духе Сельский прошелся по местным новостям – погоде, растущих у здания губернского правления одуванчиках, репертуаре иркутского театра, выходе первых книжек Сибирского отдела Русского географического общества и праздновании в городе дня Пасхи, где к «великим изобретениям XIX века» публику приобщила карусель, выполненная в форме железнодорожных вагонов со сжигаемой в «паровозе» берестой. Обзор адресовался не столько для «господ иркутских, столичных жителей, для которых вчерашняя иркутская новость уже не новость», сколько «для провинции, для иногородних, которые тоже получают нашу газету».

Корреспонденция из Читы, датируемая 6 мая (т.е. высланная в редакцию загодя) и подписанная криптонимом «–33–», в схожем легком стиле излагала все возможные новости и характеристики «деревнеобразного» областного города (Читинский острог приобрел статус города только в 1851 г.): слух о возможном строительстве железной дороги до Верхнеудинска и далее до Иркутска, вследствие чего Читу ожидало американское будущее; результаты переписи 1852 г., по которой в городе «считалось 707 жителей и один козел»; строительство домов в Чите из «прочного, прекрасного лиственничного лесу»; устройство «гостиного двора», с множеством московских товаров и сидельцами «сынами Израиля, с их типическими физиономиями и характеристическим говором». Также автор сетовал на сильную занятость в присутствии ввиду недостаточности штатов: «...старушка матушка Россия держит нас в финансовом отношении коротенько и скупенько».

Корреспонденция из Нерчинских заводов без всяких литературных изысков сообщала о необходимости усовершенствования Кабинетской горной промышленности, приходящей в упадок, а очерк «Иркутская старина», автором которого был Н.А. Спешнев, рассказывал об истории возникновения города, который в современном

виде стал «центром образованности» всей Восточной Сибири, единственным населенным пунктом, «где начинает пахнуть городом, городской жизнью».

Итак, неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в своей фельетонной части была начата как легкое занимательное чтение. Это обстоятельство отметили и современники. О первом номере газеты В.И. Вагин оставил следующее воспоминание: «В этом листке неофициальная часть вовсе не походила на то, что обыкновенно преподносилось читателям под этой рубрикой в подобных изданиях. Это был фельетон, бойкий, живой, хотя, сколько помню, и не серьезный по содержанию»⁷⁰⁵. В обзоре шести первых номеров «Иркутских губернских ведомостей» в «Северной пчеле» отмечалось, что они «не уступят ни одним из губернских, а многие даже превзойдут», но их редактор («совершенно уверены, что он не сибиряк») упрекался в избранном для газеты направлении: «У него все европейское: и дух, и взгляды, и суждения, а Европа не имеет никакого сходства с Азией»⁷⁰⁶.

Стремление развлечь читающую публику (и, видимо, самого себя) замысловатыми описаниями повседневной жизни Иркутска прослеживается и в дальнейших номерах неофициальной части 1857–58 гг. Так, «К-въ», сообщая о гуляньях в городе, рисовал в своем воображении такую картину: «... На этом гулянье были все степени супружеского счастья; в одном месте расположилась юная чета, которая как голубки, не посмотрят друг на друга; в другом взоры нежных родителей устремлены на ребенка, который очень мило шалит, – это вторая ступень, ибо тут супруги любят друг друга в детях своих; в третьем – одна чета как-то странно разместилась; каждый смотрит в противоположную сторону, взор каждого чего-то ищет, и если один из них и находит то, чего искал, то не торопится поделиться этой радостью с другим, увы! это третья стадия» (1857. № 3. 30 мая).

И.С. Сельский в очередном фельетоне по поводу пасхальной недели насмешливо сообщал, что «чем увеселялась публика в прошедшем году на Святой, тем же самым наслаждалась она с достохвальным постоянством и в настоящем году. ... Та же знаменитая прошлогодняя “железная дорога” красовалась в том же, возобнов-

⁷⁰⁵ Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература... С. 101

⁷⁰⁶ Z. Иркутские губернские ведомости // Северная пчела. СПб., 1857. № 175. С. 827–829.

ленном павильоне, как и в прошедшем году; та же панорама показывала любопытным свой прошлогодний вид Иерусалима и ловлю китов, те же прошлогодние качели, та же кукольная комедия, едва ли не те же оставшиеся от прошлого года орехи и пряники...» (1858. № 14. 3 апр.). Жизнелюбивый автор («П.Т.»), посетивший конские бега за Ангарой, делился с читателем своими впечатлениями: «Публики было много, были и дамы. А ведь втройне приятно, если есть что выпить, есть чем закусить и есть на что поглядеть. <...> Соберите-ка вы всех наших красавиц в одно место – загляденье, скажу я вам! Что ваш цветник! Взгляните – так вот душа и захочет вырваться наружу!» (1858. № 24. 12 июня).

Таблица 17

Темы публикаций в неофициальной части
«Иркутских губернских ведомостей» в 1857–1859 гг.

Темы публикаций	1857	1858	1859
Экономика	37	51	56
Общественная и повседневная жизнь	29	50	76
География и природа	10	17	12
История	9	23	4
Внешняя политика и военные силы	3	3	4
Образование и просвещение	2	5	11
Этнография	1	8	2
Здравоохранение и медицина	1	4	7
Итого	92	161	172

В 1857–1858 гг. основными публикациями, отнесенными к категории «Общественная и повседневная жизнь», были местные новости – праздники, торжественные акты, музыкальные вечера, театральные постановки, скачки, чрезвычайные происшествия, открытие публичной библиотеки М.П. Шестунова и т.д. При этом один из основных авторов передовых И.С. Сельский сожалел, что еженедельной газете невозможно «схватить новости на лету... ей приходится говорить о новостях, бывших за три, за четыре дня до ее выхода...» (1857. № 10. 18 июля). Были среди них и выходящие из общего ряда. Например, в № 8 от 20 февраля 1858 г. золотопромышленник Павел Герасимов сообщал о найденной в конце 1857 г. на одном из его промыслов «медной вещи». Приводился ее рисунок (первое графическое изображение в «Иркутских губернских ведомостях») и просьба к «знатокам сибирских древностей» объяснить назначение этой находки. В № 12 от 20 марта 1858 г. корреспондент из Якутска извещал редакцию об изобретении польским ссыльным

паровых саней для передвижения без рельсов по льду и по снегу (1858. № 12. 20 марта).

С 1858 г. в газете появился новый заметный автор, писавший под псевдонимом «Иркутянин» – уроженец Иркутска, который после окончания городской гимназии в 1815 г. поступил на службу в канцелярию иркутского губернатора (вышел в отставку в 1850 г.). Его большой автобиографический путевой очерк «Возвращение на Родину (Из записок Иркутянина)» (1858. № 3. 16 янв.; № 4. 23 янв.; № 6. 6 февр.) описывал красоты и «чудный воздух» европейских стран, о которых большинство местных жителей знало лишь понаслышке: «В самом деле, посещение крайних пределов Италии казалось для Иркутянина, получившего чрез меру ограниченное образование, почти так же невозможным, как и путешествие на Луну». Однако в конце своего повествования путешественник признавался в любви к родному краю: «Иркутск явился в своей очаровательной панораме, сердце мое затрепетало – и какую нашел я перемену в отношении устройства города!»

«Иркутянин» также был автором захватывающего повествования о посещении им Нижнеудинской пещеры, в лабиринтах которой он чуть не заблудился (1858. № 16. 17 апр.; № 17. 24 апр.), рассказа о ловле омуля с местными жителями на р. Селенге (1858. № 29. 17 июля), этнографической зарисовки о камлании остяцкого шамана (1858. № 6. 4 сент.), рассказа о путешествии к туранским горячим источникам (1859. № 38. 17 сент.; № 39. 24 сент.). В жанре дорожно-го очерка писали и другие авторы – «Впечатления приезжего» (1857. № 9. 11 июля, Егор Л.....в.), «Воспоминания о Нижнеудинске. Рассказ из сибирского дорожника» (1858. № 12. 20 марта; № 13. 8 авг.; № 14. 15 авг., Эликтинский).

Обращает на себя внимание, что набор тем и жанров неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» выходил за допустимые правительством пределы. Уже в одном из первых номеров И.С. Сельский, приветствуя выход «Тобольских губернских ведомостей», давал расширительную трактовку программы неофициальной части казенного издания: «Самый закон предписывает губернским ведомостям помещать в неофициальной своей части: “известия и статьи всякого рода, относящиеся более или менее до местности”. Итак, не только изучение данной местности, но рассмотрение и обсуживание (по мере возможности) всякого рода местных вопросов, изучение местных потребностей и интересов есть

неотъемлемая принадлежность неофициальной части губернских ведомостей» (1857. № 5. 13 июня).

Половина статей неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–58 гг. была посвящена экономической проблематике – перспективам освоения Амура, планам железнодорожного строительства, ценам на товары для поселенцев и т.д. Создать образ динамичного будущего были призваны пространственные сопоставления топонимов Сибири с более успешными «брендами» Старого и Нового света, характеризующимися демократическим политическим устройством и свободой предпринимательства – Забайкалье / Швейцария (1857. № 9. 11 июля), Енисей и Лена / Миссисипи, Амур / река Св. Лаврентия (1857. № 11. 23 июля), Иркутск / Нью-Йорк (1857. № 1. 16 мая), Амур / Миссисипи (1858. № 28. 10 июля).

Н.А. Спешнев поместил в № 11 от 25 июля 1857 г. статью о начале пароходного движения по Амуру и заслугах правительства в этом отношении. Дело перевозок должен был продолжить частный капитал – под именем «опытного морского офицера» Н.Н. в этом же номере печатался устав «Общества пароходства и торговли на реке Амуре» и приводилась смета в 1 млн 200 тыс. руб. для его основания. Такие первоначальные вложения показались автору статьи «О пароходстве на Амуре» (Н.Н. Х–О) непомерными не только для сибирских, но и для российских капиталистов, привыкших получать прибыль «сто на сто», поэтому он возлагал надежды на иностранный капитал, главным образом американский, способный обеспечить внутренних потребителей Восточной Сибири дешевыми товарами: «Искренне желаем, чтобы наехало к нам побольше всякого рода и сорта торговцев, чтобы чрез конкуренцию установилась бы скорее цена, и мы бы платили за вещь то, что она стоит, а не то, что заблагорассудится купцу» (1857. № 14. 15 авг.). В следующей статье на эту же тему проект «Общества» критиковался как капиталоемкое рискованное предприятие, граничащее с аферой (1857. № 17. 5 сент.).

Одним из основных авторов, писавших по вопросу экономического освоения Амура, был военный инженер Д.И. Романов. В 1858 г. им был изложен обстоятельный проект железной дороги от Амура до залива де-Кастри (1858. № 38. 18 сент.; № 40. 2 окт.) и приведены его же возражения на статью в «Северной пчеле» о возможности строительства общесибирской железной дороги (1858. № 49. 4 дек.; № 50. 11 дек.). В 1859 (№ 4. 22 янв.; № 5. 29 янв.; № 6. 5 февр.; № 8. 19 февр.) Романов опубликовал проект русско-американского теле-

графа через Аляску, для противостояния «усилению английского всемирного господства, грозящего уже поглотить Китай». Однако все эти «предложения с мест» не имели практических последствий.

Экономическая информация, касавшаяся новоприобретенных территорий, была заметна среди прочих казенных объявлений и в официальной части «Иркутских губернских ведомостей». Здесь сообщалось о торгах на поставку переселенцам продовольствия, о прибытии судов с товарами и ценах на них, выставках местных «огородных произведений», печатались объявления от Амурской компании. Все это должно было не только придать более прозрачный характер деятельности властей в отношении нового края, но и продемонстрировать отсутствие трудностей (или, во всяком случае, их решаемость) по его обеспечению и заселению, в противовес статьям центральных изданий, формировавшим в общественном сознании так называемый амурский вопрос⁷⁰⁷.

Также публиковались сведения о состоянии золотопромышленности, положении Нерчинских заводов, полезных ископаемых, ярмарках, ценах на товары в Иркутске. В большой продолжающейся статье «Заметки о быте поселян Иркутского уезда» профессора Иркутской духовной семинарии, магистра М.В. Загоскина (1857. № 15. 22 авг.; № 17. 5 сент.; № 21. 3 окт.; № 28. 21 нояб.; № 30. 5 дек.) рассказывалось об отличиях в хозяйственном положении крестьян Сибири и России, о возможностях для расширения сибирского хлебопашества, о необходимости развития сельских ремесел и промыслов. В новом 1858 г. автор усилил оценочную критическую составляющую своих «Заметок». Во многом отсутствие дешевых товаров, необходимых в повседневном быту, объяснялось отношением самих крестьян: «Порядочная цена самых простых телег и тарантасов ни в одном крестьянине не родила охоты превзойти своих собратьев в искусстве и прочности отделки, хотя бы для того, чтобы получить за лучшую работу побольше денег. <...> Лень и равнодушие к собственному благосостоянию при общедоступных средствах обогащения поистине умилительны» (1857. № 7. 13 февр.). Золотопромышленность, по мнению Загоскина, оказывала негативное влияние на крестьянское хозяйство, приводя либо к разорению неудавшихся

⁷⁰⁷ «Общественно-политическая сущность “Амурской проблемы” или, как иначе называют, “Амурского вопроса”, состоит в критике передовой общественностью Сибири, да и не только Сибири, тех средств и методов, которые применялись царской администрацией на Дальнем Востоке по заселению и освоению этого края» (Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение... С. 264).

старателей, либо к оставлению доставшегося тяжелым трудом заработка в ближайшем кабаке (1858. № 9. 27 февр.; № 15. 10 апр.; № 16. 17 апр.). В заключительных главах статьи в отношении «бедного мужика» (не только сибирского, но и российского) Загоскиным был взят просветительский, нравоучительный тон: «Священная обязанность лежит на обществе – быть готовым на помощь ближним, дать средства братьям оправиться и подняться на ноги. А то у нас ставится в грех не подать копейки пьяному нищенству, – а не считается грехом оставаться равнодушным, когда человек, лишившийся наилучшего своего достояния – скота или хлеба, – тщетно вопиет о жалости и молится обществу пособить его горю» (1858. № 30. 24 июля). В качестве средств к улучшению благосостояния крестьянского хозяйства Загоскин предлагал заменить подушную подать имущественным налогом, открывать сельскохозяйственные школы, образцовые фермы и общества взаимного кредита. Критике подвергались «язвы сельских обществ» – старшины, старосты и головы, власть которых должна была быть уравновешена или даже заменена представителями местной интеллигенции – начальниками образцовых ферм (они же инспектора сельского хозяйства). Представленные размышления и советы, безусловно, адресовались не самому крестьянству, а властям и всей читающей публике. Они означали лишь гражданскую позицию автора, а не программу действий. Загоскин, видимо, сам поняв, что к концу цикла статей он чрезмерно увлекся, в заключение писал: «Мало ли что можно придумать к улучшению быта как поселян, так и других сословий. <...> Да есть ли возможность привести эти средства в исполнение?» (1858. № 31. 31 июля).

С 1858 г. усилилась этнографическая и краеведческая составляющие газеты. С.С. Шашков начал печатать статьи и заметки о бурятах Иркутской губернии, их нравах, обычаях и фольклоре (1858. № 3. 16 янв.; № 11. 13 марта; № 12. 20 марта; № 18. 1 мая; № 32. 7 авг.). «Всякое описание родимого края иностранцем имеет известного рода интерес...» – с этой целью в газете был опубликован перевод «Путешествия» по Восточной Сибири англичанина Т. Аткинсона (1858. № 18. 1 мая; № 19. 8 мая; № 23. 5 июня; № 25. 19 июня; № 26. 26 июня). Регулярно публиковались отчеты о деятельности Сибирского отдела Русского географического общества. В «Иркутской летописи» П.И. Пежемский кратко сообщал о событиях, происходивших от основания Иркутского зимовья в 1652 г. до

современных автору 1850-х гг. (1858. № 20–26, 29, 31–33, 35, 50, 52; публикация была продолжена в 1859–61 и 1892–93 гг.).

Во втором номере неофициальной части Н.А. Спешнев объявлял, что редакция «всегда готова помещать дельные возражения против статей, напечатанных в неофициальной части» и «отнюдь не прочь допустить даже настоящую полемику» (1857. № 2. 23 мая). «Возражения читателей» стали поступать по самым разнообразным вопросам: об одуванчиках, растущих у здания Иркутского губернского правления (1857. № 2. 23 мая; № 6. 20 июня; № 8. 4 июля); о дате основания Иркутского острога (1857. № 6. 20 июня); о дороговизне сахара (1857. № 10. 18 июля; № 13. 8 авг.; № 20. 26 сент.); о женском образовании (1858. № 25. 19 июня; № 27. 3 июля; № 30. 24 июля; № 33. 14 авг.; № 36. 4 сент.); о возможности производства в Иркутске крупчатой муки и ее стоимости (1857. № 18. 12 сент.; № 22. 10 окт.; № 23. 17 окт.; 1858. № 1. 2 янв.). В последнем случае в прениях приняли участие не только разгневанные высокими ценами потребители, но и сами иркутские купцы. Мнения и ответы могли размещаться прямо в одном и том же номере, следуя друг за другом. Публикация ведомости о количестве родившихся и умерших лиц православного вероисповедания в Иркутске в 1838–1847 гг. (1857. № 23. 17 окт.) вызвала дискуссию о причинах превышения смертности над рождаемостью (1858. № 10. 6 марта; № 20. 15 мая; № 23. 5 июня; № 37. 11 сент.).

Примечательны ответы «Иркутских губернских ведомостей» «Северной пчеле», куда «пописывал» из Иркутска некий «любезный старичок», сочиняя о местной жизни всяческие небылицы, например, о множестве 20-летних учеников в Иркутской гимназии и выпуске даже 26-летнего ученика, который тут же и женился, или о неизвестной эпидемии, от которой люди падали замертво прямо на улицах⁷⁰⁸. В действительности с 1848 по 1857 г., как сообщал в газету директор гимназии К.П. Бобановский, из 70 выпускников только трое были старше 20 лет (1857. № 25. 31 окт.). Загадочная же эпидемия оказалась обычным гриппом (1857. № 33. 26 дек.). При этом «Северная пчела» допускала на свои страницы такие определения в адрес известных и уважаемых в Иркутске людей, как «аферист и пройдоха»⁷⁰⁹ (в отношении немца Либгарта, открывшего паром-плашкоут через Ангару), «чучельник»⁷¹⁰ (в отношении зоолога и пу-

⁷⁰⁸ *Северная пчела*. СПб., 1857. № 195. С. 924.

⁷⁰⁹ Там же. № 241. С. 1139.

⁷¹⁰ Там же. № 175. С. 828.

тешественника Г.И. Радде), а летопись П.И. Пежемского была названа «самой ничтожной из летописей Иркутска»⁷¹¹. Некто «Сибиряк» в ответ на публикацию М.В. Загоскина о быте поселян Иркутского уезда, подозревая принадлежность автора к «сословию» заезжих и промотавшихся приказчиков на золотых приисках (!), «вступался» в защиту крестьян-старожилов, обвиняя в пороке воровства только ссыльных⁷¹². На это М.В. Загоскин отвечал: «Неужели г. Сибиряк (если он действительно Сибиряк) не знает, что у нас в округе крестьяне целой волости зовутся конокрадами?» (1858. № 31. 31 июля). В ответ же на определение собственного социального происхождения Загоскин намекал на принадлежность («некоторую симпатию») «Сибиряка» к сословию «торгующих», составивших свой первоначальный капитал за счет конокрадства и срезки чаев с обозов.

Первой серьезной заявкой на разработку сибирского вопроса в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1857 г. стала статья «Несколько мыслей о Сибири», занявшая более пяти страниц неофициальной части № 9 от 11 июля 1857 г. Автором ее был М.В. Петрашевский. Начав с пространных рассуждений о государстве как живом организме, составные части которого должны быть развиты в одинаковой степени, автор ставил вопрос: «Какое значение имеет Сибирь для России? Или Русский в Сибири – для России? и вместе с тем для всего человечества?» Ответ давался в простых стадийных цивилизационных сопоставлениях, выдержанных в духе воззрений П.Я. Чаадаева и славянофилов – если Россия в сравнении со странами романо-германского мира играла роль младшего брата, то в кругу народов Азии на ее стороне было старшинство, и она по отношению к ним должна быть тем, чем Европа являлась для России, иными словами, выполнять культуртрегерскую функцию. Место Сибири в этом теоретическом построении заключалось в усилении России как в возможном столкновении с Западом, так и в обеспечении своего влияния на страны Востока: «Сибирь, по положению своему призвана добыть нам диплом на звание народа истинно европейского!» Такая задача для «русского в Сибири, или Сибиряка» могла решаться «мыслящей частью населения этой страны», препятствиями же к этому были слабое развитие образования, административно-бюрократические методы управления, неразвитость общественной жизни. Читатели-сибиряки приглашались авто-

⁷¹¹ *Северная пчела*. СПб., 1857. № 175. С. 828.

⁷¹² Там же. 1858. № 107. С. 485.

ром к обсуждению поднятых вопросов, через высказывание своих мнений в газете, которая должна была стать выразителем «желаний и требований общественных».

Трудно согласиться с определением содержания и назначения статьи как пропаганды социалистических идей⁷¹³ и имеющей источником мысли А.И. Герцена, высказанные им в первом номере «Полярной звезды» 1855 г.⁷¹⁴ Это скорее резонерские размышления законоведа по поводу несовершенства существующего общественного порядка и возможностей его переустройства, причудливо сочетавшие в себе демократические призывы к «сибирскому люду» приздуматься по этому поводу с назидательным утверждением признать высказанные автором взгляды как «справедливые», объявление всех народов равноправными участниками «одного свободного братства» с положением о «бесспорном» превосходстве России над народами Азии «в смысле нравственном и общественном». Важно другое – впервые на страницах одной из первых сибирской газет сибирские губернии позиционировались не как рядовые провинциальные, а как образующие некоторую общность, «страну», отличную от российских губерний. «Сибиряк», или «русский в Сибири», рассматривался в отдельности от «европейского русского». Не утверждалась необходимость обретения Сибирью самостоятельности, но утверждалось, что в историческом пути России она призвана выполнить особую миссию, поэтому правительству и местному обществу необходимо уделять особое внимание ее развитию, переустраивать «административную практику» управления на рациональных законных началах, пробуждать самосознание местных жителей⁷¹⁵.

⁷¹³ Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири... С. 16–17.

⁷¹⁴ Кубалов Б.Г. Герцен и общественность Сибири... С. 22.

⁷¹⁵ Декабристы и петрашевцы (а первые прожили в Сибири столько лет, сколько служили в должности не каждае местные губернаторы) говорили от имени сибиряков и идентифицировали себя с ними по праву. В условиях дефицита «своих» кадров, инициатива в формулировании нужд «новой родины» (ставших позже под пером областников «сибирскими вопросами») принадлежала ссыльной дворянской и разночинной интеллигенции. «Мы, русские ... мы, сибиряки ... давали бы нашим богатствам лежать втуне и позволяли бы дремать нашей деятельности, мы – народ очень и очень неглупый», – писал в передовой «Иркутских губернских ведомостей» (1858. № 2. 9 янв.) Ф.Н. Львов, в 1863 г. вернувшийся в Россию и впоследствии ставший секретарем Русского технического общества. Интерес к Сибири, в большинстве случаев, был лишь проходным сюжетом «сибирской биографии» образованного штрафника, мотивированный склонностью к научной, публицистической и иной писательской деятельности на доступном материале (литературный слог и особенности согласования слов в предложениях статьи Петрашевского позволяют предположить, что в первоначальном виде она была написана на французском,

За пределами внимания исследователей, увлеченных установлением идеологической направленности статьи Петрашевского, оказалось и то обстоятельство, что в ней, впервые в зарождающейся сибирской периодической печати была поднята тема сибирского университета. Правда, о его необходимости упоминалось не напрямую, а косвенно: «Нам ли живущим в каком-то доселе образцовом захолустье мира, куда свет наук тяжело доходит, где любовь к знанию не поддерживается на расстоянии семи тысяч верст [общая протяженность Сибири], ни одним учреждением, которое можно было бы назвать справочным местом знания и его распространителем [разрядка моя. – В.Ш.] соответственно всякой потребности!».

Целый ряд статей в 1857–58 гг. характеризуют неофициальную часть как вполне верноподданническое издание, положительно и эмоционально изображавшее деятельность генерал-губернаторской власти и ее всемерную поддержку населением⁷¹⁶. Так, полковой врач Н.И. Кашин сообщал о смотре забайкальских казаков в 1857 г., под руководством атамана генерал-майора М.С. Корсакова (будущего преемника Муравьева), где поверстанные в 1851 г. жители русских, тунгусских и бурятских поселений представлялись бодрыми, ловкими и удалыми воинами-молодцами, не испытывавшими проблем ни со снабжением, ни с ведением хозяйства (1857. № 12. 1 авг.). Другая статья содержала подробное описание празднования в Иркутске дня коронации и тезоименитства императора и званого обеда по этому поводу у генерал-губернатора (1857. № 18. 12 сент.). В следующем номере сообщалось о прохождении через Шилку парохода «Лена», встречаемого местными жителями криками «Ура!», знаменовавшими «глубокое сочувствие их к видам заботливого начальника края» (1857. № 19. 19 сент.). Не были не отмечены и «сердечные излияния» в стенах иркутского благородного собрания и торжественные мероприятия в Верхоленске по поводу назначения

а затем переведена на русский язык). Как только удавалось покинуть пределы «самой большой русской тюрьмы», Россия и ее общественно-политическая жизнь, события «большого мира» выходили на первый план. Счастливый и неоднозначный в этическом смысле исход М.А. Бакунина из Сибири демонстрирует это обстоятельство как нельзя лучше (хотя близкое знакомство с жизнью простого народа повлияло на дальнейшее развитие общественно-политических взглядов теоретика анархизма). Сибирские интересы могли быть сформулированы и отстаиваемы только сибиряками, постоянными, а не «транзитными» жителями края.

⁷¹⁶ Такие сообщения и статьи печатались в «Иркутских губернских ведомостях» с самого первого года их выхода, а не только с 1860 г. (См.: Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных... С. 223).

Н.Н. Муравьева императорским генерал-адъютантом (1858. № 5. 30 янв.; № 8. 20 февр.). Здравницы за успех «амурского предприятия» и Амурской торговой компании провозглашались на обеде в том же благородном собрании по случаю возвращения Н.Н. Муравьева из Петербурга (1858. № 10. 6 марта). Свою статью о переселенческом движении на р. Шилка М. Зинзинов заключал панегириком «настойчивым стараниям и неутомимой энергии» Н.Н. Муравьева: «Теперь вера христианская озарит племена приамурские светом своей истины, промышленность и торговля раскроют и разовьют его естественные богатства; быстро возникнут города на берегах Амура и на всей Сибири отразится благотворное влияние открытия Амурского торгового пути...» (1858. № 28. 10 июля). В корреспонденции из Нерчинска тот же автор сообщал о посещении города генерал-губернатором в таких выражениях: «Воссоединение Амура мы здесь празднуем почти как свое семейное торжество, и вот почему Нерчинск более всех других городов имеет право приветствовать того, кому Провидение дало счастье начать, совершить и окончить это великое дело...» (1858. № 39. 25 сент.). С восторгом ведомости сообщали о присвоении Муравьеву титула «граф Амурский» (1858. № 44. 30 окт.). В статье Иркутянина «Возвращение на Родину (1858. № 4. 23 янв.) иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин, под началом которого служил автор, оценивался как энергичный и талантливый администратор, хотя у «прогрессивной» части сибирской общественности фигура Трескина всегда была синонимом чиновного произвола.

В исследовательской литературе обличительное направление, избранное неофициальной частью «Иркутских губернских ведомостей» в период редакторства Н.А. Спешнева, связывается со статьей «Из воспоминаний старожила. I. Выборы» (1858. № 20. 15 мая). В отношении ее автора, «коренного местного жителя», скрывшегося под криптонимом «—369—», до сих пор нет единого мнения. Им мог быть И.С. Сельский⁷¹⁷, декабрист В.Ф. Раевский⁷¹⁸ или М.В. Загоскин⁷¹⁹ (последняя точка зрения, высказанная Н.П. Матхановой, представляется наиболее аргументированной). В фельетоне сообщалось о том, что голова «...ской волости» Исайя (в крещении Нико-

⁷¹⁷ *История русской литературы Сибири* (Макет). Новосибирск, 1974. Т. 1. Разд. 4. С. 21.

⁷¹⁸ *Кудрявцев Ф.А.* Декабристы – сотрудники сибирских газет // Памяти декабристов: к 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 147

⁷¹⁹ *Матханова Н.П.* Сотрудничество политических ссыльных... С. 215.

лай) Самойлович Гланц, пользуясь кумовством и дружбой с земским начальством, подверг строптивых выборщиков от крестьян задержанию и наказанию плетьюми, чтобы заполучить свою должность на очередной трехлетний срок. Однако дело о самоуправстве волостного головы Бадайской волости Мейера возникло не в результате публикации в «Иркутских губернских ведомостях», а как реакция власти на жалобы крестьян. Н.Н. Муравьев поручил вести расследование прибывшему в Иркутск Б.А. Милютину⁷²⁰.

Таким образом, статья не направляла деятельность власти, а оказывала ей информационную поддержку, сообщала об обстоятельствах злоупотреблений не в сухих фразах следственного дела, а в жанре фельетона, чтобы вызвать соответствующий общественный резонанс. Ни виновник происшествия, ни точное место событий прямо не назывались, хотя и были понятны читателям. Выходец из купеческого сословия городской врач Н.А. Белоголовый 2 июня 1858 г. писал своему отцу А.В. Белоголовому, что «первое применение публичности к нашему маленькому миру вызвало страшный говор со стороны наших государственных мужей; особенно подействовала она на Извольского [председателя Иркутского губернского правления], который счел себя обиженным лично и, не могши уговорить Венцеля [иркутского губернатора] уничтожить этот номер газеты, сделался болен и до сих пор не выезжает. Без этого шума и говору для весьма многих как самый факт, так и статья остались бы неизвестными, а теперь всякий чуть-чуть грамотный иркутянин поспешил прочесть ее и дополнить устными ходячими в публике подробностями»⁷²¹.

Зарвавшийся голова рисовался как щедринский персонаж, который «покровительствовал просвещению, ибо приказал всем мужикам своей волости всегда иметь в запасе для него и господ чиновников виноградное вино. <...> Даже в семейных делах образованный голова произвел переворот: почти все ребятишки в его правление родились как две капли воды похожими один на другого». Слышны были также и гоголевские обертоны: «Вдруг является в волость особенный чиновник, объявляет, что так и так, дошло де до сведения высшего начальства, что недостает казенных сумм, бывших в распоряжении волостного головы, и требует на ревизию книги и деньги».

⁷²⁰ Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1888. № 11. С. 334.

⁷²¹ Цит. по: Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных... С. 213–214.

Обращает на себя внимание (о чем всегда стыдливо умалчивалось), что автор, кто бы он ни был, тщательно и последовательно педалировал национальное происхождение своего персонажа – «израильская порода», «почтенный израильтянин», «жидовская харя», «жиденок», «Ицка», «богатый жид».

Безусловно, придание делу Мейра гласного характера способствовало тому, что оно было доведено до суда, хотя, с точки зрения иркутского губернатора и полицмейстера, это был «отличный человек», державший волость в исправности. Б.А. Милютин писал, что показания, собранные им в ходе следствия, представляли собой «целую драму девятилетних страданий, страданий, от которых у посторонних, не привыкших к следственным драмам, застыла бы кровь»⁷²². В фельетон не попали такие факты террора подвластного голове населения, как избиения недовольных, их исчезновение и намеренные убийства. Милютин заключал, что в течение пяти лет служения в иркутском губернском суде он не встречал «таких вопиющих преступлений, какими сопровождалось дело Мейера». В результате виновный был присужден Сенатом к поселению на Амуре, хотя лиц, допустивших все вышеперечисленные злоупотребления, уже не было налицо в Сибири⁷²³.

Фельетон «Выборы», выбивавшийся из предшествовавшего направления газеты, был опубликован во время отсутствия Муравьева в Иркутске, и ответственность за его появление целиком лежала на генерал-губернаторской креатуре в должности редактора – Н.А. Спешневе, который, возможно, тем самым пускал «пробный шар» в отношении возможных пределов и форм критики злоупотреблений. О статье отозвались «Санкт-Петербургские ведомости», советуя Иркутску и далее идти по пути публичности и гласности, на что редактор Н.А. Спешнев в № 38 от 18 сентября 1858 г., комментируя советы столичной газеты, объявлял, что редакция «уполномочена объявить: что столбцы ее газеты всегда открыты для желающих воспользоваться такого рода полезною “гласностью”». В Иркутске не опасаются этой гласности, а напротив – вызывают ее». Очевидно, что такое предложение, означавшее изменение содержания газеты посредством публикации критических заметок, присылаемых в редакцию, означало ее поддержку со стороны главного начальника края, который, как сообщали несколькими номера-

⁷²² Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири... С. 339.

⁷²³ Там же. С. 350–351.

ми ранее те же ведомости, вернулся из 4,5-месячной поездки по Приамурскому краю, в начале которой был подписан Айгунский договор (1858. № 34. 21 авг.). Небывалый успех русской дипломатии в условиях недавно проигранной большой европейской войны делал фигуру его виновника более значимой и предоставлял ему больше прав и возможностей, в том числе и в отношении содержания подведомственной газеты.

«Публика скоро поняла дух “Губернских Ведомостей”, и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков», – писал по этому поводу Н.М. Ядринцев⁷²⁴ (такое направление отвечало общему содержанию русской журналистики конца 50-х – начала 60-х гг., названного последующими ее исследователями «эпохой обличительного жара»⁷²⁵). Однако в последних номерах 1858 г. таких обличительных корреспонденций было всего шесть. В письме из Киренского округа сообщалось о некоем «русском тайше», державшем у себя любовницу, а затем изгнавшем ее (1858. № 45. 6 нояб.). Статья «О суде крестьян между собой» (1858. № 46. 13 нояб.) принадлежала М.В. Загоскину и подвергала критике существующий порядок судопроизводства среди сибирских крестьян. В следующем № 47 от 20 ноября 1858 г. была представлена «небылица в лицах» – фельетон «Голубятник», автор которого – «Шнеллер» – мог быть декабристом В.Ф. Раевским⁷²⁶ или И.С. Сельским⁷²⁷. В ней рассказывалось о «земском ярыжке» старых времен («Это было давно, кажется, еще тогда, как у нас помину не было об Амуре»), «держиморде от головы до пяток», который собрал с деревни в свой карман 300 руб. за голубей, клевавших хлеб с крыш казенных хлебных магазинов. В статье «Искусство чужими руками жар загребать» (1858. № 52. 25 дек.) в плагиате был изобличен автор «Путешествие по Восточной Сибири» (СПб., 1856. Ч. 1. Якутская область, Охотский край) – И.Д. Булычев, никогда не бывавший в описываемых им землях.

В корреспонденции из Енисейска сообщалось о высоких розничных ценах на хлеб, ставших следствием скупки купцами зерна

⁷²⁴ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к Восточному обозрению за 1885 г. СПб., 1885. С. 372.

⁷²⁵ Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 1.

⁷²⁶ Кудрявцев Ф.А. Декабристы – сотрудники сибирских газет... С. 146.

⁷²⁷ История русской литературы Сибири (Макет)... С. 21.

у крестьян по низким ценам. При этом назывались конкретные фамилии виновников в этих спекуляциях (1858. № 47. 20 нояб.). Публикация вызвала бурю возмущения, демонстрировавшую полярность мнений – «N.N.» поддерживал автора, считая статью «дельной и справедливой», изобличающей «ненасытных пиявок, сосущих кровь и жизнь им подведомственных людей» (1859. № 1. 1 янв.). Петрашевец-сибиряк Р.А. Черносвитов считал статью основанной на «ложных слухах», два других корреспондента из Енисейска вторили ему, что хлебная торговля «соединена с риском и может при случае то обогащать, то разорять», а статья «настроена наобум» и очерняет енисейское купечество (1859. № 2. 8 янв.). Сам енисейский купец Данилов направил жалобу иркутскому губернатору К.К. Венцелю. Он требовал объявить ему звание и фамилию автора (скрывавшегося под цифрами «106»). Ссылаясь на цензурный устав, Венцель отвечал, что редактор газеты должен объявлять имя и место жительства сочинителя только по требованию правительства, а не частных лиц, хотя, на всякий случай, сообщил о случившемся генерал-губернатору. Муравьев поддержал своего подчиненного, указав на то, что «ни происхождение из евреев, ни монопольную торговлю, ни корыстолюбие никому закон не вменяет в преступление или особенный позор». В подобных случаях Муравьев предписывал поступать по аналогии, в соответствии с действующим законом, т.е. держать имя автора в тайне⁷²⁸.

В ряду «обличительных» корреспонденций 1858 г. обращает на себя внимание мнение об Амурской компании, высказанное на страницах первой иркутской газеты восточносибирскими купцами. В № 35 от 28 августа 1858 г. в передовой, подготовленной Н.А. Спешневым и касавшейся заключения Айгунского трактата с Китаем, была приведена речь избранного управляющим компанией А.В. Белоголового. Забайкальские купцы – «И.В.Л.» и «А.К.» и иные «из торговой братии, на Амуре промышляющей», – подвергли как «спич» Белоголового, так и «аттестацию», данную ему иркутскими ведомостями, обстоятельному разбору, представлявшему собой замечательный образец иронии и сарказма над личностью главы новоучрежденного коммерческого предприятия (возможно, мнение недовольного купечества было подвергнуто литературной обработке

⁷²⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 1735. Д. 43. Л. 1–10б, 30б–4

со стороны другого заинтересованного лица⁷²⁹). Белоголовый упрекался в некомпетентности («в прогулку свою вверх и вниз по Амуру приобрел не только обильный запас данных, относящихся к кругу промышленной и торговой деятельности, но также имеет немало бесспорных данных, на основании которых он уже составил определенные соображения об устройстве сего края...»), отсутствии «гласных» предложений о номенклатуре экспортных и импортных товаров, неясности позиции в отношении к другим торгующим по Амуру русским и иностранным предпринимателям, распространении акций только среди избранных членов компании и закрытости информации о ее предполагаемой деятельности. Недвусмысленно делались намеки на прошлую коммерческую недобросовестность «негоцианта», которому становились «доступны и сподручны важнейшие рынки целого света»: «Приобрел авторитет в делах торговых, например, тем, что за несколько десятков лет пред сим придумал бы для своего хозяина, торгующего чаем, гениальный способ обвеса и в то же время приманки к себе простодушной публики, – именно: подкладывание пятаков екатерининских времен в фамильный чай, развешенный по фунтам, или тому, у кого бы облепиховая наливка, чрез подбавку в нее вина виноградного превращалась в венгерское...».

Сами авторы, прибегая к приему намеренного собственного унижения, тем самым высмеивали масштабный размах организуемого предприятия: «скромно торгующие в своей лавочке»; «наше скромное положение, и постоянное круговращение в сфере мелкого барышничества и грошовых интересов»; «... обращаемся мы к главному распорядителю ее [Амурской компании] делами с униженнейшей нашею просьбою – научить нас, мелких промышленников, перебивающихся с копейки на грош, уму-разуму да торговой сметке. Вы плывите поскорее по Амуру с пароходами, мы же за вами поплывем в лодчонке, а где можно потянемся бичевою и будем подбирать крохи всего потребимого, оставленного вами без внимания на торжищах» (1858. № 39. 25 сент.; № 40. 2 окт.). Действительно, о страшной неразберихе при доставке пароходов для нужд компании и огромных неоправданных расходах Амурской компании, как всякого новоорганизуемого дела, сулящего огромные барыши, писал морской офицер А.И. Петров, поступивший на службу к А.В. Белоголово-

⁷²⁹ Г.В. Карцев, вслед за В.И. Семеvским (*Голос* минувшего. М., 1915. № 3. С. 26–27), считал, что «принадлежность этой статьи перу самого Петрашевского не подлежит сомнению» (*Карцев В.Г.* М.В. Буташевич-Петрашевский в период революционной ситуации... С. 150). Однако приводимые им в пользу этого аргументы вовсе не являются бесспорными.

му⁷³⁰. В конечном итоге, к началу 60-х гг. Амурская компания обанкротилась, а ее учредители понесли огромные убытки⁷³¹. Частное амурское судоходство, без государственной поддержки, возникло только в начале XX в.⁷³² В ближайших номерах появились статьи в защиту А.В. Белоголового и Амурской компании. «Wss» утверждал, что статья иркутских купцов «наполнена придирками к словам, многоречивыми суждениями, не совсем логичными и, наконец, личностями, как нам кажется, не совсем приличными в печати» (1858. № 42. 16 окт.). Кяхтинский купец И.А. Носков также отмечал, что представленная рецензия «проникнута духом злонамеренности и довольно не благовидной» (1858. № 43. 23 окт.).

Пolemика вокруг деятельности Амурской компании, содержащая противоположные мнения, позволяет говорить о том, что Муравьев не исключал на страницах подконтрольной ему газеты критики в свой адрес (компания была создана по инициативе генерал-губернатора, и он был одним из ее акционеров). Хотя негативная оценка в отношении «амурского дела» уже активно начала разворачиваться на страницах столичных журналов – в «Морском сборнике», «Вестнике промышленности», «Русском инвалиде» и «Акционере». Читинский поселенец, декабрист (или, по словам Бакунина, «псевдодекабрист») Д.И. Завалишин, состоявший на тайном довольствии III Отделения и пользовавшийся покровительством противников Муравьева в Петербурге (во главе с братом царя адмиралом Константином Николаевичем)⁷³³, писал о разорении Забайкальского края ради снабжения Амурской области, о неразумных распоряжениях начальства, о принудительном характере заселения новых территорий, о дороговизне и тяжелом положении новопоселенцев⁷³⁴.

⁷³⁰ Петров А. И. Амурский щит. Записки первостроителя Николаевска-на-Амуре. Хабаровск, 1974.

⁷³¹ Венюков М.И. Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 253–254; Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. СПб., 1879. № 2. С. 292–294; Должигов В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.)... С. 108–109.

⁷³² Надорожная М. В. Освоение российского бассейна реки Амур во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2008. С. 19.

⁷³³ Кубалов Б. Г. Герцен и общественность Сибири... С. 149–150; Должигов В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.)... С. 96–97; Должигов В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2000. С. 153–154.

⁷³⁴ Возможность обличения была для Д.И. Завалишина не столько средством воздействия на разоблачаемые им пороки, сколько средством самореализации, обретения статуса «местного мудреца», гонимого восточносибирским сатрапом. Первоначально Завалишин планировал обличить «бунт 14 декабря», но, вероятно, побоялся действительных участни-

С началом освоения Амура Завалишин подготовил около 200 статей, направленных им почти во все существовавшие тогда газеты и журналы России⁷³⁵. В целом, проводилась мысль о нецелесообразности освоения Приамурья в том виде и теми средствами, какими это осуществлял Муравьев⁷³⁶. Сторонники Муравьева давали прямо противоположную оценку деятельности Завалишина. Так, М.А. Бакунин в письме А.И. Герцену писал: «Эти статьи, проникнутые самым мелочным и злым самолюбием, в которых так и сквозит жалкое оскорбленное я г-на Завалишина, написанные, впрочем, искусно в видах очернения именно перед русской публикой, статьи эти, исполненные противоречий, ничего не доказывающие, только отуманивающие и дурачащие легкомысленного читателя, не выдерживают серьезной критики»⁷³⁷. Начальник штаба Б.К. Кукель замечал следующее: «Страшное зло эти либералы, когда в них черная душа. <...> Это господа, которые, прикрываясь либеральным направлением, хо-

ков этих событий, в которых он принимал участие только на страницах своих записок. Полет его фантазии привел к тому, что он был приговорен к пожизненному заключению как один из самых опасных заговорщиков. «В своих мемуарах он повествует то о расколе внутри ссыльных декабристов на демократов (во главе которых, конечно, стоит он сам) и аристократов, то о попытке бегства из Сибири через Китай на Тихий океан. <...> Завалишин “вспоминает” не ту свою трагическую, полную неудач жизнь, которая была в реальности, а блестящую, состоявшую из одних успехов, жизнь его воображения. <...> Он “вспоминает” фантастические картины многочисленных бурных тайных заседаний, куда члены собирались только для того, чтобы “послушать Завалишина”» (Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 428–429). Свое влияние на Муравьева Завалишин также описывал в свойственной ему манере: «Признав себя обязанным следовать моим идеям и правилам для того, чтобы заручиться моим содействием, Муравьев вынужден был при необходимости подчиняться моему контролю» (Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 394).

⁷³⁵ Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин: Проблемы формирования дворянской революционности и эволюция декабризма. Красноярск, 1984. С. 123–124.

⁷³⁶ Более чем через 20 лет в «Русской старине» (очевидно, не без участия самого Д.И. Завалишина) была помещена подборка писем к нему различных участников колонизации, подтверждавших его мнение по «амурскому делу». М.А. Бестужев сообщал из Селенгинска: «Прочитав статью твою в “Морском сборнике”, я увидел, что ты попал не в бровь, а прямо в глаз ложной системе покупать на медные гроши великие предприятия». Нерчинский купец М.Д. Бутин писал: «Нам весьма приятно было услышать правду, о которой многие молчат. Вы первый явились обличителем истины». Из Иркутской публичной библиотеки сообщали, что «с утра до ночи библиотека не вмещала в себе читающих, многие нарочно для этого подписались (в библиотеке). Чтобы удовлетворить желающих, надо было читать вслух» (Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). М., 1891. С. 562; *Выдержки* из писем различных лиц к Д.И. Завалишину, 1840–64 гг. // Русская старина. СПб., 1881. № 10. С. 399–403).

⁷³⁷ Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем 1828–1876 гг. М.; Л., 1935. Т. 4, № 610. С. 311.

тели бы приобрести весьма нелиберальное влияние на ход дела. Они князят все и вся, но сами первые враги всему порядочному и честному»⁷³⁸. Действительно, как всякое новое дело, освоение Амура было сопряжено со многими трудностями, но благоприятная внешнеполитическая обстановка предоставляла реальную возможность перейти в этом вопросе от слов к делу, действуя без колебаний, теми средствами и методами, которые соответствовали духу времени⁷³⁹.

В 1859 г., когда уже отгремели торжества по поводу Айгунского трактата, перед «Иркутскими губернскими ведомостями» встали новые темы – экономическое развитие Амурского края, возможные пути совершенствования существующей системы хозяйствования и управления в Сибири, придание гласности силами местных корреспондентов фактов злоупотреблений волостных и земских чиновников. В сравнении с 1857–1858 гг. газета брала все более серьезный тон (об иркутском театре в 1859 г. было сказано лишь дважды), ее публикации приобретали проблемный характер, суждения некоторых авторов стали отличаться категоричностью и резкостью.

По словам Бакунина, передовая «Иркутск, 14 января» (1859. № 3. 15 янв.), направленная против распространения винного откупа на Приамурье («Хорош ему подарочек на новый 1859 год!»), была написана Спешневым под диктовку Муравьева⁷⁴⁰ и отправлена в Петербург Корсакову для передачи управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову⁷⁴¹. В результате распространению винной империи Д.Е. Бернардаки на восток был положен предел⁷⁴². Сам управляющий Амурской компанией А.В. Белоголовый направил письмо в газету с разъяснениями по поводу ситуации со снабжением Благовещенска продовольствием (1859. № 49. 3 дек.). Публиковались ответы на «злые статейки» Д.И. Завалишина в «Морском сборнике» – подробно аргументированное опровержение купца

⁷³⁸ Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский, по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). М., 1891. С. 562–563.

⁷³⁹ Муравьев действительно принимал часто непродуманные решения по заселению и снабжению новой территории, назначал новых чиновников по личному усмотрению и смешал старых «медицинским методом» путем выдачи врачебной управой свидетельства о болезни (Заборинский А.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. Очерк и письма // Русская Старина. СПб., 1883. № 6. С. 624–635; Вагин В.И. Сороковые года в Иркутске (Из воспоминаний) // Сибирский сборник. Приложение к Восточному обозрению за 1885 г. СПб., 1885. С. 280).

⁷⁴⁰ Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем 1828–1876 г. М.; Л., 1935. Т. 4, № 610.

⁷⁴¹ Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 287.

⁷⁴² В 1863 г. откупная система была заменена акцизным сбором.

И. Ланина слухов о поставках в Приамурье некачественной солонины (1859. № 3. 15 янв.), письмо «коммерческого лица» об «удобстве жизни» на всем протяжении Амура и быстром его заселении (1859. № 41. 8 окт.). В ответ на именование Завалишиным новых территорий «злонакаженной язвой», автор («Один из бывших на Амуре»; этим подчеркивалось, что сам Завалишин никогда на Амуре не был) отвечал, что имеющиеся трудности носят объективный характер, а не происходят от «безнравственности начал, руководивших главными амурскими деятелями» (1859. № 34. 20 авг.). Д.И. Романов упрекал «Морской сборник» в ангажированности – журнал печатал «многообъемистые разглагольствования г. Завалишина»⁷⁴³, а отправленный им в редакцию ответ в собственную защиту и защиту амурского дела был проигнорирован (1859. № 45. 5 нояб.). Хотя присланное Завалишиным в «Иркутские губернские ведомости» письмо также не было напечатано, с ясным намеком на высочайшее решение по этому поводу – «по причинам, не от редакции зависящим» (1859. № 51. 17 дек.).

Некоторые публикации были направлены на формирование интереса к земельным ресурсами и полезным ископаемым Приамурья со стороны возможных переселенцев и предпринимателей. Так, из Енисейского округа редакцию просили писать об Амуре «хорошенько, обстоятельнее» – о стоимости сельскохозяйственного инвентаря и семян, предоставляемых ссудах, государственных повинностях и правах на осваиваемые земельные участки (1859. № 22. 28 мая). Газета сообщала об «отличной почве и прекрасном климате» края (1859. № 41. 8 окт.), о прибытии на Амур из Сан-Франциско первого частного парохода «Адмирал Казакевич» (1859. № 39. 24 сент.), начале поисковых работ по разведке запасов золота в амурском бассейне (1859. № 24. 11 июня).

В отношении улучшения условий работы на уже действовавших золотых промыслах в ответ на публикацию И.Н. Селиванова «Замечания, относящиеся к золотопромышленности» (1858. № 45. 6 нояб.) некто «Оппонент» разразился целой серией статей по поводу приемлемых как для золотопромышленников, так и для са-

⁷⁴³ Все статьи, в которых содержались какие-либо рассуждения о правительственной политике в Сибири, а также исторические, статистические, этнографические и другие сведения о крае должны были перед публикацией в несибирских газетах предварительно рассматриваться Сибирским комитетом (*Распоряжение* по московскому цензурному комитету 16 июля 1857 г. // Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 328).

мих рабочих сроках пребывания их на приисках (1859. № 12. 19 марта), о размерах оплаты труда и отмене задатков, делающих нанимающегося на работу крепостным своего нанимателя (1859. № 14. 2 апр.), о необходимости объединения средств для устройства общей шоссейной дороги вместо целой сети отдельных «варварски-мучительных дорог» (1859. № 17. 23 апр.). «Оппонент» также выступил в защиту вольной виноторговли в противовес откупной системе, доказывая необходимость развития в Сибири винокурения для экспорта спирта за границу (1859. № 29. 16 июля). Для предотвращения захватов приисков, долгих судебных разбирательств о правах собственности другой неизвестный автор предлагал устраивать лотереи среди поданных заявок (1859. № 37. 10 сент.). Более реалистичное предложение поступило от «Служащего на промыслах» – о создании биржи как общего собрания золотопромышленников, приисковых служащих и горных чиновников (1859. № 49. 3 дек.). Однако публикацией, имевшей для сибирских приисков практическое применение, стала новость об изобретенном инженером А.Н. Лопатыным песковозе – первом механическом ленточном конвейере для транспортировки золото-содержащих и отмытых песков (1859. № 51. 17 дек.)⁷⁴⁴.

Тема совершенствования системы управления сибирским населением, улучшений в его хозяйственной и бытовой жизни на страницах «Иркутских губернских ведомостей» в 1859 г. рассматривалась в контексте происходивших в стране событий, связанных с готовящейся отменой крепостного права, судебной и земской реформами. Окружной енисейский начальник А.А. Мордвинов в ответ на статью купца В.А. Кокорева в «С.-Петербургских ведомостях» «Миллиард в тумане» в своей статье «Миллиард в ясном свете» доказывал невозможность устройства в России фермерских хозяйств по типу английских и освобождения крестьян путем их «мгновенного» выкупа государством (1859. № 12. 19 марта). Данный вопрос рассматривался с точки зрения интересов Сибири – возможности использования для сельскохозяйственного производства кабинетских земель, вложения капиталов из европейской части страны в сибирскую золотопромышленность и амурскую торговлю.

⁷⁴⁴ Именно в «Иркутских губернских ведомостях», а не в «Амуре» было сообщено об этом изобретении (Кубалов Б. Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862 гг.) // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1961. Вып. 2. С. 78).

В статье «Сельские сцены», автором которой был декабрист В.Ф. Раевский⁷⁴⁵, причиной беззаконий, творимых чиновниками и помещиками, называлась необразованность крестьянского населения: «Дайте детям простолюдинов грамотность, а в училищах буквари ... где бы объяснялись первые догматы веры, правила нравственности и необходимые для крестьянского звания законы». В преддверии освобождения крестьян обращалось внимание на недопустимость разделения русского общества на «секущих» и «секомых», которых помещики имели право наказывать внесудебным порядком, по собственному произволу: «Чтобы допустить розги без суда, нужно, чтобы все секачи были люди добродушные и святые» (1859. № 18. 30 апр.).

Приписные крестьяне и мастеровые Нерчинских заводов, как «сибирские крепостные» Кабинета Е.И.В., стали предметом внимания в цикле статей «Заметки о Нерчинских заводах» (1859. № 19. 7 мая; № 20. 14 мая; № 23. 4 июня; № 27. 2 июля; № 28. 9 июля). В них автор (подписывавшийся как «–рь» или «В.») доказывал неэффективность крепостнической эксплуатации заводских рабочих, приводил примеры их бесправного положения по отношению к горной администрации, писал о низкой рентабельности кабинетского сереброплавильного производства и высоких издержках на содержание управленческого аппарата. Последовательно проводилась мысль о необходимости применения вольнонаемного труда и освобождении «заводских невольников» от «тяжких» и «бесполезных» работ. Доставка руды, рубка дров, жжение угля не только сами по себе были обременительными для крестьян и нарушали течение привычной сельскохозяйственной жизни, но и организовывались так, чтобы собирать «более или менее значительную дань» (например, за избавление от перевозки руды в период сева, за отправку вместе себя наемного работника и т.д.). В последней статье цикла автор делал заключение о полном «падении» горного дела на Нерчинских заводах, а их начальство прямо обвинял в намеренном занижении объемов добытого металла: «Оно получает огромные доходы от утайки содержания серебра в руде, от чего правительству теряет, конечно, великие тысячи денег....» (1859. № 28. 9 июля). Это обвинение, которое могло послужить основанием для серьезных вопросов как к горной администрации (составлявшей в Сибири особую привиле-

⁷⁴⁵ Кудрявцев Ф.А. Декабристы в Сибири. Путь изучения темы // В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975. С. 20.

гированную корпорацию), так и к автору статьи, осталось без ответа. Только томский губернатор и начальник Алтайских заводов А.Д. Озерский, проводивший в 1852 и 1853 гг. ревизию Нерчинского округа и также упоминавшийся в статье как вмешавшийся в манипуляции с цифрами выплавленного серебра, вступился за своих подчиненных, указывая, что автор статьи «по меньшей мере был обязан, подкрепляя извет свой численными данными, убедиться в их достоверности» (1859. № 35. 27 авг.).

В статье «По поводу одного текущего дела» излагалась возможность (не ожидая готовящихся правительством реформ) организовать переход от «судопроизводства письменного, чисто тайно-канцелярского к публичному судопроизводству с присяжными и адвокатами» посредством реализации забытого петровского указа 1723 г. о «судоговорении» как словесном изложении истцом и ответчиком обстоятельств дела и немедленного вынесения по нему решения (1859. № 16. 16 апр.). Возможно, что эта неподписанная статья принадлежала М.В. Петрашевскому. Дело касалось его самого – условия заключенного Петрашевским контракта о ведении им письменных дел у одного из золотопромышленников не были выполнены, а перспективы поданного судебного иска со стороны ссыльнопоселенца при «рутинизме подъячих» и льготах со стороны «снисходительных властей разных наименований» были весьма определены. О принадлежности статьи Петрашевскому свидетельствуют и ее тяжеловесный слог, и множество общих суждений по излюбленной автором профессиональной тематике.

Совершенно новой темой иркутской газеты стало трезвенное движение, возникшее в середине 1858 г. среди крестьян Виленской и Ковенской губерний в связи с повышением косвенного налога на водку. Первые публикации носили информационный характер, рассказывая об учреждении обществ трезвости в западных и центральных губерниях, «в надежде, что столь прекрасные примеры благих народных начинаний встретят и у нас всеобщее сочувствие» (1859. № 10. 5 марта; № 11. 12 марта; № 13. 26 марта; № 26. 25 июня). Пьянство клеймилось как причина поступков, нарушающих гражданские и нравственные христианские законы, приводящее крестьян к разорению и нищете. В Сибири оно приобретало массовый характер и провоцировало многочисленные преступления во время окончания приисковых работ. По словам корреспондента газеты, представившегося как «золотопромышленник сороковых годов», кабаки

устраивались «со стратегическим знанием дела у всех выходов из тайги», что позволяло не только «расплачиваться» с рабочими, но и обременять их долгами на будущий год (1859. № 12. 19 марта). В этом же номере приводился случай намеренного и незаконного привоза спирта на инородческий торг, чтобы за бесценок заполучить пушнину, привозимую для обмена на промышленные товары. Вскоре с мест стали поступать отзывы о возникновении обществ трезвости среди населения Восточной Сибири – инициированное газетой общественно полезное дело нашло своих активных сторонников, прежде всего среди духовенства. Священник А. Аргентов сравнивал «умеренное потребление» водки со средней температуре в метеорологии. Во вверенной ему иркутской Покровской церкви он проповедовал трезвый образ жизни и ввел «новацию» – устраивать безалкогольные поминки (1859. № 28. 9 июля). Протоиерей К. Кокоулин из Киренска писал, что крестьяне Марковской волости на сходке приняли решение употреблять вино только в случае болезни, «по той непреложной истине, что по нашей крестьянской натуре одна рюмка ведет за собою другую, другая тянет третью, а затем является полуштоф и начинается пьянство со всеми его известными последствиями» (1859. № 30. 23 июля). Далее сообщалось об увеличении числа крестьян, присоединившихся к этому решению (1859. № 33. 13 авг.; № 38. 17 сент.; № 39. 24 сент.), и об основании общества трезвости в Иркутске (1859. № 31. 30 июля).

По поводу фактов злоупотреблений местных волостных и земских чиновников в 1859 г. было опубликовано 30 корреспонденций, фельетонов и очерков. Иногда в номере выходило по два-три подобных материала. Характеристические типы и сцены, создаваемые разными авторами, объединялись в общие циклы рассказов (в подражание «Губернским очеркам» М.Е. Салтыкова-Щедрина) – «Из рассказов волостного писаря» (1859. № 7. 12 февр.), «Случаи, встречи, знакомства» (1859. № 16. 16 апр.; № 22. 28 мая; № 24. 11 июня; № 25. 18 июня). Пороки, на которые обращала внимание газета, были самые разнообразные: спекуляции на казенных поставках зерна, принуждение крестьян к продаже хлеба и фуража по заниженным ценам, завышение сметных расходов при снабжении ссыльных и строительстве общественных зданий, несправедливый суд, взяточничество, «темные» незаконные поборы, вымогательство подношений, подкуп должностных лиц, рукоприкладство и самодурство. Описание конкретных фактов злоупотреблений часто сопровождалось вы-

водом об их «системном», не поддающемся реформированию характере. Например, в гипотетическом диалоге двух уважаемых в городе людей приводились такие рассуждения о «гласности»: «страху маленько прибудет, а по причине страху – умеренности и тонкости в делах: вот и все. <...> Система батюшка, такова. Все хороши. Круговая порука» (1859. № 2. 8 янв.). На исходе 1859 г. газета даже поместила письмо с Урала о «расчистке» бдительной полицией места в кафедральном соборе для «их превосходительств» и откупщиков, которым могли помешать рядовые посетители. Публикацию предваряли такие слова: «Мы, жители Приуралья, считаем себя сибиряками, и потому я надеюсь, что письмо мое найдет место в сибирской газете» (1859. № 48. 26 нояб.).

Обвиняемый выводился без указания полного имени – только начальные и конечные буквы фамилии или населенного пункта; изображался в качестве обобщенного образа – волостного старшины, писаря, исправника, заседателя, судьи и т.д.; нарекался характеристическим прозвищем (например, «художник прежней школы», «молодец», «сибирский беркут»); помещался в условную местность («в некоторой волости не близкой, не далекой», «в некотором царстве, в некотором государстве, в Заболтайском крае»). Также русские чиновники различных рангов получали титулы родовой знати у бурят и маньчжуров: зайсаны и шуленги – служащие волостного правления, тайша – волостной голова или исправник, мандарин – губернатор. Исключение в этой номенклатуре составило наименование полицейских «альгавазилами» (принятое в Испании, с намеком на инквизиторское прошлое этой должности). Таким образом, если до официального присоединения Приамурья топонимика Восточной Сибири сопоставлялась с западной как возможной целью будущего развития, то с его включением в политическое и экономическое пространство Российской империи возобладала «китайщина» как синоним всего темного, застойного и бесправного применительно к политическим и экономическим порядкам не только у восточных соседей, но и в самой Азиатской России.

Корреспонденция «Благовещенск, 27 сентября 1858 г.» создавала двойственную картину – восхваление амурских дел на поверхностном уровне восприятия текста и скрытая ирония в их адрес при более внимательном прочтении: «Вы знаете, какую прелесть имеет для нас, старых зверовщиков, нетронутая тайга, девственный лес, дичь и глушь?» (читай: незаселенность и земледельческая неосвоенность

края); «Не без гордости, вместо сожаления и досады, вспоминаю об осени 1856 года, когда я съел две пары подметок и собственного щенка легавой породы» (плохо организованное снабжение переселенцев); «Блаженство нашего края не возмущается почти никакими духовными тревогами, особенно книжным мудрствованием», «Эти господа [этнографы] уверяют даже, что мы скоро достигнем, по простоте душ наших, подобия гольдам, манеграм и орочанам: да сотворит это аллах поскорее» (низкий культурный уровень русских «колонизаторов» и их постепенное «одичание», намек даже на дехристианизацию); «Уже одни плотные листы нашей газеты, не обращающиеся, подобно другим журналам, в требуху после поездки по кругобайкальской дороге» (столичные издания, в отличие от «Иркутских губернских ведомостей», зачитывались, что называется, «до дыр»); «Особенно нужно говорить о нас сравнительно с китайцами и маньчжурами. Эти варвары, составляя тени в картине, тем с большой лучезарностью представляли бы наши светлые образы» (о намеренно выгодном для себя сопоставлении).

Рассказ о произволе маньчжурского «амбаня» (правителя), должный укрепить у читателя представление о том, по какую сторону Амура находится царство «света», а по какую царство «тьмы», автор (некто «– Ъ.»), предварял таким провокационным и наводящим на раздумья высказыванием: «Да простят мне сыны срединного царства, если я назову эту [русскую сторону] Амура изнанкой Амура; я уверен в их согласии на то, что не нам же ведь быть их изнанкой?» (1859. № 20. 14 мая). «Китайскую тему» в проекции на российскую действительность подхватил «Житель Белогорья», который приводил «Случай из быта китайских золотопромышленников», намекая на соседей срединного царства: «В Китае чиновники боятся только бамбука, а понятия о чести у них нет. <...> Обесславят – подчас – в газетах – ничего! Он еще огрызается, а приятели – ведь все одного сукна епанча! – ему же еще и панегирик напишут, да и подпишут всем кагалом» (1859. № 26. 25 июня). Литературная игра⁷⁴⁶ была продолжена «Жителем Черногорья», который описал случай захвата золотоносного прииска в китайской провинции «Кхе-ки-цзе» путем замены на них «иероглифов» «С.Ш.» на «А.Х.» (1859. № 33. 13 авг.), и «Жителем Красногорья», раскрывавшим механизм

⁷⁴⁶ В последующих номерах (1859. № 40. 1 окт.; № 41. 8 окт.), когда фигуранты этой «китайской истории» стали присылать в газету опровержения, упоминались уже русские фамилии, инициалы, наименования должностей и учреждений.

получения золотиносного прииска путем его перевода в казну как «неблагонадежного» и последующего выкупа за бесценок. Цзянь-цзюню же (т.е. губернатору) «нет возможности узнать самому всех ухищрений ловкого дельца» (1859. № 36. 3 сент.).

Иногда в своих литературных средствах обличение приобретало откровенно неприличный, даже оскорбительный характер. Так, в «физиологическом очерке» о должности экзекутора, под чьим началом находились хозяйственные дела в канцелярии, вводилась такая классификация «породы» экзекуторов: «экзекутор обыкновенный», «экзекутор-свинья», «экзекутор-паша». Свой интерес к биографии типичного среднего чиновника, который на экономии перьев и бумаги к концу службы обзаводился домиком и хозяйством, автор («— — чик») объяснял следующим образом: «Любопытство заставило нас приняться за наблюдения за экзекуторами, за этими необходимыми домашними животными каждого присутственного места» (1859. № 21. 21 мая)⁷⁴⁷.

Изменение в направлении газеты в 1859 г. было отмечено в Сибирском комитете, в котором к тому же у Муравьева были и личные недоброжелатели: «Иркутская газета, в особенности после статьи, объявляющей столбцы ее свободными для гласности, приняла весьма резкий характер, допуская в печати статьи, не только задевающие разные личности, но даже и распоряжения, порядки, установленные правительством и начальством»⁷⁴⁸. При получении первого номера «Иркутских губернских ведомостей» 1859 г. член Сибирского комитета Н.В. Гулькевич писал Корсакову: «Из прилагаемого № 1 “Иркутских губернских ведомостей” изволите видеть, какими статьями ознаменован новый 1859 г. При личном свидании я сообщу вам некоторые мысли относительно иркутской гласности вообще»⁷⁴⁹. В защиту избранного направления Муравьев писал управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову, что газета «уже принесла видимую пользу» Восточной Сибири, но соглашался, что перепечатки статей из нее в других изданиях необходимо ограничить, «ибо что может быть полезно одной местности, не полезно в другой, а Россия так велика» (намек на статью против винного откупа, перепечатанную «Русским вестником»). Защищая Спешнева, он выводил

⁷⁴⁷ Россия, как известно, «такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет».

⁷⁴⁸ Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 75.

⁷⁴⁹ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 75.

его из круга авторов-сочинителей: «Статьи газеты присылаются со всех концов Восточной Сибири, а отнюдь не составляются в редакции». Редактор же как раз «разбирает» корреспонденцию и «очищает» ее от «таких предметов, которые в печати не могут быть дозволены». Особо подчеркивалось, что «Петрашевский никакого влияния на издание газеты не имеет»⁷⁵⁰.

В марте 1859 г. у неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» сменился редактор⁷⁵¹ – с № 11 от 12 марта 1859 г. им стал М.В. Загоскин. Муравьев обратил на него внимание и принял у себя дома, благодаря знакомству со Спешневым, когда тот напечатал первые главы большой статьи «Заметки о быте поселян Иркутского уезда»⁷⁵². В процессе рассмотрения уже находилась просьба М.В. Загоскина о предоставлении ему права издавать «журнал политический, ученый и литературный, подобный, например, журналу “Сын Отечества”» (1859. № 6. 5 февр.), поэтому редакторская работа в ведомостях, выбор тем публикаций, налаживание связей с местными авторами, знакомство с типографским делом позволяли накапливать опыт, необходимый для выпуска частного издания.

16 апреля 1859 г. на окраине Иркутска состоялась дуэль чиновников Ф.А. Беклемишина и М.С. Неклюдова, закончившаяся смертельным ранением последнего. Современники оставили разные известия о причинах поединка, среди которых встречаем привычный перечень мотивов к вызову на дуэль: женщина, карточная игра, словесное оскорбление, пощечина⁷⁵³. «Неклюдовское дело» рассматривалось историками общественной мысли (и рассматривается до сих пор) как некая «высшая точка» в борьбе «иркутского кружка петрашевцев» с местной администрацией, против произвола которой им

⁷⁵⁰ Выписка из частного письма генерал-губернатора Восточной Сибири к управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову от 21 февраля 1859 г. // Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 514.

⁷⁵¹ Н.А. Спешнев в качестве главы генерал-губернаторской канцелярии стал участником дипломатической миссии Муравьева в Китай и Японию. Это назначение освобождало Спешнева от редакторской деятельности, становившейся небезопасной в отношении трехлетнего «испытательного срока», истекавшего в 1860 г. Новая более ответственная должность, а также получение первого классного чина приближали его к освобождению. По окончании путешествия он вместе со своим покровителем выехал в Петербург и был восстановлен в правах потомственного дворянина, но без прав на прежнее имущество.

⁷⁵² Арефьев В. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Русская старина. СПб., 1902. № 1. С. 177–178.

⁷⁵³ Литературное наследство. Герцен и Огарев. М., 1956. Т. 63. С. 228, 232; Колокол. М., 1964. Вып. 10. Приложения. С. 14–15.

было организовано «движение» (и даже «демонстрация») жителей Иркутска⁷⁵⁴. Важнейшая роль в переходе к открытой общественной борьбе с местной властью отводилась М.В. Петрашевскому. Он распространил среди горожан напечатанные в военной типографии пригласительные билеты на погребение Неклюдова, произнес в день похорон речь об «изменническом убийстве», при участии и попустительстве приближенных генерал-губернатора⁷⁵⁵, и даже вмешивался в следствие, пытаясь доказать, что Неклюдов был убит пулей в спину (при осмотре тела это не выяснилось)⁷⁵⁶. По словам Бакунина, Петрашевский «безнаказанно и беспрепятственно бушевал в Иркутске целое лето, осень, почти ползимы, до самого возвращения Муравьева, запугивая одних генерал-губернатором, других жандармами, третьих “Колоколом”, не гнушаясь даже доносами в Петербург, в III Отделение». Муравьев по этому поводу писал в Иркутск: «Как ни прискорбны действия Петрашевского, я желаю, чтобы они остались для него без последствий»⁷⁵⁷.

Необходимо отметить, что устоявшееся в истории общественной мысли Сибири 50–60-х гг. XIX в. представление о противостоянии М.В. Петрашевского как лидера передового революционно-демократического направления и М.А. Бакунина как выразителя интересов проправительственного (даже реакционного) лагеря было подвергнуто критике со стороны В.А. Должикова, доказывающего, что М.В. Петрашевский, стоя на позициях законных легальных форм «освободительного движения», был идейно близок кружку иркутского купечества (Н.Н. Пестерев, М.П. Шестунов, Н.А. Белоголовый), чьи устремления не выходили за рамки умеренного либерализма и закрепления за собой монопольного права на местное «самоуправление». «Само участие Петрашевского в “иркутском конфликте 1859 г.”, – пишет В.А. Должиков, – гипертрофировано исследователями». Петрашевский был лишь использован Н.Н. Пестеревым, представлявшим интересы местной «семейно-буржуазной олигархии», стремившейся к ослаблению положения Муравьева, предпринявшего ряд мер против монопольных приви-

⁷⁵⁴ Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири... С. 8, 14–15; Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50-х – начала 60-х гг. XIX века... С. 272.

⁷⁵⁵ Милотин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири... С. 617; Литературное наследство. Герцен и Огарев. М., 1956. Т. 63. С. 228–229.

⁷⁵⁶ Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. М., 1915. № 3. С. 31.

⁷⁵⁷ Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 295.

легий иркутского и кяхтинского купечества. Именно Пестерев, а не Петрашевский был автором «поминальных записок», оповещавших жителей Иркутска о предстоящих похоронах Неклюдова. Он же получил разрешение губернатора Венцеля выпустить их в печатном виде. В роли автора зажигательной речи на панихиде Пестерев первоначально видел Бакунина, который ответил отказом, разгадав провокационный антимуравьевский характер готовящейся акции. На роль подставного оратора-обличителя согласился Петрашевский. Таким образом, подлинным оппозиционером и революционером был не Петрашевский, а Бакунин, делавший попытки «навербовать» себе сторонников из числа учащейся и служащей молодежи для создания нелегальной революционной организации. В лице же Муравьева, «архикрасного» генерал-губернатора, Бакунин видел фигуру, способную возглавить «общество для спасения России»⁷⁵⁸.

По поводу трагически закончившегося поединка Ф.А. Беклемишина и М.С. Неклюдова в № 17 «Иркутских губернских ведомостей» от 23 апреля 1859 г. была помещена статья Ф.Н. Львова, в которой говорилось о недопустимости дуэли как «варварского обычая» в современном цивилизованном обществе: «Такой способ решения в делах оскорбления чести решительно не может назваться справедливым; часто обиженный бывает жертвою поединка, а виновный торжествует...». Автор также намекал, что в случае если поединок был проведен без ясных доказательств его честности, то он может быть отнесен «к разряду самых гнусных убийств». Узнав об этом, Муравьев сказал: «Львов променял мое расположение на популярность», по прибытии в Иркутск он уже не принимал у себя ни Львова, ни Петрашевского, а своего нового секретаря канцелярии Спешнева не отпустил на квартиру к прежним товарищам⁷⁵⁹. Впоследствии преемник Муравьева Корсаков уволил Львова со службы в Главном управлении Восточной Сибири на основании того, что в статье о дуэли «обнаружил понятия о чести, несогласные» со взглядами графа⁷⁶⁰. На это Львов в феврале 1860 г. указал в жалобе в Сенат, что статья «не только не противоречит религии, нравственности и положительным законам, но совершенно согласна с ними», ее текст пропущен цензором, а разногласие мнений

⁷⁵⁸ Должигов В.А. М.А. Бакунин и Сибирь... С. 62–68, 81–84.

⁷⁵⁹ Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири... С. 33, 35.

⁷⁶⁰ Литературное наследство... С. 237; Семевский В.И. Указ. соч. С. 35.

с Муравьевым по вопросу о понятии чести «не может быть вменено ему в преступление»⁷⁶¹. В действительности рассуждения по поводу дуэли носили общий характер, и более всего автор пытался примирить общественное мнение, чем его распалить («Будем же совершенно спокойны и не станем прежде времени обвинять кого-либо без достаточного основания»).

Если в официальной иркутской газете и возможно обнаружить некое «выступление», «протест» против муравьевского окружения, то это не статья Львова, а корреспонденция некоего Бособибога (1859. № 29. 16 июля) и статья Ф.А. Хи-уса «По поводу отчета иркутской библиотеки» (1859. № 32. 6 авг.). «Дуэльная тема» и критика дворянско-чиновной элиты присутствовали здесь косвенно, с помощью намеков⁷⁶², основным же содержанием этих публикаций было заявление «среднего сословия» Иркутска о своем существовании, своих жизненных интересах и роли в формировании и направлении общественного мнения. Образование (включая самообразование), общественный интерес и демократические взгляды были теми основаниями, которые позволяли отделять себя от обычных городских обывателей (нуждающихся в защите своих имущественных и гражданских прав), и от «родовой и денежной аристократии», действующей только в личных интересах и чинящей произвол. Средством борьбы с ней должна была стать гласность как «единственное лекарство язв и зол, мешающих нашему развитию». Сосредоточением умственной жизни, местом выработки программы будущего развития Сибири, по мнению авторов названных публикаций, были не губернское правление и благородное собрание, а библиотека М.П. Шестунова, которая рисовалась как своеобразная Мекка, где с помощью знакомства с современной литературой и публицистикой возможно было «страхнуть с себя старые предрассудки, обновиться, очиститься, зажечь новую жизнь во имя правды и любви» (1859. № 29. 16 июля). Силами этого «среднего класса» обеспечивалось и наполнение неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», востребованность которых в библиотеке Шестунова была достаточно высокой – 54 читателя (1859. № 21. 21 мая).

⁷⁶¹ Семевский В.И. Указ. соч. С. 36.

⁷⁶² «... Болезненные раны в общественном нашем организме со временем исчезнут, вместе с насилием, грубым произволом и прикрытием низких дел мантией нелепых предрассудков»; «... гласность противна и хранителям кастовых предрассудков, опирающихся на кулачное право, подвизающимся на не совсем честных подвигах, ради превратного понятия о чести» (1859. № 29. 16 июля).

Число подписчиков у газеты также было значительно – более 700 человек⁷⁶³. Чтение из развлечения должно было стать обязанностью, насущной потребностью, работой, делавшей возможность ревизии имеющейся привычной социальной структуры – не в пользу «сомнительной аристократии» и «рыцарей кредитных билетов». Для иллюстрации уровня развития «нашего просвещения и общественной жизни» в газете была обнародована служебная информация из библиотечной «базы данных» о социальном статусе читателей и взятых ими изданиях (включая сведения о 18 высших сановниках, т.е. опоры генерал-губернатора). Поданная свысока, в ироничной и укоризненной форме, она была призвана продемонстрировать невзыскательные читательские вкусы представителей высших сословий (дворянства и купечества), в сравнении с тягой к знаниям у средних и низших слоев (чиновников, разночинцев, мещан)⁷⁶⁴.

Более жесткое и открытое осуждение первой дуэли в Иркутске было высказано за пределами действия русской цензуры. А.И. Герцен поместил в приложении к «Колоколу» – листке «Под суд!», № 2 от 15 ноября 1859 г., передовую статью «Убийство Неклюдова в Иркутске», автором которой был Н.А. Белоголовый⁷⁶⁵ (писавший,

⁷⁶³ Из письма в редакцию. Красноярск 20 ноября 1859 г. // Иркутские губернские ведомости. Иркутск, 1859. № 51. 17 дек. С. 5. Для сопоставления – число подписчиков у «Владимирских губернских ведомостей» в период редактирования их «Прибавлений» А.И. Герценом в 1838–39 гг. составляло 239 человек (Тихонравов К.Н. Указатель местных статей, помещенных в неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей», с 1838–68 г. Владимир. 1868. С. 6).

⁷⁶⁴ «№ 8 – 19 книг между ними: Ппантеон, Весельчак, Библиотека для дач и несколько номеров журналов. Из ученых сочинений два: календарь и Поваренная книга. № 9 – всегда отличавшийся ненасытной жаждой чтения, 85 книг, о качестве и характере которых в массе можно составить понятие по следующим: г-жа Монфлакен, Каротин, Настоящее средство забавляться, Банщики, Непродолжительность любви, Куда не кинь все клин, Комната и ее обитатели, Оцепенелый любовник, Камчадалка, Женская война (bis), Истинное приключение, Семейные тайны, Дрожащая скала, Шахерезада, Весельчак и пр. Но особенно хорош номер 14, который только заплатил (?) 12 руб. в библиотеку для внесения в журнал своего почтенного имени, дабы начальство знало, что он не враг просвещения, от труда же чтения совершенно себя избавил <...> Мещанин Антонов успел прочесть в год 96 сочинений, между которыми видим Геодезию, Образование земной коры, Космос, Магазин земледения, Историю Сибири Словцова, Введение в философию Карпова, Экономический указатель и журнал для воспитания. Из беллетристических сочинений – романы Ж. Занда, Хижины дяди Тома, Черную раду, Последний новик, Гоголя, Фауста, Губернские очерки, Антиквария, сочинения Тургенева, Майкова, Гончарова...». Досталось и духовным лицам, бравшим «на абонемент» романы Дюма и Феваля – «направление их весьма душевспасительно» (1859. № 32. 6 авг.).

⁷⁶⁵ Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М., 1898. С. 662; Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 136–138.

однако, не с места событий, а находясь в Париже, на основе писем к нему иркутских знакомых⁷⁶⁶). Статья содержала в себе резкие нападки на «навозное» окружение Муравьева, состоящее из «детей сановитых папенок, аристократической молодежи», обладающей «чисто внешними достоинствами, но без всяких способностей и опытности, и притом ставящей свою служебную деятельность на заднем плане, а на первом – кутежи, попойки и карточную игру». Акценты в оценках участников поединка были расставлены однозначно: «коновод юных аристократов», «надменный фаворит», фамилия которого «служит синонимом для определения всего бесчеловечного и жестокого», и «бедная жертва злобы», павшая от рук «целой шайки всесильных врагов». Не решаясь в том же духе охарактеризовать самого Муравьева, Белоголовый дал «характеристику» второму лицу в губернии – «Карлуше» – губернатору К.К. Венцелю: «добродушный бестолковый немец», который «не только до нельзя карикатурен, но даже положительно вреден по своей бесхарактерности и ослиной тупости»⁷⁶⁷.

М.А. Бакунин, который в 1859–60 гг., находясь в Иркутске, был фактически неофициальным советником своего влиятельного родственника⁷⁶⁸, высказал на страницах того же «Колокола» в № 6–7 от 1 и 15 июля 1860 г. прямо противоположное мнение. Он указывал на необходимость привлечения молодых «лицеистов и правоведов» из России для борьбы против «коалиции купечествующих и чиновничествующих мошенников, связанных между собой узами родства, дружбы и единством плотоядных инстинктов». Этот «навоз» и должен был, по мнению Бакунина, удобрить «каменистую почву» края. Статью, помещенную в «Колоколе», Бакунин называл «клеветой» и негодовал: как «умный и благородный Герцен» поверил, что дуэль могла была организована как хладнокровное убийство. Бакунин доказывал, что по своему аристократическому происхождению, высокомерию и пренебрежению к местному иркутскому обществу Неклюдов был ничуть не лучше своих противников. «Не вините лиц, –

⁷⁶⁶ Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 296.

⁷⁶⁷ Колокол. М., 1964. Вып. 10. Приложения. С. 13–16. Б.А. Милотин объяснял бездействие в отношении готовящейся дуэли губернатора Венцеля его «рыцарским характером, не допускавшим возможности помешать дуэлистам» (Милотин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири... С. 615). Руководствовался кодексом дворянской чести в отношении дуэли и «родовитый опальный дворянин» М.А. Бакунин.

⁷⁶⁸ Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели»... С. 22.

вините больше историю, вините нашу печальную, рабскую действительность»⁷⁶⁹.

Первоначально, не без влияния общественного мнения, окружной суд признал участников дуэли виновными в убийстве, приговорив каждого к 20 годам каторжных работ на рудниках. Согласно воспоминаниям Б.А. Милютина, столь суровый приговор по отношению к своей крестуре Муравьев счел личной мстостью со стороны отодвинутого на второй план местного чиновничества⁷⁷⁰. В губернском суде приговор был смягчен – Беклемишин был приговорен к 10 годам, секунданты Ф.А. Анненков и М.М. Молчанов к 5 и 4,5 годам, земский исправник Д.Н. Гурьев, бывший секундантом у Неклюдова, – к заключению на 3 года⁷⁷¹. В декабре 1859 г. дело перешло в высшую судебную инстанцию – Сенат. Муравьев, возвратившийся в Иркутск 1 января 1860 г., на первом общем приеме «сурово и раздражительно»⁷⁷² отчитал иркутское общество, пошедшее на поводу у безответственных людей. Граф, не считая дуэль убийством, обратился с просьбой о помиловании ее участников к Александру II. В июле 1860 г. Сенат признал в действиях окружного суда Образцова и губернского судьи Ольдекопа «неправосудие». К участникам дуэли были применены низшие меры наказания – Беклемишин был приговорен к заключению в крепости на 3 года, секунданты – на 9 месяцев, исправник Молчанов – на 6⁷⁷³. Судьи же были арестованы, и против них начато следствие, которое впоследствии было прекращено министром юстиции.

Итак, в 1857–1858 гг. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» не носила обличительного критического характера как особого последовательного направления⁷⁷⁴. Основной массив публикаций (92 в 1857 г. и 161 в 1858 г.) нес в себе экономическую, краеведческую и развлекательную информацию⁷⁷⁵. В общественно-

⁷⁶⁹ Колокол. М, 1964. Вып. 10. Приложения. С. 60–64, 68–71.

⁷⁷⁰ Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири... С. 619.

⁷⁷¹ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 138–139.

⁷⁷² Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 574.

⁷⁷³ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 142.

⁷⁷⁴ Даже само слово «гласность», прозвучавшее в первом же номере газеты в фельетоне Сельского, подразумевало не критику пороков, а перепечатывание на страницах ведомостей сведений об Амуре из вышедших «Записок Сибирского отдела Русского географического общества» для ознакомления с ними как можно большего числа читателей.

⁷⁷⁵ В сравнении с «Томскими губернскими ведомостями» «Иркутские губернские ведомости» были больше по формату, ее колонки заполняли максимально доступное печатное пространство без широких пустых полей, отсутствовали рубрика «Сведения о происшествиях» и публикации по домоводству, занимавшие внимание томских читателей при

политическом смысле газета выполняла роль проводника правительственной политики, обеспечивая информационную поддержку и благоприятную оценку деятельности власти в практически и общественно важном для нее амурском вопросе. Для этих целей Н.Н. Муравьевым в качестве редактора был избран Н.А. Спешнев – человек, расставшийся со своими прежними оппозиционными взглядами⁷⁷⁶. Размещая письма читателей на самые разнообразные темы, предоставляя ее страницы для высказывания различных, зачастую прямо противоположных мнений (по вопросу об Амурской компании, о ценах на товары в Иркутске, о женских образовательных учреждениях и т.д.), Спешнев придал неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» подлинно демократический характер, а не характер органа пропаганды каких-либо идей – социалистических или либеральных. Если на критическую заметку в редакцию присылалось опровержение, оно неизменно выносилось на суд читателя. В одной из публикаций Спешнев прямо говорил об этом: «Мы никогда не хотели сделать неофициальную часть иркутских ведомостей выражением наших только мыслей, а, напротив, желали бы сделать ее выражением воззрений местных» (1857. № 33. 26 дек.). Для сохранения ровного и выдержанного характера публикуемых материалов редактор не раз обращался к пишущим читателям, чтобы те оперировали только достоверными фактами, избегали резкости тона и суждений, чтобы обмен

недостатке материала. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» стала издаваться в полном объеме только с 1858 г. и была меньше официальной (1858 г. – 37 %, 1859 – 38 %), неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» превосходила по объему часть официальную (1857 г. – 52 %, 1858 г. – 59 %, 1859 г. – 54 %). Соответственно, и стоимость годовой подписки была выше установленной законом – не 3 руб., а 6 руб. сер.

⁷⁷⁶ Спешнев пользовался покровительством не только Муравьева, но и его преемника – «гонителя Петрашевского» М.С. Корсакова, о чем свидетельствуют письма к нему при исправлении должности Забайкальского военного губернатора с выражениями благодарности и признательности с места первоначальной ссылки Спешнева – Александровского завода (3 ноября 1856 г.) и из Иркутска (2 марта и 19 апреля 1857). При этом в последнем из них Спешнев, сообщая о выходе неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», в которой он как редактор «должен стараться по мере возможности помещать статьи статистические, хозяйственные, исторические, географические, даже почти политические, относящиеся до Восточной Сибири», просил Корсакова не только предоставить ему возможность знакомиться с годовыми отчетами по Забайкалью, но и приглашал «пользоваться ею [газетой], как бы вашим полуофициальным органом, указывая мне, на какие бы предметы вам желательно было, чтоб было обращено внимание, а другой раз, в каком, например, духе, с какой точки зрения был отделан известный предмет» (Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 495–496, 500–504).

мнений не превращался в склоку и многословные пересуды, чтобы газета не стала местом для сведения личных счетов»⁷⁷⁷.

Несмотря на былую общность политических взглядов Спешнева, Львова и Петрашевского, их совместное проживание в одной квартире, никакого «кружка петрашевцев», имевшего некую разработанную и разделяемую всеми тремя программу действий по распространению «прогрессивных» («революционных») взглядов через неофициальную часть «Иркутских губернских ведомостей», а затем через газету «Амур»⁷⁷⁸, в Иркутске не существовало. Каждый из трех бывших «борцов» избрал свою судьбу и свою дорогу. Спешнев, войдя в генерал-губернаторскую реформаторскую «команду», надеялся через три года увидеть своих родных и близких. «От мятежника не осталось и следа; террорист и коммунист обратился в лояльного и законопослушного гражданина, правда, пока еще лишенного гражданских прав»⁷⁷⁹. Петрашевский до конца своих дней остался доктринером, служителем формальной законности, пытаясь добиться оправдания по делу 1848 г.⁷⁸⁰ и стать в пику официальной власти Муравьева (при его отсутствии в городе) властью над общественным мнением. В отношении причисляемого к разряду «революционных публицистов» Львова даже в советской историографии признавалось, что он «не высказался ни по одному из центральных для них

⁷⁷⁷ «Редакция со своей стороны просит авторов будущих статей такого рода, об котором идет тут речь, позаботиться о наивозможной точности и достоверности сообщаемых ими сведений» (1858. № 38. 18 сент.); «...эта полемическая статья [ответ «Северной пчеле»] ничего бы не потеряла, если бы тон ее был несколько повежливее» (1857. № 33. 26 дек.); «Уже не первый раз нас поражает характер полемики нашей газеты [об Амурской компании] ... эта нетерпимость к чужим мнениям, задние, вовсе не литературные мысли у диспутантов, цепляние за слова, наконец, вечно досадные личности?!» (1858. № 43. 23 окт.); «При непривычке к гласности у нас в каждой статье, даже чисто беллетристической, ищут намеков на личности действительные и считают своей обязанностью вступить за обвиняемого...» (1859. № 7. 12 февр.).

⁷⁷⁸ См.: Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири... С. 15–17.

⁷⁷⁹ Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 264.

⁷⁸⁰ Н.А. Костров отмечал, что во время пребывания Петрашевского в Минусинске он постоянно подавал прошения по поводу нарушения формальных процедур следствия по делу 1848 г. Для него это было своеобразной *idea fix*. «Наконец, дело дошло до того, что Петрашевский не мог жить без того, чтобы не рыться в Своде Законов и не писать прошений». Множество жалоб Петрашевский отправлял в Сенат и Министерство внутренних дел по поводу высылки его из Иркутска, в них он «не щадил личности генерала Корсакова и выставлял ее в самых мрачных красках» (Шевцов В.В. Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском // Человек – текст – эпоха. Томск, 2011. Вып. 4. С. 173–174).

вопросов (крестьянская реформа, разоблачение либералов, пропаганда революции)»⁷⁸¹.

Иркутский купец Н.Н. Пестерев, в 1866 г. привлеченный к делу о попытке освобождения Н.Г. Чернышевского из Нерчинской каторги, оставил следующее описание «кружковцев»: «В Петрашевском я нашел политического, помешанного на легальном порядке, чудака, все, об чем бы ни шла речь, – всего, по его мнению, можно рано или поздно добиться легальным порядком. <...> Спешнев – в некотором смысле философ, решивший, что все делается потому, что так должно делаться, – скверно ли, хорошо ли, но ничего иначе быть не может. Львов, тот даже и этого не думал, а жил и старался только найти средства к жизни, которые у них у всех были крайне ограничены»⁷⁸².

Повисает в воздухе и тезис о том, что «Спешнев, Петрашевский и Львов способствовали созданию первых газет в Восточной Сибири, входили в число их руководящих сотрудников»⁷⁸³. О возникновении «Иркутских губернских ведомостей» говорить вообще не приходится – быть редактором газеты (по назначению генерал-губернатора) вовсе не означало быть ее создателем. Что же касается «Амура», то открытие первой в Сибири частной газеты было подготовлено Н.Н. Муравьевым задолго до дуэльной истории – еще в конце 1858 г. с просьбой об исходатайствовании высочайшего разрешения на издание политической литературной газеты к нему обратился М.В. Загоскин⁷⁸⁴. В отправленном 14 декабря 1858 г. в Сибирский комитет прошения-обосновании открытия «Амура» Муравьев указывал, что «Иркутские» и «Енисейские» ведомости «по своему объему и значению только отчасти могут удовлетворить настоятельной потребности ознакомления как жителей Сибири, так и Европей-

⁷⁸¹ Дулов А.В. Публицистика петрашевца Ф.Н. Львова // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1969. Вып. 2. С. 71. В воспоминаниях о сибирской ссылке Львов писал о необходимости свободы торговли и равенстве всех состояний в правах, тяжелом положении рабочих на Нерчинских заводах, возможностях совершенствования пенитенциарной системы, не выходя, в целом, за рамки легальных форм реформирования общества в буржуазном направлении (*Львов Ф.Н.* Заметки отставного канцелярского служителя в поисках его за промышленностью // Современник. СПб., 1861. № 3. С. 41–52; *Львов Ф.Н.* Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. СПб., 1862. № 1. С. 207–240; № 2. С. 643–662).

⁷⁸² Литературное наследство... С. 318.

⁷⁸³ Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири... С. 16.

⁷⁸⁴ Выписка из частного письма генерал-губернатора Восточной Сибири к управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову. 21 февраля 1859 г. // Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 514.

ской России с производительными силами и современными потребностями Восточной Сибири»⁷⁸⁵. 19 января 1859 г. программа газеты была одобрена Сибирским комитетом, а 3 февраля утверждена императором, но при условии, чтобы она «решительно не имела никакой политической цели, а ограничилась исключительно сообщением сведений, относящихся до торговли и промышленности Восточной Сибири, и в особенности Приамурского края»⁷⁸⁶.

С точностью можно утверждать, что в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» 1857–59 гг. Н.А. Спешнев был автором шести статей (четырех передовых об амурских делах и двух исторических очерков о ранней истории Иркутска)⁷⁸⁷, М.В. Петрашевский – одной («Несколько мыслей о Сибири») ⁷⁸⁸, Ф.Н. Львов – двенадцати. При этом статьи последнего в большинстве случаев были посвящены профессиональным интересам автора – химии и геологии⁷⁸⁹. Основными авторами и корреспондентами в 1857–1859 гг. были отнюдь не петрашевцы, а чиновники, офицеры, учителя, врачи, купцы и мещане, писавшие из Иркутска, Читы, Енисейска, Нерчинска, Благовещенска, Верхотуренска, Киренска и других городов и сел. В ведомости, подписывавшаяся собственной фамилией⁷⁹⁰, писали М.В. Загоскин, С.С. Шашков, Н.С. Щукин, П.И. Пежемский, Г.М. Пермикин, М.П. Шестунов, Д.И. Романов, Петр Кларк, Н. Кашин, Гирш

⁷⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 16. Л. 2 об.

⁷⁸⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 16. Л. 7–7 об.

⁷⁸⁷ Сараскина Л.И. Николай Спешнев... С. 525–526.

⁷⁸⁸ Н.Н. Муравьев писал, что «Петрашевский никакого влияния на издание газеты не имеет» (Выписка из частного письма генерал-губернатора Восточной Сибири к управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову от 21 февраля 1859 г. // Сараскина Л.И. Николай Спешнев... М., 2000. С. 514). Согласно воспоминаниям М.В. Загоскина, «в ведомости Петрашевский ничего не писал» (Арефьев В. М.В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири... С. 178). Как уже говорилось, возможно, Петрашевский был автором неподписанной статьи «По поводу одного текущего дела» (1859. № 16. 16 апр.) о возобновлении практики судоговорения, введенной еще петровским указом.

⁷⁸⁹ «Горбуновский и доросуйский каменный уголь на Аргуни» (1857. № 4. 6 июня), «О питательности хлеба в Нерчинском округе» (1857. № 16. 29 авг.), «Иркутск, 8 января» (1858. № 2. 9 янв.), «О химических исследованиях Енисейских минеральных вод» (1858. № 15. 10 апр.), «Иркутск, 25 октября» (1858. № 44. 30 окт.); «Забайкальские минеральные источники» (1859. № 3. 15 янв.; № 4. 22 янв.; № 5. 29 янв.; № 7. 12 февр.; № 8. 19 февр.; № 9. 26 февр.; № 10. 5 марта), «Иркутск, 14 января» (1859. № 3. 15 янв.); «Иркутск, 20 апреля 1859 г.» (1859. № 17. 23 апр.); «О покрытии железа различными металлами и приготовление красного узорчатого стекла» (1859. № 25. 18 июня); «Графитовые прииски г. Алибера» (1859. № 32. 6 авг.), «Результаты разложений минеральных вод, доставленных г. доктором Снесаревым» (1859. № 50. 10 дек.), «По поводу описания минеральных вод г. Снесарева» (1859. № 51. 17 дек.).

⁷⁹⁰ О более чем 60 авторах известны только инициалы и псевдонимы.

Мендель, Н.Е. Черных, А. Волков, П. Добронравов, Фока Вешутсон, К. Бобановский, П.П. Семенов, А. Марков, Иван Носков, Н. Петров, И.Н. Селиванов, А. Курбатов, М. Ковалько, Певел Герасимов, В.И. Беккер, Никанор Трапезников, М. Зензинов, А.К. Шепетковский, А.А. Мордвинов, М.С. Корыков, М.Ф. Кривошапкин.

Критическое «обличительное» направление было взято неофициальной частью «Иркутских губернских ведомостей» только с конца 1858 г., а в 1859 г. усилено новым редактором – М.В. Загоскиным, который вовсе не был «податливым либералом»⁷⁹¹. Не скованный политическим прошлым, особым покровительством и связанными с ним обязательствами примерного поведения, а, самое главное, будучи местным уроженцем, он повел газету более решительно, пользуясь к тому же более чем 8-месячным отсутствием Муравьева в Иркутске. Если Спешнев приводил полностью и без изменений все опровержения, присылаемые в редакцию, то Загоскин не раз отклонял их или приводил со своими комментариями⁷⁹².

В соответствии с социальным происхождением и сферой деятельности нового редактора неофициальной части в газете появились статьи, выражавшие мнение среднего городского класса – разночинной интеллигенции, чиновников недворянского происхождения и образованного купечества. Критика спекулятивного характера сибирских капиталов дополнилась критикой их нерационального расточительного использования⁷⁹³, появился даже намек на

⁷⁹¹ Карцев В.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 155.

⁷⁹² Так, например, были отклонены возражения из Красноярска в защиту некоего «толстого чиновного господина», обвиненного в злоупотреблениях еще в первом номере 1859 г. В первом случае статья, подписанная пятнадцатью лицами, и письмо Н.А. Кострова не были напечатаны в газете по причине того, что в них не объявлялось имя защищаемого ими человека (1859. № 15. 9 апр.). Во втором – указывалось на имеющиеся, по мнению редактора, стилистические недостатки: «При своей длинноте и особому способу изложения статья эта не имеет никакого интереса для читателей» (1859. № 26. 25 июня). Опровержение на заметку о нетрезвых выходках одного иркутского жителя из «образованного сословия» на пароме через Ангару Загоскин привел выборочно и с такими комментариями, что упоминаемый персонаж вновь был выставлен в невыгодном свете (1859. № 43. 22 окт.).

⁷⁹³ «Безалабернейшая в свете домашняя экономия, карты, шампанское, поглощают такие суммы, на которые за морем строятся великолепные здания, содержатся ученые и благотворительные заведения и Бог знает чего еще полезного ни делается» (1859. № 31. 30 июля).

общественный контроль за их расходом⁷⁹⁴. При этом мнение редактора, как представителя учительской корпорации, входило в противоречие с мнением «прогрессивной купеческой молодежи» (чье материальное благополучие и прогрессивные взгляды стали возможными благодаря предпринимательской деятельности их отцов при прежних властных и торговых порядках). В отношении возможности заменять официальные органы правосудия дуэлью (как испытанным и надежным средством «погашать самые запутанные и неопрятные счета»⁷⁹⁵) на страницах первой иркутской газеты также была продемонстрирована формирующаяся буржуазная мораль, согласно которой все споры, в том числе и посягательство на честь и достоинство, должны рассматриваться в суде, а нейтральное или даже сочувствующее отношение власти воспринималось как преступление. К тому же перед глазами рядовых иркутян не было примеров «честных поединков», происходивших и являвшихся нормой в дворянской среде Европейской России⁷⁹⁶.

Не все так просто и в поляризации иркутской общественности по отношению к «неклюдовскому делу». Ни «муравьевское окружение», ни «туземная партия» не были однородными по своему составу⁷⁹⁷. Сам убитый принадлежал к «навозным» и занимал должность чиновника особых поручений. К «туземцам» относились местные чиновники (сибирские и «домуравьевского» приезда) и «старое» купечество, которые оттеснялись Муравьевым со своих управленческих и экономических позиций. В неприятии личности и политики генерал-губернатора «старое» купечество сближалось с «новым», которое видело в Муравьеве деспотичного правителя николаевской

⁷⁹⁴ Одно из заседаний иркутского городского собрания, на котором решался вопрос об оценке домов, привело его участника к выводу о том, что «у нас нет города, нет общества, нет своего мнения, своего голоса». В перепечатанной из «Русского дневника» статье А.А. Скалковского доказывалась необходимость расширения имущественных и гражданских прав местного самоуправления, повышения налогового бремени на имущие слои и усиления контроля за расходом средств городского бюджета (1859. № 35. 27 авг.; № 36. 3 сент.).

⁷⁹⁵ *Заборинский А.И.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. Очерк и письма // Русская Старина. СПб., 1883. № 6. С. 188.

⁷⁹⁶ Немаловажным фактором, вызвавшим широкое общественное недовольство, также следует считать и время поединка – середина пасхальной недели. Кроме того, статус убитого на дуэли с точки зрения христианских канонів носил двусмысленный характер и мог приравниваться к самоубийству. Приглашение же жителей Иркутска на церемонию отпевания и погребения означало, что местные церковные власти разделяли мнение об убийстве Неклюдова.

⁷⁹⁷ На это обращает внимание в заключение своей статьи Н.П. Матханова (*Матханова Н.П.* Сотрудничество политических ссыльных... С. 223).

эпохи (имела место даже демонизация его образа – в письме Д.И. Завалишину от 5 апреля 1860 г. М.П. Шестунов называл его «сам сатана», а его подчиненных – «духами тьмы»⁷⁹⁸). Ссылная интеллигенция также не составляла отдельной сплоченной группы, разойдясь по противостоящим сторонам – М.А. Бакунин стал пропагандистом «муравьевской партии», Д.И. Завалишин и М.В. Петрашевский – «антимуравьевской». В «Иркутских губернских ведомостях», возглавляемых М.В. Загоскиным, можно обнаружить критические публикации в отношении как «муравьевцев», так и «туземцев», при этом с явным перевесом по количеству и резкости подачи материала в сторону последних. Поэтому неофициальную часть «Иркутских губернских ведомостей» при М.В. Загоскине, так же как и при его предшественнике Н.А. Спешневем, следует считать не «рупором» петрашевцев или сибирских демократов, а органом восточносибирской генерал-губернаторской власти, использовавшим «гласность» для контроля (в том числе и общественного) за деятельностью должностных лиц низшего и среднего уровня, соблюдения государственных экономических интересов, для поддержания законности в отношении управляемого населения⁷⁹⁹. Официальная часть «Иркутских губернских ведомостей» также делала гласной и открытой некоторую часть внутреннего чиновного делопроизводства, которая вполне могла сохранять характер «канцелярской тайны». Так, 24 января 1859 г. Муравьев распорядился напечатать в ведомостях для всеобщего сведения прокурорский отчет о движении дел по присутственным местам за 1858 г. и о количестве лиц, содержащихся под стражею по делам, производимым в губернском совете, что и было выполнено в ближайшем номере – № 5 от 29 января 1859 г.⁸⁰⁰

⁷⁹⁸ Семевский В.И. М.В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири... С. 37.

⁷⁹⁹ В 1858 г. на рассмотрение Совета министров была подана записка министра народного просвещения Е.П. Ковалевского «О гласности в печати», которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г. об освещении в печати различных злоупотреблений местных властей. «Благонамеренная гласность» признавалась правительством «союзницей и помощницей», с помощью такой модернизированной процедуры «слова и дела государства» появлялась возможность узнать об имеющихся злоупотреблениях и беспорядках. «Вредной» же гласностью называлась та, которая могла породить неверные домыслы и слухи по поводу «важнейших предметов управления, правительством окончательно не одобренных или не признанных им заслуживающими внимания, не вполне доступных по неполноте сведений читающей публике...» (Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 110).

⁸⁰⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 13. Л. 168.

Деятельность назначенных генерал-губернатором редакторов соответствовала его ожиданиям и не вызывала с его стороны негативной реакции (зато она исходила со стороны упоминаемых на страницах газеты персонажей, чиновной и купеческой корпораций, вышестоящего Сибирского комитета). Работая на доверии, Спешнев и Загоскин пользовались определенной самостоятельностью в выборе тем публикаций, предоставляли возможность высказать на страницах единственной иркутской газеты воззрения как за, так и против, что придавало ей подлинно демократический и полемический характер.

Идти вразрез с мнением начальства и независимо формировать общественное мнение (с которым российская интеллигенция часто отождествляла собственное) возможно было только при наличии сильных покровителей (как это было в случае с Д.И. Завалишиным) или в нелегальных изданиях. Так, условиях тогдашней цензуры дискуссия по поводу «иркутской дуэли» развернулась не на страницах местной официальной газеты, а на страницах «Колокола», публикации которого преследовали цели общественного суда над властью, предоставляя читателям роль присяжных. Как и во всякой газетной полемике, авторы допускали тенденциозные оценки и выпады друг против друга, «информационный повод» привел к обсуждению более широких проблем – взаимоотношений местного и приезжего чиновничества, центра и провинции, статуса Сибири в составе России. Накал борьбы мнений по поводу «амурского вопроса» позволил власти применить административный ресурс – иркутской администрации удалось добиться запрещения публикаций Д.И. Завалишина в центральной печати, а в 1863 он был выслан из Сибири в Казань⁸⁰¹.

Согласно «канонической» трактовке, после иркутской дуэли «члены кружка Петрашевского» в 1860 г. «перешли» из «Иркутских губернских ведомостей» в «независимую» частную газету «Амур» – произошел «разрыв» ссыльной и местной интеллигенции с генерал-губернатором. Однако, как уже отмечалось, Муравьев еще в конце 1858 г. поддержал предложение Загоскина об открытии в Иркутске частного издания и назначил его на должность редактора неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей». Граф Амурский находился на вершине своей карьеры и от лица уже частного издания с более широкой программой планировал продолжить дело по-

⁸⁰¹ Сукачев В.П. Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891. С. 80–81.

пуляризации новоприсоединенного края и мер правительства по его освоению. С 1 января 1860 г. «Амур» начал печататься в иркутской военной типографии и, так же как и «Иркутские губернские ведомости», был изъят из ведения Главного управления цензуры, выходя под цензурством генерал-губернатора. С середины 1860 г. газете выделялась ежегодная казенная субсидия в 800 руб.⁸⁰², а ее пересылка по почте осуществлялась бесплатно⁸⁰³. О союзе властей и «Амура» говорилось и в рекламном объявлении об его издании: «Если первый толчок к этому возрождению [Восточной Сибири] дан административной распорядительностью, то дальнейшее и возможно полное развитие гражданственности края зависит от дружного содействия частных лиц посредством умственной деятельности и промышленной предприимчивости и чрез внесение в частные и общественные отношения начал науки и нравственности» (1859. № 41. 8 окт.). В последнем номере «Иркутских губернских ведомостей» за 1859 г. было напечатано письмо из Красноярска, в котором высказывалось пожелание, чтобы «обе иркутские газеты были, как две родные сестры, с одинаковыми вкусами и стремлениями», но чтобы «младшая была покрасивее, да несколько посмелее» (1859. № 51. 17 дек.). Обращает на себя внимание и то, что деньги на издание новой газеты дали трое купеческих детей – С. С. Попов⁸⁰⁴, И.И. Пиленков и А.А. Белоголовый (брат Н.А. Белоголового)⁸⁰⁵, также планировавшие использовать печатное слово в своих интересах. Для обеспечения лояльности, что называется «на всякий случай», круг потенциальных авторов был «зачищен» новым начальником края М.С. Корсаковым – в 1860 г. Львов был уволен из Главного управления Восточной Сибири, а Петрашевский выслан в село Шушенское Минусинского округа. Число подписчиков «Амура» – 600⁸⁰⁶, примерно такое же, как у «Иркутских губернских ведомостей», указывает на то, что «Амур»

⁸⁰² Семевский В.И. М.В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири... С. 44.

⁸⁰³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1736. Д. 77. Л. 13.

⁸⁰⁴ С.С. Попов, являвшийся одновременно секретным агентом III Отделения, предположительно был автором прокламации «Патриотам Сибири», которая вызвала к жизни дело «о сибирском сепаратизме» (Шиловский М.В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам» и «патриотам Сибири» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 98–110; Литературное наследство... С. 748).

⁸⁰⁵ Арефьев В. М.В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири... С. 178.

⁸⁰⁶ Семевский В.И. М.В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири... С. 44. Сам Милютин писал, что первоначально «Амур» издавался в количестве 400 экземпляров, а в последний год – 582 (Милютин Б.А. Голос в ответ на голос не участников, а участника иркутской публичной библиотеки // Иркутские губернские ведомости. 1863. № 5. 2 февр. С. 8).

выписывали те же лица, как официоз «в нагрузку» к официальному изданию⁸⁰⁷. В обращениях генерал-губернатора к енисейскому, иркутскому, якутскому, амурскому и приморскому губернаторам, управляющему Забайкальской областью, кяхтинскому градоначальнику содержалась просьба «поддержать это еще здесь новое и весьма полезное предприятие, а если можно, то и подвинуть к приобретению большого числа подписчиков из жителей Восточной Сибири»⁸⁰⁸. Этим должностным лицам предписывалось обеспечить подписку 202 экземпляров «Амура»⁸⁰⁹. Кяхтинский градоначальник А.И. Деспот-Зенович получил благодарность за распространение издания, обеспечив в вверенном ему крае подписку на 40 экз.⁸¹⁰ В своих воспоминаниях минусинский окружной начальник Н.А. Костров даже путал «Амур» и «Иркутские губернские ведомости»⁸¹¹.

В 1860 г. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей», хотя и не публиковала обличительных корреспонденций, как в 1859 г., но сохранила, однако, такие ранее сформировавшиеся направления своего внимания, как опровержение слухов о перебоях в снабжении амурских переселенцев (1860. № 12. 19 марта; № 14. 2 апр.; № 21. 21 мая), сообщения об экономическом положении Приамурья и перспективах развития здесь золотопромышленности (1860. № 2. 9 янв.; № 3. 16 янв.; № 6. 6 февр.; № 7. 13 февр.; № 8. 20 февр. и т.д.). Указание на то, что должность редактора и начальника газетного стола, как и у других ведомостей, с № 4 от 23 января 1860 г. стал исполнять чиновник

⁸⁰⁷ 57 присутственных мест Иркутской губернии были обязаны подписаться на «Амур», поскольку в нем содержались «административные распоряжения для всех обязательные и разные статистические о стране сведения» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1736. Д. 77. Л. 1–2об). Дублирование государственной официальной газеты частным официозом, стоимость которого была выше, чем у «Иркутских» и «Енисейских» губернских ведомостей, – 7 руб. сер., ставило местных чиновников в затруднительное положение ввиду ограниченности канцелярских сумм. Так, Туруханский отдельный заседатель Третьяков просил «избавить его от высылки на будущее время газеты “Амур” за присылкою “Енисейских губернских ведомостей”, или же в противном случае избавить его от высылки сих последних». На предложение Енисейского губернского правления проявить сознательность и личную заинтересованность Третьяков ответил, что получать «газету “Амур” на собственный его счет желания не имеет» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1736. Д. 77. Л. 8–10).

⁸⁰⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1736. Д. 77. Л. 1об.

⁸⁰⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1736. Д. 77. Л. 4–5 б.

⁸¹⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1736. Д. 77. Л. 6–6об.

⁸¹¹ «... В Иркутске стала издаваться газета “Амур”, которая на первых порах произвела сильное впечатление на всю Восточную Сибирь. Выписка этой газеты была обязательна для всех официальных мест и лиц» (Шевцов В.В. Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском... С. 166).

М.Н. Масловский⁸¹², не дает оснований для характеристики его способностей и мировоззрения (Спешнев и Загоскин также занимали эту чиновную по штату должность и вели переписку на официальных бланках Иркутского газетного стола⁸¹³). Корсаков, действуя так же, как и его предшественник, поставил во главе местной правительственной газеты верного ему человека, переведенного в Иркутск из Красноярска (где Масловский исполнял должность редактора «Енисейских губернских ведомостей») в качестве чиновника особых поручений по договоренности Бакунина с Муравьевым (такая протекция позволяет говорить об определенных общественно-политических взглядах нового редактора)⁸¹⁴. Ответ Масловского автору из Читы (недовольному сокращением его пространного описания предновогоднего бала), который рассматривается как открытое заявление редакции «о своем отказе от прежней линии и о новом направлении газеты»⁸¹⁵, вовсе не содержал в себе такого утверждения. Напротив, новый редактор подчеркивал, что газета по-прежнему является органом гласности и «охотно открывает столбцы своей газеты для свободного выражения всякой живой мысли, преимущественно имеющей местный интерес и касающейся проявления всех сторон общественной жизни в Восточной Сибири» (1860. № 11. 12 марта). Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» была сокращена с июня 1860 г., когда М.Н. Масловский уже не значился ее редактором (последний подписанный им номер – № 25 от 18 июня 1860 г.) и было принято решение о субсидировании «Амура», – содержать две газеты восточносибирской администрации было не по карману.

В июне 1860 г. должность начальника газетного стола и смотри-теля типографии оказалась вакантной (временно исполнять эти обязанности стал чиновник общего губернского управления С.П. Щапов⁸¹⁶). «Иркутские губернские ведомости», как и другие ведомости Сибири, оказались в новых цензурных условиях – если

⁸¹² *Русская периодическая печать (1702–1894)*. Справочник / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959. С. 345; *Матханова Н.П.* Сотрудничество политических ссыльных... С. 222.

⁸¹³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 20. Л. 6.

⁸¹⁴ «С будущей почтою пришло вам, – писал Бакунин в Иркутск Корсакову 15 октября 1858 г., – докладную записку моего нового и молодого друга Масловского, которого еще раз рекомендую вам как умного, благородного, честного и дельного человека» (*Должиков В.А.* М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.)... С. 59, 137).

⁸¹⁵ *Матханова Н.П.* Сотрудничество политических ссыльных... С. 223.

⁸¹⁶ *Памятная книжка для Иркутской губернии на 1861 год*. Иркутск, 1861. С. 24.

ранее они не находились в ведении Главного управления цензуры при Министерстве народного просвещения, поскольку верховной инстанцией для них в этом отношении были генерал-губернаторы, то с апреля 1860 г., по представлению Сибирского комитета, Александром II было определено доставить сибирским генерал-губернатором, под грифом «секретно», все прежние и доставлять будущие циркуляры, исходящие от центрального цензурного ведомства. Во многом этому способствовало направление «Иркутских губернских ведомостей», при обсуждении некоторых статей которых в марте 1860 г. Сибирский комитет пришел к выводу, что в них «иногда помещаются такие статьи, печатание коих вообще запрещено циркулярами Министерства народного просвещения и Главного управления цензуры»⁸¹⁷.

С 1861 г. тема освоения Амура развивалась только на страницах одноименного издания (табл. 18), из экстраординарной и героической она перешла в разряд рутинных. Новому генерал-губернатору предстояло упрочить начатое и созданное в Восточной Сибири своим предшественником. Отъезд Муравьева-Амурского в Петербург 17 января 1861 г. был отмечен статьей о проводах, устроенных ему иркутянами, в которой давалась оценка деятельности преобразователя восточно-сибирского края: «Мы не отвергаем, что и при Графе, были злоупотребления, может быть, и вопиющие, но могло ли их не быть ... но зато, злоупотребление, раз обнаруженное, влекло за собой кару, кару немедленную, неумолимую, которую не могли предупредить никакие заслуги. <...> Это-то и знал народ... и в глазах его Граф сделался таким справедливым Начальником, что какая бы, кажущаяся несправедливость ни была совершена, один только возглас и слышан был от простолюдина: пойду к Графу...» (1861. № 3. 21 янв.).

Неизвестный корреспондент из ссыльных, применяя новые столичные идеи к местным условиям, писал из Троицкосавска о необходимости «selfgovernment» в русском обществе. «Беда – это централизация, которая, не умея мешать злоупотреблениям и незаконным деяниям чиновников, всегда сумеет помешать в благоразумных намерениях. <...> Пока какой-нибудь проект пройдет яковлеву лестницу разных инстанций, пока он не испытает критику десяти ничего не знающих столоначальников и десяти еще менее знающих советников, проходит много времени, теряется иногда случай сделать полезное, а человек, который осмелился дать инициати-

⁸¹⁷ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5230. 1860 г. Л. 1об.

ву полезному учреждению, в этой борьбе выбивается из сил, теряет энергию, а иногда и охоту быть полезным» (1860. № 16. 16 апр.). Именно система централизации, торжественно заключал автор свои рассуждения о развитии народного образования, мешает Кяхте идти вперед.

По вопросам о технических характеристиках и возможностях применения песковоза А.Н. Лопатина газета вступила в дискуссию с «Амуром»: «Механик Восточной Сибири» поставил под сомнение знание законов физики Р.А. Черносвитовым, выступавшим в роли «таежного авторитета» (1860. № 42. 15 окт.; № 51. 17 дек.). Несогласие со стороны «Иркутских губернских ведомостей» встретили публикации в «Амуре» о порядке выдачи и обмена паспортов (1860. № 52. 24 дек.) и о положении ссыльных (1861. № 5. 4 февр.; № 19. 13 мая; № 20. 20 мая). Непроверенные слухи, которые, в отличие от вопросов теоретических, грозили вполне конкретными нареканиями со стороны начальства, также опровергались. Так, например, в помещенном в «Амуре» в № 36 от 23 мая 1862 г. письме в редакцию о затруднениях, встречаемых жителями Усолья в отправлении писем, содержалось упоминание о том, что у смотрителя местной почтовой станции было найдено за печкой 300 неотправленных писем, а в ответном письме в «Иркутские губернские ведомости» речь шла уже не о 300, а о 19 письмах и найденных не за печкой, а в чемодане (1862. № 32. 11 авг.). Сама «младшая сестра», которая, в соответствии с пожеланием «старшей», должна была быть «покрасивее» и «несколько посмелее» (1859. № 51. 17 дек.), не вызывала никаких обвинений, все возражения предназначались авторам и корреспондентам и представляли собой ответы и замечания официальных лиц.

В конце июля 1861 г. подпись С.П. Щапова в качестве начальника газетного стола и губернской типографии была снята с газеты, официальная и неофициальная части выходили за подписью председателя Иркутского губернского правления А.Д. Шелехова. Начался поиск нового редактора. С № 38 от 30 сентября 1861 г. исполнять эту должность стал губернский секретарь Я.И. Жук, с № 50 от 16 декабря – коллежский секретарь Н.А. Клоков, с № 51 от 23 декабря – коллежский регистратор Н.И. Сурин.

Рис. 18. Соотношение официальной и неофициальной частей «Иркутских губернских ведомостей» (%) в 1860–1865 г. (до № 26 от 26 июня 1865 г.)

Таблица 18

**Распределение публикаций в неофициальной части
«Иркутских губернских ведомостей» по темам в 1860–65 гг.**

Темы публикаций	1860	1861	1862	1863	1864	1865
Экономика	7	3	4	18	9	3
Общественная и повседневная жизнь	9	12	16	31	16	12
География и природа			4	2	1	2
История Иркутска и Восточной Сибири	3	4	1		1	3
Зарубежные известия				3		
Образование и просвещение	9	11	2	17	13	2
Этнография			3	4	2	
Золотопромышленность	16	2		2	2	
Здравоохранение и медицина	4	2	1	6	3	2
Освоение Приамурского края	10					
Благотворительность					6	
Деятельность статистических комитетов				6	8	7
Другое		1		4	1	2
Итого	58	35	31	93	49	33

Заметные изменения в содержании неофициальной части произошли в период редакторства коллежского регистратора И.М. Нечаева (с № 39 от 29 сентября 1862 г. по № 31 от 3 августа 1863 г.)⁸¹⁸. Нечаев не ограничивался только размещением и редактированием присылаемых статей, он часто сам писал передовые или развернутые предисловия к публикуемым материалам. Так, например, рассказ

⁸¹⁸ Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год. Иркутск, 1863. С. 12.

«Очная ставка», о несправедном суде между заводчиком и рабочим, он предварил таким примечанием: «Мы полагаем, что в ожидании предстоящей реформы в нашем судопроизводстве совершенно необходимо, для правильности и законности производства следствий, назначить и здесь судебных следователей, которые при своем самостоятельном положении, по всей вероятности, не могут подпадать под такое влияние, о каком говорится в помещаемом здесь рассказе, и тогда следственные дела пойдут более правильно и законно» (1863. № 32. 10 авг.).

Открывая подписку на 1863 г., новый редактор объявлял, что «приложит все свое старание», чтобы сделать неофициальную часть «органом для выражения местных нужд и потребностей», для чего в том числе было получено согласие на сотрудничество с газетой «нескольких лиц, знакомых со здешним краем и искренне сочувствующих его развитию» (1862. № 48. 1 дек.). Действительно, уже с конца 1862 г. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» стала тематически более разнообразной, в 1863 г. она превысила по объему официальную часть (рис. 18), число публикаций в ней резко возросло (см. табл. 18). Увеличилось количество этнографических очерков, стали приводиться сведения от Иркутского статистического комитета о числе в губернии бурят (1863. № 4. 26 янв.), мусульман (1863. № 6. 9 февр.), иностранцев (1863. № 8. 23 февр.). Публиковались выдержки из переводов и приглашение к приобретению их полных вариантов, сделанных учителями иркутской гимназии – «О китайцах» (из перевода учебника по всеобщей истории немецкого историка Г. Цейса, выполненного учителем истории И.О. Катаевым (1862. № 47. 24 нояб.)⁸¹⁹ и «Очерки русской литературы» (перевод сочинения немецкого литератора Г. Кенинга, выполненный учителем русского языка и словесности Н.И. Поповым (1863. № 4. 26 янв.). Переводы из английских газет о событиях в Китае и Японии делал «Ан. Раз-в» (1863. № 9. 2 марта – № 12. 23 марта; № 18. 4 мая; № 20. 18 мая) – возможно, иркутский архитектор А.Е. Разгильдяев. С критической рецензией на «Сибирские рассказы», изданные Н.С. Щукиным, выступил частый гость на страницах ведомостей – «ОЗП», который упрекал «сибирских пове-

⁸¹⁹ «Учебник всеобщей истории с точки зрения культуры. Древняя история» был издан в Петербурге товариществом «Общественная польза» в количестве одной тысячи экземпляров и рекомендован Министерством народного просвещения в качестве учебного пособия по всемирной истории в средних учебных заведениях. Вторая часть труда Г. Цейса в переводе И.А. Катаева вышла в 1864 г.

ствователей» в неестественности и «ходульности» выводимых ими сюжетных линий и псевдонародности речи героев: «... Не беритесь за перо, или и беритесь, но пишите какие-нибудь полезные вещи, например, о разведении улучшенных пород скота в Сибири, о ловле омулей или о сибирских инородцах и т. п.» (1862. № 50. 15 дек.). Из жизни иркутских чиновников сообщалось о предоставлении им права самостоятельно определять себе размеры наградных (1863. № 2. 12 янв.) и об учреждении председателем губернского суда Б.А. Милютиным ссудной кассы (1863. № 13. 30 марта). «Купец» обращал внимание на вымышленные марки китайского чая, продаваемые в столицах для привлечения покупателя (1862. № 52. 29 дек.). Он же некоторое время вел «Торговые и промышленные заметки» (1863. № 3. 19 янв.; № 4. 26 янв.; № 16. 20 апр.; № 21. 25 мая). На обвинения в беспорядочном ведении дел иркутской публичной библиотеки и расходовании ее средств на издание «Амура» (1863. № 3. 19 янв.) ответили ее распорядители – М.В. Загоскин и Б.А. Милютин (1863. № 4. 26 янв.; № 6. 9 февр.). Последнего особенно заделали намеки на влиятельного родственника в Петербурге (в конце 1861 г. Д.А. Милютин стал военным министром, Н.А. и В.А. Милютины также были людьми известными), которому он якобы высылал деньги на подписку (1863. № 5. 2 февр.).

«Ученым боем» назвал И.М. Нечаев возникший спор по поводу употребленного в публичных лекциях Б.А. Милютина термина «пенитенциальный». Губернский прокурор В.А. Кейкуатов указывал на то, что Милютин, вероятно, оговорился, употребив данное слово вместо «пенитенциарный» (1863. № 8. 23 февр.), кроме того, упустив в своих лекциях мнения древних философов о системе наказаний. В следующем номере учитель И.О. Катаев написал, что слово «пенитенциальный» более соответствует латыни, а «пенитенциарный» производное от французского языка. Сам Милютин ответил Кейкуатову в очень язвительных выражениях о том, что данный термин он использовал сознательно, разделяя «пенитенциалистов» (каковыми в России были Елизавета Петровна и Екатерина II) и «пенитенциаристов» (каковыми и были древние философы, о которых он планировал рассказать в еще не законченных лекциях) (1863. № 9. 2 марта). Чиновник канцелярии Главного управления Восточной Сибири Д.М. Павлинов, аттестовавший себя как «кандидат права», назвал лекции Милютина простым «очерком уголовного права», не имеющим отношения ни к пенитенциарной, ни к пенитенциальной систе-

ме («последнее выражение в нашей науке даже не существует, по крайней мере мне оно не известно») (1863. № 17. 27 апр.). Свой «Ответ кандидату права Павлинову» Милютин (который также имел высшее юридическое образование) заключил следующим образом: «Крайне радуюсь узнать, г. Павлинов, что у вас есть своя наука и что свой личный авторитет вы ставите столь высоко, что от незнания вами чего-либо заключаете о несуществовании этого чего-либо» (1863. № 19. 11 мая). На это Павлинов заявил, что он также будет читать публичные лекции и даже учредит частную школу адвокатов (1863. № 32. 10 авг.). Наконец, некто Н. Смирнов из села Листивиничного, «по своему некандидатскому разумению», рассудил обоих иркутских юристов следующим образом: «К чему же пошли все эти лекции? – К тому, чтобы нам, как школьникам, объяснить, что, дескать, в таком-то веке, в таком-то государстве было, дескать, такое-то наказание, а потом такое-то. <...> Да разве нам, неучам, это нужно знать? <...> Ну, и г. Павлинов, сколько можно судить по его об этом статье, тоже бы больше-то ничего не сказал» (1863. № 36. 7 сент.).

Теме судопроизводства и законности ввиду объявленной правительством судебной реформы (так и не распространенной на Сибирь) были посвящены публикации о юридических вечерах в Иркутске, для подготовки чинов к гласным состязательным процессам (1863. № 30. 27 июля; № 42. 19 окт.). В организации этих вечеров, начавшихся с октября 1861 г. в публичной библиотеке, деятельное участие принял Б.А. Милютин, который предлагал ввести предмет «Законоведение» в программу средних учебных заведений. Ему возражал председатель иркутского окружного суда А. И. Розенталь, говоря о бесполезности такого предмета для школьника: «Набивать его голову всевозможными сухими сентенциями, не имеющими никакой живой связи с окружающей его жизнью, так же бесполезно, как читать геральдику» (1863. № 39. 28 сент.).

Вопрос о профессиональной (а не любительской) подготовке кадров для новых судебных учреждений связывался с открытием в Сибири собственного высшего учебного заведения: «Давно уже существует мысль, возникшая вследствие сознанный обществом потребности и перешедшая в пламенное желание сибиряков, мысль о сибирском университете. <...> Да, университет – это наша насущная потребность, это для нас вопрос: “быть или не быть”. Я бы сказал своим собратьям-сибирякам: “отдайте все, что можете, собирайте по мелочам, устройте всеобщую подписку, просите разрешения –

наложить поголовный сбор на всех, без различия сословий, – и просите университет! Видите, вас попрекают отсутствием высшего образования, вас хотят лишить из-за этого великого права [нового судебного устава]. Создайте университет, стройте сельские школы, или – скорбите за себя и свою родину!» (1862. № 46. 17 нояб.). Эта статья, подписанная «Сибиряком» (возможно, М.В. Загоскиным), была первым в истории сибирской печати развернутым выступлением по университетскому вопросу (появившимся за год до обращения А.И. Иконникова со страниц «Тобольских губернских ведомостей» в августе 1863 г. и доклада Н.М. Ядринцева «По поводу сибирского университета», сделанного в Омске в конце 1863 г.). Тема сибирского университета была продолжена в начале нового 1863 г. – «иркутский педагог» на гипотетическом вечере, с участием представителей «почти всех званий и состояний, мыслимых в Иркутске», высказал следующее новогоднее пожелание: «Одно может заставить нас идти вперед, не закаясь в болоте. Это – учреждение здесь университета. С ним оживятся наши школы, от него займут они жизнь и силы к движению; около университета сосредоточится наша мысль, от него получит твердость и живучесть все, что теперь шатко и разрозненно. С того времени, как мы увидим у себя университет, начнется в Сибири умственная жизнь!» (1863. № 2. 12 янв.).

Наконец, статья «Что нам необходимо в особенности»⁸²⁰, подписанная М.В. Загоскиным, была в откровенно областническом духе: «Нам хотелось бы самим сделаться людьми образованными, зажить своею разумною жизнью, иметь своих судей, исполнителей, знатоков дела и т.д. Словом, нам необходимо средоточие умственной жизни, необходима светлая точка, куда бы взоры наши всегда обращались с любовью и надеждой; нам необходим свой университет. <...> Чтобы воспользоваться естественными богатствами страны и такой обширной страны, как Сибирь, мало иметь несколько отдельных, предприимчивых личностей. <...> И неужели только потому, что живем далеко от света, мы лишаемся права судиться по тем же законам, по которым будут судить наших братьев-европейцев? Но в таком случае чем дальше будет уходить Россия, тем более будем отставать мы, сибиряки. Чем дальше будет откладываться наше образование, чем дольше не дадутся нам средства к нему, – тем

⁸²⁰ Название статьи было созвучно рубрике о нуждах края, требующих содействия правительства или общества, выходявшей «Амуре» – «Чего нам недостает?» (*Амур*. 1862. № 28. 18 апр.; № 33. 6 мая).

мрачнее и мрачнее будет наше будущее» (1863. № 13. 30 марта). Автор указывал на то, что высшее образование «за тысячи верст» обходится дорого и с открытием новых гимназий и семинарий в Сибири количество желающих учиться после их окончания будет увеличиваться (до 60 студентов, по подсчетам Загоскина, обучались в университетах России). Основное содержание статьи было воспроизведено в центральных газетах: «С.-Петербургских ведомостях», «Голосе» и «Журнале Министерства народного просвещения»⁸²¹. С высокой долей вероятности можно предположить, что с этой публикацией были знакомы Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, которые в 1864–1865 гг. в «Томских губернских ведомостях» высказали схожие мысли в отношении необходимости университетского образования в Сибири и введения для этой цели особого налога⁸²². В своем письме в Иркутск Н.С. Щукину (главному обвиняемому по делу о «сибирских сепаратистах») Потанин спрашивал его о Милютине и Загоскине: «что они за люди и какого ума»⁸²³. Так Загоскин попал в поле зрения жандармов, и 12 июля 1865 г. у него дома был произведен обыск. Загоскин, как лицо, «занимающее воспитательную должность» (инспектора классов Иркутского военного училища), «при малейшем сомнении в добросовестности его действий» должен был быть отстранен от службы, однако в ходе обыска ничего «предосудительного» и «злоумышленного» найдено не было⁸²⁴.

В необходимости открытия в Сибири общественных учреждений, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время, «Иркутские губернские ведомости» выступили совместно с «Амуром», перепечатав полемическую статью «Сибирь – та же Русь». Этими

⁸²¹ *Разные известия и заметки* // С.-Петербургские ведомости. 1863. № 118. 11 мая. С. 459; *Обозрение газет и журналов* // Голос. Газета политическая и литературная. 1863. № 118. 14 мая. С. 458; *Необходимость* высшего учебного заведения в Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1863. Ч. 118. Отд. 6. С. 159–162. По мнению «Голоса», «достаточные классы сибирских городов» могли бы предложить правительству необходимую для устройства университета сумму в виде займа, с выплатой процентов по нему из земских сборов.

⁸²² *Ядринцев Н.М.* По поводу Сибирского Университета // Томские губернские ведомости. Томск, 1864. № 5. 31 янв. С. 28–31; *Ядринцев Н.М.* Общественная жизнь Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 5. 5 февр. С. 1–4; *Н. Я.цов.* Сибирь в 1-е января 1865 г. // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 1. 8 янв. С. 1–4; *Потанин Г.Н.* Гражданское увлечение Сибири // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 16. 30 апр. С. 6.

⁸²³ *Дело об отделении Сибири от России.* Томск, 2002. С. 122.

⁸²⁴ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 269, 294–295.

словами председатель Русского географического общества наследник престола Николай Александрович в 1862 г. заключил заседание политико-экономического комитета, обсуждавшего вопрос об отношениях России к Сибири. «Особенности Сибири вовсе не так велики, – писал «Амур», – чтобы можно было считать ее колонией России ... Она – дитя одной и той же Руси – матери...; в Сибири живут те же русские люди, как и в России, та же в ней вера, язык, обычаи, даже поверья, одежда народная»⁸²⁵. «Иркутские губернские ведомости» добавляли: «... от Петербурга до Иркутска не близко – почти 6000 верст. Но что же из этого следует? Есть страны на земном шаре, которые от Петербурга и еще дальше, нежели Сибирь. Неужели же вывести из этого правило: чем дальше, тем хуже, или чем ближе, тем лучше...» (1862. № 47. 24 нояб.).

На «особенный взгляд сибиряков на Сибирь» в «Иркутских губернских ведомостях», мнение «сибирской умственной аристократии», взявшей на себя «адвокатуру земледельческого и промышленного населения страны», обратил внимание публицист Н.В. Шелгунов, который совершил поездку в Сибирь к М.И. Михайлову, сосланному на каторгу по делу о распространении революционных прокламаций. В очерке «Гражданские элементы Иркутского края», опубликованном в 1863 г. в «Русском слове», Н.В. Шелгунов утверждал, что Сибирь «совсем не та же Русь», в силу ее природных особенностей, промышленной отсталости, штрафной колонизации, сословного состава и «племенной разницы русского и сибиряка», которой еще предстоит дать научное описание. Однако это вовсе не означало, что в составе Российской империи Сибирь должна находиться на особом, ограничивающем ее экономическое и правовое развитие, положении: «Для Сибири нужны справедливый суд и образование совсем не по ее родственным отношениям с кем-либо, а сами по себе, потому что без них невозможно гражданское существование страны. Странно было бы убеждать, что сибирякам нужны воздух и вода, потому что в России люди дышат воздухом и пьют воду»⁸²⁶. Картины неустроенности Сибири важны были для Н.В. Шелгунова не сами по себе, а как материал для критических высказываний в адрес всей государственной системы управления: «Действительно, заезжий чиновник не имел связи с Сибирью; он не жил интересами местных жителей; он

⁸²⁵ – *й. Сибирь – та же Русь* // Амур. Иркутск, 1861. № 84. 28 окт. С. 797–798.

⁸²⁶ Шелгунов Н.В. Гражданские элементы Иркутского края // Русское слово. 1863. Сентябрь. С. 40.

смотрел на них свысока, пренебрегая общественным мнением; но все это он делал не столько потому, что он заезжий, сколько потому, что он чиновник. <...> Сибири следует радоваться, что у нее нет своего туземного чиновничества, а не желать его. В России все чиновничество туземное – но легче ли ей от этого?»⁸²⁷.

На статью в «Русском слове» «Иркутские губернские ведомости» ответили фельетоном «Разговор о “Губернских ведомостях”» в форме диалога одного из недоброжелателей газеты с ее редактором:

« – Отделали, наконец, и наши “Губернские ведомости”, отнесся в разговоре к нам с иронией и худо скрытым злорадством господин из “читателей” <...>

– Напротив, мы видим скорее живое участие его к нашей газете и желание ей лучшего <...> и хотя он [Шелугнов] опровергает нас, доказывая, что “Сибирь – не та же Русь”, все-таки благодарим, что он коснулся предмета, так нам близкого, затрагивая его в таком журнале, посредством которого вопрос этот будет более подробно обсужден литературой и, конечно, не без пользы для далекой Сибири и сибиряков» (1863. № 50. 14 дек.).

«Томские губернские ведомости» высказались более по существу поднятых в «Русском слове» вопросов. В качестве ответа на вызов столичного публициста была поднята тема влияния природного и этнографического состава Сибири на формирование особого типа сибиряка, отличного от великоросса⁸²⁸. В вопросе о преодолении описанного Шелгуновым положения Сибири, предоставлении ей более широких возможностей для всестороннего развития «Томские губернские ведомости» разошлись с «Иркутскими губернскими ведомостями» – последние возлагали более надежд на правительство, первые – на местную печать и сибирскую образованную молодежь⁸²⁹.

С № 32 от 10 августа 1863 г. начальником газетного стола, а с № 33 от 17 августа и редактором газеты вместо И.М. Нечаева

⁸²⁷ Шелгунов Н.В. Гражданские элементы Иркутского края // Русское слово. 1863. Сентябрь. С. 33–35.

⁸²⁸ Потанин Г.Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 12. 26 марта. С. 1–7; № 13. 2 апр. С. 1–4; Ядринцев Н.М. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 15. 23 апр. С. 1–5; № 17–18. 7–14 мая. С. 1–4.

⁸²⁹ Потанин Г.Н. Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири (Посвящается Н.М. Ядринцеву) // Томские губернские ведомости. 1864. № 40. 9 окт. С. 266–269; Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 9. С. 7.

вновь стал Н.И. Сурин, уже занимавший эти должности в 1862 г. С № 43 от 26 октября 1863 г. должность начальника газетного стола и редактора занял губернский секретарь А.В. Трапезников⁸³⁰, проживший в ней 4,5 года (по № 14 от 6 апреля 1868 г.). О причинах такой замены говорить сложно. Возможно, это был обычный перевод с одной должности на другую. Возможно, дело заключалось в начавшемся с начала 1863 г. Польском восстании. Первый номер газеты под редакцией Н.И. Сурина начинался «Всепопданнейшим письмом от иркутского городского общества», которое выражало готовность «принести на алтарь отечества нужные для спасения достоинства и чести его жертвы» (1863. № 33. 17 авг.). В июле Россия ответила Франции и Англии отказом созвать общеевропейскую конференцию по польскому вопросу и перед угрозой новой большой войны в стране начался патриотический подъем. В «Иркутских губернских ведомостях» были опубликовано «Всепопданнейшее письмо граждан города Троицкосавска и слобод Кяхты и Устьяхты» (1863. № 41. 21 сент.), а также обращение ламаистского духовенства Восточной Сибири к Александру II (которое «с ужасом узнало о коварной измене, на крайнем западе Твоего царства, подданных Твоих поляков...»). Селенгинские бурят-монголы предлагали употребить для подавления мятежа оружие, хранимое ими «для истребления диких зверей» (1863. № 46. 16 нояб.). Несмотря на то, что в период редакторства И.М. Нечаева в ведомостях также говорилось о безоговорочной и всемерной поддержке иркутянами действий правительства (1863. № 23. 8 июня) и о том, что сибиряк «косо смотрит» на тех, кто находит в Сибири особенности, отделяющие ее от России и требует для ее управления «особых учреждений» (1863. № 25. 22 июня), в этих же номерах была напечатана безымянная «Заметка», в которой автор совсем несвоевременно в свете польских событий рассуждал о предоставлении Сибири прав местных общественных собраний: «Существуй возможность последнего, и наши нужды высказались бы яснее, конечно, для тех, которым ведать их надлежит, мы избегли бы односторонности суждений, всегда пагубной, мы сумели бы правильно относиться друг к другу и приутожили бы себя к той общественной деятельности, без которой нельзя обойтись и Сибири. <...> Не митингов мы требуем, не политических клубов, не тайных собраний. Напротив, мы хотим действовать глас-

⁸³⁰ *Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год: адрес-календарь. Иркутск, 1865. С. 19.*

но, явно, чтобы нас видели, слышали...» (1863. № 23. 8 июня; № 25. 22 июня).

С конца 1863 г. большая часть страниц неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» стала отводиться для публикаций протоколов заседаний Иркутского и Якутского статистических комитетов. В них сообщалось об изменениях в составе комитетов, их постановлениях, обращениях к присутственным местам о предоставлении ими отчетов. Приводились программы и правила сбора различных статистических сведений, обнародовались сами сведения, для принятия их во внимание как администрацией, так и частными лицами. При этом читателю предлагались не просто сухие цифры, а комментарии и объяснения (например, о причинах преобладания мужского населения или о соотношении производительного и непроизводительного классов горожан). Не обходились стороной и внутренние проблемы. Так, например, обращалось внимание на небрежности в подаче именных списков полицейскими чинами, о приблизительном и неполном их характере ввиду необходимости учета больших пространств с низкой плотностью населения⁸³¹. Регулярно в ведомостях стали появляться отчеты о состоянии и деятельности в Иркутске женского училища, лечебницы для приходящих больных, тюремного комитета, сиропитательного дома, комитета для вспомоществования нуждающимся жителям. Эти документы, предназначавшиеся для вышестоящего ведомственного начальства, публиковались по собственной инициативе и даже иногда ранее их отправки в Министерство внутренних дел (как в случае с Иркутским губернским статистическим комитетом). Таким образом, гласности предавались задачи и результаты деятельности местных учреждений, возникающие перед ними проблемы, а общество вовлекалось в решение основной из них – проблемы финансового обеспечения. Созданные в результате одномоментного благотворительного акта или в итоге длительного сбора пожертвований медицинские и образовательные учреждения могли обеспечить свое дальнейшее беспрерывное существование, оплату труда и хозяйственные расходы только на основе самофинансирования, основную статью которого составляла безвозмездная помощь.

⁸³¹ На основе деятельности Иркутского и Якутского статистических комитетов были подготовлены их первые издания – «Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 г.», тиражом в 700 экземпляров, и «Памятная книжка Якутской области» (800 экземпляров).

Знакомство читателей с именами учредителей, членов попечительных советов и благотворителей придавало им общественную значимость, а открытое объявление о текущих и необходимых расходах способствовало активизации местных сил в сфере благотворительности, усиливало функцию общественного контроля. «Только та деятельность благотворна, которая не покрывается завесой канцелярской тайны, напротив того, оглашается, чтобы сделаться тем самым доступной общественному, никогда не ошибающемуся суждению», – с таких слов начинался отчет о работе Иркутского тюремного комитета (1864. № 22. 30 мая). Отчет членов совета по управлению иркутским сиропитательным домом А.В. Трапезников сопровождал аналогичным замечанием, что он написан «не для очистки официальной совести, а с целью представить полную картину своей деятельности тому обществу, в интересах которого они служат» (1864. № 35. 29 авг.). Сообщения от статистических комитетов обращали внимание населения на важность и необходимость содействия их деятельности, делали прозрачным расходование выделяемых государством средств, способствовали координации административной и научной работы членов комитетов. Секретарь Иркутского губернского статистического комитета Д.Д. Ларионов в 1869 г. через ведомости предлагал объединить усилия по статистическим изысканиям в масштабах уже всей Сибири (1870. № 22. 30 мая).

Экономическая информация в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» была представлена публикациями о номенклатуре и ценах на ввозимые и вывозимые через Кяхту товары, о положении восточносибирской золотопромышленности, об открытии ссудно-вспомогательных касс в Иркутске. С гордостью за свой родной край ведомости сообщали о графитовом руднике в Саянах французского и русского промышленника И.П. Алибера, благодаря которому сибирский графит стал известен в Европе и занял место «в лучших музеях и красуется в кабинетах императорских и королевских дворцов» (1864. № 4. 25 янв.).

В большой продолжающейся статье «Экономические условия Восточной Сибири» (1863. № 47. 23 нояб. – № 49. 7 дек.; № 51. 21 дек.; 1864. № 5, 7, 17, 19) автор («С–к»), рассуждая на тему слабого экономического развития Сибири, находил причины такого положения в недостатке капиталов, незначительности городского населения, занятого в промышленности, поглощении растущими винокуренными заводами крестьянских урожаев, узости местного потребительского рынка, его

зависимости от крупных оптовых поставок товаров из Европейской России, чья стоимость увеличивалась вследствие неразвитости путей сообщения и высоких транспортных расходов. Статья нашла внимательного читателя, перепроверившего приведенные в ней цифры и указавшего на некоторые ошибки в них. Свои замечания неизвестный критик предварял высказыванием, что одним из главных средств разоблачения и исправления недостатков является печатное слово (1864. № 12. 21 марта).

Теме образования и просвещения была посвящена статья Н.В. Ушарова «О народных училищах и учителях у старообрядцев» (1864. № 41. 10 окт.; № 43. 24 окт.). В ней автор говорил о возможности посредством организации гражданской школы для детей забайкальских староверов ограничить распространение раскольнического вероучения. Для расширения круга корреспондентов Сибирского отдела Русского географического общества и подписчиков издаваемых им с 1856 г. «Записок» Ушаров предлагал публиковать больше образцов местного фольклора, а в описаниях русских и коренных сибиряков усилить литературную составляющую (1864. № 51. 19 дек.; № 52. 26 дек.). Его собственные рассказы из крестьянского быта – «Быт семейских», «Ильинская волость (Из путевых заметок по Восточной Сибири)», «Ильин день» и «Устье Селенги», – опубликованные в ведомостях в 1864–65 гг., являют собой пример живой народной речи сибирских жителей.

Публикации об успеваемости учениц и учеников, учебных курсах, распределении уроков чередовались с обсуждениями педагогической общественностью школьной реформы и нового гимназического устава. Применительно к будущему единственной гимназии в Восточной Сибири старое и молодое поколение ее выпускников и преподавателей высказывало различные мнения. Так, «Учитель» упрекал существующую методику преподавания в формализме, ее ориентации на развитие памяти, а не мысли. По мнению автора, иркутской гимназии следовало придать статус не реальной или классической, а смешанной, направленной на воспитание «убеждений» и «характера» ученика с помощью гуманитарных предметов. «Механика, физика и науки естественные обогатят человека знаниями, но не образуют человека вполне. <...> Основательность же знаний без самостоятельности мысли, без критики – не мыслима» (1864. № 6. 8 февр.). Едва ли не каждое предложение и словосочетание в статье «иркутского реформатора» в пяти последующих номерах «Иркут-

ских губернских ведомостей» были подвергнуты критике учителем истории И.О. Катаевым. Рассуждения «Учителя» (не признаваемого за своего коллегу) он считал неоправданно радикальными, практически не осуществимыми и соответствующими плохому пересказу вышедшей в 1863 г. статьи Д.И. Писарева «Наша университетская наука». Катаев утверждал, что качество преподавания напрямую зависит от личности, умений и опыта педагога: «Из одной и той же науки два различных учителя делают совершенно различное образовательное употребление – один хорошее, другой плохое» (1864. № 11. 14 марта). В особенности досталось «псевдопублицисту» за такие неосторожные полемические высказывания, как «бесхвостые учебники», «пять томов исторической всякой всячины», «всякие распузыривания, переливания из пустого в порожнее» и т.д. Упоминание «Учителем» вскользь о неспособности «возбудить мышление и дать ему самостоятельную работу» подробнейшим рассказом о Куликовской битве расценивалось не только как желание «колынуть» иркутскую гимназию, но и как личный выпад, поскольку И.О. Катаев в 1862 г. опубликовал популярную брошюру для учащихся – «Краткий обзор событий русской истории». Редактор неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» А.В. Трапезников безусловно занял сторону Катаева, помещая его продолжающиеся и становившиеся все более многословными и отвлеченными возражения и не размещая присылаемых в редакцию ответов «Учителя». Катаев даже намекал на возможность обнародования имени своего оппонента, известного только редактору газеты.

Отголоском уже вошедшей в историю «муравьевской эпохи» стала статья В.Д. Карпова, который, отвечая на критические заметки в газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» по поводу порядка выдачи банковских ссуд и стоимости лекарств в городе, значительную часть своего опровержения посвятил утверждению некоего иркутского корреспондента о «падении нравственного уровня местного общества» по причине пережитой им «недавней эпохи, имевшей крайне вредное влияние». «Мы думали всегда, что пережитая здешним обществом эпоха – эпоха борьбы с монополией, эксплуатацией чужого труда, казнокрадством и взяточничеством – привела к очищению нравственных понятий общества, – писал в ответ В.Д. Карпов, – мы думали, что освобождение целых округов из-под разорительной зависимости от некоторых капитальных мироедов должно было возбудить энергию труда ... мы полагали, что беспо-

щадное преследование казнокрадов и взяточников, которым отличалась эта недавняя эпоха, утвердило в умах местных жителей доверие к закону и уверенность, что ни одно посягательство на их имущество и личность не останется безнаказанным» (1864. № 13. 28 марта).

С 1 января 1863 г. в Иркутске одной газетой стало больше. Под редакций протоиерея, настоятеля Богоявленского кафедрального собора Прокопия Громова стали издаваться «Иркутские епархиальные ведомости». С новой газетой отношения у «Иркутских губернских ведомостей» оказались напряженными. Как бы предчувствуя это, приветствие светской официальной газеты духовной содержало пожелание, чтобы «оба наших литературных собрата жили в добром согласии между собою. И если бы даже случилось иногда им о чем-нибудь поспорить друг с другом, то самый спор их служил бы только к выяснению истины и ровно был полезен для той и другой стороны» (1863. № 1. 5 янв.). Через 1,5 года «Иркутские епархиальные ведомости», кроме внутренних церковных дел, в своих «Прибавлениях» стали делать попытки оказания нравственного влияния на иркутян⁸³². Газета в 1864 г. имела 526 подписчиков и по инициативе редактора рассылалась генерал-губернатору М.С. Корсакову, в Главное управление Восточной Сибири, иркутскому губернатору Н.Ф. Щербатскому и другим официальным лицам⁸³³ для ознакомления с позицией церковных пастырей в отношении своих прихожан. В газете появились письма богобоязненных граждан (написанные по собственному почину или инспирированные) против таких новооткрытых увеселений, как «кофе-ресторан» в публичном саду и загородная дача для пикников «Луна». Неудовольствие вызвали те обстоятельства, что первое заведение, открытое прусским подданным Ф. Рати, находилось недалеко от храма⁸³⁴, а во втором, открытом И.О. Краузе, опять-таки не православным немцем, иркутяне предава-

⁸³² Одна из первых заметок этой нравоучительной «серии» появилась еще в середине 1863 г., когда после обнародования в «Иркутских губернских ведомостях» официальной информации о смерти в первом полугодии 1863 г. семи человек от «излишнего употребления вина» «Иркутские епархиальные ведомости» «всем и каждому» объявляли «приговор Слова Божия»: «Пьяницы царствия Божия не наследуют (1. Кор. VI. 10)» (*Пьянственная эпидемия* // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1863. № 34. 24 авг. С. 552–553).

⁸³³ *Прокопий Громов*. Отчет об издании «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. Иркутск, 1865. № 3. 16 янв. С. 23–26.

⁸³⁴ *Приверженный мещанин*. Письмо к редактору // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1864. № 27. 4 июля. С. 436–437.

лись различным порокам⁸³⁵ (в ответе Ф. Рати говорилось, что его деятельность не вредит нравственным понятиям общества, а даваемые в публичном саду представления носят исключительно гимнастический, а не языческий характер (1863. № 42. 19 окт.)).

В рассуждениях А.И. Розенталя о том, что юридическое образование, как и религиозные понятия, можно освоить более осмысленно и глубоко только при достижении юношеского возраста (1863. № 39. 28 сент.) Громов усмотрел покушение на место Закона Божия в русской школе и заключал свою иеремиаду наставлением пастве о примате духовного образования над светским: «Нет, Православные! Слушайте лучше Слова Божия, Которое велит *учить* детей, учить непременно, и предметам Религии, и правоведению. *Воспитывайте*, говорит оно, *чад в наказании и учении Господние* (Ефес. VI. 4). А вот и теория Права, изложенная Спасителем мира: *яко же хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Лук. VI. 31) А вот и практика, которой надобно учиться: *воздадите убо всем должная – ему же убо урок, урок: а ему же дань, дань: а ему же страх, страх: и ему же честь, честь* (Римл. XIII. 7 и след.)»⁸³⁶. В своем ответе Розенталь писал, что он вовсе не отвергает религиозное образование, а выступает против его догматического характера: «Сколько “Каинов” и “Иуд” сидит по острогам и ходит по белому свету, несмотря на догматически-религиозное образование, заученное твердо в детстве, но выдохшееся под напором жизни» (1863. № 41. 21 сент.).

В категоричной форме «Иркутские епархиальные ведомости» отозвались о лицах, закончивших духовную академию и выбравших светскую карьеру. В отношении к религии нет *«хуже тех тварей, которые высказывали из духовного звания»*, такое заключение делал рассказчик из своего университетского опыта, «лет за тридцать пять до настоящего времени, когда прогресс еще не родился»⁸³⁷. М.В. Загоскин, выпускник Казанской духовной академии, ответил не менее резко как в отношении «циничного выражения», бросающего тень на целое поколение, так и в отношении личности редактора «Епархиальных ведомостей»: «Читая подобную фразу, так и видишь

⁸³⁵ В Иркутске есть своя Луна // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1864. № 24. 13 июня. С. 397–399.

⁸³⁶ Предостережение православным // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. Иркутск, 1863. № 40. 5 окт. С. 654.

⁸³⁷ Самые худшие твари // Прибавления к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1863. № 44. 2 нояб. С. 726–727.

человека с полным сознанием своей святости и с гордым презрением ко всему остальному миру воздевающего горе свои очи и восклицającego: “Господи, благодарю тя, яко несмь аз, якоже прочие чело-вечи!” Мы бы могли указать автору “худших тварей” десятки лиц духовного происхождения из учившихся в университетах около 30-х годов, которых имена знает вся Россия и о которых целые поколения хранят благоговейное воспоминание. Мы могли бы даже разъяснить автору, отчего это бывает, что именно дети духовных лиц наиболее склонны бывают к отрицанию в деле веры, и отчего даровитейшие из них непременно “выскакивают” из духовного звания; но к чему всё это? Говорить с таким автором бесполезно» (1863. № 46. 16 нояб.). Однако протоиерей Громов вовсе не считал свои убеждения предубеждением – приводимый им рассказ не вызвал нареканий со стороны духовной и светской цензуры и, следовательно, мог претендовать на отображение «горькой истины» (а кто почувствовал (намек на самого Загоскина), «что на нем шапка горит, такому единого стыда ради не кричать бы об этом»⁸³⁸).

В публикации в «Иркутских епархиальных ведомостях» официального отказа предоставить денежное пособие духовенству г. Киренска из сумм иркутского запасного капитала⁸³⁹ «Иркутские губернские ведомости» заподозрили попытку нарушить свою монополию на публикацию распоряжений губернского правления, да еще и с комментариями, не исходящими от официальных властей (1864. № 32. 8 авг.). Редактор «Иркутских епархиальных ведомостей» входил в состав Сибирского отдела Русского географического общества и губернского статистического комитета, в «Прибавлениях» к «Иркутским епархиальным ведомостям» он публиковал свои архивные изыскания по истории Иркутска и Иркутской епархии, позднее обобщенные в отдельном труде⁸⁴⁰. Ряд неточностей в «Записках Зарифейского», которые печатались в «Иркутских губернских ведомостях», в особенности в отношении хорошо известной Громову местной церковной истории, позволили ему сделать официальной газете замечание о введении ею читателей в за-

⁸³⁸ *Прокопий* Громов. Отчет об издании «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1865. № 3. 16 янв. С. 29.

⁸³⁹ *Распоряжение* Иркутского губернского начальства // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 29. 18 июля. С. 143.

⁸⁴⁰ *Громов П.* Начала христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый Епископ Иркутский, его служение, управление, кончина, чудеса и православие. Иркутск, 1868.

блуждение и о возможной утрате газетой своего авторитета⁸⁴¹. Публикатор «Записок Зарифейского» В.П. Паршин отвечал, что приводил их без правок, в авторской редакции, что «носимое звание [протоиерея и настоятеля кафедрального собора] не дает еще права говорить о ближнем, что вздумается», а на «литературные труды» самого Громова у него есть свой собственный взгляд, который он оставляет при себе из опасения «навлечь на редакцию губернских ведомостей новые неприятности» (1866. № 4. 22 янв.).

В отчете об издании «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1863 и 1864 гг. Громов утверждал, что светские издания направление «Иркутских епархиальных ведомостей» встретили враждебно и что они желали и желают только одного: чтобы «Иркутские епархиальные ведомости» были «тише воды, ниже травы», «не смели печатать ничего другого, кроме определений епархиальных», или вовсе не существовали⁸⁴². «Сибирский вестник», который начал издаваться в сентябре 1864 г. Б.А. Милютиным, заявил, что «нравственное усовершенствование», о котором «с неподражаемым постоянством» заботятся «Иркутские епархиальные ведомости», они видят в «совершенном отчуждении от всего, что миром дышит»⁸⁴³.

С появлением «Сибирского вестника» (подписка на который была самой дорогой – 9 руб. в год) газет в Иркутске стало целых три, и на страницах «Ведомостей» они стали солидно именоваться «иркутские газеты», «издаваемые в Иркутске газеты», приглашения, касающиеся иркутян, теперь можно было «опубликовать во всех газетах». Историкам сибирской печати еще предстоит определиться с организационными, кадровыми и содержательными связями «Амура» и «Сибирского вестника», а также со значением последнего в разработке местных вопросов⁸⁴⁴. Среди тем, которые поднимались

⁸⁴¹ Об Иркутске на – об – ум // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям., 1865. № 52. 25 дек. С. 671–676.

⁸⁴² Проконий Громов. Отчет об издании «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1865. № 3. 16 янв. С. 27–29.

⁸⁴³ Курьезы иркутской прессы // Сибирский вестник. Иркутск, 1865. № 34. 25 апр. С. 3.

⁸⁴⁴ С июля 1861 г. Б.А. Милютин принял на себя редактирование «Амура», право на издание которого принадлежало М.В. Загоскину. Фамилии обоих указывались на последнем листе газеты. Взяв на себя вину за прекращение «Амура» (см.: От бывшего редактора газеты «Амур» // Иркутские губернские ведомости. Иркутск, 1863. № 6. 9 февр. С. 6–7), Милютин в 1864 г. стал издателем и редактором «Сибирского вестника». Новое «детище», появлению которого «не предшествовали заботы о приискании мамок, бабок, повитух – тем более сиятельных, или же вообще влиятельных кумов и кумушек» (Сибирский вестник. 1864. № 1. 3 сент.), должно было расширить потребности в чтении и публицистиче-

на страницах «Сибирского вестника», – сибирский университет, земская и судебная реформы, экономическое развитие Сибири, современное положение и история развития восточносибирской печати. В отношении необходимости открытия в Сибири высшего учебного заведения Милютин, несмотря на более ранние публикации в «Иркутских», а затем в «Томских губернских ведомостях», выступил в качестве первооткрывателя этой темы и в 1865 г. стал ее активным пропагандистом⁸⁴⁵, наряду со знаменитыми томскими обла-

ской деятельности. В «Сибирском вестнике» приняли участие многие из прежних известных «амурцев» – М.В. Загоскин, В.И. Вагин, М.А. Зензинов. Сам Милютин (по предположению Ю.Л. Мандрики) выступал в «Сибирском вестнике» в роли фельетониста «Отпетого», начавшего свои беседы с читателем еще в «Амуре» (*Мандрика Ю.Л.* Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // *Известия Уральского государственного университета*. 2010. № 1 (71). С. 87). Однако если история первенца частной печати в Сибири как «органа живой публицистики» изучена и изложена достаточно подробно, то о направлении «Сибирского вестника» до сих пор приводится лишь некоторый фактический материал с минимумом цитирования и анализа конкретных публикаций. В научно-справочном издании «Историческая энциклопедия Сибири», отражающем ключевые аспекты развития региона (Новосибирск: РАН, Сиб. отделение, Ин-т истории, 2009), нет даже статьи, посвященной этой газете. Формулировка о том, что Милютин «допустил недостойные шовинистическо-монархические выпады против ссыльных поляков, поднявших восстание на Кругобайкальском тракте в 1866 г.» (*Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 56), вполне соответствующая и даже необходимая в советской исследовательской традиции, воспроизводится как достаточная для итогового вывода о лице «Сибирского вестника» даже в современных работах (См., например: *Жиликова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. С. 29). Речь в данном случае идет всего лишь об официальном информационном сообщении «О событиях на Кругобайкальской дороге», которые по вполне понятным причинам трактовались не в революционном духе, а как «сумасбродный мятеж» (в созданной следственной комиссии Милютин выполнял функции прокурорского надзора). Цитируемый выше Л.С. Любимов при характеристике «независимой прессы Сибири» в 60-х гг. XIX в., хотя и уделил основное место «Амуру», не мог отказать «Сибирскому вестнику» в том, что в нем, хотя и «изредка», но «появлялись и интересные, глубокие по своему содержанию материалы, иногда написанные с передовых демократических позиций», в том числе и принадлежащие самому Б.А. Милютину (*Любимов Л.С.* Указ. соч. С. 54).

⁸⁴⁵ «Наша газета и в этом деле начала первая. Она подала робкий голос. Она заявила о лишениях, которые терпит наша молодежь, она взывала к пособиям ввиду того, что в тот нежный возраст, в котором мы покидаем юношей наших в столице, им в особенности нужна материальная поддержка. <...> Мы хотим только, чтобы за сокровищами науки нашей молодежи не приходилось ездить за пять тысяч верст, мы хотим, чтобы живительный источник был приближен к нам, чтобы, одним словом, у нас создался свой, самобытный Сибирский университет» (15 мая 1865 г. // *Сибирский вестник*. 1865. № 37. 15 мая. С. 1); «Наше коренное убеждение то, что одарить край университетом следовало бы прежде самому сибирскому обществу. Для этого, и прежде всего, необходимо, чтобы общество прониклось сознанием, что университет необходим, как и всякие другие улучшения и преобразования, на которые мы так тараваты. <...> Пусть вспомнит сибирское общество,

стниками⁸⁴⁶. Юридическое образование редактора-издателя «Сибирского вестника» накладывало отпечаток как на выбор тем его передовых, так и на те обстоятельства, по поводу которых Милютин затевал «литературное сражение» с лицом, оскорбившим или опорочившим его. Милютин, с его строгой принципиальностью и обостренным самолюбием, не оставлял без внимания ни малейшего намека на безупречность своего имени и своей деятельности. Таковы, например, дискуссия между «Сибирским вестником» и «Иркутскими губернскими ведомостями» об уровне исполнительского мастерства Б.А. Милютина⁸⁴⁷ или о том, кто главный юрист в Иркутске – Б.А. Милютин, А.И. Розенталь или Д.М. Павлинов⁸⁴⁸. Своими насмешливыми фельетонами «Сибирский вестник» и сам умышленно вызывал неудовольствие со стороны своих газетных собратьев. Уже в третьем номере «Вестника» «Иркутские губернские ведомости» иронично определялись как «орган гласности ... простирающий свой индифферентизм к нашему житью-бытию до того, что он ни одно явление его не удостаивает своими милостивым воззрением», а «Иркутские епархиальные ведомости» – как объясняющие «небесные кары» (землетрясение конца 1861 – начала 1862 г.) «сатанинскими увеселениями» в за-

что с того самого момента, как в среде его станет университетски образованное сословие, с того самого момента общество приобретет ту долю самостоятельности, которой ему недостает теперь. Исследование края во всех отношениях будет производимо научно, следовательно, точно, а это даст точку всестороннему развитию, даже материальным интересам, для которых край представляет еще такое широкое поприще» (8 августа 1865 г. // Сибирский вестник. 1865. № 46. 8 авг. С. 1–2).

⁸⁴⁶ Б.А. Милютин предлагал различные пути изыскания средств на строительство университета: заем у сибирского населения, единовременное пожертвование со стороны золотопромышленников, повышение винного акциза, выделяемые в качестве дополнительного жалованья суммы отправляющимся в Сибирь чиновникам. Эти предложения, конечно, были мало реалистичны. Но если размышления Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева по поводу сибирского университета являются общим местом в исследованиях по истории образования в Сибири, то Б.Н. Милютин в этом отношении оказался в роли «не нашего человека».

⁸⁴⁷ А.К. Маэстро «на струнах человеческой души» // Иркутские губернские ведомости. № 17. 24 апр. С. 7–8; *Сказалась провинция* // Сибирский вестник. Иркутск, 1865. № 36. 8 мая. С. 3–4.

⁸⁴⁸ *Юридический вечер*. 18 сентября // Сибирский вестник. Иркутск, 1864. № 5. 29 сент. С. 2 (в этой крохотной заметке фамилия основного действующего лица – Б.А. Милютина упоминалась 7 раз); *Розенталь*. Заметка относительно «Сибирского вестника» // Иркутские губернские ведомости. 1864. № 40. 3 окт. С. 5; *Милютин Б.* Вынужденное объяснение // Сибирский вестник. 1864. № 7. 11 окт. С. 4; *Павлинов*. По поводу помещения в Иркутских ведомостях «Заметки относительно Сибирского вестника» // Сибирский вестник. Иркутск, 1864. № 9. 23 окт. С. 3.

ангарской «Луне»⁸⁴⁹. С насмешкой Милютин отнесся к четырем возражениям со стороны «наших друзей», занявшим более половины неофициальной части одного из номеров «Иркутских губернских ведомостей» (1865. № 11. 13 марта): «Этому факту мы весьма радуемся, во-первых, за губернские ведомости! Благодаря нашей газете, неофициальная часть их не останется, в утешение подписчикам, без статей. Труд редактора крайне облегчен, издержки по изданию уменьшаются; во-вторых, мы радуемся за оппонентов, кои приобрели полную возможность упражняться в стилистике, а ведь это упражнение очень полезное»⁸⁵⁰.

«Иркутские губернские ведомости» в ответ не взлюбили «Сибирский вестник» и стали с ним «царапаться», помещая на своих страницах гневные и резкие отзывы иркутян, выводимых на страницах милютинского издания, не заслужившего еще «почетной репутации беспристрастного обличительного журнала» (1864. № 45. 7 нояб.). Редактор обвинялся в том, что, возглавив «Амур», он собрал подписную плату за 1863 г., а затем «раскланялся с подписчиками», не возвратив им денег. Сам содержатель «Луны» И.О. Краузе, обиженный упреками в дороговизне бутербродов и «завядшей реди-ски», дал со страниц «Иркутских губернских ведомостей» «новорожденному» «Сибирскому вестнику» такой совет: «Милый мой крошка, не сердись понапрасну, укороти свой гнев и благо ти будет на земли и проживешь ты здоров и не вредим многие лета. <...> По-заботься о замене фельетониста, написавшего вступительный фельетон под названием “Ушли ли мы вперед”, более чистоплотным; это спасительно подействует на твое здоровье, а не то скоро умрешь» (1864. № 42. 17 окт.). На это «Отпетый» заявил, что прощает «великого мужа», поскольку не может сдержать смеха от вида господина Краузе, сидящего в одежде Юпитера-громовержца на престоле «образованном из кастрюль, чумичек и других необходимейших принадлежностей кухмистерского искусства»⁸⁵¹. Инспектор врачебной управы Н.И. Кашин, который в «Иркутских губернских ведомостях» публиковал статьи по медицине и врачебной помощи, в ответ на обвинения «Сибирского вестника» в продаже местной вольной аптекой лекарств выше положенной таксы приводил цифры и факты, доказывающие обратное, и заключал свою статью следующим высказы-

⁸⁴⁹ *Отпетый*. Ушли ли мы вперед? Взамен вступительного фельетона // Сибирский вестник. 1864. № 3. 16 сент. С. 1–2.

⁸⁵⁰ *Нашим оппонентам* // Сибирский вестник. 1865. № 37. 15 мая. С. 3.

⁸⁵¹ *Идем ли мы вперед* // Сибирский вестник. 1864. № 12. 12 нояб. С. 1.

ванием: «Какое взыскание по закону полагается тому, кто выводит печатно несправедливое обвинение в злоупотреблениях? Весьма вероятно, это более известно редактору “Сибирского вестника” как юристу» (1865. № 2. 9 янв.). В ответе Кашину Милютин обвинил его в клевете и напомнил «основное правило всякого спора, тем более литературного»: «ты сердисься, значит не прав»⁸⁵². Кашин, в свою очередь, высказался еще более неприязненно по отношению к личности редактора «Сибирского вестника» и его журналистской деятельности: «Большая часть заявлений г. Милютина основана на слухах, ложных фактах, а потому часто совершенно несправедлива. <...> Куда уж нам идти в ратоборство с таким великим бойцом, как вы, г. Милютин, литературное искусство которого давно уже известно, чему ясным доказательством служит скоропостижно скончавшийся (вероятно, от несварения желудка) “Амур” и из праха вдруг возникший “Сибирский вестник”» (1865. № 20. 15 мая).

Занимая должность товарища председателя иркутского губернского суда, Милютин входил во множество местных организаций и комитетов, участие в которых не было обязательным, но имело общественное значение – сибирское отделение РГО, Иркутский губернский статистический комитет, тюремный комитет, попечительный совет женского училища и т.д. Заметно было присутствие Милютина в «Иркутских губернских ведомостях», где в официальных отчетах сообщалось о его распоряжениях и предложениях, безвозмездном преподавании русской истории в иркутском женском училище. Организовывал Милютин и различные благотворительные мероприятия. По поводу его «юридических вечеров», на которых участники разыгрывали суд присяжных, неизвестный иркутский корреспондент «Голоса» высказался следующим образом: «При всей изобретательности г. Милютина и предприимчивости дела его как-то не клеятся. Кажется, для него тесны иркутские улицы. Будь г. Милютин богатым золотопромышленником, миллионером, он, кажется, был бы способен не самые смелые и полезные затеи»⁸⁵³. Разносторонняя и кипучая деятельность редактора «Сибирского вестника», а также его столичное происхождение послужили предметом жесткой сатиры на него в статье «Постороннего» – «Самозванно-столичные просветители

⁸⁵² Милютин. Ответ г. Кашину // Сибирский вестник. 1865. № 28. 6 марта. С. 3–4.

⁸⁵³ Русские новости. Иркутск (Корреспонденция «Голоса») // Голос. 1863. № 116. 12 мая. С. 451.

провинциального невежества», в которой труды Милютин на ниве образования и просвещения представлялась в карикатурном свете: «Считая себя самыми благодетельными провозвестниками и апостолами великих идей, эти деятели приняли вскоре характер самых сердобольных радетелей общества, <...> Они участвуют обыкновенно во всех возможных общественных собраниях и комитетах, и литературных, и филармонических, и грамотных, и безграмотных, и трезвости и пр. и пр. ... и если и издадут какие-нибудь журнальцы (например, вроде “Сибирского вестника”), то непременно из кожи лезут вон, лишь бы приравнять их по виду и по тону столичным органам. И с этой целью они непременно пишут в них и так называемые передовые статьи, и официальные отделы, и фельетоны; рассуждают и о прогрессе ... сооружают и критические обозрения местной прессы ... главным органом которой служат примерно епархиальные ведомости». В конце своей отповеди «Посторонний» пообещал дать окончательную характеристику Милютину и его печатной деятельности: «Вот тогда-то он разоблачится для нас во всей своей прелестной наготы, тогда мы и увидим, бьет ли в этом нашем органе хоть одна капля живой воды действительности, тогда-то, напротив, мы и убедимся, какая фальшь, какие выдохшиеся, убогие, бессильные и отжившие стремленья и идейки действуют во всех его рассуждениях, статейках и соображеньях, словом, во всех его жилках и косточках!» (1865. № 24. 12 июня).

Однако этому зловещему анонсу не суждено было осуществиться – с № 27 от 3 июля 1865 г. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» была сокращена и перестала начинаться с отдельного листа, войдя в общую с официальной частью композицию газетного номера⁸⁵⁴. Так, Иркутское губернское правление выполняло указ 20 марта 1865 г. о губернских типографиях, в котором предлагалось сократить издержки на бумагу и верстку путем нераздельного печатания официальной и неофициальной частей губернских ведомостей. То обстоятельство, что распоряжение Министерства внутренних дел было исполнено только в июне, позволяет предположить, что на положении «Иркутских губернских ведомостей» сказалось и дело областников, к которому были привлечены и иркутяне, публиковавшиеся на страницах иркутской губернской газеты – Н.В. Ушаров, осужденный и высланный в Архангельскую

⁸⁵⁴ Формат газеты увеличился – с 26 х 21 до 43 х 27 см.

губернию⁸⁵⁵, и секретарь Иркутского статистического комитета Н.М. Павлинов, с которого подозрения были сняты не без помощи М.С. Корсакова⁸⁵⁶. Против М.В. Загоскина, который в сибирском университете видел возможность «зажить своею разумною жизнью», никаких улик найдено не было, его имя, как и имя Милютин, лишь упоминалось в письме Потанина к Щукину. К деятельности «сибирских сепаратистов» на страницах «Иркутских губернских ведомостей» можно отнести две публикации – объявление о публичных лекциях Н.С. Щукина об истории Сибири в XVII и XVIII вв. (1865. № 9. 27 февр.) и перепечатка из «Томских губернских ведомостей» приглашения Г.Н. Потанина оказать помощь библиотеке сибирских студентов Казанского университета, которая должна была стать основой библиотеки будущего сибирского университета (1865. № 18. 1 мая). Дискуссия с «Епархиальными губернскими областями», резкие ответы на статьи «Сибирского вестника», несмотря на заверения редактора А.В. Трапезникова («... мы всемерно стараемся избегать полемики с кем бы то ни было» (1865. № 24. 12 июня)), также нарушали разрешаемую законом программу неофициальной части губернских ведомостей (1866. № 4. 22 янв.). О каких-то неприятностях, которые навлекли на себя «Иркутские губернские ведомости» в 1865 г. ввиду их полемического характера, говорил в своем письме А.В. Трапезникову В.П. Паршин (1866. № 4. 22 янв.). Следует отметить, что в 1866 г. изменилось содержание не только «Иркутских губернских ведомостей». Притихли в своей борьбе за нравственность «Иркутские епархиальные ведомости», пропали задор и смелость у «Сибирского вестника» (в последний год своего издания, 1868-й, газета наполнялась статистическими и этнографическими материалами, редкими корреспонденциями).

В 1865–70 гг. «Иркутские губернские ведомости» публиковали протоколы заседаний Иркутского и Якутского статистических комитетов, Сибирского отдела РГО, сообщения о деятельности различных благотворительных и общественных учреждений. Так, напри-

⁸⁵⁵ Как и многие фигуранты по делу о «сибирских сепаратистах», дворянин Н.В. Ушаров был записан следственной комиссией в число заговорщиков по воле случая и на скорую руку. «Честнейший добряк ... человек непрактический и бедный, – писал о нем С.С. Шашков, – никогда не имел почти никакого имущества и нередко жестоко запивал, большую частью вместе со Щукиным, который однажды в пьяном виде толковал с ним о сепаратизме и потом, ударившись в доносы, доложил об этом комиссии» (Шашков С.С. Курьезное дело // Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002. С. 18).

⁸⁵⁶ Лемке М.Н. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. СПб., 1904. С. 66.

мер, мы узнаем, что в 1869 г. в Иркутске были открыты «Детский сад» (1870. № 7. 14 февр.) и общество потребителей «Сбережение» (1869. № 30. 26 июля). Эпизодически появлялись критические заметки А. Незнаемого, затрагивавшего некоторые мелкие административные и общественные вопросы (1864. № 5. 1 февр.; 1866. № 5. 29 янв.; № 8. 18 февр.; 1867. № 9. 25 февр.; № 11. 11 марта). Ряд статей в 1866–67 гг. были посвящены истории Нерчинских заводов (1866. № 22. 28 мая; № 25. 18 июня; № 26. 25 июня; № 27. 2 июля), причинам дороговизны хлеба (1867. № 5. 28 янв.; № 7. 11 февр.; № 8. 18 февр.), способам оказания первой медицинской помощи (1867. № 21. 20 мая). Сибирское купечество представило государю императору верноподданнейшее обращение о даровании Сибири железной дороги: «Одни мы, государь, сибирские Твои дети, далеки от Тебя, если не сердцем, то пространством. Большие мы от того терпим нужды. Богатства нашей почвы лежат без пользы для Престола Твоего и для нас. <...> К столицам Твоим, государь, мы доставим немалые богатства и сами оживем Твоей щедротой» (1868. № 21. 25 мая). Недостатка в статьях не было, и к перепечаткам газета прибегала редко. Из номера в номер печатались продолжающиеся научно-популярные очерки В.П. Паршина, М.В. Загоскина, Д.Д. Ларионова, К. Капустина о географии и природных богатствах Восточной Сибири, хозяйственных занятиях и нравах русских и коренных жителей Приангарья, Забайкалья, Курильских и Алеутских островов. Писали в «Иркутские губернские ведомости» и сами представители сибирских этнсов – о происхождении, языке, религии и брачных обрядах своих соплеменников сообщали выпускники Верхнеудинского уездного училища, ставшие его учителями, – Бандзар Норбоев (1866. № 31. 30 июля; № 33. 13 авг.; № 34. 20 авг.) и Николай Цыван-жаб Сахаров (1869. № 30. 26 июля; № 33. 16 авг.; № 42. 18 окт.). В 1870 г. отдел антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей при Казанском университете обратился к М.С. Корсакову с просьбой выслать ему бесплатно губернские ведомости для библиотеки общества в обмен на протоколы его заседаний⁸⁵⁷.

Как официальная газета «Иркутские губернские ведомости» не могли не отреагировать на события 4 апреля 1866 г. О «злойдейском покушении» и задержании преступника стало известно в Иркутске по телеграфу 5 апреля. Телеграмма была отпечатана и разослана по городу отдельным прибавлением к «Иркутским губернским ведомо-

⁸⁵⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К 1905. Д. 155. Л. 1–1об, 8–9об.

стям». На следующий день в Богоявленском кафедральном соборе был совершен торжественный молебен и объявлена подписка о сооружении в центре города часовни «для увековечения памяти о чудесном спасении драгоценнейшей жизни государя императора» (1866. № 15. 9 апр.). В последующих номерах приводились подробности о личностях Д.В. Каракозова (1866. № 17. 25 апр.; № 22. 28 мая; № 37. 10 сент.) и крестьянина О.И. Комиссарова, отведшего в сторону руку стрелявшего (1866. № 21. 21 мая). Перепечатанная из «Сибирского вестника» телеграмма из Петербурга сообщала о приговоре верховного уголовного суда, вынесенном террористу, и о 34 лицах, проходивших по этому делу (1866. № 40. 1 окт.). В Москве, 19 октября, депутация из жителей Восточной Сибири поднесла Комиссарову-Костромскому икону святителя и чудотворца Иннокентия, а отец спасителя был освобожден из ссылки в Енисейской губернии (1866. № 49. 5 дек.). «Иркутские губернские ведомости» также рассказывали о сборе средств написание иконы Александра Невского в селе Кударинском Забайкальской области (1866. № 24. 11 июня), освящении часовни в Верхоленске (1867. № 40. 30 сент.), закладке часовни в Нижнеудинске (1868. № 33. 17 авг.). Годовщина 4 апреля отмечалась в Иркутске в 1867 (1867. № 15. 8 апр.) и 1868 гг. (1868. № 14. 6 апр.). По поводу покушения 25 мая 1867 г. в газете был напечатан только верноподданнейший адрес жителей Иркутска его императорскому величеству, сохранение жизни которого вновь рассматривалось как чудо и промысел Божий. О последующих террористических актах в «Иркутских губернских ведомостях» уже ничего не сообщалось.

Официальная информация о восстании польских ссыльных 26 июня 1866 г. на Кругобайкальской железной дороге появилась в «Иркутских губернских ведомостях» только тогда, когда исход военных действий стал окончательно очевиден. Действия войск продолжались месяц, и жителям Восточной Сибири приходилось довольствоваться лишь разнообразными слухами, в том числе и о захвате повстанцами Иркутска. Масштабы и цели выступления в первые дни были неясны, и недостоверные толки и преувеличения представлялись властям более безопасными, чем публикация достоверной информации, с упоминанием населенных пунктов, имен, численности мятежных и правительственных отрядов. Это могло сыграть роль информационного и объединяющего фактора для многочисленных польских ссыльных, размещенных в Иркутске и других

населенных пунктах Восточной Сибири. Взять на себя функцию освещения экстраординарных событий могло только лицо, обладающее соответствующими полномочиями, знанием основных обстоятельств произошедшего и владеющее хорошим письменным слогом. Функцию такого пресс-секретаря от власти выполнил Б.А. Милютин, входивший в следственную комиссию по этому делу, – «Иркутские губернские ведомости» (1866. № 29. 16 июля; № 30. 23 июля; № 32. 6 авг.) перепечатали соответствующие информационные сообщения из «Прибавлений» к «Сибирскому вестнику» (то же самое сделали «Енисейские губернские ведомости»⁸⁵⁸). Казнь четырех организаторов восстания (так же как и судебный процесс) носила открытый характер и была произведена при большом скоплении народа. О вынесении военно-полевым судом смертного приговора и о его исполнении в «Иркутских губернских ведомостях» сообщалось не в форме анонса или новости, а постфактум – через четыре дня после расстрела за Якутской заставой в Иркутске 15 ноября (1866. № 47. 19 нояб.).

В 1870-е гг. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» преимущественно состояла из одних частных объявлений и рекламы, редких отчетов различных обществ, хотя газета получала интересные предложения с мест. Так, например, 22 октября 1871 г. проживающий в г. Канске крестьянин из ссыльных Александр Уманцев обратился к генерал-губернатору с просьбой о публикации в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» рассказа «Один из первых случаев из нашей уголовной практики». В прошении автор говорил, что рассказ представляет интерес «как взятый из фактов, как имеющий местный характер и пригодный для молодых людей, знакомящихся с следственной частью в Сибири». Автору было отказано с формулировкой, что присланный текст «по содержанию своему не подходит под программу неофициальной части губернских ведомостей»⁸⁵⁹.

С 1871 г. по инициативе нового генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова «Иркутские губернские ведомости» стали выходить три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам (с № 61 от 21 мая 1874 г. два раза в неделю – по вторникам и пятницам). Стоимость подписки была снижена с 6 до 5 руб. Несмотря на наличие в Енисейской губернии и Забайкальской области

⁸⁵⁸ *Енисейские губернские ведомости*. 1866. № 30. 23 июля. С. 343–345; № 31. 30 июля. С. 354–355; № 34. 20 авг. С. 386–388.

⁸⁵⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1905. Д. 179. Л. 1–1об, 2об.

своих официальных газет, Синельников (так же как в свое время Н.Н. Муравьев) распорядился, чтобы «Иркутские губернские ведомости» выписывались всеми присутственными местами Восточной Сибири для ознакомления с его распоряжениями с целью поддержания «законного порядка и в особенности между сельским населением» (1871. № 36. 4 сент.). Официальная часть «Иркутских губернских ведомостей» стала открываться «рядом грозных, требовательных и по-своему красноречивых циркуляров»⁸⁶⁰. Приведем некоторые выдержки из них: «Из подаваемых мне прошений, представляемых следствий и, наконец, при объезде моем я лично удостоверился, что взыскание податей и других сборов в инородческих ведомствах производится совершенно без всяких правил и порядка...» (1872. № 30. 9 марта); «... я нашел вообще почтовую часть не в удовлетворительном состоянии: станции содержатся неопрятно, некоторые по московской дороге отапливаются листовыми железными печами, которые начинают топить по прибытии проезжающих, от чего происходит какой-то жгучий жар с чадом, безусловно, вредным для здоровья...» (1872. № 39. 30 марта); «... я опять, при обратном проезде моем из Петербурга, получил множество жалоб на притеснения и медленность в производстве следствий, в особенности по Енисейской губернии, а произвол дошел до того, что исправник Ачинского округа сменил волостного писаря, выбранного обществом, сам определил в волостные писаря лицо, лишенное права состояния за растрату денег и подлог» (1872. № 128. 24 окт.).

Печатные «разносы» подчиненных в первые годы генерал-губернаторства Н.П. Синельникова прекратились в 1873 г. В 1876 г. по ходатайству властей Енисейской губернии и Забайкальской области Главное управление Восточной Сибири разрешило прекратить обязательную выписку «Иркутских губернских ведомостей» местными должностными лицами и учреждениями, поскольку все помещаемые в них распоряжения перепечатывались в «Енисейских» и «Забайкальских» ведомостях», а выписка «Иркутских» ведомостей только увеличивала недоимки ее редакции⁸⁶¹. Вместо развития неофициальной части правительственного издания Н.П. Синельников принял решение допустить издание в Иркутске частной газеты – «Сибирь». В марте 1872 г. генерал-губернатор ответил на министерский запрос, что «не встречает

⁸⁶⁰ Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891. С. 94.

⁸⁶¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2042. Д. 220. Л. 5.

препятствий к ее изданию» и цензурирование ее «предполагает поручить особому чиновнику, по его выбору»⁸⁶². Однако «Сибирь», начавшая издаваться с 1873 г., не приобрела характера сервильной и стерильной газеты, доставляя своими публикациями много хлопот местной администрации⁸⁶³. По оценке Главного управления по делам печати она приобрела «предосудительное направление» и перестала соответствовать «принципам, имевшимся в виду при разрешении этого издания»⁸⁶⁴. Новый генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс вновь входил в Министерство внутренних дел с просьбой об учреждении в Иркутске должности отдельного цензора, обращая внимание на неудовлетворительную оценку деятельности на этом посту уже четырех сменившихся чиновников (исполнявших также и свои прямые служебные обязанности) как со стороны Главного управления по делам печати, так и со стороны своего прямого восточносибирского начальства. При этом в случае публикации в подцензурном издании чего-либо запрещенного, предосудительного или оскорбительного цензор (или чиновник, выполнявший его обязанности) разделял ответственность с редакцией. Главное управление по делам печати вновь отказало в учреждении отдельной цензорской должности, мотивируя, что это обременительно для государственного казначейства и нецелесообразно ввиду недолгого срока жизни частных провинциальных газет⁸⁶⁵.

22–24 июня 1879 г. Иркутск постигло стихийное бедствие – пожар уничтожил большую и красивейшую часть города. Полностью сгорело и здание губернского правления, в котором находилась губернская типография, с № 51 от 4 июля 1879 г. «Иркутские губернские ведомости» вновь вернулись к еженедельной периодичности (газета выходила по средам, в 1885 г. – по субботам) и некоторое время (до марта 1880 г.) печатались в частной типолитографии Н.Н. Сеницына. В 1880 г. для восстановления полиграфических мощностей Иркутского губернского правления была приобретена скоропечатная машина⁸⁶⁶ и два ручных литографических станка⁸⁶⁷.

⁸⁶² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2030. Д. 43. Л. 27.

⁸⁶³ Предложения об ужесточении цензурирования «Сибири» стали поступать из Главного управления по делам печати уже в период руководства газетой П.А. Клиндером, а не только при В.И. Вагине и А.П. Нестерове (см.: Мандрика Ю.Л. О печати Сибири и русле советской традиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 196–204).

⁸⁶⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 732. Л. 1.

⁸⁶⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2030. Д. 43. Л. 23–23об, 25–28об.

⁸⁶⁶ Иркутский справочный календарь на 1888 г. Иркутск, 1888. С. 105.

⁸⁶⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 594.Л. 1–9.

В этот тяжелый для иркутян период ведомости взяли на себя функцию организации и координации усилий администрации и жителей города по восстановлению порядка и оказанию помощи пострадавшим. «Не верьте ложным слухам о том, что найдены подметные письма с угрозами новых пожаров и что будто бы объявлено, чтобы все выбирались из города. <...> Ободритесь! Начальство принимает меры к вашей безопасности...», – обращался к горожанам член совета Главного управления Восточной Сибири А.Д. Лохвицкий (1879. № 51. 4 июля). Образованный Комитет помощи погорельцам печатал списки лиц и благодарности сделавшим пожертвования в пользу оставшихся без средств к существованию, информировал о порядке выдачи и продажи хлеба погорельцам, сообщал об ограничении продажи спиртного в пострадавшей от пожара части города. В условиях уничтожения практически всех официальных бумаг «Иркутские губернские ведомости» на своих страницах подтверждали сроки действия контрактов, свидетельства о собственности, распоряжения городской думы, сообщали о выдаче дубликатов и копий различных правоустанавливающих документов, способствовали восстановлению документооборота между губернскими управленческими структурами.

В конце 60–90-х гг. редакторами обеих частей газеты и начальниками газетного стола были чиновники Иркутского губернского правления – И.И. Глазунов⁸⁶⁸ (1868. № 15. 13 апр. – 1870. № 29. 18 июля), П. Попов (1870. № 30. 25 июля – № 31. 1 авг.), канцелярский служитель Д.И. Титов (1870. № 32. 8 авг. – № 33. 15 авг.), Н.Н. Писарев⁸⁶⁹ (1870. № 34. 22 авг. – 1874. № 107. 29 окт.), И. Владыкин (1874. № 108. 1 нояб. – 1875. № 92. 18 нояб.), П. Петухов (1875. № 93. 21 нояб. – № 102. 23 дек.), М. Константинов (1875. № 103. 26 дек. – 1876. № 9. 30 янв.), И. Красиков (1877. № 45. 7 июня 1877 г. – № 83. 18 окт.), губернский секретарь Н.М. Пономарев⁸⁷⁰ (1876. № 10. 3 февр. – 1877. № 44. 3 июня; 1877. № 84. 21 окт. – 1882. № 2. 13 янв.), канцелярский служитель И.П. Попов (1882. № 3. 20 янв. – 1884. № 10. 7 марта), А.И. Дубровский (1884. № 11. 14 марта – 1886. № 13. 26 марта), В. Попов (1886. № 14. 2 апр. – 1887. № 42. 16 окт.), губернский секретарь Е.Е. Гофман⁸⁷¹ (1888.

⁸⁶⁸ *Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 год.* Иркутск, 1870. С. 22.

⁸⁶⁹ *Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 год: адрес-календарь.* Иркутск, 1873. С. 15.

⁸⁷⁰ *Памятная книжка Иркутской губернии на 1877 год.* Иркутск, 1877. С. 28; *Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 год.* Иркутск, 1881. С. 29.

⁸⁷¹ *Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 год.* Иркутск, 1887. С. 20.

№ 49. 7 дек. – 1889. № 7. 15 февр.), губернский секретарь И.П. Шастин⁸⁷² (1887. № 43. 23 окт. – 1888. № 48. 30 нояб.; 1889. № 8. 22 февр. – 1898. № 47. 25 нояб.), губернский секретарь⁸⁷³ В.С. Прокопов (1898. № 48. 2 дек. – 1900. № 13. 29 марта).

Согласно штатному расписанию, исполняющему эти обязанности полагалось 750 руб. оклада (500 руб. жалованья и 250 руб. столовых), что было сопоставимо с вознаграждениями за труды других средних губернских чиновников (например, столоначальник по делам земских повинностей получали 640 руб., а чиновник особых поручений – 900 руб.⁸⁷⁴). Должность редактора, смотрителя типографии и начальника газетного стола должен был исполнять чиновник IX класса (титularный советник), однако часто ее занимал обыкновенный канцелярский служитель, т.е. чиновник без чина (например, И.П. Попов⁸⁷⁵ или вступивший в гражданскую службу отставной ректор Нерчинского духовного уездного училища А.И. Дубровский⁸⁷⁶). Редактора ведомостей могли отрывать от дел и направлять в служебные командировки (с сохранением получаемого жалованья). Так, в 1886 г. для обзора Иркутского и Верхотурского округов, а затем для постройки в селении Александровское пересыльной тюрьмы был отправлен губернский секретарь Е.Е. Гофман. Последнее задание им было выполнено только в конце 1888 г. Вместо него обязанности редактора и начальника газетного стола исполнял канцелярский служитель В. Попов⁸⁷⁷.

В 1881 г. ведомости как правительственные издания были освобождены от предварительной цензуры, с изданием под ответственностью губернского начальства⁸⁷⁸. Цензурирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых не было цензурных учреждений, возлагалось лично на вице-губернаторов или председателей губернского правления, «без производства особого вознаграждения»⁸⁷⁹. Одновременно с этим Главное управление по делам печати распространило разъяснение, что губернаторы и на-

⁸⁷² Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891. С. 7.

⁸⁷³ Памятная книжка Иркутской губернии на 1901 год. Иркутск, 1900. С. 5.

⁸⁷⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 150. Л. 6, 7, 11

⁸⁷⁵ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1787. Л. 3об.

⁸⁷⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1760. Л. 1., 12–12об.

⁸⁷⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1949. Л. 1–5об.

⁸⁷⁸ ПСЗ. Собрание 3-е. СПб., 1885. Т. 1. № 420; РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. 1871 г. Л. 11–11об.

⁸⁷⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2049. Д. 395. Л. 1. Однако цензуру частных газет все равно осуществляли заменявшие вице-губернаторов особые чиновники, с чем, видимо, смирилось Главное управление по делам печати, используя эту формулировку в своих циркулярах (см., например, циркуляр от 20 октября 1891 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 732. Л. 108)).

чальники областей должны принять «все зависящие от них меры к тому, чтобы придать местным официальным органам то значение и тот характер, которые требуют от них достоинство правительства и пользы дела», и вновь напоминало о том, чтобы в неофициальной части ведомостей не появлялись «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические перепечатки из частных изданий, известия и слухи о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания»⁸⁸⁰. Высочайшее соизволение было воспринято на местах как возможность к расширению программы ведомостей. В начале 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин ходатайствовал перед начальником Главного управления по делам печати П.П. Вяземским о допущении в «Иркутских», «Енисейских» и «Забайкальских» ведомостях политического отдела и разрешении помещать в них опровержения на «неправильные и исполненные ложных доносов статьи и корреспонденции» в столичной прессе. В качестве оснований для такой просьбы Анучин ссылался на «Харьковские» и «Казанские» ведомости, «издающиеся по более широкой программе», и ставшее ему известным во время поездки в Петербург некое распоряжение о расширении программы «для всех вообще губернских ведомостей»⁸⁸¹. Никакого, как отдельного для упомянутых ведомостей, так и общего для всех ведомостей распоряжения не выходило, речь шла лишь об отмене предварительной цензуры. В то же время Вяземский счел возможным удовлетворить прошение Анучина, ссылаясь на ст. 767 «Свода законов» 1876 г. и примечания к ней⁸⁸².

С № 3 от 20 января 1882 г. редактором «Иркутских губернских ведомостей» стал И.П. Попов, объявивший в юбилейный, двадцать пятый, год издания газеты о расширении программы неофициальной части в виде приглашения местным научным и благотворительным обществам, учителям, священникам и другим заинтересованным

⁸⁸⁰ Об освобождении губернских ведомостей от просмотра предварительной цензуры. 29 октября 1881 г. // Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 256.

⁸⁸¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 6. 1882 г. Л. 1–3об.

⁸⁸² Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. Гл. 6: Обнародование распоряжений высшего и местного правительства. Ст. 767.

лицам присылать в редакцию свои отчеты, труды, сведения по истории, этнографии и статистике края (1882. № 3. 20 янв.). Обращение Попова, повторенное в последующих номерах (1882. № 4. 27 янв.; № 5. 3 февр.), было аналогичным тем, с которым сибирские ведомости обратились к читателям в первые годы своего издания. Просьба не нашла должного отклика – в неофициальную часть присылались лишь те материалы, которые возникали как результат работы различных организаций, не требовали специальных усилий по их составлению и должны были быть доведены до всеобщего сведения печатно – отчеты банков и ссудно-сберегательных товариществ, общества для оказания пособия учащимся в Восточной Сибири, иркутской публичной библиотеки, женского отделения Иркутского губернского тюремного комитета. Сам редактор занялся выборкой заметок и сообщений о Сибири из «Правительственного вестника» и перепечатками статей из губернских и областных ведомостей в рубрике «Разные известия». В «Местных известиях» сообщалось о постройках в Иркутске после пожара 1879 г. и о вскрытии рек в Иркутской губернии (1882. № 23. 9 июня). В статье «Памятники древности Сибири» рассказывалось о коллекциях в музее Восточно-Сибирского отдела РГО в Иркутске и «Минусинского публичного местного музея» Н.М. Мартыанова (1882. № 25. 23 июня). Иркутский губернатор С.И. Носович извещал читателей и вышестоящее начальство о средствах, употребленных на приобретение зерновых и огородных семян в Москве для распространения их среди жителей губернии (1882. № 17. 28 апр.; № 18. 5 мая).

В 1883 г. эксперимент по обновлению неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» прекратился, она вновь сократилась и в течение шести лет являлась лишь справочно-рекламным приложением к официальной части⁸⁸³. В 1889 г., при новом иркутском генерал-губернаторе А.Д. Горемыкине, газета приобрела новый облик – в ней стали печататься новости из центральных изданий и других губернских ведомостей о событиях в России и мире (рубрики «Внутренние известия» и «Разные известия»), сообщения о выходящих в свет книгах («Научные и литературные новости») и полезные советы по домоводству (рубрика «Общепользные сведения»).

⁸⁸³ Изменялся лишь формат газетного блока – в 1882–83 гг. «Иркутские губернские ведомости» по форме напоминали первые годы своего издания и выходили «в четверку» – 26 x 22 см, общим объемом до 36 страниц. С № 46 от 17 ноября 1883 г. они увеличились до 35 x 21 см, с № 36 от 4 сентября 1887 г. выросли до формата 50,5 x 34,5 см, а в 1888 г. вернулись к привычному полулисту (43 x 27 см) и выходили в таком виде до 1900 г.

Вот как, например, выглядело содержание одного из номеров: «*Внутренние известия*. Японский чай. Землетрясение в Семиречинской области. Об обычае “гулянья молодых” в Ярославской губернии. *Разные известия*. Первая казнь с помощью электричества в Америке. Падающие звезды как причина пожаров. Пожар от оконных стекол. Потребление спичек в Европе. Летоисчисление человеческой жизни. *Общепользные сведения*. Влияние очень теплой воды на растения. Переполировка мебели. Исправление затхлого овса. Предохранение сена от загнивания и порчи» (1889. № 13. 29 марта). В рубрике «Хроника» были представлены местные новости – об открытии в Иркутске женской образцовой церковно-приходской школы (1889. № 14. 5 апр.), о назначении бывшего иркутского генерал-губернатора А.П. Игнатьева на должность товарища министра внутренних дел (1889. № 29. 19 июля), о начале издания в Красноярске «Справочного листка Енисейской губернии» (1889. № 42. 18 окт.) и т.д. По материалам московских газет рассказывалось о путешествии сотника Амурского казачьего войска Д.Н. Пашкова, который 7 ноября 1889 г. верхом выехал из Благовещенска-на-Амуре и 3 мая 1890 г. прибыл в Москву. Конечным пунктом этого пути в 8 тысяч верст была столица Российской империи (1890. № 26. 27 июня; № 27. 4 июля; № 29. 18 июля). Не забывались и соседи из Западной Сибири. Так, например, сообщалось о наводнении в Томске, когда весной 1890 г. была затоплена половина города. Иркутянам предлагалось, «вспомнив помощь, оказанную многими томичами Иркутску в годы пожара», начать сбор пожертвований в пользу пострадавших (1890. № 21. 23 мая). Книжный магазин П.В. Михайлова и П.И. Макушина, открытый в Томске в 1873 г., ставился в пример «плохой книжной лавке» Иркутска и назывался одним из лучших книгопродавческих фирм России, наравне с книжным складом М.М. Стасюлевича в Петербурге (1890. № 13. 28 марта).

С № 18 от 2 мая 1890 г. в «Иркутских губернских ведомостях» стали размещаться телеграммы Северного телеграфного агентства (СТА), учрежденного в С.-Петербурге 23 мая и начавшего свою деятельность 1 августа 1882 г. На СТА правительством были возложены функции бесплатной передачи губернаторам распространяемых им сообщений и официального опровержения ложной (или считаемой за таковую) информации. В свою очередь, Министерство внутренних дел предписывало губернаторам, в том числе и сибирским, отвечать на запросы СТА относительно разъяснения или про-

верки подлинности полученных агентством известий, а также всячески содействовать распространению печатных бюллетеней агентства, освобожденных от всякой цензуры⁸⁸⁴. В 1891 г. редакция «Иркутских губернских ведомостей» приобрела право выпуска ежедневных телеграфных бюллетеней, с подписной ценой 3 руб. в Иркутске и 7 руб. при подписке на одни бюллетени.

В 1888 г. в Иркутск из Петербурга было перенесено «Восточное обозрение», которое, после прекратившейся в 1887 г. «Сибири», стало выполнять функции региональной общественно-политической газеты, обеспечивая своими передовыми, корреспонденциями, новостями и фельетонами информационные потребности местного образованного общества. Неофициальная часть официальной губернской газеты признавала первенство такого авторитета («... местная сибирская печать, одним из руководителей которой состоит и г. Ядринцев...» (1890. № 20. 16 мая); «Нам уже не раз приходилось цитировать ... одного из наиболее известных исследователей Сибири Н.М. Ядринцева» (1890. № 35. 29 авг.)) и старалась в меру своих сил также вносить вклад в «разработку» основных вопросов развития восточносибирского края: статьи «Значение, выгоды и нужды переселений» (1890. № 31. 1 авг.; № 33. 15 авг.; № 35. 29 авг.), «Заезжий “интеллигент” о деревне в Тунке» (1890. № 37. 12 сент.), «К вопросу о введении в Сибири земских учреждений» (1890. № 36. 5 сент.), «Сельское хозяйство Иркутской губернии» (1890. № 41. 10 окт.; № 42. 17 окт.; № 44. 31 окт.). Отсутствие собственных корреспондентов заменялось выборкой публикаций о Сибири из столичных газет, с комментариями и замечаниями редактора неофициальной части И.П. Шастина.

Число подписчиков на «Иркутские губернские ведомости» в 1888 г. по понятным причинам уступало подписчикам «Восточного обозрения», но цифры выглядели вполне сопоставимыми – около 700 (из них 140 городских) против 1250 (из них городских – 328)⁸⁸⁵. Изменения, произошедшие с «Иркутскими губернскими ведомостями», отметил томский «Сибирский вестник»: «Мы называли руководящие статьи нынешних “Иркутск. Губернск. Ведом.” “дельными”, “толковыми”, “интересными”. <...> Такое же мнение об этих статьях мы слышали в Иркутске от многих и очень многих читателей. Под многими из высказанных здесь

⁸⁸⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 106. Л. 143–144об.

⁸⁸⁵ Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. С. 168.

мнений, по самым животрепещущим вопросам, большинство читателей готовы подписаться обеими руками». В то же время «Сибирский вестник» советовал ведомостям не терять свое официальное лицо и уделять больше внимания освещению деятельности местных правительственных органов и общественных учреждений, поскольку они «располагают своим особым материалом, который находится в их исключительном пользовании и совершенно почти недоступен редакции частной газеты»⁸⁸⁶.

В соответствии с последними правительственными распоряжениями в отношении Сибири на страницах иркутской официальной газеты были подняты такие темы, как переселенческий вопрос (закон 1889 г. о переселении на казенные земли), вопрос о ссылке в Сибирь (записка начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского 1886 г. о замене ссылки тюремным заключением и обособлении ссыльно-поселенческих колоний), а также проект строительства Транссибирской магистрали (в 1888 г. план строительства Транссиба был принят Комитетом министров). В отношении проектов будущей сибирской железной дороги в «Иркутских губернских ведомостях» (1890. № 12. 21 марта; № 28. 11 июля; № 31. 1 авг.) высказывалось мнение о необходимости скорейшего начала строительных работ и об обязательном проведении железной дороги через территорию Сибири (а не Средней Азии и Китая), в пределах Южно-Уссурийского края и Забайкалья (иркутяне опасались, что обход озера Байкал с северной стороны оставит столицу Восточной Сибири вне нового магистрального пути). В статье «Извозный промысел и сибирская железная дорога» И.П. Шастин выступил против мнения члена Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества М.М. Дубенского об упадке извозного промысла в Иркутской губернии и как следствие обеднении всего земледельческого населения края после проведения сибирской железной дороги. Шастин называл такое утверждение «абсурдным» и не могущим «распространяться на целое ученое учреждение <...> Ни страна, ни местное население ничего не потеряют, но очень много выиграют, если железная дорога, убив перевозку чаев на лошадях, заменит этот тощий источник зимнего существования притрактового

⁸⁸⁶ Дигамма. Фельетон «Сибирского Вестника». Иркутские письма, 12 сентября 1890 г. // Сибирский вестник. 1890. № 110. 26 сент. С. 1–2; Под псевдонимом «Дигамма» писал в сибирских газетах ссыльный народник М.Н. Васильев (*Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь от предшественников декабристов до падения царизма*. М., 1933. Т. 3. Вып. 1. С. 539–541).

населения, развитием обрабатывающей промышленности и правильной торговли во всей стране». Относительно же возможного наплыва всякого рода дельцов и аферистов, привлеченных подъемом предпринимательской жизни в Сибири, Шастин писал, что «сибирское общество не панургово стадо, которое всякий спекулянт может стричь по своему усмотрению. Мы, по крайней мере, о деловитости и самостоятельности сибиряков лучшего мнения» (1890. № 36. 5 сент.).

Недостаток информации о свободных территориях, отсутствие четкого размежевания между незанятыми землями и землями коренных сибиряков, необходимость дешевых кредитов для поддержки переселенцев назывались в качестве главных причин их обнищания и возвращения на родину. «Сибирские поля, сибирские селения и города с удовольствием и пользою для себя примут нового пахаря, и нового ремесленника, и нового промышленника, ибо они не так еще переполнились, чтобы в громадной мастерской жизни не нашлось места лишнему человеку, раз у него есть голова и руки», – писал в статье «Задача и значение городских статистических переписей в Сибири» П. Палонеженцев (1890. № 11. 14 марта; перепечатка из «Тобольских губернских ведомостей»). Редактор «Иркутских губернских ведомостей» И.П. Шастин, соглашаясь с автором в необходимости сбора данных о положении добровольных переселенцев и ссыльных, отмечал, что в Иркутской губернии в 1886 г. доля последних составляет 26,5 % всего мужского населения, и в большинстве случаев эти «невольные пришельцы» бродяжничают, промышляют грабежами и убийствами. Более 40 % переселенцев, прибывших в Томск в 1889 г., не имели средств, чтобы двигаться дальше. «Месяца через полтора по сибирским рекам откроется навигация, потянутся новые толпы переселенцев. Чем и как примет их Сибирь? Что найдут и чем сделаются в ней люди, составляющие «условие ее питания, роста и приобретения жизненных сил в будущем”», – писал по этому поводу И.П. Шастин, цитируя труд Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1890. № 13. 28 марта)⁸⁸⁷.

В продолжающейся статье «По вопросу о ссылке» отрицалось значение принудительных поселенцев как колонизационного ресурс-

⁸⁸⁷ Правильное хозяйственно-статистическое исследование сибирских губерний было начато в конце 80-х гг., когда опыт земской статистики европейской части России был применен Н.М. Астыревым, Л.С. Личковым и Е.А. Смирновым к Иркутской и Енисейской губерниям. См.: *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний*. Иркутск, 1889. Т. 1; М., 1890. Т. 2; 1893. Т. 3; 1894. Т. 4.

са для восточных губерний России (таким топонимом Сибирь обозначалась в центральных газетах): «Мы смело утверждаем, что ссылка, в какой бы форме она ни применялась, нигде и никогда исправлению порочных людей не служила и служить не может, что Сибирь в настоящее время достигла той степени гражданственности, которая несовместима с дальнейшим наводнением ее ссыльным элементом, и что Иркутская губерния, в особенности по местным условиям, не представляет ни малейших удобств, для какой бы то ни было “штрафной колонизации”» (1890. № 16. 18 апр.). Статья оборвалась в № 22 от 30 мая 1890 г., и ее автор неизвестен. По предположению сибирского журналиста и общественного деятеля К.В. Дубровского, именно она, как противоречащая официальной позиции центральной власти, послужила основанием для предписания со стороны Министерства внутренних дел о возвращении программы «Иркутских губернских ведомостей» в прежние пределы⁸⁸⁸.

В результате с 1891 г. неофициальная часть вновь вернулась к сугубо официальным сведениям – хронике происшествий, списку дел, назначенных к слушанию в Иркутском губернском суде, вызовам от казенных учреждений и т.д. Только в 1892–93 г. (1892. № 28. 8 июля – 1893. № 48. 1 дек.) в ней было опубликовано окончание летописи П.И. Пежемского, которую печатали еще в первые годы выхода газеты (событийный ряд оканчивался 1807 г.). С № 13 от 30 марта 1894 г. в качестве ее продолжения (события 1807–1856 гг.), с большими перерывами по 1898 год печаталась «Летопись г. Иркутска» В.А. Кротова, переданная в редакцию протоиереем Гр.А. Шерегиным.

Подведем итоги. В 1857–1859 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, до этого дважды ходатайствовавший перед Министерством внутренних дел об открытии в Иркутске губернских ведомостей, использовал неофициальную часть газеты для освещения процессов экономического развития новоприсоединенного края и формирования его привлекательного образа, предания гласности фактов злоупотреблений чиновников, оказания давления на местный торгово-ростовщический капитал, ответов на критические статьи в центральных изданиях. Между тем в газете были представлены и другие жанры: развлекательный фельетон, путевой очерк, этнографический очерк, историческая хроника. Для расширения необязательной подписки был использован административный ресурс, а для придания

⁸⁸⁸ Дубровский К. В. Страничка из истории сибирской печати (К 50-летию «Иркутских губернских ведомостей») // Сибирь. 1907. № 188. 6 июня. С. 2.

неофициальной части соответствующего направления – интеллектуального – ее редакторами стали амнистированный петрашевец Н.А. Спешнев, поступивший на государственную службу и рассматривающий ее как форму легальной общественной деятельности, а затем начинающий сибирский общественный деятель и журналист М.В. Загоскин, который усилил обличительное направление газетных публикаций (что стало дополнительным аргументом для нареканий Н.Н. Муравьеву и его газете со стороны Сибирского комитета и его недоброжелателей в Петербурге). Благодаря самостоятельной позиции редакции, обусловленной доверием генерал-губернатора и его политикой «благонамеренной гласности», газета приобрела демократический характер как по количеству и социальному происхождению пишущих в нее, так и по разнообразию и полноте высказываемых мнений. В дискуссию о пределах и характере гласности с «Иркутскими губернскими ведомостями» вступили и «Енисейские губернские ведомости».

В «послемуравьевский» период «Иркутские губернские ведомости» характеризовались нестабильным направлением и смешанным содержанием, в зависимости от личности редактора (в 1860–63 гг. он сменился девять раз) и информационной конъюнктуры. Выполнять функции популяризации новоприсоединенного края и мер правительства по его освоению должен был официозный «Амур», доставшийся М.С. Корсакову в наследство от Н.Н. Муравьева. В освещении местных событий «Иркутские губернские ведомости» дополняли и, изредка, поправляли авторов и корреспондентов «Амура». Однако отношение нового начальника края к печатному слову было несколько иное, чем у его предшественника, и в 1863 г. первая официозная газета в Сибири прекратила свое существование. С прекращением «Амура» местные литературные и публицистические силы вновь обратились к «Иркутским губернским ведомостям». При редакторе И.М. Нечаеве (конец 1862 – середина 1863 гг.), в работе которого прослеживается индивидуальная редакторская манера, количество публикаций в неофициальной части увеличилось, и она стала превышать по объему официальную. Появились новые жанры – научный и публицистический перевод, литературная рецензия, научная дискуссия. В связи с готовящейся в стране судебной реформой были подняты новые актуальные темы – высшее образование в Сибири и юридическое образование в рамках как университета, так и средней школы. В Иркутске, в отличие от других городов, в которых появились губернские ведомости (Тобольск, Красноярск, Томск), была резиденция генерал-губернатора

и его администрации, он был научным и образовательным центром всей Сибири. Число общественно активных читателей, читателей пишущих здесь было большим, поэтому неслучайно, что первые публикации о сибирском университете как «наущной потребности» для развития умственной, научной и хозяйственной жизни края появились в «Иркутских губернских ведомостях» (1862. № 46. 17 нояб.; 1863. № 2. 12 янв.; № 13. 30 марта). Хотя необходимость открытия сибирского университета осознавали все мыслящие люди Сибири 60-х гг.: «В последнее время ни одна корреспонденция из Сибири не обходится без того, чтобы не указать на необходимость учреждения в ней университета. А ведь не одна же рука пишет во все газеты?»⁸⁸⁹. Статья М.В. Загоскина, написанная в областническом духе, была отмечена и перепечатана столичными изданиями, а побывавший в Сибири Н.В. Шелгунов обратил внимание на «особенный взгляд сибиряков на Сибирь», представленный в «Иркутских губернских ведомостях» 1862 г. Как газета местная и относительно новая ведомости вызывали вокруг себя мнения, надежды, ожидания и, главное, советы со стороны более опытных и старших представителей газетного мира.

С конца 1863 г., при новом редакторе «Иркутских губернских ведомостей» А.В. Трапезникове, в неофициальной части публиковались, главным образом, краеведческие и этнографические очерки, материалы, касавшиеся деятельности статистических комитетов, информационные сообщения различных благотворительных и общественных учреждений Иркутска. В дискуссионном ключе обсуждалась тема методов преподавания в иркутской гимназии. Злободневный характер газеты в этот период проявился в полемике с «Иркутскими епархиальными ведомостями» и «Сибирским вестником». С духовным официальным «собратом» обмен мнениями шел по вопросам соотношения религиозных и светских начал в повседневной жизни города и сфере образования (при этом оба издания апеллировали не только к рядовым читателям, но и к начальственным подписчикам). В этих прениях столкнулись системы взглядов представителей различных исторических эпох – средневекового пастыря и рационалиста Нового времени. Редактор «Иркутских епархиальных ведомостей» П. Громов называл причиной иркутского землетрясения гнев Божий, демонстрировал нетерпимость к перебежчикам из духовного звания, называя их «худшими тваря-

⁸⁸⁹ Загоскин М. Что нам необходимо в особенности // Иркутские губернские ведомости. 1863. № 13. 30 марта. С. 5.

ми». Сегуя на невнимание со стороны дирекции училищ Иркутской губернии и малое число подписчиков руководимой им газеты (в действительности сопоставимое с тиражами светских изданий), он утверждал, что их чтение обязательно для спасения души, поскольку они «главным образом вращаются около событий жизни почивающего среди них [иркутян] Угодника Божия»⁸⁹⁰. Полемика с «Сибирским вестником» возникала, главным образом, по поводу личности и деятельности его редактора и как ответ обиженных милютинскими фельетонами известных иркутян. Следуя правилу, что лучший способ выиграть в споре – это классифицировать своего собеседника, Милютин дал «Иркутским губернским ведомостям» уничижительно-ироничную характеристику в статье «Иркутская пресса»⁸⁹¹, которая в качестве первого опыта написания истории восточносибирской печати конца 50-х – середины 60-х гг., что называется по горячим следам, стала хрестоматийной⁸⁹² (оценки же, данные «Сибирскому вестнику» в «Иркутских губернских ведомостях», остались без должного внимания исследователей).

В полемике «Иркутских губернских ведомостей» с «Епархиальными ведомостями» и «Сибирским вестником» они чаще всего были партнером, парирующим выпады оппонента. Это придавало «Иркутским губернским ведомостям» публицистический общественный характер, но нарушало разрешенную правительством для губернских ведомостей программу. Необходимость выполнения распоряжения МВД об уменьшении расходов губернской типографии (которому легче всего было следовать путем сокращения неофициальной части), а также косвенное влияние дела областников, в котором оказались замешаны некоторые авторы «Иркутских губернских ведомостей», привели к тому, что неофициальная часть с середины 1865 г. утратила свое самостоятельное значение и вошла в состав официальной части на правах статистического, этнографического и рекламного приложения. Хотя

⁸⁹⁰ Прокопий Громов. Отчет об издании «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1865. № 3. 16 янв. С. 27.

⁸⁹¹ «... Губернские ведомости, как издание бессмертное, потянули свое вялое существование, не выдаваясь уже ничем из ряда подобных изданий <...> на них неизгладимо лежит печать “казенной важности” и “строжайшей умеренности”. Они не прочь задеть кое-кого, но так как для подобной роли они слишком серьезны, то пускаемые ими стрелы не изъезжены лицепрития» (Милютин Б.А. Иркутская пресса // Сибирский вестник. Иркутск, 1865. № 29. 12 марта. С. 1.

⁸⁹² Любимов Л.С. История сибирской печати XVIII – начала XX вв. Хрестоматия. Иркутск, 2004. Кн. 1. С. 80–81.

в критические моменты (пожар 1879 г.) она выполняла важную функцию по поддержанию общественного порядка. Функции региональных общественно-политических изданий перешли к частным газетам – «Сибири» (1873–1887) и «Восточному обозрению» (1888–1905), с которыми местные власти пытались наладить приемлемые для себя отношения, не без использования методов административного и цензурного давления. Попытки оживления неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» со стороны генерал-губернаторской власти предпринимались в 1871, 1882 и 1889 гг., однако с 1890 г. она вновь стала издаваться по сокращенной программе.

3.5. «ЕНИСЕЙСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Среди губернских ведомостей Сибири первая газета, появившаяся в Красноярске 2 июля 1857 г., изучена менее всего. «Енисейские губернские ведомости» стали выходить по вторникам, чуть меньшим форматом (24,5 x 18,5 см), стоимостью подписки в 3 руб. сер. (с 1859 г. – 5 руб.), объемом 8–16 страниц и без неофициальной части, хотя в первом же номере читателей приглашали присылать статьи в редакцию, которая «незамедлит поместить их в ведомостях, коль вскоре впоследствии разрешение о цензуре, и содержание таковых статей будет непротивно установленным на сей предмет правилам»⁸⁹³. В 1858 г. «Енисейские губернские ведомости» стали выходить по субботам, с сентября к официальной части добавилась неофициальная, с отдельной сквозной нумерацией, объемом 4–8 страниц. Обязанности редактора неофициальной части исполнял губернский секретарь С. Миропольский⁸⁹⁴, а с № 43 от 25 октября 1858 г. – М. Масловский. Согласно постановлению Сибирского комитета 8 августа 1858 г. о передаче цензуры неофициальной части губернаторам, с № 44 от 1 ноября 1858 г. ее подписывал губернатор В.К. Падалка.

Енисейская губерния была одним из основных центров золотопромышленности Сибири, поэтому для читателей из местного купечества, горных инженеров и чиновников, статьи об усовершенствованиях в этой сфере имели большее практическое значение, чем об истории и этнографии края. «В настоящее время у нас одна новость, один почти предмет разговоров: пакулевская сис-

⁸⁹³ *Енисейские губернские ведомости*. 1857. № 1. 2 июля. С. 1.

⁸⁹⁴ *Енисейские губернские ведомости*. 1858. № 38. 20 сент. Часть неофициальная. С. 3; *Енисейские губернские ведомости*. 1858. № 43. 25 окт. Часть официальная. С. 492.

тема разработки золотоносных россыпей»⁸⁹⁵, – сообщал из Красноярска неизвестный автор. Среди енисейского «промывающего общества», с обсуждением всех технических подробностей, развернулась дискуссия между сторонниками и противниками метода, примененного минусинским промышленником В. Пакулевым в Калифорнии, а также по поводу возможностей ленточного песковоза А.Н. Лопатина⁸⁹⁶. Оба изобретения получили широкое распространение. В 1863 г. отставной полковник А.К. Шепетковский, выкупивший патент на пакулевский способ у его изобретателя, обращался через официальную газету к владельцам приисков Ачинского и Минусинского округов с требованием выплачивать ему по 10 руб. с рабочего, употреблявших новые решетки, бруски и учащенные плинтуса⁸⁹⁷. Ни в «Томских», ни в «Иркутских», ни в «Тобольских» ведомостях не размещалось столько стихотворных произведений, как в «Енисейских». В 1858–64 гг. их было опубликовано четырнадцать, по большей части представлявших собой насыщенную местным колоритом профессиональную и бытовую лирику – перемещение по таежному бездорожью⁸⁹⁸, о пользе нового способа золотодобычи⁸⁹⁹, поздравление

⁸⁹⁵ *Вести из Красноярска* // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 42. 18 окт. С. 23–25.

⁸⁹⁶ *Лавровский Г.* Нечто в защиту нового способа промывки золота // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 39–40. 27 сент. – 4 окт. С. 5–14; *Лавровский Г.* Описание нового способа промывки песков и снятия торфа // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 41. 11 окт. С. 19–22; *Пакулев В.* О русской золотопромывальной бороне, сожженной в Калифорнии, и еще о новой системе разработки золотых приисков // Енисейские губернские ведомости. № 45. 8 нояб. С. 41–46; № 46. 15 нояб. С. 57–63; *Сон Р.А. Черносивтова* // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 4. 24 янв. С. 15–21; *Черносивтов Р.А.* О вновь изобретенной золотопромывальной машине «Песковоз» // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 47. 21 нояб. С. 241–242; *Черносивтов Р.А.* По поводу пакулевского способа // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 3. 17 янв. С. 9–11; *Лопатин А.Н.* Ответ на нечто о новой машине Лопатинской // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 21. С. 82–84.

⁸⁹⁷ *Шепетковский Ал.* Необходимое объяснение с гг. золотопромышленниками Ачинского и Минусинского округов // Енисейские губернские ведомости. 1863. № 16. 20 апр. С. 64–66.

⁸⁹⁸ «Я еду по гадкой дороге, // Где редкий пройдет пешеход, // Где лошадь чуть двигает ноги, // В корнях и средь грязи болот» и т.д. (*Корсак В.* Тайга // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 41. 11 окт. С. 17–18; № 42. 18 окт. С. 25–26; № 44. 1 нояб. С. 39–40).

⁸⁹⁹ «... если сила механизма, // заменяет силу рук – // Мы трудились для комизма, Истощив две силы вдруг // Кроме силы лошадиной, // Таратаек и колес, // Не включая в список длинный // Ни железо, ни овес!» и т.д. (*Корсак В.* 12 декабря, с. Шушь, Минусинского округа // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 1. 2 янв. С. 3–4).

с новым годом «торгового брата»⁹⁰⁰, выход рабочего с таежного прииска⁹⁰¹, о смерти любимой собаки⁹⁰², о самоубийстве задавленного бедностью чиновника⁹⁰³ и т.д.

Привычный для губернских ведомостей жанр этнографического очерка, а также не предусмотренные программой полемические статьи также присутствовали на страницах неофициальной части «Енисейских губернских ведомостей». В этом жанре заметны два автора – минусинский окружной начальник Н.А. Костров⁹⁰⁴ и окружной енисейский врач М.Ф. Кривошапкин⁹⁰⁵. Первая статья Н.А. Кострова в «Енисейских губернских ведомостях» в 1859 г. – это перевод небольшого фрагмента из «Популярной астрономии» французского астронома Франсуа Араго, посвященного возможности существования воды на Луне⁹⁰⁶. В 1859–60 гг.

⁹⁰⁰ «... В прошлом годе не в убыток // Ты весьма поторговал, // Не шадя последних ниток // С миру пошлинку содрал; // Хоть кричал ты, что провозы // Стали больно дороги, // Что твоя торговля – слезы, – // Не сошлись на сапоги; // Что на ярмарке товары // Непомерных стали цен – // И другие тары-бары // Представлял ты, старый хрен...» (В.К., 18 декабря 1862 г., г. Минусинск. С Новым Годом! // Енисейские губернские ведомости. 1863. № 1. 5 янв. С. 1–2).

⁹⁰¹ «... Забуду все, пойду скорее // В питейный денежки мотать. // Будить нарядчик нас не станет, // Звонок рабочий замолчит; // Но лишь весна, весна проглянет, // Опять нас леший и примчит!» (Моисеев С. Прощание таежника (рабочего) // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 8. 22 февр. С. 36–37).

⁹⁰² Уж нет ее... 20 мая 1863 г., г. Красноярск // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 13. 28 марта. С. 54.

⁹⁰³ «... Что ж себе извлек он из такого шага, // Гордо так отринув все мирские блага... // И с людьми и светом прекратив все связи? // Мир костям усталым, выплелся из грязи, // Не пошли с ним рядом скорби и печали: // Все гнались за бедным – наконец отстали!» (В.К. Новая квартира // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 20. 16 мая. С. 84–85).

⁹⁰⁴ В 1851 г. Н.А. Костров опубликовал в журнале «Москвитянин» целый ряд статей, в том числе о коренных и русских жителях Енисейской губернии (Костров Н.А. Современные известия внутренние // Москвитянин. М., 1851. № 8, кн. 2. С. 311–343; Костров Н.А. Из Красноярска. Заметка о курганах южной части Енисейской губернии // Там же. № 9–10, кн. 1–2. С. 1–12; Костров Н.А. Из Красноярска // Там же. № 11, кн. 1. С. 234; Костров Н.А. Заштатный город Туруханск // Там же. № 13, кн. 1. С. 33–38; Костров Н.А. Из Красноярска // Там же. № 15, кн. 1. С. 230–231; Костров Н.А. Камачинцы // Там же. № 18, кн. 2. С. 100–110; Костров Н.А. Онские селения // Там же. № 24, кн. 2. С. 245–270). В 1852–1855 гг. Костров исполнял должность делопроизводителя Енисейского статистического комитета, затем стал его членом-корреспондентом.

⁹⁰⁵ Кривошапкин Михаил Фомич (1829–1900) родился в Енисейске, в 1854 г. окончил медицинский факультет Казанского университета и стал окружным врачом в Красноярске, а с 1857 г. – в Енисейске. В 1860 г. – оператор (хирург) Енисейской врачебной управы. В 1863 г. в Казанском университете защитил докторскую диссертацию (Фельде (Борхвальдт) О.В. Михаил Фомич Кривошапкин: штрихи к портрету // Енисейская провинция: 70-летию Красноярского края посвящается. Красноярск, 2004. Вып. 1. С. 55–59).

⁹⁰⁶ Кн. К–въ. Есть ли на Луне вода? (Из популярной астрономии Араго) // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 38. 20 сент. С. 3–4.

извлечения из этой книги были продолжены⁹⁰⁷. Тематику дальнейших его публикаций определило, главным образом, место службы Н.А. Кострова – Минусинский округ, его жители, история и природа⁹⁰⁸. За «постоянные и полезные труды по описанию Енисейской губернии», сотрудничество с Сибирским отделом РГО и за отправленную в Археологическое общество копию надписей на надгробных камнях минусинский окружной начальник был отмечен благодарностями губернатора и генерал-губернатора⁹⁰⁹. Несколько в стороне от местных сюжетов находились сообщение о днях рождения у древних римлян⁹¹⁰ (Костров увлекался переводами из античных авторов⁹¹¹) и песенные переводы с

⁹⁰⁷ *Статья князя Н. Кострова. Вулканы, действующие ныне на земном шаре (Из популярной астрономии Араго) // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 1. 3 янв. С. 1–3; № 2. 10 янв. С. 5–7; № 3. 17 янв. С. 13–14; № 6. 7 февр. С. 31–33; № 10. 7 марта. С. 51–54; 1860. № 8. 20 февр. С. 29–31; № 9. 27 февр. С. 32–35; Костров Н.А. Глубина морей (Из популярной астрономии Араго) // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 51. 19 дек. С. 256–257.*

⁹⁰⁸ *Костров Н.А. Страна мраков Арабского путешественника Ибн-Батуты // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 45. 7 нояб. С. 232–233; Костров Н.А. Бельтиры // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 48. 29 нояб. С. 75–77; № 49. 6 дек. С. 81–85; Костров Н.А. Аскыс // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 51. С. 93–96; № 52. 27 дек. С. 97–98; Костров Н.А. Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 11. 4 марта. С. 88–89; № 12. 21 марта. С. 92–93; № 13. 28 марта. С. 100–102; № 15. 11 апр. С. 110–112; № 16. 18 апр. С. 99–101; № 20. 16 мая. С. 129–132; № 21. 23 мая. С. 135–136; № 22. 30 мая. С. 138–140; № 23. 6 июня. С. 141–144; № 24. 13 июня. С. 145–148; № 25. 20 июня. С. 149–152; № 26. 27 июня. С. 153–156; № 27. 4 июля. С. 157–160; № 30. 25 июля. С. 168–173; Костров Н.А. Месторождение мрамора в Минусинском округе // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 44. 31 окт. С. 228–230; Костров Н.А. Енисей на пространстве Минусинского округа // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 5. 30 янв. С. 17–20; № 6. 6 февр. С. 21–24; № 7. 13 февр. С. 25–26; Костров Н.А. Очерк Шушенской волости Минусинского округа (статья получена из статистического комитета) // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 35. 27 авг. С. 137–140.*

⁹⁰⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5об.

⁹¹⁰ *Костров Н.А. Дни рождения у древних римлян // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 19. С. 75–78; № 20. 14 мая. С. 79–81.*

⁹¹¹ Оказавшись в 1862 г., после перевода из Минусинска в село Спирино Барнаульского округа, в должности комиссионера по казенной соляной операции, Н.А. Костров на протяжении трех лет написал 29 текстов в самых разных жанрах – переводы, стихи, научно-популярные очерки. Среди них значительными по количеству и объему были работы, написанные на основе интереса к античной любовной лирике. «Из этюдов о женщинах римских эротических поэтов» (146 л., черновой автограф); «Женщины римских эротических поэтов» (10 л., неоконченная статья, беловой автограф); «Андриянка. Комедия Теренция» (34 л., перевод с латинского); «Гетеры Древней Греции» (89 л., черновой автограф); «Дафнис и Хлоя. Роман Лонга» (38 л., неоконченная статья); «Древние еврейки» (40 л., черновой автограф); «Сатурналии» (12 л., черновой автограф); «О положении женщин в Китае» (10 л., статья); «Вторая супруга короля Сигизмунда-Августа» (36 л., статья); «Женщины Горация» (24 л., статья); «Из Овидия» (2 л.,

чешского⁹¹². В публикациях, претендующих на литературу, Н.А. Костров уделял много внимания стилистической обработке произведения, отходя от основной темы повествования (как, например, в рассказе-очерке о посещении им «замечательной пещеры»⁹¹³) или перегружая его воображаемыми диалогами (как, например, в неопубликованных «Сибирских заметках»⁹¹⁴).

М.Ф. Кривошапкин начал свою работу в ведомостях с более прозаической и практической заметки – «Кое-что о черемше»⁹¹⁵. Сфера профессиональных интересов была представлена статьями о причинах цинги в Енисейском округе⁹¹⁶, о водоочении⁹¹⁷ и о применении в лечебных целях трав и растений⁹¹⁸. В народной медицине автор видел не «унижение учености», а обращение к природе как «книге», «вечно раскрытой пред нами и заключающей неизмеримо больше

статья); «Песнь песней» (12 л., пьеса в пяти актах); «Сафо» (14 л., статья) (См.: ОРКП НБ ТГУ. Архивные фонды. Вып. 2. Николай Алексеевич Костров. Опись архива / сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2004).

⁹¹² Чешские песни, перевод с чешского // Енисейский губернские ведомости. 1860. № 42. 15 окт. С. 165–166.

⁹¹³ «Пещера осталась неисследованною, но я все-таки был так доволен своею поездкою, был в таком безотчетно счастливом расположении духа, в каком редко случается быть человеку. Теперь дорога шла все под гору, и усталые лошади бодро бежали вперед, вливая вечерний воздух. В иных местах колеса моего тарантаса беспощадно врезывались в роскошные полянки, поросшие светло-голубым ирисом, крупными незабудками, желтыми колокольчиками и кустами таволжника, белевшего как снег на зеленом бархате травы. При губительном прикосновении железа бедные цветы грустно склоняли свои роскошные чашечки, благоухавшие тонким ароматом. Мне невольно пришли на память стихи Шелли: “Цветок сегодня улыбается, а завтра уже нет его! Быстро летит время, и не остановить его человеческой руке! Что такое наслаждение сердца? Блеск молнии среди ночного мрака, яркий, но не уловимый!”» (Костров Н.А. Тесинская Пещера // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 43. 24 окт. С. 225–227).

⁹¹⁴ «Сибирские записки» о Красноярске, в котором сам Костров пробыл более 9 лет, велись от лица чиновника, остановившегося на месяц в городе. Молодой купец при встрече с ним цитирует Гейне и на просьбу «сообщить о главнейших страницах истории города» разражается подробным справочным очерком, объемом в два листа (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23).

⁹¹⁵ Кое-что о черемше (статья г. Кривошапкина) // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 38. 20 сент. С. 1–3.

⁹¹⁶ Кривошапкин М.Ф. О причинах цинги в Енисейском округе // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 43. 25 окт. С. 29–32; № 44. 1 нояб. С. 35–39; № 45. 8 нояб. С. 46–52; № 47. 22 нояб. С. 69–73.

⁹¹⁷ Кривошапкин М.Ф. О минеральных водах // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 26. 25 июня. С. 102–104.

⁹¹⁸ Кривошапкин М.Ф. Из медико-топографического описания, представленного в 1858 году в Енисейскую врачебную управу // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 31. 1 авг. С. 174–177; № 32. 8 авг. С. 178–181; № 33. 15 авг. С. 182–186; № 34. 22 авг. С. 187–190.

ученых книг вместе»⁹¹⁹. В то же время молодой врач подробно описал теоретические основания и собственную практику применения новейшего для середины XIX в. электротерапевтического метода – фарадизации⁹²⁰, заключив, что «вся премудрость еще у нас в столицах», а провинции «лишены средств к умственной жизни и деятельности»⁹²¹. С «грустью сердца» енисейцы восприняли новость об отъезде Кривошапкина, который был здесь «не только лекарем», а «другом» и «братом», оказывавшим помощь всем нуждающимся, без исключения – богатым и бедным, и в любое время – и днем и ночью⁹²². Текст благодарственного письма заканчивался 24 подписями – почтмейстера, священника, учителей, заседателей, секретарей, столоначальников и других пациентов выдающегося для своего времени врача и человека.

В обширном и подробном этнографическом очерке о енисейских осяках (кетах)⁹²³, которых уже в описываемое время было не более 900 человек, видна гражданская позиция автора, выступившего в защиту поэтических форм (а не только письменных) исторической памяти коренных сибиряков и за их право на сыроедение⁹²⁴, которое, по собственным наблюдениям автора, не раз приводило к спасению жизни тяжело больных. Перейдя к описанию тунгусов (эвенков), М.Ф. Кривошапкин вступил в дискуссию с Н.А. Костровым, обнаруживая неточности в его описании и дополняя его новыми деталями, поскольку, находясь в 1857 г. в служебной командировке в Туруханском крае, Кривошапкин имел возможность многое видеть собст-

⁹¹⁹ Кривошапкин М.Ф. Из медико-топографического описания, представленного в 1858 году в Енисейскую врачебную управу // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 33. 15 авг. С. 182.

⁹²⁰ Кривошапкин М.Ф. Фарадизация в Енисейске // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 11. 12 марта. С. 41–45; № 12 19 марта. С. 46–49; № 13. 26 марта. С. 50–51.

⁹²¹ Кривошапкин М.Ф. Фарадизация в Енисейске // Енисейские губернские ведомости. 1860. № 13. 26 марта. С. 51.

⁹²² Енисейск, 1 Июня. Грусть сердца // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 28. 18 июля С. 166.

⁹²³ Кривошапкин М.Ф. Из статистического описания Енисейского округа. Остяки. Происхождение, исторические данные, их настоящее // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 46. 14 нояб. С. 236–238; № 47. 21 нояб. С. 239–241; № 48. 28 нояб. С. 243–245; № 49. 5 дек. С. 246–250; № 50. 12 дек. С. 251–254; № 51. 19 дек. С. 255–257.

⁹²⁴ «Господа! Да неужели мы не едим ни травы, ни корней и именно в сыром виде, а не вареном? Припомните все наши и простые, и гастрономические обеды, от редьки до пастернака и салатов – все припомните; неужели одни остяки едят это потому, дескать, что они хуже зверей?» (Кривошапкин М.Ф. Из статистического описания Енисейского округа // Енисейские губернские ведомости. № 49. 5 дек. С. 246).

венными глазами⁹²⁵. В 1865 г. различные по тематике статьи М.Ф. Кривошапкина были объединены в книгу «Енисейский округ и его жизнь», изданную в С.-Петербурге Русским географическим обществом⁹²⁶.

В 1859 г. Н.А. Костров и М.Ф. Кривошапкин приняли участие в дискуссии с «Иркутскими губернскими ведомостями», с их гласными разоблачениями «взяточников, казнокрадов и кулаков»⁹²⁷. Так, Кривошапкин писал, что гласность «при неосмотрительности и неточности» может принести вред⁹²⁸, Костров посчитал «обязанностью благородного человека» заявить о клевете на «лицо, слишком известное в Красноярске и слишком пользующееся всеобщим уважением»⁹²⁹. Против корреспонденций из Енисейской губернии, помещаемых в иркутской газете, дружно выступили и другие красноярцы, требовавшие от авторов-обличителей (скрывавшихся под криптонимами «106» и «N.N.») назвать свои имена и предоставить конкретные доказательства своих обвинений⁹³⁰. Чиновник М.А. Бутаков считал, что подобные статьи «есть не что иное, как безымянные доносы, преисполненные неправды и вымыслов», а высказывая истину, автору «нет надобности выставлять вместо своего имени цифру или другой псевдоним»⁹³¹. «Бог знает, из каких побуждений высказано против некоторых жителей Енисейской губернии оскорбительное злословие, голословно, без всяких оснований и доказательств», – продолжил защищать своих Н.А. Налабардин⁹³². Под другим письмом против «Иркутских губернских ведомостей», авторы которых «присвоили себе какое-то право, безнаказанно оглашать

⁹²⁵ Из статистического описания Енисейского округа. О тунгусах и прочих инородцах // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 52. 26 дек. С. 258–260; 1860. № 1. 2 янв. С. 1–2; № 2. 9 янв. С. 5–8. № 3. 16 янв. С. 9–11; № 4. 23 янв. С. 13–16; Далее статья касалась в том числе и других вопросов жизни Енисейского округа и была продолжена в № 10, 22, 23, 24, 26–34, 36–51 «Енисейских губернских ведомостей» за 1860 г. и № 2, 3, 6, 8–15, 19–24 за 1861 г.

⁹²⁶ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. 650 с.

⁹²⁷ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885. С. 372.

⁹²⁸ Кривошапкин М.Ф. Енисейск, 11 декабря 1858 года // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 3. 17 янв. С. 11–13.

⁹²⁹ Костров Н.А. Из Минусинска // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 9. 28 февр. С. 48–49.

⁹³⁰ Куртуков В. Ответ на статью, помещенную в № 1 Иркутских ведомостей 1859 г. // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 5. 31 янв. С. 23–24; Н.Б. Несколько замечаний на статью, помещенную в 47 номере «Иркутских ведомостей» 1858 г. // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 5. 31 янв. С. 24–28.

⁹³¹ Бутаков М.А. Красноярск, 1 февраля 1859 года // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 7. 14 февр. С. 37.

⁹³² Налабардин Н.А. Несколько слов о ложном понимании и злоупотреблении гласностью // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 7. 14 февр. С. 39.

пред публикою вымышляемые недостатки других», стояло девятнадцать подписей купцов, офицеров и чиновников (от губернского секретаря до коллежского асессора)⁹³³, очевидно, для противопоставления анонимным публикациям иркутской газеты.

В статье «Иркутских губернских ведомостей» «Вред от гласности» о недопущении енисейским губернатором В.К. Падалкой к печати статьи о воспитании детей сибирских казаков начальник губернии определялся как коснеющий в «охранительных, бюрократических началах», назывался «местным военным мандарином», закатывающимся «насильственным, тупоумно-злым смехом»⁹³⁴. «Енисейские губернские ведомости» ответили целой серией статей. Против «гнусной клеветы» выступили казацкие офицеры (сам автор не прошедшей цензуры статьи определялся как человек «прогрессивно дурноопасного поведения»⁹³⁵, влекомый ненавистью к взыскательному начальнику⁹³⁶) и минусинский окружной начальник Н.А. Костров⁹³⁷, доказывавший, что гласность не должна напоминать «презренный пасквиль» и может «говорить только о существовании известного недуга, а не о человеке, одержимом им»⁹³⁸. Через «Иркутские губернские ведомости» ответил и сам губернатор, объясняя запрещение статьи резкостью и неприличностью ее суждений⁹³⁹. С устраивающим обе стороны мнением выступил в «Енисейских губернских ведомостях» Л. Митропольский⁹⁴⁰, признававший, что гласность «для добрых людей» – «награда», а «для худых» – «узда»⁹⁴¹, но автор вправе не указы-

⁹³³ *Красноярск*, 26 февраля 1859 г. // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 12. 11 марта. С. 95–96.

⁹³⁴ Д – – лъ. Вред от гласности // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 8. 19 февр. С. 10.

⁹³⁵ *Сергей Дренгельн* По поводу статьи «Вред от гласности», помещенной в № 8 «Иркутских губернских ведомостей» // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 12. 11 марта. С. 93–95.

⁹³⁶ *Ив. Цыренчиков, П. Терский, Виктор Винокуров, И. Терский, С.А. Серебренников, Д. Ларионов, С. Жилкин, В. Байкалов.* Нижеподписавшиеся нелитераторы ... // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 15. 11 апр. С. 112–113.

⁹³⁷ Н.А. Кострова связывали с В.К. Падалкой дружественные отношения – сохранились очень теплые и доверительные письма енисейского губернатора к Кострову в Минусинск, а также их переписка после отставки губернатора (*ОРКП НБ ТГУ*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 77).

⁹³⁸ *Костров Н.А.* Два слова о гласности // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 11. 4 марта. С. 89–91.

⁹³⁹ По поводу статьи «Вред от гласности» // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 13. 26 марта. С. 11–12.

⁹⁴⁰ *Митропольский Л.* Гласность // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 17. 25 апр. С. 117–120; № 18. 2 мая. С. 121–124; № 19. 9 мая. С. 125–128.

⁹⁴¹ «Жаль только, что наша гласность не обнаружила еще ни одного доброго дела. Неужели на нашей почве растет только полынь – да крапива», – добавил от себя В.К. Па-

вать своей фамилии в газете: «В общественной жизни есть лица выше его, равные с ним и низшие, есть порядок подчиненности в служебной сфере; есть, наконец, общественные отношения знакомства, участие в одном деле и т.п. <...> Поэтому настоятельное требование многих господ, поместивших в разных номерах “Енисейских губернских ведомостей” жаркие апологии за некоторые личности, – требование неременной подписи автора под статьями обличительными нам кажется несправедливым и неискренним»⁹⁴². История получила следующее завершение: автор не допущенной в печать статьи о воспитании детей в этом же, 1859 г., был арестован за убийство⁹⁴³, а три статьи из иркутской и енисейской газет⁹⁴⁴, «как замечательные по своему тону и направлению и отчасти характеризующие неофициальный отдел губернских ведомостей Восточной Сибири»⁹⁴⁵ (по словам жандармского полковника Енисейской губернии Н.И. Борка) попали в III Отделение Е.И.В. Канцелярии, а затем и к самому Александру II, выразившему свое неудовольствие как по поводу персонажей статей («...личности, заключающиеся в сих статьях, крайне неприятны»), так и по поводу способов их изображения в печати («...статьи подобного содержания, касающиеся чьей-либо личности, ни в каком случае не допускать к печатанию»⁹⁴⁶). Однако еще трижды Красноярск возразил Иркутску – коллективным письмом-протестом о неразмещении в иркутской газете коллективного же письма в защиту некоего «толстого чиновного господина», обвиненного в злоупотреблениях еще в первом номере «Иркутских губернских ведомостей» 1859 г.⁹⁴⁷, сатирическими стихами по поводу анонимного автора этой статьи⁹⁴⁸ и письмом в защиту енисейского земского исправника Чаговца⁹⁴⁹.

далка как цензор «Енисейских губернских ведомостей» (*Примечание цензора* // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 17. 25 апр. С. 120).

⁹⁴² Митропольский Л. Гласность // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 19. 9 мая. С. 126–127.

⁹⁴³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 136. Л. 1.

⁹⁴⁴ Д – – ль. Вред от гласности // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 8. 19 февр. С. 13–15; Сергей Дренгельн. По поводу статьи «Вред от гласности», помещенной в № 8 «Иркутских губернских ведомостей» // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 12. 11 марта. С. 93–95; Ив. Цыренчиков, П. Терский, Виктор Винокуров, И. Терский, С.А. Серебренников, Д. Ларионов, С. Жилкин, В. Байкалов. Нижеподписавшиеся не литераторы ... // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 15. 11 апр. С. 112–113.

⁹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 136. Л. 1об.

⁹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 136. Л. 7–8.

⁹⁴⁷ Ответ редакции Иркутских ведомостей // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 21. 23 мая. С. 133–135.

⁹⁴⁸ «Всему есть меры и границы // Конечно, там, где совесть есть; // Печатать можно небылицы, // Но надо знать порой и честь. // Вот, например: одна особа // Коснулась неко-

После этого дискуссия прекратилась, «Енисейские губернские ведомости» из «книги жалоб» превратились в «благодарственную книгу», опубликовав до завершения 1859 г. письмо жителей Минусинска с выражениями признательности врачу И.Ф. Лазареву (подписанное семнадцатью фамилиями, демократично, без чинов и званий)⁹⁵⁰, полное похвал описание публичного испытания учащихся приходского училища в с. Рыбинском Канского округа⁹⁵¹ и сообщение из Минусинска (возможно, Н.А. Кострова) о торжественной отprawке, по «предположению Сибирского героя» (Н.Н. Муравьева), местной воинской команды к Амуру⁹⁵².

Сеть региональных правительственных изданий использовалась Министерством внутренних дел для организации общероссийских благотворительных акций – в конце 1860 г. через «Енисейские» и «Иркутские» ведомости сообщалось о подписке на открытие памятника А.С. Пушкину, строительстве православного храма в Моздоке, сборе средств в пользу православных храмов и сельских школ в западных губерниях. В последнем случае жителями Иркутской губернии в 1869 г. было пожертвовано более 700 руб., о наиболее крупных жертвователях составлялось представление императору⁹⁵³.

С 6 февраля 1860 г. редактором «Енисейских губернских ведомостей», смотрителем типографии и начальником газетного стола стал

торых лиц, // Наверно, зависть или злоба // Ее выводят из границ» и т.д. (*К.... и О....* По поводу статьи г. NN, помещенной в первом номере Иркутских ведомостей 1859 года // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 22. 30 мая. С. 137–138).

⁹⁴⁹ *Енисейск*, 24 мая 1859 года. Статья купца Петра Андреева Бойлинга // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 28. 11 июля. С. 161–164.

⁹⁵⁰ *Минусинск*, сентябрь 1859 года // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 40. 3 окт. С. 213–215.

⁹⁵¹ *Село Рыбинское Канского округа*, 19 сентября 1859 года // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 44. 31 окт. С. 230–231.

⁹⁵² *Минусинск*, 3 декабря 1859 года // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 51. 19 дек. С. 256. Когда 21 февраля 1861 г. Н.Н. Муравьев-Амурский, покидая Сибирь, проезжал через Красноярск, то этому событию также была посвящена публикация в духе «из небытия в бытие произведена», хотя следует отметить, что, в отличие от «Иркутских», «Енисейские губернские ведомости» почти не содержали статей, восхвалявших начальника края. «Край помертвельный, осужденный в государстве быть только местом ссылки, лишенный всякого значения в деятельности народов – призван к жизни, вошел в состав условий могущества России и получил значение всемирное. Прорублено второе окно, чрез которое проявится на крайнем востоке народ русский, так же как чрез первое, прорубленное Петром Великим, он проявился на запад. Имя, связанное с таким событием, принадлежит истории. Слава его есть слава России...» (*О проезде графа Муравьева-Амурского чрез Красноярск* // Енисейские губернские ведомости. 1861. № 5. 4 февр. С. 22–23).

⁹⁵³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 20. 6–6об, 11, 64, 72.

губернский секретарь Петр Грацианский⁹⁵⁴, а с 1 апреля 1861 г. – Иван Седых, также губернский секретарь⁹⁵⁵. Литературная составляющая газеты усилилась, заменив собой полемическую. Еще в 1858 г., как-то незаметно между статьями о гласности был опубликован очерк А.А. Мордвинова «Ночь под пургою на туруханской тундре»⁹⁵⁶ и его же поэтическое произведение «Ермак»⁹⁵⁷. В 1860 г. купец Степан Авраамов, «желая доставить некоторым лицам понятие о таежной жизни», в меру своего понимания художественных форм повествования, описал случай посещения прииска медведем⁹⁵⁸. Из газеты «Русский мир» в 1861 г. было перепечатано беллетристическое произведение И.И. Завалишина «Сибирские воспоминания» (о жизни бродяг, разбойников, ямщиков и других посетителей Московского тракта)⁹⁵⁹ и «Сибирские очерки (из сельского быта)» Ф. Губанова⁹⁶⁰.

В 1862 г. новый енисейский губернатор П.Н. Замятнин стал производить в печати свои разносные речи, адресованные подчиненным⁹⁶¹, а с апреля в газете произошел очередной содержательный и жанровый поворот – в трех номерах было напечатано сатирическое произведение «Ограбили или нет?... Лиха беда начало», в котором, подражая народному стилю, изображался преследуемый несправедливым судьей крестьянин, правда, с оговоркой, что

⁹⁵⁴ *Енисейские губернские ведомости*. 1860. № 6. 6 февр. Часть официальная. С. 36.

⁹⁵⁵ *Енисейские губернские ведомости*. 1861. № 14. 8 апр. Часть официальная. С. 99; *Памятная книжка Енисейской губернии* на 1863 год. СПб., 1863. С. 23; В 1865 г. И.А. Седых значился в чине коллежского ассессора (*Памятная книжка Енисейской губернии* на 1865 и 1866 годы. СПб., 1865. С. 285).

⁹⁵⁶ *Мордвинов А.А.* Ночь под пургою на Туруханской тундре // *Енисейские губернские ведомости*. 1859. № 8. 21 февр. С. 41–44.

⁹⁵⁷ *Ермак* // *Енисейские губернские ведомости*. 1859. № 9. 28 февр. С. 45–48.

⁹⁵⁸ *Медведь шалун*. Статья купца Степана Аврамова // *Енисейские губернские ведомости*. 1860. № 18. 30 апр. С. 72–74.

⁹⁵⁹ *Сибирские воспоминания* (из газеты «Русский мир») // *Енисейские губернские ведомости*. 1861. № 14. 8 апр. С. 63–64; № 15. 15 апр. С. 66–68; № 16. 22 апр. С. 69–72; № 17. 29 апр. С. 73–75; № 18. 6 мая. С. 76–79.

⁹⁶⁰ *Губанов Ф.* Сибирские очерки (из сельского быта) из газеты «Русский мир» // *Енисейские губернские ведомости*. 1861. № 25. 24 июня. С. 106–111; № 26. 1 июля. С. 112–115; № 27. 8 июля. С. 116–119; № 28. 15 июля. С. 120–123; № 29. 22 июля. С. 124–127.

⁹⁶¹ «Вся моя предстоящая злоупотреблений, клонящихся к стеснению быта малообразованного и бедного класса народонаселения в губернии» (*Речь красноярского военного и енисейского гражданского губернатора генерал-майора Замятнина, обращенная в г. Красноярске 17 марта 1862 г. к енисейскому губернскому начальству* // *Енисейские губернские ведомости*. 1862. № 12. 24 марта. С. 31).

все описанное происходило в далеком 1847 г.⁹⁶² Выведен в тексте и некий строгий начальник В.П. (Василий Падалка – ?), который, однако, считал, что власть важнее торговли и промышленности⁹⁶³. Эта публикация сильно контрастировала с привычным для ведомостей «Медико-статистическим описанием Канского округа» городского врача П.И. Можарова, растянувшимся более чем на десять номеров (1862. № 20. 19 мая – № 40. 6 окт.), после завершения которого до конца года публиковался совершенно экзотический как по месту выхода, так и по содержанию трактат «Лучше поздно, чем никогда»⁹⁶⁴. В нем сообщалось о совершенной готовности Красноярска и других городов Енисейской губернии уже в мае – июне 1863 г. принять участие в выработке новых форм городского самоуправления, согласно правительственному распоряжению 26 апреля 1862 г.⁹⁶⁵ При этом, по мнению неизвестного автора, «сердцевиной» сибирских губернских комиссий должны были стать местные «общественники», которым предстояло разрешить «чисто местный сибирский вопрос» об участии ссыльнопоселенцев в будущих представительных органах, поскольку они составляли «не малозначительную часть городского населения, несущих по городу тоже известные повинности»⁹⁶⁶. Вопрос о положении поселенцев в Сибири «почти равнозначите-

⁹⁶² «Судья был хоть и маленький человек, но свое дело знал, глаза пиявковые имел, в прическе ходил, через голову волосы зачесывал, плешину такую имел, сими и оними ее прикрывал, купцом именовался, с крылошанками птичьим голосом, песни духовные распевал; ученый был, из мальчиков вышел – в суде и грамоте выучился, оракулом там показывался. Начальство обворожил, медаль за это получил» (*Ограбили или нет ?... Лиха беда начало* // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 16. 21 апр. С. 37–38). Продолжение в № 17 от 28 апреля.

⁹⁶³ «А больше всего, говорит, помните власть; она, говорит, важнее родительского благословения, она со дна моря спасает, и я, говорит, за тем только и приехал сюда, чтобы предвартить вас, что торговля и промышленность – дела второстепенные; даже можно, говорит, так сказать, и без них обойтись...» (*Ограбили или нет ?... Лиха беда начало* // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 19. 12 мая. С. 50).

⁹⁶⁴ *Лучше* поздно, чем никогда // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 41. 13 окт. С. 130–132; № 42. 20 окт. С. 133–135; № 43. 27 окт. С. 136–137; № 44. 3 нояб. С. 139–140; № 45. 10 нояб. С. 142–143; № 46. 17 нояб. С. 147–148; № 47. 24 нояб. С. 150–151; № 48. 1 дек. С. 150–151 (нумерация оригинала); № 49. 8 дек. С. 152–153; № 50. 15 дек. С. 157–158; № 51. 22 дек. С. 163–165.

⁹⁶⁵ Правительственная «Программа для составления соображений относительно улучшения городского общественного управления» была опубликована в «Северной почте» (1862. № 99. 8 мая. С. 391–394; № 100. 9 мая. С. 397–398; № 101. 11 мая. С. 401–402), откуда автор и заимствовал ее основные положения.

⁹⁶⁶ *Лучше* поздно, чем никогда // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 50. 15 дек. С. 157.

лен значению вопроса о крепостном праве в России»⁹⁶⁷. Такая постановка проблемы, рассуждения о гражданственности и юридическая терминология, явная личная заинтересованность в правовом статусе ссыльнопоселенцев, пространный стиль⁹⁶⁸ убеждают в том, что автором «Лучше поздно, чем никогда» был высланный в феврале 1860 г. из Иркутска в село Шушенское М.В. Петрашевский, который таким образом был наказан за участие в «антимуравьевской кампании» новым генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым⁹⁶⁹. Возможно, Петрашевским была написана и предшествующая сатира «Ограбили или нет?», также посвященная юридической теме⁹⁷⁰.

Из публикаций, обращающих на себя внимание в 1863–65 гг., можно отметить статью о плохом состоянии сибирского тракта А.К. Шепетковского⁹⁷¹ и возражение против устройства «вольных почт» Р.А. Черносивтова⁹⁷², ироническую заметку по поводу общественной

⁹⁶⁷ *Лучше* поздно, чем никогда // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 51. 22 дек. С. 165.

⁹⁶⁸ «Мы совершенно уверены, что здесь, как и везде, постоянными членами этих комиссий, так сказать, их сердцевиной, окажутся лица, действительно наиболее достойные и способные дать трудам этих комиссий направление, вполне соответствующее их прямому назначению, и что заключение о способности таких лиц к этому делу не будет сделано по каким-нибудь особым личным аттестациям и симпатиям, но, напротив того, будет основано единственно на общественном добром мнении, которым и прежде сего пользовалось избираемое ныне лицо в члены комиссии» (*Лучше* поздно чем никогда // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 41. 13 окт. С. 130–131); «Нам кажется, что эти мысли министерства Комиссии и общественникам городов следует не только принять в надлежащее соображение при составлении их соображений об улучшении городского устройства; но безотлагательным приведением в исполнение некоторых из них положительно доказать, что требования общественного благоустройства, управления и благосостояния ими действительно поняты, правильно созданы и близки к их сердцу...» (*Лучше* поздно, чем никогда // Енисейские губернские ведомости. 1862. № 43. 27 окт. С. 137).

⁹⁶⁹ Минусинский окружной начальник Н.А. Костров симпатизировал Петрашевскому и оставил его в более многочисленном Минусинске. В сентябре 1860 г. на эту должность вместо Кострова распоряжением М.С. Корсакова был назначен Е.М. Романович, водворивший Петрашевского в Шушенское (*Шевцов В.В.* Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском // Человек – текст – эпоха. Томск, 2011. Вып. 4. С. 164, 167, 175–176).

⁹⁷⁰ В своих воспоминаниях Костров подчеркивал, что соболезнующее и понимающее отношение к «несчастным коммунистам» было и у губернатора В.К. Падалки, который во время ревизии Минусинска проводил вечера в доме Н.А. Кострова, где их карточным партнером был Петрашевский.

⁹⁷¹ *Шепетковский А.* Практические заметки. О состоянии дорог, почтовой гоньбы и станционных домов по сибирскому почтовому тракту, от Красноярска до Нижнего Новгорода (3731 верст) и о средствах к их улучшению // Енисейские губернские ведомости. 1863. № 9. 2 марта. С. 32–34; № 12. 23 марта. С. 45–46.

⁹⁷² *Черносивтов* 8 июля 1865 г., Красноярск. Письмо к г. редактору // Енисейские губернские ведомости. 1865. № 29. 17 июля. С. 103–104.

жизни Иркутска⁹⁷³, возражение «Северной почте» по поводу состояния торговли лекарствами в Красноярске (подкрепленное целыми страницами выдержек их актов свидетельствования и копий с различных документов)⁹⁷⁴, патриотические стихи по поводу Польского восстания⁹⁷⁵, критику М.А. Безобразовым лекций С.С. Шашкова⁹⁷⁶ и не менее острый ответ самого лектора⁹⁷⁷, хронику местных событий в «Красноярском дневнике»⁹⁷⁸, о пожертвованиях для учреждения красноярской губернской гимназии (открыта в 1868 г.)⁹⁷⁹, об открытии в Енисейске публичной библиотеки⁹⁸⁰. Этот далеко не полный перечень статей за три года выхода «Енисейских губернских ведомостей» позволяет ут-

⁹⁷³ «Недавно в ведомостях, тоже губернских, разъяснили важный вопрос, vraitment, как правильнее писать пенитенциальный или пенитенциарный, je vous assure. Где это было, не могу теперь припомнить, но должно полагать, что вопрос решали люди, кончившие курс в высших учебных заведениях. Что же нам делать? У нас нет даже гимназии, а в Иркутске уже есть, хотя в проекте, университет. Ах, завидный Иркутск! Там даже была частная газета «Амур», а у нас под этой же фирмой была «гостиница». Et imaginez-vous, какая одинакая доля на этот раз выпала и для Иркутска и для Красноярска: оба Амюра исчезли!...» (Енисейские губернские ведомости. 1863. № 24. 15 июня. С. 101–102).

⁹⁷⁴ Оператор Енисейской врачебной управы Е.М. Ответ на статью «Из Красноярска», помещенную в № 132 «Северной почты» // Енисейские губернские ведомости. 1863. № 30. 27 июля. С. 130–132.

⁹⁷⁵ «Нас вот Европа в опеку взяла! // Точно мы стали калеки, больные – // Сами свои не устроим дела! // Братий мятежных унять не сумеем, // Сами не сыщем над ними расправ! // Как же! Великую нужду имеем // В помощи трех европейских держав! // ... А между тем, как выходит по справке – // Русь-то давно им бельмо на глазу: // Вот все и лепятся к ней, как пиявки, // Вот и хлопочут, как вор на возу! // Страшно им хочется нас обессилить! // Стойте, ребята, не кличьте беду: // Не привелось бы вам шею намылить, // Как и в двенадцатом было году!...» (Корсаков В. 29 декабря 1863 г. На Новый год (вместо обещанного продолжения) // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 4. 25 янв. С. 10–11).

⁹⁷⁶ Житель Сибири. 2 апреля 1864 г., г. Красноярск. По поводу лекции г. Ш., читанной 31 марта в зале Красноярского собрания // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 15. 11 апр. С. 64–66; Житель Сибири. 12 апреля 1864 г., г. Красноярск. О последней лекции в г. Красноярске г. Ш. // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 16. 18 апр. С. 68–72.

⁹⁷⁷ Шашков Сер. Литератору-обывателю, пишущему против моих лекций о Сибири под псевдонимом Жителя Сибири. Послание первое // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 21. 23 мая. С. 84–87.

⁹⁷⁸ Житель Красноярска. Красноярский дневник // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 22. 30 мая. С. 90–91; № 23. 6 июня. С. 95–96; № 24. 13 июня. С. 99–100; № 25. 20 июня. С. 100–103; № 30. 25 июля. С. 128–129.

⁹⁷⁹ Добровольные пожертвования на учреждение в г. Красноярске губернской гимназии // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 29. 18 июля. С. 123–125; М.Д. Х-ев. Письмо в редакцию «Енисейских губернских ведомостей» // Енисейские губернские ведомости. 1865. № 1. 2 янв. С. 1–3.

⁹⁸⁰ Исправляющий должность учителя уездного училища Никита Скорняков. 30 июля 1864 г. Об открытии публичной библиотеки в г. Енисейске // Енисейские губернские ведомости. 1864. № 34. 22 авг. С. 155–156.

верждать, что газета продолжала держать в фокусе своего внимания основные события общественной жизни губернии, пусть и без определенной системы в изложении и группировки материала. На это в 1865 г. обращал внимание «Сибирский вестник» Б.А. Милютин: «“Енисейские губернские ведомости” ... при всей бедности содержания их неофициальной части дают, однако, хотя и не полный, материал для вывода направления общественной жизни в Енисейской губернии»⁹⁸¹. У классика истории сибирской печати (и его последователей) о «Енисейских губернских ведомостях» 1863–65 гг. (впрочем, как и о предшествующих) не сказано ни слова⁹⁸². Всем известна точка зрения Н.М. Ядринцева на университетский вопрос в Сибири, но вряд ли кто-то из исследователей обратил внимание на не менее заинтересованное мнение некоего Н. Козлова из Минусинска⁹⁸³, как и на взгляды по этому поводу, изложенные в других губернских газетах⁹⁸⁴.

В 1866 г., когда неофициальная часть стала композиционным продолжением официальной части (во исполнение указа 20 марта 1865 г. о сокращении издержек на печатание губернских ведомостей), ее содержательное значение упало, а формат увеличился (33,5 x 21,5 см). Информационным поводом стали события 4 апреля 1866 г., о которых было сообщено вечером 5 апреля телеграммой из Омска⁹⁸⁵. Утром 6 апреля в кафедральном соборе со-

⁹⁸¹ *Сибирский вестник*. 1865. № 11. 6 нояб. С. 3.

⁹⁸² *Ядринцев Н.М.* Начало печати в Сибири // *Сибирский сборник*. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885. С. 367–375.

⁹⁸³ «Были когда-то предположения об открытии в Сибири университета и даже некоторые сибирские газеты провозглашали скорое осуществление этого предприятия; но прошло уже с тех пор несколько лет, а университета не только нет, но даже уже перестали и проектировать его учреждение. Жаль, весьма жаль! А не может быть, чтобы не достало средств в Сибири на открытие его; средства есть и огромные, только мы не умеем пользоваться ими, да, главное, до сих пор не является никого, кто бы мог сделать первый шаг к осуществлению этого предприятия. <...> Для чего же тут рассуждать, что будет или нет полезно это учреждение, для чего рассуждать, говорим, когда очень хорошо знаем, что многие сибирские юноши, в том числе сыновья богатых отцов, которые бы принесли очевидную пользу и себе и университету, в настоящее время ограничиваются общим гимназическим образованием, не имея средств докончить его положительным изучением какой-либо из отраслей наук или искусств, вследствие привязанности их к родителям и происходящей от того нерешимости отдалиться от родины на четыре, на пять тысяч верст? К чему, наконец, задавать себе вопросы о том, на каких основаниях устроить университет, когда, по учреждении его, обстоятельства сами бы показали эти основания?» (*Козлов Н.* 24 декабря 1864 г., Минусинск. Статья из г. Минусинска // *Енисейские губернские ведомости*. 1865. № 3. 16 янв. С. 10).

⁹⁸⁴ *Иркутские губернские ведомости*. 1862. № 46. 17 нояб.; *Тобольские губернские ведомости*. 1863. № 33. 17 авг.

⁹⁸⁵ *Енисейские губернские ведомости*. 1866. № 15. 9 апр. Официальная часть. С. 152–153.

стоялся молебен о чудесном спасении императора⁹⁸⁶, а более чем через месяц перепечаткой из «Северной почты» в «Енисейских губернских ведомостях» сообщалось о личности спасителя императора⁹⁸⁷. Осип Комиссаров, по стечению обстоятельств предотвративший покушение, был сыном отбывавшего ссылку в селе Назарово Ачинского округа крестьянина И.А. Комисарова. Так, Енисейская губерния оказалась в центре новостных лент. 13 мая губернатор П.Н. Замятнин получил из Тобольска телеграмму о немедленном освобождении И.А. Комисарова⁹⁸⁸, который 17 мая был чествован в Красноярске как «отец спасителя государя»⁹⁸⁹. В «Енисейских губернских ведомостях» он изображался как человек скромный, невозмутимый, трезвого образа жизни и к тому же невинно осужденный по оговору управляющего имением⁹⁹⁰. Красноярским благородным собранием в Петербурге был заказан портрет О.И. Комисарова-Костромского стоимостью в 600 руб. сер. День 4 апреля отмечался в городе в 1867 г.⁹⁹¹ Сообщала газета и о покушении на Александра II в Париже 25 мая 1867 г. – соответствующая телеграмма Министерства внутренних дел была получена из Томска⁹⁹². Подробностям происшествия была посвящена ситуативная рубрика «Заграничные известия»⁹⁹³, а отношение жителей к произошедшему выражали стихи И.И. Бурьгина из с. Рыбное Енисейского округа⁹⁹⁴.

⁹⁸⁶ Один из молившихся в Красноярском соборе (6 апреля 1866 года). Молебствие 6 апреля в Красноярском кафедральном соборе // Енисейские губернские ведомости. 1866. № 15. 9 апр. С. 160–161.

⁹⁸⁷ Известия из С.-Петербурга // Енисейские губернские ведомости. 1866. № 20. 14 мая. С. 220.

⁹⁸⁸ Енисейские губернские ведомости. 1866. № 21. 21 мая. Официальная часть. С. 224.

⁹⁸⁹ Мерцалов В.И. Мимоходом. Комиссаров и губернатор Замятнин // Русская старина. 1917. № 10–12. С. 71–78.

⁹⁹⁰ Енисейские губернские ведомости. 1866. № 21. 21 мая. С. 233; № 22. 28 мая. С. 246–247; № 24. 11 июня. С. 268–271; № 32. 6 авг. С. 365.

⁹⁹¹ Енисейские губернские ведомости. 1867. № 14. 8 апр. С. 223–224.

⁹⁹² Енисейские губернские ведомости. 1867. № 22. 3 июня. Часть официальная. С. 322.

⁹⁹³ Енисейские губернские ведомости. 1867. № 22. 3 июня. С. 397.

⁹⁹⁴ Возблагодарим, братья, Бога, // Который мощною рукой // Спас, для Российского народа, // Монарха кроткого душой! // Год с небольшим лишь миновался, // Когда подобный же злодей // На жизнь монарха покушался – // Осиротить хотел детей. // Но Бог, столь любящий Россию, // Спас жизнь бесценного царя, // Который добрыми делами // Блестит, как яркая заря. // Тогда орудием спасенья // Был Комиссаров-Костромской. // Он оттолкнул удар злодея // Своєю славною рукой. // Теперь же снова Провиденье, // Своей невидимой рукой, // Спасает нашего Монарха // Для блага родины драгой....» (Бурьгин И.И. На 25 мая 1867 г. // Енисейские губернские ведомости. 1867. № 26. 1 июля. С. 398).

В 1867–90 гг. неофициальная часть «Енисейских губернских ведомостей» наполнялась перепечатками из центральных газет, сведениями о происшествиях, постановлениями властных органов, стандартными верноподданническими сообщениями⁹⁹⁵, телеграммами Северного телеграфного агентства (с 1882 г.). Функции редактора, начальника газетного стола и губернской типографии исполняли коллежский секретарь И. Малин (1867. № 14. 8 апр. – 1870. № 6. 7 февр.), коллежский секретарь К. Попов⁹⁹⁶ (1870. № 7. 14 февр. – № 41. 10 окт.), коллежский секретарь И. Бурыйгин (1870. № 42. 17 окт. – № 44. 31 окт.), канцелярский служитель (к 1880 г. – титулярный советник) А. Жилин⁹⁹⁷ (1870. № 45. 7 нояб. – 1880. № 46. 15 нояб.), отставной титулярный советник А. Ильинский⁹⁹⁸ (1880. № 47. 22 нояб. – 1890. № 49. 8 дек.). Дважды газета меняла свои размеры – с июля 1871 г. выходила большим форматом (51 x 33 см), а с 1881 г. вновь уменьшилась (31 x 22 см). Несмотря на то, что работа по подготовке неофициальной части свелась к чисто технической, восточносибирский генерал-губернатор должен был запрашивать Главное управление по делам печати по поводу отсутствия с его стороны каких-либо препятствий в случае представления редактора к награждению за отличие по службе⁹⁹⁹.

В конце 1890 г., когда уже было известно, что наследник престола Николай Александрович из путешествия на Восток будет возвращаться через Сибирь, в том числе и через Красноярск, енисейский губернатор Л.К. Теляковский назначил редактором неофициальной части «Енисейских губернских ведомостей» надворного советника Л. Лазарева¹⁰⁰⁰, который должен был внести в летопись города это важное событие (смена редактора произошла и в «Тобольских губернских ведомостях»). Новый редактор объявил о расширении про-

⁹⁹⁵ «12 января утром жители г. Красноярска приятно поражены были радостным известием о совершившемся накануне этого дня бракосочетании великой княжны Марии Александровны с принцем Альфредом Единбургским. Красноярец, по случаю такого радостного события, сочли для себя священнейшим долгом прежде всего вознести молитвы свои к Богу об освещении сего брака благодатию...» (*Енисейские губернские ведомости*. 1874. № 3. 19 янв. С. 8).

⁹⁹⁶ *Енисейские губернские ведомости*. 1870. № 7. 14 февр. Часть официальная. С. 61.

⁹⁹⁷ *Енисейские губернские ведомости*. 1870. № 45. 7 нояб. Часть официальная. С. 471.

⁹⁹⁸ *Енисейские губернские ведомости*. 1880. № 47. 22 нояб. Часть официальная. С. 1.

⁹⁹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 784. 1885 г. Л. 8.

¹⁰⁰⁰ Начальником газетного стола и губернской типографии стал коллежский асессор А.М. Каблуков (*Памятная книжка Енисейской губернии 1891 г. с адрес-календарем*. Красноярск, 1892. С. 7). После сокращения неофициальной части в 1894 г. Л. Лазарев был редактором обеих частей «Енисейских губернских ведомостей» до № 16 от 26 апреля 1897 г.

граммы издания – в действительности речь шла о наполнении содержанием пунктов, уже разрешенных законом, включая допущенный в 1863 г. политический отдел¹⁰⁰¹. С 1891 г. газета оживилась¹⁰⁰², в ней, кроме перепечаток из центральных газет, освещалась деятельность городских дум губернии, енисейского статистического комитета и губернского комитета грамотности, велась местная хроника, приводились сведения о переселении в Енисейскую губернию, публиковались журналы Красноярского отдела московского общества сельского хозяйства, журналы енисейского губернского комитета общественного здоровья, сообщалось о пожертвованиях в пользу пострадавших от голода 1891–1892 гг. в Европейской России. Несколько источниковедческих статей опубликовал красноярский историк-архивист Н.Н. Бакай¹⁰⁰³. Историк и географ Сибири П.М. Головачев написал о первом литературном сборнике Сибири – «Енисейском Альманахе на 1828 год», составленном И.М. Петровым¹⁰⁰⁴, а также принял участие в дискуссии относительно современного направления среднего образования: «Вообще, нам кажется, что значительная часть шероховатостей в нашей общественной жизни происходит не оттого, что у нас мало “техников”, а оттого, что у нас мало “людей”»¹⁰⁰⁵. Преподаватель

¹⁰⁰¹ «... Сведения и материалы географические, исторические, археологические и проч.; о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии; о явлениях метеорологических; статьи и сведения о сельском хозяйстве; об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве, о рыночных, справочных ценах; торговых и других обществах, о выданных привилегиях на изобретения; некрологи известных лиц в губернии и пр. и частные объявления. Кроме того, редакция примет меры, чтобы в неофициальной части печатались и политические известия. Все вышеупомянутые статьи, будучи помещаемы в беспристрастной, чуждой полемики форме, могут дать полную картину не только современной, но и прошедшей жизни края, интересные и необходимые сведения для всякого, следящего как за развитием истории, так и за успехами по разным отраслям благосостояния в крае» (Об издании «Енисейских губернских ведомостей» в 1891 году // *Енисейские губернские ведомости*. 1890. № 50. 15 дек. С. 7).

¹⁰⁰² Формат «Енисейских губернских ведомостей» увеличился до 35,5 x 26 см в 1891 г. и до 45 x 32 см в 1892 г.

¹⁰⁰³ *Николай Бакай*. Несколько слов о библиотеке Г.В. Юдина // *Енисейские губернские ведомости*. 1891. № 2. 12 янв. С. 6–7; *Николай Бакай*. О составлении переписных книг городов Мангазеи и Туруханска во второй половине XVII века // *Енисейские губернские ведомости*. 1891. № 6. 9 февр. С. 9–11; *Николай Бакай*. Заметка об архивах Енисейской губернии // *Енисейские губернские ведомости*. 1892. № 16. 18 апр. С. 7–8.

¹⁰⁰⁴ *Головачев П.М.* Енисейск, 1 января 1891 г. Первый литературный шаг в Красноярске // *Енисейские губернские ведомости*. 1892. № 3. 19 янв. С. 8–9; «Енисейский Альманах» был переиздан в канун 200-летнего юбилея Красноярска: *Енисейский Альманах на 1828 год*. Красноярск, 2008. 112 с.

¹⁰⁰⁵ *Головачев П.М.* Енисейск, 18 декабря 1890 г. Какая школа нужна Енисейску? // *Енисейские губернские ведомости*. 1892. № 16. 20 апр. С. 7.

красноярской гимназии и член губернского статистического комитета Д.С. Каргаполов опубликовал очерк истории и современного положения Минусинского округа, который благодаря своему климату и почвам привлекал переселенцев из других районов Сибири и России¹⁰⁰⁶. Была выполнена и основная задача обновленного издания – Л. Лазарев подготовил описание поселения «Высоким Путешественником» Енисейской губернии¹⁰⁰⁷, предваренное соответствующей перепечаткой из официального «Правительственного вестника»¹⁰⁰⁸.

С 1894 г. неофициальная часть «Енисейских губернских ведомостей» стала выходить в сокращенном варианте, с 1898 г. ее редактором стал Ф.И. Дмитриев. В апреле 1895 г. МВД разрешило помещать в газете телеграммы Русского телеграфного агентства¹⁰⁰⁹.

Итак, в 1858–1865 гг. неофициальная часть «Енисейских губернских ведомостей» отражала основные события местной общественной жизни, с 1866 г. утратила свое общественное значение, в 1891–1893 гг. выходила по расширенной программе (что было вызвано проездом через Сибирь наследника престола), а с 1894 г. вновь была сокращена. Газета не была предметом специального исследования на всем протяжении своего существования, обнаруживающего как общие с аналогичными изданиями губернских правлений черты, так и некоторые особенности регионального варианта. В общем обзоре сибирской печати Н.М. Ядринцева, в котором ведомости рассматривались как начальный этап возникновения идейной областнической периодики, «Енисейским

¹⁰⁰⁶ Каргаполов Д. Краткий очерк Минусинского округа // Енисейские губернские ведомости. 1893. № 5. 30 янв. С. 11–12; № 6. 6 февр. С. 9–11; № 11. 13 мая. С. 12–14; № 14. 3 апр. С. 9–10; № 31. 31 июля. С. 9–12.

¹⁰⁰⁷ Визит будущего «хозяина земли русской» по обыкновению, о котором писал еще маркиз де Кюстин, был отмечен обновлением фасадов: «На всем протяжении следования Его Высочества, на 524-верстном расстоянии, города и села принимали обновленный вид: всюду красились и подновлялись дома, починались дороги, строились и ремонтировались мосты, воздвигались триумфальные арки и все здания стали украшаться флагами и зеленью» (Лазарев Л. Путешествие Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича по Енисейской губернии // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 36. 7 сент. С. 8). В Красноярске Николай Александрович расположился в доме купца Н.Г. Гадалова, который «обновил свой громадный дом для временной остановки в нем его высочества» (Лазарев Л. Путешествие Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича по Енисейской губернии // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 37. 14 сент. С. 9).

¹⁰⁰⁸ Путешествие Его Императорского Высочества наследника цесаревича на Восток (перепечатка из № 41 «Правительственного вестника») // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 11. 16 мая. С. 8–9.

¹⁰⁰⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 1–2.

губернским ведомостям» не было отведено сколько-нибудь серьезного места. Высказывание классика стало основой для освещения истории газеты последующими авторами. Если обличительные статьи и корреспонденции «Иркутских губернских ведомостей» используются для выводов в отношении развития общественного движения в Сибири, то возражения «Енисейских губернских ведомостей» по поводу «гласности», сводящих анонимную и бездоказательную критику на уровень пасквиля и клеветы, практически не встречаются и не комментируются в исследовательской литературе. Отличительные особенности неофициальной части «Енисейских губернских ведомостей» в конце 50-х – начале 60-х, в сравнении с другими ведомостями Сибири – это присутствие в ней статей по вопросам техники добычи золота, обилие стихов и коллективных писем в защиту известных красноярцев или с высказыванием им общественной благодарности. Стиль газетных публикаций был далек от совершенства, их темы зачастую будничны и заурядны, но таков был язык и интересы провинции, раскрывавшие через печатное слово часть внутреннего содержания повседневной жизни. Представляется, что малую лепту внесли «Енисейские губернские ведомости» в обсуждение (до практических шагов было еще далеко) таких проблем, как положение коренного населения губернии, низкий уровень здравоохранения, неразвитость сферы образования (в том числе и высшего), отсутствие самоуправления и неопределенный правовой статус ссыльнопоселенцев. Программа ведомостей, содержащая разнообразные и общие пункты (например, «относящиеся до местности сведения и материалы»), могла трактоваться расширительно и задавала довольно гибкие границы для наполнения, что и использовалось губернаторской властью, в зависимости от преследуемых ею целей и изменяющейся общественно-политической ситуации.

Глава 4

ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

4.1. ИЗДАНИЕ «ИРКУТСКИХ» (1900–1908) и «ЕНИСЕЙСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1900–1902) ПО РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММЕ

К началу XX в. «Томские» и «Тобольские губернские ведомости» представляли собой издания, несущие в себе, главным образом, официальную информацию. Их неофициальные части сократились до справочно-рекламных приложений, выходивших под соответствующим заголовком лишь для соблюдения законных формальностей. С 1900 г. «Енисейские» и «Иркутские губернские ведомости» стали выходить по расширенной программе. О содержании, подписной цене и периодичности официальных газет Азиатской России узнаем из сведений, собранных «Комиссией для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г. Обращает на себя внимание, что самыми бледными среди старейших официальных газет зауральского региона выглядели «Томские губернские ведомости». Ведомости «второй волны», разрешения которых долго добивались местные власти, были содержательнее и выходили за рамки официальной программы (табл. 19).

Таблица 19

Губернские и областные ведомости Сибири,
Дальнего Востока и Средней Азии в 1901 г.¹

Наименование	Год издания	Периодичность	Подписная цена	Содержание	Заметки на полях документа
1	2	3	4	5	6
Енисейские губернские ведомости	1857	4 раза в неделю	Для обязательных подписчиков 5 руб.; для необязательных – 5 руб. 50 коп., с пересылкой	Телеграммы, театр и музыка, корреспонденция, сибирская хроника. Внутренние и внешние известия. Среди газет и журналов. Смесь. Фельетон	Материал большей частью занимательный

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 35–41.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
Иркутские губернские ведомости	1857	Ежедневно	7 руб. с пересылкой	Телеграммы, местная и общая хроника. Сельскохозяйственные статьи. Разные известия. Обзор периодической печати. Судебная хроника	Материал интересный
Тобольские губернские ведомости	1857	Еженедельно	4 руб.	Телеграммы. Происшествия по Тобольской губернии. Местная хроника (не в каждом номере). Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности в виде прибавлений (довольно объемистых). Объявления	
Томские губернские ведомости	1857	Еженедельно	Для обязательных подписчиков – 3 руб.; для необязательных – 7 руб. с пересылкой	Объявления	
Забайкальские областные ведомости	1865	3 раза в неделю	Для обязательных подписчиков – 4 руб.; для необязательных – 6 руб. с пересылкой	Местная хроника. По Сибири и Европейской России. На Востоке. Телеграммы. Среди газет и журналов. Иностранное известия. Фельетон	
Туркестанские областные ведомости	1870	2 раза в неделю	Для обязательных подписчиков – 7 руб.; для необязательных – 7 руб. 80 коп.	Передовые статьи. Текущие новости. Среди газет и журналов. Статьи по разным вопросам. Телеграммы. Местные известия. Корреспонденции. Фельетон (всегда серьезного содержания). Объявления (весьма обильны)	Газета поставлена вполне солидно. Посвящена всецело интересам края, дает много оригинального материала
Семипалатинские областные ведомости	1871	Еженедельно	Для обязательных подписчиков – 6 руб.; для необязательных – 6 руб. с пересылкой	Отчеты сельскохозяйственных обществ, статистического комитета и т.п. Объявления	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
Семиреченские областные ведомости	1884	2 раза в неделю	5 руб. Неофициальная часть издается отдельно от официальной части	Телеграммы. Разные известия. Справочный отдел. Корреспонденции. Объявления	
Якутские областные ведомости	1892	2 раза в месяц	Для обязательных подписчиков – 6 руб. 50 коп.; для необязательных – 6 руб. 50 коп.	Городская хроника и объявления	
Приамурские ведомости	1894	Ежедневно	Для обязательных подписчиков – 7 руб.; для необязательных – 9 руб.	Городская хроника. Областная хроника. Корреспонденции. Беллетристика. Самостоятельные статьи по разным вопросам. Театрально-музыкальный отдел. Телеграммы. Судебный отдел. Объявления	Много оригинальных статей и корреспонденций. Вообще газета ведется солидно

20 апреля 1900 г. в Главное управление по делам печати обратился иркутский гражданский губернатор И.П. Моллериус с просьбой разрешить ежедневный выход «Иркутских губернских ведомостей» для сообщения с их помощью точных сведений о «правительственных мероприятиях общего и частного характера, о современном состоянии знания в приложениях к жизненным потребностям, о возможно лучшей, по местным условиям, постановке дела образования и воспитания, о сельском хозяйстве во всех его отраслях», а также чтобы «отмечать важнейшие факты общественной жизни отечества и в особенности Иркутской губернии, знакомить с главнейшими явлениями жизни иностранных государств, давать место для разработки материалов статистических, этнографических, исторических и разного рода справочным сведениям»². В подкрепление просьбы губернатор ссылался на уже существующие ведомости, в которых были предполагаемые для «Иркутских губернских ведомостей» рубрики – сельскохозяйственный отдел в «Кубанских областных ведомостях», театр и музыка в «Витебских», обозрение вы-

² РГИА. Ф. 776. Оп. 13. Д. 64. 1900 г. Л. 1–1об.

дающихся событий в «Могилевских», научный отдел в «Архангельских губернских ведомостях». Уже 2 июня 1900 г. разрешение начальника Главного управления по делам печати Н.В. Шаховского было получено. Однако программа газеты существенно урезалась – из нее исключались отделы «Среди газет и журналов», «Театр и музыка», рубрика «Предположения» в отделе местной и общероссийской хроники, рубрика «Сведения из газет» в отделе «По Сибири». Известия из зала суда должны были публиковаться без обсуждения судебных решений, а международные новости заимствованы только из официальных «Правительственного вестника» и «Journal de St. Petersburg».

2 сентября 1900 г. И.П. Моллериус, через иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева, вновь повторил свою просьбу о разрешении отделов «Театр и музыка» и «Фельетон». Они имелись в программах «Восточного обозрения», «Тамбовских губернских ведомостей», «Пермских», «Енисейских» и других ведомостей, а 60-тысячное население Иркутска «усердно посещает концерты, оперы и драматические представления и вместе с тем высказывает вполне обоснованное желание в местном органе печати знакомиться с этой стороной дела. Население привыкло также к тому, чтобы местная газета давала материал для литературного и научного чтения – к фельетону – и отсутствие этого отдела в программе губернских ведомостей имеет серьезное значение, влияя на уменьшение подписки и розничной продажи газеты»³. Об этом же Моллериус 1 ноября писал и лично к Шаховскому, но в обоих случаях был получен ответ, что решение откладывается до пересмотра общих положений о губернских ведомостях⁴. Речь шла о подготовке деятельности «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г., работа которой не завершилась практическим результатом, поэтому статьи фельетонного содержания и театральная хроника появились и существовали в «Иркутских губернских ведомостях» на нелегальном положении.

С 1 июля 1900 г. «Иркутские губернские ведомости» стали ежедневной газетой, выходящей в своей неофициальной части по расширенной программе, в формате «Восточного обозрения»⁵, с сохра-

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 13. Д. 64. 1900 г. Л. 6–9об.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 13. Д. 64. 1900 г. Л. 14–19.

⁵ На листах 53,5 x 36 см размещалось четыре колонки. С № 234 от 20 октября 1902 г. газетный текст делился на пять колонок, а размер газетного листа увеличился до 67,5 x 45 см.

нением прежней подписной цены – 6 руб. для иркутян и 7 руб. – для жителей других городов. Отдельный номер продавался в розницу по 5 коп. С № 14 от 5 апреля 1900 г. редактором неофициальной части стал Александр Иванович Виноградов⁶. Ввиду возрастания служебной нагрузки работой губернской типографии стал заведовать бывший редактор газеты В.С. Пророков; на него же было возложено наблюдение за иркутскими типографиями, литографиями, фотографиями, библиотеками и книжной торговлей⁷).

В программной передовой причинами изменения облика газеты новый редактор называл начало работы Транссибирской железной дороги, приток в Сибирь капиталов и рабочей силы, изменения патриархального крестьянского уклада, проведенные и готовящиеся административные и судебные преобразования. Основными задачами издания Виноградов считал разъяснение населению правительственных мероприятий и происходящих экономических изменений, выяснение «местных нужд перед администрацией», содействие «тем работникам, которые по своему официальному положению или по общественной своей деятельности трудятся над разрешением этой же задачи» (1900. № 27. 1 июля). Для ознакомления читателей с обновленными ведомостями некоторое время они рассылались бесплатно. В 1901 г. А.И. Виноградов циркулярно разослал крестьянским начальникам Иркутской губернии приглашение выписывать газету, поскольку она могла представлять интерес для сельского населения (до этого только 21 сельское общество подписалось на «Иркутские губернские ведомости»). Это обращение поставил на вид редактору неизвестный иркутский корреспондент «Сибирской жизни» – в № 47 от 1 марта 1901 г. он обвинил Виноградова (так же как это сделал в 1882 г. Н.М. Ядринцев в отношении редактора «Томских губернских ведомостей» Е.В. Корша) в принуждении к чтению «литературно-бюрократических начинаний»⁸. Виноградов «в защиту

С № 3742 от 29 мая 1904 г. текстовых колонок стало шесть. Как и «Восточное обозрение», «Иркутские губернские ведомости» были четырехлистовой газетой.

⁶ В момент назначения А.И. Виноградов был надворным советником. С 1903 г. – коллежский советник, в 1905-м имел чин статского советника (*Памятная книжка Иркутской губернии* на 1901 год. Иркутск, 1900. С. 5; *Памятная книжка Иркутской губернии* на 1903 год. Иркутск, 1903. С. 170; *Памятная книжка Иркутской губернии* на 1905 год. Иркутск, 1905. С. 169).

⁷ *Памятная книжка Иркутской губернии* на 1901 год. Иркутск, 1900. С. 5; В 1904 г. заведующим типографии был титулярный советник К.Е. Филатов (*Памятная книжка Иркутской губернии* на 1904 г. Иркутск, 1904. С. 170).

⁸ «Восточное обозрение» в № 145 от 2 июля 1900 г. также весьма сухо и кратко сообщило о расширении программы «Иркутских губернских ведомостей», заметив

собственного дома» (*Pro domo sua* – так назывался ответ иркутскому корреспонденту) писал, что, вопреки неприязненной атмосфере, возглавляемые им ведомости уже «успели затронуть целый ряд кардинальных общественных вопросов и едва ли в чем-нибудь серьезно погрешили против заветов великих учителей и предшественников наших на поприще периодической печати. <...> Официальные органы у нас имеют свою роковую судьбу. Хотя старейшие исторически, они попали в положение каких-то пасынков прессы и повсюду встречают в ней подозрительность и глухое недоброжелательство. Частная печать ставит свои приговоры огулом и “по принципу” видит в каждом подобном издании только врага или конкурента» (1901. № 72. 1 апр.).

Структура номера выглядела следующим образом: официальная часть (менее одной страницы печатной площади), телеграммы Российского телеграфного агентства, передовая статья, общероссийские события, обзор столичных газет, местная хроника, корреспонденции, научный отдел (изобретения, проекты, статистика; прекратился в 1901 г.), судебная хроника, сельскохозяйственный отдел, смесь, справочный отдел, казенные и частные объявления, реклама. Реклама занимала не только последнюю, но и большую часть первой страницы, предшествуя официальной части, что нарушало циркуляр Главного управления по делам печати 1874 г. о недопущении печатания в ведомостях во главе номера частных объявлений⁹. Кроме рекламно-информационных сообщений (среди которых иногда попадались довольно оригинальные¹⁰), на первой

при этом, что «газета, благодаря своему официальному положению, может быть осведомлена по многим вопросам и правительственным административным мероприятиям лучше, чем частная пресса». Возможно, это был намек на то, что об этих вопросах более свободно и открыто могут высказываться именно частные, не связанные с администрацией, издания.

⁹ *Систематический указатель к сборнику циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за время с 1 января 1858 по 1 января 1880 г.* / Д. Чудновский. СПб., 1881. С. 72.

¹⁰ Например, сразу же под заголовком № 72 от 1 апреля 1901 г. было помещено частное поздравление иркутян от книгоиздателя и председателя «Общества книгопродавцев Москвы» И.К. Голубева: «Христос Воскресе! Сердечно поздравляю многочисленных знакомых и друзей с праздником Святой Пасхи и желаю всего самого хорошего и доброго здоровья». Стихи, с многозначительными многоточиями, призваны были заманить посетителей в гостиницу и ресторан «Бристоль»: «Сытный и свежий там завтрак дадут, // Ужин, обед – восхищенье... // Или, покончив мучительный труд, // Там ты найдешь наслаждение! // При ресторане гостиница есть, – // Лучше найти не пытайтесь; // Также там есть кабинетов штук шесть, // В них побывать постарайтесь...» (1901. № 206. 21 сент.).

странице крупным шрифтом размещался анонс спектаклей в Иркутском городском театре. Театральная хроника и критика, вообще, стали излюбленными темами неофициальной части, редко какой номер газеты обходился без них.

В № 27 от 2 февраля 1901 г. в газете появилась новая рубрика «По Сибири», имеющая цель «осведомления наших читателей с тем, как и чем живут обитатели пространной Сибири, что делают и на что надеются». В ней сообщалось о деятельности Томского университета и технологического института, о проблемах благоустройства сибирских городов, о сборе средств на открытие «народных домов» и о других новостях экономической, административной и повседневной жизни Сибири. Восточносибирской проблематике посвящались отдельные статьи – о съезде податных инспекторов и крестьянских начальников Иркутской губернии, заседании общества врачей Восточной Сибири», съезде губернских лесничих, заседаниях иркутского «Общества покровительства животным» и т.д. С № 72 от 1 апреля 1901 г. газета дополнилась литературным отделом, выделенным «в подвал», в котором помещались географические и этнографические очерки, театральные воспоминания, фельетоны о нравах промысловиков, ссыльных, дамах полусвета, ресторанных завсегдатаях, актрисах, певицах и других лицах «свободных профессий», чья жизнь была полна приключений, возбуждавших читательский интерес. Место действия и сюжеты фельетонов, а также топонимические псевдонимы («Влад. Ангарский», «Саянов», «Кот Сибирский», «Сибирский Панглос» и т.д.) указывают на то, что это были местные авторы, публиковавшиеся также и в «Восточном обозрении»¹¹. Один из них, писавший под именем «Сергей Грехов» на соответствующие псевдониму темы («В царстве кулис», «Ночи безумные» и т.д.), должен был признаться, что его настоящее имя Сергей Затолкин¹², поскольку обнаружилось, что Сергей Грехов – это невыдуманное лицо, «с далеко не безупречной репутацией и ничего общего с литературным трудом не имеющее» (1902. № 72. 29 марта).

«Сельскохозяйственный отдел» с 31 августа 1903 г. стал выходить отдельным приложением и знакомил читателя с характеристиками и ценами на новейшие сельскохозяйственные орудия, возможностями повышения урожайности, средствами к истреблению

¹¹ Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. С. 152, 177.

¹² Автор все-таки не назвался своим настоящим именем – Сергей Моисеев (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 390).

вредных грызунов и т.д. Основной автор «Отдела» подписывался как «Агроном Эмпе». Для популяризации современных сельскохозяйственных знаний в помещении редакции «Иркутских губернских ведомостей» (угол Большой и Амурской улиц, в самом центре города) был открыт консультационный кабинет, в котором «жители деревни и города могут получить как лично, так и письменно интересующие их сведения и советы по всем отраслям сельского хозяйства» (1903. № 3439. 3 июня). Консультация была бесплатной, а ответы на письменные запросы, главным образом о возможностях применения в сибирских условиях иностранной сельхозтехники, печатались в рубрике «Вопросы и ответы».

Таблица 20

**Тематика передовых статей неофициальной части
«Иркутских губернских ведомостей» (1 июля 1900 – 1904 г.)**

Темы	1900	1901	1902	1903	1904	Итого
Начальное образование и народное просвещение	16	12	8	12	5	53
Среднее и специальное образование	1		2	5	3	11
Высшее образование	1	2	2			5
Городское самоуправление и благоустройство города	2	9	7	30	17	65
События в мире	14	4	1	2		21
Война в Китае	13	2				15
Русско-японские отношения				5		5
Русско-японская война					15	15
Экономическое положение и перспективы развития Иркутска и Восточной Сибири	5	8	15	23	11	62
Положение крестьянства и развитие сельского хозяйства	13	2	6	12	7	40
Сибирская железная дорога и другие пути сообщения	2	7	4	11	6	30
О государственных преобразованиях в системе управления Сибирью	3	3	1	5	1	13
Благотворительность	5	1		2	4	12
Здравоохранение и санитарно-эпидемическое положение	1	3		5	1	10
Переселение в Сибирь	1	1		3		5
Введение винной монополии в Сибири	1	1		1	2	5
Ссылка в Сибирь	1					1
Другое	3	4	8	7	3	25
Итого	82	58	56	109	75	380

Основным автором передовых (табл. 20) был сам А.И. Виноградов. Их корректуру просматривал лично И.П. Моллериус, предоставив редакции «возможную свободу в выборе тем» (1905. № 4013. 16 марта). Виноградов трудился не один, а привлек к журналистской работе еще несколько постоянных сотрудников¹³. В ней в течение пяти лет работали А.А. Громов и Н.Н. Козьмин (1901. № 252. 18 нояб.; 1905. № 4013. 16 марта). И.В. Родионов выполнял функции иркутского хроникера (1903. 29 июня. № 3462). О событиях городской жизни, а также о земельном устройстве в Сибири и развитии сельского хозяйства писал Т.Г. Ефимов (см., например, 1901. № 53. 8 марта; № 259. 29 нояб.). Ограбление, которое едва не стоило ему жизни, он также превратил в ироничный фельетон, в котором просил «господ грабителей» вернуть ему по почте деловые письма, рукопись рассказа и паспорт: «Паспорт, разумеется, для “некоторых” вещь ценная и нужная ...Но моего паспорта, желая вам добра, задерживать у себя не советую: с ним вас где-нибудь пришибут или “задушат”, ибо по нему видно, что его обладатель – корреспондент!» (1904. № 3696. 9 апр.).

Корреспонденты «Иркутских губернских ведомостей» писали регулярно и из самых отдаленных мест Иркутской губернии («С грехом пополам, но до Верхоянска добрался» («Верхоянск, Якутской области». 1901. № 74. 6 апр.); «Темна и однообразна жизнь наша» («Горный-Зерентуй, Забайкальской области». – 1901. № 144. 4 июля); «Село наше с проведением железной дороги оказалось “за бортом”» («Село Кутулик, Балаганского уезда». – 1901. № 218. 7 окт.)). Как правило, без прикрас сообщалось о негативных сторонах местной жизни – о произволе купцов-спекулянтов, бедности населения, дороговизне самых необходимых товаров, низком санитарно-гигиеническом состоянии жилищ и т.д.

С читателями была налажена обратная связь – на страницах газеты помещались письма и возражения по поводу опубликованных в ведомостях статей и корреспонденций. Например, дискуссия о возможности давать детские утренние спектакли в городском театре и их воспитательном или же «развращающем» характере (1901. № 25. 31 янв.; № 31. 8 февр.) или длительный обмен мнениями о стоимости мощения главных городских улиц (1901. № 74. 6 апр.;

¹³ Pro domo sua (По поводу одной корреспонденции) // Иркутские губернские ведомости. 1901. № 72. 1 апр. С. 2–3.

№ 78. 11 апр.; № 81. 14 апр.; № 98. 4 мая; № 107. 18 мая). В мае 1903 г. таких писем было 7, а в августе – 4¹⁴. Как правило, все они начинались с просьбы редактору поместить в ближайшем номере возражение на опубликованный в газете материал «для установления истины». На одну небольшую неточность в публикации о собрании членов Восточно-сибирского отдела РГО, посвященном кончине И.М. Сибирякова (1901. № 268. 11 дек.), обратил внимание редактора Г.Н. Потанин (1901. № 271. 14 дек.). Ответы на статьи в «Иркутских губернских ведомостях» печатались и в других газетах – «Восточном обозрении» – о возможности духовных лиц принимать участие в городских выборах¹⁵ и «Иркутских епархиальных ведомостях» – о содержании местной духовной газеты¹⁶.

В рубрике «Местная хроника» события приводились в порядке их важности и значения – праздники, торжественные богослужения, благотворительные мероприятия, концерты и вечера, чрезвычайные происшествия и преступления, наложенные губернатором штрафы на жителей, разнообразные бытовые зарисовки¹⁷. Широко была представлена коммунально-бытовая тема – состояние тротуаров, освещение улиц, цены на рынках, работа ассенизаторов, невысокий уровень услуг биржевых извозчиков, появление в городе первых автомобилей и другие события повседневной городской жизни. Частым объектом для критики в 1900–1902 гг. была иркутская город-

¹⁴ Каждый месяц выхода газеты был отмечен небольшим по формату указателем содержания ее неофициальной части. Сохранившиеся выпуски позволяют быстро получить информацию, в том числе и о количестве писем в редакцию.

¹⁵ *Иркутская хроника* // Восточное обозрение. 1902. № 93. 24 апр. С. 1.

¹⁶ *Странная литература* // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1903. № 12. 15 июня. С. 307–308.

¹⁷ «По улицам Иркутска нередко можно встретить туземных уроженцев Кавказа, именуемых здесь “черкесами”, которые вооружены не только кинжалами, но и револьверами. Принимая во внимание их крайне необузданный нрав и неоднократно замечавшиеся случаи употребления ими оружия даже при простых ссорах, в целях общей безопасности, недурно было бы принять меры к обезоруживанию этих “черкесов”» (1901. № 55. 10 марта); «Велосипедисты положительно не хотят признавать никаких прав гуляющей публики – ездят по тротуарам, бульварам и проч. 27 апреля какой-то едущий по тротуару на Амурской улице рыцарь “стального коня” сшиб с ног старушку» (1901. № 93. 29 апр.); «На днях отобрали от игроков в “орлянку” и доставлены нам несколько монет, в том числе пятикопеечная монета с орлами на двух сторонах» (1901. № 200. 13 сент.); «Перекупщики открыто, не стесняясь, покупают у приезжих крестьян продукты, затем вдвое дороже продают их» (1902. № 124. 6 июня); «Все витрины пестрят объявлениями разных торговых фирм, среди которых имеются и очень солидные, о дешевых распродажах товара со скидкой от 50 до 20 %. Публика, впрочем, знает цену таким распродажам и не так-то легко попадает “на удочку”, как это было в блаженные времена, когда обыватель был более легковерен» (1903. № 3394. 1 апр.) и т.д.

ская управа. Поначалу в «Местной хронике» ее деятельность лишь слегка «поддевалась»¹⁸, затем высказывания (уже не только от редактора, но и от имени горожан) делались все более резкими¹⁹, и, наконец, в 1902 г. газета открыто и развернуто выступила против «отцов города» – в серии статей «Несо-Гласного» рассказывалось о знакомых каждому россиянину коммунально-коррупционных схемах: завышении сметных расходов при ремонтных работах, приписке количества рабочих в табелях о выдаче зарплат, получении подрядов родственниками и знакомыми депутатов, сдаче в аренду городских лавок и кладовых «для своих» по заниженным ставкам, формальных ревизиях, при которых «обращается внимание на то, есть ли к каждому расходу оправдательный документ, не вникая по существу ни в одну из фигурирующих там цифр» (1902. № 187. 23 авг.; № 215. 26 сент.; № 216. 28 сент.). В 1903 г. критический тон снизился вновь до мелких сообщений «Местной хроники» – о занижении стоимости недвижимости думских депутатов при распределении имущественного налога (1903. № 3369. 1 марта) и о возрастании расходов на содержание городской управы с 13 тыс. в 1901 г. до 22 тыс. в 1903 г. (1903. 4 июня. № 3440). В остальном мелким шрифтом и исключительно фактографически сообщалось только о ходе думских заседаний и рассматриваемых на них вопросах. Принимая во внимание частый конфликтный характер отношений власти, называемой из Петербурга, с сибирскими городскими думами²⁰, появ-

¹⁸ «Наше городское управление, подготовив почву для деятельности по оздоровлению города, придаст, наконец, должное значение им самим напечатанным цифрам, пойдет дальше и, не теряя времени, приступит к фактическому исполнению предположенных мероприятий» (1900. № 59. 9 авг.); «Пора бы городской управе выдать извозчикам новые номера, так как прошлогодние так стерлись, что положительно трудно различить на них цифры не только ночью, но даже и днем» (1901. № 9. 12 янв.); «1 января 1902 г. истекает срок полномочий нашей иркутской думы, и настает, казалось бы, пора озаботиться составлением отчета об ее деятельности за истекающее четырехлетие» (1901. № 52. 7 марта) и т.д.

¹⁹ «Сим [протестным заявлением домовладельцев] заявляем городской управе, для внесения в думу, протест наш против проекта ее об освещении города электричеством хозяйственным способом, на капитал в 250 000 руб. ... на заем этот мы не согласны и не ручаемся, твердо зная, что от этого хозяйничанья городской управы ничего путного не выйдет – достаточно указать на хозяйственный ремонт улиц, площадей и дорог, лежащих на ответственности городской управы...» (1901. № 76. 8 апр.); «Краткий обзор деятельности городского общественного управления за 1898–1900 г. рисует также далеко не веселую картину этого общественного установления» (1901. № 193. 4 сент.).

²⁰ См., например: *Меренкова Е.А.* Организация, полномочия и деятельность городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; *Алисов Д.А.* Городское общественное самоуправление и губернская власть в Западной Сибири: проблемы взаимоотношений (вторая половина XIX –

ление таких статей в газете, издаваемой в губернской типографии, не было необычным, а вот их спорадический характер возможно объяснить какими-то тактическими мотивами в отношениях коронной администрации к подконтрольным ей городскому голове и членам городской управы. Редактор А.И. Виноградов мог выполнять гласный или негласный «заказ» своего «патрона» И.П. Моллериуса. Солидаризируясь с критическими настроениями в городе в отношении деятельности «интеллигентной думы» периода 1898–1901 гг., в целом редактор высказывал свое положительное к ней отношение как важному гражданскому институту²¹.

В адрес обновленных «Иркутских губернских ведомостей» Главное управление по делам печати высказало ряд серьезных претензий. За передовую «Иркутск, 19 февраля 1902 г.» (1902. № 41. 19 февр.), посвященную 50-летию отмены крепостного права, А.И. Виноградов едва не был лишен своей должности. Цитата из сочинения некоего «немецкого ученого», считавшего основной задачей современной России устранение особого сословного положения крестьянства и уравнивание всех слоев общества в гражданских правах, была оценена цензурным ведомством как «отголосок мнений частных лиц либерального направления», не соответствующих правительственной политике. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин высказал согласие по поводу освобождения Виноградова от редакторских обязанностей, и только заступничество И.П. Моллериуса предотвратило его увольнение. Иркутский губернатор оправдывал своего подчиненного «совершеннейшей случайностью поступка», его «полной благонадежностью» и невозможностью найти подходящую кандидатуру на эту должность. Сам Виноградов в рапорте сообщал, что «неуместная» передовая принадлежала одному из постоянных сотрудников газеты (состоящему на государственной службе чиновнику) и была пропущена им по причине ослабления здоровья: «На дело редакции, независимо от работы по должности советника губернского управления, мною затрачивается не менее семи часов ежедневного труда и ни одна заметка в газете не проходит без пред-

начало XX вв.) // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 81–88.

²¹ «Может быть, “интеллигентная” дума иногда чересчур много “говорила”, но зато в жизни нашего городского самоуправления положен конец безгласности и уже не вернется то время, когда роль думы ограничивалась благодушной санкцией тех решений, к которым пришли в тишине кабинетов управские деятели, без тени критического отношения к этим решениям» (1901. № 207. 22 сент.).

варительного личного моего просмотра перед набором и после набора»²². Всего за 1901–1903 гг. Главное управление по делам печати направило иркутскому губернатору двенадцать замечаний, касавшихся содержания «Иркутских губернских ведомостей». Нежелательными в официальном органе признавались следующие публикации: судебный отчет по делу пристава Нижнеудинского уезда Ю. Антипова, обвиненного в должностном преступлении (1901. № 119. 3 июня); о своеволиях со стороны солдат и матросов по отношению к китайскому населению в Порт-Артуре (1902. № 174. 6 авг.; перепечатка из «Нового края» и «Восточного вестника»); о «бесцеремонном обращении» администрации и учебного начальства на Дальнем Востоке с учителями народных школ (1902. № 243. 1 нояб.); о недостойном поведении одного из начальников Забайкальской железной дороги (1902. № 258. 20 нояб.); о разгроме крестьянами маслобойного завода (1902. № 259. 21 нояб.); о подношении начальнику подарков подчиненными в день 35-летнего юбилея (1902. № 281. 20 дек.); о росте преступности и бездействии властей в Харбине (1903. № 13. 17 янв.); о грабежах, убийствах и насилиях в городах Сибири (1903. № 26. 1 февр.); о нарушениях в порядке надзора за казенными лесами (1903. № 36. 13 февр.); о бессилии красноярских властей в борьбе с конокрадами из ссыльных (1903. № 3391. 28 марта); о несостоятельности торгового дома П.А. Бадмаева (1903. № 3450. 15 июня)²³. То, что появлялось в частных газетах, по мнению Главного управления по делам печати, не могло быть допускаемо в официальных, даже в виде перепечаток и «смягчения выражений» (как оправдывался иркутский губернатор) газет приамурского генерал-губернаторства, прошедших предварительную цензуру, – «Восточного вестника» и «Нового края».

Подавление восстания ихэтуаней и положение «больного человека Дальнего Востока» (1901. № 11. 14 янв.) было одной из основных внешнеполитических тем «Иркутских губернских ведомостей». Мобилизация войск Приамурского военного округа и близость Иркутской губернии к происходившим событиям ставили перед местной правительственной газетой задачу оперативного ознакомления населения с положением дел на русско-китайской границе и в Пекине. В специальных рубриках «Внешние известия», «Вести с Дальне-

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 13. Д. 64. 1900 г. Л. 20–23об.

²³ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 147. 1901 г. Л. 34, 38, 39, 40, 41, 43; Оп. 13. Д. 64. 1900 г. Л. 17, 26, 30, 33.

го Востока», «К событиям в Китае» рассказывалось о действиях войск коалиции, предложениях русской дипломатии об урегулировании «китайского вопроса», положении христианских миссионеров, русских экономических и военно-политических интересах в регионе. Поворот к Востоку в российской внешней политике обусловил интерес к жителям Серединной империи – в ведомостях стали размещаться статьи о близлежащих китайских провинциях, о характере китайцев, их истории, религии, вооруженных силах. После окончания войны тема Китая практически пропала из передовых (табл. 20), ее заменила театральная хроника и расширившаяся «Местная хроника». Однако с 1903 г., в соответствии с видами определенных правительственных кругов о том, что будущее Российской империи лежит в Азии, стали «подогреваться» колонизационные чувства читателей. В новых рубриках – «По Маньчжурии» и «По Русскому Востоку» (включая Харбин и Порт-Артур) – утверждалась необходимость сохранения режима оккупации Маньчжурии, что отвечало экономическим интересам России и Восточной Сибири, рассматривалась возможность военного конфликта с Японией – «цивилизатора Кореи», чьи милитаристские устремления и территориальные притязания поддерживались давним врагом России – Великобританией. Ведущие частные издания («Сибирская Жизнь», «Восточное обозрение» и «Дальний Восток») также выступили с позиций культуртрегерства христианской России по отношению к «варварским» восточным соседям и пропагандировали скоротечную и победоносную войну с Японией²⁴. Такую позицию либеральной печати, «неожиданно» схожую с официальной прессой, можно объяснить недавними и впечатляющими успехами русского оружия в Средней Азии, пренебрежительным отношением к Востоку как военному противнику (что доказывала «операция по принуждению к миру» династии Цин в 1901 г.)²⁵, представлениями о европеизаторской миссии Сибири в Азии, лежавшими в основе как отвлеченных теоретических построений (например, идеологии областничества), так и конкретных шагов российской политики на Дальнем Востоке.

²⁴ См.: Воробьева Э. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 13–14.

²⁵ О недооценке русским самодержавием модернизированных армии и флота Японии по аналогии с действительной военной слабостью Китая как одной из причин Русско-японской войны см. перевод работы канадского историка Дэвида Схиммельпеннинка «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» (М., 2009).

С началом Русско-японской войны жанр военной хроники и аналитики стал преобладающим. «События, происходящие на Дальнем Востоке, отодвинули как-то на задний план все местные вопросы, в свое время волновавшие общество», – так писал А.И. Виноградов в одном из своих обращений к читателям (1904. № 3651. 20 февр.). Собственные передовые, перепечатки из центральных газет, телеграммы Торгово-телеграфного (Санкт-Петербургского) агентства (поступавшие более оперативно, чем телеграммы РТА, и стоившие редакции ежемесячно до 1 тыс. руб. (1904. № 3772. 1 июля)), позволяли читателям уже через день-два узнавать о происходящем в Порт-Артуре и Маньчжурии. С апреля 1904 г. в газете, с периодичностью в среднем два раза в неделю, стали печатать фотографии русских крепостей и боевых кораблей, героев обороны Порт-Артура, генералов и рядовых солдат, а также подробные карты театра военных действий. Шрифт стал более убористым, что позволило разместить на странице не пять, а шесть колонок.

Значительное место уделялось влиянию военных действий на положение населения в ставших прифронтовыми восточносибирских губерниях и областях – первоначальные сообщения о народных манифестациях, молебнах о скорой победе, записях добровольцами и торжественных проводах призывников сменились списками убитых и раненых, тревожными публикациями о нехватке рабочих рук в деревне, росте цен на продовольствие, борьбе со спекулянтами, проблемах с расквартированием прибывающих воинских частей, раненых и больных. Регулярными стали сообщения о сборе средств на нужды армии и Красного Креста (в том числе и редакцией «Иркутских губернских ведомостей»). Так же как и в 1900 г. в связи с военными действиями в Китае, война 1904–05 гг. привела к резкому спросу на газеты среди широких слоев сибирского населения²⁶. По подсчетам исследователей, общее количество сибиряков, взятых на службу в действующую армию во время Русско-японской войны, составляло 200 тыс. человек, а явка призывников, не имеющих льгот, достигала 100 %²⁷.

В первой большой войне, в которой приняла участие Сибирь, ей отводилась не только роль непосредственного тыла и мобилизационного

²⁶ Зверев В.А., Зверева К.Е. Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861–1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1999. С. 121.

²⁷ Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 7–12.

ресурса, но и форпоста Российской империи и всей Европы в борьбе с «желтой опасностью»²⁸ (в начале XX в. синофобия была свойственна определенным политическим и интеллектуальным кругам России²⁹). В условиях неудач в империалистической борьбе за передел мира оправдать случившийся конфликт и перевести его в русло столкновения цивилизаций представлялось более предпочтительным.

Оптимистическая оценка перспектив военных действий³⁰ оставалась преобладающей на протяжении всего 1904 г. даже после череды неудач русской армии на суше и на море, которые рассматривались как временные затруднения³¹. Сдача Порт-Артура, поражение под Мукденом и разгром Цусимской эскадры открыли настоящий «образ врага», в котором «вместо смешного полудикаря, по-обезьяньи копирующего внешние формы европейской цивилизации, пришлось увидеть прекрасно организованного, вооруженного всеми усовершенствованиями современной боевой техники и сильного духом противника» (1905. № 3945. 1 янв.). Гнетущая атмосфера приближающегося поражения оттенялась сообщениями о героических подвигах русских солдат (и особенно – солдат сибирских губерний) в кровопролитных и неравных сражениях. В общем отношении к войне произошла смена идеологемы от

²⁸ «Нынешняя война с Японией есть прежде всего война за дальнейшее развитие, за процветание Сибири, за ее культурный рост, а следовательно, и за самое существование ее. <...> Поэтому нынешняя война – не просто война за наш престиж великой державы или ради предотвращения надвигающейся на Европу желтой опасности, а борьба за самые существенные, жизненные интересы целокупного Государства Российского» (1904. № 3732. 19 мая, перепечатка из «Нового времени»); «Да, сибиряки соберут весь запас своей могучей энергии и легко вынесут на своих плечах то, что доступно богатью-народу, каковым был всегда истинно русский человек, о грудь которого разбилась знаменитая миллионная татарская орда и о которую разобьется желтая опасность, угрожающая снова всему европейскому миру и его цивилизации» (1904. № 3839. 11 сент.).

²⁹ В 1900 г. в «Краткой повести об Антихристе» о захвате Европы «азиатскими ордами» писал В.С. Соловьев. В 1911–12 гг. по мотивам Русско-японской войны Андрей Белый написал роман «Петербург». «Желтой опасности» и миссии «русского племени» были посвящены главы книги «Задачи России и русской армии в XX столетии» (СПб., 1910) отставного генерала А.Н. Куропаткина.

³⁰ «Как ни варварски поступили в данном случае наши враги, не соблюдая условий международного права, все-таки нужно отдать им справедливость, что они еще чересчур молоды для серьезной войны с великой державой» (1904. № 3637. 5 февр.); «Маленькой по территории Японии, втиснутой на узенькие острова, нужно было сперва многое взвесить, чтобы решиться на борьбу с великой мировой державой» (1904. № 3678. 18 марта) и т.п.

³¹ «В настоящее время, думаем, не время восторгаться японцами и бранить все русское, забывая, что при столь напряженном нервном состоянии, отчасти угнетенном скорее кажущимися, чем действительными нашими неудачами на театре военных действий, всякое дурное известие, всякое слово осуждения чего бы то ни было русского ложится тяжким камнем на душевное состояние любящего свою родину. Будем спокойно и с верою в лучшее будущее относиться к текущим событиям» (1904. № 3732. 19 мая).

«победоносной» к «трагичной», «злосчастной», «несчастной» для России. Причины неудач частная сибирская пресса, стремительно отказавшаяся от «многовековых интересов России на Востоке», стала искать в самодержавном политическом устройстве³², а «Иркутские губернские ведомости», в соответствии с правительственной точкой зрения, сосредоточились на субъективных обстоятельствах, происках внешних врагов (Великобритании и США) и деятельности «злоумышленных вождей мятежного движения».

О падении Порт-Артура «Иркутские губернские ведомости» известили своих читателей в начале января (1905. № 3947. 4 янв.), описание обстоятельств и причин сдачи «неприступного оплота» на Дальнем Востоке смешалось с тревожными сообщениями из столицы. О столкновениях рабочих с полицией в Иркутске стало известно 12 января³³, в этот же день «Иркутские губернские ведомости» вышли с соответствующими телеграммами «С.-Петербургского телеграфного агентства», напечатанными без каких-либо комментариев (1905. № 3954. 12 янв.). Местный комитет партии РСДРП организовал митинг 40 железнодорожных рабочих, а в конце января в Иркутске стали распространяться антиправительственные листовки³⁴. В официальной газете слово «революция» не упоминалось. «Беспорядки», «преступления», «бунт», «мятеж», «безумие», «нравственная эпидемия» – так в телеграммах Российского и Санкт-Петербургского телеграфных агентств, передовых статьях и перепечатках из консервативно-охранительных газет («Нового времени», «Киевлянина», «Харьковских губернских ведомостей», «Южного края» и др.) квалифицировались характер и содержание происходивших событий³⁵. С сентября 1905 г. с позиций умеренного монархизма «Иркутские губернские ведомости» стали уходить вправо, приобретая черносотенное звучание (с «Томскими губернскими ведомостями» это произошло через год, в сентябре 1906 г.). В организации революции (которая называлась таковой уже без эвфемизмов) обвинялись евреи и сторонники «жидовствующего либерализма». Рубрика «Наша внутренняя смута» (с № 4152 от 4 сентября 1905 г.) стала наполнять-

³² Воробьева Э. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. и общественное мнение... С. 16.

³³ Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. С. 72.

³⁴ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1990. Т. 2. С. 55, 60.

³⁵ В городе был большой спрос на столичные газеты, продававшиеся по 25–30 коп. за экземпляр (1905. № 4226. 13 дек.).

ся оценочными и аналитическими статьями из «Русского знамени», «Русской земли» и «Московских ведомостей». Однако такое направление не было стабильным. Манифест 17 октября 1905 г., изменявший самодержавный строй страны, оценивался положительно, давались разъяснения понятий «свобода слова» и «избирательное право», а автор Манифеста С.Ю. Витте нарекался «надежным кормчим» для «заливаемого волнами государственного корабля» (1905. № 4206. 12 нояб.; № 4214. 23 нояб.). В одном номере могли соседствовать публикации о создании «Торгово-промышленной партии» (перепечатка из «Русского листка» – голоса русских людей); об учреждении «Крестьянского союза», рассматривавшего возможность отчуждения земли («Новое время»); о программе «Союза 17 октября» (из центрального «Слова») и, наконец, из «Торгово-промышленной газеты» приводилось обращение кадет Ф.И. Родичева к рабочим о том, что «активная борьба с монархизмом может лишь раздражить народ и набросить его на свободу и право» (1905. № 4234. 22 дек.).

4 марта 1905 г. иркутский губернатор И.П. Моллериус получил назначение в члены Совета министра внутренних дел (1905. № 4006. 9 марта). В прощальном слове депутации от «Иркутских губернских ведомостей» говорилось, что его отъезд лишает газету «опытного, спокойного и благожелательного руководителя» (1905. № 4013. 16 марта). Исполнять обязанности начальника губернии стал вице-губернатор В.А. Мишин, который повел решительную борьбу с революционерами (что стало причиной покушения на него 23 декабря 1905 г.³⁶) и стремился усилить значение местной правительственной газеты для противостояния радикальным общественным настроениям. В начале сентября 1905 г., по болезни, А.И. Виноградов оставил редактирование неофициальной части. Редактором вместо него был назначен заведующий губернской типографией (обе должности были вновь объединены³⁷) коллежский регистратор Устин Иванович Горайский (1905. № 4153. 6 сент.). Он, в отличие от либерально настроенного Виноградова (уже подавшего прошение об издании «прогрессивной» ежедневной газеты «Иркутский вестник» (1905. № 4193. 28 окт.)), более соответствовал требованиям вице-

³⁶ В вышедшем после покушения номере «Иркутских губернских ведомостей» сообщалось о вступлении в должность губернатора Ив. Лаврова, в связи с «болезнью» Мишина (1905. № 4236. 24 дек.). О действительной причине этой «болезни» было сообщено лишь через несколько дней (1905. № 4238. 28 дек.).

³⁷ *Памятная книжка Иркутской губернии на 1905 год.* Иркутск, 1905. С. 169; *Памятная книжка Иркутской губернии на 1906 год.* Иркутск, 1906. С. 72.

губернатора (27 ноября 1905 г. союз иркутских типографских рабочих объявил Горайскому бойкот³⁸). 21 октября 1905 г., в самый разгар забастовочного движения в Иркутске, Виноградов по распоряжению нового иркутского губернатора М.Н. Кайгородова³⁹ вновь вступил в должность редактора неофициальной части (1905. № 4187. 21 окт.), однако менее чем через месяц его вновь сменил У.И. Горайский (1905. № 4210. 17 нояб.), выступивший с критикой газеты, возглавляемой своим бывшим начальником⁴⁰.

В рубрике «Хроника» «Иркутские губернские ведомости» представляли свою версию происходившего в городе, отличную от той, которая отражалась в оппозиционных газетах и революционных листовках. О митинге, организованном 17 октября местными комитетами социал-демократов и социалистов-революционеров, собравшем 4000–5000 человек в «Стаечном листке» (тиражом в 3000 экземпляров)⁴¹, генерал-губернатор граф П.И. Кутайсов сообщал следующим образом: «Ничтожная группа людей, явно ставших на сторону врагов Правительства, призывает население к насилию и уличным беспорядкам. Распуская нелепые, заведомо ложные слухи, люди эти смущают мирных граждан, принуждая их угрозами примкнуть к преступным замыслам. <...> Призываю также жителей не придавать веры разбрасываемым по городу преступным листкам – в них правды нет» (1905. № 4187. 21 окт.). Предыдущий номер газеты вышел 15 октября 1905 г. – рабочие губернской типографии приняли участие в общегородской забастовке, которая длилась до 20 октября⁴². Текст Высочайшего Манифеста был получен

³⁸ *Иркутская хроника*. Бойкот редактора «Губернских ведомостей» Горайского // Восточное обозрение. 1905. № 266. 2 дек. С. 2.

³⁹ М.Н. Кайгородов был назначен на пост иркутского губернатора в мае 1905 г., но прибыл в Иркутск только 11 октября. Фактическое управление губернией в этот период осуществлял В.А. Мишин (*Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 54–55).

⁴⁰ «Иркутский вестник» поместил слезницу по поводу горького положения почтово-телеграфных забастовщиков. Чего тут нет! И насилия-то над ними учиняют и материальное положение их плохо. «Вестник» даже доходит до брани тех чинов, которые вспомнили свой долг перед государством и обществом и вернулись к исполнению своих обязанностей: это, видите ли, будут, по понятиям «Вестника», ренегаты. А разве забастовщики не ренегаты? До какого же извращения нравственного чувства нужно дойти, чтобы людей, вернувшихся к исполнению своего долга, обзывать ренегатами, а людей, нарушивших и нарушающих свой долг перед государством и обществом, выводить на степень героев!» (1905. № 4231. 18 дек.).

⁴¹ *Рабочее движение в Сибири...* С. 136.

⁴² Частая публикация на страницах «Иркутских губернских ведомостей» в октябре – декабре 1905 г. объявлений о приеме печатников, наборщиков, накладчиков, разносчиков

П.И. Кутайсовым по телеграфу 22 октября в 12 часов дня, и уже через час первые 25 экземпляров были розданы редактором «Иркутских губернских ведомостей» Виноградовым представителям самых разных слоев иркутского населения, собравшимся у ворот губернской типографии. Раздача оттисков Манифеста продолжалась до трех часов дня (1905. № 4189. 24 окт.). Вечером 22 октября, в 6 часов, с текстом Манифеста, без каких-либо комментариев, вышел № 4188 «Иркутских губернских ведомостей».

В период нарастания революции, в ноябре – декабре 1905 г., неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» посредством, главным образом, писем читателей вступила в полемику с «Восточным обозрением», которое редактор-издатель ссыльный народоволец И.И. Попов фактически сделал легальным органом иркутских эсеров и социал-демократов. Законоучитель второй женской иркутской гимназии о. Ф. Верномудров, являвшийся одним из организаторов иркутского отдела монархического «Русского собрания», в ответ на «целый ураган невероятных и систематических нападок» со стороны «Восточного обозрения»⁴³, выступил против вовлечения детей в революционную агитацию, утверждая приоритет нравственной христианской свободы над формальной политической (1905. № 4214. 23 нояб.). В статье «Что нам делать теперь в это смутное время?» Верномудров призвал иркутян «оставить чувство злобы и мести друг к другу, одной партии к другой, общества к правительству, простого народа – к господам. <...> Отказаться теперь от всяких протестов, манифестаций, проявлений недовольства к нашему Царю, к его правительству» (1905. № 4217. 26 нояб.). В защиту доброго имени Верномудрова также высказались бывшие ученики городского училища (1905. № 4221. 6 дек.) и ректор духовной семинарии архимандрит Никон (1905. № 4223. 9 дек.). Новый редактор газеты У.И. Горайский ответил на передовую «Восточного обозрения»⁴⁴ о необходимости образовании политических союзов чиновников, что «такое ненормальное отношение низших органов управления к высшим вносит разгром и разложение в самые недра механизма государственного управления и является чреватым самыми гибельными для государства последствиями, до анархии

и корректора свидетельствовала о том, что у губернской типографии были серьезные проблемы с кадрами.

⁴³ *Иркутская хроника*. За школьной стеной // Восточное обозрение. 1905. № 244. 6 нояб. С 2–3.

⁴⁴ *Иркутск*, 11 декабря // Восточное обозрение. 1905. № 274. 11 дек. С. 2.

включительно» (1905. № 4233. 21 дек.). О внепартийном характере государственной службы несколькими номерами ранее писал чиновник Самойленко: «Мы, чиновники, должны стоять в стороне от всяких политических вопросов» (1905. № 4230. 17 дек.).

Техник управления по строительству Кругобайкальской железной дороги Алисов утверждал, что забастовка железнодорожных служащих 14–15 октября не была всеобщей, как об этом писало «Восточное обозрение»⁴⁵, – из 100 человек управления 20, включая автора, продолжили исполнение своих обязанностей (1905. № 4212. 19 нояб.). Старший контролер ведомства государственного контроля Забайкальской железной дороги К. Саловский опровергал сообщение «Восточного обозрения»⁴⁶ о вступлении всех чинов ведомства во «Всероссийский союз служащих контрольных учреждений» (1905. № 4221. 6 дек.). В отношении забастовки почтово-телеграфных служащих «Иркутские губернские ведомости» также имели свою позицию, выражавшую настроения иркутских обывателей, страдавших от утраты связи с внешним миром. Тот же К. Саловский называл забастовку «бойкотированием общества», а «Восточное обозрение», называвшее ее «беспримерной борьбой», определял как издание, переставшее «быть выразительницей общественного мнения иркутян» и ставшее «выразительницей мнений самой крайней партии» (1905. № 4233. 21 дек.). Официальная газета обращала внимание своих читателей, что часть почтово-телеграфных служащих сохранили верность долгу и продолжили работу (1905. № 4230. 17 дек.), несмотря на угрозы физической расправой и самовольные аресты со стороны забастовочного комитета (1905. № 4229. 16 дек.; № 4239. 29 дек.). Чиновников, не примкнувших к забастовке, «Восточное обозрение» называло «белыми рабами», ведомости отвечали, что «для “Восточного обозрения”, по видимому, нет граждан с убеждениями, и все, кто не пляшет по его социал-демократической дудке, оказываются уже рабами, не красными, конечно, рабами, а белыми» (1905. № 4224. 10 дек.)⁴⁷.

⁴⁵ *Иркутские дни* // Восточное обозрение. 1905. № 235. 27 окт. С. 2.

⁴⁶ *Иркутская хроника* // Восточное обозрение. 1905. № 268. 4 дек. С. 2.

⁴⁷ Мнения, высказанные на страницах «Иркутских губернских ведомостей» участниками (вернее – не участниками) общегородской стачки, некоторым образом корректируют представления о ней, вошедшие в авторитетные классические издания по истории рабочего движения в Сибири и основанные в том числе и на показаниях левых оппозиционных газет – «Восточного обозрения» и «Сибирского вестника». В монографии «Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика» (Томск, 1990. Т. 2) утверждается, что все 1500 рабочих и служащих управления Забай-

В 1906 г. в Иркутской губернии начался настоящий издательский бум – появилось 17 новых газет и 5 журналов⁴⁸, в то время как в 1905 г. издавалась только одна частная газета – «Восточное обозрение» (приостановлена 22 января 1906 г. «ввиду проявляемого ею вредного для общественного спокойствия направления»⁴⁹). Основной политической темой местного раздела «Иркутских губернских ведомостей» в 1906–07 гг. были выборы депутатов в Государственную Думу. Газета выступала в поддержку «Союза 17 октября» (1906. № 4259. 24 янв.) и монархических организаций – «Братства святого Иннокентия» (1906. № 4276. 12 февр.) и «Русского собрания» (1906. № 4268. 3 февр.). С середины 1906 г. в Иркутске стали выходить специализированные правомонархические газеты – «Русский черносотенец» и «Сибиряк». Выборный представитель от Иркутской губернии был избран только во II Думу – основная борьба развернулась между кадетами и социал-демократами. В результате право поехать в Петербург получил меньшевик В.Е. Мандельберг⁵⁰.

С февраля 1908 г. по распоряжению и.д. иркутского губернатора А.Н. Югана «Иркутские губернские ведомости» стали выходить с сокращенным неофициальным отделом, два раза в неделю⁵¹. Необязательным читателям возвращалась подписная плата (1908. № 4852. 29 янв.). Слухи о прекращении неофициальной части возникли уже в начале 1907 г. (1907. № 4541. 3 янв.). Редактором газеты и заведующим губернской типографией был назначен чиновник особых поручений, коллежский асессор А.А. Олышанский⁵² (с 1911 г. помощником редактора стал В. А. Мушников – служащий без чина⁵³). Олышанский и Мушников вели газету до конца марта 1917 г. До Февральской революции «Иркутские губернские ведомости» лишь однажды обратились со своих страниц к населению – 21 февраля 1913 г. по всей стране праздновался юбилей Дома Рома-

кальской железной дороги и все 300 почтово-телеграфных служащих Иркутска приняли участие в забастовке (с. 134–135).

⁴⁸ Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов. Томск, 2001. С. 75.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 423. Л. 1.

⁵⁰ Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 107.

⁵¹ В 1909 г. периодичность издания увеличилась до трех раз в неделю, с началом Первой мировой войны вновь сократилась до двух раз.

⁵² Памятная книжка Иркутской губернии 1908 года. Иркутск, 1908. С. 72; Адрес-календарь Иркутской губернии. Иркутск, 1916. С. 73

⁵³ Памятная книжка Иркутской губернии на 1911 г. Иркутск, 1911. С. 149.

новых, и газета рассказывала об основных действующих лицах Смутного времени, возникновении правящей династии и ее роли в истории Сибири. В этот день «Иркутские губернские ведомости» вышли большим форматом (73 x 43,5 см), на плотной бумаге, с цветной шапкой и огромным тиражом – 12 тысяч экземпляров для бесплатного распространения среди населения (1913. № 5616. 21 февр.; № 5617. 27 февр.).

В 1900 г. по расширенной программе стала издаваться вторая официальная газета Восточной Сибири – «Енисейские губернские ведомости», но этот период в сравнении с «Иркутскими губернскими ведомостями» был очень кратким – до начала 1902 г. В конце 1899 г. енисейский губернатор М.А. Плец обратился через иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина в Главное управление по делам печати с ходатайством о расширении неофициальной части «Енисейских губернских ведомостей» до размеров ежедневной газеты. По мнению губернатора, она не представляла интереса «ни для читающей публики, по своему содержанию, ни для торговых фирм – в качестве рекламатора», а в Красноярске назрела потребность «иметь такую газету, которая явилась бы правдивым отражением нужд текущей местной жизни»⁵⁴. Под этой формулировкой имелась в виду необходимость противостояния издаваемой с 1894 г. либеральной оппозиционной газете «Енисей» Е.Ф. Кудрявцева (с 1889 г. – «Справочный листок Енисейской губернии»)»⁵⁵. М.А. Плец представил и некоторые финансовые расчеты, согласно которым ежедневный выход официальной газеты, с расходом на печатание телеграмм и оплатой труда редактора (600 руб.), мог обойтись до 5 500 руб. в год, которые возмещались при увеличении числа подписчиков до 200 человек и частных объявлений на 20 %⁵⁶. А.Д. Горемыкин присоединил к ходатайству свое мнение о том, что «неодобрительные статьи о местных правительственных учреждениях делают своевременным и желательным создание в Красноярске в лице расширенных и, возможно, больше распространенных в публике “Енисейских губернских ведомостей”, авторитетного противовеса сенсационному направлению местной частной прессы»⁵⁷.

⁵⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 3об–4.

⁵⁵ *Красноярск. Очерки истории города*. Красноярск, 1988. С. 95.

⁵⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 4; Для этого были понижена плата за прием объявлений и прерван договор об их приеме через торговый дом Л. и Э. Метцель и К^о (*Енисейские губернские ведомости*. 1900. № 30. 30 марта. С. 4; № 118. 28 окт. С. 1).

⁵⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 4об.

Первые изменения коснулись периодичности и структуры «Енисейских губернских ведомостей» – с № 16 от 25 февраля 1900 г. неофициальная часть стала выходить отдельно по вторникам и пятницам, с № 18 от 2 марта – по вторникам, четвергам и субботам, а с № 28 от 25 марта – большим форматом (56 x 40 см). Официальная часть издавалась по четвергам. Подписка предполагалась как общая на обе газеты – 6 руб., так и отдельная: на официальную часть для обязательных подписчиков – положенные по закону 3 руб., а для частных – 4 руб. Столько же стоило и получение неофициальной части. На 1901 г. подписка принималась уже без деления на официальную и неофициальную части – 5 руб. 50 коп. Периодичность увеличилась до четырех раз в неделю. Редактором обновленных «Енисейских губернских ведомостей» стал Н.Ю. Шильдер-Шульднер. Ф.И. Дмитриев остался заведующим губернской типографией. Газета выходила без герба (как и частные газеты), а слово «губернские» было набрано самым мелким шрифтом между словами заголовка так, чтобы это читалось как «Енисейские ведомости».

Газета содержала следующие постоянные рубрики: последние известия, передовая статья на местную тему («Красноярск, дата»), «Из жизни губернии», «По Сибири» (перепечатки из «Восточного обозрения», «Сибирской жизни», «Иркутских губернских ведомостей»), «Политические известия», «Среди газет и журналов», «Сельскохозяйственный отдел», «Смесь», «Справочный отдел», казенные и частные объявления. События самого разнообразного масштаба и значения становились предметом внимания передовых и корреспонденций – о необходимости организации весенних экскурсий для учеников (1900. № 44. 9 мая), о сборе пожертвований на постройку красноярского народного дома-театра (1901. № 36. 8 марта) и о его открытии (1902. № 28. 19 февр.), о жестоком обращении пастухов с коровами (1901. № 111. 26 июля), о необходимости организации общества взаимного страхования (1901. № 174. 20 нояб.), о посещении Красноярска его уроженцем художником В.И. Суриковым (1902. № 60. 11 июня), о праздновании 25-летия минусинского музея Н.М. Мартыанова (1902. № 7. 12 янв.), о лекциях по географии и ботанике профессора Томского университета В.В. Сапожникова (1902. № 10. 17 янв.), об устройстве в губернском городе электрического освещения (1902. № 61. 14 июня) и т.д. В «подвале», в разделе «Фельетон», печатались анекдоты, бытовые зарисовки, статьи по

экономическим⁵⁸, историческим⁵⁹, этнографическим⁶⁰ или научно-популярным сюжетам (например, «Возможна ли жизнь на Марсе» (1900. № 108. 5 окт.)). Тематический выпуск, на бумаге лучшего качества, был посвящен 100-летию со дня смерти великого русского полководца А.В. Суворова (1900. № 43. 6 мая).

В освещении международных событий «Енисейские губернские ведомости», как и большинство русских газет, внесли свой небольшой вклад в поддержание англофобских настроений как реакции русского общества на Англо-бурскую войну, в которой все симпатии были на стороне «мужественных» и «отважных» буров, а англичане упрекались в бессердечии, жестокости и приверженности во внешней политике грубой силе капитала. О неудачах и пошатнувшемся международном престиже Великобритании сообщалось с нескрываемым сарказмом (в том числе и с помощью анекдотов), а о неравной борьбе за свободу и независимость южноафриканских республик говорилось с восхищением (что было несколько неожиданно для унитарного монархического государства). События в Южной Африке освещало агентство «Рейтер», обвинявшееся в искажении и сокрытии информации, которую в сообщениях английской стороны приходилось искать между строк.

Так же как и в «Иркутских губернских ведомостях», в «Енисейских» присутствовал интерес к непосредственным дальневосточным соседям Сибири. К «теоретическим» статьям, которые скорее формировали их искаженное восприятие и вызывали чувство тревоги, относилась лекция доктора философии В.С. Соловьева (перепечатанная из «Харьковских губернских ведомостей») – «Конец всемирной истории», вводящая новое тогда понятие «панмонголизм», с помощью которого рисовалась картина нашествия в конце XX в. китайцев и японцев, «сплотившихся во имя панмонголизма и поработивших своему игу весь культурный мир» (1900. № 30. 30 марта). Из этой же серии было фантастическое описание будущей войны европейских держав с японо-китайской империей, 44-миллионная армия которой

⁵⁸ Крахалев А.И. Современное состояние золотопромышленности в Красноярско-Канском округе Енисейской губернии // Енисейские губернские ведомости. 1900. № 31. 1 апр. С. 2; № 50. 23 мая. С. 2; № 59. 13 июня. С. 2–3; № 60. 15 июня. С. 2; № 62. 20 июня. С. 2; № 110. 10 окт. С. 2–3.

⁵⁹ Бакай Н. Н. Как уничтожен город Мангазея // Енисейские губернские ведомости. 1900. № 36. 20 апр. С. 2–3.

⁶⁰ Инн. Кузнецов-Красноярский О древних обитателях южных частей Енисейской губернии // Енисейские губернские ведомости. 1901. № 57. 19 апр. С. 2–3; № 58. 21 апр. С. 2–3.

захватывала Россию и Европу и терпела поражение только на берегах Рейна, благодаря изобретенным французским ученым электрическим «ядрам-громам» (1900. № 103. 23 сент.). В более здравых перепечатках из «Нового времени», «Русских ведомостей», «Забайкальских областных ведомостей» рассказывалось о характере китайцев и их истории, архитектуре Пекина, вооруженных силах, европейских колонистах и русских посольствах в Китай (1900. № 74. 18 июня; № 80. 22 авг.; № 89. 22 авг.; № 101. 19 сент.; № 113. 17 окт.). Низкие боевые качества китайских войск, проявившиеся в ходе Японо-китайской войны 1894–1895 гг., компенсировались экономическим потенциалом страны, импорт которой в Россию (главным образом, чая и шелка) составлял более 40 млн руб. в год (1900. № 75. 20 июля). «Иметь конкурентом человека, могущего довольствоваться исключительно небольшой порцией риса, – не безопасно, и нам кажется, что ограждение нашего отечества от наплыва рабочих-китайцев представляется задачей первостепенной государственной важности», – писали «Енисейские губернские ведомости» в одной из своих передовых (1900. № 72. 13 июля).

Восстание ихэтуаней, интервенция европейских держав, ввод русских войск в Маньчжурию освещались с помощью телеграмм Русского телеграфного агентства, перепечаток из центральных газет и собственных передовых. Для иллюстрации описываемых событий приводилась карта Дальнего Востока (1900. № 61. 17 июня). В соответствии с официальной позицией главной задачей русских войск называлась безопасность собственных границ, а дипломатии – сохранение территориальной целостности Китая и противостояние Японии (1900. № 108. 5 окт.).

Война непосредственно затронула повседневную жизнь и материальные интересы жителей Енисейской губернии – красноярцы обязаны были поставить на нужды армии 15 тыс. пудов сухарей из казенного хлеба и муки, которые развозили по домам обывателей (1900. № 65. 27 июня), началась мобилизация лошадей, с оплатой от 50 до 75 руб. за упряжную и 125 руб. за верховую (1900. № 71. 11 июня), на режим военного времени были переведены железнодорожные служащие (1900. № 72. 13 июля), в связи с переброской войск и военных грузов вводились ограничения на товарно-пассажирские перевозки (1900. № 73. 15 июля). Мобилизация Красноярского сибирского полка и затягивание его выступления грозили городу расквартированием нижних чинов в домах горожан и созда-

вали проблему их продовольственного обеспечения (1900. № 84. 10 авг.). 3 сентября полк был все же отправлен на Дальний Восток (1900. № 94. 2 сент.), но уже 26 сентября в Иркутске было объявлено о его возвращении (1900. № 102. 21 сент.; № 105. 28 сент.). В этих условиях «Енисейские губернские ведомости» в своих передовых опровергали ложные слухи (как, например, о разгроме «китайскими бандами» Благовещенска⁶¹) и осуществляли информационную поддержку проводимых мобилизационных мероприятий, разъясняя их общегосударственное значение⁶² и приводя примеры патриотического подъема среди населения⁶³. Предстоящие тяготы для гражданского и военнообязанного населения в походе на Восток изображались как своего рода плата за распространение правительством на территорию Сибири новых форм экономической и общественной жизни, как путь слияния интересов сибиряков с интересами жителей других губерний: «Обновленная Сибирь, получившая новые учреждения, гласный суд, железный путь, заселенная и широкими шагами ступающая по пути прогресса, не испытывала еще никогда со времен ее покорения того подъема энергии и духа, которые проявляются только во время войны. Настал и ее черед. Бодро и самоотверженно выступает сибиряк в поход и, возвратившись домой ... он сольется плотью и кровью с родными своими братьями и будет продолжать медленную, но верную работу укрепления повсеместно коренных русских начал, а самое название Сибирь исчезнет в архивах преданий»⁶⁴.

27 ноября 1901 г. енисейский губернатор М.А. Плещ вошел к новому иркутскому генерал-губернатору А.И. Пантелееву с просьбой вновь возбудить ходатайство перед Главным управлением по делам

⁶¹ *Енисейские губернские ведомости*. 1900. № 80. 1 авг. С. 2.

⁶² «Сибирскому населению суждено сыграть активную роль в разрешении вопроса Дальнего Востока, и положение столь серьезно, что каждому надлежит быть всегда готовым принести те личные или материальные жертвы, которые могут потребоваться для успешного достижения государственных целей» (*Енисейские губернские ведомости*. 1900. № 64. 24 июня. С. 1–2); «... успешное выполнение мобилизационного плана зависит главным образом от добросовестного отношения каждого частного лица к предъявляемым ему требованиям, и каждый, кто бы он ни был, должен забыть личные свои интересы и приходить кто чем может на помощь войскам и администрации в этом трудном и многосложном деле» (*Красноярск*, 11 июля // *Енисейские губернские ведомости*. 1900. № 71. 11 июня. С. 2).

⁶³ «Считаем долгом своим отметить, что такого разумного и патриотического отношения к призыву, какое царит во всех уголках, городах и весях нашей губернии, при полной неподготовленности населения к возможности серьезного похода, трудно было ожидать. Призывные запасные являются поголовно ранее срока и идут на службу с полным сознанием долга» (*Енисейские губернские ведомости*. 1900. № 73. 15 июля. С. 2).

⁶⁴ *Енисейские губернские ведомости*. 1900. № 77. 25 июня. С. 1–2.

печати, но уже об ограничении программы «Енисейских губернских ведомостей». Причины этого были прежде всего финансовые – «по прошествии почти двух лет издания газеты, как показала практика, надежды, возлагавшиеся на широкое распространение местных губернских ведомостей, не оправдались, и, вместо ожидаемых барышей, типография едва успела свести концы с концами»⁶⁵. С № 29 от 22 февраля 1902 г. газета стала выходить с сокращенной неофициальной частью, два раза в неделю. Редактором ее стал заведующей губернской типографией и газетным столом Ф.И. Дмитриев. Однако на период Русско-японской войны, в связи с интересом к ее событиям, непосредственно касавшимся Сибири, неофициальная часть с 1 июля 1904 г. по 25 октября 1905 г. вновь издавалась отдельно от официальной части. Программа газеты была следующая: правительственная политика, агентские телеграммы, деятельность российского общества Красного Креста, газетная хроника о войне, биографии и некрологи «деятелей настоящей войны, в особенности местных уроженцев и жителей»⁶⁶. С конца 1905 г. неофициальная часть «Енисейских губернских ведомостей» уже не выходила за рамки информационно-рекламного приложения к официальной части и в таком виде встретила 1917 г.⁶⁷

4.2. ИЗМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1905–1911)

В самый разгар революционных событий в стране были обновлены «Томские губернские ведомости», которые, так же как «Иркутские», стали выполнять функции общественно-политического издания. С № 43 от 23 ноября 1905 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стал статский советник П.Т. Виноградов⁶⁸. В первом же номере неофициальной части под

⁶⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. 1895 г. Л. 8об–9.

⁶⁶ *Енисейские губернские ведомости*. 1904. № 1. 1 июля. Часть неофициальная. С. 1.

⁶⁷ Редакторами «Енисейских губернских ведомостей» в этот период были служащие губернского правления: Чекулаев (до № 12 от 11 февраля 1906 г.), А. Ивановский (1906. № 14. 18 февр. – № 93. 25 нояб.), А. Пермяков (1906. № 94. 28 дек. – 1907. № 3. 9 янв.), Кононов (1907. № 4. 13 янв. – 1909. № 83. 27 окт.), Лаврентьев (1909. № 84. 31 окт. – 1910. № 69. 19 июля), М. Иванов (1910. № 70. 19 июля – 1913. № 117. 23 нояб.), В. Щипанов (1913. № 118. 26 нояб. – 1917. № 20. 21 марта).

⁶⁸ Павел Тимофеевич Виноградов (1847 – ок. 1919–1920) происходил из духовного звания и после окончания в 1873 г. историко-филологического факультета С.-Петербургского университета преподавал в Олонекской гимназии. В 1897 г. назначен инспектором народных училищ в Псковской губернии, с 1900 г. – директор Череповецкой учительской семина-

новой редакцией заявлялось о расширении ее программы: «кроме официального отдела, появляется и неофициальный» (т.е. подчеркивалось, что в предшествующие годы неофициальная часть фактически отсутствовала)⁶⁹. Кроме того, впервые с 1857 г. увеличивалась периодичность издания – два раза в неделю – по средам и воскресеньям. Основной целевой аудиторией должно было стать крестьянство. «Крестьянское законоведение», состояние начальных школ, переселенческий вопрос, земледелие и торговля, урожаи и промыслы – такие темы предполагалось сделать основными в обновленных ведомостях. «Разные вопросы жизни и особенно Томского края будут освещаться и обсуждаться правдиво и беспристрастно. <...> Читатели неофициального отдела, особенно крестьяне, найдут много полезных сведений и могут знать о том, что делается на белом све-

рии, с 1902 г. – в отставке, с 22 апреля 1903 г. – вновь на службе в Главном управлении по делам печати. Со 2 июня 1903 г. исполнял обязанности отдельного цензора по внутренней цензуре в Саратовской губернии (губернатором которой был П.А. Столыпин), а с 1 июня 1905 г. был назначен на аналогичную должность в Томск (*Патрушева Н.Г.* Организация новых цензурных учреждений во Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове // *Цензура в России: История и современность* : сборник научных трудов. СПб., 2006. Вып. 3. С. 413; *Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 г.* Саратов, 1904. С. 127). П.Т. Виноградов организовывал публичные выступления олонечских сказителей в российских городах и за рубежом и сам выступал в роли «интеллигентного сказителя» (*Лойтер С.М., Иванова Т.Г.* Виноградов Павел Тимофеевич // *Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск* / отв. ред. Т.Г. Иванова, А.Л. Топорков. М., 2010. С. 147–150). В Томск Виноградов прибыл только 28 сентября (*Сибирские известия*. 1905. № 23. 30 сент. С. 2). В 1908 г. П.Т. Виноградов в штате Томской губернии значился как «инспектор по делам печати, для повременных и неповременных изданий в Томской губернии, только для неповременных изданий (брошюр, книг разного рода), выходящих в областях: Забайкальской, Акмолинской и Семипалатинской; Иркутской, Енисейской и Тобольской» (*Памятная книжка Томской губернии на 1908 г.* Томск, 1908. С. 11). В 1910 г. П.Т. Виноградов принимал участие в Амурской экспедиции под руководством Н.Л. Гондатти (бывшего в 1908–1910 гг. томским губернатором). В 1915 г. он вернулся к прежней профессии – стал преподавателем русского и латинского языков в Каинской мужской гимназии (*Памятная книжка Томской губернии на 1915 г.* Томск, 1915. С. 79). Умер в Ростове-на-Дону во время Гражданской войны, предположительно в 1919–1920 гг. (*Лойтер С.М., Иванова Т.Г.* Указ. соч. С. 147).

⁶⁹ В расширенной программе неофициальной части «Томских губернских ведомостей» были заявлены следующие пункты: 1. Передовые статьи, касающиеся политико-экономических вопросов, связанных с жизнью всех сословий, а особенно крестьян Западной Сибири. 2. Крестьянское законоведение. 3. Известия из городов, волостей, сел и деревень Томской губернии, касающиеся: а) торговли и промышленности, б) школы средней и преимущественно начальной крестьянской, в) переселенческого дела, г) санитарных вопросов, д) суда, е) урожая хлебов, трав, ж) промыслов и з) разных других бытовых сторон жизни по Европейской и Азиатской России. 4. За границей. 5. Беллетристика: повести, стихотворения. 6. Этнография Томского края: народные песни, легенды, обряды и пр. 7. Смесь. 8. Из области крестьянского хозяйства. 9. Вопросы и ответы. 10. Частные объявления (*От редакции* // *Томские губернские ведомости*. Томск, 1905. № 43. 23 нояб. С. 3).

те»⁷⁰. Однако расширенная программа неофициальной части «Томских губернских ведомостей» была скорее программой «на вырост»⁷¹. Ввиду отсутствия авторов, увлечения полемическими материалами некоторые из заявленных в ней пунктов не получили полного самостоятельного выражения, появляясь лишь время от времени в виде единичных публикаций (например, «Крестьянское законоведение» или «Беллетристика: повести, стихотворения»).

Официальная томская газета приобретала и политическое звучание – в условиях дарования гражданских свобод и объявления о выборах в Государственную Думу необходимо было разъяснять эти новые основания общественной жизни и особенности избирательного закона для местного населения. Предлагаемые читателю материалы разделялись на рубрики «Передовая статья» (как правило, их было несколько), «Правительственные сообщения», «По России», «Последние новости», «Вести и слухи», «За границей», «Местная хроника», «По губернии», «Сибирские вести», «Смесь».

Реанимация неофициальной части «Томских губернских ведомостей», попытка придания ей народного характера, видимо, были связаны как с намерениями правительственных кругов использовать уже имеющуюся сеть официальных изданий для влияния на общественное мнение, так и с местными событиями. 20 октября 1905 г. в Томске произошли столкновения монархически настроенных горожан, организовавших «патриотическую манифестацию» с революционной милицией (фактически конфликт был спровоцирован действиями городской думы, попытавшейся взять власть в городе в свои руки). 21 октября были разграблены ряд еврейских магазинов и дом городского головы А.И. Макушина, подозревавшегося манифестантами в руководстве «революционной партией». Власть, в лице губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева, не смогла погасить стихийное антиреволюционное выступление и противодействовать спровоцировавшим его с обеих сторон информационным поводам – томский комитет РСДРП распространял по городу листовки с призывами к «революционному свержению деспотизма»⁷², а среда обы-

⁷⁰ От редакции // Томские губернские ведомости. Томск, 1905. № 43. 23 нояб. С. 3.

⁷¹ Жиликова Н.В. Программа провинциальной дореволюционной газеты как средство самопрезентации издания // Журналистика в поисках моделей развития: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 27–30 октября 2011 г. Томск, 2011. С. 41.

⁷² Томск. История города от основания до наших дней / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1999. С. 171.

вателей питалась слухами (о тайном заседании «коммуны» из евреев при участии городского головы, об освобождении арестантов из всех тюрем для «разгрома города»⁷³, о том, «что полицию отменили и хотят назначить губернатором еврея»⁷⁴). Возможно, что наличие местного официального «внепартийного» органа, способного дать внятные разъяснения по текущей ситуации, способствовало бы ее корректировке или хотя бы внесло ясность относительно позиции властей. 8 ноября В.Н. Азанчевский-Азанчеев был отправлен в отставку⁷⁵, а 22 ноября 1905 г. исполнять эту должность стал вице-губернатор, председатель губернского управления С.И. Бирюков. 23 декабря 1905 г. в губернии было введено военное положение и назначен военный генерал-губернатор – барон Карл фон Нолькен, служивший до этого обер-полицмейстером в Варшаве.

Событиям 20–23 октября 1905 г. была посвящена одна из первых статей обновленных ведомостей – корреспондент «Нового времени» в «кратком отчете о пережитых ужасах» сообщал основные факты происшедших столкновений без видимой поддержки как манифестантов, так и милиционеров (1905. № 43. 23 нояб.). Спустя три месяца в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» появилась статья «Лучше поздно, чем никогда» в защиту томского архиепископа Макария, которого «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» рассматривали в качестве руководителя октябрьского погрома. Автор, подписавшийся как «Священник» (возможно, им был протоиерей о. Сергей Дмитриевский), обращал внимание на то, что Макарий «не побоялся урагана страстей, не устрасился смерти» и лично пытался успокоить манифестантов, остановить убийц и грабителей. В качестве же причин, толкнувших «чернь» к насилию, называлась не губернаторская или духовная власть, а оппозиционная пресса: «Газеты кричат об умиротворении страны, но слишком часто едкое печатное слово их обильно подливает в мятежную среду, как масло в огонь. <...> У нас пресса взбудоражила умы, разожгла страсти» (1906. № 10. 5 февр.)

В последующих статьях деятельность социалистических и либеральных изданий (правда, без упоминания конкретных названий, под общим наименованием «газеты», «пресса», «печать») также называ-

⁷³ К делу о погроме (перепечатка из газеты «Сибирская правда») // Томские епархиальные ведомости. 1909. № 17. С. 731.

⁷⁴ Дело о погроме в г. Томске в 1905 г. (Отчет о судебном заседании томского окружного суда). Томск, 1909. С. 6.

⁷⁵ Томские губернские ведомости. 1905. № 45. 30 нояб. С. 1.

лась в качестве одной из причин обострения в стране социальных противоречий: «Путем всесильной печати передовые люди измыслили “черную сотню”, разбили Россию на два лагеря и начали громить чернь разжигающими страсти страстями, не разбирая ни хулиганов, ни народа, жаждущего успокоения» (1905. № 45. 30 нояб.; перепечатка из «Сибирских известий»); «В свободной прессе последних дней широко развивается хулиганство “литературное”; оно состоит в печальной ругани, злословии и издевательстве над людьми иного лагеря и других убеждений, в отпуске по адресу их таких словечек, от которых делается тошно человеку с развитым литературным вкусом» (1906. № 25. 9 апр.; перепечатка из «Тамбовских губернских ведомостей»); «О, преступная, безумная печать! Твое призвание “глаголом жечь сердца людей”, чтобы побудить эти сердца к любви и уважению ... Ты же, подделываясь под модные течения, удовлетворяя вкусам толпы, предательски разжигаешь безумные страсти, подливая масла в разбушевавшийся от урагана костер, пожирающий своим пламенем все накопленное богатство» (1906. № 54. 23 июля); «При громадной денежной помощи, получаемой ею [революцией] как извне, так и внутри от людей сочувствующих и посредством грабежей, ей не трудно захватить в свои руки и продажную часть прессы и посредством ее развращать нашу неучащуюся молодежь, полуграмотного “сознательного” рабочего и почти совершенно безграмотного крестьянина» (1906. № 56. 30 июля).

Основными темами неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в период редакторства П.Т. Виноградова стали Манифест 17 октября 1905 г. как документ, обновляющий весь государственный уклад страны, и выборы в Государственную Думу как умиротворяющее гражданское учреждение. Прибывший в Томск 7 января 1906 г. новый начальник губернии К.С. Нолькен в обращении к чиновникам, купечеству и представителям городской думы заявил, что основная задача текущего момента – опираясь на коренных сибиряков, избрать в Государственную Думу «лучших людей», которые «поведают Царю обо всех насущных, сознанных населением, нуждах богатого, вольного духом и широкого пространством Томского края» (1906. № 3. 11 янв.).

Первоначальные надежды правительства на крестьянство как оплот монархии в борьбе с революционной интеллигенцией определяли стилистику статей – обращение властей к крестьянам, обращение к крестьянам от их же представителей или рассуждения по по-

воду крестьянского «мировоззрения»: «Старайтесь, братцы, на общих губернских собраниях выбирать членов в Думу из крестьян» (1905. № 44. 27 нояб.); «Дорогие собратья! Мужички! <...> Не будем, братцы, поддаваться лъстивым словам врага...» (1906. № 4. 15 янв.; перепечатка из «Тульских губернских ведомостей»); «Под грубой оболочкой нашего мужика бьется сердце горячего патриота, бьется сердце, не чуждое братства, любви и стремления к свету цивилизации» (1905. № 45. 30 нояб.; перепечатка из «Сибирских известий»); «...желая ослабить крестьян, поднять их друг против друга и не дать возможности собраться Государственной Думе, а самим захватить власть, смутьяны разного рода развращают крестьянство, обещая ему чужие земли...» (1906. № 3. 11 янв.; перепечатка из «Вологодских губернских ведомостей»), «Государь преисполнен забот об улучшении стесненного положения [крестьян], вопрос об этом уже рассматривается, а когда соберется Государственная Дума, он будет предметом ее обсуждения» (1906. № 10. 5 февр.; перепечатка из «Русского чтения»); «Мы подаем свой народный, крестьянский голос за русскую народную веру, русского самодержавного Царя, за предпочтительное право русской народности и за такое устройство Государственной Думы, при коем не будет поколеблено самодержавное право Царя» (1906. № 12. 15 февр.; перепечатка из «Русского чтения»); «От личного состава Государственной Думы зависит дальнейшее развитие нашего дорогого отечества на пути законности, правопорядка и излечения многих его язв и ран» (1906. № 31. 30 апр.; перепечатка из «Пермских губернских ведомостей») и т.д.

При описании забот самодержавия о благосостоянии народа применялось подражание народному стилю речи: «17 октября 1905 г. вышел царский манифест; в нем про разные свободы писано, про Думу Государственную, а, верно, все же многие не знают, что в нем говорится»; «И видит Царь, что народ обеднел, что жить народу тяжело стало и помощи народу нет ниоткуда» (1905. № 43. 23 нояб.; перепечатка из «Воронежских губернских ведомостей»); «Вот в такое-то грозное и тревожное время нельзя не возрадоваться ближнему созыву народных представителей и не пожелать им успеха!» (1906. № 11. 8 февр.; перепечатка из «Черниговских губернских ведомостей»); «Такие люди – мы, мужички. Мы лучше всякого знаем свою жизнь, мы пьем ее горе, дышим ее радостью» (1906. № 21. 19 марта; из приговора крестьян Покровской волости Барнаульского уезда и Прокудинской волости Томского уезда); «Увидел Царь, что

выборные в Думе о нуждах народа не заботятся, а вместо того не за свое дело взялись и не принадлежащую им власть захотели себе присвоить...» (1906. № 60. 13 авг.; перепечатка из «Тамбовских губернских ведомостей»). В ход шли и незамысловатые патриотические стихи, апеллирующие к историческому прошлому – периоду Смутного времени (например, стихотворение А. Коринфского – «Голос народа». 1905. № 44. 27 нояб.).

Революционные силы и их деятельность описывались исключительно в негативных тонах: «мятежники», «бунтари», «безумцы», «революционные банды», «изменники», «разбойники», «крамольники», «смутьяны», «лихие люди», «волки в овечьей шкуре», «негодяи», «легкомысленные и испорченные люди», «враги отечества», «враги нашего народа», «беспорядки», «анархия», «кровавая смута», «бунт», «антиправительственные речи», «коварные воззвания» и т.д. В качестве причин революционных событий поднималась и еврейская тема: «За границей с усмешкой сожаления говорят о русском народе, который забыл своего природного государя и отдался в руки евреев и врагов России...» (1906. № 10. 5 февр.); «Появились прокламации, днем кидались они по улицам [Томска], устраивались зажигательные митинги, под предводительством евреев» (1906. № 10. 5 февр.); «...евреи развивают явно агрессивную политику и, обвиняя других в человеконенавистничестве (это любимое обвинение), сами проповедуют и наверху и внизу вражду» (1906. № 12. 15 февр.; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей») и т.д.

В расчете на успокоение сельского жителя и городского обывателя в рубрике «Местная хроника» сообщалось о постепенном восстановлении порядка в губернии и возобновлении привычного течения жизни, хотя приводились и тревожные новости: о начале занятий в Томской Мариинской женской гимназии с 9 января 1906 г. (1906. № 1. 1 янв.); о возобновлении телеграфного сообщения с Иркутском (1906. № 2. 4 янв.); об обнаружении в Томске тайной типографии и склада оружия (1906. № 3. 11 янв.); об укреплении сил томского гарнизона (1906. № 13. 19 февр.).

Манифест 17 октября рассматривался как шаг к окончанию революции, возможность для мирного разрешения социальных конфликтов: «Довольно насилия! К мирной работе, товарищи!» (1905. № 45. 30 нояб.; перепечатка из «Сибирских известий»); «...мы [мировые судьи и судебные следователи Томска] признаем, что лишь мирная борьба выведет население на путь законный и правовой,

обеспечивающий личную и имущественную неприкосновенность наших соотечественников» (1905. № 50. 18 дек.)⁷⁶; «Вообще нашим гражданам следует успокоиться. Дело идет к восстановлению полного порядка. Государственные бумаги поднимаются в курсе. Попытки смутьянов к мятежу и восстанию, как видно из телеграмм, терпят поражение» (1905. № 52. 25 дек.); «...мы, родители, требуем от учебного персонала принять все меры к прекращению ученических забастовок...» (1906. № 1. 1 янв.); «Как Георгий Победоносец, одним ударом ее [революцию] сразил Манифест 17 октября. <...> Богатырская натура народа сразу преодолела болезнь, а Государственная Дума окончательно ее излечит» (1906. № 10. 5 февр.; перепечатка из «Голоса правды»).

Выдержки из зарубежной прессы подбирались с положительными оценками «спасителя отечества» С.Ю. Витте («...фигура единственного человека, еще способного вести государственный корабль между рифами и скалами, угрожающими уничтожить его» (1905. № 44. 27 нояб.); «Следует признать, что не только должны исчезнуть ныне сомнения в его [Витте] добрых намерениях, но и что достигнутое им до сих пор представляет чрезвычайно большой успех» (1905. № 45. 30 нояб.)). Приводились отрицательные характеристики из революционного прошлого Европы и деятельности французских и английских социалистов (1906. № 3. 11 янв.; № 14. 22 февр.).

Большую роль играли новости с мест, почерпнутые из других губернских ведомостей, получаемых редакцией. Объем перепечаток превышал объем авторских материалов, однако это обстоятельство не снижало функциональности газеты как местного официального органа. Тем самым ускорялся процесс подготовки и цензурирования номера, в соответствии с «видами» и «взглядами» правительства расширялась панорама освещаемых событий. Кроме того, так подчеркивалась общность России и Сибири как ее неотъемлемой части («Из нашей газеты вы будете узнавать о нуждах и вопросах, волнующих других деревенских жителей, а также узнаете, как велики

⁷⁶ Правда, с этой публикацией вышла неувязка. Мировые судьи и судебные следователи Томска, от лица которых было напечатано обращение, прислали опровержение: они такого обращения не составляли. П.Т. Виноградову пришлось оправдываться, что обращение, принесенное к нему как цензору по Томской губернии в корректурных листах с другим материалом, предназначенным для «Сибирских известий», он напечатал на основании того, что эти «прекрасные мысли» могут «явить собой пример патриотизма для других» и «по своему содержанию должны делать не бесчестье, а честь мировым судьям и судебным следователям» (*Томские губернские ведомости*. 1906. № 1. 1 янв.).

и разнообразны нужды всей нашей родины – России и что в ней делается» (1905. № 45. 30 нояб.).

Из местных газет в качестве источника заимствования для рубрик «По губернии» и «Местная хроника» выступали либеральная «Сибирская жизнь», являвшаяся «неофициальным органом кадетской организации в Томске»⁷⁷, и «Сибирские известия» (с 1906 г. – «Время») – орган томского отдела «Союза 17 октября». При этом из «Сибирской жизни» главным образом брались сообщения, лишенные политической окраски (об открытии библиотек-читален, необходимости судебной реформы, о положении жителей Нарымского края и т.д.), из октябристских «Сибирских известий» («Времени») заимствовались проблемные статьи для собственных передовых.

Официальные ведомости публиковали программные положения «Союза 17 октября» (1905. № 47. 7 дек.; № 51. 21 дек.), сообщали об образовании томского отдела партии и его заседаниях (1905. № 50. 18 дек.; 1906. № 6. 22 янв.; № 32. 3 мая), открытии отделов «Союза» в Барнауле, Бийске, Каинске, селах Спасском и Камень (1906. № 11. 8 февр.; № 13. 19 февр.); печатали предвыборные разъяснения относительно функций будущего народного представительства (1906. № 6. 22 янв.). Сам Виноградов входил в бюро томского отдела «Союза 17 октября»⁷⁸ и на одном из общих собраний выступал с докладом «О необходимости обязательного начального народного образования в России»⁷⁹.

Оппозиционно-революционный характер Государственный Думы стал причиной смещения акцентов в оценке перспектив деятельности первого народного представительства по «умиротворению России». Расчеты на патриархальность и монархизм крестьянства не оправдались и в Сибири. В I Думу из 15 избранных депутатов (до роспуска Думы выборы состоялись лишь в трех губерниях – Тобольской, Томской, Енисейской – и Акмолинской области) по партийной принадлежности 1 являлся октябристом, 1 – сторонником партии демократических реформ, 9 – кадетами, 2 – трудовиками, 1 – социал-демократом и 1 был бес-

⁷⁷ Косых Е.Н. Сибирская жизнь // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 311.

⁷⁸ Местная хроника. Первое общее собрание членов томского отдела Союза 17 октября // Томские губернские ведомости. 1906. № 6. 22 янв. С. 4.

⁷⁹ Местная хроника // Томские губернские ведомости. 1906. № 13. 19 февр. С. 4; Также П.Т. Виноградовым была подготовлена работа «Начальное образование в Томской губернии в 1908 г. сравнительно с земскими губерниями и культурными странами мира» (Томские губернские ведомости. 1910. № 13. 14 февр. С. 4).

партийным⁸⁰. Из пяти депутатов-крестьян по Томской губернии, о которых «Томские губернские ведомости» сообщали, что они «не принадлежат и не принадлежали ни к какой партии» и «искренне преданы своему царю»⁸¹, четверо поддерживали конституционных демократов и только один – «Союз 17 октября».

Вслед за центральными газетами правого направления в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стали размещаться критические материалы в адрес Думы и положительные оценки ее роспуска: «В непрестанных заботах о преуспевании России Государь призвал избранных людей к единению с собою в законодательной работе и назвал их “лучшими людьми”. Но, к прискорбию, многие из этих людей оказались совсем не лучшими, а многие из них худшими. Произошла печальная ошибка. Эти люди оказываются дерзкими узурпаторами, с извращенными понятиями и злобными чувствами» (1906. № 38. 28 мая; перепечатка из «Киевлянина»); «Дума не оправдала ожидания русского народа, занялась не делом, нужным для истерзанного народа, чтобы залечить его раны, а желанием угодить героям бомб и браунингов, убийцам-разрушителям, освободить убийц от заслуженного наказания, отменив смертную казнь для палачей, которые ежедневно казнят лучших русских царских слуг» (1906. № 39. 31 мая); «Дума оказалась не Государственной, в широком смысле этого понятия, а узкопартийной. Такая Дума не могла внести успокоение в жизнь страдавшей страны» (1906. № 54. 23 июля; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»).

В сентябре 1906 г. произошла смена редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», вызванная попыткой консолидации в Томске правых монархических сил и их отмежеванием от «Союза 17 октября». Вначале газету редактировал чиновник особых поручений при губернаторе К.С. Нолькене И.Е. Бицюк – подпоручик запаса и казначей губернского управления (участник Русско-японской войны)⁸², а затем – непременный член томского губернского управления по крестьянским делам, действительный статский советник А.В. Дуров – один из первых среди учредителей «Русского народного общества за веру, царя и

⁸⁰ Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные Думы в Сибири... С. 87.

⁸¹ Томские губернские ведомости. 1906. № 40. 4 июня. С. 3.

⁸² Томские губернские ведомости. 1906. № 68. 10 сент. – № 70. 17 сент.; 1906. № 85. 8 нояб. – № 90. 26 нояб.

отечество»⁸³. «Общество», устав которого был утвержден губернатором 12 сентября 1906 г., было образовано лицами, отошедшими от томского отделения партии октябристов. Его целью провозглашалось «достижение мирным путем умиротворения России, установление в ней внутренней и внешней безопасности, устройство ее на благо всех русских граждан на основах истинной свободы народа и создания сильной и авторитетной власти»⁸⁴. С середины 1907 г. редактором неофициальной части стал В.Э. Мейер – томский вице-губернатор в чине коллежского асессора⁸⁵.

Газета «Время», направление которой соответствовало программе «Союза 17 октября», также перешла под контроль «Русского народного общества» – с № 74 от 11 апреля 1906 г. вместо профессора Томского университета И.А. Базанова ее редакторами стали члены-учредители «Общества» – экстраординарный профессор Томского технологического института А.И. Ефимов и библиотекарь Томского университета коллежский асессор Н.В. Миницкий⁸⁶. Однако с декабря 1906 г. газета вновь стала печатным органом томских октябристов, во главе с Е.Ф. Кудрявцевым, редактировавшим ранее в Красноярске либеральные газеты «Енисей» и «Сибирский край»⁸⁷.

Новое руководство неофициальной части «Томских губернских ведомостей» повело газету резко вправо. Основными источниками заимствования оценочных и аналитических статей стали черносотенные «Русское знамя», «Русская земля», «Московские ведомости», а также примыкавшие к ним консервативные монархические «Харьковские губернские ведомости» и «Киевлянин». Резко возросло присутствие охранительно-патриотического «Нового времени» (табл. 21). Несмотря на то, что значительную часть содержания неофициальной части составляли публикации о событиях в столицах, долю местных сообщений также следует при-

⁸³ *Томские губернские ведомости*. 1906. № 71. 20 сент. – № 84. 4 нояб.; № 91. 29 нояб. – 1907. № 49. 1 июля.

⁸⁴ Л. Из хроники общественной жизни Сибири // *Сибирские вопросы*. СПб., 1906. № 6. С. 115–116.

⁸⁵ *Томские губернские ведомости*. 1907. № 50. 4 июля – 1913. № 13. 17 февр.

⁸⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 30–33об.

⁸⁷ Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996. С. 145.

знать достаточно высокой (18% в конце 1905 – 1906 г. и 12% в 1907 г. (табл. 21))⁸⁸.

Таблица 21

**Количество публикаций о революции 1905–1907 гг. и деятельности
Государственной Думы на страницах неофициальной части
«Томских губернских ведомостей»
(23 ноября 1905 г., № 43 – 30 декабря 1907 г., № 96)**

Источники публикаций	(23 ноября 1905 г., № 43 – 31 декабря 1906 г., № 99)	(3 января 1907 г., № 1 – 30 декабря 1907 г., № 96)
Ежедневный бюллетень Осведомительного бюро	1	8
«Московские ведомости»	1	31
«Русская земля»	1	55
«Русское знамя»	2	31
«Киевлянин»	6	58
«Варшавский дневник»		6
«Голос Москвы»		9
«Земля»		13
«Русская речь»		18
«Сибирская жизнь»	6	2
Редакционные (передовые) статьи	6	33
«Время»	6	5
«Колокол»	8	14
«Слово»	9	4
«Россия»	10	9
«Правительственный вестник»	13	5
«Харьковские губернские ведомости»	13	32
Другие губернские ведомости	20	1
«Новое время»	19	67
Другие издания	56	97
Местная хроника, корреспонденции и со- общения, письма	121	86
Центральные сообщения (телеграммы, официальные сообщения, заграничные известия, статьи без указания источника заимствования)	364	132

Организаторами «освободительного кошмара» (1907. № 29. 15 апр.; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей») назывались евреи и «шабесгой», «глубоко невежественное и крайне безнравственное студенчество», «зарвавшаяся молодежь» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Русской земли»), «беспочвенная,

⁸⁸ В таблице 21 учитывались только те публикации «Местной хроники», которые касались революционных событий в Томске и Томской губернии. Кроме того, при подсчете центральных сообщений каждая из телеграмм в рубрике «По России» учитывалась как одно сообщение, а они могли занимать до 1–1,5 страницы.

праздная и суестьющаяся интеллигенция» (1907. № 8. 28 янв.). Революционеры финансировались при помощи «глупых и случайных людей, из которых были выманены крупные деньги», и капиталов, которые «вкладывались в азартную спекуляцию в надежде на возвращение с огромными процентами» (1907. № 6. 21 янв.). Эпитеты, которыми награждались «левые», должны были создать образ малокультурного и социально опасного элемента: «герои из подворотни» (1907. № 16. 25 февр.; перепечатка из «Московских ведомостей»), «враги России и русского народа» (1907. № 12. 11 февр.), «прилично одетый молодой человек захватного тона» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Орловской Речи»), «социал-хулиганы» (1907. № 34. 9 мая; перепечатка из «Русской земли»), «пропагандцы» (1907. № 29. 15 апр.), «социал-погромщики» (1907. № 30. 18 апр.), «дикая революционная орда» (1907. № 32. 2 мая), «элементы низшей культуры» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Русской земли»), «взъерошенные друзья и бастующие школяры, оружие “отречемся от старого мира”» (1907. № 33. 6 мая). Их деятельность оценивалась как пустопорожняя и вредоносная: «болтовня» (1907. № 8. 28 янв.), «книжность и босяцкая беспочвенность» (1907. № 13. 14 февр.), «бунтация» (1907. № 18. 7 марта), «социальный вздор» (1907. № 21. 18 марта), «ограбные подвиги» (1907. № 62. 15 авг.; перепечатка из «Русской земли»). Революционное студенчество обвинялось в пренебрежении к учебе, иждивенчестве, социальной безответственности: «Всем известно, что, занимаясь серьезно, ни студентам, ни курсисткам времени на политические дела нет и быть не может, и невольно напрашивается вопрос: каких врачей, юристов, педагогов и ученых даст нам это поколение?» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Киевлянина»). Подчеркивался высокий уровень насилия со стороны революционных сил. Хотя приводимую в издании цифру в 36 тыс. погибших в ходе революционного террора государственных служащих (1907. № 33. 6 мая) следует считать завышенной (в 1906–1907 гг. погибло свыше 4 тыс. и было ранено около 5 тыс. чиновников⁸⁹).

Образ Думы уже не связывался с идеями «обновления» и «спасения» России. Это – «очаг смуты, грабежей и разбоев» (1907. № 46. 20 июня; перепечатка из «Харьковских ведомостей»), «еврейско-кадетский митинг», «сборище, выпущенных из подполья “социалов”» (1907. № 81. 28 окт.), «...Ноев ковчег, этот библейский сбор

⁸⁹ *Полиция и милиция России: страницы истории.* М., 1995. С. 85–86.

всякой твари: чистой по паре, нечистой по семи пар, эта бессмысленная толпа друг на друга оскаливающих зубы людей, в лучшем случае ни к какому делу не пригодных, а в подавляющем большинстве феноменально невежественных и безграмотных» (1907. № 18. 7 марта; перепечатка из «Русского дела»). Для дискредитации деятельности Думы делался упор на то, что она не способна представлять интересы коренного русского населения: «...в русской Государственной Думе нельзя сказать “Привисленские губернии”, чтобы не раздался крик “Царство Польское!”» (1907. № 30. 18 апр.); «...во время пламенной речи какого-то кавказского “человэка” один русский крестьянин-депутат обратился к председателю Думы с просьбою: пригласить переводчика для перевода на русский язык непонятной для него речи...»; «...в Ташкенте был выбран в депутаты некий мулла ... этот “депутат без языка”, при взгляде на показанные ему в “Родном слове” рисунки, мог только назвать “козлика”, воскликнув при этом радостно: “Бабашка! Бабашка!”» (1907. № 29. 15 апр.; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»).

Деятельность «левых» депутатов Думы первого и второго созывов оценивалась и высмеивалась как корыстная, неконструктивная, комичная: «Роль “законодателей”, щедро оплачиваемая к тому же десятирублевым суточным вознаграждением, которое, по словам крестьян, никакой косовицей не заработаешь, роль очень лестная и приятная. Расстаться с этой ролью, получить деньги на обратный проезд в родные палестины и вернуться в “первобытное состояние” – перспектива не из приятных» (1907. № 21. 18 марта); «Шайка бунтовщиков, кричащая так, что потолки падают» (1907. № 22. 21 марта)⁹⁰; «Тщетно правые и умеренные призывают думских революционеров и “народную свободу” приняться за дело и не получать из казенного сундука за одну болтовню по 10 руб. в сутки. “Социалы” и “трудовики” ни о каком труде не помышляют, а ведут войну с правительством. <...> Два месяца бестолковой невежественной болтовни окончательно успели уже подорвать авторитет “законодателей”» (1907. № 30. 18 апр.).

Среди политических партий особой критике (практически в каждом номере) стали подвергаться кадеты. При их характеристике был взят разоблачительный тон. Это партия «политических недорослей» (1907. № 8. 28 янв.), «бунтовщическая партия» (1907. № 12.

⁹⁰ Имелся в виду обвал потолка в Таврическом дворце, происшедший до открытия заседания утром 2 марта 1907 г.

11 февр.), «еврействующая» (1907. № 61. 12 авг.), она усвоила «скверную и вздорную привычку говорить от имени всего народа» (1907. № 33. 6 мая). Лидеры партии – люди беспринципные и лицемерные. П.Д. Долгоруков, один из ее основателей, обвинялся в том, что, «купив в Ружском уезде имение за 0,5 млн, хотел всучить его Крестьянскому банку за 1,2 млн рублей. <...> Любому жиду можно поучиться у нашего родовитого князя, как наживать на рубль – два с полтиной!». Кадеты обвинялись в использовании «черного пиара»: перекупке бюллетеней, подстрекательстве детей красть бюллетени у своих родителей, вбрасывании кадетских списков в урны (1907. № 10. 4 февр.; перепечатка из «Русской земли»).

Томскому отделению партии кадетов также доставалось от «Томских губернских ведомостей»: «Опубликованный нашими “кадетами” список кандидатов в выборщики, можно сказать, блестящий: три купца (“целых” – вычеркнуто цензором), четыре профессора, а остальные – тоже “умственные интеллигенты”. Что в кадетском списке красуются имена четырех профессоров, – в этом, конечно, ничего удивительного нет. Но как в него попали трое купцов – это решительно непостижимо. Очевидно, у этих купцов, на (“на спине” – вычеркнуто) которых думают выехать поправевшие для виду кадеты, мало своей купеческой амбиции, а память у них, несомненно, короткая. <...> Что-нибудь одно из двух: или (гг. Максимов, Житков и Толкачев – заменено на “эти купцы”) не сегодня-завтра откажутся от своих “капиталов” в пользу “трудящегося класса” и превратятся в настоящих “умственных интеллигентов”, или они играют роль ширмы, роль приманки, на которую наши кадеты рассчитывают словить голоса более умеренных элементов...» (1907. № 74. 26 сент.).

Воззвание революционеров к «народу» – это провоцирование стихийно-разрушительных инстинктов: «Это тот “народ”, который устраивал “иллюминации” помещичьих усадеб, порол животы породистым лошадям и овцам и топил их в реке, швырял бомбы не только в “сатрапов”, но и в вагоны городских железных дорог, в женщин и детей, расстреливал из-за угла городских и солдат, грабил банки, кассы, почтовые конторы, рвал царские портреты, производил кошунства в православных храмах, бастовал на фабриках и заводах, бастовал в школах, чуть-чуть не забастовал было в судах и даже в губернских управлениях и проч. и проч., и все-таки это не весь

русский народ, а только “сливки” его, “лучшая”, “сознательная”, “мыслящая”, “оппозиционная” его часть» (1907. № 33. 6 мая).

Томск также был отмечен экспроприаторскими актами. 20 августа 1907 г. было совершено нападение на бухгалтера Томского технологического института Д.Н. Соковнина, однако ему удалось отбиться от нападавших (1907. № 64. 22 авг.). Через два месяца, 20 октября, эта история получила трагическое продолжение. Соковнин был тяжело ранен и скончался в больнице, хотя «экс» закончился безрезультатно, поскольку нападавшие, сосредоточив свое внимание на сейфе, не посмотрели на стол, где и лежали подготовленные для выдачи жалованья конверты с деньгами (1907. № 81. 28 окт.; № 82. 31 окт.). После убийства Соковнина левые силы начали отрешиваться от прямого в нем участия и косвенного влияния. Местное отделение партии кадетов в технологическом институте выразило порицание случившемуся и начало сбор подписей согласных с этим заявлением. На состоявшейся 25 октября студенческой сходке в Томском университете убийцы также были осуждены. В октябристской газете «Время» в № 232 была опубликована статья «Октябрист», в которой павший от рук экспроприаторов изображался в качестве примера высоких душевных качеств людей, которые представляют партию октябристов. «Томские губернские ведомости» на этот счет резко возразили: «Мужество, каким обладал покойный герой долга Д.Н. Соковнин, вовсе не есть качество, присущее октябристам вообще. Наоборот, это люди именно робкие, пугающиеся как правых, так и левых. <...> Но тот прием, к которому в данном случае прибегла газета “Время” для восхваления партии октябристов, кажется нам глубоко предосудительным и сугубо бестактным ... Нет, не “октябрист” сказался в трагически погибшем Д.Н. Соковнине, а прежде всего честный и мужественный русский человек, свято исполнивший свой долг перед царем и Родиной» (1907. № 82. 28 окт.). От бывшей октябристской направленности «Томских губернских ведомостей» не осталось и следа. Партия «центра» определялась как «общипанный хвост, жалко влачащийся за кадетами» (1907. № 53. 15 июля; перепечатка из «Нового времени»), а ее лидер обвинялся в «политической близорукости» (1906. № 93. 6 дек.; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»), клеймился как «московский подкадет», потворствующий революционным силам (1907. № 91. 2 дек.; перепечатка из «Нового времени»). Газета «Время» и ее редактор Е.Ф. Кудрявцев обвинялись в «левизне», следовании директивам столичных «заправил партии» (1907. № 48. 27 июня; № 49. 1 июля), в намеренных инсинуа-

циях и нападках на деятелей томского «Общества за Веру, Царя и Отечество» (1907. № 61. 12 авг.).

Русский народ на страницах неофициальной части в период редакторства А.В. Дурова и В.Э. Мейера, как и при П.Т. Виноградове, продолжал изображаться как простой и бесхитростный, обманутый и ввергнутый в искушение революционными силами: «Добро-сердечные агитаторы обещают крестьянам в своих прокламациях сколько угодно чужой земли, а также клянутся в том, что после объявления республики бедных больше не будет» (1907. № 29. 15 апр.); «Насколько непрощенные “освободители” нравственно звероподобны, заносчивы, высокомерны, беспокойны и бестолковы, настолько народ, настоящий русский народ, богобоязнен, смирен, терпелив и мудр» (1907. № 33. 6 мая); «У Беранже есть песенка про фею Урганду, которая маленькой палочкой делала большие дела. “Только махнет ею, – мигом // Счастье прольется везде, // Добрая фея, скажи нам, // Где твоя палочка, где?” Все политические партии уверяют, что эта палочка – у них, что только они умеют проливать... счастье» (1907. № 13. 14 февр.; перепечатка из «Русского знамени»); «Каждая новая революционная секта объявляла и впредь будет объявлять свою предшественницу обманщицей народа. Мне невольно припоминается песенка немецких крестьян по адресу их немецких же освободителей. Вот она: “Нам твердили: Вы будете богаты, // Вы сделаетесь счастливыми и уважаемыми, // Нам обещали довольство и счастье, // И вот мы остались в дураках. // Разве мы стали богатыми? // Господи, пожалей нас! // Мы потеряли и те крохи, что имели. // Теперь-то мы и стали бедными”» (1907. № 33. 6 мая). Социалисты обманывали крестьян возможностью узаконенного «черного передела»: «Партия народной свободы или партия неволи русского народа обещает всем обездоленным и угнетенным райское житье, новую жизнь, которая для крестьян, например, обязательно должна наступить вслед за производством в России колоссального грабежа, имеваемого принудительным отчуждением частной земельной собственности...» (1907. № 33. 6 мая). Очерк о вдове рабочего, которого «товарищи» увлекли в роковой поход к Зимнему дворцу, должен был вызвать у читателя негодование и жалость к поверившим в заведомо невыполнимые обещания: «И как же мой покойник не хотел идти с ними. Да все равно его бы свои прикончили. Конец-то один был. Мой хозяин Царя-батюшку во как почитал! Детям всегда наказывал за Государя молиться. Товарищи-то ему все твердили: “Дол-

жен ты за общее дело идти. Если, дескать, что случится, то твоих детей и жену не оставим. А если наша возьмет, то будет рай на земле, а не житье". <...> А теперь они мне же, эти товарищи-то покойного, говорят: "Мало ль вас, вдов, шляется! Всем помогать и сил не хватит". Эта встреча упала мне камнем на душу. <...> Вспомнились бабочки, летящие на огонь, обжигающие крылышки и падающие на скатерть. Так и наши бедные русские люди, думалось мне, идут они из своих деревень в столицу на работу и здесь, как бабочки на огонь, попадают на удочку цветистых фраз и погибают, оставляя свои семьи на голодную, полную лишений и нищенскую жизнь» (1907. № 8. 28 янв.; перепечатка из «Колокола»).

Носителями рационального, державного и «истинно русского начала» выступали правительственные силы и правые монархические партии. «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций; им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия» (1907. № 40. 30 мая) – речи П.А. Столыпина во II Государственной Думе занимали целые страницы «Томских губернских ведомостей» (1907. № 20. 14 марта; № 21. 18 марта; № 22. 21 марта; № 38. 23 мая; № 39. 27 мая; № 40. 30 мая). Томское «Русское народное общество за Веру, Царя и Отечество» использовало официальную газету для разъяснения своей политической программы и обращений к населению губернии (1907. № 3. 10 янв.; № 20. 14 марта; № 25. 1 апр.), сообщений о собраниях «Общества» (1907. № 5. 17 янв. ... № 11. 7 фев.; № 22. 21 марта; № 38. 23 мая и др.). «Одни лишь мы, монархисты, идем на выборы с чистой совестью, безо всякой предосудительной тактики и боремся одною лишь правдой против тысячи измышлений лжи, обмана и мошенничества», – так писали о себе томские правые (1907. № 10. 4 февр.). В период предвыборной кампании ведомости неоднократно вызвали к избирателям: «Русские люди Томской губернии! Отнеситесь к предстоящим вам выборам с величайшим вниманием и осмотрительностью, ни на минуту не забывая о Боге, Царе и великой родине-матери. Сплотитесь, объединитесь в могучую русскую семью. Когда избранные вами в выборщики съедутся в Томск или найдут там уже достаточное число русских людей, объединившихся в Русское Народное Общество за Веру, Царя и Отечество, помните, что каждый патриот и верный сын Русской

земли будет в Думе угрозой для врагов России» (1907. № 12. 10 янв.).

Рис. 19. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1906–1907 гг.⁹¹

В освещении деятельности российского парламента «Томские губернские ведомости» прошли два круга в соответствии с двумя предвыборными кампаниями. В отношении I Государственной Думы создавался ее положительный образ как учреждения, способного

⁹¹ Сообщения относились к темам единожды, исходя из содержания, заглавия и основной мысли статьи; объем сообщения не учитывался.

вывести страну из революционного кризиса. Результаты выборов определили смещение акцентов в отрицательную сторону и предопределили настороженное и критическое отношение к парламенту второго созыва, что выразилось и количественно – в сокращении числа публикаций о созыве и деятельности Государственной Думы во второй половине 1906 г. вдвое против первой половины (от 7,4 до 3,5 %; рис. 19). Неофициальную часть более чем на 50 % представляли местные публикации и материалы, не относящиеся к текущим политическим событиям. Период существования II Государственной Думы – пик публикаций о ее деятельности (34,2 %; рис. 19), при этом ни одна из них не характеризовала ее положительно. Наконец, во второй половине 1907 г., с роспуском оппозиционного парламента, полемические статьи о партиях и депутатах (14,1 %) вновь уступили место повседневным событиям городской и губернской жизни, другим политически нейтральным сюжетам (42,4 %; рис. 19). Доля статей, посвященных таким взаимосвязанным сюжетам, как революция и русский народ, уменьшилась, больше внимания стало уделяться одержавшим победу промонархическим силам.

Во II Думе Сибирь представляли 20 человек (2 эсера, 3 народных социалиста, 3 социал-демократа, 3 трудовика, 4 кадет, 1 представитель партии демократических реформ, 4 беспартийных)⁹². Такой «праздник на улице левых» (1907. № 12. 11 февр.) «Томские губернские ведомости» объясняли не предпочтением выборщиков, а «предвыборными проделками партии народной свободы» (1907. № 10. 4 февр.; перепечатка из «Московских ведомостей»), несовершенством избирательного закона, когда «города получили больше выборщиков, чем сельское население, которое избирало правых и умеренных» (1907. № 17. 28 февр.), абсентеизмом избирателей: «Из 11 тыс. избирателей по городу Томску участие в выборах приняли лишь 5628» (1907. № 29. 15 апр.).

В период выборов в III Думу «Томские губернские ведомости» публиковали статьи о деятельности «Союза русского народа» и воззвания этой партии к избирателям, в которых в просторечном стиле разъяснялась текущая политическая ситуация: «Что сделала II Дума за 101 день своего существования? Ругани было много, а закона почти что ни одного не вышло, разве только, что Дума из народной казны положила жалованья на жительство своему председателю и секретарю».

⁹² Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственную Думу в Сибири... С. 87.

рям, за безделье, по двенадцати и по шести тысяч рублей в год. Да было ли время Думе делом заниматься и о благе народа думать, когда туда забрались инородцы, изменники, предатели и невежды? <...> Сплачивайтесь, русские люди, примыкайте к “Союзу Русского Народа” и выбирайте в новую думу только честных, разумных и хорошо вам известных русских людей!» (1907. № 71. 15 сент.). Вместо несбыточных золотых гор «Томские губернские ведомости» неоднократно предлагали своим читателям ежедневный заработок 1 руб. 50 коп. на скоровязальных машинах от томского отделения петербургского товарищества вязальных изделий (1907. № 39. 26 мая)⁹³.

С избранием новой Думы и завершением революции вице-губернатор В.Э. Мейер стремился придать официальной газете более привычный верноподданнический вид. Краткое сообщение «Местной хроники» о том, что «по случаю тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича 5 октября в Троицком кафедральном соборе будет отслужена литургия и торжественный молебен», было им собственноручно расширено за счет заметки о выпуске облигаций второго городского займа. В конечном виде в печать попала целая статья в духе уваровской триады: «По случаю дня тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича 5 октября в Троицком кафедральном соборе высокопреосвященным Макарием архиепископом Томским и Барнаульским была совершена божественная литургия и отслужен благодарственный молебен. В храме присутствовали: управляющий губернией И.Б. Маршанг, начальники отдельных частей и учреждений всех ведомств, офицеры воинских частей, расположенных в городе Томске, и множество народа. После богослужения на Соборной площади состоялся парад войск местного гарнизона. Парад принимал генерал-майор Редько. В этот день город был украшен флагами, вечером зажжена иллюминация» (1907. № 76. 7 окт.). Цензором смягчались ставшие привычными антисемитские выпады. Так, в статье «Агония еврейского социализма», перепечатанной из «Русского знамени», им были сделаны такие правки: «жидовский социализм» – «еврейский социализм», «национализм победил жидовский международный социализм» – «национализм победил еврейский международный социализм», «жидовская жад-

⁹³ Широкая реклама привлекла большое количество покупателей, писала по этому поводу «Сибирская жизнь», однако скоровязальные машины оказались невысокого качества, что повлекло за собой судебные иски к петербургской фирме (*Вязальные машины «Победы»* // Сибирская жизнь. 1907. № 81. С. 2).

ность» – «ненасытная жадность», «...наши социал-демократы, особенно наиболее тупые между ними – большевики...» – «...наши социал-демократы, особенно наиболее неразвитые между ними – большевики...» (1907. № 79. 17 окт.).

В послереволюционный период неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» сохранила свое общественно-политическое звучание. В самом первом номере 1908 г. в небольшой передовой «Томск, 2 января 1908 г.» возникшие общества и союзы призывались к тому, чтобы дать за прошедший год «отчет себе и людям в своей жизни и в своих поступках». Обращение дополнялось пространным указанием на нечестность тех, кто не желает быть «рабом отчета», – «это объясняется или непробудною ленью лиц, взявшихся не за свое дело, или освободительным направлением тех, которые под “свободой”, чаще всего разумеют бесконтрольность» (1908. № 1. 2 янв.).

Прошедший социальный катаклизм продолжал изображаться как временное отступление от русского исторического пути – «наваждение сатанинское» (1908. № 3. 9 янв.), «зловещий туман» (1908. № 9. 6 февр.), «буйное своеволие» (1908. № 15. 5 марта). Подводились неутешительные экономические итоги забастовочного движения (1908. № 13. 27 февр.) и аграрных беспорядков (1908. № 23. 2 апр.), отмечалась тенденция к резкому возрастанию преступности в «освободительные годы» (1908. № 18. 16 марта). В качестве причин «русской смуты» назывались «нравственное растрепанье молодежи» (1908. № 8. 30 янв.), подстрекательство «развращенной и продажной» интеллигенции (1908. № 9. 6 февр.; перепечатка из «Русского знамени»), «еврействующая» русская печать (1908. № 45. 9 июля), «упадок уважения к старшим, к начальству и к порядку вообще» (1908. № 15. 5 марта), «порча крови» в армии из-за смешения русских с «инородцами» (1908. № 12. 20 февр.). При характеристике роли в революции «интеллигентной молодежи» не прошел мимо редактора неофициальной части В.Э. Мейера и выход сборника «Вехи», откуда было позаимствовано мнение по этому поводу одного из авторов сборника – А.С. Изгоева (1909. № 43. 17 июня; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»).

В соответствии с представлениями о несвойственности революционных идей «здоровой» массе русской народ избрался как отрезвляющийся и выздоравливающий от тяжелого разрушающего недуга: «Русские люди чуть не на краю гибели успели удержаться и дать отпор “деятельным преобразователям”» (1908.

№ 6. 23 янв.); «Сейчас не должно быть ни левых, ни правых, ни кадетов, ни союзников русского народа. Должны быть только русские граждане, горячо любящие свою Русь, своего Царя, свою Святую Веру» (1908. № 8. 30 янв.); «Ударит час, проснется и здоровая национальная мысль из-под гнета неудачно сложившихся наслоений, проснется со всей силой народной души» (1908. № 12. 20 февр.); «Рабочие не позволят теперь дурачить себя. Они хлопчут об улучшении своего быта, не желают крыть чужих крыш» (1908. № 45. 9 июля) и т.д. Аналогичные мысли проводились и в невзыскательных по художественному уровню стихах⁹⁴. Сообщалось и о высочайшем помиловании лиц, участвовавших в антиреволюционных действиях, в том числе и в Томске (1908. № 10. 13 февр.; № 24. 6 апр.).

Укреплению монархического самосознания и православной веры должна была способствовать серия статей, посвященная жизненному пути и кончине отца Иоанна Кронштадтского, являвшегося активным сторонником неограниченной самодержавной власти и вошедшего в конце своей жизни в «Союз русского народа» (1909. № 1. 4 янв.; № 8. 28 янв.; № 14. 22 февр. и др.). В статьях о том, что династия Романовых продолжится, делался акцент на божественном провидении, а первыми детскими впечатлениями родившегося в 1904 г. цесаревича Алексея должны были стать простые солдатские рубахи, которые шила императрица-мать, вид раненых воинов в Царскосельском лазарете и разговоры между царствующими родителями о забастовках и бунтах среди рабочих (1909. № 55. 29 июля). Правление Александра III и сама его личность рисовались как воплощение мирного, самобытного и постепенного пути развития России, который не должны были поколебать никакие «модные западные веяния» (1909. № 64. 30 авг.). Как нельзя кстати подоспело множество круглых дат из исторического прошлого России, которые

⁹⁴ «...Глянь, и теперь, – как в дни былые, – // На царстве смута разлилась, // И вновь крамольники лихие // Булат свой точат, притаясь <...> // На власть Цареву замышляют; // Хотят Русь в ключья разорвать; // На бунт гольтибгу поднимают // И власть сулят Жиду отдать...» (*Муромцева Надежда*. Русскому народу // Томские губернские ведомости. 1908. № 5. 20 янв. С. 6); «Цела пропасть разных «истов» // По трущобам развелась, // И с шипеньем, и со свистом // По России расползлась, // И бушуют и ярятся // Против Бога и людей, // И из кожи лезут – тшятся // Яд разлить своих идей <...> // Все основы и законы, // Что без них и свет бы пал, // Эти века ветрогоны // Бьют, ломают наповал... // Бога, знать, они не знают, // Нипочем для них стал Царь, // Грабят, жгут и убивают, // Как встарь полчища татар (*Священник о. Вазилевич*. Современная песня // Томские губернские ведомости. 1908. № 15. 5 марта. С. 6).

могли отмечаться как в масштабе всей страны, так и локально, для пробуждения патриотических монархических чувств: 300-летие Дома Романовых (1908. № 16. 9 марта; 1910. № 57. 4 авг.), 300-летие созыва второго земского ополчения (1909. № 84. 11 нояб.), 200-летие Полтавской битвы (1909. № 29. 26 апр.; № 35. 20 мая; № 40. 7 июня и др.), 100-летие присоединения Финляндии (1909. № 84. 11 нояб.), 100-летие Отечественной войны 1812 г. (1909. № 22. 22 марта; 1910. № 67. 24 февр.), 50-летие отмены крепостного права (1910. № 71. 22 сент.; № 91. 8 дек.). Последняя дата вызывала опасения, что состоятся антиправительственные, а не патриотические акции (о чем из Министерства внутренних дел губернаторам была циркулярно разослана секретная телеграмма). Однако в Томске этот день прошел спокойно и был отмечен шествием членов «Союза русского народа»⁹⁵. Был у томичей и собственный верноподданнический праздник – в 1911 г. отмечалась 20-я годовщина посещения города Николаем II (по этому поводу Томская губернская типография отпечатала отдельную бесплатную брошюру тиражом 5 000 экземпляров)⁹⁶.

По-прежнему в «Томских губернских ведомостях» клеймились «освободительные» партии и их «главари» (1908. № 4. 16 янв.; № 5. 20 янв.; № 7. 27 янв.; № 22. 30 марта и т.д.). При этом при характеристике их современного положения был взят торжествующе-снижидательный тон: «Куда делись вольнолюбивые отцы [депутаты-священники] первых двух дум? Слава их погибла даже без всякого шума» (1908. № 18. 16 марта); «Очевидно, американцы готовы рукоплескать красным речам Милюковых, пожинать же их плоды не намерены, это ими великодушно предоставляется “варварской России”» (1908. № 20. 23 марта); «...в лице г. Милюкова была выставлена к позорному столбу и была подвергнута всенародному бичеванию та группа политических деятелей, которая в основу всей своей деятельности положила ложь, сплетню, клевету, смутянство, мелкую и трусливую интригу...» (1908. № 29. 7 мая). В то же время о дальнейших политических планах правых, которые, казалось, должны были праздновать победу, сообщалось лишь в рамках официальных реляций о торжественных собраниях и обращениях центрального и местного отделов «Союза русского народа» (1908. № 7. 27 янв.; № 9. 6 февр.; № 19. 19 марта; № 26. 23 апр.; № 57. 31 авг.; № 59. 7 сент.). В отношении раскола «союзнического» движения

⁹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1366. Л. 46, 48–50, 57.

⁹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1366. Л. 20.

приводилась точка зрения П.А. Мещерского, оценивавшего создание В.М. Пуришкевичем «Союза Михаила Архангела» как предательство общего дела спасения России (1908. № 23. 2 апр.). С 1908 г. томские монархисты обзавелись своим частным изданием – еженедельной газетой «Сибирская правда», и уже со второй половины 1908 г. публикации об их деятельности пропали со страниц «Томских губернских ведомостей», а с 1909 г. – и присущая этому политическому движению риторика.

Актуальный земельный вопрос и вопрос о переселенческой политике освещались с позиций улучшения агротехники и распространения сельскохозяйственных знаний среди старожилов и переселенцев (1909. № 2. 7 янв.; № 4. 14 янв.; № 46. 28 июня; 1909. № 57. 5 авг.; перепечатка из «Сельского вестника»), оказания им экономической и духовной (путем учреждения церковных приходов) помощи (1908. № 29. 7 мая; 1909. № 9. 1 февр.). По вопросам о выделении из общины отдельных земельных владений, налогообложения, предоставления ссуд печатались разъяснения от Главного управления земледелия и землеустройства (1909. № 15. 25 февр.; № 20. 15 марта; № 47. 1 июля; № 59. 12 авг. и др.). О движении ходоков и переселенцев, выделяемых для них землях информировало Переселенческое управление (1909. № 23. 25 марта; № 30. 29 апр.; № 48. 5 июля; 1910. № 17. 3 марта).

Среди публикаций об экономическом развитии Сибири обращают на себя внимание те, в которых с тревогой сообщалось о росте влияния иностранного капитала, о мирном «завоевании Сибири» англичанами и американцами, обладающими большими, в сравнении с русскими, предпринимательскими способностями (1909. № 7. 25 янв.; № 10. 4 февр.). Статьи являлись перепечатками из центральных газет («Россия», «Колокол», «Новое время»), представлявших интересы московских торгово-промышленных кругов. Писали ведомости и о деятельности кредитных и потребительских кооперативов, рост которых был вызван переселенческим движением и общим послереволюционным экономическим подъемом.

В октябре 1908 г. томского губернатора К.С. Нолькена сменил Н.Л. Гондатти, и ведомости запестрели сообщениями, освещающими буквально каждый шаг нового начальника губернии: его прибытие, визиты, поездки, назначения (1908. № 68. 15 окт.; № 69. 22 окт.; № 72. 2 нояб.; № 77. 19 нояб. и др.). Супруга губернатора М.М. Гондатти стала почетным председателем томского общества

защиты женщин «Пчельник», находившегося ранее под покровительством ее предшественницы М.И. Нолькен. Среди прочих отделений губернского управления Гондатти посетил губернскую типографию и «изволил очень интересоваться ходом типографских работ, оборотами типографии, изданием губернских ведомостей и прочими подробностями типографского хозяйства» (1908. № 69. 22 окт.).

Ряд статей неофициальной части за 1908–1910 гг. можно объединить темой моральных ценностей в жизни различных слоев современного русского общества: о высоком нравственном и образовательном уровне врача (1908. № 2. 6 янв.); о положении и значении полиции (1908. № 8. 30 янв.; № 46. 13 июля; 1909. № 48. 5 июля); о высоком предназначении женщины (1908. № 11. 17 февр.; перепечатка из «Волынской жизни»; 1910. № 26. 4 апр.); о воспитании новобранцев в армии (1908. № 44. 2 июля) и воинской дисциплине (1908. № 61. 17 сент.); о распространении среди всех слоев русского общества азартных игр (1908. № 17. 12 марта); о проституции (1908. № 36. 4 июня) и порнографии (1908. № 34. 25 мая; № 36. 4 июня; № 46. 13 июля); об отношении к образованию и материальном положении учащейся молодежи (1908. № 18. 16 марта; № 37. 8 июня; № 38. 11 июня; № 50. 30 июля); о воспитании подрастающего поколения и государственном (а не общественном) характере русской начальной школы (1909. № 26. 15 апр.; № 28. 22 апр.). Отдельной темой стали сообщения от Томского общества помощи заключенным и их детям «Патронат», деятельным организатором которого был Е.М. Баранцевич (1910. № 50. 11 июля; № 51. 14 июля; № 86. 21 нояб. и т.д.; публикации продолжались до конца 1912 г.).

Широкое освещение получил вопрос о трезвенном движении и борьбе с алкоголизмом⁹⁷. Обсуждалась инициатива депутата III Думы М.Д. Чельшева (входившего в состав фракции «Союз 17 октября») о запрещении продажи спиртных напитков помимо казенных винных лавок (1908. № 13. 27 янв.), публиковались сообщения в поддержку этой инициативы (1908. № 13. 27 февр.; № 15. 5 марта), приговоры местных обществ о запрещении тайной прода-

⁹⁷ Потребление спиртного в Томской губернии, по данным акцизного управления, в 1908 г. составляло 2 523 807 ведер (по расчету на 40°) на сумму 22 958 491 руб. 58 коп. При населении в 2 753 326 человек на 1 душу приходилось 0,92 ведра (11,3 л), что ставило Томскую губернию по «питевой статистике» на пятое место после Иркутской (1,58 ведра), Черноморской (1,34 ведра), Екатеринославской (0,98 ведра) и Енисейской (0,98 ведра) губерний (Вс. С.-ъ. Сколько, когда и как пьет Томская губерния // Томские губернские ведомости. 1909. № 82. 4 нояб. С. 3).

жи вина (1908. № 5. 20 янв.; № 13. 27 февр.). Ряд статей и заметок рассказывали о способах пропаганды трезвого образа жизни среди населения (1908. № 41. 22 июня; № 45. 9 июля; № 55. 20 авг.; № 85. 17 дек.), о создании народных обществ трезвости (1908. № 46. 13 июля), о проведении первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (1909. № 53. 22 июля). Этой проблеме была полностью посвящена неофициальная часть № 39 от 15 июня 1908 г., вышедшая как приложение к газете. В статьях «Пьяный бюджет», «Алкоголизм в среде духовенства», «Алкоголизм в средней школе» и других рисовалась безотрадная социальная картина как следствие этого порока, который в том числе рассматривался в качестве одной из причин, стимулирующих деятельность «борцов за свободу» (1908. № 42. 25 июня; № 50. 30 июля).

С октября 1911 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» утратила свое самостоятельное значение и стала лишь структурным элементом газетного номера. Ее площадь, по расхожему выражению, сокращалась, как шагреновая кожа, в 1908 г. неофициальная часть по отношению к официальной составляла 31,8 %, в 1909 г. – 24,5, в 1910 г. – 14,2, в 1911 г. – 15,4, в 1912 г. – 16 %, а в среднем 6,5%. Покушение на П.А. Столыпина (1911. № 63. 4 сент.; № 64. 7 сент.; № 69. 25 сент.) и 300-летие Дома Романовых (1912. № 90. 2 дек.; 1913. № 13. 17 февр.) были последними внутривнутриполитическими событиями, освещенными на страницах неофициальной части. С № 37 от 22 мая 1916 г. «Томские губернские ведомости» вернулись к своей дореволюционной периодичности – газета стала выходить один раз в неделю, по воскресеньям. Ни события Первой мировой войны, ни февральские дни в Петрограде никак не были отражены с правительственных позиций в местной официальной газете. Тираж «Томских губернских ведомостей» в 1913 г. составлял 840 экземпляров⁹⁸.

4.3. СИБИРСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ В 1917–1919 гг.

В период между двумя русскими революциями на новый уровень вышла частная провинциальная периодика. Так, в Красноярске «газеты в большинстве своем начали выходить ежедневно, большим форматом, с фотографиями, иллюстрациями, сообщениями собст-

⁹⁸ Кадетская «Сибирская жизнь» печаталась минимальным тиражом 7 300 экземпляров, социал-демократическое «Утро Сибири» – 2 500, октябристский «Томский вестник» – 750, орган томского отдела «Союза русского народа» «Сибирская правда» – 800, «Томские епархиальные ведомости» – 960 экземпляров (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 350–352).

венных корреспондентов из Москвы и Петербурга»⁹⁹. Уже в начале XX в., как пишет в своем исследовании С.Я. Махонина, «рост провинциальной прессы начинает обгонять рост столичной»¹⁰⁰. В условиях роста влияния частных газет, имевших, как правило, либеральный и более левый характер, местные сибирские власти осознавали необходимость усиления неофициальной части вверенной их попечению правительственной газеты и выступали с соответствующими предложениями. Так, в конце 1912 г. губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко обратился к иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву с просьбой придать неофициальной части «Забайкальских областных ведомостей» литературно-публицистический вид. В качестве оснований для такого предложения приводились следующие обстоятельства: наличие двух оппозиционных ежедневных читинских газет «Забайкальская новь» и «Думы Забайкалья»; окраинный характер Забайкальской области с преобладающим инородческим и значительным ссыльным населением; соседство с Китаем и Монголией, где произошло «крушение монархических принципов»¹⁰¹ (свержение династии Цин в 1911 г.)¹⁰². В представлении не был отмечен, но, очевидно, подразумевался и подъем антимонархического движения в стране в связи с Ленскими событиями. Иркутский генерал-губернатор, разделяя мнение о необходимости «иметь для населения Забайкальской области орган печати, правдиво и спокойно освещающий события местной жизни и деятельность правительства», вынужден был отказать Кияшко ввиду отсутствия средств на оказание газете ежегодной субсидии в 6,5 тыс. руб. Аналогичная просьба о расширении программы неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» была оставлена верховным правительством без удовлетворения и при предшественнике Князеве – генерал-губернаторе А.Н. Селиванове¹⁰³.

Первая мировая война, как и предшествовавшая ей война с Японией, привнесла на страницы ведомостей известия о ходе военных действий, списки погибших и раненых, сообщения о призыве в дей-

⁹⁹ Миханев А.П. Периодическая печать Сибири начала XX века: к постановке проблемы // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 1999. № 1. С. 89–91.

¹⁰⁰ Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991. С. 145.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 55–56об.

¹⁰² Последнее обстоятельство можно расценивать и как намек на возможное аналогичное развитие событий в России, и как своеобразного рода шантаж центрального правительства на предмет выделения средств из бюджета.

¹⁰³ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 61.

ствующую армию, объявления о пожертвованиях и благотворительных мероприятиях. Для оповещения сельского населения о положении на фронтах, а мобилизованных – о положении в родных местах ведомости могли рассылаться бесплатно, как это было с «Акмолинскими областными ведомостями». За период с 25 июля 1914 г. по 10 августа 1915 г. было отпечатано 2 920 000 экземпляров неофициальной части газеты и 2 555 000 из них были разосланы бесплатно по деревням области и в воинские части¹⁰⁴. Однако в связи с недостатком бумаги издание неофициальной части «Акмолинских областных ведомостей» с 10 августа 1915 г. было прекращено.

Тяжелое положение на фронте усиливало антивоенные и антиправительственные настроения в обществе, широкое распространение получали легальные и нелегальные оппозиционные издания. В начале 1916 г. советник Акмолинского областного правления В.С. Недашковский, наблюдавший за книжными и типографскими заведениями в области, отмечал, что «как Западная, так и Восточная Сибирь широкой волной наводняется повременной печатью исключительно левого направления, до социал-демократического включительно. Газеты по своему направлению правее “Нового времени” встречаются редко и то в небольшом числе экземпляров»¹⁰⁵. Функцию пропаганды консервативных и официозных взглядов могли взять на себя губернские ведомости¹⁰⁶ как газета для сибирского крестьянства, которое, находясь в лучших материальных условиях, чем крестьянство по западную сторону Урала, было менее восприимчивым к революционным и социалистическим идеям: «Необходимо прийти на помощь деревне и удовлетворить ее запросы, дав пищу уму, дабы разные нелепые слухи не волновали и не точили без нужды народное сердце»¹⁰⁷. Для того чтобы ведомости располагали оперативной информацией из центра и тем самым могли склонить предпочтения читателя в свою пользу, В.В. Недашковский предлагал организовать в Петрограде бюро печати, которое «передавало бы местным правительственным газетам вкратце справки о более круп-

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 66–66об.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 67об.–68.

¹⁰⁶ В.С. Недашковский рассчитал, что на издание обновленных «Акмолинских областных ведомостей» в год требовалось 27 840 руб. При выпуске 1 200 экземпляров, подписной цене в 6 руб. и доходе от объявлений в 6 тыс. руб. дефицит составлял 14 640 руб. и мог быть покрыт только при финансовой помощи правительства.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 70.

ных событиях жизни России, а также о мероприятиях высшего правительства»¹⁰⁸.

В 1917 г. сибирские губернские ведомости вступили в новый и заключительный этап своего развития. 2 марта 1917 г. телеграмма об отречении Николая II пришла в Иркутск. Полный текст Манифеста был опубликован в «Иркутских губернских ведомостях» через две недели (1917. № 6100. 15 марта). При новой власти газета, выходящая с гербом губернии, но без короны, печатала постановления Временного правительства, а в неофициальной части – частные объявления. После Октябрьской революции газета продолжала выходить до 31 декабря 1917 г. как орган Иркутского губернского комиссариата, несмотря на то, что в начале декабря 1917 г. в городе начались вооруженные столкновения между силами Советов рабочих и солдатских депутатов и Комитетом защиты революции. 4 декабря губернский комиссар И.А. Лавров, подписывавший газету с марта 1917 г., был арестован большевиками, однако 10 декабря освобожден юнкерами¹⁰⁹. В результате декабрьских боев 8–17 декабря в Иркутске фактически была установлена советская власть, 29 декабря вышел первый номер газеты «Власть труда» – орган Совета рабочих и солдатских депутатов¹¹⁰. С 31 июля 1918 г., после прихода к власти Сибирского Временного правительства, «Иркутские губернские ведомости» возобновились как официальный орган иркутского губернского комиссара П.Д. Яковлева, продолжившего исполнять свои функции в качестве управляющего губернией после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г.¹¹¹ Редактором офи-

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 74. В июле 1914 г. при Главном управлении по делам печати был создан Особый комитет народных изданий, который руководил выпуском массовой литературы военно-патриотического характера, с сентября 1915 г. действовало Бюро печати МВД, реорганизованное из Осведомительного бюро при ГУПД (*Амбросьев А.В.* Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 19–20). Видимо, эти учреждения действовали малоэффективно, если вызывали к жизни подобные обращения с мест.

¹⁰⁹ *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 260.

¹¹⁰ Там же. С. 267–268.

¹¹¹ Павел Дмитриевич Яковлев – член Поволжской боевой организации эсеров, в 1911 г. был арестован за участие в экспроприации, а в 1917 г. выслан в Усть-Кутскую волость Киренского уезда Иркутской губернии. После Февральской революции был избран населением уезда на губернский съезд Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а затем стал председателем губернского крестьянского Совета. Редактировал газету «Наша деревня». В декабре 1917 г. Яковлев возглавлял Комитет защиты революции (*Скорикова Н.А.* Организация и деятельность Иркутской губернской администрации (июль 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 61–64).

циальной части был бывший член губернского воинского присутствия А.П. Церерин, занимавший должность помощника управляющего Иркутской губернией¹¹², неофициальную часть возглавлял Г.И. Поршневу, в дореволюционные годы работник книжных магазинов и библиотек Иркутска¹¹³, с 1905 г. член партии эсеров.

В апреле 1919 г. в неофициальной части появился обзор текущих событий «в целях широкого осведомления населения губернии о положении на фронтах и успешных продвижениях наших доблестных войск, а также о важнейших мероприятиях временного правительства» (1919. № 6233. 14 (27) апр.). Расширение программы «Иркутских губернских ведомостей» происходило не только в силу местных обстоятельств, но и в связи с курсом на расширение пропагандистской деятельности Омского правительства для мобилизации населения Урала и Сибири¹¹⁴. Основным источником информации для газеты стало Российское (Русское) телеграфное агентство¹¹⁵. Выходящие два раза в неделю «Иркутские губернские ведомости» рассылались во все волостные земские управы и сельские общества губернии с приложением пропагандистских брошюр, газет или листовок. Таким же образом распространялись газеты «Возрождающаяся армия», «Крестьянская мысль», «Надежда России», «Русская армия», брошюры «Раненая Россия» Г.А. Вяткина, «Кому земля достанется» и «Как и для чего большевики уничтожили суд» А. Бонч-Осмоловского (1919. № 6261. 10 (28) авг.). В условиях социальной нестабильности случайный газетный лист мог сыграть роковую или спасительную роль при попадании в лагерь противника¹¹⁶.

В рубрике «Борьба с большевиками» «Иркутские губернские ведомости» сообщали об успехах весеннего наступления, об анти-

¹¹² Скорикова Н.А. Организация и деятельность Иркутской губернской администрации... С. 27–28, 72.

¹¹³ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг... С. 501–502. В 1920 г. в Иркутске вышла подготовленная Г.И. Поршневым «Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917–1919 гг.)».

¹¹⁴ Шевелев Д.Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 113.

¹¹⁵ Шевелев Д.Н. Сибирское – Российское – Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 112–119.

¹¹⁶ Кружинов В.М. Тюмень и тюменцы 8 августа 1919 года: от «чужой» к «своей» власти // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 124.

большевистских восстаниях, дезертирстве и сдаче в плен красноармейцев, тяжелом положении населения в «советской России». Причиной крестьянских выступлений на контролируемых белыми территориях называлась «работа большевистских комиссаров, проникших вместе с военнопленными через наш фронт» (1919. № 6259. 3 (21) авг.). Несмотря на очевидный пропагандистский характер этих сообщений, призванных укрепить веру сибиряков в скорое падение советской власти и повысить кредитоспособность Верховного правителя в глазах западных союзников, публикации в газете в целом отражали действительное положение дел. Когда ситуация на восточном фронте стала меняться в пользу Красной Армии, их развернутость и торжественность сменились краткостью и фактологичностью. Слухи распространялись быстро, и необходимо было сообщать относительно верную информацию, хотя и с некоторым опозданием и в успокоительно-загримированной форме («отвод на заранее приготовленные позиции», «военные действия носят характер маневра» и т.п. эвфемизмы отступления), иначе газету просто бы перестали читать. Например, 8 августа 1919 г. без боя была оставлена Тюмень, известие о взятии города большевиками распространилось в Иркутске уже 9 августа¹¹⁷, а в «Иркутских губернских ведомостях» об этом было напечатано более чем через неделю: «Оставление нашими войсками г. Тюмени объясняется принятым высшим командованием планом стягивать наши войска, не вступая в большие бои с противником» (1919. № 6262. 4 (17) авг.). Надежды теперь возлагались на продвижение войск А.И. Деникина по направлению к Москве и Н.Н. Юденича к Петрограду. Таким образом, сглаживалось впечатление о военных неудачах и создавалось представление о едином антибольшевистском фронте, временные успехи «красных» на участках которого не могли отвратить их конечного поражения (подобно кайзеровской Германии в 1918 г.)¹¹⁸. В пропагандистских воззваниях к населению говорилось уже не о спасительных мессианских задачах Сибири в отношении России, а о ближайших непосредственных угрозах, которые исходят из нее: «Теснимые с юга и запада ... большевики ведут свои разбойничьи кровавые банды в Сибирь. Они отдадут ее на разграбление голодных

¹¹⁷ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. ... С. 360.

¹¹⁸ Шевелев Д.Н. В «железном кольце»: образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» и трансформация его содержания в периодической печати Урала и Сибири весной – осенью 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1(13). С. 48.

красноармейцев, они рассчитывают здесь кормиться и окрепнуть, они собираются разорить сибирских крестьян и казаков, чтобы за их счет продолжить гнусную зверскую войну против порядка и честного труда. Подымись же, Сибирь, на свою защиту, не допустят сибирские граждане, чтобы близкое время окончательного разгрома большевизма опять отдалилось» (1919. № 6267. 22 авг. (4 сент.)). В момент перехода от наступательной стратегии к оборонительной власть взывала к патриотическим чувствам сибиряков, пытаясь воздействовать более на эмоциональную, чем на рациональную сферу. В обращении П.Д. Яковлева к иркутянам отчаянный призыв «Идите в армию!», как заклинание (набранное заглавными буквами), заключал каждый абзац запугивающих описаний «зверств» большевистского режима: «Большевики, разорившие европейскую часть России, голодные и опьяненные кровью, двигаются на Сибирь! Не пускайте их! Там, в России, они разрушили все фабрики и заводы, разорили крестьянское хозяйство, лишили хлеба рабочего и крестьянина и, как скотину, погнали их в красную армию. Не допускайте этого в Сибири! <...> Остается один выход – грудью встать на защиту родной страны и своей жизни и сбросить иго комиссаров, уже два года расстреливающих русский народ» (1919. № 6270. 1 (14) сент.). 5 сентября 1919 г. из Иркутска была отправлена сформированная из добровольцев одна из войсковых частей¹¹⁹. С каждой неделей положение на фронте ухудшалось, о чем лаконично, уже без каких-либо комментариев, сообщалось в органе управляющего Иркутской губернией, начавшего с № 6284 от 2 ноября выходить как «Ведомости Иркутской губернии». 14 ноября Красная армия заняла Омск. Правительство А.В. Колчака прибыло в Иркутск. «Настроение почти всех групп населения Иркутской губернии по отношению к Правительству враждебно», – такой вывод содержался в докладе информационного отдела управляющего Иркутской губернией, готовившего материалы к публикации в иркутской официальной газете¹²⁰. Под руководством эсеров-меньшевистского Политцентра началась подготовка антиколчаковского восстания. В декабре 1919 г. местный административный аппарат утратил контроль над городом, «Ведомости Иркутской губернии» прекратили свое существование.

¹¹⁹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. ... С. 366.

¹²⁰ Скорикова Н.А. Организация и деятельность Иркутской губернской администрации ... С. 172.

Последний известный номер газеты (№ 6308)¹²¹ датировался 25 декабря 1919 г. 5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к Политическому центру Всесибирского краевого комитета партии социалистов-революционеров, который 21 января самораспустился, передав свои полномочия большевистскому Иркутскому военно-революционному комитету.

В Енисейской губернии, как и в других губерниях России, после февраля 1917 г. прежние властные органы были упразднены и учреждена должность губернского комиссара Временного правительства, которым стал врач и общественный деятель В.М. Крутовский. «Енисейские губернские ведомости» с 7 апреля 1917 г. стали выходить как «Известия Енисейской губернии» под редакторством А.Р. Шнейдера и В.И. Щипанова. Содержание газеты было аналогичным «Иркутским губернским ведомостям». После Октябрьской революции и установления советской власти в Красноярске газета стала большевистским органом печати и с 7 ноября 1917 г. по 5 марта 1918 г. выходила как «Известия Енисейского губернского народного комиссариата», за подписью председателя губернского соединенного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов Енисейской губернии, члена большевистской партии А.И. Окулова. В газете печатались декреты советской власти с разъяснением их революционного значения, сообщения о заседаниях ЦИК, передовые и тематические статьи о задачах пролетарской борьбы («В трудный час», «К моменту», «К населению», «Кто мешает заключить мир и получить землю» и т.д.), приказы и постановления Красноярского исполнительного комитета, протоколы заседаний Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, партийные списки к выборам в Учредительное собрание, известия с германского фронта, телеграммы из революционного Петрограда. С 21 ноября 1917 г. по май 1918 г. в качестве неофициальной части «Известий Енисейского губернского народного комиссариата» издавалась «Рабоче-крестьянская газета»¹²².

В Тобольской губернии комиссаром Временного правительства стал частный поверенный, член партии народных социалистов В.Н. Пигнатти. О падении монархии «Тобольские губернские веде-

¹²¹ Романов Н.С., Жубрина Е.Г., Потапова Н.К. Периодическая печать города Иркутска 1856–1960 гг. Иркутск, 1961. С. 13.

¹²² Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918). Указатель газет и журналов. Томск, 2009. С. 47.

мости» сообщили в № 10 от 7 марта 1917 г., опубликовав акты об отречении императора Николая II и великого князя Михаила. 15 марта отдельный экстренный выпуск сообщал о признании в Тобольске 4 марта власти Временного правительства. Распространению номера, выполнявшего функцию легитимизации новой власти, содействовала волостная и сельская администрация: его должны были прочесть на всех волостных и сельских сходах с составлением приговоров о заслушивании. Редактором «Тобольских губернских ведомостей» по-прежнему оставался Е.М. Федоров, занимавший эту должность с 1912 г. Постановления Временного правительства, воззвания к гражданам, приказы губернского комиссара, казенные объявления, списки назначенных к слушанию дел составляли основное содержание газеты, неофициальная часть которой сократилась до небольшого раздела частных объявлений. № 15 от 11 апреля, по обыкновению газет «свободной России», вышел без короны, а с № 26 от 27 июня – на оберточной бумаге. О находившейся в Тобольске царской семье единожды было опубликовано сообщение от начальника ее охраны полковника Е.С. Кобылинского: «По городу циркулируют слухи, будто бы бывший царь и члены его семьи гуляют по городу, посещают церковные службы и заходят в магазины. Прошу вас поставить в известность городское население, что ни бывший царь, ни бывшая царица и никто из их детей после переезда с парохода никуда из предназначенного для них жительства бывшего губернаторского дома не выходил и не выходит»¹²³. Октябрьская революция прошла мимо «Тобольских губернских ведомостей», продолжавших заниматься текущим делопроизводством – назначениями, увольнениями и перемещениями чиновников, списками освобожденных от воинской обязанности, объявлениями от почтовой конторы и т.д. Газета выходила до № 14 от 3 апреля 1918 г.¹²⁴, занимая уже всего две страницы, и даже иногда в виде листовки (26 x 35 см). С приходом к власти большевиков на базе тобольской губернской типографии с 21 апреля по 9 июля 1918 г. издавались «Известия Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹²⁵. После этого краткого периода издание «Тобольских губернских ведомостей» вновь было восстановлено, но с новым названием – «Ведомости Тобольского губернского комиссариата», с подзаголовком «Сибирь-

¹²³ *Тобольские губернские ведомости*. 1917. № 34. 22 авг. С. 6.

¹²⁴ *Газеты первых лет советской власти*. 1917–1922 гг. Сводный библиографический каталог. М., 1990. Ч. 4. С. 131.

¹²⁵ *Газеты СССР*. 1917–1960. Библиографический справочник. М., 1976. Т. 2. С. 542.

ское временное правительство», под редакций старшего советника тобольского губернского управления И.В. Бирюкова и за подписью В.Н. Пигнатти. Вернулся к должности заведующего губернской типографии Е.М. Федоров¹²⁶. Первый номер «Ведомостей» вышел 10 июля 1918 г., в них аннулировались декреты советской власти. В газете помещались постановления и обращения тобольского губернского комиссара, его приказы по тобольскому гарнизону, сообщения о деятельности Тобольского губернского земского собрания. 2 сентября 1918 г. редактором был назначен сотрудник Тобольского губернского музея, в дореволюционном прошлом – преподаватель Тобольской духовной семинарии и автор многочисленных антираскольнических брошюр Василий Александрович Ивановский (1862–1920)¹²⁷.

Опыт идеологической борьбы был применен им против новых более серьезных оппонентов. Агитационная линия неофициальной части выстраивалась вокруг автономистских идей Временного Сибирского правительства: «Единодушно следует жителям Сибири откликнуться на призыв Правительства о создании мощной Сибирской армии. Ради блага родины пусть будут забыты сче- ты и интересы личностей, групп, партий, классов. Ленточки белого и зеленого цветов видим мы на защитниках родины. Снега и леса родной нам Сибири обозначены этими лентами»¹²⁸. Разъяснялись роль Сибири в восстановлении российской государственности¹²⁹, почему чехословаки – «верные союзники русских»¹³⁰. Подчеркивалось, что Сибирь стала оплотом для продолжения борьбы с большевизмом: «В наши дни Сибирь наиболее деятельная часть русского государства. Здесь пала гибельная для государственной жизни советская власть и находится Временное Правительство. Стремясь восстановить русскую государственность и утвердить государственную власть, это Правительство принимает меры

¹²⁶ *Ведомости* Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 6. 27 (14) авг. С. 1.

¹²⁷ *Ведомости* Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 8. 10 сент. (28 авг.). С. 3; Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2008. С. 85–86.

¹²⁸ Ивановский В.А. Сибирская армия // *Ведомости* Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 8. 10 сент. (28 авг.). С. 4.

¹²⁹ *О современном моменте* // *Ведомости* Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 9. 17 (4) сент. С. 2.

¹³⁰ *Иностранная помощь России* // *Ведомости* Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 10. 20 (7) сент. С. 2.

к водворению порядка и устроению правильного течения жизни в отдельных областях Сибири»¹³¹.

О передаче Временным Сибирским правительством власти Временному всероссийскому правительству 3 ноября 1918 г. говорилось с точки зрения «сохранения в будущем – после того как минует трудность современной политической обстановки – самостоятельности Сибири как отдельной части Русского государства»¹³². Большая статья была посвящена изменению мировой политической обстановки после поражения Германии в войне и влиянию событий в Европе на борьбу с советской властью¹³³. В этой борьбе, в завуалированной форме, оправдывалось иностранное вмешательство во внутренние дела России: «В той части государства, где держится советская власть, применяются в гражданской жизни опасные для общего блага противогосударственные начала. <...> Естественно, что устранением всего этого озабочено не только Российское Правительство, но и союзные державы, стремящиеся утвердить международные отношения на прочном основании мирной культурной гражданской жизни»¹³⁴. Сообщений с фронта не было, но уверенность в постепенной нормализации жизни вселял целый ряд сообщений, которым, казалось бы, не могло быть места в тяжелых условиях экономического кризиса и Гражданской войны: об открытии Института исследования Сибири в Томске¹³⁵, о внесении предмета «Родиноведение» в школьную программу¹³⁶, об открытии второго сибирского университета в Иркутске¹³⁷, о предоставлении Омскому политехническому институту прав государственного высшего учебного заведения¹³⁸,

¹³¹ По поводу правительственных мероприятий для развития сибирской промышленности // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 11. 1 окт. (18 сент.). С. 4.

¹³² Современные политические события // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 17. 12 нояб. (30 окт.). С. 4.

¹³³ Современные политические события // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 19. 26 (13) нояб. С. 3–4.

¹³⁴ О современном моменте // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 23. 24 дек. С. 4.

¹³⁵ Институт исследования Сибири // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 13. 15 (2) окт. С. 2; О съезде по организации Института исследования Сибири // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 24. 31 дек. (18). С. 2.

¹³⁶ Необходимость изучения Тобольской губернии // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 14. 22 (9) окт. С. 4; № 15. 29 (16) окт. С. 4.

¹³⁷ Второй сибирский университет // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 16. 5 нояб. (23 окт.). С. 2.

¹³⁸ Омский политехнический институт // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 21. 10 дек. (27) нояб.. С. 3–4.

наконец, о сборе сведений в «Архив войны» для будущих поколений¹³⁹.

В январе 1919 г. «Ведомости Тобольского губернского комиссариата» были переименованы в «Вестник Тобольской губернии», в качестве печатного органа управляющего губернией В.Н. Пигнатти, чьи полномочия были подтверждены правительством А.В. Колчака. О статусе газеты как единственной официальной напоминало объявление всем местам и лицам о том, что только посредством «Вестника Тобольской губернии» можно сообщать об утрате документов, а публикации в частных газетах юридического значения не имеют¹⁴⁰. Редактором газеты по-прежнему был В.А. Ивановский, политические статьи которого уже не были выдержаны в автономистском духе. В новогодней статье «По поводу современных задач русской жизни» таких задач перед русским народом выделялось две – «окончание междоусобной войны и восстановление независимого Русского государства»¹⁴¹. Как и во многих других газетах Белой Сибири, в «Вестнике» были представлены такие основные рубрики, как «Сведения о военных действиях», «Хроника губернии», «Что сообщают газеты о большевиках». Тревожные сообщения о сдаче городов и отступлении на восточном фронте сопровождались успокаивающими фактами – о продвижении А.И. Деникина на юге – и уверениями в том, что только «голод бросил красноармейские банды на наш фронт»¹⁴². В последнем № 41 от 16 августа, сохранившемся в фондах Российской национальной библиотеки, сообщалось о визите министра внутренних дел В.Н. Пепеляева в Тобольск 7 августа, сведений с фронта уже не было. Возможно, газета выходила и далее, до установления в Тобольске советской власти в октябре 1919 г.

В Томской губернии с 20 апреля 1917 г. началась работа Томского губернского народного собрания – первого в России революционного органа власти, созданного на основе местных выборов. Во главе губернского исполнительного комитета собрания встал адвокат Б.М. Ган, который 18 мая был назначен Временным правительством

¹³⁹ О собирании сведений для Архива войны // Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918. № 18. 19 (6) нояб. С. 4.

¹⁴⁰ От управляющего Тобольской губернией // Вестник Тобольской губернии. 1919. № 13. 1 апр. С. 1.

¹⁴¹ По поводу современных задач русской жизни // Вестник Тобольской губернии. 1919. № 1. 7 янв. С. 4.

¹⁴² Вестник Тобольской губернии. 1919. № 33. 19 июля. С. 2.

на должность томского губернского комиссара¹⁴³. С № 11 от 12 марта «Томские губернские ведомости» сменили заголовок и стали выходить как «Известия Томской губернии» (до № 30 от 16 июля 1917 г.). Структура и содержание остались прежними, только на первой странице печатались воззвания от Временного правительства и от комиссариата по управлению Томской губернией, распоряжения этих же органов открывали официальную часть.

Органом Томского губернского народного собрания стал ежедневный «Голос свободы», выходивший с 25 марта 1917 г. первоначально как газета временного комитета общественного порядка и безопасности. «Голос свободы» рассылался по тем же адресам, что и «Томские губернские ведомости»¹⁴⁴. В рекламном объявлении о подписке говорилось, что в газете помещаются «статьи, отчеты, обзоры, хроника губернской жизни, телеграммы и политические фельетоны о революционном перевороте, новой власти, Учредительном собрании и др.». С отменой цензуры сама необходимость в «программе издания» отпала, писать стало возможным обо всем (особенно показательной в этом отношении была концовка этого предложения – «и др.», немыслимая в дореволюционный период).

Редактором «Голоса свободы» стал член партии эсеров, бывший присяжный поверенный М.Б. Шатилов¹⁴⁵. Во время его участия

¹⁴³ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 18. Л. 2; Р. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

¹⁴⁴ ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

¹⁴⁵ Михаил Бонифатьевич Шатилов (1882–1937) родился в с. Смоленское Бийского округа Томской губернии, учился в Томском духовном училище, затем в Томской духовной семинарии. В 1904 г. поступил на юридический факультет Томского университета, который окончил в 1909 г. Служил помощником крестьянского начальника в Змеиногорском, Бийском и Барнаульском уездах Томской губернии, затем присяжным поверенным. В 1914–1916 гг. – редактор-издатель ежемесячного литературного и общественно-политического журнала «Сибирский студент», в 1915 г. – издатель газеты «Сибирская мысль». После Февральской революции вступил в партию эсеров, вошел в состав Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, затем в Томский губернский исполнительный комитет (избранный 18 мая Томским губернским народным собранием) в качестве товарища председателя исполкома Б.М. Гана. В ноябре 1917 г. от коренного населения Горного Алтая Шатилов был избран членом Всероссийского Учредительного собрания. В декабре 1917 г. на Чрезвычайном Сибирском областном съезде вошел в состав Временного Сибирского областного совета, 26 января 1918 г. вместе с другими депутатами арестован по постановлению Исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов. Находился в заключении до 3 февраля 1918 г. После падения советской власти 30 июня 1918 г. был назначен министром туземных дел во Временном Сибирском правительстве. 21 сентября 1918 г. написал прошение об отставке. После восстановления советской власти отошел от политической деятельности, в 1920–1922 гг. работал в Томском университете на кафедре «Туземное право и быт». В 1921 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета. В 1922–1933 гг. Шати-

в съезде союза городов, проходившем в г. Камень, обязанности редактора исполняли члены Томского губернского исполкома В.М. Бархатов (№ 73 от 28 июня; № 75 от 1 июля и № 123 от 29 августа) и В.П. Денисов (№ 74 от 29 июня))¹⁴⁶.

24 мая 1917 г. исполнительный комитет Томского губернского народного собрания предложил губернскому управлению принять «экстренные меры» к освобождению помещения (две комнаты), занимаемого редакционной конторой бывших «Томских губернских ведомостей», для редакции «Голоса свободы»¹⁴⁷. 1 июля 1917 г. товарищем министра внутренних дел Д.М. Щепкиным губернским комиссарам был отправлен запрос о положении, занимаемом губернскими ведомостями в качестве местного официального органа, и о возможных предложениях относительно их преобразования. Министерство констатировало, что и в настоящее время Временное правительство еще более, чем до революции, «нуждается в своевременном обнародовании правительственных мероприятий», а характер губернских ведомостей изменился настолько, что «является сомнение, удовлетворяет ли этот официальный орган тем требованиям, которые к нему предъявляет закон о порядке обнародования правительственных распоряжений». На это Б.М. Ган ответил, что содержание отдельного печатного органа губернского комиссариата совершенно неинтересно для населения, а изменение его при бедности провинции газетными работниками невозможно. Томский губернский комиссар считал необходимым прекратить издание «Известий Томской губернии» и вместо них издавать земскую «беспартийную» газету, в которой бы и публиковалась вся исходящая от центральной и местной власти информация с популярным объяснением цели распоряжения и возможных последствий его точного исполнения, а казенные и частные объявления размещались бы на последней странице. Такой газетой должен был стать «Голос свободы». Штат

лов – директор открытого в Томске краевого музея, организатор и участник этнографических экспедиций. В 1933 г. обвинен в контрреволюционной деятельности и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1959 г. посмертно реабилитирован. С 2011 г. имя М.Б. Шатилова присвоено Томскому областному краеведческому музею (ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 22, 45, 45об.; Р. 815. Оп. 5. Д. 604; Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 49; *Памятная книжка Томской губернии на 1915 г.* Томск, 1915. С. 109, 152; *Периодическая печать Сибири* (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / сост. Е.Н. Косых, И.Г. Мосина. Томск, 2001. С. 31, 33; *Бондаренко А.А., Нам И.В. Шатилов Михаил Бонифатьевич* // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 416).

¹⁴⁶ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 13. Л. 21; Д. 14. Л. 49; Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹⁴⁷ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

служащих газетного стола упразднился, и все средства, поступавшие от объявлений, как и долги губернского управления и других лиц и учреждений, передавались в ведение новой редакции. Н.Г. Гусельников, проработавший в должности редактора «Томских губернских ведомостей» и начальника газетного стола более 30 лет, был отправлен в отставку, управляющим типографией стал М.Я. Тернер¹⁴⁸.

В № 30 «Известий Томской губернии» от 16 июля 1917 г. сообщалось об упразднении газеты как отдельного издания (не отвечающего «потребностям и духу времени») и объединении ее с «Голосом свободы» как общественно-политической народной газетой, в которой содержание прежних «Известий» было вынесено в официальный отдел на последнюю страницу. С 1 августа 1917 г. под № 100 (1) газета стала выходить ежедневно как «Голос свободы (Известия Томской губернии)», с 8 августа – с двойной нумерацией: № 106 – «Голос свободы» и № 31 – «Известия Томской губернии» (с № 179 (104) от 12 ноября 1917 г. газета издавалась нерегулярно).

В качестве источников заимствования статей и передовых выступали столичные эсеровские («Земля и воля», «Воля народа», «Труд»), меньшевистские («Новая жизнь», «Рабочая газета») и большевистские газеты («Социал-демократ», «Вперед»), а также «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов». Из местных газет есть ссылки на меньшевистскую газету «Единение» (Иркутск), эсеровский «Наш голос» (Красноярск), «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов», социал-демократический «Голос Сибири» (Новониколаевск) и «Знамя революции» – орган Томского Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁴⁹. О томской и общесибирской проблематике писали солдат Дм. Гр. Девев, солдат Петр Гладышев, А. Иванов, С. Кириллов, Л. Затяжных, Ф. Шевцов, З.Н. Анин, А. Сатонин, Н. Боровников, И. Ховес, П. Бельков, М. Торопов, А. Ефимов, Н. Леонов, А. Разанов, Е. Антонов, П. Маслов, Д. Федоров, Г. Гуркин, Ив. Копаев, П. Лашенков, В. Нагнибеда, Н. Рожков, П. Воеводин, Ив. Евсенин, К. Васьков, П. Коваленко, Ф. Бондарчук.

В первые месяцы издания «Голоса свободы» Февральская революция осмысливалась как рубежное, эпохальное событие в русской

¹⁴⁸ ГАТО. Р. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 165–166об.; Д. 57. Л. 100об.; Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 93, 95–96.

¹⁴⁹ О политической направленности газет Сибири см.: *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Указатель газет и журналов. Томск, 2009.

истории, навсегда отделившее ее темное прошлое от светлого будущего: «свободная жизнь» (№ 4. 30 марта), «день рождения русской свободы» (№ 27. 2 мая), «солнце свободы» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Земли и воли»), «свободное общество» (№ 48. 29 мая), «новые формы жизни» (№ 51. 2 июня), «благотворный воздух свободы» (№ 54. 6 июня) и т.д. Перед новой властью вставали такие задачи, как «политическое просвещение народа» (№ 49. 31 мая), преобразование армии на демократических началах (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Рабочей газеты»), «уничтожение обломков старого строя и очагов черносотенства» (№ 46. 27 мая), «перераспределение производительных сил» (№ 46. 27 мая; перепечатка из «Единения»), «спасение страны от экономической катастрофы» (№ 49. 31 мая). При этом постоянно подчеркивалось, что Временное правительство должно действовать под неослабным давлением со стороны революционных масс, социалистических партий и Советов.

«Живому», «новому» уступало место «старое», «отжившее» – монархический режим, как и историческое прошлое России, описывались исключительно в негативных дискредитирующих выражениях (преимущественно эмоциональных, обобщенных, не подкрепленных логико-фактической аргументацией): «ничтожные фигуры вроде Алексея Михайловича или просто деспоты, как Николай I, крестьян не интересуют», «монархизм крестьянства подрывался в самом корне на местах грабительской политикой администрации и дворянства» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Воли народа»); «Уже к 18 годам он [Александр II] истощил себя пьянством, развратом и бессонными ночами, проводимыми в кутежах и картежной игре. Впоследствии он проиграл в карты американцам Аляску» (№ 66. 20 июня); «верные рабы Николая II гноили десятки тысяч лучших людей в ссылке, тюрьмах и на каторге» (№ 47. 28 мая); «Россия была лишь жирным пирогом, кормившим бесчисленную свору царской фамилии, чиновников и дворян» (№ 48. 29 мая); «При царском правительстве солдат представлял из себя беспрекословного забитого раба, которым распоряжались по своему усмотрению и по произволу» (№ 53. 4 июня); «Одним из устоев царской власти была виселица и ее спутник – палач» (№ 61. 14 июня). Недавние участники правящих думских партий – «правые», «октябристы», «прогрессисты» – определялись как «палеоантропологические породы», «помпейские остатки» (№ 49. 31 мая); гласные дореволюционной томской городской думы –

как «старые безответственные заправила города», «бывшие все-сильные» (№ 52. 3 июня). Люстрации после опубликования членских списков были подвергнуты участники «Союза русского народа» (№ 145. 28 сент.; № 146. 29 сент.).

Если на первых порах продовольственный кризис и неудачи на фронте можно было объяснять «предательской политикой» царских министров и непригодностью Николая II к управлению страной, то в дальнейшем самодержавие как тема для критики была забыта и основной мишенью стала буржуазия: «наша буржуазия не в состоянии преодолеть свою классовую ограниченность» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Рабочей газеты»); «Если капиталисты не идут ей [революции] навстречу добровольно, она должна наложить на них свою руку» (№ 49. 31 мая); «Народ голодает ... а между тем буржуазия расточает народное богатство и производственные силы страны для удовлетворения всяких своих причуд и прихотей» (№ 51. 2 июня); «Буржуазия дезорганизовывает производство и усиливает разруху, и без того дошедшую до крайности» (№ 76. 2 июля) и т.д.

Как всегда доставалось кадетам – сторонникам капиталистических порядков и продолжения войны до победного конца, которых революция «отбросила на то место, где находилась черная сотня» (№ 28. 3 мая). П.Н. Милюков рассматривался как «главный идейный вождь захватного русского империализма» и изображался исключительно как отрицательная фигура (№ 49. 31 мая; перепечатка из «Земли и воли»; № 53. 4 июня и др.). Печатным органам, поддерживавшим «Народную свободу» («Русские ведомости», «Речь»), отказывалось в возможности объективного взгляда на происходящие политические события. «Кадетствующая» «контрреволюционная» «Сибирская жизнь» критиковалась не только за вылитые «ушаты грязи на революционный народ» и «поток обывательской желчи, ненависти и брюзжания», но и по вполне прозаической причине – за нежелание Сибирского общества печатного дела безвозмездно поделиться бумагой с социалистическими газетами (№ 51. 2 июня). 8 июля 1917 г. «Сибирской жизни» со стороны новой власти был объявлен бойкот (№ 90. 20 июля).

О войне «Голос свободы» писал как об империалистической и грабительской, в духе Циммервальдского объединения участников II Интернационала (№ 46. 27 мая; перепечатка из «Земли и воли»; № 49. 31 мая; перепечатка из «Новой жизни»; № 157. 12 окт.). Вслед за эсеровскими и меньшевистскими газетами отрицались аннексии и

контрибуции, но доказывалась необходимость «оборончества»: «русская свобода находится под угрозой иноземного штыка» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Земли и воли»); «Нам не нужен мир [сепаратный], который придавит Россию и сделает ее неспособной к развитию и процветанию» (№ 48. 29 мая; перепечатка из «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»).

Если проследить эволюцию отношения «Голоса свободы» к Временному правительству, то от его безусловной поддержки как легитимного органа власти в марте – апреле 1917 г. оно к концу июня трансформировалось в критическое. В передовой «Томск, 28 июня» прямо утверждалось: «Временное правительство, состоящее в большинстве своем из представителей капиталистической и помещичьей буржуазии, не в силах решительно и твердо проводить в жизнь требования трудового народа во всем их объеме» (№ 73. 28 июня). Министры-социалисты определялись как «адвокаты хозяйских интересов»: «Зовут себя все они социалистами, но не защищают социализм, не представляют интересы рабочих, а являются к нам ходатаями за “бедных” промышленников» (№ 74. 29 июня). Фигура А.Ф. Керенского как «представителя демократии», «министра-революционера» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Земли и воли»; № 57. 9 июня; перепечатка из «Новой жизни») после Корниловского мятежа, хотя и не подвергалась прямой критике, перестала появляться в передовых и проблемных статьях (о председателе Временного правительства упоминалось лишь в официальных сообщениях).

С конца мая «Голос свободы» стал акцентировать тревожные настроения по поводу будущего России и Сибири, на читателя повеяло безысходностью ситуации (что контрастировало с уверенным тоном большевистской печати, предлагавшей конкретные и радикальные меры). Например, в передовой «Томск, 30 мая» отказ союзников от заключения мира без аннексий и контрибуций рассматривался как «угроза бесконечной войны, которая убьет нашу родину, погубит добытые нами свободы. <...> Неужели нет выхода у нас? Неужели мы бессильны?» (№ 48. 29 мая).

В статье «Почему нет хлеба, одежды и обуви» (№ 52. 3 июня) в качестве основной причины такой ситуации называлась война, но не предлагалось каких-либо действий к исправлению ситуации, а в завершение делался вывод, который никак не мог вызвать оптимизма у читателя: «...от недели к неделе, от месяца к месяцу будет

все меньше и меньше этих предметов». Пожалуй, только в статье «С фронта (из писем сибиряка)» (№ 51. 2 июня) сибирского писателя, уроженца Томской губернии Г.Д. Гребенщикова был взят успокоительный тон, автор, приводя факты из собственного опыта, пытался опровергнуть «все крики о развале армии, о безобразиях на железных дорогах, об анархии» как клевету на русскую демократию со стороны буржуазной печати, в том числе и местной («Сибирская жизнь», «Иркутская жизнь» и др.).

В отчете о первом месяце работы Томского городского народного собрания говорилось, что оно «вполне справится со всеми возложенными на него обязанностями, оно выяснит финансово-денежную сторону в городской отчетности и сумеет вывести город из состояния хронической дефицитности, оно не забудет трудящиеся массы и интересы последних положит в основу своей деятельности» (№ 52. 3 июня). Но такой уверенности не было у жителей Томска. Слова официальной власти о том, что «приняты все меры к обеспечению города самыми необходимыми продуктами питания и топлива», по негласному закону всех революций как раз и означали, что продовольственный и топливный кризис будет только усиливаться. Статья «В хвостах», написанная на основе впечатлений от городских очередей за продуктами, должна была вызывать у читателя размышления о необходимости успокоиться и терпеть, но на деле лишь печатно воспроизводила озлобленность и ожесточение, которые нарастали против новой власти с каждым днем: «Мясной хвост. Настроение кровожадное. Холодно и скучно ожидать. В ход пускаются языки, редкий молчит. Слышно: “Ну и времячко... порядки... все забрали... все съели... все за себя... грабители... а ведь все было... куда девалось..., знамо дело... Все – Ган... доберутся...”, в воздухе висит лишь крепкая брань, свидетельствующая о том, что люди часто взвинчивают сами себя, не отдавая себе отчета ни в том, что говорят, ни в том, что творят. А пора бы немного поразмыслить» (№ 160. 15 окт.). Не внушали уверенности в завтрашнем дне и статьи «Паралич власти» (№ 53. 4 июня) и «У грани» (№ 157. 12 окт.). В последней европейская часть России рассматривалась как территория «своя», оказавшаяся в тяжелой ситуации, но одновременно и как «чужая», откуда исходила опасность для Сибири: «Страна – у грани бедствий. Развал хозяйственный, финансовое банкротство, крах транспорта – все это теперь уже не пустые страхи. Черный призрак

голода, беспорядка и анархии надвигается к нам с Запада, из-за Урала вместе с тысячами семей беженцев... измученных солдат и т.д.».

Местные события орган Томского губернского народного собрания освещал достаточно полно, и по газете можно составить их подробную хронику. Публиковались стенограммы заседаний Томского губернского народного собрания (по вопросу о формах землепользования, состоянии народного образования, о железных дорогах и т.д.), сообщалось об организации и деятельности народных собраний в селах и городах губернии, о деятельности Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, работе Сибирского областного съезда, подготовке и выборах в Учредительное собрание. Необходимо отметить, что в животрепещущем для всей страны и для сибирских крестьян вопросе о земле «Голос свободы», как и исполнительный комитет Томского губернского народного собрания, следовали за официальной позицией Временного правительства, запрещавшего самовольные захваты земель до созыва Учредительного собрания. При этом газетные публикации описывали главным образом ситуацию в европейской части страны, хотя для Сибири был актуальным вопрос не о частновладельческих, а о кабинетских землях, а также вопрос о дальнейшем продолжении переселенческой политики.

В рубриках «Хроника», «По Сибири», «По революционной Сибири» содержались мелкие сообщения, представлявшие важнейший интерес для повседневной жизни рабочих, служащих, крестьян и других слоев населения: о борьбе со спекуляцией и самогоноварением, о размерах максимальной наценки на товары, о распределении топлива, о сборах и платежах, об организации профессиональных союзов и потребительских кооперативов, о закрытии «домов терпимости» и трудоустройстве их служительниц, об открытии историко-филологического и физико-математического факультетов Томского университета и т.д.

Обстановка в городе вынуждала принимать исключительные меры. Народная милиция, пришедшая на смену упраздненной полиции, находилась еще в стадии формирования. Освобождение заключенных, зачисленных в Томский гарнизон, привело к резкому росту преступности. Первоначально амнистированные пообещали Исполнительному комитету Совета солдатских депутатов, что они будут сами бороться с людьми из «своей среды», совершавшими преступления, будут «идти рука об руку с Советом солдатских депутатов в борьбе со всякими темными силами, угрожающими свободе рус-

ского народа, которого мы являемся несчастными детьми» (№ 51. 2 июня). Однако такой «успокоительный ответ», несмотря на цветистый слог, не давал томичам гарантии безопасности. В ночь со 2 на 3 июня в городе было введено военное положение – проведены аресты и облавы (задержано около 2 300 человек, при этом с обеих сторон были убитые и раненые), после 22 ч введен комендантский час, запрещались собрания, спектакли и другие публичные мероприятия (№ 53. 4 июня). Вечером 7 июня режим военного положения был отменен, в томские тюрьмы вновь возвратилось до 1 тыс. человек, необоснованно задержанными оказались около 500 гражданских лиц (№ 56. 8 июня).

Как и другие провинциальные газеты периода революции, «Голос свободы» был сопричастен вопросам мирового масштаба, не связанным с текущей политической и экономической жизнью Сибири. Так, 27 мая 1917 г. в редакцию газеты поступила просьба о напечатании протеста против вынесения австрийскому социалисту Ф. Адлеру смертного приговора: «Томский губернский исполнительный комитет протестует с глубоким негодованием против акта смертной казни, позорящего все человечество и отвергнутого Российским Временным Правительством»¹⁵⁰. Несмотря на призывы исполнительного комитета к спокойствию, «Голос свободы» № 47 от 28 мая вышел со строкой на развороте: «Граждане, на улицу! Протестуйте против смертного приговора Фридриху Адлеру!»¹⁵¹. Дело «застрельщика в борьбе за братство народов» (Ф. Адлер в 1916 г. застрелил министра-президента Австро-Венгрии Карла фон Штюр-

¹⁵⁰ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

¹⁵¹ Лозунги, напечатанные крупным шрифтом и выносимые в разворот «Голоса свободы», публиковались регулярно и соответствовали значению текущего политического момента: «Да здравствует демократическая республика!» (№ 4. 30 марта); «Боритесь против политики завоеваний!» (№ 27. 2 мая); «Привет несущим мир трудящимся всего мира!» (№ 63. 16 июня); «Привет городскому народному собранию!» (№ 32. 7 мая); «Поддержка займа будет укреплением наших финансов!» (№ 80. 7 июля); «Да здравствует единение революционной демократии!» (№ 86. 14 июля); «Долой буржуазную контрреволюцию, долой травлю социалистов!» (№ 86. 14 июля); «К спокойствию, граждане! Объединяйте силы против грозящей стране опасности!» (№ 84. 12 июля); «Граждане! Жертвуйте ненужное Вам железо для ремонта сельскохозяйственных машин!» (№ 90. 20 июля); «Все, кто за волю, за землю, за вольный труд, кто хочет новую жизнь строить сам, для того пришло время работы и решительной работы. Все за работу по организации выборов в Учредительное собрание!» (№ 97. 28 июля); «Да здравствует великая российская республика!» (№ 128. 5 сент.); «Граждане! Если вы не хотите гибели свободы и родины, боритесь против предателей и провокаторов, против слепых обывателей, зовущих к беспорядкам» (№ 168. 25 окт.); «Спасение страны и революции – в мудром спокойствии, стойкости и выдержанности!» (№ 170. 27 окт.).

гка) должно было стать поводом для организации в Томске митинга и шествия к площади Свободы (бывшая Новособорная). В № 48 от 29 мая помещалась «Сказка о воде» американского социалиста-утописта Э. Беллами, в которой в образно-наивной форме рассказывалось о «хитрых капиталистах», которые до появления «агитаторов» наполняли резервуар водой, покупая у слабого разумом народа ведро воды за одну монету, а продавая за две (отсюда выводились понятия «рынок», «прибавочная стоимость», «кризис перепроизводства» и, наконец, «социализм»).

Отвлеченными не только от современной, но и будущей социальной действительности были рассуждения о задачах грядущих революционных преобразований, мыслимые как грандиозные и потому кажущиеся неосуществимыми не только читателю, но даже и их пропагандистам. Например, в передовой «Томск, 31 мая» писалось следующее: «Ведь перед нами территория, охватывающая шестую часть суши, полтораста миллионов, сотни племен. И этот многоплеменный народ, почти вчера еще живший “в вечном мраке”, подобно мифическим киммерийцам Гомера, сегодня призван к государственному строительству в формах и пределах, которых не знает ни одна передовая демократия Запада» (№ 49. 31 мая). Или, например, в статье о перевоспитании заключенных говорилось, что общество должно «приложить все усилия к тому, чтобы вырвать с корнем весь яд порока из их душ и насадить на место порока благотворное семя просвещения и благовоспитанности. <...> Тюрьма должна быть не складочным местом отбросов общества, а горном, в котором преступники, под благотворным действием теплого отношения к ним человечества, должны расплавляться и выливаться в формы добропорядочных людей» (№ 54. 6 июня).

Будущее обновление России мыслилось скорее в категориях веры, чем рациональных возможностей, при этом очевидно было, что полный разрыв с прошлым невозможен, основные проблемы русского общества никуда не делись, а благополучно перешагнули из февраля в «дни свободы»: «Беспорядок и хаос, царившие при старом режиме, продолжают и поныне» (№ 52. 3 июня); «Старая власть сдана в архив, а старые порядки по-прежнему процветают» (№ 54. 6 июня; перепечатка из «Голоса Сибири»); «Прошло некоторое время, и опять началось беспорядное пьянство. Со всех концов Сибири идут тревожные известия о развитии самогонного производства» (№ 60. 13 июня); «Низкий

культурный уровень массы – тяжкое наследие прошлого...» (№ 157. 12 окт.; перепечатка из «Новой жизни»).

События октября 1917 г. в «Голосе свободы» освещались негативно – как большевистский переворот, узурпация власти наиболее радикальной социалистической партией под прикрытием Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Если в марте – мае деятельность социал-демократов во главе с В.И. Лениным оценивалась положительно (перепечатки из большевистского «Социал-демократа»), то в конце сентября – начале октября возможность свержения демократического Временного правительства стала оцениваться как авантюра, создающая угрозу контрреволюции и препятствующая передаче власти Учредительному собранию. Декреты «рабоче-крестьянского правительства» (которое наименовалось всегда в кавычках) подвергались резкой критике. «Государственная разруха и безвременье» (№ 184. 30 нояб.) уже не могли быть преодолены в масштабах всей страны и с помощью центрального правительства, публикуемые решения Сибирского областного съезда явно указывали на отделение Сибири от России путем создания собственных органов управления. Неясность ситуации в столице приводила к тому, что в газете до 4 ноября помещались распоряжения уже свергнутого Временного правительства и речи А.Ф. Керенского, в которых В.И. Ленин рассматривался как государственный преступник. «Конец 1917 года и начало 1918 года встречается в атмосфере острой борьбы между Учредительным собранием и Советом народных комиссаров – между плодом февральской революции и порождением октябрьской революции. Этим рельефно (выпукло) намечаются два пути – “путь жизни и путь смерти”», – такие неутешительные итоги для будущего страны подводились в последнем номере «Голоса свободы» от 31 декабря 1917 г.

Подведем итоги. Расширение сектора частной печати привело к тому, что ведомости перестали восприниматься образованными представителями местного общества как газета именно для чтения, а не для знакомства с официальными распоряжениями. Однако местные власти не оставляли попыток развития находящихся в их ведении правительственных газет в интересах освещения собственной деятельности, влияния на общественное мнение и противостояния частным оппозиционным изданиям. В 1900–1901 гг. по расширенной программе издавались «Енисейские губернские ведомости», а с середины 1900 г. – «Иркутские», обновление которых было осуществ-

лено успешно и на длительный срок. Газета вновь обрела своего читателя, ее тираж увеличился с 650 экземпляров в 1900 г., до 1 500 в 1901 и 5 000 в 1905 г.¹⁵² (по подсчетам С.И. Гольдфарба, число подписчиков у «лучших сибирских изданий» не превышало 2 тыс.¹⁵³). Изучение бытовых и экономических условий местной жизни, народное образование, популяризация сельскохозяйственных знаний, деятельность городской думы и события на Дальнем Востоке стали основными темами неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», публикации которой заимствовались другими сибирскими газетами¹⁵⁴. Изменения, произошедшие с «Иркутскими губернскими ведомостями», были отмечены иркутской общественностью, хотя и не без иронии в отношении ее казенного характера¹⁵⁵. Расширение программы газеты соответствовало как изменениям местных условий (строительство Транссибирской магистрали, развитие капиталистических отношений, административные и судебные преобразования), так и назревшей необходимости обновления всей концепции региональной государственной прессы, созданной «Положением об издании губернских ведомостей» 1830 г.

В ходе работы «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» в апреле 1901 г. «Иркутские губернские ведомости» (как и «Енисейские») были отмечены среди прочих ведомостей Азиатской России. Многочислен-

¹⁵² *Корреспонденции*. Иркутск // Сибирская жизнь. 1901. № 47. 1 марта; Pro domo sua (По поводу одной корреспонденции) // Иркутские губернские ведомости. 1901. № 72. 1 апр. С. 2–3; *Местная хроника*. К проводам И.П. Моллериуса // Иркутские губернские ведомости. 1905. № 4013. 16 марта. С. 3.

¹⁵³ Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. С. 80.

¹⁵⁴ «Сплошь и рядом в различных отделах сибирских газет встречаются перепечатки из нашей газеты, без указания источника заимствования, тогда как в отношении других органов сибирской же прессы источник использования материалов указывается. Наиболее свежий пример этого мы усматриваем в № 66 газеты «Енисей» (о железнодорожных штрафах и наградах на забайкальской дороге), из которой наша заметка перепечатывается «Сибирским вестником» с указанием на «Енисей»» (Иркутские губернские ведомости. 1903. № 3452. 18 июня).

¹⁵⁵ На костюмированном вечере Иркутского общества приказчиков 6 января 1902 г. одна из масок по поводу «Иркутских губернских ведомостей» исполнила такую «песню в лицах»: «Злые люди пусть ругают // И смеются надо мной, // Пусть они нас не читают, // Мы в большом родстве с казной». Но «Восточное обозрение» было охарактеризовано, как кажется, с еще большей язвительностью: «Сегодня я скажу одно, // А завтра говорю другое – // Всем ошибаться суждено, – // Все в этом мире напускное (Иркутские губернские ведомости. 1902. № 8. 10 янв.; Енисейские губернские ведомости. 1902. № 21. 25 янв.).

ные замечания «Иркутским губернским ведомостям» со стороны Главного управления по делам печати свидетельствовали о том, что ее содержание носило проблемный и критический характер. Мнение об обновленных «Иркутских губернских ведомостях» общественного деятеля и журналиста К.В. Дубровского, писавшего, что «серьезная статья в газете почти отсутствовала», а местные вопросы в ней «освещались очень бледно»¹⁵⁶, обусловлено партийной принадлежностью автора – для члена партии эсеров, входившего в редколлегия оппозиционной «Сибири», местная правительственная газета, чуждая «обличительности» и «идейности», выглядела «бесцветно» (впрочем, как и все, исходящее из правительственного лагеря). К тому же это мнение было высказано позже – в июне 1907 г., когда резкое полевение русской печати изменили ее характер и содержание.

В условиях первой русской революции восточносибирские «Иркутские» и западносибирские «Томские губернские ведомости», сохраняя характер официальных изданий местных органов государственной власти, выполняли функции, позже свойственные правым партийным изданиям (полемика с оппозиционными газетами, площадка для высказывания антиреволюционных мнений граждан, трансляция в общественное сознание идей «умиротворения, обновления и спасения России»). Начавшие выходить по расширенной программе с ноября 1905 г. «Томские губернские ведомости» приобрели октябристскую направленность, что придавало газете одновременно как проправительственное верноподданническое звучание, так и умеренно-либеральный, оппозиционный к классическому неограниченному самодержавию, оттенок. С сентября 1906 г. руководство ведомостями перешло в руки более правых консервативных сил – чиновников местной администрации, которые придали газете откровенно черносотенный характер. «Иркутские губернские ведомости» уже с сентября 1905 г. с позиций умеренного монархизма ушли вправо, однако такое направление не было стабильным – на редакционной политике газеты отражались особенности текущего момента и различие политических предпочтений в губернском руководстве. В ноябре – декабре 1905 г. в «Иркутских губернских ведомостях» ясно прослеживается направление на опровержение публи-

¹⁵⁶ Дубровский К.В. Страничка из истории сибирской печати (К 50-летию «Иркутских губернских ведомостей») // Сибирь. 1907. № 188. 6 июня. С. 2. Несмотря на данную «Иркутским губернским ведомостям» характеристику, сам К.В. Дубровский публиковался в ней с фельетонами (см., например, № 3710 от 23 апреля 1904 г.).

каций «Восточного обозрения», что, возможно, сыграло свою роль в его закрытии в январе 1906 г.

Первая русская революция освещалась в ведомостях с точки зрения таких оппозиционных пар, как законность / преступление, порядок / анархия, созидание / разрушение, монархисты / социалисты, крестьяне / горожане, обманутый народ / революционная интеллигенция. В период приобретения неофициальной частью «Томских губернских ведомостей» правой черносотенной окраски апелляция к рациональному мышлению читателя сменилась воздействием преимущественно на сферу эмоционального восприятия текста. В адрес революционных сил стали широко использоваться характерные для оппонентов «слева» резкая риторика, откровенные ругательства и безапелляционные суждения. Вслед за центральными черносотенными изданиями произошел переход от умиротворения читателя к разжиганию социальной и национальной розни. Активно использовались противопоставления, полностью исключаящие друг друга: национальная история / западное влияние, русская государственность / враги России, неограниченное самодержавие / парламентаризм, монархисты / немонархические партии (без значимых различий между социалистами, кадетами и октябристами), русские / нерусские (евреи, поляки, прибалты, кавказцы). «Иркутские губернские ведомости» были менее политизированы, ограничиваясь преимущественно информационными сообщениями о ходе предвыборной кампании, воспроизведениями стенограмм заседаний Государственной Думы, перепечатками передовых из «Русского государства» и «Правительственного вестника».

На выборах в I и II Государственные Думы в Сибири, как и на большей части территории страны, победу одержали представители левого политического спектра. Такую ситуацию можно объяснить действительным возрастанием антимонархических и максималистских настроений в русском обществе, решающим значением городского этапа голосования, эффективной предвыборной деятельностью кадетов и социалистов. Либеральные и социалистические издания, заостряя внимание на действительных социальных противоречиях и несовершенствах российской политической системы, оперируя «мировыми проблемами» и идеями глобального общественного переустройства, переигрывали в информационном плане газеты официальные и официозные, призывавшие к спокойствию и порядку, т.е. по сути выступавшие против происходящих в стране перемен и за

возвращение к дореволюционному статус-кво. Критика ветшающей на глазах уваровской триады приносила частным издателям значительные доходы, а доводы в пользу правительства могли их снизить. Приятно было примерить на себя и лавры борца с «угнетателями» и деспотическим режимом.

Кроме этих общих идейно-политических соображений, причинами неудач правых следует считать и общую оппозиционность носителей патриархального мировоззрения в Сибири к местному и далекому центральному начальству. «Сибиряк независим по отношению к властям и неуважителен к церкви» – такое заключение сделал командированный в 1896 г. в Сибирь для ознакомления с переселенческим делом статс-секретарь А.Н. Куломзин¹⁵⁷. В силу преобладания здесь русского населения не находила широкой поддержки и антисемитская направленность черносотенного движения. В пропагандистских заявлениях правых отсутствовали внятные и близкие крестьянским и городским избирателям предложения об улучшении экономического положения населения восточной окраины, распространении на ее территорию системы земского самоуправления. Пугающим казался и рост переселенческого движения, в поддержку которого, в соответствии с партийной дисциплиной, были вынуждены выступать местные черносотенцы.

В послереволюционный период актуальность противостояния антиправительственным силам снижалась год от года и, соответственно, снижалась необходимость в общественно-политическом звучании неофициальной части. В начале 1908 г. была сокращена неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей». Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» (до ее сокращения в октябре 1911 г.) по инерции к предшествовавшим событиям отличалась «нравоучительным» направлением, в задачи которого входило «нравственное влияние» на читающее и слушающее население.

Если газета не поспевала за быстротекущим историческим временем, то время само видоизменяло газету и вносило в нее новое содержание. После Февральской революции губернские ведомости Сибири перешли в руки умеренных социалистов (эсеров и меньшевиков) и стали представлять интересы Временного правительства в качестве печатных органов его губернских комиссаров под преж-

¹⁵⁷ Блинов Н.В. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 11.

ними («Иркутские губернские ведомости») и новыми названиями («Известия Енисейской губернии»; «Ведомости Тобольского губернского комиссариата»; «Известия Томской губернии» (с июля по декабрь 1917 г. – «Голос свободы») как орган Томского губернского народного собрания). Кредит общественного доверия к новой официальной революционной прессе, занявшей место прежней официальной консервативной, был быстро исчерпан (возможно, недоверие к печатным органам Временного правительства выросло из недоверия к каким-либо официальным органам вообще). После установления советской власти эти газеты были закрыты, а материально-техническая база губернских типографий национализирована. В качестве большевистского органа печати издавалась только енисейская официальная газета, выходившая как «Известия Енисейского губернского народного комиссариата» (до марта 1918 г.), и приложение к ней – «Рабоче-крестьянская газета» (по май 1918 г.). С июля 1918 г., после падения советской власти, были возобновлены «Ведомости Тобольского губернского комиссариата» (с 1919 г. – «Вестник Тобольской губернии») и «Иркутские губернские ведомости». В ряду других изданий Белой Сибири они выполняли функции информирования о постановлениях и распоряжениях новой власти, пропагандистского обеспечения антибольшевистской борьбы и мобилизации населения для участия в Гражданской войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Губернские ведомости стали предметом исследовательского внимания уже в период своего выхода – библиографические обзоры содержания, использование в качестве источника центральными изданиями, дискуссия по поводу направления губернских ведомостей в среде общественных деятелей и газетных сотрудников, определение места ведомостей в системе периодической печати России в очерках ее истории и справочных изданиях. В дореволюционный период были сформулированы две взаимоисключающие оценки губернских ведомостей – как полноценного, самостоятельного и своеобразного издания, имеющего право на своего читателя, свою позицию в освещении местной жизни и разработке местных вопросов в неофициальной части, и как издания неполноценного, подражательного и типизированного, которое не должно выходить за рамки части официальной. Первая точка зрения отстаивалась представителями самой казенной провинциальной печати и теми столичными изданиями, которые высказывались за ее реформирование. Вторая точка зрения, более непримиримая, исходила, главным образом, из оппозиционного самодержавию либерального и революционно-демократического лагеря, видевшего у ведомостей только общественно-политическое будущее под собственным, опосредованным идеологическим, или непосредственным руководящим контролем. Таковы были взгляды и на губернские ведомости Сибири – Н.М. Ядринцев оценивал их значение только в связи с «обличительным» периодом в истории «Иркутских губернских ведомостей» и областническим в «Томских губернских ведомостях». Редакторы «Томских» (Е.В. Корш, П.Т. Виноградов), «Иркутских» (А.И. Виноградов) и «Тобольских губернских ведомостей» (Е.В. Кузнецов) на практике доказывали жизнеспособность печатных органов губернских правлений. Вне зависимости от критической точки зрения частной печати (взявшей на себя оценочные и покровительственные функции по

отношению к конкуренту) губернские ведомости не угасли и не исчезли, они развивались и видоизменялись, продолжая оставаться одним из видов регулярной и доступной читателю периодики с момента возникновения и до конца исторического срока, отведенного Российской империи (и этот срок был гораздо протяженнее, чем у частных газет). Направление губернских ведомостей не могло быть стабильным и последовательным, иногда под одним заголовком в разное время размещалось совершенно различное содержание.

В советский период в определении места губернских ведомостей в истории провинциальной печати и общественной жизни продолжала преобладать и развиваться сформулированная еще дореволюционными авторами оценка этой группы периодики как бюрократических казенных газет (и даже не газет – «листочков» или «бюллетеней»), сыгравших роль «стартовой площадки» для будущего развития «передовой» печати в провинции и в дальнейшем оказавшихся в стороне от магистрального направления ее развития. В соответствии с «принципом партийности» возникновение ведомостей было искусственно соотнесено с дворянским этапом освободительного движения (редакторская деятельность А.И. Герцена в «Прибавлениях» к «Владимирским губернским ведомостям»), а последующая история, на буржуазно-демократическом этапе, затрагивалась, преимущественно, в связи с возможностью разночинной интеллигенции вести в них легальную пропагандистскую и просветительную деятельность. Отмечалась источниковедческая ценность неофициальных частей некоторых губернских ведомостей за счет публикаций в ней статей по истории, географии, этнографии, археологии, художественных произведений местных авторов. Признавалась роль ведомостей в оживлении культурно-просветительной жизни, вовлечении населения в чтение, получении организационного и журналистского опыта будущими сотрудниками частных изданий, которые, в сравнении с правительственными газетами, позиционировались как «независимые органы печати» (хотя по определению печать независимой быть не может). Губернские ведомости Сибири рассматривались в связи с деятельностью в них политических ссыльных и областников, которые отнюдь не были основными авторами их неофициальных частей, но выступали в качестве знаковых фигур общественного развития сибирской провинции. Соответственно, в категориях антагонистической эстафеты выстраивались пары местных правительственных и частных

органов: «Иркутские губернские ведомости» – «Амур», «Томские губернские ведомости» – «Сибирская газета», «Енисейские губернские ведомости» – «Енисей», «Тобольские губернские ведомости» – «Сибирский листок».

С 90-х гг. XX века губернские ведомости отдельных регионов стали выступать в качестве самостоятельного предмета исследования, как обладающие определенными типологическими характеристиками, организационными и содержательными особенностями в системе правительственной и провинциальной печати, как уникальный источник по общественной и повседневной жизни российской провинции. Материалы неофициальных частей губернских ведомостей стали использоваться для изучения литературных процессов в провинции, информационной политики местной администрации, развития типографско-издательского и книжного дела. Дальнейшие перспективы изучения губернских ведомостей и использования их источниковедческого потенциала видятся во введении в научный оборот новых источников центральных и местных архивов, в переводе газетных коллекций ведомостей в электронную форму, создании полных указателей и баз данных их содержания, выработке новых исследовательских подходов анализа газетных текстов, сохранении дискуссионного характера теоретических построений и выводов в отношении истории региональной печати, объединении исследовательских усилий авторов, изучающих губернские ведомости различных регионов страны.

Проект губернских ведомостей возник в конце 1828 г., приобрел законодательную форму в 1830 г. и начал реализовываться в полном объеме с 1838 г. Как и петровские «Ведомости», и литературные журналы эпохи просвещенного абсолютизма, губернские ведомости Николая I продолжили правительственную политику по формированию в России государственной и прогосударственной периодики (шаги к созданию официальной газеты предпринимали и местные власти в Тамбове, Тифлисе, Иркутске). Отдельная функция идеологического воздействия этих газет на население первоначально не предусматривалась. Точное печатное воспроизведение и тиражирование, обязательное принятие к сведению и исполнению общегосударственных законов, постановлений и предписаний местных властей, касавшихся самых разнообразных предметов административной, общественной и хозяйственной жизни губернии, уже должны были соответствующим образом воздействовать

на читателя. Сам факт правительственного происхождения газеты подразумевал, что все публикуемое в ней носит характер непреложной истины.

Внутренние и внешние общественно-политические условия для создания региональной сети казенных изданий были не совсем благоприятными – «возмущение» 14 декабря 1825 г. и обвинительный процесс над участниками тайных обществ, июльская революция 1830 г. во Франции, ноябрьское восстание 1830 г. в Польше, холерные бунты 1830–1831 гг. С помощью цензурных уставов 1826 и 1828 гг. самодержавная власть пыталась управлять развитием русской словесности и журналистики, а для укрепления собственных позиций решила на создание целой группы правительственных газет, строго регламентировав их первоначальную программу и обременив цензурные и административные учреждения последующим контролем над их содержанием; в отличие от частного издания, которое всегда можно было закрыть, возможности «обратного хода» в отношении собственной газеты с государственным гербом уже не было. Губернские ведомости заняли место в ряду как правительственных, так и провинциальных газет, способствуя преодолению централизма и актуализации местной проблематики в системе российской периодической печати. Как показала практика, уже в первые годы их выхода цензурное ведомство столкнулось с размещением в них нежелательных сведений (в частности, о положении и быте помещичьих крестьян), что, наравне с революционными событиями в Европе, стало причиной ужесточения надзора за печатью в 1848–1855 гг.

В соответствии с политическим курсом российские императоры вносили изменения в правовое положение губернских ведомостей. Общей тенденцией в этом отношении было формальное упрощение цензурного режима и расширение информационных функций неофициальной части с сохранением над ней правительственно-административного контроля. С 1851 г. неофициальная часть стала подлежать ведению общей цензуры, которая в 1862 г. была формально отменена с сохранением права предварительного (личного или по поручению доверенному лицу) просмотра статей губернаторами и вице-губернаторами на предмет соответствия их программе газеты. В 1881 г. для ведомостей была отменена предварительная цензура, и вновь как в самом законе, так и в дополнительных циркулярах Главного управления по делам печати повторялось требование

об ответственности губернского начальства за их содержание. В 1855 и 1863 гг. программа неофициальной части губернских ведомостей была расширена. В рамках политики управляемой гласности власть стала использовать эту часть газеты для освещения крестьянской реформы и деятельности новых учреждений самоуправления (до появления отдельной земской и думской периодики), а также для проведения через печать правительственного курса. Руководящим политическим органом для местных официальных газет стал печатный орган МВД: с 1862 г. – «Северная почта», а с 1869 г. – «Правительственный вестник». Попытка перехватить инициативу в руководстве местной печатью (которая была представлена, главным образом, губернскими ведомостями) наблюдалась и среди оппозиционных правительству либеральных и революционных сил.

Замечания и ограничения государственных цензурных учреждений в отношении государственных же газет означали, что их неофициальные части, задуманные правительством первоначально в качестве «довеска» к части официальной, стали развиваться как провинциальные общественные издания, вне пунктов разрешенной программы, иногда де-факто, без какого-либо министерского дозволения, не ограничиваясь перепечатками из петербургских официальных изданий.

Формулировка, допускающая публиковать в ведомостях «относящиеся до местности и сведения и материалы», разрешение в них политического и юридического отделов, предоставление губернаторам возможностей использовать свою функции наблюдения за газетой не только для сдерживания ее пунктами программы, но и для их расширительного толкования позволяют оценивать законодательные рамки издания губернских ведомостей как гибкие. Программа ведомостей была для правительственных изданий своеобразной уздой, средством их цензурного «одергивания» сверху, но она не создавала непреодолимых препятствий для редакторов, авторов и корреспондентов, принимавших на себя таковые обязанности по назначению, служебной необходимости или по личному убеждению и стремившихся сделать неофициальную часть интересной и полезной для читателя. Соответственно, содержание «провинциальных братьев» могло быть совершенно различным (как по сравнению друг с другом, так и на протяжении истории одного издания) – казенные и частные объявления, статистические сведения и краеведческие очерки, полемические статьи и литературные опыты. Газету мог ждать ком-

мерческий успех или прозябание, она могла «держать удар» частной прессы или быть задвинута ею на второй план. Из унифицированного типового издания вырастали разнообразные, непохожие друг на друга по структуре и содержанию региональные варианты, лишь в общих чертах обнаруживавшие сходство с первоначальным проектом. Скорее государство было готово следовать за ведомостями (сдерживая их информационное внимание или, напротив, не мешая развиваться), чем ведомости следовали за государством с постоянной оглядкой на законодательные и цензурные ограничения (речь, скорее, могла идти о самоцензуре). В результате к началу XX в. сложилась парадоксальная ситуация: те ведомости, которые усиливали неофициальную часть, заводя в газете не предусмотренные законом рубрики (театральная критика, местная хроника, корреспонденции, фельетон, смесь и т.д.), заслужили внимание и одобрение Главного управления по делам печати, мнение их редакторов в 1901 г. было затребовано столицей в качестве основания для возможного реформирования сектора правительственных изданий. Ведомости же, следовавшие законодательным рамкам и потому не получавшие цензурных взысканий, оказались в ряду аутсайдеров.

Первая попытка внести изменения в программу губернских ведомостей была предпринята в 1878 г., она носила кулуарный ведомственный характер. Вопрос обсуждался до 1881 г. и сошел на нет по причине смены правительственного курса. Министерство внутренних дел сосредоточилось на создании общероссийского охранительного органа – «Сельского вестника» – и на выстраивании отношений с быстро растущим (в том числе и в провинции) сектором частных изданий в охранительном, «обезвреживающем» направлении. Борьба с «крамолой» путем цензурных ограничений, штрафов, запрета на открытие новых и закрытия прежних изданий была важнее, чем развитие и расширение собственного правительственного сегмента периодики, способной объяснять подданным действия власти, полемизировать с политическими оппонентами, выстраивать диалог с читателями.

В 1901 г. проблема реформирования ведомостей, в соответствии с новыми общественно-политическими условиями, обсуждалась открыто, на основании предложений, высказанных самими представителями казенной печати, и в ходе дискуссии между частными газетами и губернскими ведомостями, сплоченно выступившими за свое право на существование против монополии частной прессы (необхо-

димо отметить, что губернские официальные газеты в большей степени, чем частные, ощущали свое единство – по правительственному происхождению, общности типологических признаков, организационной структуры, материально-технической базы и, соответственно, сходству встающих перед этим сектором печати проблем). Однако предложения придать губернским ведомостям большую независимость от губернского правления и губернской типографии, допустить публикацию в них критических статей в отношении правительственной политики и деятельности местных властей, расширить целевую аудиторию неофициальной части за счет крестьянства не нашли поддержки в Министерстве внутренних дел. Финансовые затраты превышали возможную пользу; сомнений в эффективности официальной прессы не было только у ее редакторов. Законодательные основания для провинциальных государственных газет так и не были обновлены, они по-прежнему, в зависимости от конкретных условий, продолжали представлять собой различные по уровню содержания и влияния издания.

В условиях первой русской революции царское правительство для стабилизации обстановки в стране и поднятия своего авторитета, наряду с прочими средствами, мобилизовало и казенную печать. Возможность влиять посредством печатного слова на общественные настроения и проводить целенаправленную политику и контрполитику в отношении оппозиции была осознана на самом высоком уровне. Монологичный характер властных импульсов по отношению к управляемым уступал место попыткам наладить диалог с ними. Исторически пресса в России возникла как зависимая от власти, но с ее развитием сама власть стала зависеть от прессы. За общественное мнение, которое до революции можно было игнорировать, теперь нужно было бороться. Реформа правительственной печати 1905–1906 гг. в меньшей степени отразилась на положении губернских ведомостей, затронув, главным образом, центральные правительственные издания – «Сельский вестник», «Правительственный вестник» и приложение к нему – «Русское государство». Была создана структура, до 1917 г. выполнявшая функции правительственной информационной службы, – «Осведомительное бюро». Активно субсидировались провинциальные консервативные издания. Губернские ведомости как местные правительственные органы выполняли функцию антиреволюционной пропаганды в различной степени, в зависимости от отношения к газете губернатора, политических

взглядов ее редактора, накала революционной борьбы, наличия партийной монархической прессы. За год до революции, в начале 1916 г., правительство обратилось к редакторам с вопросом, как разумнее и лучше реорганизовать на местах губернские и областные ведомости, на что был получен ответ, схожий с ответом 1901 г. Итоговая декларация съезда представителей губернских и областных ведомостей 1916 г., как и программа издания ведомостей, выработанная «Комиссией для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г., стали архивными документами по истории провинциальной правительственной печати. Новое революционное потрясение царское правительство вновь встретило с «заржавленным арсеналом».

История газетной периодики в Сибири, как и в большинстве губерний России, началась с губернских ведомостей. Они начали издаваться здесь с 1857 г., на два десятилетия позже, чем в европейской части страны. К этому времени были накоплены солидная законодательная база и практический опыт издания губернских ведомостей. Сформировались отношение и требования государства к своей региональной газете. Начало царствования Александра II можно считать рубежной датой в истории Сибири, гораздо более важной, чем 1861 г., ввиду отсутствия крепостного населения и распространения на восточную окраину буржуазных реформ. Посредством перенесения на одну из самых удаленных от центра территорий общеимперского проекта губернских ведомостей новый император продолжил политику своего предшественника по упрочению законности и порядка в делопроизводстве, расширению информационно-правового пространства на местном уровне, содействия развитию торгово-промышленной жизни, замены письменного и внутреннего канцелярского слова власти публичным печатным.

Распространение на Сибирь «Учреждения губернских правлений» 1845 г., обязывавшего каждую губернию издавать свою газету, можно расценивать как шаг правительства по сближению сибирских губерний с российскими, предоставлению сибирской администрации уже испытанного инструмента информирования общества и управления им. Длительное «исключительное положение» Сибири в этом отношении можно объяснить как объективными (малонаселенность, недостаточное развитие экономических связей, невысокий уровень образования, малочисленность сибирской интеллигенции, ограниченность местной администрации в средствах, наконец, неважное

состояние типографского дела), так и субъективными обстоятельствами – представлениями власти о внешних окраинах страны как находящихся на особом административно-правовом положении и приближающихся к внутреннему общероссийскому пространству с некоторой задержкой (в сходной ситуации была не только Сибирь, но и южные и прибалтийские территории). К изданию неофициальной части губернских ведомостей местные власти должны были подготовиться наверняка, чтобы обеспечить ее регулярный характер и достойное содержание. Инициатива была предоставлена местным интеллектуальным силам, которые также испытывали потребность в «своей» газете.

В отличие от ведомостей Европейской России, губернские ведомости Сибири сразу оказались в условиях гласности и оживления общественной жизни, что отразилось на содержании их неофициальных частей. В Иркутске, ввиду его более высокого административного положения, ведомости стали печатным органом генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского, который задал им критическое и полемическое направление с целью контроля (в том числе и общественного) деятельности должностных лиц, соблюдения государственных экономических интересов и поддержания законности в отношении управляемого населения. «Енисейские губернские ведомости», в свою очередь, вступили в дискуссию с «Иркутскими» относительно направления и пределов печатной гласности. Крестьянское судопроизводство, сфера образования (включая высшее), образ Сибири в литературе и городское самоуправление в качестве дискуссионных тем были затронуты «Томскими» и «Тобольскими губернскими ведомостями». Во всех газетах можно найти прямые или инспирированные властью обращения к подчиненным и населению, ответы на критику столичных газет, статьи, целью которых было создание положительного образа действующего губернатора. Цензурный контроль за ведомостями со стороны губернаторов и генерал-губернаторов, с одной стороны, свидетельствовал о высоком уровне централизации управления в Сибири, с другой – в зависимости от взглядов управленцев мог способствовать более широкому содержанию неофициальной части. Так, по замечанию Сибирского комитета, «Иркутские губернские ведомости» публиковали статьи, не входящие в программу ведомостей и запрещенные циркулярами

Главного управления цензуры (только с середины 1860 г. они стали распространяться на сибирские ведомости).

Финансово и организационно губернские ведомости были связаны с губернской типографией. Издание газеты способствовало обновлению ее материально-технической базы. Обязанности полиграфического обслуживания чиновного делопроизводственного оборота и бесперебойной доставки ведомостей (часто в кредит, без своевременной оплаты), необходимость передачи части доходов в пользу Министерства внутренних дел и губернского правления, конкуренция со стороны частных газет и издательств ограничивали возможности развития казенного типографского дела и губернских ведомостей.

Губернские ведомости были регионально-сетевым изданием: все присутственные места и должностные лица были обязаны выписывать свою газету; она рассылалась и по другим губернским правлениям. Таким образом, с 1857 г. жители губернских городов Сибири могли читать не одну, а сразу четыре газеты, что способствовало расширению информационного пространства, преодолению разобщенности и поддержанию контактов между удаленными друг от друга сибирскими губерниями. Чтение как элемент городской культуры распространялось среди образованных представителей сибирского купечества, находивших в газетных публикациях свой практический интерес, грамотных обывателей, интересующихся новостями, хозяйственной информацией или советами по домоводству. До появления епархиальных ведомостей заметно участие в губернских ведомостях священнослужителей, но основным их «потребителем» был чиновник (включая учителей и врачей), читавший ведомости по месту и долгу службы. Эта же среда составляла и основной круг авторов – наиболее образованных и социально активных представителей своего слоя, черпавших материал из сферы своей деятельности.

При определении степени распространенности губернских ведомостей нельзя учитывать только их тираж и число обязательных и необязательных подписчиков – в XIX в. газета не была предметом сугубо индивидуального пользования, ее читали вслух, передавали, сохраняли отдельно и в подшивках, просматривали в общественных местах и библиотеках. Для губернских ведомостей, располагавших целевой, заранее известной аудиторией, не была актуальной проблема расширения подписки как обязательной составляющей редакторской политики. Спрос на газету и ее тираж могли расширяться по причине изменения ее содержания. Этому способствовали не столь-

ко коммерческие мотивы, сколько необходимость усиления правительственного сегмента в информационном пространстве, вызванная внутренними или внешними причинами. В связи с Японо-китайской войной 1894–1895 гг., восстанием ихэтуаней 1900–1901 гг., Русско-японской войной 1904–1905 гг. роль сибирских губерний возрастала. Эти далекие, но в то же время близкие события внешнего мира вызвали заинтересованное внимание со стороны читателей и нуждались в ответственных и взвешенных комментариях, что усиливало оперативно-информационную функцию губернских ведомостей.

Через опубликованные материалы выстраивались отношения между их авторами и читателями (как пассивными потребителями информации), а также разнообразные активные и дискуссионные коммуникационные линии: автор – автор, автор – редактор, автор – научное учреждение, автор – административное лицо (вплоть до губернатора), автор – цензор и редактор – цензор. Обмен мнениями мог происходить не только внутри губернии, но и между ними. Через ответы на критику и замечания центральных газет происходил диалог между провинцией и столицей. Основным адресатом мог быть вовсе не рядовой читатель – один экземпляр газеты доставлялся в III Отделение Е.И.В. Канцелярии. По линии административного и цензурного контроля тот или иной текст мог стать предметом внимания Главного управления Западной (или Восточной) Сибири, Главного управления цензуры (с 1865 г. – Главное управление по делам печати), Министерства внутренних дел и даже самого императора (что произошло в 1859 г. в отношении «Енисейских губернских ведомостей»). Для губернской администрации эти руководящие читатели были особенно важны – содержание ведомостей в дополнение к обязательным отчетам могло способствовать созданию благоприятного или неблагоприятного впечатления о ее деятельности.

Редакторами неофициальных частей губернских ведомостей, как правило, были чиновники, исполнявшие наряду с этими еще и другие служебные обязанности (в том числе и редактора официальной части). Уровень их образования был достаточно высоким (так, из 15 редакторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей», чей образовательный уровень был установлен, 9 имели высшее, 3 – незаконченное высшее, 2 – среднее образование и только один был без такового). Высокий содержательный уровень издания обеспечивали не только деятельные и творческие редакторы, но и целый ряд местных сотрудников и корреспондентов, обнаружив-

шихся не только во всех губернских центрах, но и в уездных городах и селах, что свидетельствовало о достаточно высоком уровне развития общественной и культурной жизни Сибири.

Источниковедческий потенциал губернских ведомостей ясно осознавался еще современными им исследователями – историками, этнографами, географами, лингвистами, архивистами и библиографами. Представляется, что реконструкция социальной, экономической, общественной и культурной жизни российской провинции, претендующая на полноту и детализацию изложения, невозможна без обращения к материалам губернских ведомостей. История губернских ведомостей была тесно связана с процессом становления правительственной статистики в сибирских губерниях. Статистические комитеты под председательством губернаторов должны были осуществлять систематическое изучение губернии в топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и других отношениях. Площадкой для организации сбора этих сведений и их публикации стали неофициальные части губернских ведомостей. Секретари губернских статистических комитетов и их корреспонденты выступали в качестве деятельных сотрудников или редакторов неофициальных частей. Таким образом, губернские ведомости вносили свой организационный и исследовательский вклад в сибирскую науку, расширение направлений ее изысканий, формирование общественного интереса к прошлому и современному состоянию Азиатской России. Губернские ведомости содействовали работе Восточно-Сибирского (основано в 1851 г.) и Западно-Сибирского (1877) отделов Русского географического общества. С появлением научных и ведомственных журналов, развитием государственных учреждений и общественных организаций, имеющих собственные печатные органы, научная и просветительная функция губернских ведомостей приобрела спорадический характер.

На страницах неофициальных частей губернских ведомостей Сибири были осуществлены первые реконструкции историко-культурного пространства региона его жителями, попытки самоидентификации провинции (определение местных нужд и интересов), опыты печатной фиксации своего прошлого и настоящего. Такая самопрезентация, конечно, носила ограниченный и избирательный характер (в зависимости от доступных источников, выходящих из общего ряда повседневности событий, личных впечатлений и убеждений автора), тем не менее она способствовала

формированию представлений о Сибири, создавала некий коллективный образ современного и прошлого «сибиряка» – русского, инородца, крестьянина, горожанина, землепроходца, казака, ссыльнопоселенца.

В России традиционно был высок авторитет пишущего и печатающегося в газетах и журналах человека, а Сибирь оставалась *terra incognita* не только для находящихся за ее пределами, но и для живущих в ней. Эта не распаханная в исследовательском смысле целина делала ценным каждое слово, каждое наблюдение, каждый документ об ее истории, природе и населении. Над сибирским автором не довели ни масштабное общероссийское прошлое (как это было в Киеве, Владимире, Рязани или Архангельске), ни уже сложившаяся исследовательская традиция с авторитетными мнениями и трудами. В научном открытии Сибири, в создании ее текстов, образов и мифологем можно было самому стать таким первооткрывателем и авторитетом (какими в изучении Сибири стали Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.А. Костров, В.И. Вербицкий, Н.А. Абрамов).

В отличие от частных провинциальных газет, официальная газета имела широкий круг обязательных подписчиков, рассылалась по всем сибирским и российским губерниям, что делало возможным рассказать о своем крае, городе, о пережитом или обнаруженном в архиве в простых и доступных автору литературных формах, в малом объеме и с большей уверенностью в публикации, чем во взыскательной и прихотливой столичной прессе. Пространные и неравнодушные рассуждения о жизни Томска учителя Д.Л. Кузнецова, мнение красноярского врача М.Ф. Кривошапкина об образе жизни кетов и критика им славянофильства, забытые в исследовательской литературе призывы об открытии сибирского университета на страницах «Иркутских» и «Тобольских губернских ведомостей» – эта самобытная и нестандартная речь сибирского *Homo Scriptor*, избравшего предметом своего внимания самые разнообразные темы, пишущего и для себя самого, и для читателя, и для потомков, представляет собой живой голос эпохи и российской провинции (в начале XX в. в газетной среде с тревогой заговорили о возможной нивелировке новостной и публицистической журналистики, в связи с развитием «литературной промышленности», авторы-профессионалы которой производили типовые статьи на злобу дня и предлагали свои услуги провинциальным редакциям).

В оценке внутрироссийских и мировых событий губернские ведомости, в целом, следовали за правительственными официальными и частными официозными изданиями, транслируя их содержание в виде заимствования и перепечаток. Обращение к событиям «большого мира», а также занимательные фельетоны, статьи на жилищно-коммунальные темы, хроника происшествий и прочая «бытовщина» снижали «идейное» звучание губернских ведомостей (на что обращали внимание областники и к чему они стремились в своих изданиях) и их роль в общественном движении, но не делали их менее интересными и значимыми для читателя. Историческое значение проведения судебной реформы и устройства городского водопровода, безусловно, различно, но не всегда этот масштаб был близок повседневным интересам обывателя.

Неофициальные части губернских ведомостей Сибири, как и во всей Российской империи, развивались асинхронно, в зависимости от личности редактора, авторского вклада, переменчивой позиции по отношению к «своей» газете местной администрации, расширения законодательных рамок ее программы. С появлением и развитием частной прессы умеренно-либерального или откровенно оппозиционного характера местные власти предпринимали шаги к усилению контроля над информационным пространством, обеспечению лояльности «домашних» печатных органов, а также осуществляли меры к обновлению содержания губернской официальной газеты для роста ее влияния и коммерческого успеха, для сообщения читающей публике точки зрения властей на местные события и ответов на критические замечания других изданий.

В период первой русской революции, до возникновения местных монархических организаций с собственными органами печати, «Иркутские» и «Томские губернские ведомости» приобрели черты партийного издания (первоначально октябристской направленности, а после Манифеста 17 октября 1905 г. – черносотенной). Происходившие в стране события освещались с помощью телеграмм, официальных сообщений, статей из крупных изданий Европейской России. Ускорение исторического времени требовало от властей контроля за информационным полем и предотвращения распространения слухов. При этом в связи с изменениями политического строя страны и формированием партийной системы монархизм частных изданий перестал совпадать с правительственным политическим курсом. Целью местной официальной газеты стали антиреволюционная пропаганда,

призыв к мирному реформаторскому решению политических и социально-экономических проблем на общегосударственном и местном уровнях в рамках традиционного религиозно-монархического мировоззрения. Внезапное, в пожарном порядке, расширение программы ведомостей мало способствовало мирному обновлению и противостоянию радикализации общественных настроений. Когда власть проявила готовность к диалогу, говорить оказалось не с кем. К газете, в том числе и местной официальной, читателя и подписчика необходимо было приучать. После революции правительственные круги отказались от идеи масштабной реорганизации сети губернских ведомостей, сосредоточившись на поддержке центральных официозных газет и местных консервативных изданий. Вновь функцию идеологического воздействия на общество губернские ведомости, изменив или сохранив свои названия, исполняли уже в новой политической ситуации – в качестве местных печатных органов Временного правительства, в составе пропагандистских аппаратов антибольшевистской и советской власти в Сибири.

CONCLUSION

Already at the time when provincial gazettes were being published, they were of interest for researchers: bibliographical reviews of their content were appearing, the gazettes were used as a source by central press, public figures and newspaper staff members discussed the main directions of their development, there were feature stories and reference books in which attempts to define the role of provincial gazettes in the system of the Russian periodical press were made. During the pre-revolutionary period, there were two mutually exclusive opinions about provincial gazettes: some researchers considered them to be full-valued, independent and original periodicals that had their own readership and their own view of how local events should be covered in the non-official part of newspaper; the other point of view was that provincial gazettes were typed, imitative and not full-valued periodicals, that were not supposed to cross the borders of the official reporting. The first point of view was shared by the staff of provincial periodicals and by metropolitan newspapers that offered to reform them. The second, more irreconcilable, view came mainly from liberal and radical democratic representatives who were opposed to autocracy. They thought that the provincial gazettes might have a social and political future only if they were ideologically controlled and run by representatives of the opposition. Such ideas were voiced in regards to Siberian provincial gazettes as well – N.M. Yadrintsev found to be important only the “accusatory” period in history of the Irkutsk Provincial Gazette and the region-focused activity of the Tomsk Provincial Gazette. The Editors of the Tomsk (E.V. Korsh, P.T. Vinogradov), Irkutsk (A.I. Vinogradov) and Tobolsk Provincial Gazettes (E.V. Kuznetsov) proved in practice that provincial gazettes were viable periodicals. Irrespective of the criticism from the privately-owned press (that acted judgmentally and patronizingly towards its competitors), provincial gazettes did not disappear; they developed and changed, remaining a regularly published periodical that was available to readers from when they were published for the first time until the

fall of the Russian Empire (and their life was much longer than that of provincial privately-owned news sheets). Their course could not be stable and consistent; sometimes materials under the same headlines had absolutely different content.

In Soviet times, the view of provincial gazettes as bureaucratic, government-owned press (not even newspapers, but “leaflets” or “bulletins”) established in the pre-revolutionary period, remained dominant and even developed. It was thought that the role of gazettes was to become a platform for the development of the “progressive” press in provinces, and after such a press had been formed, they were left by the wayside. According to the “party spirit”, the emergence of provincial gazettes was artificially connected with the gentry stage of the liberation struggle (A. Herzen’s editorial activity in *Additions (Pribavleniya)* to the *Vladimir Provincial Gazette*). The further history of provincial gazettes in the bourgeois-democratic stage was mostly touched upon as they gave miscellaneous-ranked intelligentsia a legal opportunity to carry on propaganda and educational activity. Researchers highlighted the importance of non-official parts of provincial gazettes as historical sources because these parts contained articles on history, geography, ethnography, archeology and fictional stories written by local authors. They acknowledged the role of provincial gazettes in cultural and educational life, in engaging citizens in reading, in accumulating organizational and journalistic experience by the future staff of privately-owned newspapers, which (in comparison to government-owned ones) were considered to be an “independent press” (even though the press cannot be independent by definition). Siberian provincial gazettes attracted the researcher’s attention due to the publishing activity of political exiles and provincials (*oblastniki*) who were not the main authors of the gazettes but considered to be key figures in the social development of Siberian provinces. Therefore, a kind of antagonistic relay between government-owned and private-owned newspapers took place: *Irkutsk Provincial Gazette* vs. *Amur, Tomsk Provincial Gazette* vs. *Siberian Newspaper (Sibirskaya gazeta)*, *Yenisei Provincial Gazette* vs. *Yenisei, Tobolsk Provincial Gazette* vs. *Siberian Leaflet (Sibirskiy listok)*

In the 1990s, provincial gazettes of different regions became an independent research subject as they had certain typological characteristics, original organizational and content features that distinguished them in the system of provincial periodicals. It was understood that they were a unique historical source on the social and daily life of Russian provinces.

Materials from the non-official parts of provincial gazettes were used for studying literature development processes in provinces, local authorities' information policy, development of the publishing business and the book industry. Provincial gazettes' research prospects and their potential as historical sources can be revealed through introducing new materials from central and local archives into academic use, transitioning of collections of provincial gazettes issues into digital form, creating databases of their content, developing new research approaches to newspaper text analysis, preserving the polemical character of theoretical schemes and conclusions about the regional periodical press and cooperation of researchers who study provincial gazettes of different Russian regions.

The idea of provincial gazettes appeared at the end of 1828 and was legally established in 1830. Its full implementation started in 1838. As Peter the Great's News (*Vedomosti*) and literature journals from the benevolent absolutism era, Nicolas I's provincial gazettes continued the state policy of forming government-owned and pro-governmental periodical press in Russia (some steps to create official newspaper were taken by the local authorities in Tambov, Tiflis and Irkutsk as well). But initially they were not supposed to have a specific function of ideological influence. Accurate printing and mass replicating, obligatory execution of the state laws and requirements of local authorities regulating various aspects of provincial administrative, social and economic life were already enough to affect the reader in a particular way. The mere fact that a newspaper was government-owned presupposed that everything published in it was the gospel truth.

Internal and external social and political conditions for creating a regional network of government-owned periodicals were not favorable – the Decembrists' Revolt on December 25, 1825 and the following trial of secret societies' members, the revolution of July, 1830 in France, the November Uprising in Poland in 1830, and cholera revolts of 1830–1831. By means of the Censorship statutes of 1826 and 1828, the Government was trying to control the development of Russian literature and journalism. To strengthen their own position, the authorities decided to create a number of government-owned newspapers with strictly regulated programs while censoring and administrative institutions were burdened with the responsibility to control their content; unlike privately-owned newspapers which were easy to close down, with its own periodicals that had the state emblem on them, the Government had no possibilities for reversal. Provincial gazettes took

their place among both government-owned and regional newspapers. They encouraged the overcoming of centralism and put emphasis on local topics in Russian published press. In practice, even in the first years of gazette publishing, censoring institutions had to face the fact that unwanted materials (particularly on the lives of local peasants) appeared on their pages which, together with revolutionary events in Europe, led to a stiffening of the control over the press in 1848–1855.

In accordance with the political course, Russian emperors made amendments to the legal status of provincial gazettes. The main tendency was a formal alleviation of censorship and broadening of informative functions of the non-official part that nevertheless remained under governmental and administrative control. Since 1852 the non-official part was under general censorship, which was formally canceled in 1862, but the right of preliminary revision of articles by governors and vice-governors (personally or by their confidants) to ascertain that they agreed with the newspaper's program was preserved. In 1881 preliminary censorship for gazettes was canceled but in the law itself and in additional circulars of the General Directorate of the Press, the requirement that provincial authorities were responsible for the content of gazettes was restated. In 1855 and in 1863 the program of the non-official part was broadened. Under the policy of controlled openness, the Government used that part of the newspaper to cover serfdom reform and local self-government bodies' activity (before the appearance of specific local government and duma's periodicals) and to pursue official policy through published press. The press organ of the Ministry of Internal Affairs became the governing organ for local official newspapers: from 1862 – *The Northern Post* (*Severnaya pochta*), from 1869 – the *Government Journal* (*Pravitelstvennyi vestnik*). Opposed to the Government, liberal and revolutionary forces made attempts to regain the initiative in the management of the local published press (which was mostly represented by provincial gazettes).

State censorship institutions' comments and restrictions towards state-owned newspapers meant that the non-official part of these newspapers, that was initially supposed to be only a “makeweight” to the official part, started to develop as provincial social publishing, beyond the officially approved program, sometimes *de facto*, without

any official permission and they were not restricted to copying the St. Petersburg official press.

Based on the statement that permitted the publishing of “information and materials regarding certain locality” in provincial gazettes, their right to have political and legal sections, the fact that governors could use their observation functions not only to put them into the limits of official program but also to broaden it, we can conclude that the legal framework for provincial gazettes’ publication was flexible. It can be said that the official program was a kind of bridle for government-owned periodicals, an instrument with which the censorship could limit them, but it did not build insurmountable obstacles for editors, authors and news writers who took such responsibilities according to their position, business needs or personal beliefs, and tried to make the non-official part interesting and useful for the reader. Therefore, the contents of provincial sister gazettes could greatly vary (in comparison to each other or at different stages in the life of the same newspaper) – there were official and private advertisements and notifications, statistics, regional lore essays, polemical articles and fictional vignettes. Newspaper could become prosperous or poor, successfully confront the privately-owned press or be pushed into obscurity by it. A wide range of regional periodicals dissimilar to each other in structure and content that had only a few features in common with the initial project grew from unified typical newspapers. It is rather that the state was ready to follow provincial gazettes (restricting information attention or not interfering in their development) than that provincial gazettes followed the state, constantly looking at legal or censorship limits (it was more a question of self-censorship). As a result, by the beginning of the 20th century there was a paradoxical situation: those gazettes that enforced the non-official part, created new sections (such as theatre criticism, local chronicles, correspondence, topical satire, miscellaneous etc.) merited the General Directorate of the Press’s attention and approval, their editor’s opinion was asked for as a rationale for the possible reform of the official periodicals sector. Provincial gazettes that precisely followed all the regulations and requirements and had no penalties found themselves among the outsiders.

The first attempt to alter the program of provincial gazettes was taken in 1878; it was of a backstage nature. The issue had been under discussion until 1878 and came to nothing because the political policy had been changed. The

Ministry of Internal Affairs focused on creating an All-Russian conservative organ – the Rural Journal (*Selskiy vestnik*) – and on establishing relations with the fast-growing (in provinces, too) sector of privately-owned periodicals of a conservative nature. It was more important to fight against sedition (“*kramola*”) by means of new censorship restrictions and fees, to prevent the emergence of new periodicals and to close down existing ones than to develop and enlarge the segment of government-owned periodicals that were able to explain Government's actions to citizens, polemicize with political opponents, and build a dialogue with readers.

In 1901, new social and political conditions made it possible to publicly discuss the reforming of provincial gazettes. The discussion was based on suggestions made by the representatives of provincial gazettes and on debates between privately-owned newspapers and provincial gazettes that were united in their opposition to the privately-owned press monopoly (it is necessary to mention that provincial government-owned periodicals had a stronger feeling of unity than privately-owned ones due to their similarity in origin, characteristic features, structure, facilities, and, consequently, the challenges they had to face). But suggestions to make provincial gazettes independent from the regional authorities and provincial publishing officials, to allow them to publish critical materials on government policy or the work of local authorities, and to enlarge their non-official parts' readership by attracting peasants, were not supported by the Ministry of Internal Affairs. The financial costs exceeded possible benefits; only the editors of the official press had no doubts in its effectiveness. A legal framework for provincial government-owned newspapers was not renewed and, depending on the particular conditions, they greatly varied in the quality of their content and influence on readers.

At the time of the First Russian Revolution, the Tsarist Government used various means (including government-owned press) to stabilize the situation in the country and to raise its own prestige. An ability to influence public moods and to enforce purposeful policy and counter-policy towards opposition was understood by the highest officials. The Government's unidirectional orders to periodicals were replaced by attempts to build a dialogue with them. Historically, the Russian press was dependent on the Government but its development changed the situation to the opposite. Before the Revolution, it was easy to ignore public opinion, now the Government had to fight for it. The reform of the government-owned press (1905–1906) did not touch

provincial gazettes as much as it influenced central government-owned periodicals – the Rural Journal (*Selskiy Vestnik*), the Government Journal (*Pravitelstvenniy vestnik*) and its addition Russian State (*Russkoye Gosudarstvo*). The Information Bureau (*Osvedomitelnoye Byuro*) was created and had information functions till 1917. Conservative provincial periodicals received significant foundation support. Being official Government organs, provincial gazettes carried on anti-revolutionary propaganda. The activity of this propaganda could be different, depending on the governor's attitude, on how intense the revolution rivalry was, and whether there was monarchist periodical press in a particular region. In 1916, the Government asked editors about the ways to improve provincial gazettes. The answer was similar to that which was given in 1901. The final declaration of the provincial gazette representatives' convention of 1916 as well as the gazettes' publishing program, developed by the Commission for the Revision of the Requirements Regulating Provincial Gazettes' Publishing in 1901, became archival materials on the history of provincial government-owned press. The Government was about to face new revolutionary disruption with "rusty guns".

The history of the periodical press in Siberia (as in most Russian provinces) started with provincial gazettes. They were first published in 1857, 20 years later than in the European part of the country. By that time, an extended legal framework had developed and practical experience had been accumulated. The Government had formed rules for its regional newspapers and a certain attitude to it. The beginning of Alexander II's rule is an epoch-making date in the history of Siberia. Since serfdom did not exist there and bourgeois reforms were not spread to Siberia, that date was far more important than 1861. Having brought an All-Russian project of provincial gazettes to one of the most remote parts of the country, the new Emperor continued his father's policy of establishing law and order in records keeping, broadening of the legal and information space at the local level, supporting business and commercial activity, and replacing the authorities' written and inner word with the published press.

The Statute of Provincial Government, which prescribed that every province should have its own newspaper, was enforced in Siberia in 1845. It can be considered as the Government's way to make Siberian provinces more similar to other Russian ones, and to give local authorities a well-tried instrument to inform society and to con-

trol it. The fact that for a long time Siberia was “an exception” can be explained by the interaction of objective (the sparse population, weak economic development, low level of education, paucity of the Siberian intelligentsia, lack of finances, underdevelopment of the printing business) and subjective factors – the Government considered the country’s outskirts as regions that had a specific legal status, they shared all-Russian trends but with a certain delay (not only Siberia, but also the Southern and Baltic territories were in the same situation). While forming a non-official part of the provincial gazettes, local authorities had to play it safe to make sure it was regular and of a proper quality. The initiative was given to the local intellectuals who also felt the need to have their “own” newspaper.

Unlike provincial gazettes in the European part of Russia, Siberian provincial gazettes from the very beginning existed in an atmosphere of openness and liveliness that affected their non-official parts. In Irkutsk, due to its administrative differences from other cities, gazettes became a publishing organ of the governor-general N.N. Muravyev-Amurski who made them polemical and critical in order to put a spotlight on officials’ work (by society), to fulfill the economic interests of the state and to maintain legitimacy in regard to the citizens. The Yenisei Provincial Gazette entered into controversy about the directions and extent of openness with the Irkutsk Provincial Gazette. Such topics as legal proceedings for peasants, education (including higher education) and the literary image of Siberia were discussed on the pages of the Tomsk and Tobolsk Provincial Gazettes. Direct or authorities-inspired appeals to citizens and reaction to central newspapers’ criticism, and articles aimed at forming a positive image of governors could be found in all newspapers. On the one hand, governors’ and governor-generals’ censorship control of provincial gazettes provides evidence of the high level of centralism in Siberia, on the other hand, this control (depending on what kind of views the authorities had) could encourage non-official parts to have a broader content. For example, as noticed by the Siberian Committee, the Irkutsk Provincial Gazette published materials that were not included into their official program, banned by circular letters of the Main Censorship Directorate (they were enforced in Siberia only in 1860).

Provincial gazettes were linked with the provincial typography economically and organizationally. Publishing of newspapers stimulated the renewing of needed facilities. Responsibility for maintaining bureaucratic

records keeping, an uninterrupted supply of the gazettes (often without timely payment), the necessity to transfer part of the income to the Ministry of Internal Affairs and to provincial governments, and competition with privately-owned newspapers and publishing houses impeded the development of the official printing trade and provincial gazettes.

Provincial gazettes were regional network newspapers: all public offices and officials had to subscribe to their newspaper; they were also sent out to other regions. Therefore, from 1857, the people in provincial centers had an opportunity to read four newspapers. It promoted an expansion of the information space, helped to overcome disunity and supported contacts between Siberian provinces remote from each other. Reading as a part of urban culture was spreading among educated Siberian merchants, who could find practical use in newspaper materials, literate citizens interested in the news, home economics and housekeeping. Before diocesan gazettes appeared, the clergy played a significant role in provincial gazettes, but it was civil servants (including teachers and medical doctors) who were the main participants. Civil servants read gazettes due to their duties and at their places of work. The same people (more educated and socially active, who could take themes for articles from their professional activity) were the main authors of gazettes.

In order to understand how widespread the provincial gazettes were, we should not take into consideration their circulation and amount of subscribers only – in the 19th century, newspapers were not something used individually, but were read out loud, given from one person to another, stored separately or in a file, read in libraries and in public places. Provincial gazettes had their target audience but enlarging it was not the main part of editorial policy. Demand for them and their circulation could grow because of the changes in the content of the newspaper. These changes mostly were not commercially driven, but were a result of the necessity to strengthen the official segment due to external and internal causes. The role of Siberian provinces increased in regards to the First Sino-Japanese War (1894–1895), the Boxer Rebellion (1900–1901) and the Russo-Japanese War (1904–1905). Those distant but at the same time very close events aroused the reader's interest and needed to be commented upon in a weighted and responsible manner. It put greater importance on the informational function of provincial gazettes.

Relations between authors and readers (as passive consumers of information) and various communication lines (author–author, author–editor, author–scientific institution, author–official (up to the governor), author–censor and editor–censor) were built via published materials. Exchange of opinions could go beyond the province's borders. Dialog between the provinces and the capital was carried out through answers to central newspapers' criticism and remarks. Sometimes the reader was not even the main addressee – one issue of a paper was sent out to The Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. Administrative and censorship control could get a certain article as far as the Central Directorate of Western (or Eastern) Siberia, Central Censorship Directorate (from 1865 – the Main Publishing Directorate), the Ministry of Internal Affairs or even the Emperor (as happened to the *Yenisei Provincial Gazette* in 1859). These high ranking readers were especially important for the provincial authorities because together with official reports, the content of provincial gazettes could form a favorable or unfavorable impression of them.

Most of the editors of non-official parts of provincial gazettes were officials who had some other responsibilities as well, for example, they could also edit the official part of gazettes. Usually they were well-educated (it was possible to determine the educational level of 15 editors of the *Tomsk Provincial Gazette*; 9 of them had a higher education, 3 had not finished higher education, 2 had a secondary education, and only one did not have an education). The high quality of the published materials was provided not only by active and creative editors, but by the number of local reporters and news writers from all provincial centers and many cities and villages that was evidence of the relatively high level of social and cultural life development in Siberia.

Provincial gazettes' potential as a historical source was realized by historians, ethnographers, geographers, linguists, archivists, bibliographers already at the time when they appeared. It is believed that it is impossible to create a full and detailed reconstruction of social, economic, public and cultural life in Russian provinces without using materials published in provincial gazettes. The history of provincial gazettes is closely connected to the process of establishing official statistics. The statistical committees, presided over by the governors, were supposed to conduct a systematical study of a province from topographical, historical, industrial, trading and agricultural perspectives. The non-official parts of provincial gazettes became a platform for the organization of gathering those data. Statistical committees' secretaries and reporters took an active part in the

forming and editing of non-official parts. Thus, provincial gazettes made their organizational and scientific contribution to Siberian science, the creation of new research directions, and forming of social interest in the past and the present of the Asian part of Russia. Provincial gazettes contributed to the work of Eastern Siberia (1851) and Western Siberia (1877) departments of the Russian Geographical Society. The appearing of scientific and institutional journals, development of state bodies and civic organizations that had their own publishing organs, and the scientific and educational activity of the provincial gazettes became sporadic.

The first reconstructions of the historical and cultural image of the region made by Siberians, attempts at provincial self-identification (the voicing of local needs and interests) and of published fixation of their own past and present appeared on the pages of the non-official parts of provincial gazettes. This self-presentation was limited and selective (depending on the accessible sources, outstanding events, authors' personal experience and beliefs) but it helped to form a general impression of Siberia and created a collective image of a "Siberian" – a Russian, a foreigner, a pathfinder, a Cossack, a deportee.

Traditionally, a person who writes and is published was highly respected in Russia, and Siberia seemed to be a *terra incognita* both for those who lived outside of it and for those who lived there. The fact that this field was untouched by researchers made every word, every observation, and every document about its history, nature and people very valuable. Siberian authors were free from the pressure of an All-Russian remarkable past (as in Kiev, Vladimir, Ryazan, Arkhangelsk) and of a well-formed research tradition with weighty opinions and treatises. Studying Siberia, creating its texts, images and myths, it was possible to become such a pathfinder and authority (as G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, N.A. Kostrov, V.I. Verbitsky, N.A. Abramov did).

Unlike the provincial privately-owned press, subscribing to official papers was obligatory for many people and the papers were sent out to all Siberian and Russian provinces, which made it possible for Siberian authors to tell about their cities, region, experiences and what they discovered in archives. And it all could be done in simple literature forms, in smaller size and with higher chances to be published than in the sophisticated and capricious central press. Lengthy and passionate essays on Tomsk life by D.L. Kuznetsov, a teacher, an opinion on the lifestyle of Kets by M.F. Krivoschapkin, a doctor from Krasnoyarsk, and his criticism of Slavophilism, published in the Irkutsk and Tobolsk Provincial Ga-

zettes, and forgotten in the research literature appeals to open a university in Siberia were original, and the creative speech of Siberian Homo Scriptor, who was interested in various themes and was writing for himself, for readers and for future generations. It was a live voice of the epoch and of the Russian province, which was particularly important at the beginning of the 20th century when there were worried voices talking about the possible leveling of news reporting and journalistic writing due to development of the "literature industry" where professional authors wrote typical, topical articles and offered their services to provincial editorial offices).

In evaluating Russian and world events, provincial gazettes mostly followed the official governmental and para-governmental privately-owned newspapers, translating their opinions through reprinting. Coverage of world events, interesting topical satire, articles on housekeeping and home economics, reports of incidents and other "domestic topics" made provincial gazettes sound less "ideological" (as noticed by provincials (*oblastniki*) and it was what they were straining after in their publications) and decreased their role in social movements, but did not make them less interesting and important for readers. The historic importance of judicial reform and city plumbing is, of course, different, but sometimes major events were far from the everyday interests of ordinary readers.

Likewise in other Russian regions, the non-official parts of provincial gazettes in Siberia were developing asynchronously, depending on the editor's personality, authors' input, the local authorities' changing attitude to "their own" newspapers, and the broadening of the legal framework of their program. After the liberal and oppositional privately-owned press had appeared, local authorities tried to increase their control over the information space, to ensure the allegiance of "domestic" publishing organs, and refreshed the content of provincial official newspapers to increase their influence and commercial success, to announce official views of local events and to counter other newspapers' criticism.

During the First Russian Revolution, before local monarchist organizations with their own publishing organs appeared, the Irkutsk and Tomsk Provincial Gazettes had had features of a party newspaper (at first of Octobrist orientation, then, after the October Manifesto had been issued, of black-hundredist orientation). Russian events were covered in telegrams, official reports, and reprinted articles from European Russia major newspapers. Acceleration of the history pace demanded more government control over media space and prevention of rumors. However, with changes in policy, party system formation, monarchism of privately-owned press was no longer in har-

mony with official political line. Anti-revolutionary propaganda, appeals to find peaceful solutions for political, social and economic problems at the national and local levels within a framework of traditional religious and monarchical consciousness became a leitmotif of local official newspapers. The sudden and immediate expansion of the gazettes' program did not help with peaceful renewal and opposition to radicalization of public mood. When the Government showed that it was ready for a dialog there was no one who wanted to listen to it. A reader needed to get accustomed to a newspaper (and local newspapers were no exception). After the Revolution, the Government gave up the idea of major re-organization of provincial gazettes and concentrated on supporting central official newspapers and a local conservative press. Provincial gazettes (with new or the same titles) regained their ability to ideologically influence society in the new, post-revolutionary, political situation – as local publishing organs of the Russian Provisional Government, as a part of the propaganda machinery of the anti-Bolshevik and Soviet government in Siberia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Губернские ведомости в отечественной историографии перио-	
дической печати	10
1.1. Дореволюционный период	10
1.2. Советский и постсоветский период	41
Глава 2. Правовое положение официальной губернской прессы в сис-	
теме периодической печати Российской империи.....	106
2.1. Предыстория, основные положения и реализация проекта региональной	
правительственной печати в 1830–1854 гг.	106
2.2. Изменения в программе и содержании губернских ведомостей	
в 1855–1881 гг.	128
2.3. Проекты реформы правительственной печати в 1901–1916 гг.	149
Глава 3. Формирование и основные направления развития сибирских	
губернских ведомостей в 60–90-е гг. XIX века	178
3.1. Начало выхода губернских ведомостей в Сибири (1857) и	
материально-техническая база их издания	178
3.2. «Томские губернские ведомости»	216
3.3. «Тобольские губернские ведомости»	362
3.4. «Иркутские губернские ведомости»	399
3.5. «Енисейские губернские ведомости»	491
Глава 4. Губернские ведомости Сибири в условиях социально-	
политических трансформаций начала XX в.	511
4.1. Издание «Иркутских» (1900–1908) и «Енисейских губернских ведомо-	
стей» (1900–1902) по расширенной программе	511
4.2. Изменение информационных функций «Томских губернских ведомо-	
стей» (1905–1911)	538
4.3. Сибирские губернские ведомости в 1917–1919 гг.	564
Заключение	592

CONTENT

Preface	7
Chapter 1 Provincial gazettes in Russian historiography of the periodical press	10
1.1 Pre-revolutionary period	10
1.2 Soviet and Post-Soviet period.....	41
Chapter 2 The legal status of provincial government-owned press in the periodical press system in the Russian Empire.....	106
2.1 Background, framework and implementation of the project of government-owned regional press in 1830–1854	106
2.2 Changes in the program and content of provincial gazettes in 1855–1881	128
2.3 Projects of the government-owned provincial press reform in 1901–1916.....	149
Chapter 3 Emergence and main development directions of Siberian provincial gazettes in the 1860s-1890s.....	178
3.1 The beginning of provincial gazette publishing in Siberia (1857), their finances and technical facilities	178
3.2 Tomsk Provincial Gazette.....	216
3.3 Tobolsk Provincial Gazette.....	362
3.4 Irkutsk Provincial Gazette.....	399
3.5 Yenisei Provincial Gazette.....	491
Chapter 4 Provincial gazettes in Siberia under conditions of social and political transformations at the beginning of the 20th century	511
4.1 The expanded program of Irkutsk Provincial Gazette (1900–1908) and Yenisei Provincial Gazette (1900–1902) publishing.....	511
4.2 Changes in the information function of Tomsk Provincial Gazette (1905–1911).....	538
4.3 Siberian provincial gazettes in 1917–1919.....	564
Conclusion.....	607

Научное издание

Вячеслав Вениаминович ШЕВЦОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ
ПЕЧАТЬ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВЕКА)

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 21.04.2016.

Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 38,75; усл. печ. л. 36,04; уч.-изд. л. 38,25. Тираж 500. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1

Настоящим изданием открывается серия монографий, подготовленных в рамках созданного в 2015 году научного центра Национального исследовательского Томского государственного университета «Наука в Сибири о Сибири» – «Транссибирский Научный Путь».

Одно из направлений деятельности коллектива ученых – историческое прошлое и современное положение Сибири, в контексте отношений центра и региона, его социально-экономического и социально-культурного развития, роли во внешнеполитических и трансграничных отношениях России со странами Востока и Запада.

This book opens a series of monographs written as a part of studies conducted by scientific center of National Research Tomsk State University “Science in Siberia about Siberia – Transsiberian Scientific Way” (TSSW), created in 2015.

One of the research directions is related to history and current situation in Siberia in the context of the relations between the center and the region, its socioeconomic and sociocultural development, its role in international and cross-border relations between Russia and Western and Eastern countries.